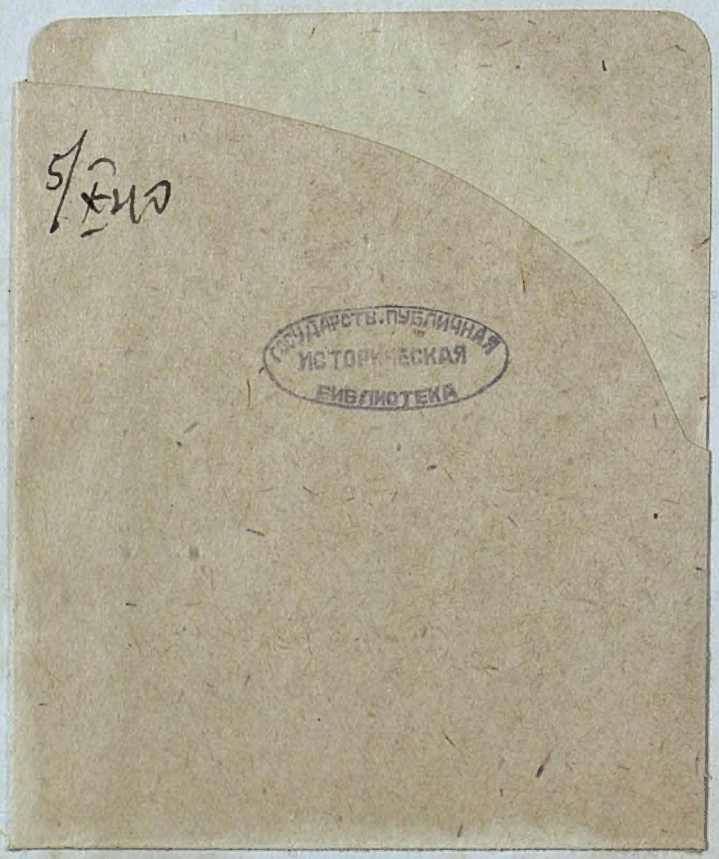
ЛЕ
М 43
т 20 г 1

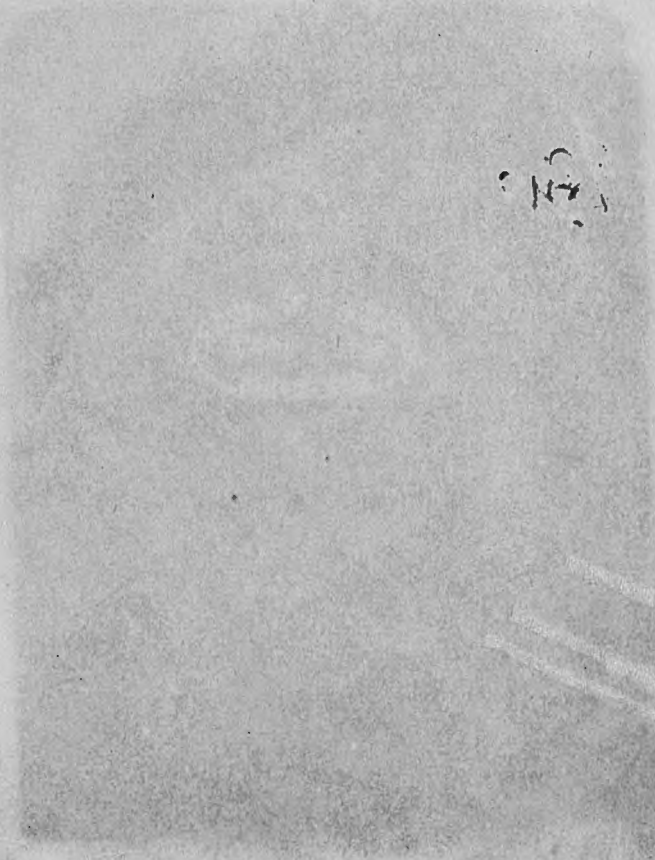
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ 1878–1917

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1931


ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

QP



КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1 9 3 9

RELATIONS INTERNATIONALES

DE L'ÉPOQUE DE L'IMPÉRIALISME

DOCUMENTS DES ARCHIVES
DES GOUVERNEMENTS
IMPÉRIAL ET PROVISOIRE
1878-1917

2-E SÉRIE
1900-1913

1939

ЛЕ
М43

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ 1878-1917

СЕРИЯ ВТОРАЯ
1900-1913

Т. 20, т. 1

1939

5 экз

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. П. БОЛЬШЕМЕННИКОВ
А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ
А. А. МОГИЛЕВИЧ
Ф. А. РОТШТЕЙН

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
581830 V

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

ЧАСТЬ I

14 МАЯ – 13 АВГУСТА 1912 г.

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ

Л. А. ТЕЛЕШЕВА

ПРИ УЧАСТИИ

Э. С. АЛЬТШУЛЕР

И

Е. М. ГЛЯЗЕР

9(47)
М 43 Доб. 327

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

Помимо общепринятых, в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Военное министерство — воен. м-во.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Памятная записка — пам. записка.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Телеграмма — тел.
Действительный статский советник — д. с. с.
Действительный тайный советник — д. т. с.
Тайный советник — т. с.

Die Grosse Politik der Europäichen Kabinette 1871—1914, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin, — Gr. Pol.

Documents Diplomatiques Français (1871—1914), Commission de Publication des Documents Relatifs aux Origines de la Guerre de 1914, Paris, — Doc. Dipl.

«Красный Архив», изд. Центрархива — Кр. Арх.

Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 г. — М.

Siebert, B. — Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, Verlag von Walter de Gruyter u. Co, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert.

Stieve, Friedrich. — Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis. — Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin 1925 — Stieve.

Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes, 1910—1914, Librairie du Travail, Paris 1923 — L. N.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. серия III, т. I, стр. XXV—XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

ТОМ XX

(14/1 мая 1912 г. — 17/4 октября 1912 г.)

Часть первая.

(14/1 мая 1912 г. — 13 августа/31 июля 1912 г.)

№№ п/п	*Дата*	*Обозначение документов*	*Отправитель и адресат*	*Шифр*	*Стр.*
1	14/1.V	Тел. № 49	Неклюдов — Савонову	С. А. 302а	1
2	14/1.V	Тел. № 39	Лысаковский — Савонову	К. 14	2
3	14/1.V	Рапорт № 837	Потапов — Жилинскому	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10467	2
4	14/1.V	Тел. № 438	В. Крупенский — Савонову	К. 105	3
5	14/1.V	Депеша № 32	В. Крупенский — Савонову	К. ст. 136	4
6	15/2.V	Тел. № 893	Савонов — Поклевскому	П. ст. 209б	5
7	15/2.V	Тел. № 895	Савонов — Извольскому	С. А. 301	6
8	15/2.V	Депеша № 22	Арсеньев — Савонову	П. А. 1598	6
9	15/2.V	Тел.	Верстрат — Савонову	К. ст. 897	8
10	16/3.V	Письмо № 631	Нератов — Коковцову	П. ст. 542б	9
11	16/3.V	Письмо № 643	Савонов — Коковцову	П. ст. 387б	9
12	16/3.V	Тел. № 57	Гартвиг — Савонову	К. 130	10
13	16/3.V	Тел. № 444	В. Крупенский — Савонову	К. 105	11
14	16/3.V	Тел.	Верстрат — Савонову	К. ст. 897	11
15	17/4.V	Меморандум	Англ. м-во ин. дел. — росс. послу в Лондоне	П. А. 2595	12
16	17/4.V	Тел. № 71	Извольский — Савонову	К. 101	13
17	17/4.V	Тел. № 73	Извольский — Савонову	К. 101	14
18	17/4.V	Письмо	Извольский — Савонову	С. А. 761	14
19	17/4.V	Рапорт № 838	Потапов — Данилову	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10467	16
20	17/4—16/3.V	Письмо № 466	Коковцов — Савонову	К. ст. 904	16
21	18/5.V	Тел. № 913	Савонов — Бенкендорфу и Извольскому	К. ст. 897	17
22	18/5.V	Письмо	Бенкендорф — Савонову	К. 78	18
23	18/5.V	Тел. № 61	Поггенполь — Савонову	К. 104	20
24	18/5.V	Тел. № 58	Гартвиг — Савонову	К. 17	21
25	19/6.V	Тел. № 914	Савонов — Извольскому	С. А. 301	21
26	19/6.V	Тел. № 919	Савонов — В. Крупенскому	К. ст. 646	21
27	19/6.V	Тел. № 420	Поклевский — Савонову	К. 119	22
28	19/6.V	Тел. № 451	В. Крупенский — Савонову	К. 105	22
29	19/6.V	Письмо № 483	Коковцов — Савонову	К. ст. 897	23
30	20/7.V	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 897	24
31	20/7.V	Тел. № 923	Савонов — Н. Гирсу	К. 195	25
32	20/7.V	Тел. № 927	Савонов — Извольскому	К. ст. 897	25
33	20/7.V	Тел. № 928	Савонов — Бенкендорфу и Извольскому	П. А. 3191	26
34	20/7.V	Тел. № 195	О'Берн — Грею	К. 45	26
35	20/7.V	Тел. № 77	Извольский — Савонову	С. А. 301б	27
36	20/7.V	Выписка из частного письма Поггенполя		С. А. 307	28
37	20/7.V	Тел.	Савинский — Савонову	К. 118	29
38	20/7.V	Депеша № 25	Лысаковский — Савонову	П. А. 695	30
39	21/8.V	Письмо	Бенкендорф — Савонову	К. 78	30
40	21/8.V	Тел. № 78	Извольский — Савонову	К. 101	32
41	21/8.V	Депеша № 15	Поггенполь — Савонову	К. 103	33
42	21/8.V	Письмо	Поггенполь — Савонову	К. 104	34
43	21/8.V	Письмо	Поггенполь — Савонову	К. 104	35
44	21/8.V	Письмо	Поггенполь — Савонову	К. 104	36

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
45	21/8.V	Тел. № 36	Н. Гирс — Сазонову	К. 125	37
46	21/8.V	Письмо	Свербеев — Сазонову	П. А. 330	38
47	21/8.V	Депеша № 25	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	39
48	21/8.V	Депеша № 26	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	39
49	21/8.V	Депеша № 27	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	41
50	21/8.V	Рапорт № 72	Хольмсен — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10332	42
51	22/9.V	Тел. № 941	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 441б	42
52	22/9.V	Тел. № 944	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 2595	42
53	22/9.V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 752	43
54	22/9.V	Рапорт № 75	Голеевский — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 3182	47
55	22/9.V	Рапорт № 76	Голеевский — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 3032	49
56	22/9.V	Донесение № 126	Рейн — в морской ген. штаб.	ЛОЦИА, ф. 418, № 9781	49
57	22/9.V	Тел. № 82	Извольский — Сазонову	К. 101	51
58	22/9.V	Тел. № 38	Н. Гирс — Сазонову	К. 195	51
59	22/9.V	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 195	52
60	22/9.V	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	53
61	22/9.V	Письмо	Савинский — Сазонову	К. 118	54
62	22/9.V	Тел. № 133	Чирков — Сазонову	П. ст. 1206	55
63	23/10.V	Особый журнал совета м-ров		П. А. 3647	55
		Приложение: Карта малоазиатских ж. д.		П. А. 3647	
64	23/10.V	Письмо № 299	Сазонов — Неклюдову	П. А. 2301	60
65	23/10.V	Депеша № 34	Извольский — Сазонову	К. 99	62
66	23/10.V	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	63
67	23/10.V	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 301	64
68	23/10.V	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	66
69	23/10.V	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 761	67
70	23/10.V	Тел. № 64	Поггенполь — Сазонову	К. 104	68
71	23/10.V	Рапорт № 109	Занкевич — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10323	69
72	23/10.V	Письмо № 501	Коковцов — Сазонову	К. ст. 897	70
73	24/11.V	Тел. № 967	Сазонов — В. Крупенскому	К. ст. 897	70
74	24/11.V	Тел. № 66	Поггенполь — Сазонову	К. 104	71
75	24/11.V	Депеша № 23	Шебеко — Сазонову	К. 18	71
76	24/11.V	Депеша № 25	Шебеко — Сазонову	К. 18	73
77	24/11.V	Депеша № 27	Шебеко — Сазонову	К. 18	74
78	24/11.V	Тел. № 92	Малевский — Сазонову	К. 120	75
79	24/11.V	Письмо № 507	Коковцов — Сазонову	К. ст. 897	76
80	25/12.V	Тел. № 974	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 1206	77
81	25/12.V	Тел. № 982	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 387б	77
82	25/12.V	Тел. № 983	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 897	78
83	25/12.V	Тел. № 360	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	78
84	25/12.V	Тел. № 449	Поклевский — Сазонову	К. 119	79
85	26/13.V	Тел. № 452	Поклевский — Сазонову	К. 119	80
86	27/14.V	Вербальная нота	Япон. посол в Петербурге — м-ру ин. дел	Яп. ст. 211	80
87	27/14.V	Тел. № 988	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 677	81
88	27/14.V	Тел. № 994	Сазонов — Извольскому	К. ст. 897	81
89	27/14.V	Тел. № 996	Сазонов — Поггенполю	П. А. 3191	82
90	27/14.V	Тел. № 997	Сазонов — Поггенполю	П. А. 3191	82
91	27/14.V	Тел. № 998	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 3191	83
92	27/14.V	Тел. № 67	Поггенполь — Сазонову	К. 104	83
93	28/15.V	Тел. № 71	Поггенполь — Сазонову	К. 104	83
94	29/16.V	Тел. № 1012	Сазонов — М. Гирсу	П. ст. 4146	84
95	29/16.V	Тел. № 1013	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 3191	84
96	29/16.V	Письмо № 494	Сазонов — Коковцову	К. ст. 760	84
97	29/16.V	Тел. № 142	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	85
98	29/16.V	Тел. № 88	Извольский — Сазонову	К. 101	86
99	29/16.V	Тел. № 72	Поггенполь — Сазонову	К. 104	87
100	29/16.V	Депеша № 15	Неклюдов — Сазонову	С. А. 302а	87
101	29/16.V	Тел.	Поклевский — Сазонову	К. 119	89

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
229	25/12.VI	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 79	221
230	25/12.VI	Депеша № 21	Урусов — Сазонову	П. А. 330	223
231	26/13.VI	Письмо № 590	Сазонов — Извольскому	К. ст. 878	224
232	26/13.VI	Письмо № 591	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 878	226
233	26/13.VI	Тел. № 421	М. Гирс — Сазонову	К. 32	227
234	27/14.VI	Тел. № 1205	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 1206	227
235	27/14.VI	Тел. № 1206	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 3191	228
236	27/14.VI	Письмо № 405	Сазонов — Извольскому	П. А. 3647	228
237	27/14.VI	Письмо № 787	Сазонов — Коковцову	ЦВИА, ф. 2000, II, № 2708	230
238	27/14.VI	Тел. № 183	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	230
239	27/14.VI	Депеша № 50	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 919	231
240	28/15.VI	Письмо	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 919	232
241	29/16.VI	Письмо	Мотоно — Сазонову	Яп. ст. 211	234
242	29/16.VI	Тел. № 1218	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 553	235
243	29/16.VI	Тел. № 330	Жорж Луи — Пуанкаре	К. 51	235
244	29/16.VI	Тел. № 436	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	236
245	29/16.VI	Тел. № 53	Бахметев — Сазонову	К. 126	237
246	29/16.VI	Докл. записка	Сухомлинов — Николаю II	ЦВИА, ф. 2000, II, № 3376	238
		Приложение: Записка: «Новая организация германской армии в мирное время»		ЦВИА, ф. 2000, II, № 3376	238
247	30/17.VI	Тел. № 522	Поклевский — Сазонову	К. 119	239
248	1.VII/18.VI	Пам. записка	М-во ин. дел — франц. и англ. пос-вам в Петербурге	Яп. ст. 211	240
249	1.VII/18.VI	Тел. № 1224	Сазонов — В. Крупенскому	К. ст. 856	241
250	1.VII/18.VI	Депеша № 16	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1044	242
		Приложение: Записка турец. м-ва ин. дел о малоазиатских ж. д.		П. А. 1044	244
251	1.VII/18.VI	Тел. № 527	Поклевский — Сазонову	К. 119	245
252	2.VII/19.VI	Тел. № 1227	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 3647	245
253	2.VII/19.VI	Тел. № 1229	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 3246	246
254	2.VII/19.VI	Тел. № 1234	Сазонов — В. Крупенскому	К. ст. 878	247
255	2.VII/19.VI	Тел. № 1235	Сазонов — Извольскому	К. 101	247
256	2.VII/19.VI	Депеша № 18	А. Крупенский — Сазонову	К. 103	248
257	2.VII/19.VI	Депеша № 19	А. Крупенский—Сазонову	К. 103	248
258	2.VII/19.VI	Письмо	А. Крупенский—Сазонову	С. А. 838	249
259	3.VII/20.VI	Тел. № 1237	Сазонов — М. Гирсу	П. ст. 1206	251
260	3.VII/20.VI	Письмо № 795	Сазонов — Коковцову	П. ст. 2203	252
261	3.VII/20.VI	Справка по вопросу о Трансперсидской ж. д.		П. ст. 4366	252
262	3.VII/20.VI	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	253
263	4.VII/21.VI	Тел. № 1243	Клемм — Поклевскому	П. ст. 4558	254
264	4.VII/21.VI	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 3647	255
265	4.VII/21.VI	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	257
266	4.VII/21.VI	Рапорт № 155	Занкевич — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10323	259
267	4.VII/21.VI	Тел. № 66	Неклюдов — Сазонову	П. А. 1350	260
268	4.VII/21.VI	Тел. № 568	В. Крупенский—Сазонову	К. 105	260
269	5.VII/22.VI	Пам. записка	Франц. м-во ин. дел — росс. послу в Париже	К. ст. 878	262
270	5.VII/22.VI	Тел. № 537	Поклевский — Сазонову	К. 119	263
271	5.VII/22.VI	Тел. № 350	Преображенский — Сазонову	П. ст. 553	264
272	6.VII/23.VI	Депеша № 19	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1044	264
273	7.VII/24.VI	Тел. № 1260	Сазонов — Извольскому	К. 101	266
274	7.VII/24.VI	Тел. № 1262	Сазонов — Фредериксу	К. 185	266
275	7.VII/24.VI	Тел. № 78	Гартвиг — Сазонову	К. 130	267
276	8.VII/25.VI	Соглашение между Россией и Японией		С. А. 300	267

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
277	8.VII/25.VI	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	С. А. 774	269
		Приложение: Отчет Сазонова о свидании в Балтийском Порте.		С. А. 774	269
278	8.VII/25.VI	Тел. № 1265	Сазонов — Неклюдову	П. А. 3693	271
279	8.VII/25.VI	Депеша № 20	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1044	272
280	8.VII/25.VI	Тел. № 580	В. Крупенский—Сазонову	К. 105	273
281	8.VII/25.VI	Депеша № 56	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 919	274
282	10.VII/27.VI	Письмо	О'Берн — Нератову	П. ст. 4464	276
283	10.VII/27.VI	Тел. № 68	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	277
284	11.VII/28.VI	Сообщение	Япон. пос-во в Петербурге—м-ву ин. дел	Яп. ст. 211	278
285	11.VII/28.VI	Тел. № 186	Бенкендорф — Нератову	К. 80	278
286	12.VII/29.VI	Тел. № 1302	Нератов — Извольскому	К. 101	279
287	12.VII/29.VI	Письмо	М. Гирс — Нератову	П. А. 3192	279
288	13.VII/30.VI	Протокол совещания начальников росс. и франц. генеральных штабов		С. А. 380а	281
289	13.VII/30.VI	Тел. № 1308	Нератов — Бенкендорфу	С. А. 931	289
290	13.VII/30.VI	Депеша № 9	Лермонтов — Нератову	К. 81	289
291	13.VII/30.VI	Тел. № 81	Обнорский — Нератову	К. 21	290
292	14/1.VII	Тел. № 1313	Нератов — Бенкендорфу	П. ст. 1207	291
293	14/1.VII	Тел. № 62	Бахметев — Нератову	К. 126	291
294	15/2.VII	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге—м-ву ин. дел	Яп. ст. 211	292
295	15/2.VII	Тел. № 1315	Нератов — Извольскому	К. 101	292
296	15/2.VII	Письмо № 845	Нератов — Коковцову	П. ст. 4558	293
297	15/2.VII	Письмо	Броневский — Нератову	К. 18	295
298	15/2.VII	Депеша № 22	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	296
299	16/3.VII	Проект франко-русской морской конвенции		С. А. 380а	297
300	16/3.VII	Соглашение об обмене сведениями между росс. и франц. флотами		ЛОЦИА, ф. 418, № 4239	298
301	16/3.VII	Обмен стратегическими взглядами между начальниками росс. и франц. морских ген. штабов		ЛОЦИА, ф. 418, № 4239	298
		Приложение: Заметка Коковцова от 10.VIII/28.VII		С. А. 380а	302
302	16/3.VII	Письмо	Клемм — Хомякову	П. ст. 436б	302
303	16/3.VII	Письмо	Бенкендорф — Нератову	К. 79	304
304	16/3.VII	Письмо	Бенкендорф — Нератову	К. 79	305
305	16/3.VII	Депеша № 22	А. Крупенский—Нератову	К. 103	308
306	16/3.VII	Депеша № 23	А. Крупенский—Нератову	К. 103	310
307	16/3.VII	Депеша № 25	А. Крупенский—Нератову	К. 103	311
308	16/3.VII	Депеша № 41	Гартвиг — Нератову	П. А. 528	313
309	16/3.VII	Депеша № 42	Гартвиг — Нератову	П. А. 528	314
310	16/3.VII	Депеша № 43	Гартвиг — Нератову	П. А. 528	315
311	16/3.VII	Тел. № 189	М. Гирс — Нератову	К-поль 3628	317
312	16/3.VII	Депеша № 55	В. Крупенский—Нератову	К. ст. 136	319
313	17/4.VII	Меморандум	Пос-во США в Петербурге — Нератову	К. ст. 864	320
314	17/4.VII	Тел. № 1323	Нератов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 101	321
315	17/4.VII	Тел. № 1325	Нератов — Поклевскому	П. ст. 4498	321
316	17/4.VII	Тел. № 191	Бенкендорф — Нератову	К. 80	322
317	17/4.VII	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 752	322
318	17/4.VII	Письмо	Н. Гирс — Нератову	К. 124	324
319	17/4.VII	Депеша № 36	Лысаковский — Нератову	П. А. 695	325
320	17/4.VII	Депеша № 37	Лысаковский — Нератову	П. А. 695	326
321	18/5.VII	Письмо № 656	Нератов — Коковцову	К. ст. 878	327

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
322	18/5.VII	Депеша № 49	Извольский — Нератову	К. 99	328
323	18/5.VII	Письмо	Извольский — Нератову	К. 100	329
324	18/5.VII	Письмо	Извольский — Нератову	К. 201	331
325	18/5.VII	Письмо	Извольский — Нератову	С. А. 761	332
326	18/5.VII	Письмо	Извольский — Нератову	К. 100	333
327	18/5.VII	Письмо	Извольский — Нератову	К. 100	334
328	18/5.VII	Тел. № 85	Обнорский — Нератову	К. 21	335
329	18/5.VII	Депеша № 33	Поклевский — Нератову	П. ст. 56	335
330	19/6.VII	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ву ин. дел	П. ст. 4558	337
331	19/6.VII	Тел. № 1347	Нератов — В. Крупенскому	К. ст. 878	339
332	19/6.VII	Тел. № 1349	Нератов — М. Гирсу	П. ст. 1207	339
333	19/6.VII	Письмо	Извольский — Нератову	П. А. 3647	340
334	19/6.VII	Тел. № 80	А. Крупенский—Нератову	К. 104	341
335	19/6.VII	Депеша № 35	Броневский — Сазонову	К. 184	341
336	19/6.VII	Тел. № 486	М. Гирс — Нератову	П. А. 3192	342
337	19/6.VII	Тел. № 488	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	343
338	19/6.VII	Тел. № 64	Бахметев — Нератову	К. 126	343
339	20/7.VII	Депеша № 2	Свечин — Нератову	К. 68	344
340	20/7.VII	Тел. № 89	Обнорский — Нератову	К. 21	345
341	20/7.VII	Тел. № 496	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	345
342	20/7.VII	Депеша № 23	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	346
343	20/7.VII	Депеша № 24	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	347
344	21/8.VII	Тел. № 1359	Нератов — Извольскому и Бенкендорфу	К. ст. 878	347
345	21/8.VII	Тел. № 89	Гартвиг — Нератову	К. 17	348
346	22/9.VII	Тел. № 1368	Нератов — Поклевскому	П. ст. 4558	348
347	22/9.VII	Тел. № 1371	Нератов — Извольскому	П. А. 3693	349
348	22/9.VII	Письмо № 667—670	Нератов—Бенкендорфу, Извольскому, Н. Гирсу и Броневскому	К. ст. 878	349
349	22/9.VII	Тел. № 504	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	350
350	22/9.VII	Депеша № 26	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	351
351	23/10.VII	Тел. № 1376	Нератов — А. Крупенскому	П. А. 3693	352
352	23/10.VII	Тел. № 1378	Нератов — Гартвигу, Неклюдову и Урусову	П. А. 3693	352
353	23/10.VII	Депеша № 27	Набоков — Нератову	П. ст. 436б	352
354	23/10.VII	Тел. № 577	Поклевский — Нератову	К. 119	355
355	23/10.VII	Депеша № 58	В. Крупенский—Нератову	К. ст. 136	356
356	24/11.VII	Донесение № 226	Петряев — М. Гирсу	К-поль 3628	358
357	25/12.VII	Тел. № 1395	Нератов — Поклевскому	П. ст. 553	360
358	25/12.VII	Тел. № 132	Извольский — Нератову	К. 101	360
359	25/12.VII	Письмо	Неклюдов — Сазонову	П. А. 1349	361
360	25/12.VII	Тел. № 94	Штрандтман — Нератову	К. 17	364
361	25/12.VII	Тел. № 580	Поклевский — Нератову	К. 164	365
362	25/12.VII	Тел. № 643	В. Крупенский—Нератову	К. 105	365
363	26/13.VII	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ву ин. дел	П. ст. 4558	366
364	26/13.VII	Письмо	Неклюдов — Сазонову	П. А. 1349	367
365	26/13.VII	Письмо	Неклюдов — Сазонову	П. А. 1349	368
366	26/13.VII	Письмо	Неклюдов — Сазонову	С. А. 838	371
367	26/13.VII	Тел. № 95	Штрандтман — Нератову	К. 17	373
368	26/13.VII	Тел. № 511	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	373
369	26/13.VII	Письмо № 734	Коковцов — Нератову	К. ст. 878	374
370	27/14.VII	Пам. записка № 883	М-во ин. дел—англ. послу в Петербурге	П. ст. 1207	375
371	27/14.VII	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	К. ст. 3175	376
372	27/14.VII	Тел. № 1416	Нератов — Извольскому	П. А. 3693	377
373	27/14.VII	Письмо	Сазонов — Извольскому	С. А. 380а	377
374	27/14.VII	Донесение № 254	Калмыков — в первый департамент м-ва ин. дел	П. А. 1483	378
375	28/15.VII	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ву ин. дел	К. ст. 878	379
376	28/15.VII	Тел. № 1417	Нератов — Штрандтману	П. А. 3693	380
377	28/15.VII	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 752	380
378	28/15.VII	Депеша № 45	Штрандтман — Нератову	П. А. 528	383
379	28/15.VII	Письмо	Штрандтман — Нератову	П. А. 528	384
380	28/15.VII	Депеша № 28	Обнорский — Нератову	П. А. 1598	385
381	29/16.VII	Рапорт № 119	Артамонов — Данилову	ЦВИА, ф. 2000, II, № 9878	386

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
382	29/16.VII	Тел. № 519	М. Гирс — Нератову	П. А. 3192	389
383	29/16.VII	Депеша № 29	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	390
384	29/16.VII	Депеша № 30	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	391
385	29/16.VII	Письмо	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	392
386	29/16.VII	Тел. № 594	Поклевский — Нератову	К. 119	393
387	29/16.VII	Тел. № 662	В. Крупенский—Нератову	К. 105	394
388	30/17.VII	Пам. записка № 701	М-во ин. дел. — кит. посланнику в Петербурге	К. ст. 878	395
389	30/17.VII	Тел. № 1437	Клемм — Поклевскому	П. ст. 96	396
390	30/17.VII	Тел. № 1438	Нератов — Поклевскому	П. ст. 3086	396
391	30/17.VII	Тел. № 135	Извольский — Нератову	К. 101	397
392	30/17.VII	Депеша № 26	А. Крупенский—Нератову	К. 103	397
393	30/17.VII	Письмо	А. Крупенский—Нератову	К. 104	398
394	30/17.VII	Депеша № 47	Штрандтман — Нератову	П. А. 528	399
395	30/17.VII	Депеша № 48	Штрандтман — Нератову	П. А. 528	400
396	31/18.VII	Тел. № 1442	Нератов — Поклевскому	П. ст. 4558	401
397	1.VIII/19.VII	Депеша № 25	Урусов — Нератову	П. А. 330	402
398	1.VIII/19.VII	Тел. № 608	Поклевский — Нератову	К. 119	403
399	2.VIII/20.VII	Пам. записка № 714	М-во ин. дел — послу США в Петербурге	К. ст. 864	404
400	2.VIII/20.VII	Тел. № 137	Севастопуло — Нератову	К. 101	404
401	2.VIII/20.VII	Тел. № 138	Севастопуло — Нератову	К. 101	405
402	2.VIII/20.VII	Письмо	Броневский — Нератову	К. 18	405
403	2.VIII/20.VII	Тел. № 676	В. Крупенский—Нератову	К. ст. 647	406
404	2.VIII/20.VII	Тел. № 679	В. Крупенский—Нератову	К. 105	406
405	3.VIII/21.VII	Тел. № 1468	Нератов — Обнорскому	С. А. 931	407
406	3.VIII/21.VII	Тел. № 95	Обнорский — Нератову	К. 138	407
407	3.VIII/21.VII	Письмо	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	408
408	3.VIII/21.VII	Тел. № 611	Поклевский — Нератову	К. 119	410
409	3.VIII/21.VII	Письмо № 749	Коковцов — Нератову	П. ст. 4558	410
410	4.VIII/22.VII	Тел. № 1475	Клемм — Поклевскому	П. ст. 542б	412
411	4.VIII/22.VII	Тел. № 102	Штрандтман — Нератову	К. 17	413
412	4.VIII/22.VII	Тел. № 97	Обнорский — Нератову	К. 21	414
413	5.VIII/23.VII	Тел. № 1480	Нератов — Неклюдову, Штрандтману и Урусову	С. А. 931	414
414	5.VIII/23.VII	Письмо № 485	Нератов — Коковцову	П. А. 3192	414
415	5.VIII/23.VII	Письмо	Севастопуло — Сазонову	С. А. 763	415
416	5.VIII/23.VII	Тел. № 99	А. Гирс — Нератову	К. 21	416
417	5.VIII/23.VII	Тел. № 101	Обнорский — Нератову	К. 21	416
418	6.VIII/24.VII	Тел. № 1485	Нератов — В. Крупенскому	К. ст. 647	417
419	6.VIII/24.VII	Тел. № 1486	Нератов — М. Гирсу	П. А. 2084	418
420	6.VIII/24.VII	Тел. № 1487	Нератов — Кудашеву	П. А. 128	418
421	6.VIII/24.VII	Тел. № 1488	Нератов — Обнорскому	П. А. 128	419
422	6.VIII/24.VII	Письмо	Севастопуло — Сазонову	К. 100	419
423	6.VIII/24.VII	Письмо	Свербеев — Сазонову	П. А. 2602	420
424	6.VIII/24.VII	Тел. № 104	А. Гирс — Нератову	К. 21	423
425	6.VIII/24.VII	Тел. № 536	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	423
426	6.VIII/24.VII	Тел. № 539	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	424
427	7.VIII/25.VII	Тел. № 1498	Нератов — М. Гирсу и А. Гирсу	П. А. 128	424
428	7.VIII/25.VII	Тел. № 1499	Нератов — В. Крупенскому	К. ст. 647	424
429	7.VIII/25.VII	Тел. № 544	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	425
430	8.VIII/26.VII	Письмо № 494	Нератов — Кудашеву	П. А. 3693	425
431	8.VIII/26.VII	Письмо № 744	Нератов — В. Крупенскому	К. ст. 878	426
432	8.VIII/26.VII	Тел. № 83	Броневский — Нератову	К. 19	428
433	8.VIII/26.VII	Тел. № 61	Кудашев — Нератову	К. 125	428
434	8.VIII/26.VII	Тел. № 83	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	428
435	8.VIII/26.VII	Письмо	Урусов — Нератову	П. А. 330	429
436	8.VIII/26.VII	Тел. № 109	А. Гирс — Нератову	К. 21	430
437	8.VIII/26.VII	Письмо	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	430
438	9.VIII/27.VII	Тел. № 1519	Нератов — Поклевскому	П. ст. 3006	432
439	9.VIII/27.VII	Тел. № 284	Бьюкенен — Грею	К. 45	432
440	9.VIII/27.VII	Депеша № 12	Будберг — Сазонову	К. 81	433
441	9.VIII/27.VII	Тел. № 684	В. Крупенский—Нератову	К. 105	434
442	10.VIII/28.VII	Тел. № 1520	Сазонов — Броневскому	С. А. 380а	435
443	10.VIII/28.VII	Тел. № 1523	Нератов — В. Крупенскому	К. ст. 878	435
444	10.VIII/28.VII	Тел. № 1525	Нератов — М. Гирсу	С. А. 931	436
445	10.VIII/28.VII	Тел. № 106	Штрандтман — Нератову	К. 17	436
446	10.VIII/28.VII	Тел. № 112	А. Гирс — Нератову	К. 21	437
447	10.VIII/28.VII	Депеша № 29	А. Гирс — Нератову	П. А. 1598	437

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
448	10.VIII/28.VII	Тел. № 689	В. Крупенский—Нератову	К. ст. 878	438
449	10.VIII/28.VII	Депеша № 67	В. Крупенский—Нератову	К. ст. 136	439
450	10.VIII/28.VII	Депеша № 68	В. Крупенский—Нератову	К. ст. 136	441
451	11.VIII/29.VII	Депеша № 40	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	442
452	12.VIII/30.VII	Тел. № 1531	Козаков — Люба	К. ст. 647	443
453	12.VIII/30.VII	Тел. № 1534	Нератов — М. Гирсу	С. А. 931	443
454	12.VIII/30.VII	Письмо	Броневский — Нератову	С. А. 380а	443
455	12.VIII/30.VII	Тел. № 90	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	444
456	12.VIII/30.VII	Тел. № 91	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	445
457	12.VIII/30.VII	Тел. № 563	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	445
458	13.VIII/31.VII	Письмо	Севастопуло — Сазонову	К. 100	446
459	13.VIII/31.VII	Депеша № 27	А. Крупенский—Нератову	К. 103	447
460	13.VIII/31.VII	Письмо № 1	А. Крупенский—Нератову	К. 104	447
461	13.VIII/31.VII	Письмо № 2	А. Крупенский—Нератову	К. 104	449
462	13.VIII/31.VII	Письмо № 3	А. Крупенский—Нератову	К. 104	451
463	13.VIII/31.VII	Депеша № 43	Лысаковский — Нератову	П. А. 695	452
464	13.VIII/31.VII	Депеша № 51	Штрандтман — Нератову	П. А. 528	453
465	13.VIII/31.VII	Тел. № 566	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	454
466	13.VIII/31.VII	Тел. № 567	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	455

ПРИЛОЖЕНИЯ К ТОМУ

I.	июль/июнь	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 752	459
II.	16/3 июля	Письмо № 399	Рейн — Ливену	ЛОЦИА, ф. 418, № 4239	464

№ 1. Посланник в Софии министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 49 [1]. 14/1 мая 1912 г.

Le Ministre des Affaires étrangères m'a lu hier le texte français du traité entre la Bulgarie et la Grèce, texte proposé d'Athènes et qui sera probablement accepté in extenso par le Roi Ferdinand. Préambule: Déclaration du caractère purement défensif du traité ayant pour but la conservation de la paix sur les Balkans et sauvegarde des droits des deux nationalités en Turquie. Article 1: Les deux parties contractantes s'engagent à se porter assistance avec toute leur force en cas d'une attaque turque soit directe, soit par le fait d'infraction flagrante et systématique de la part de la Turquie aux droits résultant des traités ou aux principes fondamentaux du droit des gens. Article 2: Collaboration réciproque des deux parties contractantes à la sauvegarde des droits reconnus et acquis des populations congénères en Turquie, et cela comme meilleur moyen de conservation du status quo. Articles 3 et 4: Caractère secret du traité et terme de 3 à 5 ans au choix de la Bulgarie. Une ajoute spéciale stipule que les affaires de la Crète ne constitueraient pas le cas échéant de casus foederis. Je trouve la fin du premier article assez dangereuse [2].

Nécludow.

Перевод.

Министр иностранных дел прочел мне вчера французский текст договора между Болгарией и Грецией, — текст, который был предложен из Афин и будет, вероятно, принят in extenso королем Фердинандом. Вступительная часть: Заявление о чисто оборонительном характере договора, целью которого является сохранение мира на Балканах и защита прав обеих национальностей в Турции. Статья 1: Обе договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу помощь всеми своими силами в случае нападения со стороны Турции, будь то прямое нападение или же явное и систематическое нарушение Турцией прав, вытекающих из договоров, или основных принципов международного права. Статья 2: Взаимное сотрудничество обеих договаривающихся сторон в деле защиты признанных и приобретенных родственными народностями в Турции прав — как наилучшее средство для сохранения status quo. Статьи 3 и 4: Секретный характер договора и срок его на 3 или 5 лет, по выбору Болгарии. Особое добавление поясняет, что положение на Крите не составит при случае casus foederis. Я нахожу конец первой статьи довольно опасным.

Неклюдов.

---

[1] Маш. копия. Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 13.

[2] В ответной тел. от 17/4 мая за № 903 Сазонов сообщал Неклюдову: «Конец первого пункта кажется нам совершенно неприемлемым и является, кроме того, безусловно невыгодным для Болгарии. Действительно, при более обширной площади уязвимости в смысле нарушения Турцией права национальностей Греция представляет значительно меньшую силу самозащиты и положение Болгарии при слишком точном определении объема взаимных обязательств по статье первой оказалось бы связанным».

№ 2. Поверенный в делах в Бухаресте [1] министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 39. 14/1 мая 1912 г.

Ссылаюсь на мое донесение от [28] 15 апреля № 17 [2].

Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что его величество король Карл, ввиду тревожных известий из Албании, поручил ему заверить державы в искреннем стремлении Румынии к миру и опровергнуть все слухи о принимаемых, будто бы, Румынией военных мерах. Полагаю, что это заявление соответствует действительным желаниям румынского правительства.

Лысаковский.

№ 3. Военный агент в Черногории начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 837. 14/1 мая 1912 г.

Секретно.

В рапорте от [11 апреля] 29 прошлого марта за № 58 наш военный агент в Австро-Венгрии, полковник Занкевич, со слов своего турецкого коллеги, полковника Блак-бея, сообщает, что при старом режиме король черногорский получал от оттоманского правительства ежегодную субсидию в 15 000 лир и что младотурецкое правительство имело вначале неосторожность прекратить эту субсидию, а в нынешнем году снова ее возобновило [3].

Произведенное мною по этому вопросу тщательное расследование показало нижеследующее:

1) До 1908 г. король Николай действительно имел ежегодную *личную* субсидию от султана Абдул-Гамида, в размере *120 000 руб.* в год; кроме того, князь Мирко, по званию генерала турецкой армии, получал в год 20 000 рублей.

2) Месяца 3—4 тому назад король Николай, по сведениям здешнего итальянского посланника, вновь возбудил перед султаном ходатайство о восстановлении ему и его сыну прежней субсидии, однако ему было отвечено, что решение этого вопроса не зависит ныне от одного султана, но требует также одобрения народных представителей. Посему до настоящего времени субсидия эта пока не выдается, но возможно, что в скором времени вновь начнет выдаваться.

---

[1] Тел. от 20/7 марта (без номера) Лысаковский сообщил, что вступил в управление миссией в связи с назначением М. Гирса послом в К-поль (см. т. XIX, ч. II, стр. 280, прим. 1).

[2] В деп. от 28/15 апр. за № 17 Лысаковский передавал о впечатлении, произведенном в Румынии бомбардировкой итал. флотом Дарданелл (см. т. XIX, № 779), и указывал, что сообщения европейской печати о румынской мобилизации и других военных мероприятиях рум. прав-ва «являются неосновательными». Далее Лысаковский писал: «Любопытно, однако, отметить, что, по получении известия о перенесении военных действий в Эгейское море, первым вопросом для Румынии было: что будет делать Болгария, и сразу устанавливалась аксиома, что если она решится на войну, то и Румыния должна немедленно мобилизовать армию и — добавляли более шовинистские органы — вступить в пределы Болгарии. Подобные заявления, несомненно, соответствуют настроению Румынии и, конечно, в более умеренной форме, ее правительства; действительно, с уверенностью можно сказать, что, в случае всеобщего пожара на Балканах, от действий Болгарии будут зависеть и действия Румынии». Заканчивая свою депешу указанием, что закрытие Дарданелл создало тяжелое экономическое положение в Румынии, Лысаковский привел следующее заявление Майореску: «Интересы маленькой Румынии, — как мне на-днях сказал председатель совета министров, — к счастью, вполне совпадают в этом вопросе с интересами великого соседа, и поэтому мы возлагаем свои надежды на достижение Россией восстановления водного торгового пути через Проливы».

[3] Содержание рапорта Занкевича от 11 апреля/29 марта за № 58 в основном изложено в публикуемом документе.

3) Подстрекательство королем черногорским албанцев в течение 1910 и 1911 гг., вовлекшее Оттоманскую империю в огромные расходы, с несомненной убедительностью доказало нынешнему младотурецкому правительству необходимость давать черногорскому королю постоянные денежные подарки, вследствие чего, еще не дожидаясь окончания вопроса о возобновлении регулярной субсидии, оно решило *под видом какой-то «коммерческой сделки» («transaction commerciale»)* дать возможность королю иметь *уже в ближайшем будущем* крупную денежную выгоду.

В чем именно заключается эта сделка, здешний турецкий посланник Рустем-бей (который доверительно сообщил мне вышеприведенное сведение) определить точнее не счел себя вправе [1].

Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству.

Генерального штаба генерал-майор П о т а п о в.

№ 4. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 438. 14/1 мая 1912 г.

Реорганизационный заем.

Из телеграмм банкиров вашему высокопревосходительству известно, что выдача китайцам просимого ими аванса налаживается на основании китайских контрпредложений о контроле в смягченном виде [2]. На должность аудитора, избираемого банками, намечен, по рекомендации представителей германской и английской групп, немец, служащий бухгалтером на Тяньцзин-Пукоуской железной дороге. По этому поводу мой японский сотоварищ в доверительной беседе сказал мне, что, не имея никаких возражений против назначения помянутого лица на пост аудитора, относящийся к расходованию одного лишь аванса, являющийся поэтому пока временным, он, однако, озабочен вопросом о замещении лицами той или иной национальности мест постоянных аудиторов или контролеров, долженствующих быть учрежденными в связи с реорганизационным займом. Иджуин [3] высказал мне как свое частное мнение, мысль, что исполнение всех функций надзора и контроля за китайскими финансами могло бы быть в будущем возложено на образуемые на коллегиальных началах учреждения, в которые вошли бы представители от всех заинтересованных держав или банков-

[1] Рапортом от 28/15 июня за № 862 Потапов, со слов сербского посланника в Цетинье Гавриловича, сообщал Жилинскому, что «недели 2—3 тому назад господарь получил от оттоманского правительства 10 000 турецких лир (около 80 000 руб.) и что ему обещана названным правительством ежегодная выплата такой же суммы в течение еще 9 предстоящих лет, как бы в возмещение стоимости дома на Босфоре, полученного черногорским господарем лет 20 тому назад в подарок от бывшего султана Абдул-Гамида и ныне переуступленного его величеством турецкому правительству. В этом, повидимому, и заключалась та «transaction commerciale», о которой я, со слов здешнего оттоманского посланника Рустем-бея, доносил вашему высокопревосходительству».

[2] При записке от 20/7 мая за № 488 Коковцов препроводил в м-во ин. дел копию полученной правлением Русско-Азиатского банка телеграммы представителей шести групп в Пекине (России, Японии, Англии, Франции, Германии и США) в адрес Гонконг-Шанхайского банка от 29/16 апр., в которой сообщались следующие китайские контрпредложения в ответ на предложения, сделанные банкирами (ср. т. XIX, ч. II, стр. 495, прим. 4): а) образование при м-ве финансов контрольного департамента, состоящего из одного иностранного аудитора, приглашаемого и оплачиваемого группами, одного аудитора, не обязательно китайца, приглашаемого и оплачиваемого китайским правительством, а также необходимого иностранного и китайского штата, подобранного аудиторами и оплачиваемого китайским правительством. Все требования авансов должны подписываться этими аудиторами; б) обсуждение и подписание ведомостей на выплату жалованья при роспуске войск в провинциях будут производиться таможенными комиссарами совместно с военными представителями из Пекина.

[3] Иджуин — японский посланник в Пекине.

ских групп. Я был бы весьма признателен вашему высокопревосходительству за сообщение мне взгляда императорского правительства на затронутый японским послом [1] вопрос и на высказанное им по этому поводу мнение.

Крупенский.

№ 5. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 32 [2]. 14/1 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В секретной телеграмме моей от [7 мая] 24 мин. апреля за № 430 [3] я счел долгом высказать вашему высокопревосходительству мое убеждение, что добиться от китайского правительства желаемых нами уступок по отношению к автономии Внешней Монголии путем одних лишь переговоров и дипломатических настояний нам едва ли удастся и что для того, чтобы достичь разрешения монгольского вопроса согласно намеченной нами программе [4], нам необходимо приготовиться к мерам действительного давления на Китай, реальной угрозой какового могли бы быть подкреплены наши требования.

В дополнение к этому позволяю себе ныне доложить вашему высокопревосходительству, что, насколько я могу здесь судить по настроению и словам моих коллег, в случае если бы мы сочли нужным прибегнуть к помянутым мерам давления в Северной Манчжурии, в Монголии или в Западном Китае, нам нечего было бы в настоящую минуту опасаться встретить какое-либо противодействие со стороны иностранных держав.

В письме своем от [12 апреля] 30 мин. марта статский советник Щекин имел честь донести вашему высокопревосходительству о сделанном ему американским посланником категорическом заявлении, что ничто в получаемых им инструкциях не может побудить его противодействовать нашей деятельности в Монголии и Манчжурии или даже хотя бы недоброжелательно за нею следить [5]. В том же смысле высказывался г. Кальхун и перед великобританским моим сотоварищем, о чем мне на-днях доверительно сообщил последний. При этом сэр Джон Джордан высказал мне свою уверенность, что и никакая другая держава не попытается мешать нам принимать в сфере нашего естественного влияния на окраинах Китая те меры, которые мы сочтем необходимыми. «Вы несомненно можете теперь действовать совершенно свободно в Западном Китае и во Внешней Монголии, — сказал мне английский посланник, — и лишь в Манчжурии вам придется считаться с интересами и желаниями Японии». Точно такого же взгляда держится, насколько я имел случай заметить, и большинство остальных моих коллег.

---

[1] Так в оригинале; следует читать: посланником.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 365, N 608.

[3] Содержание указанной тел. в основном изложено в первом абзаце публикуемого документа.

[4] См. т. XIX, № 253.

[5] В письме от 12 апр./30 марта Щекин, передавая изложенное в публикуемом документе заявление посланника США в Пекине, сообщал, что общее внимание держав, заинтересованных по преимуществу экономически, «все более и более сосредоточивается на Внутреннем Китае, где происходит главная борьба и где больше всего могут пострадать их интересы. Активное противодействие России на окраинах Китая в сфере ее естественного влияния было для держав вроде Америки политической роскошью, которую можно было себе позволять при благоприятной общей обстановке, но которая при нынешних условиях, конечно, не к месту». «Более близко, — заканчивал Щекин, — следит за положением в последней области [в Монголии] разве одна Япония, но какой-либо нервозности со стороны японцев в этом отношении здесь за последнее время не обнаруживалось. Напротив, из разговоров с разными проживающими в Китае японскими деятелями можно было заключить, что их настроению более всего соответствовало бы широкое соглашение между Россией и Японией на почве китайских дел».

Любопытно в этом отношении отметить, что о недавнем усилении казачьего конвоя нашего консульства в Кульдже [1] здешнее телеграфное агентство оповестило как о занятии Кульджи русскими войсками; это известие весьма мало, однако, возбудило внимание моих иностранных сотоварищей и лишь двое из них при встрече со мной осведомились об основательности агентского сообщения и в шутливом тоне высказали мне пожелания, чтобы, снова заняв Илийский край, мы из него уже более не выходили.

На случай если бы уклончивый образ действий китайского правительства в отношении наших требований в монгольском вопросе заставил нас подумать о каких-либо понудительных мерах, позволяю себе обратить внимание вашего высокопревосходительства на донесение в первый департамент генерального консула в Урге от [17] 4 мин. апреля за № 619, в коем статский советник Люба, описывая ненормальное положение дел в Кяхтинском Маймачене, высказывается в пользу введения туда казачьей сотни под видом конвоя либо консульства, либо пограничного комиссара [2]. О положении вещей в Маймачене мне было известно уже со слов иркутского генерал-губернатора, признающего весьма для нас важным закрытие действующего там винокуренного завода, а также из разговора при моем проезде по Забайкальской железной дороге с кяхтинским пограничным комиссаром полковником Хитрово, рисовавшим это положение в том же свете, как и статский советник Люба, но в еще более ярких красках. Смею поэтому высказать мнение, что рекомендуемая генеральным консулом в Урге мера введения в Маймачен, в качестве конвоя нашего пограничного комиссара, сотни казаков, — причем этой мере мог бы быть придан характер содействия, по просьбе монгольских властей, водворению порядка близ нашей границы, — заслуживает внимания императорского министерства, с одной стороны, как весьма полезная для наших местных интересов, а с другой, как могущая побудить китайцев с большим вниманием отнестись к сделанным им нами заявлениям касательно Внешней Монголии [3].

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 6. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 893 [4]. 15/2 мая 1912 г.

Сообщается генералу-от-инфантерии Шатилову в Тифлис [5].

Телеграмма № 389 получена [6].

Посылать наши войска для преграждения Салар-эд-Доуле пути к Те-

[1] См. т. XIX, № 765.

[2] Повидимому, Крупенский ссылается на донесение Люба, посланное Козакову 17/4 апр. за № 618. В этом донесении Люба писал о положении, создавшемся в Кяхтинском Маймачене после происшедшего в Монголии переворота. В связи с возможностью столкновения между китайцами и монголами он считал желательным ввести в этот район сотню казаков под видом конвоя консульства или пограничного комиссара.

[3] Сазонов представил публикуемую деп. Николаю II при докладной записке от 1 июня/19 мая, в которой сообщал следующее: «Признавая соображения посланника заслуживающими внимания, я вошел в сношения с иркутским генерал-губернатором относительно приведения их в исполнение». На докладной записке имеется помета Николая II, датированная — Ливадия, 5 июня/23 мая: «Да». В письме к иркутскому ген.-губернатору Князеву от 1 июня/19 мая за № 519 (копии пред. сов. м-ров и м-ру внутр. дел) Сазонов, ссылаясь на донесение Люба, высказывался за желательность введения в Маймачен сотни казаков в качестве конвоя пограничного комиссара, причем последнему, по его мнению, следовало бы, «действуя благожелательно по отношению к населению и не допуская насилия по отношению к китайцам, избегать без особой нужды вмешательства в местные дела и не придавать своему пребыванию характера оккупации города».

[4] Лит. копия.

[5] Шатилов — заместитель наместника на Кавказе.

[6] В тел. от 9 мая/26 апр. за № 389 Поклевский, указывая, что войска Салар-эд-Доуле грозят взять Хамадан и двинуться на Тегеран, предлагал заградить «казвин-

герану было бы чересчур явным вмешательством во внутреннюю распрю в Персии и является поэтому недопустимым.

Не считаете ли возможным каким-нибудь, конечно неофициальным, путем дать знать принцу, что мы не можем допустить, чтобы во время его действий против правительственных войск подвергались опасности жизнь и имущество русских подданных и что, в случае причинения последним его войсками имущественного ущерба, ответственность за это будет возложена на него. Быть может, нам таким путем удастся кстати разузнать, каковы дальнейшие намерения принца.

Сазонов.

№ 7. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 895. 15/2 мая 1912 г.

Rentré aujourd'hui trouve votre lettre privée du [9 mai] 26 avril [1]. Сопоставляя его содержание с внезапным отъездом французского посла [2], опасаюсь, что делу дан французами слишком резкий оборот. Выражая частным образом пожелание замены здешнего представителя Республики более подходящим лицом, по возможности из числа дипломатов, я отнюдь не имел в виду требовать немедленного отозвания Жоржа Луи. Было бы весьма желательно обставить это щекотливое дело должной осторожностью, не придавая ему обидного для Луи характера.

Подробности с курьером.

Сазонов.

№ 8. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 22. 15/2 мая 1912 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме моей от сего числа за № 65 [3], имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что его величество король Николай сообщил мне о получении черногорским правительством чрез своих негласных агентов в Боснии известий о сосредоточении за последнее время австрийских войск на границе Новобазарского санджака. Король казался встревоженным этими известиями и был склонен ставить усиление австрийских войск на границе Санджака в связь с проявившимися в течение минувшей недели волнениями среди албанцев Косовского вилайета [4]. Его величество приписывает возникновение этих волнений австрийским происках. По словам короля, малиссоры, участвовавшие в восстании минувшего года, удовлетворенные льготами, дарованными им турецким правительством [5], повидимому, не склонны принять участие в волнениях,

---

ским отрядом в окрестностях Тегерана пути их наступления на столицу в видах охраны жизни и имущества здешних русско- и иностранно-подданных и города от разграбления».

[1] «Сегодня, по возвращении, нашел ваше частное письмо от [9 мая] 26 апреля» (см. т. XIX, № 875). Сазонов возвратился из Ялты, где он находился со 2 мая/19 апреля.

[2] В тел. от 11 мая/28 апр., расшифрованной в росс. м-ве ин. дел (опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 1, N 1), Пуанкаре сообщил Жоржу Луи следующее: «Г. Извольский сказал мне в третий раз, что он говорил со мной о вас на основании прямых указаний г. Сазонова. Приглашаю вас приехать в Париж, где охотно выслушаю ваши объяснения».

[3] Содержание упомянутой тел. изложено в публикуемом документе.

[4] См. № 12.

[5] См. т. XVIII, №№ 234 и 300.

но другие албанские племена, не участвовавшие в минувшем году в восстании и не получившие тех же льгот, как малиссоры, легко поддаются происка м австрийских агентов.

Король высказал предположение, что между Австро-Венгрией и Италией состоялось тайное соглашение, на основании коего Австро-Венгрия возбуждает волнения в Санджаке, дабы иметь предлог к его оккупации.

Я возразил королю, что, после недавней речи графа Берхтольда [1] о намерении Австро-Венгрии поддерживать status quo на Балканском полуострове, такое предположение мне представляется маловероятным.

Тем не менее король просил меня довести его слова до сведения вашего высокопревосходительства, добавив, что поручит своему министру иностранных дел г. Греговичу сообщить мне некоторые подробности касательно усиления австрийских войск вдоль границы Санджака.

В течение того же дня я получил от г. Греговича конфиденциальное письмо, в коем он от имени короля сообщал мне следующее:

«Pendant que dans la Vieille Serbie et la Basse Albanie règne la plus grande effervescence, les Malissores, étant sous l'influence du Monténégro, se tiennent correctement; feront-ils fait et cause avec leurs compatriotes? C'est probable. La situation, déjà critique, devient de plus en plus menaçante par l'attitude de l'Autriche. L'agglomération de ses troupes aux frontières du Monténégro, du Sandjak et de la Serbie, ainsi que la mobilisation de sa marine de guerre font présumer une action prochaine en Albanie. L'attitude de la presse devenue soudainement hostile à la Turquie prépare l'opinion publique. On parle même que l'Autriche sera munie d'un mandat européen pour occuper l'Albanie, ce qui inquiète vivement le Roi dont le pays serait menacé par ce fait d'être englobé dans l'Autriche. Il ne le permettra jamais jusqu'au dernier homme et la dernière cartouche» [2].

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из сопоставления этого письма г. Греговича с вышеприведенными словами короля, между взглядами, высказанными его величеством и его министром иностранных дел, замечается существенная разница по следующим пунктам:

1) Король говорил об усилении австрийских войск на границе Санджака, а г. Грегович пишет, что Австрия стягивает войска к границам как Санджака, так и Черногории и Сербии.

2) Король говорил, что опасается распространения волнений среди албанских племен, кроме малиссоров, а г. Грегович считает вероятным, что малиссоры тоже примут участие в волнениях.

3) Король высказал предположение, что Австрия готовится занять Санджак на основании тайного соглашения с Италией, а г. Грегович говорит о возможности занятия Санджака Австрией на основании европейского мандата.

Такая существенная разница между словами короля и письмом г. Греговича объясняется, по всей вероятности, тем обстоятельством, что г. Грегович не присутствовал при разговоре моем с королем; получив же в общих чертах от короля инструкцию, о чем мне написать, дал волю своему увле-

---

[1] См. т. XIX, № 842.

[2] «В то время как в Старой Сербии и Нижней Албании царит величайшее возбуждение, малиссоры, находясь под влиянием Черногории, ведут себя корректно; будут ли они заодно со своими соотечественниками? Вероятно. Положение, и без того критическое, становится все более и более угрожающим вследствие позиции Австрии. Скопление ее войск на границах Черногории, Санджака и Сербии, а также мобилизация военного флота заставляют предполагать в недалеком будущем действия в Албании. Пресса, внезапно занявшая враждебную по отношению к Турции позицию, подготовляет общественное мнение. Говорят даже, что Австрия получит мандат от Европы на занятие Албании, что сильно беспокоит короля, стране которого угрожала бы в таком случае опасность быть поглощенной Австрией. Этого он никогда не допустит, сопротивляясь до последнего солдата, до последнего патрона».

кающемуся южному темпераменту и написал нечто вроде поэмы на тему, заданную ему королем.

Донесением от [9 ноября] 27 октября 1911 г. за № 61 [1] я имел честь довести до сведения императорского министерства следующее, сказанное мне королем черногорским: «В минувшем сентябре черногорский министр иностранных дел г. Грегович был в Вене и виделся с графом Эренталем. Граф Эренталь сказал ему, что если Черногория будет итти рука об руку с Австро-Венгрией, то черногорская территория в близком будущем получит значительное приращение».

Полагаю, что как король Николай, так и г. Грегович ожидают, что во время предстоящего в конце этого месяца посещения его величеством Вены будут вновь сделаны со стороны австрийского правительства попытки заручиться согласием Черногории не препятствовать аннексии Санджака Австрией. Ввиду поездки в Вену король, повидимому, старается предварительно побудить императорское российское правительство вновь высказаться категорически по этому вопросу.

Примите и пр.

С. Арсеньев.

№ 9. Директор Русско-Азиатского банка министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. Лондон, 15/2 мая 1912 г.

Прошу сообщить немедленно г. министру финансов следующее:

На сегодняшнем собрании Консорциум категорически отказался признать за Русско-Азиатским банком право распоряжаться русской долей займа и поместить ее за границей при посредстве своих друзей. Аддис, управляющий Гонконг-Шанхайским банком, был особенно несговорчив; он формально настаивал, чтобы русская доля была размещена за границей только при посредстве банков Консорциума. Я указывал, что затруднение могло бы быть устранено посредством соглашения между банками Консорциума и нашими бельгийскими, английскими и французскими друзьями. Аддис заявил, что соглашение невозможно, так как Гонконг-Шанхайский банк не допустит, чтобы другой английский банк участвовал в выпуске китайского займа в Лондоне. Тогда я предложил повергнуть наше разногласие на рассмотрение наших правительств, а пока рассмотреть вопрос о нуждах Китая и о продолжении выдачи ему авансов, признанных совершенно необходимыми. Я далее заметил, как странно показалось бы, если разногласие между банкирами касательно права России распоряжаться своей долей свело бы на-нет соглашение, состоявшееся между правительствами относительно совместно установленной и согласованной финансовой политики. Я заявил, что тогда, когда державы пришли к указанному соглашению, не возникало вопроса о подчинении этого соглашения специальным привилегиям для Консорциума, и далее, что я приехал в Лондон не столько, чтобы обсуждать условия соглашения между членами синдиката, сколько для того, чтобы условиться относительно нашего участия в авансах и чтобы исполнить решение, принятое в Пекине шестью посланниками. Консорциум отверг мое предложение обратиться к соответствующим правительствам, а пока продолжать нашу работу. Он также отказался разрешить Русско-Азиатскому банку взять на себя шестую долю уже выданных авансов, после чего Аддис закрыл заседание.

Предвидя то, что случилось сегодня, я затронул этот вопрос уже вчера не только в беседе с русским послом, но и французским послом Полем Камбоном, который, как мне кажется, считает весьма желательным устране-

[1] См. т. XVI *II*, № 847.

[2] Номер отсутствует. Опубл. М., стр. 556.

ние затруднений и сам подал мысль об обращении к правительствам. Вопрос о свободном распоряжении русской долей участия составляет главное препятствие для соглашения банкиров. Что касается других вопросов, особенно права России продолжать устраивать, если нужно, провинциальные займы и другие специальные операции без присоединения к другим группам, то я думаю, что они будут приняты, хотя Аддис усилит свое сопротивление, если ему не удастся вытеснить Русско-Азиатский банк и таким образом лишить нас поддержки наших друзей, которая для нас необходима для реализации таких дел. Уезжаю из Лондона в Париж.

Верстрат.

№ 10. Товарищ министра иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 631. 16/3 мая 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [22] 9 февраля с. г. за № 772 [1], считаю долгом уведомить, что я пока затрудняюсь, хотя бы и приблизительно, определить срок, на который надо будет еще задержать в Хорасане наш отряд, командированный туда из состава войск Туркестанского округа. Судя по настоящему положению дел в означенной провинции и в особенности в связи с теми действиями, которые отряду этому пришлось выполнить при водворении порядка в г. Мешеде, я полагаю, что в ближайшем будущем едва ли можно будет отозвать оттуда наши войска, тем более что персидское правительство, ввиду продолжающейся борьбы с принцем Салар-эд-Доуле, лишено пока возможности содержать в Хорасане достаточное количество надежных сил для обеспечения там спокойствия и безопасности иностранцев [2].

Примите и пр.

Нератов.

№ 11. Министр иностранных дел председателю совета министров и министру финансов Коковцову.

Письмо № 643. 16/3 мая 1912 г.
Секретно. Срочное.

М. г. Владимир Николаевич,

Телеграммой от [15] 2 мая с. г., № 405, в копии при сем прилагаемой, посланник в Тегеране возбуждает ходатайство об открытии г. Морнару,

[1] Письмом от 22/9 февраля за № 772 Коковцов известил Сазонова, что, согласно сообщению воен. м-ра, «командующий войсками Туркестанского военного округа признает необходимым продолжить пребывание в Хорасане наших отрядов, командированных из пределов Туркестанского военного округа». В связи с этим Сухомлинов просил Коковцова сообщить ему, «на какой срок при современной политической обстановке» предполагается оставить в Персии командированные туда отряды. Коковцов запрашивал мнение Сазонова по этому поводу.

[2] В письме от 16/3 мая за № 632 Сазонов в связи с обсуждением военным ведомством вопроса об усилении войск Кавказского военного округа, ослабленных командированием отрядов в Персию, писал Коковцову следующее: «Хотя в настоящее время нет оснований опасаться каких-либо враждебных нам выступлений со стороны Турции, я тем не менее продолжаю придерживаться мнения, что наше военное положение на Кавказе должно быть совершенно прочным, если мы желаем, чтобы голос наш звучал достаточно сильно на берегах Босфора». Сазонов указывал также, что события в Персии и в частности возможный поход Салар-эд-Доуле на Тегеран могут «вынудить нас к принятию быть может очень серьезных мер, которые потребовали бы по всей вероятности посылки новых войск в Персию».

Вопрос этот обсуждался на заседании совета министров 15/2 авг. (см. стр. 263, прим. 2).

главному казначею персидского министерства финансов, в Учетно-ссудном банке Персии особого специального счета на сумму до 250 000 томанов, под обеспечение поступающих в отделение банка государственных доходов, кроме таможенных, в главных городах Северной Персии [1].

Означенная просьба вызывается тем обстоятельством, что г. Морнар находится в самом затруднительном положении, не имея в своем распоряжении денег даже на удовлетворение неотложных нужд персидской казны.

Со своей стороны считаю долгом по поводу вышеизложенного высказать вашему высокопревосходительству нижеследующие соображения.

Деятельность г. Морнара уже издавна отличалась весьма благоприятным для наших интересов характером, особенно же полезной она стала с момента занятия этим лицом должности главного казначея, на каковой он, благодаря нашим настояниям, сменил г. Шустер-Моргана. Вряд ли соответствовало бы нашим видам оставить без помощи преданного нам деятеля, оказавшегося в столь затруднительных условиях и могущего быть вынужденным, при длительности переживаемого персидской казной кризиса, уйти в отставку. Таковая была бы нам крайне нежелательна, так как опять поставила бы нас лицом к лицу с возможностью появления на месте главного казначея человека, нам враждебного.

Таким образом я считал бы с принципиальной точки зрения необходимым оказать просимое д. с. с. Поклевским содействие г. Морнару. Но, независимо от сего, было бы очень важно, чтобы означенное содействие было оказано именно нами, ибо, по сведениям посланника, Шахиншахский банк со своей стороны готов выдать г. Морнару ссуду под указанное выше обеспечение, дабы вновь получить в свои отделения в Северной Персии государственные доходы, начавшие поступать в наш банк после ухода г. Шустера. Излишне указывать, до какой степени невыгодным был бы для нас такой оборот дела, при коем сфера деятельности английского банка вновь распространилась бы в отведенную нам соглашением 1907 г. зону [2].

Принимая во внимание вышеизложенное, имею честь уведомить, что я всецело присоединяюсь к ходатайству д. с. с. Поклевского-Козелл, считая удовлетворение такового вполне оправдываемым нашими интересами.

В ожидании отзыва вашего высокопревосходительства о последующем [3], пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

№ 12. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Т/. Телеграмма № 57. 16/3 мая 1912 г.

Брожение в Албании [4].

Сейчас меня посетил Милованович, крайне встревоженный известиями, полученными из албанских округов. Ни категорический отказ сербских

[1] В указанной тел., основное содержание которой изложено в публикуемом документе, Поклевский высказывал мнение, что «открытие подобного счета было бы чисто коммерческой операцией с персидским правительством, которое является здесь лучшим и самым верным клиентом Учетно-ссудного банка».

[2] Тел. от 20/7 мая за № 422 Поклевский просил известить его, в каком положении находится вопрос об открытии Морнару специального счета в Учетно-ссудном банке. «Морнар не может дольше оставаться без денег, — сообщал Поклевский, — и я опасаюсь, что ему придется либо просить о ссуде Шахиншахский банк и принять условия, которыми последний пожелает обставить эту операцию, либо отказаться от исполнения должности главного казначея».

[3] В ответном письме от 20/7 мая за № 484 Коковцов сообщил Сазонову, что затрудняется определенно высказаться по возбужденному Поклевским вопросу, за неимением точных данных ни о размерах указываемых Поклевским поступлений, ни об условиях передачи их в отделения банка. Для получения этих сведений Коковцов запросил тегеранское отделение банка. О содержании письма Коковцова Сазонов уведомил Поклевского тел. от 21/8 мая за № 936.

[4] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 54 Гартвиг сообщал, что «слухи относительно подготовляемого албанцами движения подтверждаются. По имеющимся здесь сведениям,

пограничных властей в помощи, ни настоятельные предостережения специальных эмиссаров, которых сербское правительство посылало в Старую Сербию с целью предотвратить движение — не возымело действия на арнаутских вождей, среди коих заметна жажда мщения младотуркам за будто бы нанесенные ими албанцам крупные обиды. По имеющимся здесь сведениям восстание организуется в пяти вилайетах одновременно, причем нападению подвергнутся и те албанские племена, которые не пожелают принять участия в общем движении.

Гартвиг.

№ 13. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 444. 16/3 мая 1912 г.

Китайский заем.

Сегодня четырьмя группами получена телеграмма из Лондона, в принципе одобряющая выдачу китайцам немедленного аванса в 3 миллиона лан, на который всеми шестью представителями здесь уже было выражено согласие, но предписывающая обождать окончательных инструкций и отложить совместные действия с Россией и Японией, коим не должно быть дано участие в деле, пока переговоры с нами в Лондоне, встретившие затруднения [1], не приведут к соглашению. В ответ на эту телеграмму все шесть банкиров настаивают на необходимости выдать китайцам завтра обещанный им аванс в 3 миллиона с тем, чтобы русская и японская группы могли впоследствии принять в нем ретроспективное участие. Теперь Гойер и Одагири являются фактически отстраненными от дальнейших переговоров с китайцами четырех групп, которые могут воспользоваться этим обстоятельством, чтобы заручиться от китайского правительства такими обязательствами, которые дадут им фактическую монополию кредитных операций в Китае и таким образом, в (случае) окончательного разрыва нашего с Четверным консорциумом, лишат нас всякого финансового влияния здесь.

Крупенский.

№ 14. Директор Русско-Азиатского банка министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. Лондон, 16/3 мая 1912 г.

Прошу сообщить господину министру финансов следующее:

Сегодня состоялось второе собрание для подписания протокола вчерашнего заседания [3]. Наблюдалось стремление к достижению соглашения. Право России выпустить заем в Бельгии может считаться ныне признанным. Правда, французская группа Консорциума требует установить сумму, которую Россия может поместить в Бельгии, однако, мне кажется, нам удастся избежать подобного контроля. Остается одно последнее затруднение, именно отказ Гонконг-Шанхайского банка выпустить заем в Лондоне совместно с фирмой И. Генрих Шредер и К° (Лондон). Этот отказ является странным ввиду того, что Гонконг-Шанхайский банк в мае 1910 г. согласился на выпуск японского займа совместно с банкирским домом Порр в Лондоне. Генрих Шредер и К° сообщили сегодня английскому министерству иностранных дел о готовности войти в соглашение с Гонконг-Шанхайским банком.

движение поощряется Черногорией, раздающей много оружия и денег. Сербское правительство, отклонившее ходатайство арнаутских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что на сей раз восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии».

[1] См. № 9.

[2] Номер отсутствует. Опубл. М., стр. 556.

[3] См. № 9.

Так как я считаю недопустимым стремление Консорциума исключить русскую группу до соглашения относительно акта об учреждении синдиката, то я телеграфировал Гойеру, чтобы он оплатил в соответствии с заключенным между правительствами соглашением причитающиеся на нашу долю авансы. Ответственность за разрыв поэтому не может падать на нас. Аддис сообщил мне, что Консорциум вчера отверг домогательства Австрии [1]. Отчет следует.

Верстрат.

№ 15. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу [2].

17/4 мая 1912 г.

Sir E. Grey presents his compliments to the Russian Ambassador and has the honour to acknowledge the receipt of His Excellency's communication of the 13-th instant intimating that the Russian Minister for Foreign Affairs has serious doubts as to the further detention of some of the Cretan Deputies and is inclined to liberate them and hold Mr. Venizelos responsible for the consequences [3].

His Majesty's Government cannot but feel that the release of the Deputies before the meeting of the Greek Chamber at the beginning of June, would be interpreted as an act of weakness and vacillation by the Cretan revolutionary committee. The object of arresting the Deputies was to prevent them from proceeding to Athens and not merely to postpone their departure. If they were now released they would, it may be presumed, either continue their journey en bloc by the next steamer leaving for the Piraeus or proceed thither separately upon different dates. In any case the action of [the] Protecting Powers in first arresting and then releasing the Deputies would be hard to justify on the grounds of consistency, nor are His Majesty's Government able to see what practical advantage would be gained by complying with the demands of the revolutionary committee which His Majesty's Consul General describes as being couched in insolent terms. The result of compliance would, it appears to His Majesty's Government, strengthen the hands of the committee who are responsible for the present unfortunate internal situation of the island, would render the task of the Protecting Powers still more difficult than it is at present, and would probably lead to the necessity of reoccupation, which His Majesty's Government are anxious if possible to avoid.

His Majesty's Government fail equally to see how the release of the Deputies and their presence in Athens would assist Mr. Venizelos in the task of excluding them from the Greek Chamber. It will, moreover, be remembered that exactly the same request was made and similar arguments used by the Greek Government in favour of release in December last [4], but no ill result followed upon the decision of the Protecting Powers not to comply with them.

Quite apart from this, it is the Protecting Powers who are responsible for the maintenance of the status quo and they are not in the opinion of His Majesty's Government justified in deputing this responsibility to Mr. Venizelos.

His Majesty's Government think it right to state these views for the consideration of the French and Russian Governments before a final decision is come to [5].

---

[1] Ср. т. XIX, № 861.
[2] Маш. копия.
[3] См. т. XIX, № 885.
[4] См. т. XIX, № 234.
[5] Тел. от 18/5 мая за № 130 Бенкендорф передал текст публикуемого меморандума по телеграфу, а при письме от 22/9 мая препроводил копию его.

Перевод.

Сэр Э. Грей выражает свое почтение российскому послу и имеет честь подтвердить получение сообщения его превосходительства от 13-го т. м., указывающее, что российский министр иностранных дел питает серьезные сомнения касательно желательности дальнейшего задержания некоторых критских депутатов и склонен освободить их и возложить на г. Венизелоса ответственность за последствия.

Правительство его величества не может не считать, что освобождение депутатов до открытия греческой палаты в начале июня будет принято критским революционным комитетом, как выражение слабости и колебания. Целью ареста критских депутатов было помешать их отъезду в Афины, а не только задержать их отъезд. Если они будут освобождены сейчас, то надо думать, что они или продолжат свое путешествие все вместе со следующим отходящим в Пирей пароходом, или отправятся туда порознь в различные дни. Во всяком случае действия держав-покровительниц, которые сначала арестовали, а затем освободили депутатов, было бы трудно оправдать с точки зрения последовательности, и правительство его величества не может усмотреть никакой практической выгоды в уступке требованиям революционного комитета, которые, по словам генерального консула его величества, изложены в дерзких выражениях. В результате уступки им, как кажется правительству его величества, только укрепилось бы положение комитета, который ответственен за современное прискорбное внутреннее положение на острове, задача держав-покровительниц стала бы еще более затруднительной, чем сейчас, и, по всей вероятности, пришлось бы вновь оккупировать остров, чего правительство его величества желает, если возможно, избежать.

Правительство его величества также не видит, каким образом освобождение депутатов и их присутствие в Афинах может помочь г. Венизелосу в его задаче не допустить их в греческую палату. К тому же надо вспомнить, что греческое правительство обратилось с совершенно такой же просьбой и им были приведены подобные аргументы в пользу освобождения в прошлом декабре, но решение держав-покровительниц отказать в этой просьбе не имело никаких дурных последствий.

Помимо этого, за сохранение status quo ответственны именно державы-покровительницы, и, по мнению правительства его величества, они не имеют права переложить эту ответственность на г. Венизелоса.

Правительство его величества считает необходимым представить эти взгляды на рассмотрение французского и российского правительств до принятия окончательного решения.

№ 16. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 71. 17/4 мая 1912 г.

Телеграмма № 895 получена [1].

Могу ли выразить искреннее сожаление, что, несмотря на крайне осторожный и конфиденциальный характер моих переговоров о Луи, вопрос этот принял столь резкий характер. Дело осложнилось сегодня вследствие статьи газеты «Écho de Paris», приписывающей мне требование об отозвании Луи [2]. Пуанкаре высказал мне, что он очень огорчен этой нескромностью, отнюдь не исходящей из министерства иностранных дел. Виновником ее является, вероятно, один из министров, участвовавших в совете министров, на коем обсуждался вопрос о замещении петербургского посла. Как Пуанкаре, так и я сообщили печати опровержения, вероятно, уже известные вам из агентских телеграмм. Подробности письмом с оказией [3].

Извольский.

---

[1] См. № 7.

[2] 17/4 мая в «Écho de Paris» появилось сообщение следующего содержания: «На последнем заседании совета министров в Рамбулье г. Пуанкаре поставил своих коллег в известность о положении нашего посла в С.-Петербурге и о настойчивых и необычных шагах, предпринятых г. Извольским перед председателем совета министров, министром иностранных дел в целях отозвания г. Луи». Далее указывалось, что, благодаря заслугам Ж. Луи, Пуанкаре его всячески защищал и вопрос об его отозвании был отложен, особенно в связи с предстоящей поездкой Пуанкаре в Россию.

[3] См. № 18.

№ 17. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 73 [1]. 17/4 мая 1912 г.

Китайский заем.

Пуанкаре сказал мне, что представитель французской группы на лондонском совещании телеграфировал ему, что требования, предъявленные представителем Русско-Китайского банка [2], выходят за пределы его инструкций в том виде, как они известны французскому правительству; что требования эти неприемлемы ни для Англии, ни для Японии, и что предстоит разрыв переговоров. Пуанкаре ответил, прося не принимать никаких решений до выяснения дела путем сношений с русским правительством. Верстрат приезжает сюда завтра [3].

Прошу указаний.

Извольский.

№ 18. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [4]. 17/4 мая 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Пользуюсь отъездом завтра Демидова, чтобы написать вам наскоро несколько слов о весьма для меня неприятном инциденте с Жоржем Луи, о котором я только что вкратце вам телеграфировал [5]. Вы знаете, что я с самого начала считал это дело весьма деликатным и затруднительным [6], что я долго колебался заговорить о нем с Пуанкаре и решился на это только после получения письма, в котором вы говорили, что «чаша вашего долготерпения переполнена» [7]. При этом я употребил все усилия, чтобы повести речь издалека и со всеми возможными предосторожностями. Я начал с того, что, как бы от своего имени и по поводу предстоящих перемещений на высших французских дипломатических постах, обратил его внимание на некоторые внешние дефекты Жоржа Луи. Видя, что это не произвело должного впечатления, и опасаясь, что новые назначения и перемещения не коснутся Петербурга, я, скрепя сердце, решился самым конфиденциальным образом поставить его в известность о трениях и недоразумениях между вами и Ж. Луи, отнюдь не торопя его и не ставя требований об его отозвании, а лишь указывая в интересах русско-французских отношений на желательность в более или менее отдаленном будущем заменить его другим лицом, по преимуществу дипломатом. К сожалению, и тут сказался прямолинейный ум г. Пуанкаре, совершенно незнакомого с дипломатическими формами и приемами; вместо того, чтобы оставить эти разговоры между нами и, приняв решение переместить Луи, спокойно выжидать для этого подходящий момент, он, вопреки моей настойчивой просьбе сохранить все дело в строгой тайне, написал о нем Жоржу Луи и рассказал обо всем своим коллегам в совете министров, которому он, между прочим, предложил на обсуждение вопрос об избрании нового посла в Петербург. Раз о предстоящем отозвании Ж. Луи сделалось известно 14 министрам, нескромность в печати была неизбежна. Пуанкаре, с которым я только что виделся, заявил мне, что он крайне огорчен этой нескромностью и что она отнюдь не исходит из министерства иностранных дел. Мы, каждый со своей стороны, составили опровержения, которые были тотчас же переданы нами агентству Гавас и представителю С.-Петербургского агентства; как только они появятся, я приложу

[1] Опубл. М., стр. 558.
[2] Так в оригинале. Очевидно, имеется в виду Русско-Азиатский банк.
[3] См. № 9.
[4] Опубл. М., стр. 197.
[5] См. № 16.
[6] См. т. XIX, № 750.
[7] Соответствующее письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

их к настоящему письму [1]. Весь этот инцидент крайне для меня неприятен и надо ожидать возникновения вокруг него весьма нежелательной полемики. Все это еще более осложняет вопрос об отозвании Луи и приискании ему преемника. Как я вам уже телеграфировал, отозвание его в принципе решено [2], но необходимо приискать ему другой пост. Мысль о назначении в Петербург Дешанеля [3] оставлена. Уверяют, что его на этот счет зондировали, но что он отказался, не желая терять своего депутатского звания и шансов на председательство палаты, а затем и президентство. Наиболее вероятным кандидатом является Баррер, тем более что это дало бы возможность назначить Ж. Луи в Рим. Баррер хорошо вам известен по Риму, и поэтому я воздержусь от сообщения вам его характеристики. В Риме он действовал весьма успешно, но роль его там теперь кончена. Бурное его прошлое в эпоху Коммуны сейчас совершенно им забыто, и он несравненно более приспособлен к дипломатической деятельности и жизни, нежели Ж. Луи. Буду крайне обязан вам за сообщение мне вашего отношения к его кандидатуре. Мысль о назначении маркиза Бретейля, увы, неосуществима. Ввиду вышеописанного инцидента, отозвание Ж. Луи, которое должно было состояться немедленно, будет, вероятно, на некоторое время отложено, и ему придется вернуться в Петербург, что, при настоящих условиях, конечно, будет весьма неприятно и для вас и для него. Прошу вас не слишком ставить мне это в вину, ибо я не знаю, как мне быть: с одной стороны, поставить на очередь вопрос о перемене посла, а с другой — избежать неизбежных при здешних политических нравах нескромностей. Все это грозит мне также репрессалиями со стороны Ж. Луи и многочисленных его друзей и преданных ему журналистов, на которых, за неимением денежных средств, я не в состоянии влиять.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

---

[1] Приложенная к письму вырезка из газетной статьи под заглавием «Французское посольство в России» гласит:

«Как было опубликовано 13 мая в «Temps», Дешанель был запрошен относительно того, примет ли он пост посла в России. Дешанель ответил, что он не может принять его по причинам личного характера. Это предложение было вызвано не только личными достоинствами г. Дешанеля, но и выраженным г. Жоржем Луи желанием получить назначение на другой пост. В течение трех лет г. Луи, его жена и его дети с трудом переносили суровый климат Петербурга. Несмотря на это, по имеющимся у нас сведениям, дипломатические перемещения, согласно желания г. Ж. Луи, осуществятся не скоро. Наступление теплого времени года позволит нашему послу остаться на своем посту. Сообщение о том, что г. Извольский требовал отозвания г. Луи, неверно. Неверно и то, что подобное решение могло быть принято из соображений политического характера. Г. Извольский питает по отношению к г. Луи чувства дружеского уважения.

С другой стороны, Петербургское телеграфное агентство публикует следующее сообщение:

«Écho de Paris» заявляет об отозвании в ближайшем будущем г. Жоржа Луи, французского посла в Петербурге, и утверждает, что это отоввание делается по требованию российского правительства, сделанному через российского посла в Париже. Сообщение, сделанное в такой форме, не соответствует истине. Г. Жорж Луи несколько раз заявлял, что суровый климат Петербурга не подходит ни ему самому, ни его семье. Посколько в высших дипломатических кругах Франции намечались перемещения, в частных беседах между г. Пуанкаре и г. Извольским был, естественно, поднят вопрос о возможной замене французского посла в Петербурге. Но само собой разумеется, что в этих беседах г. Извольский не высказывал мнения, которое могло бы быть истолковано в неблагоприятном для г. Луи смысле. Как в правительственных, так и общественных кругах Петербурга г. Луи пользуется глубоким уважением.

Наконец, «Information» публикует по этому поводу следующее:

Официальные круги Франции не опровергают сообщения об отозвании нашего посла в Петербурге г. Луи. Г. Луи, прибывший в Париж для совещания с французским правительством по вопросам внешней политики, просил об отозвании его из Петербурга по состоянию здоровья».

[2] Об этом Извольский писал в письме от 9 мая/26 апр. (см. т. XIX, № 875).

[3] См. т. XIX, № 875.

№ 19. Военный агент в Черногории генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 838. 17/4 мая 1912 г.

Революционное брожение в Северной и Средней Албании продолжается, не вызывая попрежнему никакого отголоска в Черногории.

Вопреки обвинениям сербской печати [1], королевское правительство продолжает, как это было и до сих пор за последние месяцы, давать советы благоразумия находящимся под его влиянием албанским племенам. Так, еще на этих днях король поручил от его имени категорически выразить малиссорам совет его величества не принимать приглашения мирдитов на общее революционное совещание, устраиваемое ими в одной из церквей племени шкрели в воскресение, [19] 6 сего мая.

С другой стороны, черногорское правительство получило от своих агентов известие, что албанцам идет помощь деньгами и оружием из Сербии и что в особенности помощь эта заметна в окрестностях Приштины, где даже будто бы замечены были сформированные на территории Сербии четы [2]. Эти последние известия нуждаются еще, по моему мнению, в подтверждении.

Здешний турецкий посланник не выказывает пока никакого беспокойства по случаю происходящих в Албании событий, указывая, что, на случай необходимости подавления восстания, оттоманское правительство располагает: в Скутарийском вилайете 20 тысячами регулярных войск и 4—5 тысячами добровольцев, а в Косовском — 25 тысячами регулярных войск. Единственная его забота, которой он не скрывает, это — во что бы то ни стало удержать Черногорию от вмешательства в албанскую смуту.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Генерального штаба генерал-майор Потапов.

№ 20. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 466. 17/4—16/3 мая 1912 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [13 мая] 30 минувшего апреля за № 445 [3] гофмейстер Нератов уведомил меня, что английское правительство настаивает на высказанном им ранее мнении о нежелательности допущения в настоящее время китайских провинциальных займов, и просил сообщить, какими инструкциями по сему вопросу будет снабжен делегат Русско-Азиатского банка на лондонской конференции по вопросу о реорганизационном займе.

По сему поводу я не могу не обратить внимания на то, что, несмотря на отрицательное отношение Англии к вопросу о провинциальных займах, банкиры других держав, входящих в состав международного консорциума, в частности Германии, как видно из доставленных мне из министерства иностранных дел документов, а равно из сообщений прессы (например, «The Times» от [10 мая] 27 апреля), заключают с китайскими провинциальными властями контракты о займах на местные нужды, причем германское правительство, повидимому, покровительствует подобным операциям. Ввиду

---

[1] Ср. стр. 10, прим. 4.

[2] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 3762, имеется тел. консула в Мигровице Лобачева от 25/12 июня за № 418, в которой он сообщал М. Гирсу, что серб. капитан Войя Танкосич и 8 дружинников «прибыли переодетые из Сербии в Болетин и ожидают там для переговоров Иссу Болетинаца из Лаба. Они прошли под Приштиной, были вблизи Юника и намерены пойти в Колашин».

[3] Письмо Нератова от 13 мая/30 апреля за № 445 в основном изложено в публикуемом документе.

сего и принимая во внимание, что ни одна финансовая группа не может претендовать на монопольные права в деле заключения займов для Китая, я полагаю, что мы вправе считать себя не связанными какими-либо обязательствами в деле заключения займов на нужды Застенных областей Китая. Соответственно сему мною одновременно с сим делается распоряжение о преподании г. Верстрату указаний в том смысле, чтобы он, не осложняя по возможности дела устройства реорганизационного займа, проводил такую точку зрения, что если какая-либо из держав, входящих в состав Консорциума, будет допускать совершение своими подданными провинциальных займов для Китая, то другим также нельзя ставить в этом деле каких-либо препятствий.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 21. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

/. Телеграмма № 913 [1], 18/5 мая 1912 г.

Лондонская конференция о китайском займе.

Верстрат телеграфировал, что Консорциум категорически отказывает Русско-Азиатскому банку в праве размещать русскую долю займа за границей в банках, не вошедших в состав Консорциума; достигнуто, и то с ограничениями, согласие выпустить заем в Бельгии. Особенно непримирим Гонконг-Шанхайский банк по отношению к лондонскому рынку [2].

Английское и французское правительства неоднократно заверяли нас, что китайский реорганизационный заем есть политическое дело, и мы согласились участвовать в нем с условием полного равноправия. Поэтому мы не можем отказаться от права свободно распоряжаться русской долей сказанного займа и реализовать ее там, где это нам удобно, то-есть в настоящем случае через бельгийских, английских и французских сотрудников Русско-Азиатского банка. Само собой разумеется, что мы предоставляем банкам условиться между собой относительно технических подробностей реализации, но при условии соблюдения интересов сотрудников Русско-Азиатского банка.

Благоволите переговорить об этом с министром иностранных дел, дав понять, в возможно осторожной форме, что без обеспечения за банком свободы действия нам едва ли возможно будет участвовать в Консорциуме [3].

Ввиду отрицательного отношения английского правительства к допущению китайских провинциальных займов наряду с реорганизационным, Верстрату предписано не осложнять вопроса, но все же настаивать, что если какая-либо из держав, входящих в состав Консорциума, будет допускать выпуск своими подданными провинциальных займов, то и другие не лишены будут того же права [4].

Сазонов.

---

[1] Опубл. М., стр. 558.

[2] См. №№ 9 и 14.

[3] Тел. от 21/8 мая за № 134 Бенкендорф сообщал, что, по его мнению, Грей не захочет оказать давления на Гонконг-Шанхайский банк в вопросе о праве русской группы реализовать часть своей доли займа через Шредера на лондонском рынке, потому что этот вопрос имеет финансовый, а не политический характер. Прежде чем предпринять перед Греем шаги, предписанные Сазоновым, Бенкендорф просил сообщить, не изменились ли намерения министра в связи с компромиссным решением, предложенным Верстратом в результате его переговоров с Аддисом (см. №№ 40 и 82).

[4] См. № 20.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 22. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 18/5 мая 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Je ne me souviens d'aucune mutation diplomatique dont la presse se soit occupée avec plus d'insistance que celle qui met le baron Marschall à la place du comte de Metternich comme Ambassadeur d'Allemagne à Londres [2].

Notre Ambassadeur à Berlin sera, j'en suis sûr, plus à même que moi de renseigner Votre Excellence sur les motifs qui ont guidé le Gouvernement allemand [3].

Je ne sais à ce sujet que ce que m'a dit le comte de Metternich lui-même de façon tout à fait confidentielle et privée, et je me permettrai de vous prier de traiter comme tel ce que je crois devoir vous communiquer.

Je me hâte d'ajouter que j'ai la plus grande confiance dans ce que dit mon collègue d'Allemagne.

Depuis un an déjà il pense se retirer de la vie diplomatique. Il en a manifesté le désir depuis cette époque. Retenu jusqu'ici, sa démission lui a été accordée à son dernier voyage à Berlin.

La chose devait être tenue secrète jusqu'à la nomination officielle de M. de Marschall.

Néanmoins, peu de jours après cette décision, la presse officieuse allemande était saisie de l'affaire et depuis lors a commencé une campagne de presse plus que pénible pour M. de Metternich.

Il en a été de cette campagne de presse organisée, comme d'ordinaire en ces cas. Elle a fait plus de mal que de bien, et M. de Marschall aura bien de la peine à faire comprendre ici qu'il n'est pas venu pour emporter de haute lutte et par sa seule apparition une entente anglo-allemande.

A Londres cette campagne a été soutenue avec énergie par la presse la plus radicale et par toutes les feuilles qui subissent plus ou moins l'influence juive. Dans l'une comme dans l'autre le but est la rupture de l'entente anglo-russe et même de l'entente anglo-française.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 368, N 610.

[2] При письме от 13 мая/30 апреля Бенкендорф препроводил газетные вырезки о назначении Маршалла послом в Лондон. В статье, напечатанной в «Times» от 13 мая/30 апреля под заголовком «Новый посол Германии» указывалось: «Мы не можем удержаться от чувства некоторого изумления по поводу возбуждения, вызванного этим перемещением в некоторых слоях общества как у нас, так и за границей. В действительности это перемещение не является европейским событием, как, повидимому, это полагают некоторые германские и здешние газеты, не говоря уже о газетах других стран». «Можно надеяться, что присутствие барона Маршалла будет способствовать улучшению взаимного понимания двух наций и, подобно недавнему визиту в Берлин лорда Холдéна, поможет более быстрому разрешению незначительных вопросов между обоими правительствами». За этим следовало указание: «Нет большего заблуждения, чем предположение, что наша внешняя политика, в частности наша дружба с другими государствами, может претерпеть изменения в каком-либо отношении».

В статье «Observer» от 12 мая/29 апреля под заголовком «Барон Маршалл и новая миссия» отмечалось, между прочим, следующее: «Мы чистосердечно признаемся, что с сожалением встречаем это назначение».

[3] См. т. XIX, № 883. В письме от 8 мая/25 апр. Бенкендорф, сообщая о предполагаемом назначении Маршалла и отмечая, что «это перемещение не нравится ни английскому правительству, ни его величеству», писал следующее: «Я узнал из верного источника, что король даже выразил желание, чтобы Меттерних остался в Лондоне. Этот шаг, само собой разумеется, может рассматриваться лишь как простая формальность, но он тем не менее остается симптоматичным. Со своей стороны сэр Артур Никольсон, который еще не получил официального уведомления, сказал мне в частном разговоре, что сэр Эдуард Грей чрезвычайно ценит неизменно лояльные и энергичные усилия графа Меттерниха и с сожалением примет его отъезд из Лондона. Сэр Артур добавил: если германское правительство воображает, что, посылая сюда барона Маршалла, оно делает удачный ход, то оно ошибается, и если будущий посол задастся целью отделить Англию от ее друзей — он пойдет по ложному пути».

Je sais qu'une des raisons de la démission de M. de Metternich était cette constante et malhabile ingérence dans la presse anglaise. Cette campagne a eu le sort des autres, — elle a froissé le sentiment national anglais comme un procédé tendant à imposer une mutation diplomatique et tout un programme avant que le Gouvernement anglais n'ait même été sondé. Et ce n'est pas sans une certaine méfiance que M. de Marschall sera reçu.

Le Roi, de façon plus privée, a, je le sais, tenu à exprimer au comte de Metternich des regrets très accentués au sujet de son départ. Sir Edward Grey, après m'avoir parlé de lui avec la plus grande considération pour son caractère et ses procédés constamment loyaux et droits, a tenu à faire une manifestation publique à la Chambre des Communes, — un fait extrêmement rare dans les usages anglais [1].

Je ne saurais cacher pourtant que cette campagne de presse, toute factice qu'elle ait été, n'en démontre pas moins que les sympathies pour l'Allemagne ont fait en Angleterre des progrès sérieux et M. de Metternich voit juste quand il me disait il y a peu de jours: «Je laisse à mon successeur une situation meilleure qu'elle n'a été depuis longtemps».

La foi dans l'entente avec la France et la Russie n'en reste pas moins robuste dans la partie plus saine du parti libéral, représentée par le Cabinet actuel, et le parti conservateur.

Mais pour ce qui nous regarde, la circonstance difficile c'est que récemment plusieurs incidents, — les uns ayant un caractère politique, les autres un caractère surtout moral et amenés par la force des choses, — sont venus mettre des obstacles à la consolidation des rapports intimes des deux pays — tout au profit de l'Allemagne, qui met un soin étrange à les citer ou à les entourer du maximum possible d'égards.

Exploités d'abord par l'élément le plus révolutionnaire, soutenus avec une vigueur croissante par l'élément juif, même conservateur, — anti-russe: le premier depuis tout temps, le second l'étant devenu, au degré où il se manifeste, beaucoup plus récemment, — les sentiments que ces incidents inspirent s'étendent.

Votre Excellence se rend compte qu'il n'en peut guère être différemment. Expliquer cette sentimentalité, favorisée par l'usage d'y donner expression sans entrave aucune, me porterait trop loin. Il m'appartient seulement de constater le fait.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Я не помню ни одного дипломатического перемещения, которое вызвало бы такой большой интерес в прессе, как назначение барона Маршалла на пост германского посла в Лондоне вместо графа Меттерниха.

Я уверен, что наш посол в Берлине имеет бо́льшую возможность информировать ваше высокопревосходительство о мотивах, которыми руководствовалось германское правительство.

Я знаю об этом лишь то, что мне сказал совершенно частным и доверительным образом сам граф Меттерних, и я позволю себе просить вас рассматривать именно так сообщение, которое я считаю нужным вам сделать.

Спешу присовокупить, что я отношусь с величайшим доверием к словам моего германского коллеги.

[1] В «Times» от 15/2 мая было опубликовано следующее заявление Грея в палате общин 14/1 мая по поводу отъезда Меттерниха: «Мы получили официальное уведомление о том, что граф Вольф-Меттерних оставляет свой пост. Если не ошибаюсь, он провел более 20 лет на посту германского посла в Лондоне, и я хотел бы воспользоваться этим выступлением, чтобы выразить сожаление по поводу его отъезда, сожаление, разделяемое как всеми находившимися с ним в официальных отношениях, так и его многочисленными личными друзьями, которых он приобрел в этой стране в течение долгого в ней пребывания. Что касается меня лично, то и я в полной мере разделяю это сожаление».

Вот уже год как он решил отказаться от дипломатической деятельности. Он выражал это свое желание все это время. До сих пор его удерживали. Его отставка была принята только во время его последней поездки в Берлин.

Дело должно было держаться в секрете до официального назначения г. Маршалла.

Тем не менее через несколько дней после этого решения немецкая официозная пресса была уведомлена об этом деле, и в печати началась кампания, более чем неприятная для г. Меттерниха.

С этой организованной кампанией случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Она принесла больше вреда, чем пользы, и г. Маршаллу будет нелегко убедить здесь, что он приехал не для того, чтобы силой и одним своим появлением добиться англо-германского согласия.

В Лондоне эта кампания встретила энергичную поддержку со стороны наиболее радикальной прессы и всех тех газет, которые в большей или меньшей степени находятся под еврейским влиянием. Как те, так и другие добиваются разрыва англо-русского и даже англо-французского согласия.

Я знаю, что одной из причин отставки г. Меттерниха и было постоянное и неумелое вмешательство в английскую прессу. Эта же кампания испытала судьбу всех остальных: она задела национальное самолюбие англичан, усмотревших в этом стремление навязать английскому правительству дипломатическую перемену и целую программу, не запросив даже его мнения. Г. Маршалл будет принят здесь не без некоторого чувства недоверия.

Я знаю, что король счел нужным частным образом выразить графу Меттерниху свое особое сожаление по поводу его отъезда. Сэр Эдуард Грей, отозвавшийся в беседе со мной с величайшим уважением об его характере и его всегда прямом и лойяльном образе действий, счел нужным сделать публичное заявление в палате общин, — случай чрезвычайно редкий по английским обычаям.

Не могу скрыть, однако, что эта газетная кампания, как бы искусственна она ни была, все же свидетельствует, что симпатии к Германии сильно возросли в Англии, и г. Меттерних был прав, сказав мне несколько дней тому назад: «Я оставляю своему преемнику положение лучшее, чем было в течение долгого времени».

Тем не менее вера в согласие с Францией и Россией остается непоколебимой в наиболее здоровой части либеральной партии, представляемой нынешним кабинетом, а также в партии консерваторов.

Что касается нас, то затруднительность положения заключается в том, что за последнее время произошли некоторые инциденты, из которых одни носили политический характер, другие, вызванные силой обстоятельств, — скорее моральный; эти инциденты препятствовали укреплению дружеских отношений между обеими странами. Все это исключительно выгодно для Германии, которая с необычайным старанием раздувает эти факты или привлекает к ним максимальное внимание.

Использованные в первую очередь наиболее революционными элементами, поддержанные затем с возрастающей энергией даже консервативно настроенными еврейскими элементами, — причем первые всегда отличались антирусскими тенденциями, а вторые приобрели их (в той степени, в какой они теперь проявляются) значительно позже, — настроения, порождаемые этими инцидентами, все более распространяются.

Вашему высокопревосходительству ясно, что иначе и быть не может. Пытаться дать объяснение подобного рода чувствам, поощряемым обычаем свободно проявлять их, завело бы меня слишком далеко. Мне надлежит только констатировать факт.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 23. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 61. 18/5 мая 1912 г.

Министр иностранных дел сказал мне, не называя источника, что им получено предложение созвать международную конференцию для решения всяких связанных с войной вопросов. Лично он относится к этой мысли отрицательно, но предварительно какого бы то ни было ответа хотел бы знать взгляд вашего высокопревосходительства на этот вопрос. Во всяком случае на конференцию Италия могла бы пойти только при условии, чтобы вопрос о суверенитете Италии в Триполи и Киренаике совсем не обсуждался. Министр просит хранить в тайне это сообщение [1].

Поггенполь.

[1] Ответной тел. от 24/11 мая за № 965 Сазонов сообщал: «Не имеем решительно никаких данных считать слухи о предложении созвать конференцию имеющими какое-либо положительное основание».

№ 24. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 58. 18/5 мая 1912 г.

Албанское движение [1].

В противность турецким официальным заявлениям, по имеющимся у нас сведениям, албанское движение широко распространяется и серьезно угрожает спокойствию на Балканах. Туркам удалось занять Кочапикское дефиле, но войск у них там очень мало и они едва ли в состоянии будут дать отпор албанцам, ныне сосредоточившимся на северо-восточной границе Черногории. Вожди их, среди коих находится и Исса Болетинац, призывают сербские племена в Дольнем Колашине примкнуть к восстанию; в противном случае угрожают им разгромом. Те же предложения делаются в округах Приштинском и Митровицком. Положение сербского правительства представляется крайне затруднительным: с одной стороны, не будучи в силах предотвратить восстание, оно, с другой стороны, не может действовать открыто против албанцев, рискуя вызвать избиение родственных племен на своей границе. В совете министров обсуждался вопрос о принятии из предосторожности некоторых военных мер.

Гартвиг.

№ 25. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 914. 19/6 мая 1912 г.

Получил телеграмму № 71 [2]. Ссылаюсь на мое письмо, привезенное вам сегодня курьером [3].

Ваше опровержение, переданное Гавасом, надеюсь, достаточно успокоит общественное мнение, но считаю весьма желательным рассеять в самих правительственных кругах Франции, повидимому, создавшееся ложное впечатление о мнимом нашем требовании отозвания Луи.

Сазонов.

№ 26. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

*/. Телеграмма № 919. 19/6 мая 1912 г.

№ 448 получен [4].

Признание присоединения Барги к Халхе для нас нежелательно, и вы поступили правильно, предписав Усатому воздерживаться от всего, что могло бы быть истолковано как признание нами сказанного присоединения.

Благоволите поручить Люба затронуть этот вопрос в его объяснениях с хутухтой и указать ему, что далее отказа в перевозке китайских войск по нашей железной дороге мы не можем пойти в деле поддержки движения в Барге. Особое положение Китайской Восточной железной дороги вынудит нас допустить на ее территорию китайские власти, которые, несомненно, сумеют посеять рознь среди населения Барги и приведут его к подчинению без всяких гарантий китайцам. Поэтому мы советуем Барге сговориться с китайцами, пока это можно сделать, выговорив при этом некоторые льготы. Посылка хутухтой оружия в Баргу, о чем телеграфирует Люба [5], лишь затруднит улажение создавшегося положения, не создав в Барге силы,

---

[1] См. № 12.

[2] См. № 16.

[3] Соответствующее письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] Содержание тел. В. Крупенского от 17/4 мая за № 448 в основном изложено в первом абзаце публикуемого документа.

[5] В тел. от 18/5 мая за № 804 Люба сообщал: «Хутухта подарил Барге из отпущенных нами берданок 2 000. Отправка задерживается за отсутствием у баргутов средств на наем подвод».

способной сопротивляться китайцам или хотя бы держать в повиновении ее разноплеменное население.

Благоволите также запросить Усатого, какие меры могли бы быть, по его мнению, приняты, чтобы побудить баргутов отказаться от соединения с Халхой или отложить осуществление этого соединения до выяснения положения самой Халхи [1].

Сазонов.

№ 27. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 420. 19/6 мая 1912 г.

Салар.

Получил № 893 [2].

Вероятность применения предложенной мною меры является весьма отдаленной, но я уверен, что, в случае движения его войск на Тегеран, наши интересы, группировка около принца всех враждебных нам элементов и, наконец, сила будущих обстоятельств заставят нас принять на себя защиту здешней столицы. Вследствие этого не будет ли признано возможным, не предрешая окончательно нашего образа действий,задержать уменьшение гилянского отряда до выяснения результатов борьбы персидского правительства с Саларом. Принц находится еще в Керманшахе, и наши предостережения могут быть ему переданы через Никольского. О необходимости не подвергать опасности жизнь и имущество русско-подданных Салару хорошо известно, и он, вероятно, приложит все старания, чтобы не давать нам поводов к неудовольствию, но ему наверно не удастся удержать от грабежей своих недисциплинированных кочевников. Мне также кажется, что наши предостережения могут иметь некоторое реальное значение лишь в случае угрозы поддержания их вооруженной силой. О нынешнем положении Салара доношу в другой телеграмме [3].

Поклевский.

№ 28. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 451. 19/6 мая 1912 г.

Китайский заем.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 444 [4].

Согласно полученным от Верстрата указаниям, Гойер будет продолжать

---

[1] В ответной тел. от 21/8 мая за № 461 В. Крупенский известил Сазонова об отправке соответствующих распоряжений Люба и Поппе и сообщил, что «со стороны китайцев не замечается ни малейшего желания сговориться с баргутами на основании предоставления им каких-либо льгот». По мнению Крупенского, китайцы намеренно оттягивают переговоры, «выжидая благоприятного момента для полного восстановления их власти в Барге». Это мнение было подтверждено Крупенским в тел. от 29/16 мая за № 477, в которой он передавал также сообщение Усатого, что «заставить баргутов отказаться от соединения с Халхой может только хутухта или более интенсивная деятельность китайцев».

[2] См. № 6.

[3] Тел. от 19/6 мая за № 424 Поклевский сообщил, что, по полученным от консула в Керманшахе Никольского сведениям, при Салар-эд-Доуле в Керманшахе находятся 2000 курдов. Далее Поклевский сообщал, что накануне начальник тегеранской полиции Ефрем «выступил из Хамадана против Салар-эд-Доуле с отрядом численностью до 1500 чел., в который вошли и прибывшие из Зенджана бахтиары». Поклевский заканчивал свою тел. сообщением, что имеются сведения о междоусобице в окрестностях Керманшаха, и если они подтвердятся, «то положение принца трудно признать хорошим».

Тел. от 20/7 мая за № 427 Поклевский извещал Сазонова о полученном в Тегеране сообщении перс. посла в К-поле, что «Салар известил по телеграфу султана об объявлении себя шахом». Тел. от 31/18 мая за № 371 М. Гирс сообщил, что, по словам перс. посла в К-поле, «телеграмма Салара султану оставлена без ответа».

[4] См. № 13.

присутствовать на совещаниях банкиров, разумеется только пока к тому не встретится возражений со стороны представителей четырех групп. Я еще раньше говорил Гойеру, что считаю это желательным, тем более что и Одагири, с согласия Иджуина, держится подобного же образа действий. Несомненно,однако, что положение их обоих в банкирской комиссии является довольно затруднительным и фальшивым. Вчера китайцам выдан аванс в 3 миллиона лан, без допущения к участию в нем японской и нашей групп [1].

Крупенский.

№ 29. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 483. 19/6 мая 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [17] 4 сего мая за № 466 [2] ваше превосходительство изволите спрашивать моего заключения по поводу заявленного австро-венгерским правительством желания австро-венгерской финансовой группы принять участие, в качестве самостоятельной единицы, в международном консорциуме, организуемом для выпуска китайского реорганизационного займа.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему превосходительству, что еще до получения означенного письма меня посетил австро-венгерский поверенный в делах, который изложил мне пожелания своего правительства и которому я, со своей стороны, высказал свой взгляд на этот вопрос. Дабы устранить возможность каких-либо недоразумений, считаю долгом в точности воспроизвести сущность высказанных мною при этом соображений.

Имея в виду сведения, сообщенные в письме гофмейстера Нератова от [12 мая] 29 минувшего апреля за № 435 [3], я обратил внимание г. Силаши на то, что осуществление предположений австро-венгерской финансовой группы встречает серьезные препятствия формального характера. Заявление австро-венгерского правительства поступило в то время, когда между шестью великими державами, которые являются бесспорно наиболее заинтересованными в китайских делах, частью вследствие их непосредственного соседства с Китаем, частью ввиду обширности их торговых сношений с ним, уже состоялось соглашение об оказании нынешнему китайскому правительству помощи путем особого реорганизационного займа. Исполнение теперь пожеланий Австро-Венгрии даст повод выступить с аналогичными требованиями не только Италии, как великой державе, но и Бельгии, ссудившей уже Китаю довольно крупную сумму и вообще создавшей себе серьез-

[1] В тел. от 22/9 мая за № 464 В. Крупенский сообщал Сазонову: «На посланный в Лондон здешними представителями четырех групп запрос касательно их дальнейшего отношения к Гойеру и Одагири получен ответ, что, ввиду приостановки участия русского и японского представителей в переговорах, ведущихся в Европе, здешние банкиры должны руководствоваться этим прецедентом. Таким образом Гойер и Одагири не принимают больше никакого участия в переговорах здесь касательно займа».

[2] Содержание указанного письма Сазонова изложено в публикуемом документе.

[3] В письме Коковцову за № 435 от 12 мая/29 апр. Нератов сообщал, что в связи с выраженным австро-венг. прав-вом желанием принять участие в кит. реорганизационном займе (см. т. XIX, № 861) он поручил послам в Лондоне, Париже и Токио осведомиться о том, как английское, французское и японское правительства «предполагают ответить Австро-Венгрии на ее настоящее официальное домогательство участия в китайском реорганизационном займе». Далее Нератов писал: «При этом я обратил внимание на то, что при ставимых австро-венгерским правительством условиях участие в этом займе австрийской группы давало бы Австрии равные с прочими державами-участницами займа политические выгоды, не вызывая с ее стороны одинаковых с ними денежных жертв. Я высказал также мысль, что участие Австрии в китайском реорганизационном займе дало бы повод прочим державам требовать такого же участия, и подчеркнул права, которые создались бы при этом для Бельгии, имеющей в Китае финансовые интересы первостепенной важности».

ные интересы в Китае, а, может быть, даже и Турции. Последнее, конечно, маловероятно, но во всяком случае нельзя не предусматривать, что удовлетворение австрийских пожеланий повлечет за собой необходимость преобразования нынешнего Шестерного консорциума в консорциум девяти стран. Между тем опыт уже показал, что присоединение к Консорциуму даже таких держав, как Россия и Япония, которые были приглашены к участию самим Консорциумом из опасения их противодействия, способно вызывать целый ряд трений и осложнений. Еще более затруднений вызвал бы, конечно, вопрос о допущении в состав Консорциума трех новых участников.

Затем я не скрыл от г. Силаши и предположения, что австро-венгерская группа, вероятно, не признает возможным отделиться от германской группы, которая действовала доныне совместно с Америкой, преследовавшей далеко не дружественные по отношению к России цели. В то же время я подчеркнул, однако, что невзирая на все это Россия менее всего заинтересована в том, чтобы создавать препятствия к удовлетворению пожеланий австро-венгерских финансистов, которые, согласно заявлению г. Силаши, не преследуя политических целей, имеют в виду лишь обеспечить сбыт в Китае изделиям австро-венгерской промышленности. Имея в виду это заявление, я вместе с тем обратил внимание г. Силаши на то, что выдвигаемые австро-венгерскими финансистами чисто коммерческие задачи могут быть достигнуты и без тех осложнений, которыми угрожает избранный ими путь; их осуществления Австрия, конечно, могла бы добиться и не выступая самостоятельно, через посредство Германии.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 30. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

20/7 мая 1912 г.

Pour faire suite à son aide-mémoire en date du 10 mai /27 avril dernier [1], le Chargé d'Affaires d'Angleterre a l'honneur de porter ce qui suit à la connaissance de Son Excellence le Ministre Impérial des Affaires étrangères.

Le Gouvernement de Sa Majesté britannique a déjà informé le Gouvernement austro-hongrois [2] que les Gouvernements intéressés — avec une seule exception — l'avaient [3] jugé difficile d'adopter leur [3] proposition, que si l'Autriche-Hongrie était admise à une participation indépendante à l'emprunt chinois, il serait impossible de refuser une pareille participation à d'autres Puissances et qu'en augmentant le nombre des groupes on rendrait impraticable la combinaison existante [4]; que jusqu'à présent les six membres de cette combinaison ont été sur un pied d'égalité quant à leur participation financière et que l'admission d'un membre additionnel ou de plusieurs de ces membres

[1] См. т. XIX, ч. II, стр. 504, прим. 1.

[2] Указанное сообщение англ. прав-ва было сделано австро-венг. пос-ву в Лондоне в меморандуме от 18/5 мая, основные положения которого изложены в публикуемой пам. записке. Как сообщал Бенкендорф в тел. от 20/7 мая за № 132, текст меморандума в тот же день был доверительно сообщен ему Греем.

[3] Так в оригинале.

[4] В тел. от 14/1 мая за № 86 Малевский сообщил, что австро-венг. поверенный в делах посетил япон. м-ра ин. дел и «возобновил вопрос об отношении Японии к вступлению австрийской группы банкиров в синдикат»; Уцида ответил, что «должен, прежде чем дать свое заключение, знать мнение других заинтересованных держав». Далее Малевский сообщал, что на запрос англ. посла по тому же поводу япон. м-р ин. дел ответил следующее: «Если австрийская группа будет допущена, то трудно найти повод исключить группы, принадлежащие другим нациям. Тем не менее, если бы, несмотря на трудности, которые возникнут при таком обороте дела, прочие державы благоприятно встретили бы австрийское вступление, то Япония будет готова дать своей группе одинаковые указания, что и другие державы».

avec une part moindre serait une anomalie et que la meilleure façon de donner satisfaction à l'Autriche-Hongrie serait de lui accorder une certaine proportion de la part d'une des autres Puissances.

Перевод.

В дополнение к памятной записке от 10 мая/27 апреля с. г. английский поверенный в делах имеет честь довести до сведения его превосходительства императорского министра иностранных дел следующее.

Правительство его британского величества уже уведомило австро-венгерское правительство, что заинтересованные правительства, — за одним исключением, — сочли затруднительным принять его предложение; что если Австро-Венгрия будет допущена к самостоятельному участию в китайском займе, то будет невозможно отказать в таком же участии другим державам, а увеличение числа групп сделало бы существующую комбинацию нереальной; что до настоящего времени шесть членов этого Консорциума участвовали в нем на равных в финансовом отношении началах и допущение дополнительно одного или нескольких членов с меньшей долей участия было бы аномалией и что лучшим способом удовлетворить Австро-Венгрию было бы предоставление ей некоторой части из доли какой-либо другой державы.

№ 31. Министр иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

*/. Телеграмма № 923. [20/7 мая 1912 г.

По сведениям С.-Петербургского телеграфного агентства, во Львове у памятника Мицкевича произведена многотысячной толпой антирусская демонстрация, причем с пением песен был сожжен портрет государя императора [1]. Мы пока задержали опубликование последней части телеграммы, но ввиду невозможности долго скрыть подобный случай, если он действительно имел место, и ввиду несомненного возмущения, которое, естественно, вызовет таковой в России, мы придаем весьма серьезное значение точному выяснению всего происшедшего.

Благоволите лично переговорить об этом с министром иностранных дел и о последующем спешно телеграфировать [2].

Сазонов.

№ 32. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 927 [3]. 20/7 мая 1912 г.

Участие Австрии в китайском займе.

№ 69 получен [4].

Мы присоединяемся к мысли Пуанкаре о желательности дать Австрии ответ от имени России, Франции, Англии и Японии, которые могли бы согласиться относительно содержания этого ответа.

В моих предварительных объяснениях с австрийским поверенным в

[1] В сообщении агентства указывалось, что эта демонстрация была устроена в качестве протеста против выделения Холмщины. В это время в Государственной думе обсуждался законопроект об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии с изъятием ее из управления варшавского ген.-губернатора. Законопроект этот был утвержден 6 июля/23 июня 1912 г.

[2] В тел. от 21/8 мая за № 35 Н. Гирс передал заявление Берхтольда, что ни ему, ни австро-венг. прав-ву ничего не известно о сообщаемом Савоновым факте. Берхтольд сказал Гирсу, что «он потребует самое быстрое и энергичное следствие» и в случае подтверждения этого факта австро-венг. прав-во «даст полное удовлетворение».

[3] Опубл. М., стр. 557.

[4] В тел. от 16/3 мая за № 69 (опубл. М., стр. 557) Извольский сообщал: «Австрийский посол продолжает настойчиво требовать здесь принятия Австрии в Консорциум. Пуанкаре, оставаясь на прежней точке зрения, высказал мне, что было бы весьма желательно действовать в настоящем вопросе по совещанию между Россией, Францией, Англией и Японией и дать Австрии отрицательный ответ от имени всех этих держав. Пуанкаре убежден, что Австрия действует по наущению из Берлина и что требования ее имеют целью создать противовес включению в Консорциум России и Японии».

делах я указывал на отсутствие у России политических причин, которые заставляли бы нас возражать против участия австрийской группы в китайском займе. Но участие Австрии создало бы повод для аналогичных требований Италии и других держав, особенно Бельгии, имеющей в Китае крупные финансовые интересы и на равноправном участии которой в китайском займе мы будем в таком случае настаивать [1]. Выпускающий китайский заем консорциум разросся бы таким образом до размеров, которые лишили бы его необходимого для обеспечения кредиторов Китая единодушия.

Благоволите переговорить с Пуанкаре и выяснить, находит ли он такую формулу ответа подходящей и предложит ли ее английскому и японскому правительствам. Со своей стороны, мы готовы обсудить всякую другую формулу и для окончательного ответа Австрии будем ждать соглашения относительно его содержания [2].

[Сазонов.]

№ 33. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

*/. Телеграмма № 928 [3]. 20/7 мая 1912 г.

Итальянское правительство обращает наше внимание на ненормальность нынешнего положения острова Самоса, который, находясь под особым попечением России, Франции и Англии, в теории свободен от турецкого военного постоя и является как бы нейтральным, на деле же служит местопребыванием значительного турецкого гарнизона и складов военных припасов.

Благоволите обсудить создавшееся положение с министром иностранных дел и выяснить мнение правительства, при коем вы аккредитованы, относительно целесообразности либо предложить Порте отозвать свои гарнизоны с острова и восстановить оговоренное статутом положение, либо разрешить Италии распространить враждебные действия и на Самос.

Сазонов.

№ 34. Английский поверенный в делах в Петербурге О'Берн английскому статс-секретарю по иностранным делам Грею.

*/. Телеграмма № 195 [4]. 20/7 мая 1912 г.

Secret.

I said Mr. Sazonow to-day that excitement created in England by the Malecka case [5] was so great that matter was more likely to disturb the good

[1] Ср. № 29.

[2] Извольский ответил тел. от 25/12 мая за № 84 (опубл. М., стр. 559): «Сообщил вашу формулу Пуанкаре, который сказал мне, что Австрии уже известно о решении Консорциума отказать ей в участии и что австрийский посол выразил ему по этому поводу крайнее неудовольствие». Далее Извольский указывал, что Пуанкаре, считая все же необходимым дать коллективный ответ, принимает формулу Сазонова, причем часть, касающуюся Бельгии, он «намерен редактировать в том смысле, что ему известно, что, в случае допущения Австрии, Россия будет настаивать на равноправном участии Бельгии». В ответной тел. Сазонов сообщал Извольскому, что он разделяет мнение Пуанкаре (тел. от 27/14 мая, № 995, опубл. М., стр. 559).

[3] Опубл. Stieve, II, S. 116, N 289.

[4] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[5] В докладной записке м-ра внутренних дел Макарова от 31/18 мая 1912 г. Николаю II имеются по делу Малецкой следующие сведения: Екатерина Малецкая родилась в Англии. Ее мать — англичанка; отец — Ян Малецкий — происходил из Волынской губ. и состоял в русском подданстве. В 1860 г. он натурализовался в Англии, не получив на это разрешения росс. прав-ва. В 1910 г. Малецкая приехала в Варшаву с английским паспортом. В марте 1911 г. она была арестована по подозрению в принадлежности ее к польской социалистической партии. На допросе Малецкая признала, «что она вполне сочувствует социалистическому учению и притом не только теоретически, но желала бы видеть его осуществление в жизни; в част-

feeling between the two nations than other political questions that had lately arisen between them [1]. He declared it is impossible for a Russian Minister to advise Emperor to reduce forthwith a sentence just passed, that it would be a yielding to foreign pressure at cost of the dignity of Russian courts, and the only issue possible was that as soon as the prisoner had expiated a portion of her sentence, she might... the other portion. I repeated that unless I could announce now, that sentence had been mitigated by Emperor, he must be convinced effect on the relations between the two countries would be serious. Mr. Sazonow finally so far yielded as to say that if Miss Malecka signed a petition to the Emperor, he would say Minister of Justice that he «may do something». He said Prime Minister would support him and would strengthen his hand but he must say me that he had so far found little disposition on the part of Minister of Justice to make any concession. I feel more hope now of Mr. Sazonow's influence being used, but I need still to say it may be essential that Miss Malecka's friends should refrain from any action that would render his position more difficult [2].

Перевод.

Секретно.

Я сказал сегодня г. Сазонову, что возбуждение, вызванное в Англии делом Малецкой, настолько сильно, что это дело скорее сможет нарушить добрые отношения между обеими нациями, чем другие возникшие между ними за последнее время политические вопросы. Он заявил, что российскому министру невозможно советовать императору тотчас смягчить только что вынесенный приговор, что это значило бы уступить давлению извне в ущерб достоинству русского суда, и что единственный возможный исход: когда заключенная понесет часть положенного наказания, другая часть может быть... Я повторил, что если я не смогу заявить теперь же, что приговор смягчен императором, он может быть уверен, что последствия для отношений между обеими странами будут серьезными. Г. Сазонов, наконец, настолько уступил, что сказал, что если Малецкая подаст на имя императора прошение о помиловании, то он скажет министру юстиции, что тот «мог бы что-либо сделать». Он сказал, что премьер-министр окажет ему полную поддержку, но он должен сказать мне, что со стороны министра юстиции он пока еще не видел желания пойти на уступки. У меня теперь больше надежды, что г. Сазонов употребит свое влияние, но я все же должен сказать, что было бы существенно важно, чтобы друзья Малецкой воздержались от каких-либо действий, которые затруднили бы его положение.

№ 35. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. (Телеграмма № 77 [3]. 20/7 мая 1912 г.

Только что объяснился с Пуанкаре в смысле вашего письма и вчерашней телеграммы [4]. Пуанкаре выразил мне в самом дружелюбном тоне, что

ности же, как полька по происхождению, она также сочувствует и деятельности польской социалистической партии, стремясь, наравне со всеми прочими членами партии, к достижению последней ее целей, т. е. к отторжению Польши от России и образованию независимой польской демократической республики». Приговором особого присутствия варшавской судебной палаты от 9/10 мая — 26/27 апр. 1912 г. она была лишена прав состояния и приговорена к 4 годам каторжных работ.

[1] В тел. от 15/2 мая (без номера) Бенкендорф, указывая, что появившееся в печати сообщение о приговоре по делу Малецкой, в котором она названа англ. подданной, вызвало сильное возбуждение в англ. общественном мнении, передавал: «Уже начинается использование его всеми органами печати, стоящими за сближение с Германией, и оно встретит отклики, которые пойдут слишком далеко. Оно привело к сопоставлению русского судопроизводства с германским, — сопоставлению тем более для нас нежелательному, что оно совпадает с газетной кампанией, организованной по случаю приезда Маршалла. Эта кампания зашла так далеко, что сильно повредила новому послу. Настоящий же случай легко может быть использован для агитации в обратном смысле».

[2] 19/6 мая Мария Федоровна телеграфпровала Николаю II из Лондона: «Я очень хочу просить тебя даровать большую милость сегодня, в день твоего рождения, которую оценит весь английский народ, — помиловать Малецкую и выслать ее из России обратно в Англию».

[3] Маш. копия.

[4] См. № 25.

настоящий инцидент не оставил в нем ни малейшей горечи ни по отношению к вам, ни по отношению ко мне, ибо он отлично понимает, что шаги были предприняты с целью скрепить франко-русские отношения и устранить из них всякий элемент недоразумений. Раз это дело, к сожалению и вопреки его воле, получило огласку, он принужден временно возвратить Луи в Петербург и надеется, что он найдет средства установить с вами удовлетворительные отношения. Таким образом инцидент потерял, по моему убеждению, остроту. Продолжаю усиленно противодействовать стараниям части печати придать делу политическую окраску [1]. Газеты «Temps» и «Matin» поместили вчера и сегодня инспирированные статьи; большинство других газет под влиянием министерства иностранных дел сократили полемику.

Извольский.

№ 36. Выписка из частного письма д. с. с. Поггенполя на имя барона Шиллинга [2].

[20/7 мая 1912 г.

1) *Албанский вопрос*. Итальянское правительство желает вступить с нами в откровенные объяснения; оно не поддерживает движения и готово сделать нам все, что мы пожелаем. Я хотел бы вызвать их на бо́льшую нескромность с их точки зрения, а именно: заставить их сообщить мне текст соглашения Италии с Австрией по албанскому вопросу [3]. Это было бы очень важно для нас. Нужно ковать железо, пока оно горячо, а отношения Консульты к нам таковы, что, быть может, удастся добиться успеха.

2) *Раккониджи* [4]. Ежедневно мне приходится выслушивать такие замечания от Сан-Джулиано, Скалеа и Контарини [5]: «Nous voulons entrer avec la Russie dans un échange de vues le plus intime et le plus complet. C'est sur la base de Racconigi que nous pouvons parler. Nous voudrions savoir quels seraient les désirs de la Russie, — le garder tel quel ou bien l'élargir. Nous sommes prêts à soutenir la politique russe partout et en toute chose. Référez en à votre Gouvernement, s'il vous plaît». [6]

---

[1] В тел. от 18/5 мая за № 74 (опубл. М., стр. 199) Извольский сообщал: «Сегодня печать продолжает заниматься вчерашним инцидентом. Крупные органы, направляемые министерством иностранных дел, вроде «Temps», «Journal des Débats», «Matin» и т. д., относятся к делу весьма спокойно и ограничиваются перепечаткой опровержений. Некоторые газеты, по преимуществу крайние и оппозиционные, всегда отличавшиеся враждебностью к России, продолжают нападки на Россию и лично на меня. При этом ярко выступает стремление придать инциденту политическую окраску и объяснить наше неудовольствие на Луи тем, что Россия будто бы замышляет агитационную [?] политику против Турции и встречает противодействие со стороны французского посла. О некоторых газетах, высказывающихся в этом смысле, известно, что они получают субсидию от турецкого посольства, выдающего здешней печати крупные суммы. Принимаю меры, чтобы по возможности восстановлять в газетах истину, но при отсутствии денежных средств это очень трудно».

[2] Заголовок оригинала. Выписка из письма сделана в росс. м-ве ин. дел. Полный текст письма Поггенполя не обнаружен.

[3] Обменом нот между Австрией и Италией от 20/7 дек. 1900 г. — 9 февр./27 янв. 1901 г. устанавливалось взаимное обязательство поддерживать status quo в Албании, а в случае нарушения последнего добиваться образования автономного албанского княжества (опубл. Pribram «Die politische Geheimverträge Oesterreich-Ungarns 1879—1914», Bd. I, S. 83).

[4] Имеется в виду русско-итальянское соглашение по делам Ближнего Востока, заключенное 24/11 окт. 1909 г. в Раккониджи.

[5] Контарини — начальник кабинета министра ин. дел.

[6] «Мы желаем войти в самый искренний и полный обмен мнений с Россией. Мы можем говорить на основе соглашения в Раккониджи. Нам хотелось бы знать пожелания России — сохранить ли это соглашение в его первоначальном виде или расширить его. Мы готовы везде и во всем поддерживать политику России. Сообщите, пожалуйста, об этом вашему правительству».

Я считаю своим верноподданническим долгом не только отметить такое настроение, но обратить на него самое серьезное внимание. Италия переживает острый и тяжелый кризис; она ищет нашей поддержки. Баррер сказал мне на-днях: «Si l'on était plus intelligent à Paris on soutiendrait mieux M. Sazonow; croyez-moi: *cela vaut quelque chose* de tirer l'Italie de l'embarras actuel» [1]. Упустить такой момент было бы грешно. Нужно самым эгоистическим образом обсудить, желаем ли мы тем или другим путем закрепить Италию за группировкой держав Тройственного согласия, и тогда поставить наши условия.

3) *Отношения Италии и Франции.* Италия не соглашается пока возобновить с Францией соглашение 1902 г. [2] Мне кажется, что наши интересы требуют этого возобновления, так как конечная цель соглашения 1902 г. — отделение Италии от Тройственного союза. Я хотел бы быть уполномоченным министерством в разговорах своих в Консульте намекнуть, что Россия заинтересована в возобновлении этого соглашения.

№ 37. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма [3]. 20/7 мая 1912 г.

При обсуждении предложения о нейтрализации Швеции, — депеша № 6 [4], — министр иностранных дел сегодня произнес в риксдаге речь, в которой указал совершенно определенно и категорично, что во внешней политике для Швеции возможен только один путь, строгий нейтралитет, которого она в последнее время держится и держалась и, он уверен, будет держаться. Ни предложение (нейтрализации?) Швеции, ни вступление ее в союзы с другими государствами несовместимо с ее интересами, как страны,

[1] «Если бы в Париже были умнее, там бы в большей мере поддерживали г. Сазонова; поверьте мне, *стоит дать себе труд* вывести Италию из ее теперешнего затруднительного положения».

[2] Имеется в виду «соглашение о нейтралитете», заключенное между Италией и Францией в Риме 1 ноября/19 октября 1902 г.

[3] Номер отсутствует.

[4] В деп. от 12 марта/28 февр. за № 6 поверенный в делах в Стокгольме Мясоедов сообщал, что в январе 1912 г. в нижнюю палату шведского риксдага было внесено предложение депутата Пальмшиерны «о включении в основные законы постановления о вечной нейтрализации Швеции». Мясоедов указывал: «Предложение Пальмшиерны и его товарищей по социал-демократической партии допускает возможным лишь выбор между признанным или признанным и гарантированным нейтралитетом. Однако этот последний вид должен содержать такие условия, чтобы гаранты не могли иметь слишком значительного влияния на нейтральное государство, но, с другой стороны, были обязаны оказывать ему поддержку для сохранения нейтралитета. Простое же объявление себя Швецией вечно нейтральным государством не достигало бы цели и имело бы лишь то значение, что, по мнению Пальмшиерны, рассеивало бы тенденциозные и ложные слухи о возможном участии Швеции в одной из групп воюющих держав в случае политических осложнений в Европе». «Стоящие на очереди задачи народной обороны, — писал Мясоедов, — и поднятая консервативной партией, в связи с ними, агитация против либерального министерства настолько усилили за последние недели шведское национальное самосознание, что возбуждение подобного вопроса, в котором враги кабинета сейчас же увидели бы попытку умаления государственного достоинства Швеции, несомненно, неблагоприятно отразилось бы на положении правительства Стаафа. Между тем, с точки зрения интересов как самой Швеции, так и ее соседей, проведение проекта депутата Пальмшиерны было бы, как мне кажется, вполне желательным. Оно действительно прекратило бы постоянные слухи о вступлении Швеции в военное соглашение с державами Тройственного союза и лишило бы ее и впредь возможности участвовать в подобных комбинациях. Равным образом признание вечного нейтралитета Швеции успокоило бы, до некоторой степени, умы шведского народа, живущего ныне под постоянным, хотя и ничем не обоснованным, страхом русского нашествия и завоевания. Страх этот, несомненно, искусственно возбуждается извне и является главным стимулом вовлечения Швеции в орбиту германской политики. Он поддерживает недоверие к нам шведского населения и мешает установлению между нашими странами действительно дружеских, добрососедских отношений».

дорожащей своей самостоятельностью и свободой. В конце речи министр, согласно обещанию, данному мне в недавнем разговоре по поводу брошюры Фальбека [1], выразил надежду, что впредь журналисты своими неосторожными и опрометчивыми суждениями не будут вредить добрым отношениям Швеции с соседними и дружественными государствами. Предполагаю на завтрашнем приеме выразить министру благодарность.

Савинский.

№ 38. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Депеша № 25. 20/7 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На последнем дипломатическом приеме я нашел министра иностранных дел несколько озабоченным вследствие полученных им за последнее время тревожных известий из Албании. Известия эти и сопоставление их в западной печати со слухами о мобилизации румынской армии побудили его величество короля Карла поручить ему, как я имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству [14] 1 сего мая, заверить державы в искреннем стремлении Румынии к миру и опровергнуть те слухи о принимаемых, будто бы, румынским правительством военных мерах [2]. Несомненно, что нынешнее правительство является в этом своем стремлении верным выразителем действительных желаний страны, бесспорно мирно настроенной и вполне сознающей, что время исполнения, может быть, и существующих надежд в далеком будущем соединить все румынские земли далеко еще не наступило.

В дальнейшей беседе г. Майореску доверительно сказал мне, что здешний итальянский посланник еще шесть недель тому назад указал ему на возможность близкого возобновления волнений в Албании; министр опасается, что затруднительное положение, в коем находится Италия, может заставить ее содействовать внутренним осложнениям в Турции, дабы этим побудить ее к уступчивости. Г. Майореску добавил при этом, что он лично не верит в распускаемые печатью слухи о состоявшемся, будто бы, соглашении между нами и Италией, зная миролюбивый характер нашей политики.

Действительно, в здешней печати за последнее время нередко указывалось, насколько мне пришлось заметить под влиянием слухов, исходящих из Вены, на существование особого договора между Россией и Италией относительно Оттоманской империи, в связи с настоящей войной; указывалось даже, что из речи вашего высокопревосходительства видно, насколько симпатии России на стороне Италии [3].

Я воспользовался моим разговором с г. Майореску, чтобы указать ему, что Россия сохраняет самый полный и беспристрастный нейтралитет по отношению к обеим воюющим державам, стремясь, однако, к изысканию почвы для восстановления между ними мира.

Примите и пр. А. Лысаковский.

№ 39. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 21/8 мая 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Comme j'ai eu l'honneur d'en rendre compte par mon télégramme en date du 15/2 mai, Sir Edward Grey me fit prier de passer chez lui [4].

---

[1] См. т. XIX, № 854.

[2] См. № 2.

[3] Имеется в виду речь Сазонова в Гос. думе от 26/13 апр. (см. т. XIX, ч. II, стр. 505, прим. 1).

[4] Содержание тел. Бенкендорфа от 15/2 мая за № 126 (опубл. Siebert, II, S. 367, N 609) исчерпывается публикуемым документом.

Il me reçut en me disant que plus récemment plusieurs indications provenant de bonnes sources lui faisaient penser que tant l'Italie que la Turquie désiraient la paix plus que ne permettaient d'en juger les apparences.

Sir Edward croit savoir — quoiqu'en aucune façon officiellement — que l'Italie non seulement réconnaîtrait la suprématie religieuse du Sultan-Khalife en Tripolitaine et en Cyrénaïque, ce que le Gouvernement italien avait déjà laissé entendre plusieurs fois, mais qu'elle se déciderait à ajouter à cet arrangement, comme preuve plus manifeste de cette suprématie religieuse, une annuité au profit du Sheik-ul-Islam.

Sir Edward me dit qu'il considérait ce renseignement plutôt comme un indice de désir de paix que comme une base suffisante pour une médiation immédiate.

Il ajouta que plus désireux que jamais de voir la paix conclue, il n'entendait pourtant pas donner à ce qu'il venait de me dire le caractère d'une initiative anglaise; que le Cabinet de St.-Pétersbourg s'était jusqu'ici occupé de ce grave sujet plus activement qu'aucun autre Gouvernement et que pour cette raison il avait tenu à mettre Votre Excellence confidentiellement au courant de ce qu'il avait appris.

Le marquis Impériali n'a pas été aussi loin dans ses fréquents entretiens avec moi; pourtant j'ai noté plusieurs fois que l'Ambassadeur d'Italie penchait plus que jusqu'ici vers une paix prochaine.

Il m'était difficile de me rendre compte s'il exprimait une opinion personnelle ou bien les vues de son Gouvernement.

Mais comme j'ai lieu de croire que l'information confidentielle de Sir Edward Grey provient du marquis Impériali lui-même, — il faudrait en conclure que l'Ambassadeur, même avec moi, agissait conformément à des indications qu'il avait reçues de Rome.

Ces renseignements coïncident d'ailleurs parfaitement avec les informations transmises par notre Ambassadeur à Paris dans sa lettre du 8 mai/25 avril [1] que le dossier diplomatique reçu hier m'a apportée, et peuvent par conséquent offrir de l'intérêt.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Господин министр,

Как я имел честь сообщить телеграммой от 15/2 мая, сэр Эдуард Грей просил меня зайти к нему.

Сразу по моем приходе он сказал мне, что, судя по полученным совсем недавно из надежного источника сведениям, как Италия, так и Турция желают мира в большей мере, чем это можно думать по внешним признакам.

Сэр Эдуард, по его словам, знает, хотя отнюдь не официальным путем, что Италия не только склонна признать верховную религиозную власть султана-халифа в Триполитании и Киренаике, — что итальянское правительство не раз уже давало понять, — но что оно согласилось бы назначить, в дополнение к этому уговору в качестве подтверждения такого духовного главенства, годовое содержание шейх-уль-исламу.

Сэр Эдуард сказал мне, что он рассматривает эти сведения скорее как признак желания мира, чем как достаточное основание для немедленного посредничества.

Он добавил, что, желая более чем когда-либо заключения мира, он все же не хочет придавать сказанным им словам характера английской инициативы; что до настоящего времени петербургский кабинет занимался более активно, чем какое-либо другое правительство, этим серьезным вопросом; вот почему он счел нужным конфиденциально уведомить ваше высокопревосходительство о том, что́ он узнал.

Маркиз Империали в своих частых беседах со мной не заходил так далеко; однако я замечал несколько раз, что итальянский посол более, чем прежде, склонен к мысли о близком заключении мира.

Мне было трудно установить, выражал ли он свое личное мнение или же взгляды своего правительства.

---

[1] См. т. XIX, № 869.

Но так как я имею основание думать, что доверительное сообщение сэра Эдуарда Грея исходило от самого маркиза Империали, то можно из этого заключить, что посол, даже в беседах со мной, действовал согласно указаниям, полученным им из Рима.

К тому же эти сведения вполне совпадают с информацией, переданной нашим послом в Париже в его письме от 8 мая/25 апреля, которое я получил вчера в дипломатическом досье, и могут следовательно представить некоторый интерес.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 40. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 78 [1]. 21/8 мая 1912 г.

Китайский заем.

Получил телеграммы №№ 913 [2], 918 [3].

Из подробных объяснений с Пуанкаре вынес впечатление, что вопрос о способе реализации русской доли займа весьма близок к разрешению в смысле предъявленных Верстратом требований [4]. А именно нам предоставлен бельгийский рынок и обеспечены интересы французских сотрудников Русско-Азиатского банка. Что касается вопроса об английских сотрудниках, Симон [5] готов употребить все свое влияние на Гонконг-Шанхайский банк с целью допустить Шредера к участию в выпуске займа в Лондоне. По вопросу о провинциальных займах Пуанкаре, оказавшийся к моему удивлению совершенно не осведомленным о противодействии английского правительства, высказал мне, что, по его мнению, возможно ограничить свободу участников Консорциума лишь по отношению к займам, пользующимся правительственной гарантией, а отнюдь не по отношению к провинциальным займам и другим делам местного характера. Я откровенно объяснил Пуанкаре, что мы должны сохранить полную свободу в этом вопросе, и он вполне со мной согласился. По этому поводу он сообщил мне об учреждении нового франко-японского банка, для которого он будет требовать такой же свободы. Ввиду такого отношения министра иностранных дел к вопросу о провинциальных займах я воздержался от сообщения ему последнего абзаца вашей телеграммы № 913. В заключение министр иностранных дел высказал, что соглашение во всяком случае должно быть достигнуто и что он готов оказать нам в этом деле энергичное содействие. Все вышеизложенное сообщено мной Верстрату, ожидающему здесь инструкций.

Извольский.

---

[1] Опубл. М., стр. 559.

[2] См. № 21.

[3] В ответ на тел. Извольского от 17/4 мая за № 73 (см. № 17) Сазонов 19/6 мая телеграфировал за № 918 (опубл. М., стр. 558): «Нам неизвестно о других затруднениях, встреченных Верстратом на лондонском совещании банкиров, кроме указанного в моей вчерашней телеграмме № 913. Утверждение Пуанкаре, что наши требования неприемлемы для Японии, нам непонятно, так как японское правительство сообщило нам, что дало указания своему делегату на лондонском совещании действовать солидарно с Верстратом по вопросу о праве русской и японской финансовых групп выбирать по своему усмотрению банки, через которые они будут реализовать свои доли займа». (Об этом япон. пос-во в Петербурге сообщило в пам. записке от 15/2 мая.)

[4] Тел. от 19/6 мая Верстрат сообщал Коковцову выдвигаемые им требования: 1. Специальные права России в Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане будут упомянуты в договоре. 2. В виде исключения за Русско-Азиатским банком будет признано право иметь иностранных участников, однако русская группа получает право эмиссии только на бельгийском рынке и при условии, что часть русской доли, помещенная на этом рынке, не превысит его поглощательной способности. 3. Петербург, как Париж, Лондон и Берлин, может быть местом совещания членов Консорциума. 4. Шредер за отказ от эмиссии в Лондоне получает от Гонконг-Шанхайского банка компенсацию в форме участия в английской доле.

[5] Симон — директор Индо-Китайского банка.

№ 41. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

т/. Депеша № 15. 21/8 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Занятие итальянцами острова Родоса [1] продолжает живо интересовать общественное мнение Италии. После беспрепятственной высадки десанта и первого удачного столкновения под стенами города, последствием которого было его занятие, генерал Амелио убедился, что в самом городе находился лишь весьма незначительный гарнизон. Последнему, повидимому, поручено было задержать движение итальянцев, чтобы позволить главным силам удалиться в горы. Теперь с несомненностью выяснилось, что турки получили приказание не защищать города, но перенести защиту в трудно доступную горную местность, лежащую внутри острова.

Общественное мнение Италии требовало решительного действия против турецкого отряда, и хотя в главных органах повременной печати проводилась мысль, что было бы вернее и проще взять турок измором, тем не менее генерал Амелио решил атаковать неприятеля в горах. Наступление, начатое утром [17] 4 мая тремя колоннами, имело целью выбить турок из сильных позиций на горе Пситос и увенчалось полным успехом. К 6 часам вечера окруженный со всех сторон турецкий отряд сложил оружие. Таким образом самый богатый и цветущий из турецких островов Эгейского моря перешел теперь вполне в руки Италии, а главный город его Родос, известный своей прекрасной гаванью и сильно укрепленный, как с моря, так и с суши, сделался верной базой для дальнейших военных действий на море.

Председатель совета министров г. Джиолитти не замедлил использовать этот успех и прочел в парламенте телеграфный отчет генерала Амелио об одержанной победе. Вся аудитория была наэлектризована сообщением г. Джиолитти, которому депутаты всех партий устроили настоящую овацию.

Повидимому, итальянское правительство решилось, пользуясь своим неоспоримым преимуществом на море, завершить завоевание островов Спорадского архипелага, чтобы в момент окончания войны иметь что́ вернуть Турции взамен отречения ее от Киренаики и Триполитании. В настоящее время более десяти других островов заняты уже итальянцами. Первая броненосная дивизия под начальством контрадмирала Корси действовала против островов Скарпанто, Касос, Пископис и Низеро; вторая, под командой контрадмирала Пресбитеро, заняла острова Калимнос, Лебдос [2] и Патмос.

Решительными действиями в Эгейском море итальянцы надеются окончательно отрезать африканские владения Турции от метрополии и произвести известное моральное воздействие на оттоманское правительство. В первом они, конечно, не ошиблись, что же касается второго, то слова, сказанные Шевкетом-пашой, после занятия острова Родоса, что «итальянский захват только ожесточит сердца турок», — повидимому, оправдываются, и сами итальянцы начинают сомневаться в действительности захвата островов, как меры давления на Турцию.

И вот, если дальнейший ход событий докажет Италии, что завоевание островов не сломило сопротивления Турции, то, несомненно, наступит последний, самый опасный для нейтральных держав, период войны. Под давлением общественного мнения, все возрастающих расходов и вследствие необходимости довести дело до конца, Италия может очутиться в необходимости поставить все на карту и решиться на военные действия в Проливах.

Пока вопрос этот, насколько мне известно, серьезно не обсуждался итальянским генеральным штабом, он только служит темой газетных статей,

[1] 4 мая/21 апр. итальянские войска заняли остров Родос.
[2] Так в оригинале; повидимому, следует читать: Лерос.

но несомненно также, что общественное мнение носится с этой мыслью, свыкается с ней и невольно действует в этом смысле на правительство.

Французский посол, с которым я поддерживаю самый оживленный обмен мнений по всем вопросам, связанным с войной, не скрыл от меня, что он крайне озабочен всем происходящим в восточном бассейне Средиземного моря и считает, что французские интересы требуют возможно скорого прекращения войны. Почти в тех же выражениях говорил со мной и здешний английский посол, который, однако, относится гораздо сдержаннее к факту завладения Италией островами Эгейского моря и не считает факт завладения ими прямой угрозой интересам Англии.

Примите и пр.

Н. Поггенполь.

№ 42. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

/. Письмо. 21/8 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ко мне на-днях зашел сербский поверенный в делах и сообщил, что его правительство крайне озабочено готовящимся новым восстанием в Албании [1]. По его сведениям, численный перевес пока еще на стороне турок, но число повстанцев увеличивается ежедневно и нужно полагать, что движение примет серьезный оборот. Уже часть округов — Ипек, Призрен, Дибра, Малессия, Приштина и Дьяково — находятся в состоянии открытого возмущения.

По словам г. Дмитриевича, сербскому правительству уже давно было известно о появлении австрийских эмиссаров в Албании, на обязанности коих лежала забота подготовить почву для революционного движения. Снабженные достаточными денежными средствами, эмиссары должны были доставить на место необходимое оружие и вместе с тем задержать революционное движение до получения окончательных инструкций из Вены. Переговоры с главарями привели, повидимому, к желаемым результатам; оружие было закуплено в Австрии и доставлено морским путем в Албанию. Но как только оно было передано по назначению, главари движения, не дожидаясь указаний австрийских агентов, решились поднять знамя восстания в надежде сломить сопротивление турок неожиданностью нападения.

Одновременно с сим сербскому правительству стало известно о сосредоточении значительных австрийских сил в Боснии и Герцеговине и на границе Санджака [2].

Все это вместе взятое заставило сербское правительство поручить г. Дмитриевичу отправиться в Консульту и постараться выяснить отношение Италии к нынешнему движению в Албании. Князь Скалеа, к которому обратился сербский поверенный в делах, заверил последнего, что итальянское правительство не поддерживает революционного движения в Албании, которое не только не представляет для него никаких выгод, но может самым серьезным образом скомпрометировать насущные интересы Италии на Балканском полуострове. Князь Скалеа сказал затем г. Дмитриевичу, что албанские вожди обратились за помощью к Италии, но им было отвечено, что королевское правительство ни нравственно, ни материально не склонно поддержать настоящее движение, которое может повести только к пагубным для самих повстанцев последствиям.

Из моих разговоров в Консульте я вывожу заключение, что итальянское правительство, весьма подозрительно относящееся к Австрии, склонно верить в деятельность австрийских агентов в Албании и, считая таковую деятельность их для себя невыгодной, готово было бы присоединиться ко

[1] См. №№ 12 и 24.
[2] Ср. № 8.

всем шагам, которые российское правительство сочло бы нужным предпринять в целях успокоения новой революционной вспышки на Балканах.

Не могу обойти молчанием того факта, что на-днях королем итальянским было получено письмо от короля Николая черногорского, в котором последний, предупреждая короля об австрийских происках в Албании, обещался со своей стороны принять все необходимые меры для локализации повстанческого движения. Вместе с тем считаю долгом препроводить при сем на усмотрение вашего высокопревосходительства полученное мной от центрального албанского комитета воззвание, обращенное ко всем европейским державам [1].

Уведомляя о вышеизложенном, прошу принять и пр.

Н. Поггенполь.

№ 43. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

·/. Письмо [2]. 21/8 мая 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на чрезвычайно печальный с точки зрения наших интересов факт значительного охлаждения в отношениях между Италией и Францией.

Со времени задержания итальянцами судов «Manouba» и «Carthage» [3] отношения эти стали заметно ухудшаться. В Консульте мне говорили, что итальянское правительство имеет полное основание быть недовольным Францией, которая, будто бы, не принимает действительных мер против провоза через Тунис военной контрабанды в Триполитанию.

Со своей стороны, здешний французский посол отзывается очень резко о политике настоящего итальянского кабинета и относится весьма отрицательно к занятию итальянцами островов на Эгейском море. По его мнению, занятие это может быть терпимо только как временная мера, но окончательное присоединение островов к Италии г. Баррер считал бы несовместимым с интересами Франции в Средиземном море, так как оно нарушило бы то равновесие сил в Средиземном море, над созданием которого так долго и упорно работало правительство Республики.

Слова эти имеют прямое отношение к заключенному в 1902 г. соглашению между Францией и Италией, текст коего нам никогда не был сообщен, но сущность которого нам стала известной, благодаря тому, что сам г. Баррер счел в то время возможным поделиться своими впечатлениями с императорским послом в Риме, д. т. с. Нелидовым.

И теперь в разговоре со мной г. Баррер сделал намек на соглашение 1902 г., из коего я заключаю, что десятилетняя давность его заключения побудила французского посла выразить в Консульте желание подтвердить новым обменом нот, что означенное соглашение продолжает оставаться в силе. Повидимому, однако, итальянское правительство, не отказываясь формально возобновить соглашение 1902 г., ставит некоторые условия, которые крайне раздражают г. Баррера. Вместе с тем последний не скрывает даже в Консульте своего неудовольствия деятельностью итальянского посла в Париже г. Титтони, который, будто бы, считает в настоящий момент невыгодным для Италии возобновление соглашения 1902 г. в его прежней форме и редакции.

Не могу также не заметить, что общественное мнение Италии начинает относиться подозрительно к Франции из-за возникших в последнее время

[1] В этом воззвании албанский комитет обращался к европейским державам с призывом помочь албанцам в борьбе за единую и независимую Албанию.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 370, № 611.

[3] См. т. XIX, №№ 378 и 409.

слухов, будто группа французских банкиров готовится ссудить Турции значительную сумму денег под обеспечение доходов морских таможен Смирны и Бейрута. Если бы этот слух оправдался,то, несомненно, Францию обвинили бы здесь в нарушении нейтралитета, и отношения между обоими государствами достигли бы крайней степени напряжения [1].

Все эти факты, вместе взятые, создают положение, которым легко могут воспользоваться Германия и Австрия, и это обстоятельство более всего озабочивает пребывающего здесь французского посла.

Примите и пр.

Н. Поггенполь.

№ 44. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 21/8 мая 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Маркиз ди Сан-Джулиано при первом же свидании со мной весьма откровенно говорил о теперешнем положении Италии и, выражая свое глубокое сожаление о затяжном характере войны, прибавил, что война эта ясно доказала Италии, где находятся ее настоящие друзья. Вера в Россию, в ее поддержку и убеждение, что интересы России и Италии в Турции параллельны, все более проникает в общественное мнение страны, Консульта же только направляет это течение.

При таких условиях понятно, что князь Скалеа мог в весьма осторожной форме намекнуть мне, что Италия не отказалась бы, при известных условиях, расширить соглашение, заключенное в Раккониджи между Италией и Россией [2].

Весьма характерно, что одновременно с таким настроением в Консульте по поводу соглашения в Раккониджи здешний французский посол также проявляет интерес к этому вопросу.

На-днях г. Баррер спросил меня, существует ли между Россией и Италией письменное обязательство, указывая при этом на то, что в печати не раз появлялись на этот счет совершенно определенные указания.

Ввиду того, что в последнем пункте нашего соглашения с Италией сказано, что соглашение имеет секретный характер и может быть сообщено третьей державе только по взаимному уговору, я ответил Барреру, что письменного соглашения между Россией и Италией не существует. Затем я узнал в Консульте, что в разговоре с князем Скалеа г. Баррер затронул тот же вопрос. Ему было отвечено, что в Раккониджи произошел дружеский обмен мыслей по текущим политическим вопросам, но соглашения подписано не было.

Желает ли Италия придать существующему с нами соглашению лишь расширительное толкование или желает она заменить его другим, более полным соглашением, — мне еще не известно. Несомненно пока одно: что мысль эта существует в Консульте и весьма возможно, что итальянский представитель в С.-Петербурге будет уполномочен переговорить с вами по этому вопросу. В таком случае надо думать, что князь Скалеа или г. Контарини будут говорить со мной более откровенно, чем в настоящее время, по интересующему Италию вопросу.

Вот почему я решаюсь беспокоить ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой не отказать снабдить меня указаниями по двум следующим пунктам:

---

[1] Слова: «и отношения... степени напряжения» у Siebert'a опущены.

[2] Ср. № 36.

1. Как мне относиться к вопросу о расширении соглашения, заключенного в Раккониджи, т. е. желательно ли таковое расширение с точки зрения наших интересов, или нет.

2. Если бы вы сочли возможным отнестись сочувственно к этой мысли, то какими началами следовало бы мне руководствоваться в этом вопросе.

Во всяком случае, мне кажется, необходимо было бы заблаговременно выяснить, что нам выгоднее: оставить ли за соглашением его теперешний характер соглашения, имеющего объектом Балканы и Проливы, или придать ему более широкое значение, руководствуясь примером Франции, заключившей в 1902 г. соглашение с Италией, которое хотя и имело в виду вопросы, связанные с Средиземным морем, но на самом деле должно было отвлечь Италию от Тройственного союза.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства, покорнейше прошу вас принять и пр.

Н. Поггенполь.

№ 45. Посол в Вене министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 36 [1]. 21/8 мая 1912 г.

Suite N° 35 [2].

J'ai reçu successivement du Ministre des Affaires étrangères les lettres suivantes: «Je viens de recevoir communication téléphonique du Ministre de l'Intérieur qu'il n'aurait obtenu jusqu'ici aucune information de Lemberg au sujet d'une démonstration du genre que vous m'aviez indiqué. Le Ministre s'est mis immédiatement en rapport avec l'autorité compétente de Lemberg». Deuxième: «Les informations parvenues jusqu'ici au ministère de l'Intérieur au sujet des démonstrations à Lemberg étant tellement vagues et incomplètes qu'il paraît impossible de se former opinion sur affaire spéciale que vous avez mentionnée ce matin, je vous prierai de me permettre de revenir demain sur cet incident. Notre Chargé d'Affaires à St.-Pétersbourg a eu entretien avec M. Sazonow sur ledit sujet qui correspond à notre conversation d'aujourd'hui». J'ai répondu au Ministre des Affaires étrangères que je venais de recevoir le journal de Lemberg «Prikarpatskaja Rouss» qui ne donne pas des renseignements vagues, mais des détails précis sur l'incident révoltant. Bobrjinski [3] qui a confisqué une partie de ce journal n'a pas saisi cet article, donc il le déclare implicitement vrai. Cet article sera reproduit dans nos journaux, [les] effets en seront légitimement terribles — je dois attirer son attention là-dessus. Par téléphone Ministre des Affaires étrangères m'a prévenu qu'il passerait chez moi à 10 heures du soir après avoir revu le Ministre de l'Intérieur [4].

Giers.

Перевод.

Продолжение № 35.

Я последовательно получил от министра иностранных дел следующие письма: «Только что получил телефонное сообщение от министра внутренних дел, что он до сих пор не получил никаких сведений из Львова по поводу демонстрации такого характера, как вы мне указывали. Министр немедленно снесся с компетентными властями во Львове». Второе: «Ввиду того, что дошедшие пока до министерства внутренних дел

[1] Тел. бланк.

[2] См. стр. 25, прим. 2.

[3] Бобржинский — наместник Галиции.

[4] В тот же день за № 37 Н. Гирс телеграфировал, что Берхтольд зашел к нему вечером и сообщил, что он не может дать окончательный ответ, так как следствие еще не закончено, но что он «твердо намерен обсудить вместе с министром внутренних дел те меры, которые возможно бы принять в данном случае, а затем поместить в газетах соответствующее официальное сообщение как в Вене, так и во Львове, и этим изгладить произведенное впечатление и выразить истинные чувства австро-венгерского правительства».

сведения касательно демонстрации в Львове настолько неопределенны и неполны, что невозможно составить себе мнение о том особом деле, о котором вы упоминали сегодня утром, я просил бы разрешить мне вернуться к этому инциденту завтра. Наш поверенный в делах в Петербурге имел с г. Сазоновым разговор по упомянутому вопросу, который соответствует нашей сегодняшней беседе». Я ответил министру иностранных дел, что только что получил из Львова газету «Прикарпатская Русь», которая дает не неопределенные сведения, а приводит точные подробности возмутительного инцидента. Бобржинский, который конфисковал часть этой газеты, не запретил этой статьи, следовательно он признает ее вполне правильной. Эта статья будет воспроизведена в наших газетах, и последствия, вполне законно, будут ужасными; я должен привлечь его внимание на это. Министр иностранных дел предупредил меня по телефону, что заедет ко мне в 10 часов вечера после того, как еще раз повидает министра внутренних дел.

Гирс.

№ 46. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

-/. Письмо. 21/8 мая 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посол наш в Константинополе уведомил меня, по поручению г. товарища министра [1], что, ввиду вызванного в Греции занятием Италией островов возбуждения, моему итальянскому сотоварищу поручено было заявить здесь, что действия Италии вызваны исключительно военными соображениями и никоим образом не должны быть истолковываемы как преследование Италией каких-либо особых политических целей, как, например, присоединение островов к греческому [2] королевству.

Получив сказанную телеграмму, я навел доверительную беседу нашу с маркизом Карлотти на этот вопрос и убедился в том, что никакого поручения в означенном смысле итальянский посланник не получал и что, напротив того, находясь в крайне затруднительном положении на случай могущих поступить к нему запросов со стороны эллинского правительства, он ходатайствовал о снабжении его из Рима подробными на этот вопрос инструкциями. Пока же маркиз Карлотти ограничивается заявлениями, что Италия слишком занята военными действиями, чтобы отвлекаться всякими побочными вопросами.

Возбуждение по поводу занятия Италией островов с греческим населением здесь действительно замечается, но в последние дни оно несколько затихло, и факт этот может, мне кажется, быть объяснен тем обстоятельством, что, узнав как о состоявшихся уже, так и об ожидавшихся митингах проживающих в Афинах жителей Спорадских островов, эллинское правительство преподало местной печати совет касаться настоящего предмета с особой осторожностью, дабы не навлечь нареканий со стороны Порты как на Грецию, так и на греческое население самих островов.

С одной стороны, греков беспокоит оккупация названных островов Италией ввиду того, что, оставаясь во власти этой державы, они были бы окончательно потеряны для Греции. Поэтому греки и предпочли бы, чтобы острова эти оставались пока под турецким игом. С другой стороны, здесь беспокоятся за участь греческого населения Эгейских островов на случай, если бы по окончании войны Италия решилась вернуть их Порте. Во избежание притеснений и избиения христиан такая передача должна была бы, по мнению афинской печати, состояться не иначе как при известных условиях и гарантиях со стороны Турции.

Маркиз Карлотти сказал мне между прочим, что слух о том, что Италия заставляет население уже занятых ею островов заявлять письменно о нежелании его вернуться в турецкое подданство, оказывается ложным.

---

[1] См. т. XIX, № 880.

[2] Так в оригинале; следует читать: «итальянскому».

Как бы то ни было и какова бы ни была по окончании войны судьба Эгейских островов, не может, мне кажется, быть сомнения в том, что Европе придется считаться с новым аннексионным движением, которое, по всей вероятности, проявится более энергично в Греции, чем на самих островах.

Примите и пр. С. Свербеев.

№ 47. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 25. 21/8 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Нынешнее албанское движение принимает угрожающий характер. Первоначально сообщалось о «незначительных беспорядках» в окрестностях Ипека и Дьяковицы, для подавления коих из Ускюба тотчас же отправлены были войска. Турецкие официальные сферы спешили одновременно разослать телеграфные оповещения о том, будто спокойствие в названных округах будет восстановлено в самом непродолжительном времени.

Между тем, как оказывается, дело обстоит совершенно иначе и по сведениям, полученным сербским правительством, на сей раз организуется по всем вилайетам восстание в широких размерах, к которому готовы примкнуть и католические и мусульманские племена.

Помимо данных, сообщенных по этому предмету в трех секретных телеграммах моих [1], ныне установлены еще нижеследующие факты.

Отправляя в Ипек и Дьяковицу войска (всего в числе двух батальонов по 400 человек каждый) для восстановления порядка, турецкие власти, повидимому, рассчитывали вступить в мирные переговоры с албанцами, обещая удовлетворить некоторые из предъявленных ими требований. Но последние, очевидно, перестали верить в обещания турок и отказались от полюбовных объяснений. Вслед затем вскоре почти все главные арнаутские вожди из Эльбасана, Мирдитии, Призрена, Приштины, Вучитырна и других местностей съехались вблизи Дьяковицы на совещание, к которому прибыл и пресловутый Исса Болетинац, примирившийся было с турками и мирно проживавший в Митровице.

На указанном совещании постановлено, чтобы каждый главарь в течение десятидневного срока занялся в соответственной казе всесторонней подготовкой восстания, которое по определенному сигналу должно одновременно (вероятно [28—29] 15—16 мая) вспыхнуть во всех направлениях. К борьбе с турками привлекаются и славянские племена, коим, в случае несогласия, угрожают разгромом. Подобные предложения сделаны уже населению соседнего с Черногорией Нижнего Колашина и сербам Приштинского округа.

Как я имел честь сообщить по телеграфу, все сведения эти крайне встревожили сербское правительство, которое чрез нарочито посланных эмиссаров пыталось убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения, но встретило с их стороны решительный отказ подчиниться доброжелательным советам.

Если оттоманские власти не в состоянии будут в корне подавить надвигающееся восстание, то, при указанных выше условиях, пламя может легко охватить весь Балканский полуостров.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 48. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 26. 21/8 мая 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В течение небольшого промежутка времени, приблизительно около двух месяцев, австро-венгерские вооружения на славянских границах,

[1] См. №№ 12, 24 и стр. 10, прим. 4.

о которых мною неоднократно сообщалось ранее [1], если и не совсем приостановились, то во всяком случае совершались в скромных размерах, имея скорее вид обычных передвижений, вызываемых специально военными надобностями. Ни разведчики сербского генерального штаба, ни секретные агенты, услугами коих я пользуюсь, не доставляли за указанный выше период никаких выдающихся в этой области фактов, пополняя лишь новыми подробностями общую дислокацию войск в Боснии и Герцеговине.

Между тем с некоторых пор картина резко изменилась, замечается снова лихорадочная военная деятельность, указывающая на то, что Австрия либо готовится во всеоружии встретить создаваемые албанцами осложнения, либо неожиданным активным выступлением опередить грозные события на Балканах.

Но как бы то ни было, со второй половины апреля месяца в боснийских военных кругах почти открыто говорят о предстоящем движении австрийцев на Митровицу. В Сараеве [9 мая] 26 апреля состоялось тайное военное совещание из командиров отдельных частей XV и XVI корпусов, после которого генерал Потиорек тотчас же отбыл с докладом в Вену, а особая четырехчленная комиссия отправилась для объезда укрепленных позиций— от Фочи на Чайницу, Вышеград к Увацу. Комиссия в городах и по селам осматривала гимназии и народные школы с целью приспособления таковых к размещению войск; в этих видах уже отдан приказ о роспуске воспитанников в нынешнем году на 40 дней ранее обычного вакационного времени.

Особенно усиленная деятельность происходит по всей западной границе Сербии от Зворника до Уваца; здесь повсюду усилены гарнизоны, оборудованы крепостцы; исправляются мосты и телеграфы; станции, телеграфные и другие казенные здания превращаются в казармы.

На северной границе Черногории линия от Фочи до Калиновика представляет сплошной военный кордон; население этой местности в большой тревоге ожидает важных событий.

По боснийским железным дорогам войска перевозятся ночью, пока преимущественно по направлению к Вышеграду; усиленный наплыв войск ожидается к 16 мая ст. стиля.

Тревожное внимание обращает лихорадочная заготовка военных и иных материалов. Склады амуниции ныне имеются на всех железнодорожных станциях. С [30] 17 апреля в Сараево прибыло 820 вагонов муки, размещенной в военных магазинах. Заметен громадный подвоз угля; срочно заказано для Боснии новых 28 локомотивов и 450 вагонов; старые переустроены для войск и направлены в Босно-Брод. В Сараеве имеются большие склады досок, особо приспособленных для закрытия окон в вагонах, на случай перевозки войск днем.

Знаменательным является тот факт, что почти все коммерческие предприятия приостановлены и местные банки отказываются от каких бы то ни было финансовых операций.

В заключение не могу не упомянуть о дошедшем сюда известии, будто между венским и цетиньским правительствами состоялось тайное соглашение, на основании которого, в случае возникновения осложнений на Балканах, австрийские войска проследуют в Косовский вилайет чрез черногорскую территорию. В вознаграждение за эту льготу Черногории обещан прирезок в области Гусинье. Само собой разумеется, что за достоверность этого известия поручиться нельзя; но, как известно, король Николай уже со времени аннексионного кризиса проявлял большую склонность подчиняться советам и указаниям из Вены.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] См. т. XIX, №№ 39, 40 и 100.

№ 49. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 27. 21/8 мая 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Здешний итальянский посланник на-днях возвратился из кратковременного отпуска. Он пробыл несколько дней в Риме, представлялся королю Виктору-Эммануилу и виделся с министром иностранных дел. По его впечатлениям, в Риме, хотя и смущены тем, что война неожиданно для Италии приняла столь затяжной характер, но в массах подъем патриотического духа не спадает и там никто не сомневается в благоприятном исходе настоящей борьбы. По сему поводу, как говорит г. Бароли, король весьма картинно выразился: «Заняв берег Триполитании, мы прижали *легкие* турок и они должны погибнуть». Выражение бесспорно картинное, но по существу едва ли верное, ибо легкие Турции, даже по отношению к главному театру военных действий, находятся совсем не на африканском побережьи.

Если итальянцы до последнего времени не могли проникнуть в глубь страны, то отныне, с наступлением тропического лета, они не в силах будут двинуться ни на шаг вперед. Выносить подобную жару могут только местные уроженцы. В Иране, при более умеренных климатических условиях, европейцы гибнут в то время, когда персы следуют за караваном с обнаженной и притом выбритой головой под палящими лучами солнца в 56 градусов Реомюра.

Впрочем, по словам Бароли, итальянцы до поры до времени решили ограничиться в Триполитании охранением и укреплением занятого положения и перенести агрессивные действия в Европейскую Турцию. Но тут планы их встречают не мало помех, из которых главная создается двуличным поведением Австро-Венгрии, недоверие к которой господствует во всех политических кругах Италии. В Риме убеждены, что первое же малейшее осложнение на Балканах Австрия не замедлит использовать в своих интересах.

Выслушав доклад г. Бароли о положении дел в Сербии, маркиз Сан-Джулиано, между прочим, сказал: «Мы не сомневаемся в корректном образе действий и Сербии и Болгарии. Российское императорское правительство также уверено в том, что эти державы не предпримут никаких авантюр. Но, — добавил министр иностранных дел, — их могут вызвать на это!» И тут снова был намек на Австро-Венгрию, которой приписывается темная игра в албанском вопросе.

Сам Бароли слышал от здешнего австро-венгерского посланника таинственный рассказ о приезде в Белград какого-то католического албанского священника, ходатайствовавшего чрез г. Угрона [1] о чем-то вроде покровительства или защиты Австро-Венгрии.

В связи с этим полагаю не безынтересным в заключение упомянуть, что, на основании собранных сербскими административными властями сведений, на-днях в Белград приезжал из Вены некий барон ди Сальво, будто бы служащий при дворе; вслед за ним прибыли сюда же из Землина в егерском одеянии два австрийских офицера. После совещания в австро-венгерской миссии, все означенные лица совместно с здешним австро-венгерским военным агентом Геллинеком отправились в пограничные с Сербией албанские селения. С какой целью — сербские власти не могли выяснить.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] Угрон — австро-венг. посланник в Белграде.

№ 50. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 72 [1]. 21/8 мая 1912 г.

Начавшаяся здесь в феврале месяце тревога вследствие ожидавшейся перемены в русской политике не улеглась. Наша посредническая роль в деле заключения мира между Турцией и Италией была истолкована нашими врагами исключительно нашими стремлениями повредить Турции, чему турки охотно верят. Теми же побуждениями был истолкован и наш протест по случаю закрытия Дарданелл [2]. Возбуждали подозрительность турок не только наши враги, но и наши балканские «друзья», которые надеялись, что закрытие Дарданелл приведет нас к столкновению с Турцией, что им в настоящее время было бы особенно наруку для устройства затем ими своих собственных дел.

В иллюстрацию сказанного могу привести, что почти нет дня, чтобы не сообщалось о появлении нашего флота то тут, то там, и чаще всего перед Босфором. Эти слухи чаще всего распространяются греками, которые вместе с тем стараются внушить нам, что турки усиленно готовятся против нас. Турки крайне обеспокоены из-за Босфора и предпринимают работы для его усиления в пунктах, удобных для высадки. Так, они начали кое-какие работы около Килии и Ризы, где имеющиеся орудия пока еще установлены на старинных батареях. Характер этих работ еще окончательно мне [3] не установлен. Все эти обстоятельства указывают на необыкновенную нервность.

Генерального штаба генерал-майор Хольмсен.

№ 51. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 941. 22/9 мая 1912 г.

Министр финансов сообщает, что поступило от французских капиталистов предложение предоставить на приемлемых для нас условиях средства на сооружение железной дороги Джульфа — Тавриз с веткой к Урмийскому озеру [4]. Он желал бы ввиду этого добиться предоставления нам ныне же соответствующей концессии, не связывая вопроса с Трансперсидской дорогой, и считает момент удобным вследствие того, что нами последнее время оказано Персии немало услуг, особенно финансовых. Просит считать настоящее дело спешным.

Вышеуказанную группу капиталистов министр финансов весьма рекомендует и считает вполне солидной.[В] случае получения концессии группа намерена немедленно выпустить соответствующие облигации.

Прошу спешного заключения [5].

Сазонов.

№ 52. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 944. 22/9 мая 1912 г.

Сообщается в Париж и Афины.

Ваша телеграмма № 130 получена [6].

Указав О'Берну на разногласие, существующее в вопросе об освобождении арестованных депутатов между точкой зрения, изложенной в меморан-

[1] Лит. копия.

[2] См. т. XIX, № 789.

[3] Так в оригинале.

[4] См. т. XIX, № 847. Письмом от 15/2 мая за № 464 Коковцов, сообщая о предложении франц. капиталистов, высказывался за желательность воспользоваться этим предложением «ввиду трудности изыскать каким-либо иным путем необходимые на железнодорожное строительство в Персии средства».

[5] В ответной тел. от 25/12 мая за № 442 Поклевский извещал Сазонова, что ему «не вполне ясно», на чье имя желательно получить концессию.

[6] См. стр. 12, прим. 5.

думе Грея и считающей немедленное освобождение депутатов нежелательным, и той, которую усвоили Россия и Франция, я предложил, чтобы Грей поручил великобританскому посланнику в Афинах обсудить этот вопрос непосредственно с Венизелосом, обещав присоединиться к тому взгляду, который будет установлен на этом совещании [1].

Сазонов.

№ 53. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 22/9 мая 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Vous aurez vu par un télégramme et une de mes lettres [2] que la question de la paix préoccupe Grey de plus en plus. Il a pourtant encore des doutes si le moment est arrivé. Avec moi il n'est pas entré à fond dans la question. Je sais pourtant qu'il n'est pas douteux pour lui que sans les Puissances Turquie et Italie ne s'entendront jamais. Sera-ce conférence ou autrement, je n'ai pas de données précises sur ses idées à ce sujet. Mais ces derniers [jours] on parle beaucoup conférence. Il me serait bien utile de connaître vos idées à ce sujet. Il y a contre qu'il est difficile d'éviter que d'autres questions que la paix n'y surgissent et créent un danger. Je crois que Grey pour le moment pense ainsi. D'un autre côté,vous est-il absolument démontré qu'il n'y aurait pas moyen de régler à cette occasion nombre de questions pendantes. Il me semble que pour celles qui nous intéressent le plus,nous pourrions être en bonne posture. Mais pour cela il faudrait être bien d'accord sur les moyens d'arrêter la guerre. Vous m'écriviez récemment: «C'est comme si l'Angleterre et la France voulaient inféoder l'Italie à la Triplice» [3]. Sauf une certaine impopularité fortuite de la cause italienne et quelques doutes sur la possibilité d'une paix sans événements militaires plus décisifs, c'est le fantôme mahométan qui a été la seule raison sérieuse pour laquelle l'Angleterre ne nous a pas suivi tout de suite et carrément. Sans quoi on est si bien italien qu'on désirerait arranger les choses pour elle, parce que le cauchemar est l'extension de l'alliance à la Méditerranée et Tripoli italienne devenant une base commune, qui change tout. De là le désir de plus en plus apparent d'égards pour l'Italie. Mais notez bien que plus vous irez vite et ouvertement dans l'intérêt italien, plus deviendra nécessaire le comminatoire à l'égard de la Turquie. Juste ce qui effarouche et effarouchera tout le temps. Tripoli est perdue pour la Turquie, mais il faudra, pour mettre tout le monde d'accord, sauver la face à la Turquie. Sans quoi l'Angleterre et, je crois, la France aussi, se sentiront paralysées.

A part la question Urmiah, dont le sérieux est parfaitement compris, à vous le dire franchement, on redoute que vous en arriviez à une situation critique avec la Turquie. Qu'on nous suive jusque là n'est pas à prévoir. De là des hésitations et des inquiétudes. Ce qui a paru dans «l'Echo de Paris» sur vos

[1] Тел. от 23/10 мая за № 139 Бенкендорф сообщил, что Грей поручил О'Берну предложить Сазонову, чтобы предусматриваемый последним шаг был сделан не одним англ. представителем, а тремя, дабы у Венизелоса не создалось впечатления, что между тремя державами существует разногласие. В ответной тел. от 24/11 мая за № 964 в Лондон, Париж и Афины Сазонов высказывался за необходимость «прежде всего достигнуть единомыслия между Лондоном и Парижем относительно modus procedendi» и предлагал Свербееву присоединиться к выступлениям, которые будут предписаны франц. и англ. представителям. В деп. от 29/16 мая за № 14 Свербеев сообщил, что вопрос об освобождении арестованных на Крите депутатов не обсуждался между посланниками и Венизелосом, в связи с неполучением его коллегами соответствующих инструкций. Свербеев добавлял, что, по имеющимся у посланников сведениям, Венизелос «продолжает действовать в желательном направлении и это дает нам полное основание надеяться на недопущение критских депутатов в парламент».

[2] См. № 39 и стр. 30, прим. 4.

[3] Соответствующее письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

différends avec Louis [1], n'a pas été sans les augmenter. La presse officieuse allemande s'en est saisie de suite, et Marschall arrivera sous peu [2]. S'il y a une chose claire pour moi, sur la base de ce que j'entends et j'observe, c'est que sa première botte sera contre l'entente anglo-russe. Le «Local Anzeiger» la regarde déjà comme morte. On sait bien à Berlin, que l'alliance franco-russe est encore trop solide, malgré quelques frictions exploitées, de même pour l'entente anglo-française, la nôtre non. Je crois devoir vous en prévenir, pour moi c'est clair. Vous pensez ce que tombe mal à propos l'affaire Malecka [3]. Grey s'y débat de toute son énergie. L'erreur du tribunal dans la question de nationalité a été un malheur, elle a chauffé tout le mouvement. Faire revenir de là ne sera guère possible. Grey est arrivé à remettre la discussion dans la Chambre après la Pentecôte. Son terrain est devenu recours en grâce seulement, il l'a dit ce matin à la Chambre. Il m'a avoué que, selon lui, le rapport sur le jugement en fournit matière. J'en sais trop peu pour avoir une opinion, mais si le gros de l'affaire repose sur le témoignage d'un criminel en prison, le cas me semble des plus graves. Je parle du fond, le point de vue et la procédure diplomatique sont évidents. Depuis hier, à la Chambre la question s'éclaircit. Il y a 1) ceux qui s'intéressent à la condamnée, leur nombre est légion, il augmente et augmentera quand ils auront su le rapport du Consul. C'est eux qui sont les importants. Il y en a d'autres, mais en petite minorité, qui veulent profiter de l'occasion pour du grabuge. Bien entendu les révolutionnaires et socialistes. Il y en a un qui hier a été jusqu'à dire: «Pourvu que l'Empereur ne fasse pas grâce». Déjà ils sont furieux et un peu découragés par la nouvelle que Malecka veut signer un recours en grâce. Seuls, ceux-ci ne peuvent rien, mais amalgamés avec les autres, le résultat, je dois vous le dire, est inévitable. Il y aura fatalement à la Chambre une séance inacceptable pour nous et l'Angleterre tombera comme un fruit mûr aux bras de Marschall. Je comprends toute l'immense délicatesse de la question. Mais je ne puis pas vous atténuer la description des résultats que je redoute. Cette qualité, fausse ou vraie, «d'anglaise», corroborée par ce malheureux tribunal, a été plus forte que tout. Et au moins si le procès était tout à fait convainquant, je ne puis croire qu'il le soit. Les choses marchaient si bien, la publicité des débats accordée avait fait si bonne impression, et puis c'est pire que jamais! Et deux immenses Empires peuvent bifurquer sur un incident dû au hasard. Vous savez qu'il y a un antécédent, il y a 10 ou 12 ans, où un russe a été grâcié tout à fait, grâcié à notre intervention en Australie. Il est vrai qu'il était carrément russe! Mais nous n'avons pas procédé par recours en grâce. Je vous enverrai cela demain par la poste.

Je n'ai que peu de choses à dire de l'emprunt chinois. Verstraete a, je le sais, tenu au courant le Président du Conseil des Ministres. Il a été énergique autant que possible. Peut-être a-t-il parlé un peu trop de politique, pour sa situation, les banquiers s'y sont récusés. De fait, tout marcherait, sauf l'émission par notre groupe indépendamment à Londres. Aucun groupe n'ayant ce privilège d'émettre librement sur le marché de l'autre, pour des raisons, me dit-on, de banque, notre privilège entraînerait, paraît-il, la nécessité de l'accorder

[1] См. стр. 13, прим. 2.

[2] См. № 22.

[3] См. № 34. В тел. от 20/7 мая за № 133 Бенкендорф, сообщая о «возбуждении, охватившем общественное мнение» Англии, указывал, что «положение будет несомненно использовано сторонниками сближения с Германией, противниками Согласия. Считаю это обстоятельство важным, и с этой точки зрения инцидент представляется крайне несвоевременным и способным в значительной мере облегчить первые шаги Маршалла, в особенности в момент, когда в печати появились слухи о некоторых затруднениях с Францией. Тем временем считаю действительно необходимым разрешить Малецкой сношения с ее защитником и с английским консулом. Грей рассчитывает, что ему удастся отложить прения в палате общин до после Троицы, но возможно, что дебаты произойдут в будущую среду [22/9 мая]».

au Japon, à l'Amérique et peut-être à l'Allemagne dans un moment ou les conditions du marché ne sont pas très favorables et où il n'y a de marché réel qu'à Paris et à Londres. C'est là la base de leur raisonnement de monopole local. Le Foreign Office veut avant tout que l'emprunt aboutisse, et a agit sérieusement pour toutes les questions politiques en Chine, pour la question ci-dessus je le crois impuissant, c'est pourquoi il ne voudra pas, je le crains, s'en mêler. Le tout est de savoir si M. Kokovtzoff acceptera quelque compromis.

Je viens de recevoir votre télégramme Samos [1]. J'en parlerai à Grey demain. Votre raisonnement est logique; mais c'est aussi un pas dans le sens redouté ici.

Je vous avoue que la situation me trouble plus que je ne l'ai été depuis longtemps. Je puis vous garantir que Grey mettra tout son pouvoir à enrayer l'affaire Malecka, mais il est lui-même sous l'impression que la peine est beaucoup trop sévère. Il se met en travers de tout ce qui peut prendre apparence de pression. Il y arrivera, autant que cela est possible, tout le mal est que le procès ne persuadera pas, que la question nationalité est ambiguë. La seule vraie chance que je vois est que chez nous-mêmes on trouve à redire au procès. Mais Grey ne pourra pas tenir les choses en main plus longtemps que la rentrée des Chambres dans deux semaines, à moins que nous l'y aidions [2].

Mille cordialités sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Вы знаете из моей телеграммы и одного из моих писем, что вопрос о мире все больше и больше заботит Грея. Однако он еще сомневается в том, что момент наступил. Со мной он не входил в рассмотрение вопроса по существу. Мне все же известно, что для него нет сомнений в том, что Турция и Италия никогда не договорятся без помощи держав. Будет ли это конференция или что-либо иное, по этому вопросу у меня нет точных данных о том, что он имеет в виду. Но за последние дни много говорят о конференции. Мне было бы очень полезно знать, что вы думаете по этому поводу. Против говорит то, что трудно избежать возникновений других вопросов — помимо мира, — способных создать опасность. Я полагаю, что в настоящий момент Грей так думает. С другой стороны, уверены ли вы вполне в том, что при этом случае не представилась бы возможность урегулировать несколько еще не разрешенных вопросов. Мне кажется, что в отношении вопросов, нас особенно интересующих, мы могли бы оказаться в выгодном положении. Но для этого нужна была бы полная договоренность относительно средств прекращения войны. Вы писали мне недавно: «Это выглядит так, будто Англия и Франция желают крепче связать Италию с Тройственным союзом». Помимо некоторой случайной непопулярности Италии и некоторых сомнений относительно возможности заключения мира до более решительных военных событий, единственной серьезной причиной, в силу которой Англия сразу и решительно не пошла за нами, был страх перед мусульманским призраком. Если бы не это, отношение к Италии столь благожелательно, что хотели бы уладить дело в ее пользу, ибо мысль о распространении Тройственного союза на Средиземное море и превращении итальянской Триполитании в общую базу, — что изменит все, — стала кошмаром. Отсюда все более и более явное желание считаться с Италией. Но заметьте, что чем энергичнее и более открыто действовать в интересах Италии, тем более станет необходимым угрожающий тон по отношению к Турции. Именно это внушает и всегда будет внушать опасения. Триполи потеряно для Турции, но чтобы привести к согласию всех, необходимо будет спасти лицо Турции. Без этого Англия и, я думаю, также и Франция будут чувствовать себя парализованными.

Особо стоит вопрос об Урмии, серьезность которого вполне понятна, и, говоря откровенно, [здесь] опасаются, что этот вопрос приведет наши отношения с Турцией в критическое положение. Нельзя рассчитывать, что за нами пойдут так далеко. Отсюда колебания и опасения. То, что было напечатано в «Écho de Paris» по поводу ваших

---

[1] См. № 33.

[2] В тел. от 25/12 мая за № 203 (расшифрована в росс. м-ве ин. дел) О'Берн уведомил Грея о своей беседе с Сазоновым, в которой последний сказал, что он употребил все свое влияние в желательном для Грея направлении и что дело Малецкой приняло более благоприятный оборот. О'Берн полагал, что у Сазонова была надежда склонить м-ра юстиции к более примирительной позиции.

разногласий с Луи, не преминуло их увеличить. Германская официозная пресса ухватилась за это, а скоро приедет Маршалл. На основании того, что я слышу и наблюдаю, для меня ясно, что первый его выпад будет направлен прежде всего против англо-русского согласия. «Lokal Anzeiger» уже считает это согласие похороненным. В Берлине хорошо знают, что франко-русский союз еще слишком прочен, несмотря на некоторые трения, которые используют; таково же положение и в отношении англо-французского согласия, но не нашего [с Англией]. Я считаю своим долгом предупредить вас об этом, для меня это ясно. Вы видите, насколько дело Малецкой возникло некстати. Грей проявляет в этом деле много энергии. Ошибка суда по вопросу о национальности была несчастьем, она раздула все дело. Исправить это вряд ли будет возможно. Грею удалось отложить обсуждение в палате до после Троицы. Он стал на ту точку зрения, что единственный исход — это прошение о помиловании. Он так заявил сегодня утром в палате. Мне он признался, что, по его мнению, отчет о судебном процессе дает для этого основание. Я слишком мало знаю об этом деле, чтобы составить себе суждение, но если по существу дело основано на показаниях заключенного в тюрьме преступника, вопрос кажется мне чрезвычайно серьезным. Я говорю о сущности [вопроса], дипломатическая точка зрения и процедура ясны. Со вчерашнего дня в палате вопрос выясняется. Во-первых, есть люди, которые интересуются осужденной, их бесчисленное множество, их становится все больше и будет еще больше, когда станет известен отчет консула. Они-то и имеют больше всего значения. Есть еще другие, — их незначительное меньшинство, — которые хотят использовать случай для склоки. Это, разумеется, революционеры и социалисты. Один из них дошел до того, что сказал вчера: «Только бы император не помиловал ее». Они уже взбешены и немного обескуражены известием, что Малецкая хочет подписать прошение о помиловании. Сами по себе они ничего не могут сделать, но если они объединятся с другими, — то я должен сказать вам, что последствия неизбежны. В палате роковым образом произойдет неприемлемое для нас заседание, и Англия, как созревший плод, упадет в руки Маршалла. Я понимаю всю крайнюю щекотливость вопроса. Но я не могу смягчать описание тех последствий, которых я опасаюсь. Ее английское подданство, истинное или ложное, подтвержденное этим злополучным судом, оказалось сильнее всего. Если бы, по крайней мере, процесс был вполне убедителен, но я не могу считать его таковым. Дело шло так хорошо, разрешение предать дело гласности произвело такое хорошее впечатление, и вдруг опять все стало еще хуже прежнего! И две необъятные державы могут разойтись по поводу случайного инцидента. Вы знаете о существовании прецедента: десять или двенадцать лет тому назад один русский получил в Австралии полное помилование в результате нашего вмешательства. Правда, он был безусловно русский, но мы не прибегали к прошению о помиловании. Сведения об этом я пошлю вам завтра по почте.

Я лишь немногое могу сказать вам по вопросу о китайском займе. Я знаю, что Верстрат держит в курсе дела председателя совета министров. Он действовал так энергично, как только возможно. Пожалуй, он слишком много говорил о политике, если учесть его положение; банкиры от этого уклонились. В действительности все идет хорошо, за исключением самостоятельной эмиссии нашей группой в Лондоне. Ни одна группа не обладает привилегией свободной эмиссии на чужом рынке — как мне сказали, по причинам банковского характера; признание за нами такой привилегии повлекло бы, повидимому, необходимость признать ее за Японией, за Америкой, а, возможно, и за Германией, в момент, когда условия рынка не очень благоприятны и когда в действительности рынок имеется только в Париже и в Лондоне. Это и является основой их суждения о местной монополии. Foreign Office желает прежде всего, чтобы заем был заключен, и предпринял серьезные шаги в отношении всех политических вопросов в Китае; но в вопросе, упомянутом выше, я считаю, что он бессилен, вот почему, боюсь, он не захочет вмешиваться в него. Все дело в том, чтобы знать, согласится ли г. Коковцов на какой-нибудь компромисс.

Я только что получил вашу телеграмму о Самосе. Буду говорить об этом с Греем завтра. Ваши рассуждения логичны, но это также шаг в направлении, которого здесь опасаются.

Признаюсь, что положение тревожит меня больше, чем в течение долгого времени. Я могу вам гарантировать, что Грей употребит все свое влияние на то, чтобы воспрепятствовать [раздуванию] дела Малецкой, но у него самого создалось впечатление, что наказание слишком сурово. Он противодействует всему, что может быть похоже на давление. Ему это удастся, поскольку это возможно; все зло в том, что процесс не убедит, что вопрос о национальности неясен. Я вижу один только исход, это — чтобы мы сами нашли возражения против процесса. Но Грей не сможет, если только мы не поможем ему в этом, держать положение в руках дольше, чем до возобновления заседания палаты через две недели.

Тысяча искренних сердечных приветствий.

Бенкендорф.

№ 54. Вр. и. д. военного агента в Англии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 75 [1]. 22/9 мая 1912 г.
Секретно.

Об участии Англии в европейской войне.

По вопросу об участии английской армии в европейской войне и посылке английского десантного отряда на помощь французской армии мне недавно удалось получить из негласного источника следующие сведения:

1) Во «*2-ю очередь*» отправки на материк Европы назначены войска, находящиеся в Ирландии (5-я дивизия — 12 бат.; 6-я дивизия — 8 бат. [2]; 3-я кав. бриг. — 9 эск. с соответствующей артиллерией и вспомогательными частями). Что касается «*1-й очереди*», то в ней считаются войска Альдершотского округа (1-я дивизия — 12 бат.; 2-я дивизия — 8 бат. [3]; 1-я кав. бригада — 9 эск. с соответствующей артиллерией и вспомогательными частями).

По первому взгляду кажется мало правдоподобным, чтобы английский генеральный штаб стал усложнять и без того столь трудную операцию перевозки, двигая войска из Ирландии и подвергая их опасности длинного морского перехода, но при ближайшем рассмотрении такой план организации экспедиционного отряда вполне возможен. Действительно, основной идеей английского плана войны несомненно является соединение неизбежного зла — активного вмешательства на материке Европы с наибольшей безопасностью островов Соединенного королевства. Для осуществления последней задачи несомненно более важно удержать регулярные войска в собственно Англии и даже вокруг Лондона, нежели в Ирландии. Последняя, повидимому, будет предоставлена собственной участи. Оборона же Англии намечается в крупных чертах так: войска Восточного округа — 4-я дивизия — 12 бат.; 4-я кав. бригада — 9 эск. с соответствующей артиллерией, частями на береговой обороне и т. п. имеют задачей *оборонять* самый Лондон. Об этом мне в прошлом году говорил тогдашний командующий Восточного округа генерал Пэджет. В настоящее время генерал Пэджет (general sir Arthur Paget) переведен в Ирландию (также командующим войсками) и при своем отъезде он говорил своим знакомым, что теперь он будет играть *гораздо более активную роль в будущей войне* и что это ему говорил сам военный министр.

Войска Южного округа (Сольсбери) — (3-я дивизия — 12 бат. и 2-я кав. бригада — 6 эск. с соответствующей артиллерией и пр.) составят *регулярный подвижной резерв общей обороны страны*. Несомненно, что расположение этой группы на юге, вокруг Сольсбери, не соответствует такой задаче, а скорее указывает на будущую посадку этой группы на транспорты в хорошо оборудованных южных портах и под защитой юго-восточной Англии, но есть основание думать, что эту дислокацию решено в будущем изменить.

2) После кризиса прошлого лета в военных кругах начал ходить слух, что разрабатывается проект о перемещении главной массы войск из юго-западной Англии ближе к восточному берегу. Повидимому, было выдвинуто предложение развить город Кольчестер — главный город графства Эссекс — в первостепенный военный центр «создать новый Альдершот». Помимо соображений, изложенных выше, нельзя не отметить, что настоящая дислокация английских войск с двумя центрами (Альдершот и Сольсбери) в юго-западной Англии относится еще к тем временам, когда естественным

---

[1] Маш. копия.

[2] 4 б-на (18 бр.) откомандированы в Иорке. [Прим. оригинала.]

[3] 4 б-на (гвард. 4-я бригада) в Лондоне в случае мобилизации, вероятно, присоединятся к своей дивизии. [Прим. оригинала.]

и традиционным врагом считалась Франция, а Германия, с ее ничтожным флотом, имела лишь сухопутное значение.

Кольчестер является узлом путей от побережья графства Норфольк (ближайшего к германской морской базе) к Лондону; если же противник высадился бы на побережье графства Эссекс, где-либо между Гарвичем и Шебуринессом, то и этот десант оказывается под ударами Кольчестерского гарнизона.

Для отражения десантов в северной Англии одновременно с этим намечено развитие Иорка, который явится вторым значительным военным центром восточного побережья.

Далее к северу в Шотландии отсутствие каких-либо важных объектов операций делает десант противника маловероятным, а наличность нового громадного военного порта — Розайт — кроме того и рискованным.

Таким образом, Кольчестер, Иорк и Розайт явятся в будущем центрами обороны Англии. Однако это будущее поневоле представляется отдаленным, так как кроме работ в Розайте, достаточно подвинутых, и некоторой перевозки военных и продовольственных припасов к восточному побережью, предпринятой в тревожные дни минувшей осени (телеграмма ген.-лейт. Ермолова № 35 [1]) и с тех пор заброшенной, новое распределение сил еще не вышло из области теоретических пожеланий.

Пока достоверно, что существует намерение увеличить гарнизон Кольчестера. В настоящее время там расположены: 11-я пех. бригада (4 б-на), 20-й гусарский полк (3 эск.), 25-я артиллерийская бригада (18 ск. ор.); существует проект довести гарнизон до двух пехотных и одной кавалерийской бригады и значительно развить имеющиеся там склады.

3) Из того же негласного источника мне удалось выяснить, что, по опытам пробных мобилизаций, призыв регулярного резерва занимает от 10 до 12 дней. Продолжительность сбора резервистов объясняется значительным временем, которое каждый посвящает на устройство своих имущественных и семейных дел. При этом на пробных мобилизациях наблюдалось следующее явление: в первую неделю резервисты прибывали крайне медленно и прибывшие принадлежали к худшему слою населения — бродяги и безработные, довольные получить даровой кров и пищу; в последние дни приток значительно усиливался и прибывали солидные и зажиточные люди, посвятившие много времени на устройство своих личных дел.

Что касается отношения правительства к роли Англии в будущей войне, то оно характерно обрисовалось на заседании палаты лордов [15] 2 мая. Лорды Холден и Крю заявили, что наилучшей политикой они признают быть «свободными от союзов на материке». Англия, по словам лорда Крю, в настоящее время «не имеет обязательств, принуждающих ее к военным операциям» и «не имеет связывающих ее военных соглашений». Тем не менее ввиду «интимных и дружественных сношений» (которых не следует смешивать с союзами) *допустимо предположение*, что Англия примет активное участие в военных действиях на европейском театре. Размер английского экспедиционного отряда, по словам лорда Крю, трудно установить заранее; «легко предвидеть обстоятельства, которые сделают *невозможной* послать, в короткий срок, *более четырех дивизий. Не зная, какие из европейских государств в данную минуту окажутся враждебными и какие останутся дружественными, каковы будут их отношения между собой и какова группировка держав в отношении военных союзов, нельзя установить, пошлет ли правительство 50 000 чел., 100 000 чел., или 150 000 чел.*».

Заявления эти чрезвычайно характерны. В них слышен результат обнаруженной прошлой осенью неготовности и растерянности флота, разоблачений деятельности французского кабинета Кайо [2], подтачивающих Англию

[1] Указанная тел. не обнаружена.
[2] См. т. XIX, № 351.

социалистических волнений рабочих [1] и, может быть, впечатлений, вынесенных лордом Холденом из его знаменитой поездки в Берлин [2], повидимому, сводящихся к тому, что если Англия тактично воздержится от вмешательства в европейские дела, она избегнет гнева Германии. Для теперешнего английского правительства, подавленного вопросами внутренней политики, такие советы вполне по душе, так как в ближайшем будущем оно склонно стремиться к сохранению мира во что бы то ни стало.

Подполковник Голеевский.

№ 55. Вр. и. д. военного агента в Англии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 76. 22/9 мая 1912 г.

О поездке премьер-министра и первого лорда адмиралтейства в Средиземное море.

Вчера, [21] 8 мая, первый лорд адмиралтейства Черчилль и премьер-министр Асквит выехали в Геную и далее в Средиземное море для осмотра английских морских станций. В Мальте состоится совещание с лордом Китченером. Поездка находится в связи с тревожным положением дел в восточной части Средиземного моря. Точные сведения о цели поездки пока еще не имеются, но вероятно, что результаты ее повлияют на политику Англии в Средиземном море и отношение ее к итало-турецкой войне [3].

Здешняя печать с нескрываемым недоверием относится к действиям Италии и остальных держав Тройственного союза в восточной части Средиземного моря и к выступлениям русской дипломатии в итало-турецкой распре.

Подполковник Голеевский.

№ 56. Морской агент в Англии в морской генеральный штаб.

Донесение № 126. 22/9 мая 1912 г.

Морская политика.

Последние речи Mr.W. Churchill'я в связи с пропуском во 2-м чтении Reichstag'ом новой морской новеллы, центр тяжести которой для Англии заключается в постройке Германией к 1918 г. 3 [4] крейсеров, производят сенсацию в обществе и в прессе, и все с нетерпением ждут выхода нового, добавочного, морского бюджета, уже обещанного Mr. Churchill'ем в парламенте. Деньги, действительно, в количестве £ 6 500 000 имеются, —

[1] Стачка англ. углекопов, начавшаяся 29 февр. нов. ст., охватила вначале 600 000 рабочих, а затем более 1 200 000 чел. Стачка закончилась 1 апр. Забастовка транспортных рабочих, длившаяся 10 недель, окончилась 27 июля.

[2] См. т. XIX, № 468.

[3] В донесении от 26/13 мая за № 127 морской агент в Англии Рейн сообщал в морской генеральный штаб: «Лорд Китченер, который теперь встретится в Мальте с гг. Асквитом и Черчиллем, категорично и неоднократно высказывался против ухода британских броненосцев из Средиземного моря. Не соглашаясь на уменьшение эскадры, даже ни на один броненосец, лорд Китченер, наоборот, требовал увеличения (предполагались 8 King Edward'ов) и постоянного нахождения одного корабля в египетских водах. Положение дел на Ближнем Востоке не представляет устойчивости и не внушает ему доверия, и ему желательно быть сильным для интересов Великобритании, когда таковые могут быть затронуты в дальнейшей войне Италии с Турцией. В скором времени престиж Великобритании пострадает, а Мальта, Каир и даже Египет будут поставлены в опасное положение. Кроме того командование водами, представляющими кратчайший путь в Индию, Дальний Восток и Австралию, существенно важно». Поездку Асквита Рейн объяснял желанием «лично и на месте обсудить положение, убедить лорда Китченера смириться, принять некоторые меры и другие наобещать».

[4] добавочных, дающих 61 бр. судов. [Прим. оригинала.]

совершенно свободные для употребления, хотя бы на увеличение флота. Но, с другой стороны, людей нет и если бы даже имелись рекруты, то все же в короткое время создать личный состав из специалистов и более плававших seamen [1], равно как добыть необходимое число молодых офицеров, не представляется возможным. Как я ранее доносил, число 2 000 чел., испрошенное для увеличения комплекта в сем году, недостаточно. Существующий комплект судов, по тем правилам, кои сейчас действуют, — а нет и месяца, как они вступили в силу, — может быть укомплектован, т. е., собственно, те 53 корабля + все остальное, кои образуют новую организацию флота (I, II и III флоты и т. д.). Общее число людей достаточно и для некоторого увеличения числа судов, приблизительно до 60, но специалистов и офицеров едва-едва хватает лишь на 53. Всего же по новой организации должно иметься 65 (64 = 8 × 8 + + 1) кораблей + крейсера + остальное. По установленном Mr. Churchill'ем 6% standard'у теперь и two-keels-to-one [2] для новых судов, в ответ на германские, — ныне, согласно обещанию, Mr. Churchill должен внести в парламент добавочное требование не только на постройку в 1912/13 г. — 5, 14 г. — 4, 15 г. — 5, 16 г. — 4, 17 г. — 5, 18 г. — 4, всего 27 кораблей, но еще на ускорение построек, на увеличение материалов, амуниции и личного состава. Последнее-то добыть подходящего качества не представляется возможным: вооружение на пределе. Надежда на отвержение Reichstag'ом, особенно социалистами в комбинации с другими левыми партиями, не покидала, видимо, Mr. Churchill'я. Еще в речи недели $1^1/_2$ тому назад, на обеде shipwrights [3], он высказал, что он рад заявить, что возможно гарантировать безопасность страны в полной мере, так как сила флота такова, чтобы сделать a victory certain [4]. Когда же вышла «новелла» (2-е чтение), им назначена была поездка в Мальту для ликвидации (встреча с Lord'ом Kitchener) английского supremacy [5] в водах Средиземного моря. В одной из публичных речей Mr. Churchill уже делает апелляцию к колониям, прося их взять на себя the patrolling and guarding of the ways, т. е. защиту коммерческих путей, в то время как метрополия займется держанием главных сил на решительном театре. Рядом с этим обещано внесение дополнительного бюджета. Ответы на вопросы по сему поводу в парламенте Mr. Churchill дает весьма уклончивые: время, — когда наиболее удобно; размер, — наиболее подходящий и т. п. Приведенными соображениями и объясняется, что английское правительство делает вид, что rapprochement и understanding [6] с Германией ему улыбаются. Поддержку такому rapprochement правительство встречает в здешних евреях и в левых партиях. Как мне удалось наблюсти во французском посольстве, где относятся несколько нервно к вероятностям подобных возможностей, — Франция автоматически отодвинется и, во всяком случае, обязана будет всегда с некоторой подозрительностью относиться и впредь к английскому entente. Из разговоров с немцами из посольства я вынес убеждение, что, без всякого сомнения, если будет война, то первой площадью поражения, слабейшей так сказать, будет Франция и что она, по образному выражению императора Вильгельма II, «wird zerschmettert» [7].

Итак, с большим интересом ожидаем появления добавочного морского бюджета и политического его обоснования.

Капитан 1-го ранга Рейн.

---

[1] «моряков».
[2] «два киля против одного».
[3] «кораблестроителей».
[4] «победу обеспеченной».
[5] «превосходства».
[6] «сближение и договоренность».
[7] «будет раздавлена».

№ 57. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 82 [1]. 22/9 мая 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 81 [2].

Шаги Италии относительно о. Самоса производят здесь неблагоприятное впечатление, тем более что вообще занятие ею стольких островов начинает внушать здесь некоторую тревогу. Я по этому поводу обращаю ваше внимание на очевидно инспирированную статью в сегодняшнем номере газеты «Temps» [3]. Титтони весьма категорически заявил Пуанкаре, что, по мнению итальянской печати, Италия имеет в виду лишь произвести давление на Турцию и, как только будет разрешен вопрос о Триполи, возвратить острова Турции. Это лишь отчасти успокоило Пуанкаре, который опасается, что при возвращении островов под турецкое владычество неминуемо возникнет вопрос об их автономии и гарантиях против турецких злоупотреблений, а это в свою очередь обострит критский вопрос. Вследствие вышеизложенного вряд ли окончательный ответ Пуанкаре по вопросу о Самосе будет благоприятен Италии [4].

Извольский.

№ 58. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 38 [5]. 22/9 мая 1912 г.

Срочно.

Лембергский инцидент.

Продолжение телеграммы № 37 [6].

Завтра появится одновременно в официозном «Fremdenblatt» и официальной газете «Наместник во Львове» нижеследующее сообщение:

«Некоторые здешние и заграничные газеты распространили известие, что 19 сего мая [нов. ст.] на собрании, с целью протеста против выделения Холмщины, имевшем место во Львове, был всенародно сожжен портрет российского императора и императрицы.

Если подобный факт действительно произошел, то, конечно, он должен быть заклеймен глубочайшим негодованием в качестве действия, не поддающегося даже определению.

---

[1] Опубл. М., стр. 199, где ошибочно указан № 92.

[2] Тел. от 22/9 мая за № 81 (опубл. М., стр. 199) Извольский сообщал, что по мнению Пуанкаре вопрос о Самосе (см. № 33) «имеет главным образом юридический характер»: турецкий гарнизон «был послан на Самос с полицейскими целями до объявления войны, и державы-покровительницы не настояли на его отозвании тогда; спрашивается, согласно ли с нейтралитетом требовать теперь его удаления». Пуанкаре обещал Извольскому дать окончательный ответ после того, как этот вопрос, а также вопрос о разрешении Италии распространить враждебные действия на Самос «будет подвергнут рассмотрению юристов».

[3] В номере «Temps» от 22/9 мая была напечатана статья «Война и Тройственное согласие», в которой автор выражал опасение, как бы Италия в результате своих успешных действий в Эгейском море не вздумала утвердиться на занятых ею островах. Автор статьи высказывал мнение, что этим фактом были бы существенно задеты интересы Тройственного согласия и, в особенности, России.

[4] Позднее пам. запиской от 18/5 июня О'Берн сообщил Сазонову о данных итальянским послом в Лондоне заверениях, что «в случае, если турецкий гарнизон на Самосе будет отведен на азиатский материк, его не тронут во время переправы». Грей запрашивал росс. прав-во, следует ли сообщить об этом заверении Италии турец. прав-ву и указывал, что если турец. гарнизон Самоса «был бы отведен, то было бы необходимо получить уверенность, что итальянское правительство не оккупирует остров, а будет соблюдать его особое положение». Ответной пам. запиской от 19/6 июня Сазонов извещал О'Берна, что итал. прав-вом «не было сделано по этому вопросу никакого демарша перед императорским правительством, но что при случае следует придерживаться метода действия, предложенного сэром Э. Греем».

[5] Маш. копия.

[6] См. стр. 37, прим. 4.

Однако следует отметить, что самый факт с точностью не мог быть установлен.

Насколько выяснило произведенное по сему поводу дознание, в тот самый момент, когда по окончании собрания толпа, окружавшая памятник Мицкевичу, начала рассеиваться, у ступеней памятника, среди толпы, показалось незначительное пламя и поднялся вопль и крик.

Присутствовавшие чины полиции, стоявшие несколько в стороне, не были в состоянии принять сейчас же какие бы то ни было меры, ввиду неожиданности инцидента и его кратковременности. Даже демонстранты, находившиеся подальше от памятника, не сразу поняли в чем дело.

По тотчас же наведенным справкам полицией, на основании ходивших в толпе слухов, оказалось, что кто-то из учащейся молодежи поднял на шесте картон с изображением, будто бы, царя или царской семьи и сжег его.

Мы надеемся, что подобные инциденты, дающие повод к столь прискорбным толкованиям, впредь не повторятся» [1].

Гирс.

№ 59. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 22/9 мая 1912 г.
Personnelle.

Mon cher Ministre,

Le révoltant incident de Lemberg m'a poussé à être très pressant et exigeant vis-à-vis du comte Berchtold, qui a été très humilié de devoir faire paraître devant moi son impuissance en présence de la politique intérieure de son pays.

Mes télégrammes successifs ont été trop détaillés pour que je les mentionne derechef [2].

Berchtold a été sincère dans son indignation et dans son désir de nous donner une satisfaction éclatante, ses principes profondément monarchiques en sont une garantie d'une part, et de l'autre, il craint un échec de sa politique de rapprochement avec la Russie qu'il considère indispensable pour le maintien de la paix.

Malheureusement, il est impuissant, dans une certaine mesure, vis-à-vis des Polonais à l'heure présente, car le ministère autrichien présidé par le comte Stürgkh a besoin du «kolo» polonais pour continuer à vivre: sans les Polonais il n'y a pas de majorité, puisque les Tchèques continuent à être intransigeants.

Nous ne pouvons pas nous dissimuler qu'actuellement les Galiciens — aussi bien les «Polonais» que les «Mazeppistes» — sont nos ennemis, et la Galicie restera le point dangereux dans nos relations avec l'Autriche-Hongrie. Insister sur la destitution de M. Bobrjinski, dans l'état actuel de la majorité du Parlement autrichien, c'est provoquer une crise, la chute même de Berchtold, et risquer peut-être un refus motivé par l'ingérence dans les affaires intérieures du pays.

Nous ne pouvons pas oublier l'attitude des Polonais et leur infâme démonstration, mais nous devons choisir le moment qui nous serait propice pour sévir.

M. Szeps, directeur du «Fremdenblatt», organe officieux, m'a dit que l'incident de Lemberg est fort pénible pour le comte Berchtold, car il se rend

[1] Тел. от 27/14 мая за № 40 Н. Гирс сообщал, что в дополнение к сообщению, изложенному в публикуемом документе, 26/13 мая в «Fremdenblatt», появилось другое сообщение, что власти продолжают производить расследования по делу о сожжении портрета Николая II, и если виновные будут установлены, то «само собой разумеется, что в таком случае будет поступлено по всей строгости закона».

[2] См. стр. 25, прим. 2 и №№ 45 и 58.

compte qu'il se retournera contre lui et sa politique de rapprochement et de conciliation. Il n'a pas, d'un autre côté, les coudées franches à cause de la politique intérieure de la majorité. Telle est sa situation réelle.

Ce soir le comte Berchtold part pour Berlin, où il ne passera que deux jours. Il part sans enthousiasme, car il sent que son prestige personnel ne sera pas augmenté et qu'il ne pourra affirmer la même politique d'indépendance, qu'avait le comte Aehrenthal et qui était si flatteuse pour l'amour-propre autrichien.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод

Личное.

Дорогой министр,

Возмутительный инцидент во Львове заставил меня быть очень настойчивым и требовательным по отношению к графу Берхтольду, который был крайне смущен тем, что вынужден был в моем присутствии обнаружить свое бессилие в отношении внутренней политики своей страны.

Мои последовательные телеграммы были слишком подробны, чтобы снова о них упоминать.

Берхтольд был искренен в своем негодовании и в своем желании дать нам полное удовлетворение, чему, с одной стороны, могут служить гарантией его глубоко-монархические убеждения, а с другой стороны, он опасается крушения своей политики сближения с Россией, которую считает необходимой для поддержания мира.

К несчастью, он до известной степени бессилен в настоящий момент по отношению к полякам, так как австрийское министерство под председательством графа Штюргка нуждается для продолжения своего существования в польском «коло»: без поляков не будет большинства, так как чехи попрежнему непримиримы.

Мы не можем скрывать от себя, что в данное время галицийцы — как поляки, так и «мазепинцы» — являются нашими врагами и что Галиция останется опасным местом в наших отношениях с Австро-Венгрией. Настаивать на смещении г. Бобржинского при настоящем составе большинства австрийского парламента — означает вызвать кризис, даже падение Берхтольда, и рисковать, быть может, получить отказ, мотивированный вмешательством во внутренние дела страны.

Мы не можем забыть отношение поляков и их подлую демонстрацию, но мы должны выбрать более благоприятный момент для решительных действий.

Г. Щепс, директор официозного органа «Fremdenblatt», сказал мне, что инцидент во Львове очень тягостен для графа Берхтольда, который отдает себе отчет в том, что он обернется против него и его политики сближения и примирения. С другой стороны, он не имеет свободы действий в связи с внутренней политикой большинства. Таково его действительное положение.

Сегодня вечером граф Берхтольд уезжает в Берлин, где проведет всего 2 дня. Он едет без энтузиазма, так как чувствует, что его личный престиж не возрастет и что он не сможет продолжать ту независимую политику, столь лестную для самолюбия австрийцев, какую проводил Эренталь.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 60. Посол в Вене министру иностранных дел.

/. Письмо. 22/9 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Английский посол сэр Ферфакс Картрайт сообщил мне, что по предписанию своего правительства он заявил графу Берхтольду, что английская финансовая группа капиталистов, которая принимает участие в китайском реорганизационном займе, не считает возможным допустить в состав финансирующего Китай консорциума австрийской группы, ввиду несомненных аналогичных требований других держав, как например Италии и Бельгии [1].

Это заявление, по мнению английского посла, было крайне неприятно австро-венгерскому правительству, ввиду данных им обещаний австрийским банкирам. Картрайт допускает даже мысль, что австро-венгерское прави-

[1] См. № 30.

тельство приложит свои старания, чтобы составить, совместно с Бельгией, новый консорциум для заключения второго реорганизационного китайского займа.

Сильно сомневаюсь, чтобы при нынешнем финансовом положении Австрии ее правительству удалось бы создать консорциум, который мог бы принести какой бы то ни было политический и финансовый ущерб нашим интересам. До сих пор граф Берхтольд в разговоре со мной не обмолвился ни одним словом о желании австрийских капиталистов принять участие в китайском займе [1].

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 61. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 22/9 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После появления брошюры г. Фальбека, о которой я имел честь доносить вашему высокопревосходительству депешей от [7 мая] 24 апреля с. г. за № 8 [2], я воспользовался случайной встречей с министром иностранных дел, чтобы выразить ему сожаление по поводу этого нового натравливания шведского общественного мнения против России. Высказав опять самое живое сожаление, гр. Эренсверд обещал мне воспользоваться своим предстоявшим выступлением в риксдаге, чтобы публично выразить на этот счет мнение правительства. Действительно, как вашему высокопревосходительству уже известно из моей секретной телеграммы [20] 7 мая, министр иностранных дел коснулся в своей парламентской речи этого вопроса и сказал, что непременным условием успешного ведения Швецией внешней политики является осторожное отношение прессы к иностранным державам; опрометчивые мнения и суждения, навеянные самым искренним патриотизмом, могут очень затруднять правительству выполнение его задачи [3].

Я счел долгом на вчерашнем приеме министра выразить ему благодарность за исполнение обещания и одновременно с сим уверенность, что его слова послужат впредь должным предостережением кому следует.

Выслушав меня, министр сказал, что он в свою очередь осуждает появившуюся на-днях в «Новом времени» статью Меньшикова о боевой подготовке Швеции, направленной будто бы против России [4]. На это я объяснил своему собеседнику, чего стóит мнение «Нового времени» и его сотрудника, после чего гр. Эренсверд заверял меня самым категорическим образом, что если вообще существует мнение о тяготении Швеции к Германии, то это абсолютно неверно и единственно что верно, это его слова третьегодняшней речи о стремлении Швеции сохранять самый строгий нейтралитет.

---

[1] В тел. от 24/11 мая за № 91 Малевский сообщил, что в вопросе о вступлении Австро-Венгрии в Консорциум япон. прав-во «не считает возможным разойтись с мнением большинства». Об этом япон. м-р ин. дел поставил в известность австро-венгерского поверенного в делах в Токио.

[2] В оригинале ошибка. Деп. Савинского за № 8 датирована 4 мая/21 апр. (см. т. XIX, № 854).

[3] См. № 37.

[4] В «Новом времени» от 14/1 мая, № 12979, была помещена статья Меньшикова под заглавием «Велика ли у нас армия?». Касаясь вопроса о возможных противниках России, Меньшиков писал относительно Швеции: «Казалось бы, что̀ может Швеция отвоевать у России? Только Финляндию, которой это едва ли с руки,—и тем не менее Швеция очень деятельно готовится к войне. Все мужское население проводится через гимнастические и стрелковые союзы и превосходно обучено главному делу войны — стрельбе. Об этом говорил мне не так давно бывший наш военный агент в Швеции и Норвегии — граф Игнатьев».

При наличности тех условий, о которых я раньше доносил вашему высокопревосходительству и которые, вопреки словам министра, свидетельствуют о тяготении Швеции к Германии [1], трудно вполне доверяться словам министра, но искренний и горячий их тон заставляют думать, что если это тяготение и связь существуют, то они поддерживаются не членами кабинета, а кем-либо другим.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 62. Вице-консул в Хое министру иностранных дел.

Телеграмма № 133. 22/9 мая 1912 г.

Копии в Тифлис и Урмию.

Телеграфирую в Тегеран:

Исмаил-Ага Симко доносит, что [20] 7 мая, рано утром, турецкие солдаты с курдами, в количестве около 400 человек, окружили котурские селения Тарсова и Гирверан — на карте Геверик, — заняв подходящие к ним дороги. Симко со своими людьми поспешил на выручку. В перестрелке он потерял из своих всадников 10 убитыми и 7 ранеными, пять аскеров взяты ими в плен. После столкновения турки отступили из пределов Котура [2]. Опасаясь повторения нападения, Симко просит спешно оказать помощь присылкой патронов. После жалоб турок на Симко, получившего от меня категорический совет воздерживаться от набегов в Турцию и ограничиться охраной территории Котура, о чем осведомлены турки, считаю нападение [20] 7 мая провокацией, при повторении которой-нам трудно будет сдержать Симко от эксцессов. Оказать помощь патронами желательно, равно как было бы полезно проехать мне в Котур, по возвращении из Салмаса [3].

Прошу указаний.

Прошу телеграфировать в Константинополь.

Чирков.

№ 63. Особый журнал совета министров [4].

23/10 мая 1912 г.

По вопросу о сооружении железных дорог в Малоазиатской Турции.

Развитие железнодорожного строительства в турецких владениях Малой Азии и в особенности в северо-восточной части ее, прилегающей к нашей кавказской границе, имеет, без сомнения, неблагоприятное для России значение, ибо оно усиливает стратегическое положение Турции и угрожает нашим экономическим интересам в Северной Персии. Поэтому, в противовес предоставленной Портой немецкому обществу Анатолийских железных дорог концессии на сооружение Багдадской дороги, императорское российское правительство в марте 1900 г. заключило с Турцией соглашение, имевшее целью по возможности оградить нас от постройки рельсовых линий на примыкающем к нашей границе турецком побережьи Черного моря.

---

[1] См. т. XIX, № 745.

[2] Тел. от 24/11 мая за № 277 управляющий ген. консульством в Тавризе Преображенский также сообщал о нападении турок на котурские деревни.

[3] Тел. от 22/9 мая за № 135 Чирков, передавая в Тегеран просьбу Симко о присылке ему патронов, высказывал мнение, что патроны можно было бы «выдать из конфискованных в Тавризе и находящихся при отряде персидских трехлинейных патронов, причем не Симко лично или его посланному, а здешнему губернатору. Такой вид помощи Симко не может вызвать законных на нас нареканий».

[4] Лит. копия. Над заголовком надпись: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен», в Балтийском Порте, на яхте «Штандарт», [6 июля] 23 июня 1912 г.».

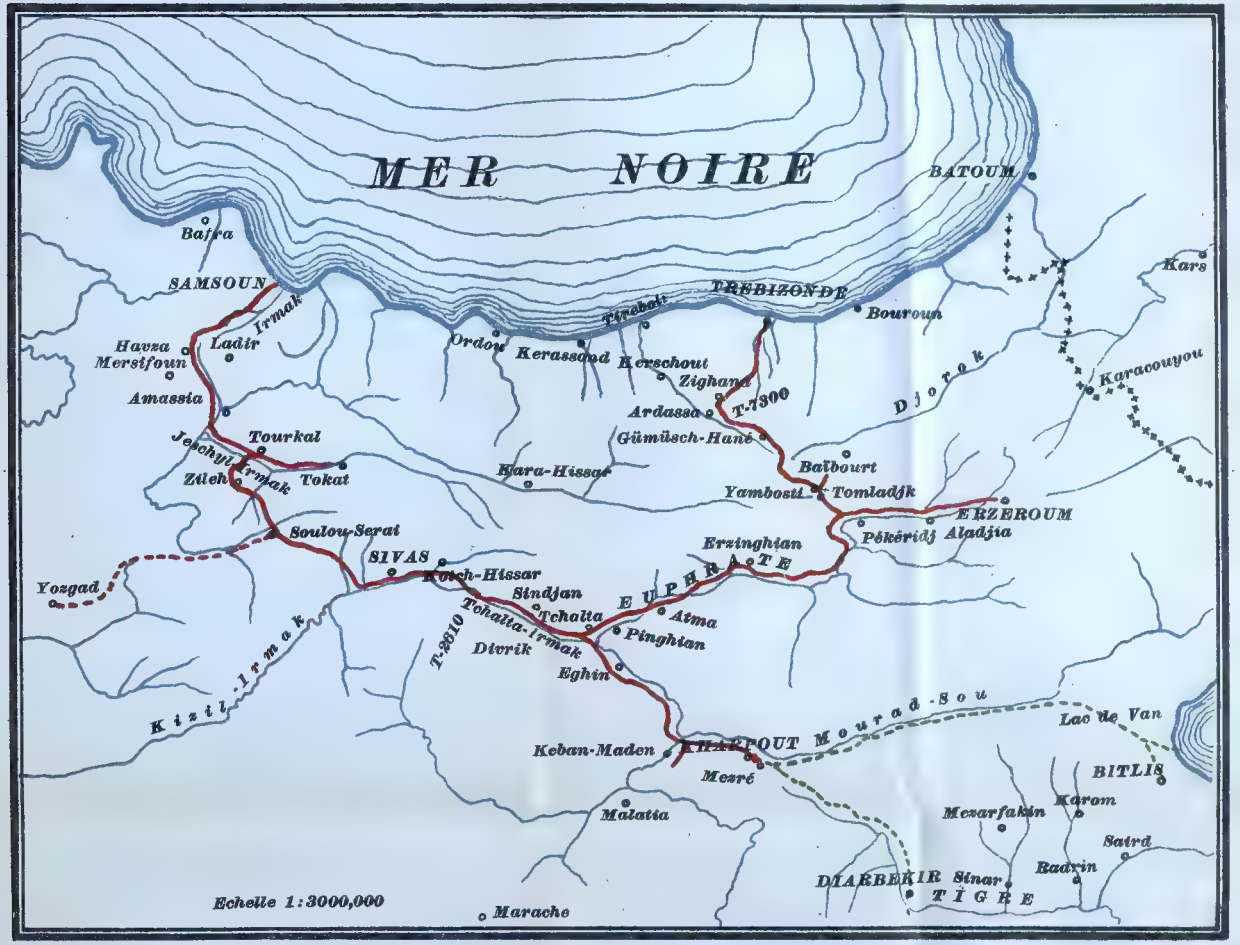
Согласно упомянутому соглашению, оттоманское правительство обязывалось в случае, если оно признает необходимым приступить к постройке железных дорог в районе между берегом Черного моря и линией городов Ангора — Кайсарие — Сивас — Харпут — Диарбекир — Ван и не пожелает строить их на средства турецкой казны, предоставить сооружение таковых дорог русским капиталистам на тех же основаниях, на каких постройка Багдадской дороги предоставлена немецкому обществу Анатолийских дорог. Но ввиду недостаточной определительности сказанного соглашения, оно не могло помешать оттоманскому правительству попытаться осуществить свои планы развития железнодорожной сети по побережью Черного моря, якобы на средства турецкой казны, при помощи замаскированного иностранного займа. В этом именно направлении весной 1910 г. Турцией начаты были переговоры с группой американских капиталистов, с Честером во главе, желавших получить концессию на железнодорожную линию Сивас — Диарбекир — Ван, с ветвями к Средиземному морю и на Моссул — Керкук до города Сулеймание на персидской границе, причем, взамен километрической гарантии, группа Честера домогалась получить на 99 лет право разрабатывать минеральные богатства в пределах 20 километров с каждой стороны линии. Переговоры с Честером, вследствие протеста Германии, остались, однако, без каких-либо практических результатов. Вслед затем турецкое правительство вошло в сношения с французскими капиталистами на предмет заключения в Париже займа на сумму до полумиллиарда франков. Часть этого займа предназначалась для покрытия бюджетного дефицита, а остальная его часть — на сооружение железных дорог в районе черноморского побережья, из коих в первую очередь намечалась к постройке линия Самсун — Сивас.

Так как последнее предположение не соответствовало соглашению 1900 г. и существенным образом затрагивало наши экономические и стратегические интересы, то вопрос о сооружении Самсун-Сивасской железной дороги был внесен бывшим министром иностранных дел, гофмейстером Извольским, на рассмотрение особого под председательством статс-секретаря Столыпина совещания из ближайше заинтересованных в сем деле министров. Означенное совещание в заседании [15] 2 июня 1910 г. пришло к убеждению, что устаревшее и крайне неясное соглашение наше с Турцией, заключенное в марте 1900 г., не может в достаточной степени оградить нас от постройки турецких железнодорожных линий в Малой Азии. Ввиду сего совещание признало желательным добиваться от Турции заключения с нами нового договора, который гарантировал бы нас от постройки железных дорог к востоку от линии Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир — Моссул — Ханекен, причем для более успешного достижения этой цели предполагалось заручиться содействием Франции, предоставив ей в виде компенсации основанные на соглашении 1900 г. права наши на постройку и эксплоатацию линии Самсун — Сивас. Приведенное заключение Особого совещания удостоилось высочайшего вашего императорского величества одобрения [9 июля] 26 июня 1910 г.

К сожалению, ввиду недоброжелательного отношения к России оттоманского правительства, нам не удалось достигнуть с ним какого-либо нового железнодорожного соглашения, а тем временем оно заключило с французским синдикатом, представленным в Константинополе французским гражданином Салландруз де Ламорне, условие на производство изысканий и постройку определенных линий в районе, выходящем за пределы оговоренной соглашением 1900 г. полосы. Означенная сделка не была оформлена достаточно ясно, чтобы можно было счесть ее нарушающей соглашение 1900 г. относительно непредоставления Турцией иностранцам железнодорожных концессий, и потому императорскому российскому правительству не представлялось оснований для формального протеста, тем более что рас-

LE RÉSEAU FERRÉ DE LA MER NOIRE

I	Samsoun—Sivas—393		
	Tourkal—Tokat— 47		
	440 kil.		
II	Sivas—Tchalta—Kharpout	—362	
	204 158		
	Mecheller 297—Keban-Maden	— 12	
		374 kil.	
III	Tchalta—Erzinghian—Pekéridj—Erzeroum	—344 kil.	
	131 107 106		
IV	Trébizonde—Yambosti—Pekéridj	—258	
	197 61		
	Yambosti—Baïbourt	— 33	
		291 kil.	



Эта карта была передана французским послом в Константинополе Чарыкову и препровождена последним в м-во ин. дел при деп. от 4 марта / 20 февр. 1912 г. за № 21 (см. т. XIX, ч. II, стр. 230, прим. 1).

На карте обозначены: 1) красной чертой — линии, исследованные французскими предпринимателями; 2) красным пунктиром — сеть на Ислад, не включенная в франко-турецкое соглашение и не исследованная; 3) зеленым пунктиром — Честеровские линии к Диарбекиру, Битлису и Ване.

стройство сделки с французскими капиталистами грозило передачей всего дела в германские руки, что с нашей точки зрения было бы еще более нежелательно. При таких условиях наш бывший посол в Константинополе счел наиболее правильным, не возражая против переговоров Турции с группой Салландруз де Ламорне, войти в соглашение с французским послом о том, чтобы французы обязались осведомлять нас о результатах своих изысканий и расчетов ранее подписания с Портой окончательного контракта, дабы, в случае необходимости, мы могли воспротивиться дальнейшим переговорам оттоманского правительства с французским синдикатом и настоять этим способом на заключении им с Россией нового, взамен соглашения 1900 г., договора. Таковое соглашение закреплено было гофмейстером Чарыковым особым протоколом, подписанным в минувшем году им и французским послом [1]. Недавно французский синдикат представил оттоманскому правительству все требуемые данные относительно намеченных им к постройке линий [2] и, следовательно, русскому правительству предстоит теперь определить свое отношение к рассматриваемому вопросу. Упомянутый синдикат предполагает, в первую очередь, приступить к постройке линии Самсун — Сивас и окончить ее в четыре года, а засим в следующие четыре года довести этот рельсовый путь до Харпута. К шестому году от начала постройки приурочивается приступ к сооружению ветви от Чалты на Эрзингян и Эрзерум, причем к концу восьмого года рельсы могут быть уложены до Пекериджа, откуда проектируется узкоколейная ветвь к Трапезунду. Общее протяжение намеченной к постройке сети достигает 1 449 километров, стоимостью около 570 000 000 франков. Ввиду весьма высокой стоимости участка Пекеридж — Трапезунд, исчисленной в 600 000 франков с километра, французский синдикат предполагает отложить постройку этой ветви, равно и линии Эрзингян — Эрзерум до окончания всей сети, с тем чтобы о финансовых условиях сооружения этих двух участков с турецким правительством заключено было особое финансовое соглашение.

Имея в виду, что вышеизъясненный проект близко затрагивает наши стратегические и экономические интересы, министр иностранных дел, по предложению председателя совета министров, внес настоящее дело на обсуждение совета министров с целью выяснения отношения императорского правительства к создавшемуся положению и наших дальнейших в этом вопросе мер.

Войдя в рассмотрение всего изложенного, совет министров принял прежде всего в соображение изустное заявление министра иностранных дел, указавшего, что вопрос о предоставлении сооружения железной дороги от Самсуна до Сиваса французским капиталистам был уже предрешен в положительном смысле упомянутым выше особым совещанием, состоявшимся [15] 2 июня 1910 г. В настоящее время оттоманское правительство намеревается заключить договор с французским синдикатом на сооружение целой сети железнодорожных линий в северо-восточной части Малой Азии, в составе коей линия Самсун — Сивас представляет лишь небольшое звено, а линии Чалта — Эрзингян — Пекеридж — Эрзерум и Пекеридж — Трапезунд входят в ту полосу, в которой по соглашению 1900 г. Турция могла строить железные дороги только либо сама, либо при посредстве русских концессионеров. Однако при современном политическом положении, характеризующемся сильным подъемом в правящих кругах Константинополя национально турецких течений и обострением вражды к России, гофмейстер Сазонов не может питать серьезной надежды добиться от Турции определения какой-либо запретной для железнодорожного строительства зоны более прочно, чем это сделано соглашением 1900 г. Между тем, опираясь

[1] Имеется в виду протокол от 18/5 апр. 1911 г. (см. т. XVIII, приложение к № 202).
[2] См. т. XIX, ч. II, стр. 230, прим. 1 и № 633.

на последнее, мы, как например и в данном случае, не в состоянии противодействовать сооружению нежелательных для нас в Малой Азии линий, так как турки могут всегда путем замаскированной концессии или иным способом обойти таковой запрет. Вследствие сего и имея в виду, что особое совещание в 1910 г. признало возможным отказаться от устаревшего и шаткого соглашения 1900 г., министр иностранных дел полагает, что в настоящее время было бы наиболее целесообразно, не противодействуя заключению договора между турецким правительством и французским синдикатом на сооружение предположенных им линий, попытаться путем переговоров с французским правительством, добиться отказа синдиката от сооружения наиболее нежелательных для нас линий Эрзингян — Пекеридж — Эрзерум и Пекеридж — Трапезунд или же, в случае недостижения сего, насколько возможно затянуть постройку этих линий, воспользовавшись полученной оттяжкой для усиления нашего железнодорожного строительства на Кавказе.

Присоединяясь в существе к приведенным соображениям гофмейстера Сазонова, совет министров заметил, что основная цель соглашения 1900 г. заключалась в обеспечении нас от захвата обществом Анатолийских железных дорог в свои руки постройки рельсовых путей по направлению к Черному морю. С этой точки зрения упомянутое соглашение принесло свою пользу, ибо в настоящее время общество Багдадской дороги не домогается уже получения концессий в интересующих нас местностях Малой Азии. Между тем турецкое правительство, убедившись, что главнейшей нашей целью в сем деле является противодействие железнодорожному строительству Турции в северо-восточной части Малой Азии, в противовес сему всемерно добивается, со своей стороны, усиления сооружения стратегических путей, тяготеющих к нашей кавказской границе. В этих видах оно и вступило в переговоры с французским синдикатом Салландруз де Ламорне, вылившиеся уже теперь в весьма определенные предположения, поддерживаемые и французским правительством. Как бы отрицательно мы ни относились к этим предположениям, у нас нет твердой точки опоры для противодействия им, так как в соглашении 1900 г. предусмотрена возможность сооружения железнодорожных линий в обсуждаемом районе на средства турецкой казны, и мы не можем, конечно, воспрепятствовать заключению оттоманским правительством иностранных займов на проведение железных дорог там, где оно считает необходимым. С другой стороны, как справедливо отметил министр иностранных дел, разрыв по нашему протесту происходящих ныне между турецким правительством и французским синдикатом переговоров грозил бы передачей всего предприятия в германские или американские руки, что, само собой разумеется, представлялось бы для нас совершенно нежелательным.

Наконец, нельзя упускать из вида, что во время происходивших между нашим бывшим послом в Константинополе и Портой переговоров по рассматриваемому вопросу со стороны русского правительства не было заявлено формального протеста. Напротив того, гофмейстер Чарыков отнесся весьма сочувственно к мысли о продолжении турецкой сети на восток по направлению к нашей границе, полагая, что соединение наших железных дорог с турецкими облегчило бы, в случае военного столкновения с Турцией, наши наступательные против нее действия. Считаясь с изложенными заявлениями нашего бывшего посла в Константинополе и имея в виду, что Особое совещание, при рассмотрении в 1910 г. вопроса о сооружении Самсун-Сивасской линии признало возможным отказаться от устаревшего соглашения 1900 г., совет министров находит, что противодействовать ныне заключению Турцией с французским синдикатом проектируемого договора было бы нецелесообразно, причем нам оставалось бы лишь, войдя в переговоры с французским правительством, попытаться либо исключить

особенно вредные для нас линии из договора с французами, либо всемерно отдалить срок их осуществления. Оценивая с точки зрения наших интересов намечаемую в Малой Азии железнодорожную сеть, совет министров не мог не заметить, что против постройки линии Самсун — Сивас — Харпут военное министерство не возражает и лишь ответвление сей линии от Чалты на восток к Эрзингяну и далее на Пекеридж и Эрзерум, существенно облегчающее Турции подвоз ее войск к нашей кавказской границе, признается опасным для обороны Кавказа. Если в настоящее время оттоманское правительство в состоянии сосредоточить у нашей границы 300-тысячную армию, то с окончанием постройки упомянутых линий численность турецких войск на этом театре войны может быть легко доведена до 600 000 человек. Линия же Трапезунд — Пекеридж, содействуя проникновению иностранных товаров в Западную Персию, по свидетельству министра торговли и промышленности, нанесет несомненный ущерб нашей торговле с этой страной. Некоторым в сем отношении успокоением может служить лишь то обстоятельство, что ввиду значительных технических трудностей сооружения линии Пекеридж — Трапезунд и огромной стоимости ее, достигающей до 600 000 франков за километр, постройка названной линии едва ли может состояться в близком будущем, тем более что сам французский синдикат предполагает или вовсе отказаться от ее постройки или отложить ее сооружение до позднейшего времени. Иначе стоит вопрос о проведении железной дороги к востоку от Чалты в направлении на Пекеридж и Эрзерум. Хотя французы и предлагают ограничиться на первое время постройкой дороги лишь до Эрзингяна с тем, чтобы относительно сооружения последних участков на Пекеридж и Эрзерум заключено было особое финансовое соглашение, тем не менее необходимо учитывать настойчивое стремление Турции осуществить в скорейшем времени именно эту линию, создающую значительные облегчения для сосредоточения турецкой армии в Эрзеруме. При изъясненных условиях трудно рассчитывать на возможность путем соглашения с турецким правительством склонить его к отказу от сооружения железной дороги от Чалты через Эрзингян на Эрзерум. Поэтому предпочтительнее было бы, не вступая в дальнейшие с Портой переговоры по настоящему вопросу, обратиться за содействием для отсрочки сооружения означенных линий к французскому правительству. С тем вместе ему следовало бы разъяснить, что сооружение железной дороги по направлению к нашей кавказской границе представляет существенную угрозу нашему стратегическому положению и неминуемо вызовет усиление войск Кавказского военного округа, с соответственным ослаблением нашей военной силы на западноевропейском фронте. Можно надеяться, что такого рода разъяснения не останутся безуспешными, ибо сам французский синдикат предполагает ограничиться на первое время постройкой железнодорожной линии от Самсуна на Сивас и Харпут и ветви от Чалты до Эрзингяна, отложив до позднейшего времени продолжение последней линии на восток и сооружение участка Пекеридж — Трапезунд, причем, согласно последним сведениям, французы соглашаются отдалить срок приступа к постройке участка Чалта — Эрзингян на десять лет от начала постройки. При подобных условиях сооружение проектируемых линий, по мнению совета министров, не может вызывать с нашей стороны особо серьезных опасений, так как если даже турецкие железные дороги через 10—12 лет будут доведены до Эрзерума, то все же протяжение от этого конечного пункта турецкой рельсовой сети до нашей границы составит около 100 верст. Между тем, как разъяснил министр путей сообщения, вверенным ему ведомством в последнее время принимаются все меры к скорейшему выполнению намеченной военным министерством программы развития рельсовой сети на Кавказе. В самом непродолжительном времени на рассмотрение совета министров статс-секретарем Рухловым вносится подробный план производства изыска-

ний Перевальной через Главный кавказский хребет дороги. Постройка стратегической железнодорожной линии от Карса к турецкой границе также ведется самым энергичным образом, и в 1913 г. рельсы будут уложены до Сарыкамыша. На последнем участке этой линии от Сарыкамыша до Караургана, протяжением всего в 38 верст, изыскания уже закончены, и осенью настоящего года законопроект об отпуске средств на приступ к его сооружению будет внесен на законодательное рассмотрение. Таким образом, если означенный законопроект будет одобрен к началу 1913 г., то к 1916 г. мы будем располагать непрерывной рельсовой линией до самой турецкой границы.

По всем приведенным соображениям совет министров приходит к заключению, что, не имея юридически твердых оснований для воспрепятствования Турции в развитии ее рельсовой сети в Малой Азии, представлялось бы в настоящем случае наиболее правильным не возражать против заключения Портой окончательного с французским синдикатом контракта на сооружение намечаемых в северо-восточной части Малой Азии железнодорожных линий, с тем чтобы путем переговоров с французским правительством министерство иностранных дел попыталось достигнуть исключения из упомянутого контракта линий Чалта — Эрзерум и Трапезунд — Пекеридж или, по крайней мере, значительного отдаления времени приступа к сооружению означенных дорог.

Об изложенном совет министров приемлет долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен управляющим делами совета [1].

№ 64. Министр иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

Письмо № 299 [2]. 23/10 мая 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Васильевич,

Недавнее пребывание в Ялте во главе особой болгарской делегации г. Стояна Данева дало мне возможность иметь с ним несколько продолжительных бесед, в течение коих было затронуто и частью основательно обсуждено большинство международных вопросов, могущих коснуться интересов Болгарии [3].

Г. Данев начал свои объяснения в несколько повышенном тоне, стараясь убедить меня в затруднительности положения Болгарии вследствие тяжелого финансового бремени, налагаемого на страну необходимостью постоянно находиться в боевой готовности при невозможности мирными путями использовать затруднения, с коими ныне борется Турция. Скорейшее разрешение нынешнего неопределенного положения в Македонии потому особенно-де важно Болгарии, что вследствие приемов турецкого управления краем

[1] В письме от 3 июня/21 мая за № 353 Сазонов передал М. Гирсу содержание принятых на совещании решений и предлагал ему «не вызывать Ассим-бея на дальнейшие объяснения по вопросу об изменении соглашения 1900 г., не уклоняясь вместе с тем от выслушивания для передачи в министерство всех определенных предложений, которые могли бы нам быть сделаны с турецкой стороны по вопросам, связанным с железнодорожным строительством в Малой Азии». Далее Сазонов поручал Гирсу воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы внушить турец. прав-ву убеждение, что «лишь определенная и недвусмысленная готовность Турции считаться в этих вопросах с нашими интересами, руководствуясь не столько буквой, сколько духом соглашения 1900 г., может побудить нас согласиться на его замену каким-либо новым уговором».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 377, N 618, где датировано 30/17 мая. На полях публикуемого документа имеется помета: «Копии отправлены: в Константинополь [24] 11 мая, № 304, в Париж, Лондон, Вену и Белград [30] 17 мая, № 316».

[3] См. т. XIX, №№ 790 и 878.

болгарский элемент там все более теряет почву. Это положение заставляет-де многих в Болгарии ставить себе вопрос, не следует ли силой обеспечить за собой тяготеющие по национальному составу к Болгарии части турецкой территории.

Мне не стоило особого труда доказать моему собеседнику, насколько активное выступление Болгарии и неминуемое за ним усложнение общего положения на Ближнем Востоке было бы несочувственно встречено в России и правительством и общественным мнением, и сколь мало вероятия на то, чтобы в случае общего столкновения события действительно сложились в пользу Болгарии.

В последующих беседах я нашел г. Данева несколько успокоившимся по этому пункту.

Коснувшись непосредственных русско-болгарских отношений, в связи с вопросом о заключении военной конвенции между Россией и Болгарией, г. Данев старался доказать мне желательность того, чтобы и Адрианопольский вилайет был включен нами в сферу, предоставляемую влиянию Болгарии. Я ответил на это указанием на то, что Адрианопольский вилайет не входил в пределы Сан-Стефанской Болгарии и что, кроме того, в случае осуществления болгарских народных вожделений, Адрианополь утратит свое нынешнее значение турецкого форпоста, так как сама Турция превратится тогда в державу второстепенного значения.

Затем Данев просил о скорейшем закреплении соглашения с Россией, коим признавалось бы уничтожение капитуляций, причем он указывал на нежелательность для нас дать себя опередить в этом вопросе Австрией. Воздержавшись от определенного ответа, я хотел дать понять Даневу, что благоприятное разрешение этого вопроса зависит отчасти и от самой Болгарии.

Содействия с нашей стороны Данев просил еще для заключения таможенного союза с Сербией, а также для установления более тесного товарищеского общения между офицерами русской и болгарской армий, — пожелания, которые были мною сочувственно приняты к сведению.

На сетования г. Данева касательно двуличного будто бы отношения французских правительственных и финансовых кругов к вопросу о крупном болгарском займе в Париже, я ответил готовностью поддержать болгарские домогательства чрез императорского посла в Париже, и с тех пор объяснения гофмейстера Извольского по этому вопросу уже возымели благоприятные для болгарских интересов последствия [1].

Затем нами были подвергнуты обзору отношения Болгарии к остальным балканским государствам.

Относительно Румынии г. Данев не без досады указал на неудачу, постигшую до сих пор все старания сделать взаимные отношения более доверчивыми и дружескими, что заставляет Болгарию сомневаться в возможности когда-либо достичь этого результата. Тем не менее по частному вопросу установления правил плавания по Дунаю между обоими королевствами ведутся переговоры для предотвращения постоянных попыток Австрии вмешаться в эти вопросы. Кстати же г. Данев упомянул, что Австрия, готовая поддерживать домогательство Болгарии относительно допущения ее представителя в Дунайскую комиссию, решительно отказывается предоставить то же преимущество и Сербии.

С Грецией Болгария ведет уже некоторое время переговоры в видах заключения оборонительного союза, из которого, однако, был бы исключен тот случай, когда столкновение между Грецией и Турцией произошло бы из-за Крита [2]. Г. Данев признал при этом трудность достичь полюбовного

---

[1] См. т. XIX, № 879.
[2] См. № 1.

разграничения обоюдных сфер влияния в Македонии и щекотливость церковного вопроса, но, повидимому, рассчитывал на сглаживающее влияние времени[1].Он прибавил, что существование этих переговоров держится Болгарией в секрете и что в свою очередь Греция не осведомлена о существующем сербо-болгарском соглашении [2]. Я, разумеется, одобрил таковую сдержанность при настоящих обстоятельствах.

Касательно Черногории был затронут вопрос о возможности привлечь ее к сербо-болгарскому союзу.

Я возразил, что считал бы крупной ошибкой всякую попытку подобного привлечения, так как ввиду открытой вражды между Черногорией и Сербией всякое политическое соглашение между ними было бы неискренним, не говоря уже о том, что самое существование союза стало бы неминуемо известно Австрии в весьма скором времени.

Весьма интересным явилось для меня категорическое признание Данева в том, что еще в 1908 г. Австрия старалась привлечь к себе Болгарию обещанием предоставления ей Македонии и надеждой на раздел с нею Сербии. Болгары-де отклонили эти попытки, и в этом вопросе народ и король находятся в полном единомыслии. Вообще-де за последнее время король Фердинанд заметно изменил к лучшему свои чувства относительно Сербии и ее государя [3].

Считаю необходимым упомянуть, что Данев имел поручение передать государю императору письмо царя Фердинанда с упоминанием об имеющем состояться в августе в Софии освящении соборного храма св. Александра Невского и приглашением его императорского величества прибыть на это торжество.

Ввиду выраженных в самом письме этом сомнений в возможности осуществления этой заветной мечты всей Болгарии, ответ государя императора, указавшего, что уже принятые им решения и различные назначенные в течение лета празднества лишают его возможности поехать в Болгарию, не должен был показаться г. Даневу неожиданным.

Вышеизложенное считаю долгом сообщить вашему превосходительству для руководства при возможных дальнейших разговорах ваших по затронутым вопросам.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 65. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 34 [4]. 23/10 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Внесенный германским правительством на рассмотрение рейхстага законопроект об усилении армии и флота [5] обсуждается здесь с живым интересом, причем главнейшее значение французская печать придает, разумеется, увеличению сухопутных сил соседней империи. По расчетам компетентных лиц, численность германской армии, в составе мирного времени, должна будет к 1915 г. достигнуть 700 тыс. человек, т. е. на 40 тыс. человек более состава 1910 г.

Весьма интересны суждения по поводу упомянутого законопроекта, высказанные на-днях в газетах «Temps» и «Matin» бывшим генералиссимусом генералом де ла Круа. По его мнению, симптоматическим является не столько самое увеличение численности германской армии, отвечающее нормальному приросту населения, сколько факт размещения вновь форми-

[1] У Siebert'a слова: «но, повидимому... влияние времени» опущены.
[2] См. т. XIX, приложения I и II к № 625.
[3] Последующая часть письма у Siebert'a отсутствует.
[4] Опубл. М., стр. 202.
[5] См. т. XIX, № 705.

руемых частей на крайних противоположных флангах: Саарбрюкен на западе и Алленштейн на востоке, а главное, уменьшение числа запасных, призываемых в войска первой очереди. Последнее обстоятельство, по мнению генерала, должно несомненным образом отразиться на повышении способности германской армии к *наступательному* образу действий.

Сознавая, что французский народ, при слабой рождаемости, не в состоянии соревновать с Германией в отношении численности своих вооруженных сил, здешнее общественное мнение возлагает, однако, надежды на качественное превосходство французской армии. Кроме того, признается возможным достигнуть увеличения состава путем усиленного призыва запасных, а также со временем, путем использования в военных целях туземного населения французских колоний.

В общем к германскому законопроекту относятся здесь без излишней нервности, но с очень серьезным вниманием.

Примите и пр.

Извольский.

№ 66. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 23/10 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчерашней телеграммой моей, по поводу частного вопроса об острове Самосе [2], я поставил вас в известность о заметной тревоге, возбуждаемой здесь занятием Италией стольких островов в южной части Эгейского моря. До начала этого нового фазиса турецко-итальянской войны г. Пуанкаре несколько раз высказывался в разговорах как со мной, так и с г. Титтони в пользу этого плана действий, могущего дать в руки Италии средство давления на Турцию и объект обмена при заключении мира. За последние дни, под влиянием быстро развивающихся в Архипелаге итальянских операций, а может быть и внушений из Лондона, в уме г. Пуанкаре произошла некоторая перемена. Он продолжает признавать, что занятие островов является наименее неудобным для нейтральных держав средством сломить упорство Турции; но, вместе с тем, он видимо опасается, что если Италия и не замышляет окончательно на них утвердиться, то во всяком случае при их возвращении Турции возникнет вопрос об их автономии и об обеспечении их греческого населения от злоупотреблений турецкой администрации, а это, в свою очередь, может вызвать обострение критского вопроса. Г. Титтони, как мне известно, дал г. Пуанкаре самые положительные уверения, что Италия не имеет ни малейшего намерения удержать за собой занятые ею острова; но, с другой стороны, он не скрывает, что итальянское правительство не преминет тотчас приступить на этих островах к различного рода улучшениям, как материального, так и административного свойства, и что это может действительно впоследствии вызвать вопрос о будущей судьбе их населения под турецким владычеством.

На вчерашнем дипломатическом приеме г. Пуанкаре сказал мне, что вопрос о конференции, о котором я писал вам две недели тому назад [3], продолжает занимать умы как в Константинополе, так и в Риме. При этом с турецкой стороны с настойчивостью высказывается мысль, что главным затруднением является опасение турецкого правительства, что конференция затронет другие вопросы, кроме восстановления мира и судьбы Триполиса. Лично г. Пуанкаре относится к проекту конференции несомненно сочувственно и думает, что вполне возможно дать Турции требуемые ею гарантии. При этом он еще раз высказал мне, что, если вопрос о Триполисе будет

[1] Опубл. М., стр. 201.
[2] См. № 57.
[3] См. т. XIX, № 869.

подвергнут обсуждению международной конференции, Франция будет гораздо менее связана обязательством нейтралитета и, в силу соглашения 1904 г. [1], сочтет своей обязанностью более деятельно поддержать итальянские требования.

В подтверждение вышеизложенного считаю долгом препроводить при сем две последние статьи газеты «Temps» [2]. Автор этих статей, известный г. Тардье, одно время, при г. Пишоне, разошедшийся с французским министерством иностранных дел, ныне опять с ним сблизился и статьи его непосредственно отражают взгляды г. Пуанкаре. В инциденте с Жоржем Луи он поспешил предоставить свое перо в мое распоряжение. В обеих прилагаемых статьях с большой ясностью проводятся как опасения г. Пуанкаре насчет последствий занятия Италией островов, так и мысли его относительно условий созыва конференции.

Примите и пр. Извольский.

P. S. Из Вены здешним газетам телеграфируют явно тенденциозное известие, будто, в случае созвания конференции, Россия намерена поставить на обсуждение вопросы о Дарданеллах и о персидской границе. Мне кажется весьма желательным как можно скорее и авторитетнее опровергнуть эти слухи, способные опять вызвать здесь и в Англии подозрение по нашему адресу.

Ut in litteris Извольский.

№ 67. Посол в Париже министру иностранных дел.

-/. Письмо. 23/10 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из частного письма моего [3], отправленного с Е. П. Демидовым, вам уже известны подробности прискорбного инцидента, вызванного сенсационным сообщением газеты «Echo de Paris» о предстоящем отозвании г. Жоржа Луи. До сих пор мне не удалось узнать ничего достоверного об источнике этой нескромности. Г. Пуанкаре продолжает ручаться, что она не исходила из министерства иностранных дел. С другой стороны, для меня совершенно непонятно, почему г. Пуанкаре, которому я сообщил причины вашего неудовольствия на Жоржа Луи в самой осторожной и конфиденциальной форме, усмотрел в моих словах формальное требование его отозвания и придал делу столь резкий оборот. В разговорах со мной о Жорже Луи он все время сохранял самый дружеский тон, и мне остается предположить, или что он совершенно незнаком с дипломатическими приемами, или что он подвергся какому-либо постороннему влиянию, например, одного из своих коллег по кабинету. Как бы то ни было, он был искренне и неподдельно огорчен происшедшей нескромностью, и я должен отдать ему справедливость, что он сделал все, что от него зависело, чтобы не дать обостриться этому инциденту. Условившись со мной относительно сообщения газетам как от

[1] Так в оригинале. Вероятно, имеется в виду франко-итальянское соглашение 1902 г.

[2] О первой статье см. стр. 51, прим. 3. Автор второй статьи, озаглавленной «Конференция?», излагает свой взгляд на конференцию, как на средство прекращения военных действий между Италией и Турцией. Он считает, что конференция может быть успешной лишь в том случае, если деятельность ее будет заранее ограничена вопросом о прекращении войны. Автор отмечает, что идея конференции встретит искреннюю поддержку франц. прав-ва, инициатива которого во время войны связана в силу необходимости соблюдать строгий нейтралитет. Приостановка военных действий и начало дипломатического обсуждения предоставили бы ему большую свободу действий, как, впрочем, и другим державам.

[3] См. № 18.

министерства иностранных дел, так и с моей стороны, уже известных вам опровержений, он произвел энергическое давление на главнейшие газеты, вроде «Temps», «Matin», «Journal des Débats», «Figaro» и т. д., которые с самого начала отнеслись к делу вполне спокойно. Тем не менее некоторая и притом довольно значительная часть печати, по преимуществу оппозиционной, подхватила настоящий инцидент, причем, как я телеграфировал вам, весьма рельефно выступило стремление придать ему политическую окраску [1]. В течение двух дней со стороны таких газет, как «Liberté», «Le Journal», «La Libre Parole», «L'Humanité» и под[обных], посыпались резкие нападки как на меня лично, так и вообще на русскую политику. Газеты эти силились доказать, что в деле отозвания Жоржа Луи выступило наружу глубокое разномыслие между Россией и Францией по поводу происходящих на Ближнем Востоке событий. И меня и вас обвиняли в агрессивных замыслах против Турции, в сообщничестве с Италией, в стремлении выйти из Тройственного согласия и перейти на сторону Тройственного союза, а неудовольствие ваше на Жоржа Луи объясняли тем, что он, будто бы, противодействовал вашим планам. Со своей стороны, я тотчас же принял самые энергические меры, чтобы по возможности восстановить истину. Благодаря установившимся у меня связям, мне удалось побудить главнейшие газеты, как например, «Temps», «Matin», «République française» и др., поместить инспирированные мной статьи, частью в виде передовиц, частью же в форме корреспонденций из Петербурга. Некоторые из этих статей считаю долгом препроводить при сем [2]. Но за неимением у меня каких-либо денежных средств на печать для меня нет никакой возможности влиять на такие органы, которые доступны лишь материальному воздействию и которые, хотя и не имеют первостепенного значения, все же способны нанести нам не мало вреда. Этими органами, повидимому, широко пользуется здешний турецкий посол, расточающий на печать очень большие деньги. Замечательно, что наиболее резкие нападки на нас появились именно в тех газетах, которые, по слухам, получают от него субсидии.

По получении вашего письма от [16] 3 мая [3] и вашей телеграммы от [19] 6 мая [4], я не преминул вызвать г. Пуанкаре на новый разговор и разъяснить ему истинный смысл моих шагов. Г. Пуанкаре, как и следовало ожидать, выказал довольно мало чуткости к разнице между частным обращением к нему и формальным требованием; но в то же время он в самом дружеском тоне заявил мне, что он отлично понимает, что наши шаги были вызваны исключительно желанием устранить из наших отношений к Франции всякий элемент недоразумений и трений и что настоящий инцидент не оставил в нем никакой горечи ни по отношению к вам, ни по отношению лично ко мне. Ввиду происшедшей прискорбной нескромности и дабы не подать повода к дальнейшему возбуждению умов, Жорж Луи должен будет временно возвратиться в Петербург, и г. Пуанкаре надеется, что он найдет способ установить с вами удовлетворительные отношения.

Что касается личности, которая должна будет заменить Жоржа Луи, то вопрос этот покуда остается открытым. Лично мне представляется наиболее вероятным, что он будет перемещен в Рим и что нам предложат Баррера. Но я думаю, что это не разрешится до поездки г. Пуанкаре в Петербург [5] и что вам можно будет лично переговорить с ним об этом.

Примите и пр.

Извольский.

[1] См. № 35 и стр. 28, прим. 1.
[2] Приложения не воспроизводятся.
[3] Указанное письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[4] См. № 25.
[5] См. т. XIX, № 701.

№ 68. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 23/10 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из предыдущего письма моего [1] нельзя не усмотреть, что в широких слоях французской публики вкоренилось убеждение, что в последнее время между Россией и Францией происходят серьезные разногласия, главным образом, по отношению к турецко-итальянскому конфликту. Убеждение это, к сожалению, проникло также в правительственные и парламентские сферы и отчасти объясняет приданный делу об отозвании Жоржа Луи оборот. Обдумывая причины этого, на первый взгляд довольно непонятного, заблуждения, я не могу не приписать его прежде всего донесениям Жоржа Луи из Петербурга. Вы, конечно, вспомните, что подозрения относительно курса нашей политики проявились не только теперь, но почти с той же силой тотчас после Потсдамского свидания [2]. Тогда по адресу Жоржа Луи здесь раздавались обвинения в недостаточной бдительности и осведомленности, и это, несомненно, отразилось на характере последующих его сообщений из Петербурга. Вы знаете, что мне несколько раз приходилось исправлять здесь исходившие от него сведения о ваших выступлениях. Кроме этой главной причины имеются также и другие, главным образом, зависящие от невозможности для меня в достаточной степени влиять на печать. Я уже писал вам, что как Италия, так и Турция, со времени начала войны, расточают здесь щедрой рукой субсидии мелкой прессе. И та, и другая заинтересованы в том, чтобы преувеличивать нашу склонность поддерживать Италию в противоположность более холодному отношению к ней Франции и Англии. Так, например, мне известно, что наделавшее столь много шума известие, будто одновременно с нападением итальянцев на Дарданеллы мы собирались сделать морскую демонстрацию против Босфора [3], исходило из источника, весьма близкого к Консульте. Обо мне лично здесь сложилась легенда, будто я особенно близок к Титтони (находящемуся в очень натянутых отношениях к Пуанкаре). Господствующее здесь антиитальянское настроение, как я писал вам, вызывается различными причинами: боязнью опасного возбуждения среди мусульман африканских колоний Франции, впечатлением, оставленным инцидентом с французскими судами [4], недоверием к общей политике Италии, которую публика привыкла считать членом Тройственного союза, тревогой за будущее равновесие сил в бассейне Средиземного моря и т. д. Имеются также и некоторые специальные причины. Вам, вероятно, известен изданный недавно в Италии закон о правительственной монополии в деле страховых обществ. Закон этот наносит значительный материальный ущерб оперирующим в Италии французским компаниям, которые соединились в синдикат с целью добиться от итальянского правительства крупного вознаграждения. Г. Титтони несколько раз говорил мне с большим раздражением о давлении, производимом этим синдикатом как на французское правительство, так и на печать [5]. По имеющимся у меня сведениям, указанный синдикат, располагающий большими средствами, действительно поддерживает газетную кампанию против Италии; в то же время другие крупные учреждения, заинтересованные в будущих французских железнодорожных и иных предприятиях в Турции, способствуют туркофильскому направлению в печати и обществе. Французское правительство, в силу принципа нейтралитета, не допускает сейчас заключения

[1] См. № 67.

[2] Имеется в виду свидание Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме в ноябре 1910 г.

[3] См. т. XIX, № 791.

[4] Имеется в виду захват итальянцами франц. пароходов «Carthage» и «Manouba» (см. т. XIX, № 409).

[5] См. т. XIX, № 685.

в Париже ни итальянского, ни турецкого займов. Но оно не может и не хочет препятствовать частным сделкам турецкого правительства со здешними банками, которые, по достоверным известиям, только что ссудили Турции, через посредство Оттоманского банка, 25 миллионов франков на шесть месяцев из 7% в виде аванса в счет будущего займа в 100 миллионов франков, на который Оттоманский банк заручился уже опционом после окончания войны.

Что касается лично до г. Пуанкаре, то и он до известной степени под влиянием совокупности вышеизложенных причин поддается тому же настроению. Вы вспомните о взгляде, усвоенном им на результаты Потсдамского свидания, и о его раздражении по поводу формы вашего предложения о медиации [1]. В обоих этих случаях, по моему убеждению, ясно сказались результаты донесений Жоржа Луи. С тех пор я прилагаю самые энергические усилия к тому, чтобы внушить ему более правильное понимание нашей политики, и, кажется, в этом отношении мной достигнуты некоторые положительные результаты. Но в особенности я рассчитываю на его поездку в Петербург и на личный обмен мыслей между вами и этим малоопытным на поприще внешней политики, но весьма крупным и одаренным французским государственным деятелем.

Примите и пр. Извольский.

№ 69. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [2]. 23/10 мая 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Я, кажется, не могу прибавить ничего существенного к моим двум письмам об инциденте с Жоржем Луи [3]. Вы, конечно, поймете, до какой степени этот инцидент для меня тяжел и неприятен. Вы знаете, что я долго колебался заговорить с Пуанкаре об этом деле, что я подошел к нему издалека и что лишь когда вы мне написали, что чаша вашего долготерпения переполнилась, и когда приехавший сюда из Петербурга Кудашев [4] на словах передал мне ваш разговор с ним об этом предмете, я, скрепя сердце, решился действовать. Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы сомневаться в том, что я обставил разговор всеми надлежащими оговорками и предосторожностями, и я помню, что заключительные мои слова были: «Je vous remercie de l'esprit amical dans lequel vous avez accueilli les allusions que j'ai dû vous faire, d'une manière toute privée et confidentielle, aux malentendus existant entre Mr. Sazonow et Mr. G. Louis» [5]. Кто именно мог внушить г. Пуанкаре, что эти слова имели характер формального требования отозвания г. Луи, мне не известно, но несомненно, что тут сказалось чье-то постороннее и, вероятно, лично мне враждебное влияние. Надо полагать, что со времени отозвания Бомпара [6] у меня сохранились здесь в министерстве личные враги. Одним из таких врагов является, между прочим, г. Бертело [7], создатель Четверного консорциума для китайских займов, открыто жалующийся на мое энергическое вмешательство в этот вопрос. По моему настоянию г. Пуанкаре потребовал от него полное «dossier» этого дела и таким образом убедился в крайне вредном направлении, приданном ему г. Бертело. Жорж Луи, кажется, также был очень недоволен моей настойчивостью в этом деле. Верстрат расскажет вам, что в Лондоне он мог убедиться

[1] См. т. XIX, № 634.
[2] Опубл. М., стр. 203.
[3] См. №№ 18 и 68.
[4] И. Кудашев — росс. посланник в Брюсселе.
[5] «Благодарю вас за дружеское отношение к тем заявлениям, которые я должен был вам сделать строго лично и доверительно по поводу недоразумений, существующих между г. Сазоновым и г. Ж. Луи».
[6] Бомпар был франц. послом в Петербурге с 1902 по 1908 г.
[7] Бертело — заведующий отделом по делам Азии франц. м-ва ин. дел.

в крайней тенденциозности всего, что Жорж Луи сообщал об этом деле из Петербурга. Впрочем, в этом вы сами могли убедиться из перлюстрации (при сем возвращаемой) [1]. Вообще, как ни неприятен настоящий инцидент, пожалуй, хорошо, что этот нарыв, наконец, прорвался, ибо в конце концов донесения Жоржа Луи могли принести непоправимый вред нашим отношениям к Франции. Ныне, после всего этого шума, мне будет очень трудно непосредственно повлиять на выборы его преемника. Ввиду необходимости поместить Луи, я думаю, что мы не избежим предложения назначить к нам Баррера, и, хотя я вполне согласен с вашей оценкой его личности, я думаю, что нужно будет на это согласиться. Впрочем, все это выяснится не ранее поездки Пуанкаре в Петербург. Я очень рассчитываю на эту поездку, чтобы окончательно рассеять всякие недоразумения. Теперь мне придётся тщательно подсчитать последствия разразившейся бури. Личное мое положение по отношению к Пуанкаре, по моему убеждению, не пошатнулось. Но настоящий инцидент показал существование здесь различных интриг и течений, с которыми мне придется считаться. Я подозреваю даже некоторые личные неудовольствия против меня и против моей жены на почве общественных отношений. Весьма возможно, что нас обвиняют в слишком большой интимности со здешними светскими и аристократическими кругами, которые действительно приняли нас очень тепло. Вы знаете, что наше посольство здесь всегда открыто выражало свои симпатии к националистическим и антиреспубликанским кругам. Я этого тщательно избегаю, и у меня здесь образовался очень обширный круг знакомств в самых разнообразных сферах; тем не менее наша популярность среди «upper three hundred» [2], может, была не по вкусу тем или иным министерским салонам. Тут ничего не поделаешь, и в этом именно и состоит трудность и неприятность здешней общественной жизни. Еще серьезнее — невозможность для меня в достаточной степени влиять на мелкую печать, живущую подачками и шантажем. Я подробно писал об этом около года тому назад В. Н. Коковцову, но без результата. В обыкновенное время это незаметно, ибо у меня наладились весьма хорошие отношения с серьезными органами, что и сослужило мне в настоящем случае большую службу. Но в критические минуты необходимо иметь средства быстро воздействовать на голодную стаю мелких газеток, а этих средств я, как вам известно, абсолютно лишен.

Я понимаю, как вам будет неприятна первая ваша встреча с Луи. Если при этой встрече вы будете слишком напирать на отсутствие с вашей стороны намерения добиться его отозвания, это может опять подать ему повод к явно тенденциозным донесениям, причем он, конечно, будет стремиться возложить всю ответственность на меня. Мне кажется, что он вполне заслуживает того, чтобы вы спокойно, но твердо указали ему на поводы к вашему неудовольствию. Он во всяком случае в Петербурге не жилец и намотает себе это на ус.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

P. S. При сем прилагаю и вторую перлюстрацию [1].

И.

№ 70. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 64. 23/10 мая [3] 1912 г.

Сегодня был принят королем и не преминул исполнить полученное мной от государя императора приказание передать королю приветствие его импе-

[1] Приложение отсутствует.
[2] «высших трехсот семейств».
[3] В оригинале эта тел. ошибочно датирована 24/10 мая.

раторского величества. Король, весьма тронутый высочайшим вниманием, просил меня передать свою сердечную благодарность государю императору. Затем в часовой беседе король говорил о своем твердом намерении довести войну до конца и о готовности принять формулу медиации, в основании которой лежало бы признание и Портой суверенитета Италии над занятыми ею африканскими провинциями. Относительно Проливов его величество выразил сожаление, что первый удар Италии был направлен против Триполи; если бы удар этот был направлен против Дарданелл, то Италия давно бы добилась почетного мира. По поводу Албании король заверил меня, что Италия не поддерживает восстания. В заключение его величество просил благодарить государя императора за благожелательное отношение к нему и его народу.

Поггенполь.

№ 71. Военный агент в Австро-Венгрии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 109. 23/10 мая 1912 г.

Южно-славянская пресса рисует положение в Албании в самых мрачных красках, предсказывая общее восстание албанцев, которое по своим размерам должно значительно превзойти мятежи 1910 и 1911 гг.; провокаторская роль приписывается обыкновенно австрийскому правительству.

Наоборот, влиятельные органы здешней прессы и правящие круги смотрят на будущее в Албании с большим оптимизмом, в искренности которого следует, однако, усомниться.

Такой же наружный оптимизм проглядывает и в австрийских военных кругах.

У меня нет данных, доказывающих причастность Австрии к революционному движению в Албании; однако крайняя заинтересованность австрийского правительства в албанских делах и отвлечение на других фронтах давней его соперницы в Адриатическом море, Италии, несомненно могут заставить его выйти из пассивного положения.

Насколько мне известно, австрийское правительство, в случае дальнейшего развития албанской революции, намерено оказать сильное давление на Турцию, с тем чтобы понудить ее к выполнению требований албанских племен, включительно до дарования им автономии; такой шаг укрепил бы среди населения Албании взгляд на Австрию как на его покровительницу, поднял бы ее престиж и послужил бы, таким образом, подготовительной мерой к объявлению австрийского протектората над Албанией.

Нет никакого сомнения, что военным ведомством уже составлен [1] вполне разработанный план операций на случай оккупации Албании; однако такой шаг может быть сделан Австрией лишь в случае полной безуспешности попыток турецкого правительства в деле успокоения Албании; опасаясь навлечь неудовольствие Германии, австрийское правительство, повидимому, решило придерживаться до поры до времени более осторожной и умеренной политики.

Наоборот, военная партия, во главе которой находится наследник престола, стоит за решительный образ действий, считая, что Австрия для достижения своих задач в Албании должна использовать временное отвлечение Италии. В венской газете «Neues Wiener Tageblatt» от 17 мая [нов. ст.] появилась характерная статья, инспирированная из военных кругов; советуя Турции без промедления принять меры к успокоению албанского движения, автор статьи заканчивает ее такими словами: «Турция не должна

[1] Слово «составлен» подчеркнуто и на полях помета: «У нас есть признаки»

забывать, что хотя до сих пор ни одна из иностранных держав не обнаружила намерения использовать внутренние ее осложнения, все же нет гарантий, что такая благоприятная для Турции обстановка сохранится и в будущем».

Не могу не отметить факта появления в австро-венгерской прессе многочисленных известий о сосредоточении наших войск на черноморском побережье и на Кавказе, о подозрительных маневрах Черноморского флота у турецких берегов и об обострении наших отношений с Турцией.

Все эти известия принимаются здесь с большим удовлетворением и пробуждают надежду, что, рано или поздно, мы втянемся в вооруженный конфликт с Турцией и этим развяжем руки Австрии на Балканском фронте.

Генерального штаба полковник Занкевич.

№ 72. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 501. 23/10 мая 1912 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Командированный в Лондон в качестве представителя русской финансовой группы для переговоров с иностранными банкирами о выпуске китайского реорганизационного займа г. Верстрат сообщил министерству финансов некоторые не лишенные интереса впечатления, которые он вынес из хода сих переговоров.

По мнению г. Верстрата, уже теперь с достаточной ясностью обнаружилось, что в международном Четверном консорциуме доминирующую роль играет Гонконг-Шанхайский банк, причем в полной зависимости от него находятся также и французские банки. Поэтому, когда французы приглашали нас вступить в Консорциум без всяких с нашей стороны оговорок, предлагая нам положиться на их поддержку в деле защиты интересов России, они сильно переоценивали свое значение.

С другой стороны, г. Верстрат отмечает неосведомленность французского посольства в Лондоне о действительном положении России в данном вопросе. Посольство это было убеждено, что Россия окончательно вошла в состав Консорциума и связала свою свободу действий как в деле выпуска реорганизационного займа, так и в отношении всяких других операций, которые могут быть реализованы до погашения помянутого займа. Вместе с тем означенное посольство предполагало, что синдикат, образованный Русско-Азиатским банком, распался и что Россия не претендует на сохранение за собою права размещать за границей причитающуюся на ее долю часть реорганизационного займа по своему усмотрению.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 73. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

*/. Телеграмма № 967. 24/11 мая 1912 г.

Газеты сообщают о назначении разных иностранных специалистов на должности в китайских министерствах. Назначение германского подданного аудитором при китайском министерстве финансов, повидимому, уже совершившийся факт [1]. Вам известно, что, соглашаясь участвовать в китайском реорганизационном займе, мы ставили условием наше равноправие с прочими державами, участницами займа, между прочим и в отношении привлечения иностранцев-специалистов на китайскую службу. Чтобы провести в жизнь это условие, нам казалось бы возможным настаивать на

[1] См. № 4.

том, чтобы при реорганизации соляной монополии в Китае, которая предположена в связи с реорганизационным займом, во главе этого дела был поставлен русский подданный. Основанием для этого домогательства мог бы служить тот факт, что Россия, на долю которой приходится треть вознаграждения за боксерское восстание, является державой наиболее заинтересованной в соляной монополии, доходами которой гарантируется это вознаграждение. Без согласия России едва ли возможно приступить к реорганизации соляной монополии или использовать ее доходы для гарантии нового займа.

Благоволите телеграфировать ваше заключение по содержанию настоящей телеграммы [1].

[Сазонов.]

№ 74. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 66. 24/11 мая 1912 г.

Вопрос о высылке итальянцев из Турции обсуждается всей здешней печатью весьма резко и считается нарушением международного права [2]. Общественное мнение требует репрессалий. На вчерашней моей аудиенции у короля его величество сказал мне, что ему лишь с трудом удалось удержать правительство от принятия необдуманных мер возмездия.

Поггенполь.

№ 75. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

/. Депеша № 23. 24/11 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Последнее пребывание императора Вильгельма в Страсбурге [3] вызвало сильное волнение в общественных кругах Германии по поводу непосредственного выступления его величества против эльзас-лотарингского ландтага.

Поводом к этому выступлению приписывают здесь следующее обстоятельство.

По инициативе прусского министра путей сообщения правительство Эльзас-Лотарингии грозило лишить фабрику локомотивов в Гравенштадене заказов за франкофильские и пруссофобские тенденции директора фабрики. Эльзас-лотарингская нижняя палата, считая эту меру недопустимой, выразила порицание правительству за то, что оно допускает прусское вмешательство в эльзас-лотарингские дела.

Кроме приводимой резолюции, произведшей весьма дурное впечатление в правительственных кругах Пруссии, за свое короткое существование

---

[1] В ответной тел. от 27/14 мая за № 472 В. Крупенский, между прочим, указывал, что домогательство росс. прав-ва поставить русского подданного во главе реорганизованной соляной монополии Китая встретило бы возражения со стороны других заинтересованных держав, так как доходами соляной монополии, кроме боксерского вознаграждения, гарантирован еще целый ряд займов (англо-германский заем 1898 г., хугуанский ж.-д. заем 1911 г., авансы Четверного консорциума и др.).

[2] На заседании турец. совета м-ров от 20/7 мая было принято решение о высылке из Турции итальянских подданных. В деп. от 4 июня/22 мая за № 16 Поггенполь, отмечая, что Турция давно уже грозила высылкой и что теперь эта угроза стала фактом, писал следующее: «Итальянское правительство, вполне полагавшееся на влияние Германии в Константинополе, чтобы не позволить Порте выслать итальянцев из пределов Оттоманской империи, весьма разочаровалось в Германии и считает, что опубликованием декрета о высылке итальянцев в значительной степени задет престиж Германии на берегах Босфора. В моих разговорах в Консульте я, конечно, не старался рассеять это впечатление».

[3] Вильгельм II был в Страсбурге 13 мая/30 апреля 1912 г.

новый ландтаг целым рядом постановлений, явно направленных против Пруссии, а в частности главы империи, не мог не возбудить нареканий со стороны императора.

Бюджетная комиссия ландтага постановила, при новом замещении поста наместника, сократить ассигновку на представительство с 200 на 100 тысяч марок. Равно было выражено пожелание уменьшить специальный императорский фонд с будущего бюджетного года. Кроме того, бюджетная комиссия постановила земли, бесплатно отводимые под охоты двора близ Обергаслаха, впредь сдавать в аренду. Хотя впоследствии ландтаг от последнего намерения бюджетной комиссии и отказался, но это не прошло бесследно в высших кругах империи и, очевидно, сказалось на настроении самого императора во время пребывания его в Эльзас-Лотарингии. Однако, судя по немецкой печати, до последнего времени все прошло совершенно гладко.

Между тем во французской газете «Matin» появилась корреспонденция из Страсбурга, в коей сообщалось, что будто за обедом у статс-секретаря по делам Эльзас-Лотарингии император, коснувшись последних событий в стране со времени дарования ей новой конституционной реформы, сказал бургомистру города Страсбурга приблизительно следующее:

«Если это будет далее продолжаться, я уничтожу вашу конституцию. Вы меня знали до сих пор только с хорошей стороны, но вы можете узнать меня и с другой. Если положение в стране не изменится, то я обращу Эльзас-Лотарингию в прусскую провинцию».

Переданное по телеграфу в Берлин сообщение газеты «Matin» произвело здесь громадное впечатление.

Немецкая печать была полна статей о выступлении императора Вильгельма против конституции Эльзас-Лотарингии. Либеральная печать в своих статьях держалась выжидательного положения и делала вид, что не верит в точность воспроизведения приписываемых императору слов. Органы национал-либералов, не одобряя слов императора, порицали идею инкорпорирования Эльзас-Лотарингии Пруссией, так как это вызвало бы ожесточенное противодействие южных германских государств. Большинство же газет ожидало официального опровержения, не допуская и мысли, что император мог оставить без внимания государственно-правовое положение Эльзас-Лотарингии, как имперской области.

Что же касается отношения социал-демократической печати к инциденту, то она ждала повторения ноябрьских дебатов в рейхстаге по поводу интервью императора, помещенного в 1908 г. в «Daily Telegraph»[1].

Однако, несмотря на ожидания, официального опровержения не последовало. Наоборот, официозный орган «Kölnische Zeitung» как бы подтверждал в своей телеграмме из Берлина приписываемый императору разговор с мэром города Страсбурга.

Через несколько дней в рейхстаге было назначено заседание, посвященное обсуждению сметы имперского канцлера, и на очереди дня стоял запрос вельфского депутата Кольхорна имперскому канцлеру по поводу заявлений императора в Страсбурге.

Ответу имперского канцлера на запрос предшествовала речь социал-демократа Шейдемана, бывшего, как известно, короткое время вице-президентом рейхстага, вызвавшая своими нападками на Пруссию и критикой действий имперского канцлера крупный скандал в рейхстаге и способствовавшая этим облегчению задачи г. фон Бетман-Гольвега найти поддержку в своей речи среди депутатов рейхстага.

В речи, в вырезке у сего прилагаемой[2], имперский канцлер заявил категорично, что император никоим образом не имел в виду посягнуть на

[1] Имеется в виду интервью Вильгельма II, помещенное в «Daily Telegraph» 28 окт. 1908 г.

[2] Приложение не воспроизводится.

конституционные права Эльзас-Лотарингии, а лишь в разговоре с местными властями желал напомнить им, что имперская область входит в состав Германской империи, а потому всякая попытка к антигерманской политике должна быть подавлена в корне.

Правительство не намерено, прибавил имперский канцлер, вносить ныне какие-либо конституционные изменения в форме внутреннего управления имперской области, однако если обстоятельства того потребуют, то не исключена возможность, что имперская власть, совместно с союзным советом и рейхстагом, в поддержке коих она уверена, будет вынуждена направить свои силы для водворения правильного течения жизни в имперской области, являющейся неотъемлемой частью германского отечества.

Твердый и определенный тон, в который имперский канцлер облек свою речь, произвел вполне благоприятное впечатление на народных представителей, и все депутаты, за исключением социал-демократов, покрыли знаками одобрения заключительные слова г. фон Бетман-Гольвега.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 76. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

/. Депеша № 25. 24/11 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я уже несколько раз имел случай подробно останавливаться на новом проекте германского правительства значительно увеличить свои военно-морские силы [1]. Законопроект этот служил предметом всестороннего обсуждения в рейхстаге при первом чтении и, как я имел честь донести вашему высокопревосходительству в депеше от 26/13 апреля № 20 [2], был передан на рассмотрение бюджетной комиссии. Прения в ней по большей части носили секретный характер и только в некоторых частях стали предметом гласности. Комиссия предоставила возражения лишь по некоторым статьям законопроекта, притом исключительно касающимся технической стороны вопроса проектированной военной реформы; сам же законопроект был в принципе одобрен и передан на дальнейшее обсуждение общего собрания рейхстага, принявшего его целиком во втором и третьем чтении значительным большинством голосов, без всяких прений. В оппозиции оказались только социалисты, к которым присоединились поляки и другие враждебные правительству мелкие группы, как то датчане и вельфы. Но и эта оппозиция носила более формальный характер, причем со стороны ораторов-социалистов были высказаны снова вкратце обычные протесты чисто академически-принципиального характера.

При совершенно таких же обстоятельствах был одобрен народными представителями законопроект об увеличении флота.

Таким образом без всяких затруднений был принят закон о столь значительном увеличении мирного состава германской армии, благодаря которому проектированные на 5 лет законом 27 марта [нов. ст.] 1911 г. новые формирования в армии должны будут осуществиться почти полностью в 1912 г., и сверх того предусматриваются еще новые формирования отдельных частей в период 1913—1915 гг.

---

[1] См. т. XIX, №№ 705 и 757. В рапорте от 24/11 мая за № 166 Базаров писал: «Предположения мои о том, что новый закон об увеличении германской армии (Wehrvorlagen) будет принят рейхстагом, несмотря на крайне неблагоприятный для правительства состав рейхстага, вполне оправдались. 22/9 мая рейхстаг закончил рассмотрение всех подлежащих его утверждению вопросов, законопроектов и имперского бюджета, и был распущен, чтобы снова собраться 26/13 ноября. Wehrvorlagen приняты в полном объеме».

[2] См. т. XIX, № 815.

Такое крупное усиление (на 29 тыс. человек) составов мирного времени германской армии, а также образование третьей эскадры имеет для нас первостепенное значение, и военный и морской агенты наши доносят о всех технических подробностях новой реформы по своему начальству. Я же считаю долгом в нескольких словах охарактеризовать его политическую сторону по отношению к внутренней жизни Германской империи.

Хотя социалисты, по своим политическим принципам являющиеся антимилитаристами, и приобрели столь большое значение своей численностью в парламентской жизни Германии и во многих случаях получают поддержку радикальных элементов, тем не менее они не чувствуют под собой достаточно почвы, чтобы выступить более энергично, хотя бы путем обструкции, против законов об армии и флоте. Все же другие партии, так называемые здесь «bürgerliche Parteien», так же как и общественное мнение широких кругов населения, интересующихся политической жизнью, всецело еще находятся под впечатлением событий, связанных с марокканским кризисом. Таким образом правительству удалось получить от рейхстага, в котором почти треть состоит из социалистов, увеличение боевых сил с небывалой до сих пор легкостью. Нужно только припомнить все те затруднения, которые встречал князь Бисмарк и другие канцлеры при каждом новом требовании, — причем эти затруднения исходили от вполне умеренных элементов, — чтобы оценить современное политическое настроение.

Такому единодушию среди народных представителей в вопросе боевой готовности нужно противопоставить полное разногласие по отношению к способу покрытия расходов, вызываемых военной реформой. Как ваше высокопревосходительство изволит припомнить, имперское правительство предполагало покрыть эти весьма крупные суммы отчасти из бюджетных остатков, отчасти же реформой закона о нормировке спирта. Парламентская комиссия, обсуждавшая этот вопрос, отвергла предположения правительства, находя, что слишком оптимистические выводы его не соответствуют действительному положению вещей. После долгих обсуждений партии пришли к компромиссу, выразившемуся в проекте о введении налога на «владения» — Besitzsteuer. При этом комиссия предложила правительству выработать все подробности этого законопроекта.

Так как на текущий год, а также может быть и на будущий, хватит бюджетных остатков на военно-морскую реформу, то вопрос покрытия расходов не является спешным, но можно заранее предвидеть, что правительству не легко будет удовлетворить противоположные требования партий, уже теперь самым разнообразным образом определяющих понятие «Besitzsteuer». Но это вопрос будущего, пока же правительство может почивать на лаврах, получив желаемое разрешение на увеличение военно-морских сил. Император, повидимому, придавал этому вопросу очень большое значение; по крайней мере в день же принятия палатой этих законопроектов имперский канцлер и министры, проведшие на своих плечах эту реформу, были награждены императором орденами, а г. фон Бетман-Гольвег при закрытии сессии высказал от высочайшего имени благодарность народным представителям.

Примите и пр. Шебеко.

№ 77. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 27 [1]. 24/11 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Шум, поднятый в немецкой печати по поводу перемещения барона Маршалла из Константинополя в Лондон, совершенно не соответствовал важ-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 372, N 612.

ности этого события и служит еще раз доказательством того, как чутко относится общественное мнение Германии ко всему тому, что имеет хоть малейшее касательство к отношениям между этой страной и Англией. Нет сомнения, что для отозвания барона Маршалла в настоящую трудную минуту из Константинополя, где он играл видную роль и составил себе столь исключительное положение, у германского правительства должны были быть весьма серьезные побуждения. Весьма вероятно, что побуждения эти тесно связаны с желанием правящих кругов Германии добиться если не соглашения, то, во всяком случае, некоторого сближения с Англией, поручив ведение переговоров испытанному на другом трудном посту дипломату; но не подлежит также никакому сомнению, что бо́льшая часть того, что печаталось за последнее время по этому поводу органами всех политических партий и оттенков в Германии, те надежды, которые высказывались ими относительно чрезвычайной миссии, будто бы возложенной на нового германского посла в Лондоне, не имели под собой твердой почвы и служили лишь показателем той тревоги, с которой в Германии смотрят на нынешние натянутые отношения к Англии. Эти отношения, которые составляют в настоящее время один из главных, если не главный фактор мировой политики, явились последствием необыкновенного экономического роста Германии и соответственного усиления ее военных и, главным образом, морских сил. В последнем Англия усматривает угрозу не только своему морскому могуществу, но вместе с тем и своему существованию в качестве мировой державы.

Положение это создалось не сразу и не может быть изменено с одного момента на другой, как бы этого ни желала одна или даже обе заинтересованные стороны и какими бы дарованиями ни обладали государственные деятели, которые возьмут на себя задачу осуществления англо-германского соглашения. Задача эта не из легких, так как для этого Англия должна была бы отказаться раз навсегда от мысли препятствовать экономическому проникновению Германии во всех странах земного шара и связанному с этим постоянному усилению ее коммерческого и военного флотов.

Барон Маршалл слишком умный человек, чтобы не отдавать себе вполне ясного представления в трудности предстоящей ему задачи, и если он, несмотря на преклонный возраст, охотно принял предложенный ему пост представителя Германии в Лондоне, то нужно думать, что намеченная им программа значительно скромнее той, которую ему так крикливо навязывала германская печать с момента появления известия об оставлении им поста германского посла в Константинополе.

Примите и пр. Шебеко.

№ 78. Посол в Токио министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 92. 24/11 мая 1912 г.

Китайские займы.

По поводу неуспеха лондонской конференции банкиров Уцида высказал мне весьма доверительно свое соображение относительно возможности устранить возникшие формальные затруднения. По его мнению, нет разговора требовать включения русско-японских политических оговорок в самый текст договора между банкирами. Достаточно упомянуть о наших оговорках в протоколе. При отсутствии возражений наши заявления должны считаться принятыми другими участниками дела. Вопрос способа помещения займов отдельными группами кажется министру более затруднительным для нас, нежели для Японии, так как последняя уже связана предшествующими своими внешними займами с Индо-Китайским банком и Шанхай-Гонконг-

ским, а потому ей пришлось бы по необходимости обратиться к тем же банкам, если бы предстояло поместить японскую долю займа в Париже или Лондоне.

Малевский.

№ 79. Министр финансов министру иностранных дел.

24/11 мая 1912 г.

Письмо № 507. Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к записке от [21] 8 сего мая за № 500 [1] имею честь препроводить при сем вашему превосходительству копии трех полученных в министерстве финансов телеграмм г. Верстрата из Парижа [22] 9 и [23] 10 мая [2], а равно письмо его из Лондона от 16/3 мая [3], с тремя приложениями, по вопросу о китайском реорганизационном займе в связи с участием России в этой операции.

Как ваше превосходительство изволите усмотреть из сообщаемых г. Верстратом данных, представители Четверного консорциума, особенно же представитель английской финансовой группы, который, повидимому, руководит деятельностью всего Консорциума, заняв на заседании лондонской конференции 15/2 мая непримиримое положение по отношению к заявленным представителем русской группы требованиям, стали затем склоняться к уступкам, причем наметились некоторые общие основания, на коих повидимому, можно ожидать достижения соглашения.

Тем временем под влиянием полученных из Китая сведений о том, что китайское правительство находится в весьма затруднительном финансовом положении, Четверной консорциум решил выдавать Китаю новые авансы, причем общая сумма таковых намечается в цифре 82 000 000 лан до 31 октября сего года. Такое решение принято одним Четверным консорциумом, без участия России и Японии. Насколько можно судить по донесениям г. Верстрата, означенный Консорциум уже приступил к выдаче Китаю намеченных новых авансов, и общая сумма таковых достигает или достигнет в самом непродолжительном времени 9 миллионов лан. Хотя французская финансовая группа и заявила, что она не будет принимать участия в дальнейших авансах до получения окончательного ответа от России и Японии по вопросу об условиях участия этих держав в реорганизационном займе, тем не менее, ввиду недостаточной определенности отношения Франции к данному делу, трудно предвидеть, как оно будет развиваться в будущем. Ввиду этого нам, казалось бы, необходимо теперь же решить, какого дальнейшего образа действий нам надлежит держаться в данном вопросе, и я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать почтить меня вашим заключением по этому вопросу, насколько он ныне выяснился из донесений г. Верстрата.

Со своей стороны, считаю долгом отметить, что сущность возникших на лондонской конференции затруднений в деле присоединения России к Четверному консорциуму заключается в необходимости для Русско-Азиатского банка оградить интересы участников образованного им син-

[1] При записке от 21/8 мая за № 500 Коковцов препроводил Сазонову телеграмму Верстрата от 19/6 мая. См. стр. 32, прим. 4.

[2] Содержание указанных тел. Верстрата в основном изложено в публикуемом документе.

[3] В письме от 16/3 мая, излагающем содержание лондонских переговоров, Верстрат писал: «Конечно, понятно, что Гонконгский банк противится нашим намерениям, так как он, естественно, предпочитает получить сам всю прибыль от английского выпуска займа; но было бы недопустимо позволить, чтобы личная заинтересованность такого порядка сделала недействительным и бесполезным соглашение, уже достигнутое шестью правительствами».

диката, особенно бельгийцев и англичан. Дальнейшее существование этого синдиката, особенно же теперь, когда вопрос о возможности окончательного слияния русской финансовой группы с Четверным консорциумом остается совершенно не выясненным, представляется мне, как я имел уже честь высказывать, весьма важным, почему я, со своей стороны, признаю образ действий г. Верстрата совершенно правильным и соответствующим преподанным ему инструкциям.

Тем не менее следует, повидимому, предвидеть, что мы не будем в состоянии добиться принятия всех требований и что нам придется пойти на компромисс, предложенный в телеграмме г. Верстрата, сообщенной вашему превосходительству при записке от [21] 8 мая за № 500. Но для правильной оценки положения представлялось бы необходимым выяснить, можем ли мы рассчитывать на поддержку французского и английского правительств.

К изложенному считаю долгом добавить, что в ожидании вашего отзыва по содержанию настоящего письма мною дано указание г. Верстрату повременить с возвращением в С.-Петербург.

Письмо г. Верстрата с приложениями покорнейше прошу вас не отказать мне вернуть.

Примите и пр. В. Коковцов.

№ 80. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 974. 25/12 мая 1912 г.

Сообщается послам в Константинополе и в Лондоне.

Ссылаюсь на телеграммы Преображенского № 277 [1] и Чиркова №№ 134 [2], 133[3], 135 [4], 137 [5] и 138 [6]. Последние четыре сообщены мной в Константинополь.

Требование хойского шахбендера о выдаче захваченных в Котуре аскеров выдает турок головой, доказывая факт военных действий с их стороны на совершенно бесспорной персидской территории и нарушения ими Берлинского трактата.

Предполагаю предъявить туркам формальный протест, о чем сношусь с Лондоном.

Благоволите спешно телеграфировать заключение.

Во всяком случае необходимо побудить персов безотлагательно оказать Симко посильную помощь, и во всяком случае снабдить его патронами. Способ, предлагаемый для этого Чирковым, кажется мне вполне отвечающим цели.

Сазонов.

№ 81. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 982. 25/12 мая 1912 г.

Дополнение моей телеграммы № 936 [7].

Министр финансов разрешил банку открыть шахскому правительству текущий счет в 200 000 томанов на следующих условиях [8]:

---

[1] См. стр. 55, прим. 2.

[2] Тел. из Хоя за № 134 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] См. № 62.

[4] См. стр. 55, прим. 3.

[5] Тел. от 23/10 мая за № 137 Чирков сообщил Сазонову (копия в Тегеран), что «шахбендер в письме губернатору потребовал под угрозой репрессий немедленной выдачи захваченных в Котуре аскеров».

[6] Тел. от 25/12 мая за № 138 Чирков сообщил Сазонову (копия в Тегеран), что «[22] 9 мая вечером в Котуре произошла новая стычка с турками».

[7] См. стр. 10, прим. 3.

[8] Сазонов был извещен об этом Коковцевым письмом от 24/11 мая за № 505.

1. Правительство ранее открытия счета делает распоряжение о взносе малиата, акциза и доходов государственных имений полностью во все кассы банка, включая исфаганскую.

2. Проценты — 7 годовых.

3. Счет заключается в конце каждого года.

4. Ввиду трудности использования кранов банк не начисляет правительству процентов на поступающие в кассы доходы, а, наоборот, входит в соглашение с правительством об уплате комиссии за инкассо и за перевод денег в Тегеран.

Размер текущего счета определен в 200, а не в 250 тысяч, как сказано в вашей телеграмме, потому что Куртен [1], специально запрошенный министерством финансов, сообщил, что речь идет именно о первой цифре.

Телеграфируйте, есть ли надобность, ввиду вышеизложенного, в дальнейших переговорах о выдаче персидской казне нашей доли предположенного аванса.

Сазонов.

№ 82. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 983. 25/12 мая 1912 г.

Китайский заем.

№ 134 получен [2].

Предложенный Верстратом в телеграмме [18] 5 мая компромисс [3] признается приемлемым министром финансов, но он желал бы знать, будет ли такое решение вопроса поддержано английским правительством [4].

Благоволите объясниться по этому поводу с министром иностранных дел, имея в виду, что мы придаем важное значение сохранению Русско-Азиатским банком его бельгийских, французских и английских сотрудников и не можем поэтому согласиться ни на какую комбинацию, которая не давала бы, в той или другой форме, удовлетворения Шредеру.

[Сазонов.]

№ 83. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 360. 25/12 мая 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму № 214 [5].

За последние дни замечается здесь сильная нервность по отношению к нам и усиливается опасение, раздуваемое нелепыми слухами о возможном нашем нападении на Босфор в случае нового появления итальянцев у Дарданелл. Третьего дня до семи тысяч турецкого войска было стянуто к Босфору, где и расположено в палатках; увеличен также в складах и запас подводных мин. Считаю долгом вновь высказать, что занятие итальянцами Митилены крайне обострит вопрос о Дарданеллах и может привести к новому их закрытию [6].

Гирс.

---

[1] Куртен — управляющий Учетно-ссудным банком в Тегеране.

[2] См. стр. 17, прим. 3.

[3] Тел. Верстрата от 18/5 мая в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Вероятно, имеется в виду тел. Верстрата Коковцову от 19/6 мая (см. стр. 32, прим. 4).

[4] См. № 79.

[5] См. т. XIX, ч. II, стр. 536, прим. 1.

[6] В донесении от 26/13 мая за № 75 военный агент в Турции Хольмсен сообщал в главное управление ген. штаба: «Подозрительность к России, вызванная поднятием прошлой осенью дарданелльского вопроса, усилена нашим недавним протестом по случаю закрытия пролива; заинтересованные в порче русско-турецких отношений распространяют нелепые слухи. Турки опасаются нападения России в случае вторичного закрытия Дарданелл, которое, повидимому, решено в случае занятия острова Митилены».

№ 84. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 449. 25/12 мая 1912 г.

Морнар.

Морнар представил состоящий из 5 пунктов проект декрета об утверждении его в должности главного казначея и о правах и обязанностях последнего: 1) О назначении Морнара. 2) На Морнара возлагаются полномочия, предусмотренные законом 30 июня н. ст. прошлого года, «Шустеровским» [1], при осуществлении коих он будет находиться под властью министра финансов, согласно закону и административным регламентам, которые будут выработаны главным казначеем, по соглашению с министром финансов, и затем утверждены советом министров. 3) Главному казначею поручается главное заведывание различными установлениями министерства финансов, в том числе и таможнями, причем большинство этих установлений должно быть срочно организовано Морнаром. 4) Главный казначей должен специально наблюдать за тем, чтобы денежные обязательства правительства по отношению к иностранным учреждениям и подданным были в точности выполнены. Для этой цели он уполномочен заблаговременно принимать необходимые меры, дабы избежать задержки как в уплате процентов погашения и в возвращении правительственных долгов, так и в выдаче жалования, субсидий и т. д., законно пожалованных правительством Мохамед-Али-шаха. 5) Срок назначения Морнара будет указан в контракте, который также определит размер его содержания. Главные мотивы этого декрета следующие: кабинет не имеет права изменять вотированного меджлисом упомянутого выше закона, но вместе с тем практика указала на необходимость, во избежание постоянных трений, более формального подчинения главного казначея министру финансов. Поручение Морнару заведывания установлениями министерства финансов вызвано необходимостью предупредить создание в последнем параллельных главному казначейству установлений, которые вмешивались бы в дело главного казначея, к чему делались уже неоднократные попытки. Пункт же 4-й включен с целью внушить более доверия иностранцам и тем облегчить возможность заключения займов. Срок контракта Морнара предполагается на 3 года, и размер его содержания будет несколько увеличен по сравнению с теперешним. Считая таковой проект декрета удовлетворительным, Тоунлей и я просим разрешения энергично его поддерживать перед персидским правительством. Несмотря на непрекращающуюся враждебность к Морнару здешних английских коммерческих и банковских кругов, Тоунлей, по примеру Барклая, вполне разделяет мое мнение о том, что Морнар по знанию местных условий, подоказанному желанию всегда действовать по соглашению с обеими миссиями является самым желательным в настоящее время кандидатом для занятия должности главного казначея [2].

Поклевский.

---

[1] Ошибка в дате. Закон, определяющий права и обязанности Шустера, был вотирован меджлисом 13 июня/31 мая 1911 г. (см. т. XVIII, № 103).

[2] В тел. от 5 июня/23 мая за № 1069 Сазонов, сообщая Поклевскому о согласии Коковцова на изложенный в публикуемом документе проект декрета, указывал: «Само собой разумеется, что при осуществлении намеченных в декрете, как и в законе 13 июня [31 мая] м. г., финансовых преобразований мы не допустим никаких мер, в чем-либо изменяющих условия состоявшихся между нами и Персией финансовых соглашений». Препровождая Сазонову текст декрета о назначении Морнара, рассмотренного перс. советом м-ров и подписанного регентом, Поклевский в депеше от 20/7 июня за № 27 писал, что «в представленном г. Морнаром проекте некоторому изменению подвергся лишь пункт 4-й, из коего министры удалили всю вторую часть его, уполномачивавшую главного казначея самостоятельно принимать меры, дабы избежать задержек в производстве предусмотренных первой частью этой статьи платежей». Он сообщал далее, что «к декрету прибавлен пункт, устанавливающий размер дополнительного вознаграждения г. Морнара, контракт же с последним должен быть выработан и подписан самими министрами».

№ 85. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 452. 26/13 мая 1912 г.

Копия в Тавриз, Тифлис, Константинополь, Лондон и Хой.

№ 1.

Получил телеграмму № 974 [1].

Министр иностранных дел сообщил мне, что около недели тому назад турецкий посол жаловался на новое будто бы нападение Симко на турок и обвинял в двуличии политику персидского правительства, которое, с одной стороны, соглашалось на назначение разграничительной комиссии, с другой же — снабдило Симко тремястами ружей и поощряет его к враждебным против турок действиям. Тогда же в турецком посольстве намекали, что Персия действует таким образом по наущению России. Министр энергично отрицал эти обвинения и, получив затем сведения о вторжении турок в Котур, заявил протест здесь и в Константинополе, возлагая исключительно на турок вину за все там происходящее. Сообщая о вышеизложенном, министр упомянул о просьбе Шоджи снабдить Симко пятьюдесятью тысячами патронов из тех ста тысяч, которые будут нами проданы персидскому правительству [2]. В этом вопросе правительство предоставит Шодже полную свободу действий и, надеясь на приостановку турецкого наступления на Котур, считает полезным дать Симко патроны для борьбы с курдами и фидаями. Способ их отправки и источник, предложенный для этого Чирковым, мне тоже кажется наилучшим [3]. В заключение министр иностранных дел просил меня удержать наших консулов от поощрения антитурецких выступлений персидских чиновников и местных беков, дабы излишне не раздражать турок и не давать им новых предлогов к дальнейшим захватам [4].

Поклевский.

№ 86. Вербальная нота японского посла в Петербурге министру иностранных дел.

/. 27/14 мая 1912 г.

Le Gouvernement impérial de Russie, en insérant dans la partie finale de l'article II du projet de la convention secrète les mots «dans les territoires chinois au delà de cette région» [5], a exprimé le désir de faire reconnaître par

---

[1] См. № 80.

[2] Письмом от 29/16 мая за № 681 Сазонов сообщил Коковцову относительно просьбы Шоджа-эд-Доуле о снабжении его 100 000 патронов для экспедиции против шахсевен. Сазонов считал желательным удовлетворить эту просьбу, тем более что часть этих патронов сможет быть отпущена Симко.

Письмом от 7 июня/25 мая за № 3336 Коковцов известил Сазонова, что Шатиловым отданы распоряжения об отпуске патронов.

[3] См. стр. 55, прим. 3.

[4] Тел. от 27/14 мая за № 453 (№ 2) Поклевский извещал о данном им перс. м-ру ин. дел совете «настаивать перед турецким правительством на прекращении наступления на Котур». Далее Поклевский сообщал: «Наш совместный с Англией протест в Константинополе мне представляется очень своевременным и полезным, но я считаю также необходимым, чтобы консула наши в Азербайджане воздерживались от антитурецкой агитации среди персов, которая может лишь навлечь на Персию новую беду, либо привести нас к столкновению с Турцией».

[5] Ст. II проекта конвенции, предложенного росс. прав-вом (см. т. XIX, приложение к № 834), читается: «Внутренняя Монголия разделяется на две части: одна к востоку, а другая к западу от Пекинского меридиана (116° 27′ восточнее Гринвича).

Императорское российское правительство обязуется признавать и уважать специальные японские интересы в части Внутренней Монголии, лежащей к востоку от вышеуказанного меридиана; императорское японское правительство обязуется признавать и уважать специальные русские интересы в части Внутренней Монголии, лежащей к западу от указанного меридиана, и в китайских территориях за пределами этой области».

le Gouvernement impérial du Japon les intérêts spéciaux que la Russie possède dans les territoires de l'Ouest chinois limitrophes de la Russie.

Le Gouvernement impérial du Japon pense qu'il vaudrait mieux circonscrire la portée de la convention actuellement en discussion à la Mandchourie et à la Mongolie Intérieure. Dans le cas où la Russie insisterait sur le maintien du texte précité, le Japon serait forcé de son côté de demander à la Russie de reconnaître les droits et les intérêts spéciaux du Japon dans les autres parties de la Chine, telle que la province du Foukien. Or, ce serait ouvrir toute la question chinoise que le Gouvernement impérial n'a pas l'intention de discuter.

Le Gouvernement impérial du Japon désirerait donc que le Gouvernement impérial de Russie n'insistât pas sur le maintien du texte susmentionné [1].

Перевод.

Введя в заключительную часть статьи II проекта секретной конвенции слова «в китайских территориях за пределами этой области», российское императорское правительство выразило желание, чтобы японское императорское правительство признало особые интересы, которыми обладает Россия на территориях Западного Китая, граничащих с Россией.

Императорское японское правительство считает, что было бы лучше ограничить обсуждаемую в настоящий момент конвенцию пределами Манчжурии и Внутренней Монголии. В том случае, если Россия будет настаивать на сохранении вышеприведенного текста, Япония будет вынуждена со своей стороны просить Россию признать особые права и интересы Японии в других частях Китая, например в провинции Фуцзян. А это значило бы вновь поставить китайский вопрос в целом, который императорское правительство не имеет намерения обсуждать.

Поэтому японское императорское правительство желало бы, чтобы российское императорское правительство не настаивало на сохранении вышеупомянутого текста.

№ 87. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

-/. Телеграмма № 988. 27/14 мая 1912 г.

Дополнение моей телеграммы № 893 [2].

Ввиду необходимости соблюдать строгий нейтралитет в персидской междоусобице, председатель совета министров предписал заместителю наместника его императорского величества на Кавказе продолжать эвакуацию казвинского отряда [3].

Сазонов.

№ 88. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

-/. Телеграмма № 994 [4]. 27/14 мая 1912 г.

Сообщается послу в Лондоне.

№ 86 получен [5].

Благоволите выразить Пуанкаре нашу признательность за отношение к нашим пожеланиям в вопросе китайского займа и в частности за отказ

[1] К ноте приложен японский проект, совпадающий с проектом росс. прав-ва, за исключением ст. II (см. стр. 80, прим. 5).

[2] См. № 6.

[3] См. т. XIX, ч.II, стр. 217, прим. 2.

[4] Опубл. М., стр. 560.

[5] В тел. от 25/12 мая за № 86 (опубл. М., стр. 560) Извольский сообщал: «Пуанкаре прочел мне только что полученное им от представителя французской группы письмо, в котором настойчиво испрашивается разрешение отправить в Пекин выработанную на лондонском совещании телеграмму о согласии Консорциума на авансы и заем с оговоркой, что вопрос об участии России остается покуда открытым. Пуанкаре сказал мне, что он ни в каком случае не даст просимого разрешения до получения нашего ответа, но ввиду настояний банкиров, которые в конце концов могут его не послушаться, просит об ускорении нашего окончательного решения».

санкционировать этот заем и авансы в его счет, пока вопрос о нашем участии остается открытым.

Вам известны затруднения, встреченные Верстратом в Лондоне, и предложенный им в телеграмме [18] 5 мая компромисс [1]. Желая по возможности ускорить решение вопроса, мы признали возможным согласиться на этот компромисс и поручили послу в Лондоне выяснить, можем ли мы рассчитывать, что английское правительство настоит на принятии этого компромисса Гонконг-Шанхайским банком, со стороны которого мы встречаем наибольшее сопротивление [2].

Благоволите просить Пуанкаре, чтобы он предписал французскому послу в Лондоне сговориться с графом Бенкендорфом и оказать ему поддержку в этом деле перед С.-Джемским кабинетом.

[Сазонов.]

№ 89. Министр иностранных дел поверенному в делах в Риме Поггенполю.

·/. Телеграмма № 996 [3]. 27/14 мая 1912 г.

Сообщается в Константинополь, Лондон и Париж.

Телеграммы №№ 61 [4] и 65 [5] получены.

Французский посол передал мне по поручению Пуанкаре, что и итальянский и турецкий послы в Париже обращались, будто бы, к французскому правительству с вполне ясным ходатайством о созыве конференции по вопросу о прекращении войны. Пуанкаре раньше, нежели дать ход этому ходатайству, желал знать мое мнение. Я возразил, что как из телеграмм ваших, так и из объяснений итальянского поверенного в делах я вынес впечатление, противоположное относительно готовности Италии итти на конференцию, а потому полагаю прежде всего необходимым поручить Барреру и Бомпару проверить на местах, насколько объяснения Рифаата и Титтони соответствуют истинному настроению их правительств.

Сазонов.

№ 90. Министр иностранных дел поверенному в делах в Риме Поггенполю.

·/. Телеграмма № 997. 27/14 мая 1912 г.

Сообщается в Константинополь.

Турецкий посол предупредил меня, что в случае занятия Италией Митилены Турция будет вынуждена снова закрыть Проливы [6]. Благоволите поэтому высказаться в том смысле, что мы надеемся, что при дальнейших своих военных действиях Италия примет во внимание опасность, что интересы России могут быть чувствительно задеты [7].

Сазонов.

---

[1] См. стр. 78, прим. 3.

[2] См. № 82.

[3] Опубл. Stieve, II, S. 126, N 301.

[4] См. № 23.

[5] Тел. от 23/10 мая за № 65 Поггенполь сообщал о «сильнейшем впечатлении», произведенном в Консульте статьей «Wiener Allgemeine Zeitung» по вопросу о созыве международной конференции.

[6] Ср. № 83.

[7] Ответной тел. от 28/15 мая за № 69 (опубл. Siebert, II, S. 374, N 614) Поггенполь передал заявление итал. м-ра ин. дел, что «в настоящее время Италия не намерена занять остров Митилену, но что он, конечно, не может отвечать за будущее, в особенности если война затянется еще на долгое время». На просьбу Поггенполя дать обещание, что в случае решения итал. прав-ва предпринять военные действия против Митилены оно предупредит росс. прав-во, Сан-Джулиано ответил, что «если обстоятельства вынудят Италию занять Митилену, он предварительно снесется с вашим высокопревосходительством».

№ 91. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 998. 27/14 мая 1912 г.

Телеграмма № 360 получена [1].

Вызвав Турхан-пашу, я высказал ему крайнее наше удивление той враждебности против России, которая без всякого фактического основания господствует в турецкой печати, общественном мнении и коей не чуждо и правительство.

Благоволите рассеять опасения Порты касательно существования у нас каких-либо враждебных Турции намерений.

[Сазонов.]

№ 92. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 67 [2]. 27/14 мая 1912 г.

Конференция.

Сегодня меня вызвали в Консульту и сообщили, что парижский кабинет поручил Барреру осведомиться, примет ли римский кабинет участие на конференции, мысль о которой выдвигается Францией как лучший способ выйти из теперешнего положения. То же самое предложение Пуанкаре сделал Титтони. Сан-Джулиано ответил Барреру, что, по его мнению, медиация может скорее достигнуть цели, но если державы придут к заключению, что конференция может положить конец войне и привести к заключению прочного и почетного для Италии мира, то она не будет противиться ее созванию. Затем он просил меня высказаться по тому же вопросу и сказать, может ли Италия в случае созвания конференции рассчитывать на дружеское расположение России. Я ответил согласно телеграмме вашего высокопревосходительства [3], что императорскому правительству официально ничего неизвестно о намерении Франции или другой державы созвать конференцию; что медиация и нам казалась скорее достигающей цели, и если она не привела к желательным результатам, то, конечно, не по вине России; что, как личное мнение, я могу выразить ту мысль, что при наличности единодушного решения держав созвать конференцию императорское правительство, вероятно, не уклонится от участия в ее работах; а что касается нравственной поддержки Россией Италии [4], мне об этом не приходится говорить, так как на-днях еще король лично благодарил меня за сочувственное отношение России к Италии [5].

Поггенполь.

№ 93. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 71. 28/15 мая 1912 г.

В дополнение к предыдущей моей телеграмме по вопросу о конференции [6] не могу не донести вашему высокопревосходительству, что в совер-

[1] См. № 83.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 373, N 613.

[3] См. стр. 20, прим. 1.

[4] У Siebert'а вместо «Италии» — «Турции».

[5] См. № 70. Тел. от 28/15 мая за № 70 (опубл. Siebert, II, S. 375, N 615) в ответ на тел. Сазонова № 996 (см. № 89) Поггенполь сообщал, что итал. м-р ин. дел заверил его «самым положительным образом, что он не поручал Титтони говорить с Пуанкаре о конференции». М-р ин. дел полагал, что «вопрос поднят Францией по собственному почину». Одновременно с этим он показал Поггенполю текст циркулярной тел., которая предписывала итал. представителям «соблюдать крайнюю сдержанность в вопросе о конференции, который Италия ни прямо, ни косвенно не поднимала. Вообще Италия могла бы согласиться принять участие на конференции лишь по предварительном обсуждении ее программы».

[6] См. прим. 5

шенно доверительной форме мне предложен был вопрос, не желает ли Россия вместе с Италией силой овладеть Проливами. Я ответил, что политика России чужда всякого агрессивного духа и что мы надеемся мирным путем оградить наши интересы в Турции.

Поггенполь.

№ 94. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

/. Телеграмма № 1012 [1]. 29/16 мая 1912 г.

Сообщается в Лондон и Тегеран.

Ссылаюсь на телеграмму мою за № 974 [2] и телеграммы Поклевского-Козелл за №№ 452 [3], 453 [4] и 459 [5].

Лоутеру поручено поддержать ваш протест по поводу котурского столкновения, если он сочтет это возможным.

Благоволите, сговорившись с ним, по возможности безотлагательно предъявить Порте в энергичной форме протест против нарушения Берлинского трактата, указав на несовместимость военных действий на бесспорно персидской территории с заверениями мирного характера, которые они нам постоянно дают за последнее время. Со своей стороны я делаю такое же заявление Турхан-паше [6].

Сазонов.

№ 95. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1013 [7]. 29/16 мая 1912 г.

Из самого секретного источника узнаем, будто сэр Реннель Родд после разговора с Греем заявил Империали, что великобританское правительство не примет никакого почина в вопросе о восстановлении мира, но весьма расположено сговориться по этому предмету с Германией, если бы почин в этом смысле был сделан из Берлина.

Благоволите самым доверительным путем проверить это сведение и о впечатлении вашем уведомить.

[Сазонов.]

№ 96. Министр иностранных дел председателю совета министров и министру финансов Коковцову.

Письмо № 494. 29/16 мая 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

В ответ на письмо от [27/28] 14/15 с. мая, № 3859 [8], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что еще в марте с. г. поверенному в делах

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 80.

[3] См. № 85.

[4] См. стр. 80, прим. 4.

[5] Тел. от 28/15 мая за № 459 Поклевский известил Сазонова, что перс. м-р ин. дел «сделал вчера турецкому послу сообщение в смысле данного мной совета, добавив, что в случае дальнейшего наступления турок на Котур персидское правительство не может запретить Симко защищаться».

[6] В тел. от 1 июня/19 мая за № 1040 Сазонов сообщил в Лондон, Тегеран, Тавриз, Хой, Урмию, Ван и Баязет следующее: «Сегодня драгоманы великобританского и русского посольств в Константинополе вручат оттоманскому министру иностранных дел тождественную ноту с указанием, что военные действия на территории Котурского округа являются нарушением Берлинского трактата». Сазонов добавлял, что накануне в этом смысле сделано заявление Турхан-паше с предупреждением, что дальнейшие действия турок «заставят нас принять соответствующие меры охраны наших интересов».

[7] Опубл. Siebert, II, S. 376, N 616.

[8] Указанное письмо Коковцова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

в Пекине было поручено предупредить Юань Ши-кая, что хотя мы не поддерживаем движения во Внутренней Монголии, но не можем остаться безучастными, если дело дойдет до подавления вооруженной силой этого движения в интересующих нас областях, так как этим были бы слишком затронуты наши интересы [1]. Затем, когда в первой половине минувшего апреля месяца от консула в Цицикаре были получены сведения о приготовлениях к посылке китайских войск в Хайлар [2] посланник в Пекине предупредил управляющего китайским министерством иностранных дел, что мера эта неизбежно приведет к нежелательным осложнениям между Россией и Китаем [3].

Таким образом, вопрос о посылке китайских войск в Баргу уже вполне определенно поставлен в Пекине, притом не в связи с договорными постановлениями, а в зависимости от чисто политических соображений, заставляющих нас поддерживать стремления монголов занять обособленное положение в составе Китая.

В виду сего посланник в Пекине, получив от управляющего Китайской Восточной ж. д. телеграмму [4], аналогичную той, которую ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мне при вышеупомянутом письме № 3859, ответил ген.-лейт. Хорвату, что переход китайскими войсками нашей ж.-д. линии не должен быть допущен, и одновременно напомнил китайскому правительству о тех предупреждениях, которые были ему сделаны относительно посылки китайских войск в Хайлар. Эти распоряжения д. с. с. Крупенского мною одобрены.

Сообщая вашему высокопревосходительству о вышеизложенном, считаю долгом высказать, что при настоящем положении монгольского вопроса нам нельзя допустить китайцев до вооруженной расправы с баргутами: это произвело бы среди всех монголов такое впечатление, которое свело бы на-нет всю нашу работу для ограждения Халхи от китайского проникновения. Я полагаю поэтому, что Заамурскому округу пограничной стражи следует быть готовым силой воспрепятствовать вводу китайских войск в Хайлар, если бы, несмотря на сделанные нами предупреждения, китайцы сделали попытку в этом направлении.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 97. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 142. 29/16 мая 1912 г.

Avant son départ pour Paris Cambon est venu me voir. Il a abordé plusieurs questions, mais le but principal était d'attirer mon attention sur l'impression produite ici par affaire Malecka [5]. Il la redoute d'autant plus qu'il croit sentence tout à fait inattendue. Je rencontrai Metternich à la campagne. Il m'a demandé où en était cette affaire. Il me dit qu'il ne faudrait pas se faire d'illusion que l'impression générale était très profonde. Considérant l'un et l'autre comme juges spécialement expérimentés et sûrs de l'opinion publi-

[1] См. т. XIX, ч. II, стр. 367, прим. 1.

[2] 22/9 апр. за № 531 Афанасьев телеграфировал Сазонову: «Получено распоряжение о подготовке отряда в три ина с пулеметами для командирования в Хайлар».

[3] Тел. от 25/12 апр. за № 406 В. Крупенский сообщал Сазонову: «Я заявил сегодня Ху Вэй-дэ, что, хотя ввиду уверений, данных Юань Ши-каем Цекину, я и отказываюсь верить известиям о подготовлении в Цицикаре военной экспедиции в Хайлар, тем не менее должен предупредить его, что подавление вооруженной силой движения в Барге могло бы привести к нежелательным с нами осложнениям».

[4] Тел. от 26/13 мая за № 470 Крупенский извещал, что ген. Хорват, сообщая о приготовлениях в Цицикаре к отправке войск в Баргу и о «неизбежности для этих войск во время похода переходить линию Китайской Восточной железной дороги», просил указать: «Надлежит ли нам препятствовать переходу китайским отрядом линии или свободно его допускать».

[5] См. № 53.

que, crois devoir vous transmettre leur opinion. La prorogation du Parlement assoupit l'affaire seulement en apparence. Elle sera soulevée dès rentrée. De nombreux entretiens me prouvent l'exactitude de l'impression d'inattendu sur grande majorité. On s'attendait à un traitement plus indulgent, en considération des circonstances toutes particulières du cas, même au cas de culpabilité. Aux yeux des juristes anglais ceci n'est pas le cas, ce qui augmente l'impression dans un degré sur lequel, vu ses conséquences, je ne puis trop appuyer. La presse radicale est seule active, mais le silence de la presse modérée et conservatrice n'est pas un symptôme probant. J'apprends que le Roi est extrêmement affecté et soucieux.

Benckendorff.

Перевод.

Перед отъездом в Париж Камбон зашел ко мне. Он затронул несколько вопросов, но основной его целью было обратить мое внимание на то впечатление, которое производит здесь дело Малецкой. Оно тем более внушает ему опасения, что он считает приговор совершенно неожиданным. Я встретил Меттерниха за городом. Он спросил меня, в каком положении находится это дело и сказал, что не следует строить себе иллюзий — общее впечатление очень глубокое. Считая как одного, так и другого исключительно опытными и верными судьями общественного мнения, полагаю необходимым передать их мнение вам. Отсрочка заседаний парламента вносит лишь внешнее успокоение в это дело. При возобновлении заседаний оно будет поднято вновь. Мои многочисленные беседы подтверждают правильность того, что впечатление, произведенное на большую часть общества, было вызвано неожиданностью приговора. Ввиду совершенно особых обстоятельств дела, здесь ожидали более снисходительного отношения даже в случае виновности. В глазах английских юристов этого нет, что усиливает впечатление до такой степени, что я не считаю возможным не напоминать об этом, ввиду тех последствий, которые оно может иметь. Пока активна только радикальная печать, но молчание умеренной и консервативной прессы не является достаточно убедительным признаком. Я слышал, что это дело произвело на короля чрезвычайно сильное впечатление и что он очень озабочен.

Бенкендорф.

№ 98. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 88 [1]. 29/16 мая 1912 г.

Китайский заем.

Получил телеграмму № 994 [2].

Объяснился с Пуанкаре, который обещал тотчас же телеграфировать французскому послу в Лондоне в указанном смысле. По известиям Верстрата им достигнуто почти полное соглашение с французами на основании одобренного в Петербурге компромисса. Таким образом остается лишь установить согласие с англичанами. Пуанкаре подтвердил мне свое обещание дать согласие на отправку в Пекин телеграммы об авансах и займе лишь после окончательного соглашения с нами [3], но еще раз обратил

[1] Опубл. М., стр. 560.

[2] См. № 88.

[3] Имеется в виду тел. Консорциума представителям в Пекине, датированная 15/2 мая. В письме от 19/6 июня Верстрат, препровождая копию этой тел. директору общей канцелярии м-ва финансов Львову, сообщал, что отправка ее в Пекин была задержана «из-за противодействия французов». Телеграмма содержала условия соглашения о выдаче авансов кит. прав-ву в счет будущего реорганизационного займа в 60 млн. ф. ст., которое «имеет быть заключено от имени и за счет четырех групп лишь с оговоркой о включении русской и японской групп, если состоится о сем соглашение». Далее в тел. указывалось, что в соглашение об авансах должна быть включена статья, излагающая условия реорганизационного займа. Основные условия займа следующие: а) кит. прав-во «ранее заключения контракта на каждую серию реорганизационного займа должно сообщить группам подробные указания, на что именно будет израсходована выручка от займа»; б) кит. прав-во «обязуется пригласить иностранного чиновника, который совместно с представителями финансовых агентов должен контрассигнировать все требования об уплатах из займа, а также иностранных аудиторов, назначенных Китаем, которые будут проверять расходы и скреплять квартальные и годовые отчеты о них»; в) «Китай обязуется реорганизовать управление и

мое внимание на спешность дела. По сведениям, полученным им из Берлина, Кидерлен также настаивает на скорейшем отправлении телеграммы в Пекин.

Извольский.

№ 99. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 72 [1]. 29/16 мая 1912 г.

Баррер не скрывает, что мысль о конференции исходит от Франции. По его мнению, интересы Франции и России требуют прекращения войны. Вследствие неудачи медиации конференция могла бы с успехом ее заменить. Необходимо только, чтобы державы Тройственного согласия сообща склонили Турцию и Италию принять участие на конференции, что не трудно будет достигнуть, если установить основным тезисом ее, что политическое положение Триполитании не будет обсуждаться. По получении согласия воюющих нужно будет немедленно предложить заключить перемирие. Раз это будет достигнуто, заключение мира станет гораздо легче. О суверенитете над Триполитанией можно будет совсем не говорить, хотя бы потому, что Порта до сих пор официально не признала суверенитета Франции в Алжире, который, однако, в административном отношении всеми признан французской колонией.

Поггенполь.

№ 100. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 15. 29/16 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь доносить вашему высокопревосходительству секретными телеграммами моими от [14] 1 мая, № 49 [2], и от [21] 8 мая за №№ 51 [3] и 52 [4], переговоры о греко-болгарском соглашении находятся в следующем

взимание соляного налога или других источников дохода, служащих обеспечением для реорганизационного займа, причем управление и собирание этих доходов будет поставлено под надзор существующей организации морских таможен»; г) кит. прав-во «обязуется не входить в переговоры и не заключать какого-либо другого займа и аванса с другими сторонами, кроме принадлежащих к группам, в течение периода, во время которого производятся авансы, и до окончательного выпуска реорганизационного займа». В контракт предполагалось включить следующую оговорку: «в случае, если политическое или финансовое положение в Китае, Европе или в другой стране сделает, по мнению групп, невозможной дальнейшую покупку обязательств казначейства или первых серий реорганизационного займа или использование права опциона для последующих серий реорганизационного займа на указанных условиях, то разумеется, что группы будут вправе отказаться от своих обязательств».

[1] Опубл. Siebert, II, S. 380, N 620, где датирована 31/18 мая без указания номера.

[2] См. № 1.

[3] Тел. от 21/8 мая за № 51 Неклюдов сообщил, что он передал Гешову содержание тел. Сазонова № 903 (см. стр. 1, прим. 2). Гешов ответил ему, что дословно конец ст. 1 читается так: «En cas d'agression turque, soit directe, soit par le fait d'atteintes systématiques aux droits découlant des traités et au droit des gens». («В случае нападения Турции, будь то нападение непосредственное или путем систематического нарушения прав, вытекающих из договоров, и международного права»). Болгария, по словам Гешова, постарается не допустить, чтобы греки дали этой формуле «опасное толкование», и вообще будет относиться с большой осторожностью к подстрекательствам со стороны Афин.

[4] Тел. от 21/8 мая за № 52 (опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 13) Неклюдов, ссылаясь на свою тел. за № 51 (см. прим. 3), сообщал: «Считаю разъяснения Гешова вполне искренними. Необходимо, однако, заранее считаться с тем, что и Болгария, при обстоятельствах, которые ей показались бы благоприятными, не прочь будет воспользоваться поводом к действиям наступательным. Это соображение касается сербо-болгарского договора и греко-болгарского. Последний еще не подписан. Существуют некоторые несогласия насчет текста: греки хотят устранить из статьи второй всякие напоминания о правах населения Македонии на административную автономию, а Гешов этим дорожит».

положении: со стороны греческой представлен проект соглашения, который г. Гешов мне прочел и приблизительное содержание коего я передал вашему высокопревосходительству в вышеупомянутых моих телеграммах. Соглашение — чисто оборонительное и направлено к поддержанию status quo. Тем не менее в тексте договора есть лазейка для превращения соглашения из оборонительного в наступательное: договаривающиеся стороны обязуются притти друг другу на помощь не только в случае d'une agression directe de la part de la Turquie [1], но и в случае d'agression du fait d'attaques systématiques aux droits découlant des traités et au droit des gens [2].

Как ваше высокопревосходительство изволили совершенно справедливо отметить в секретной телеграмме вашей от [17] 4 мая, № 903 [3], это последнее условие является невыгодным для самой Болгарии, ибо Греция, могущая дать Болгарии лишь весьма слабую подмогу в случае вооруженного с Турцией столкновения, представляет собой в то же время большое количество мест и вопросов, могущих подвергнуться со стороны Турции различным уязвлениям.

Я не преминул представить эти соображения г. Гешову, который ответил мне, что болгарское правительство вполне их понимает и оценивает; но что в этом отношении мы можем быть совершенно спокойны, ибо Болгария отнюдь не вынуждена проектированным договором принимать греческие толкования понятия об attaques systématiques aux droits découlant des traités et au droit des gens, а будет в каждом отдельном случае руководствоваться собственными соображениями государственной пользы и необходимости.

Я полагаю, что г. Гешов в данном случае вполне искренне и авторитетно изложил мне точку зрения болгар на сущность греко-болгарского соглашения. Но остается в силе для нас опасение, что этот договор сам по себе и служит именно к осуществлению, при благоприятных для Болгарии сочетаниях, наступательных против Турции действий.

Я неоднократно излагал перед вашим высокопревосходительством подобные же опасения мои относительно сербо-болгарского соглашения. Я продолжаю думать, что стремление положить предел гипотетичному наступлению Австрии представляет собой лишь второстепенную и показную сторону этого договора, а что главным объединяющим звеном между болгарами и сербами является надежда поделить при первом удобном случае Македонию. Равно то же самое следует иметь в виду и относительно греко-болгарского соглашения. Последнее, надобно заметить, подготовлялось доселе вне всякого нашего участия, и г. Гешов сделал мне вышеприведенные сообщения лишь для нашего всестороннего осведомления и как доказательство вполне откровенного к нам отношения. Я тем не менее совершенно определенно отметил ему наше неодобрение всяким таким условиям, которые могут быть направлены к нарушению ныне господствующего на Балканском полуострове status quo.

К сожалению, именно это самое status quo кажется в настоящую минуту и болгарам, и сербам, и грекам столь невыносимым и в особенности столь неустойчивым, что все они, хотя и преклоняются перед руководящими нашей политикой соображениями необходимости, тем не менее лихорадочно готовятся к событиям и продолжают питать непоколебимую надежду на то, что Россия все-таки так или иначе будет втянута в эти события. И обострившийся вопрос свободы торгового мореплавания через Дарданеллы оживил здесь в значительной мере эту надежду.

Я позволю себе по этому поводу повторить перед вашим высокопревосхо-

---

[1] «непосредственного нападения со стороны Турции».

[2] «нападения путем систематического нарушения прав, вытекающих из договоров, и международного права».

[3] См. стр. 1, прим. 2.

дительством глубокое убеждение мое, что мы обязаны все сделать и все испробовать, дабы отдалить чаемые болгарами, греками и сербами события; но что в то же время мы должны самым серьезным и спешным образом готовиться к этим же самым событиям, ибо они могут привступить помимо всякой возможности с нашей стороны их удержать или даже направить.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 101. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 29/16 мая 1912 г.

Телеграмму № 988 получил [2].

Как я позволял себе уже неоднократно докладывать, не только настоящая междоусобица, но и не вполне удовлетворительное положение в Тегеране говорят пока против уменьшения вообще численности казвинского отряда. Отъезд регента, кабинетский кризис [3], смерть Ефрема [4], умевшего сдерживать здешние крайние элементы и обещавшего разоружить всех фидаев вслед за окончанием похода против Салара — не дают полной уверенности в устойчивости положения в столице, особенно по эвакуации казвинского отряда. Ввиду вышеизложенного и надеясь, что распоряжение председателя совета министров касается лишь обсуждавшегося недавно ухода в Ардебиль некоторых частей решгского гарнизона, считаю долгом высказать мое глубокое убеждение, что малейшее уменьшение численности расположенных в Казвине воинских частей является преждевременным.

Поклевский.

№ 102. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

/. Письмо. 29/16 мая 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Продержавшийся с небольшими переменами с прошлого лета кабинет настолько пошатнулся, что начавшийся около десяти дней тому назад министерский кризис не может еще разрешиться.

Кабинет этот был составлен из довольно разношерстных элементов специально для борьбы с Мохамед-Али-шахом и Салар-эд-Доуле. Бахтиары занимали в нем преобладающее положение, как и подобало представителям племени, служившего главной опорой здешнего правительства; с другой стороны, в него были включены и прогрессивные элементы в лице Восуг-эд-Доуле, его брата Каввам-эс-Солтане и других пользовавшихся доверием меджлиса лиц. Последние всегда смотрели на бахтиар, как на ненужный в умственном отношении баласт, и понимали, что долгое пребывание этого племени у власти порождает зависть других кочевников и мешает полному замирению страны.

Быстро чередовавшиеся одно за другим крупнейшие для Персии события сплотили кабинет в общем старании спасти отечество от окончательной гибели. Действительно, редко на долю какого бы то ни было правительства выпадают такие испытания, как те, какие пришлось перенести нынешнему министерству. Для этого достаточно вспомнить восстание Мохамед-Али-шаха и Салар-эд-Доуле, борьбу с Шустером, наши ультиматумы, тавриз-

[1] Номер отсутствует.

[2] См. № 87.

[3] См. № 102.

[4] Тел. от 20/7 мая за № 430 Поклевский сообщил, что во время сражения между правительственными войсками и курдами (см. стр. 22, прим. 3) был убит начальник полиции Ефрем.

ские и рештские события, роспуск меджлиса, признание англо-русского соглашения, денежные затруднения и, наконец, последний мешедский инцидент [1].

Надо отдать полную справедливость кабинету, что он с честью вышел из почти безвыходного положения, в котором он неоднократно находился; он с редкой решимостью принял на себя ответственность за некоторые спасительные для Персии меры и умело воспользовался постепенным устранением каждого из весьма многочисленных препятствий для установления возможно лучших с нами отношений. Теперь с подобным кабинетом работать сравнительно легко и можно надеяться, что при сохранении такого порядка вещей и укреплении правительства мы постепенно обеспечим все наши существенные здесь интересы. Недалекое будущее при этом покажет, какими средствами можно достигнуть укрепления здешнего правительства вообще и какого рода должна быть та помощь и поддержка, за которыми обращается в настоящее время Персия к своим обеим могущественным соседкам: достаточно ли будет ограничиться добрыми советами и денежной помощью или здешняя страна представляет уже теперь столь разрозненный и безжизненный организм, что для приведения его к более нормальному функционированию придется прибегнуть к энергичным средствам, непредусмотренным в момент заключения англо-русского соглашения.

Минование острого периода в политической жизни Персии вновь возродило желание некоторых членов правительства либо совсем избавиться от бахтиар, либо низвести их на второстепенное место в кабинете, и незначительное недоразумение между Самсам-эс-Солтане и министром внутренних дел вызвало недавно общий министерский кризис. Регент, думающий ныне исключительно о своем отъезде [2], не принял отставки Каввам-эс-Солтане в надежде, что кризис вспыхнет уже после его отбытия из Персии. Ни великобританский посланник, ни я не могли допустить последнего, и мы потребовали от Наср-оль-Молька, чтобы он отложил свой отъезд, пока возникшие между министрами недоразумения окончательно не уладятся или не образуется новый кабинет.

Регент не без труда согласился остаться еще три недели и занят теперь переговорами с здешними политическими деятелями. Уже прошла неделя без определенного результата, но доходящие до меня сведения указывают на то, что многие влиятельные лица считают полезным оставление бахтиар у власти до окончания похода против Салара [3], а потому весьма возможно, что министерский кризис разрешится оставлением нынешнего кабинета или уходом одного лишь министра внутренних дел. Такой исход не говорит, конечно, за особенную долговечность министерства, но можно надеяться, что происходящий ныне обмен взглядов между здешними государственными деятелями и высказанное обеими миссиями мнение удержат министров от нового, слишком поспешного кризиса [4].

Последнее свидание сэра В. Тоунлея и мое с регентом убедили нас окончательно в невозможности отклонить его от поездки в Европу, и дальнейшие настояния обеих миссий, вероятно, побудили бы его подать в отставку. Регент находится в болезненном, страшно нервном состоянии и страдает

---

[1] См. т. XIX.

[2] О намерении регента уехать за границу см. т. XIX, ч. II, стр. 383, прим. 3.

[3] 31/18 мая за №28 консул в Керманшахе Никольский телеграфировал в Тегеран: «29/16 мая Ферман-Ферма разбил под Керманшахом курдов Салар-эд-Доуле. Салар-эд-Доуле скрылся в направлении Касри-Ширина с небольшим отрядом. Ферман-Ферма с правительственными войсками вступил в город».

[4] В тел. от 4 июня/22 мая за № 500 Поклевский сообщил об образовании нового кабинета Самсам-эс-Солтане, в котором Восуг-эд-Доуле сохранил пост м-ра ин. дел.

Позднее, тел. от 19/6 июня за № 501, Поклевский известил Сазонова об отставке Восуг-эд-Доуле и замене его Ала-эс-Солтане.

бессонницей. Он уверен, что все против него интригуют и что жизнь его находится в ежеминутной опасности. Чувство страха овладело им особенно после смерти Ефрема[1], которому одному он считал возможным доверить свою безопасность.

Мне кажется, что для подобного страха нет никаких серьезных оснований, но с таким состоянием бороться трудно, и может быть спасение и излечение именно и лежат в перемене обстановки и впечатлений.

Регента, повидимому, очень угнетает мысль, что он незаслуженно потерял в стране популярность. Конечно, Наср-оль-Мольк действовал здесь всегда благоразумно и в духе умеренности и доброго согласия с обоими правительствами. Но страна, переживающая столь острый, как Персия, кризис, требует от своего главы большего, а именно непосредственного руководительства в вопросах внешней и внутренней политики. Сначала меджлис, а затем и нынешний кабинет были готовы представить Наср-оль-Мольку полномочия, далеко превышающие его конституционные права, но он постоянно уклонялся от принятия таковых, и врожденная боязнь ответственности заставляла его скрываться за спиной министров. Такой образ действий вызвал сильное в нем разочарование, изменению коего может, пожалуй, способствовать его отъезд из Персии.

На вопрос, вернется ли сюда регент из Европы, пока очень трудно ответить. Его постоянный страх за свою жизнь и тот факт, что он увозит с собой все свое семейство, как бы указывает на тайное желание в Персию не возвращаться. Он, однако, неуклонно продолжает заверять Тоунлея и меня, что и в этом вопросе он поступит согласно с желаниями обоих правительств, с которыми он надеется быть в общении во время пребывания в Европе [2].

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 103. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1019. 30/17 мая 1912 г.

Сообщается в Париж за № 2.

Китайский поверенный в делах, по поручению своего правительства, осведомлялся, как мы относимся к ставимым представителями банкиров условиям реорганизационного займа, заключающимся, по его словам, в установлении финансового контроля в Китае и требовании роспуска южнокитайских войск. По мнению китайского правительства, сказанные условия являются политическими, носят характер вмешательства во внутреннекитайские дела и не имеют ничего общего с заключаемым Китаем иностранным займом.

Поверенному в делах было отвечено, что Китай уже является неисправным плательщиком своим иностранным кредиторам. Понятно, что последние не могут согласиться на выдачу Китаю крупной суммы в 60 млн. ф. ст., не обеспечив правильности ее расходования. Таково мнение банкиров, признанное правильным шестью правительствами, заинтересованными в Консорциуме. За неимением собственного надежного персонала, Китай не может обойтись без иностранных специалистов для коренной реорганизации своих финансов, без которой ему не получить нужных ему крупных сумм.

---

[1] См. стр. 89, прим. 4.

[2] Тел. от 7 июня/25 мая за № 488 Поклевский известил Сазонова, что регент выезжает из Персии 11 июня/29 мая.

Поэтому китайское правительство хорошо сделает, согласившись на ставимые ему Консорциумом вполне разумные и умеренные условия [1].

[Сазонов.]

№ 104. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 1020 [2]. 30/17 мая 1912 г.

Телеграмма за № 456 получена [3].

Я вполне согласен с тем, что в принципе желательно, по возможности, избегать столкновений между нашими воинскими частями и курдами. Однако мы не можем отказаться от нашей исконной роли защитников христиан на мусульманском Востоке, а в частности в тех местностях, о которых идет речь, христиане будут уничтожены курдами, если мы не будем им оказывать помощи. Нельзя допустить, чтобы наши войска оставались равнодушными зрителями насилий, чинимых над христианами в их непосредственном соседстве, а некоторая острастка курдов от времени до времени полезна. Преподать нашим консулам в этом отношении общую директиву невозможно; это — дело их такта и осторожности, и я надеюсь, что прибегать к содействию войск они будут лишь в случаях крайней необходимости.

Сазонов.

Верно.

Ливадия, [5 июня] 23 мая 1912 г. [4]

№ 105. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо [5]. 30/17 мая 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Александр Петрович,

Происшедшее за последнее время охлаждение во взаимных отношениях Франции и Италии не может оставить нас равнодушными.

Как вашему высокопревосходительству хорошо известно, мы не считаем полезным для себя добиваться формального выхода Италии из состава Тройственного союза, но, при сохранении внешним образом нынешнего порядка вещей, мы полагаем весьма желательным укрепление на деле связи королевства с нами и с Францией.

---

[1] В тел. от 30/17 мая за № 1018 (№ 1) Сазонов просил Извольского ознакомить Пуанкаре с содержанием публикуемого документа и осведомиться, был ли предпринят такой же шаг кит. прав-вом в Париже.

Тел. от 2 июня/20 мая за № 93 (опубл. М., стр. 560) Извольский ответил, что китайский представитель в Париже «не делал до сих пор никаких шагов по поводу условий займа. В случае таковых шагов,—сообщал далее Извольский,—Пуанкаре намерен дать ему ответ, тождественный с вашим. По его мнению, ввиду настоящего положения Китая, правительства обязаны выговорить в пользу кредиторов действительные и точные гарантии, контроль над расходованием сумм и принятие на китайскую службу иностранных специалистов, которые одни способны выполнить административную и финансовую реорганизацию, необходимость которой признана самим китайским правительством».

[2] Лит. копия.

[3] В тел. от 27/14 мая за № 456 Поклевский запрашивал Сазонова, должны ли русские военные отряды «наказывать» жителей персидских деревень «за предоставление убежища разбойникам, если принять во внимание, что крестьяне вообще против курдов защищаться не могут». По его мнению, подобное вмешательство «несомненно усиливает вражду между местным населением и раздражает турок, когда нами принимаются суровые меры по отношению к населенным суннитами деревням».

[4] Помета относится к отчеркнутой Николаем II фразе: «Нельзя допустить. . . до времени полезна».

[5] Опубл. М., стр. 205. На маш. копии публикуемого документа имеется помета: «Сообщено в посольства в Лондоне и Риме».

Находясь, со своей стороны, в этом отношении в настоящее время в исключительно счастливых условиях, мы, разумеется, с удовольствием готовы использовать это положение, чтобы в случае желания Франции оказать ей возможную услугу и приложить все старания к улажению ее разногласий с Италией. К числу последних, в частности, относится, повидимому, вопрос о дальнейшей судьбе франко-итальянского соглашения 1902 г.

Соглашение это, никогда нам не сообщенное, касалось, насколько известно, главным образом размежевания французских и итальянских интересов в Средиземном море и, как таковое, казалось бы, могло быть бессрочным. Тем не менее, ввиду возможности нахождения в нем и других обязательств, обусловленных сроком, нет ничего невероятного в дошедших до нас из Рима сведениях, будто ныне, по истечении 10 лет со времени заключения соглашения, возникает вопрос об его возобновлении [1]. Судя по упомянутым сведениям, французы желают продления договора 1902 г., итальянцы же, отчасти по совету своего посла в Париже, отстаивающего начало «свободных рук», не спешат связываться новыми обязательствами до выяснения нынешнего несколько неопределенного политического положения.

Между тем в Англии по этому поводу уже проявляется некоторое беспокойство, так как там опасаются, что если Италия, разойдясь с Францией, вновь теснее сблизится со своими союзницами, то Триполи в итальянских руках может стать для последних удобной военно-морской точкой опоры в Средиземных водах.

Ввиду вышеизложенного, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство весьма осторожно проверить дошедшие сюда сведения и постараться доверительно выяснить, действительно ли теперь идет речь о возобновлении франко-итальянского соглашения 1902 г., в чем именно таковое заключается и каково отношение французского правительства к сказанному вопросу, а также к возможности воспользоваться нашими услугами для улучшения отношений между обоими латинскими государствами.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 106. Министр иностранных дел поверенному в делах в Риме Поггенполю.

-/. Письмо. 30/17 мая 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Николай Васильевич,

В весьма доверительном письме вашем от 21/8 мая с. г. [2] вы отмечаете создавшееся в Италии, под влиянием событий последнего времени, дружелюбное к нам отношение и упоминаете о сделанных вам в Консульте намеках на готовность итальянского правительства пойти дальше по пути более тесного с нами сближения на политической почве. В связи с этим вы спрашиваете, как отнеслось бы императорское правительство к вопросу о возможном расширении соглашения, заключенного в 1909 г. в Раккониджи, а также какими началами вам руководствоваться в этом отношении.

По сему поводу считаю нелишним сообщить вам нижеследующее.

В наши виды не входит добиваться формального выхода Италии из Тройственного союза, ибо нам представляется более выгодным, чтобы Италия, оставаясь малонадежной союзницей Австрии и Германии, была тем не менее обеспечена от вооруженного столкновения с ними, нежели чтобы, окончательно отделившись от них, она искала у нас действительной поддержки в довольно вероятной в таком случае войне с первой, а то и с обеими названными империями. Вместе с тем, однако, нам очевидно желательно,

[1] См. № 43.
[2] См. № 44.

чтобы, при формальном пребывании Италии в союзе с Австрией и Германией, этот союз не обязывал королевство к чему бы то ни было для нас враждебному и чтобы вообще отношения Италии были на деле более сдержанными к союзницам и возможно дружественными к нам и Франции.

Основываясь на этих общих положениях, нам остается лишь приветствовать установление единства взглядов между Италией и нами и согласный образ действий по отдельным затрагивающим нас вопросам. С этой точки зрения мы готовы внимательно отнестись ко всем предложениям, которые могут быть сделаны нам из Рима. Мне кажется, однако, что для того, чтобы подобные переговоры были поставлены на более твердую почву, итальянскому правительству следовало бы, прежде всего, яснее указать, как оно понимает возможное «расширение» соглашения 1909 г., а кроме того нам нужно было бы сначала быть полнее осведомленными о тех обязательствах, которыми Италия уже связана в отношении других держав.

Сообщая вам вышеизложенные руководящие начала исключительно для вашего личного сведения и лучшего освещения того общего направления, которого вам надлежит держаться, считаю долгом прибавить, что означенные соображения были мной обстоятельно развиты устно гофмейстеру Крупенскому, который по приезде в Рим не преминет ознакомить вас с ними.

Если же министр иностранных дел или его ближайшие помощники в разговоре с вами снова вернутся к указанному вами предмету, вы можете ответить, что в С.-Петербурге, конечно, не откажутся от соответствующего обмена мыслей, но что для такового прежде всего необходимо, чтобы итальянское правительство поручило своему представителю при высочайшем дворе сделать здесь доверительное о том заявление.

Что касается озабоченности французского посла касательно ухудшения франко-итальянских отношений [1], — то, в случае нового обращения к вам по этому поводу г. Баррера, благоволите высказать ему от себя уверенность, что Россия охотно приложит старания, чтобы, пользуясь нынешним своим положением в Италии, оказать Франции возможное содействие к улажению возникших недоразумений.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 107. Министр иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

Письмо. 30/17 мая 1912 г.

М. г. Николай Николаевич,

Ссылаясь на телеграфную переписку по вопросу о новом возмутительном случае во Львове, считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что первое, помещенное в «Fremdenblatt» заявление австрийского правительства [2] показалось мне недостаточным, особенно в своей заключительной части, и я высказался в этом смысле здешнему австро-венгерскому поверенному в делах. Последний тотчас телеграфировал об этом как в Вену, так и бывшему тогда в Берлине графу Берхтольду, следствием чего явилось известное вам второе правительственное сообщение в «Fremdenblatt» [3].

Тем не менее нельзя считать вопрос на этом покончен ным. Из совокупности имеющихся данных и даже из самих заявлений австрийского правительства вполне очевидно, что неподдающееся определению происшествие несомненно имело место, вопреки попыткам объявить его недоказанным. Вместе с тем естественное негодование, которое вызвано им в России, гораздо сильнее и гораздо более общее, нежели, повидимому, думают

[1] См. № 43.
[2] См. № 58.
[3] См. стр. 52, прим. 1.

в Вене. Общественное мнение и печать даже умеренного направления настойчиво требуют полного удовлетворения. Наконец, самый факт вторичного оскорбления России после того, как всего несколько месяцев тому назад подобный же случай остался без должного возмездия [1], доказывает, что слишком снисходительное отношение к таким выходкам ведет лишь к их повторению.

За последнее время мы дали немало доказательств нашего искреннего желания работать над улучшением австро-русских отношений, но если австрийское правительство, со своей стороны уверяющее нас в своем стремлении к той же цели, не примет решительных мер к предотвращению участившихся прискорбных инцидентов, нам будет трудно работать в указанном направлении при том раздражении русского общественного мнения, которое неизбежно вызывают и поддерживают подобные инциденты, особенно когда их безнаказанность может быть истолкована как попустительство.

Мы охотно верим, что венский кабинет испытывает известные затруднения при осуществлении своих прав и обязанностей в Галиции, и этим объясняется, почему в вопросе о повреждении щита нашего консульства во Львове минувшей осенью мы проявили столь примирительный образ действий. Однако нельзя допустить, чтобы ответственное центральное правительство постоянно ссылалось на свое бессилие перед местными властями. Если в Вене из-за соображений внутренней политики дорожат благоволением польского коло, то, казалось бы, соображения внешней политики должны бы в неменьшей мере побуждать австро-венгерское правительство относиться более внимательно к нашим справедливым требованиям.

Ввиду вышесказанного благоволите изложить лично графу Берхтольду нашу точку зрения и сказать ему, что мы ожидаем действительно строгого следствия по настоящему делу и надеемся, что виновный в сожжении портрета государя императора будет обнаружен и понесет заслуженную кару.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 108. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 142 [2]. 30/17 мая 1912 г.

Reçu télégramme N 1013 [3].

Je tenterai de vérifier. Mon impression est: Grey devient de plus en plus désireux de voir paix conclue bientôt. Mais comme il me l'a dit sous forme moins absolue, et comme en ai rendu compte par télégramme N 126 [4], il ne compte pas prendre l'initiative. D'un autre coté, on s'attend généralement ici à ce que Marschall aborde cette question officiellement et propose une méthode et base. Grey a pu dire à Rodd qu'il ne prendra pas l'initiative pour aborder question avec nouvel Ambassadeur allemand, mais écouterait, si celui-ci développait un projet. Il me paraît très probable qu'intermédiaire de Rodd a donné aux paroles de Grey trop de précision et je doute qu'il ait été chargé d'en parler à Impériali. Parmi les Ambassadeurs anglais, Rodd est loin d'être de ceux qui ont influence. Mon opinion est qu'il faut s'attendre à ce que le Cabinet de Berlin aborde question et aille peut-être jusqu'à initiative. Grey a dit, comme vous le savez, qu'il avait des doutes sur la possibilité d'une conférence à cause difficulté de limiter question.

Benckendorff.

---

[1] Речь идет о львовском инциденте в ноябре 1911 г. (см. т. XIX, № 198).
[2] Siebert, II, S. 376, N 617.
[3] См. № 95.
[4] См. стр. 30, прим. 4.

Перевод.

Получил телеграмму № 1013.

Я попытаюсь проверить. По моему впечатлению, Грей все более и более желает скорого заключения мира; но он говорил со мною в менее решительной форме и, как я сообщил об этом телеграммой № 126, он не думает брать на себя инициативу. С другой стороны, здесь вообще ожидают, что Маршалл официально поднимет этот вопрос и предложит основы и способ его разрешения. Грей мог сказать Родду, что он не проявит инициативы для обсуждения этого вопроса с новым германским послом, но что он выслушает его, если тот предложит какой-нибудь проект. Мне кажется весьма вероятным, что передача Родда придала словам Грея слишком определенный характер, и я сомневаюсь, что ему было поручено говорить об этом с Империали. Среди английских послов Родд далеко не из тех, которые имеют влияние. По моему мнению, нужно ожидать, что берлинский кабинет затронет этот вопрос и возьмет, быть может, на себя инициативу. Как вы знаете, Грей сказал, что он сомневается в возможности конференции, ввиду трудности ограничить круг вопросов.

Бенкендорф.

№ 109. Посол в Париже министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 90 [1]. 30/17 мая 1912 г.

Получил телеграмму № 996 [2].

Пуанкаре сказал мне, что из телеграмм Баррера и также из слов Титтони можно заключить, что итальянское правительство, хотя и не высказывается в пользу конференции,но и не исключает ее возможности по дальнейшему ходу событий. Из Константинополя Бомпар телеграфирует, что совет министров решил, что на конференцию возможно согласиться лишь в случае, если будет заранее предрешен ее результат, причем Турция будет требовать оставления Киренаики в полном ее обладании, и лишь по отношению к Триполи допустит какую-либо комбинацию в смысле гражданского протектората Италии [3]. При таких условиях Пуанкаре думает, что сейчас вряд ли возможно формально предложить конференцию; тем не менее он считает, что Россия, Франция и Англия должны продолжать обсуждать между собой этот вопрос, дабы заранее условиться о его подробностях и быть готовыми в благоприятную минуту выступить с предложением конференции, ибо он всего более опасается, что эту инициативу внезапно возьмет император Вильгельм. Лично он думает, что следует заранее условиться строго ограничить задачу конференции первоначальным спором между Италией и Турцией из-за Триполи и Киренаики и что даже вопрос о возвращении островов и гарантиях их населению возможно разрешить вне конференции, например, еще до ее созыва. Вполне понимая все опасные стороны конференции, он тем не менее не видит другого способа выйти из настоящего положения; он очень опасается, что Италия вскоре займет Митилену и Хиос, что еще более осложнит дело и может побудить Турцию опять закрыть Дарданеллы. По этому поводу он высказал Титтони, что если Италия решится на подобный шаг, она должна по собственному почину заявить державам, что она не намерена действовать против Проливов, дабы отнять у Турции всякий предлог для принятия сказанной меры [4].

Извольский.

---

[1] Опубл. L. N., I, стр. 260.

[2] См. № 89.

[3] Тел. от 31/18 мая за № 144 (опубл. Siebert, II, S. 380, N 619) Бенкендорф сообщил, что ни итал., ни турец. посол не намекали ему на то, что их прав-ва желали бы, чтобы была созвана конференция.

[4] 30/17 мая Извольский телеграфировал Сазонову за № 91: «Из сообщений Жоржа Луи Пуанкаре вынес впечатление, что вы весьма мало расположены к мысли о конференции». Извольский просил снабдить его «подробными указаниями, дабы избежать новых недоразумений».

№ 110. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 14. 30/17 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях между болгарским и турецким правительствами достигнуто соглашение по соединению железных дорог по линии Кюстендиль — Куманово.

Как вашему высокопревосходительству известно, переговоры об этом соединении велись уже продолжительное время, и болгарское правительство для вящшей подкрепы своего домогательства довело свой железнодорожный путь почти до самой границы. Соображения или вернее опасения стратегического свойства заставляли до сих пор Турцию откладывать в долгий ящик столь желанное Болгарией благоприятное решение вопроса, и на ныне достигнутое соглашение следует смотреть, как на желание в столь трудную для Турции минуту задобрить Болгарию и ее миролюбиво настроенное правительство.

Комиссия болгаро-турецкая, выезжавшая на границу для точного установления пункта соединения железнодорожных линий, остановила свой выбор на месте, предлагаемом болгарами. Ныне Турции остается лишь найти капитал для совершения постройки линии, длиной не более 50 верст, от болгарской границы до Куманово.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 111. Директор канцелярии министерства иностранных дел министру иностранных дел.

Письмо. 30/17 мая 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Сегодня, в то время как вы были в совете министров, приехал австро-венгерский поверенный в делах и, не застав вас, просил меня передать вам, что ему поручено заявить, что после напечатания обоих правительственных сообщений в «Fremdenblatt» [1] и обнародования вами переписки с Н. Н. Гирсом [2] граф Берхтольд считает прискорбный львовский инцидент исчерпанным.

Я ответил г. Силаши, что я передам вам сделанное им мне официальное заявление, но что я не могу не высказать ему тут же мое личное убеждение, что вы едва ли согласитесь стать на точку зрения графа Берхтольда.

Силаши был, видимо, неприятно поражен этой оговоркой и постарался смягчить свое заявление, прибавив, что инцидент должен считаться исчерпанным лишь поскольку это дело касалось австро-венгерского министра иностранных дел, но что следствие, очевидно, будет продолжаться. Я возразил, что не понимаю делаемой им разницы, так как, пока следствие не приведет к положительному результату, мы все равно принуждены будем обращаться с требованиями об удовлетворении не к местным полицейским и судебным властям, а к тому же министру иностранных дел.

Тогда Силаши попытался свести дело на другую почву и, оговорившись, что хочет выразить совершенно частным образом свое личное мнение, сказал, что, хотя в полученной им телеграмме это прямо не указано, он тем

[1] См. № 58 и стр. 52, прим. 1.

[2] В «Новом времени» № 12990 от 25/12 мая под заголовком «События во Львове» была напечатана переписка Сазонова с Н. Гирсом по поводу львовского инцидента, публикуемая в настоящем томе под №№ 31, 45 и 58. В этой же газете сообщалось, что русская национальная фракция предложила внести в Государственную думу запрос по поводу событий во Львове, но в связи с опубликованием переписки Н. Гирса с Сазоновым и Берхтольдом отказалась от этого запроса.

не менее вынес из нее впечатление, что Берхтольд обиделся на обнародование телеграмм Гирса без предварительного его согласия. Он даже стал убеждать меня в желательности, чтобы вы поручили Гирсу дать нечто вроде объяснений Берхтольду по этому поводу. Я возразил, что немедленное обнародование переписки было в интересах самой же Австрии, так как только этим путем можно было немного успокоить поднятую здесь бурю негодования, и кроме того сослался на данное в свое время гр. Эренталем согласие обнародовать документы по тождественному предмету [1].

Кстати сказать, попавший затем в мои руки подлинный текст телеграммы, о которой шла речь, по-моему, не подтверждает слов Силаши, и я склонен думать, что последний ищет просто предлога, чтобы немного вывернуться путем предъявления нам чего-то вроде «встречного иска» на почве мнимой обиды Берхтольда. Во всяком случае я подчеркнул моему собеседнику, что, говоря об этой обиде, он пока высказывает только свои личные предположения.

В заключение я сказал Силаши, что недостаточно голословных обещаний наказать виновных, «*если* они будут обнаружены», а необходимо уже самим способом ведения следствия ясно показать действительное намерение найти виновников.

Искренне преданный вам

М. Шиллинг.

№ 112. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [2]. 31/18 мая 1912 г.

Monsieur le Ministre,

J'ai eu l'honneur ces derniers temps de transmettre à Votre Excellence plusieurs articles de journaux traitant d'une question extrêmement importante en elle-même, mais que j'avais lieu de croire n'avoir été soulevée que par la presse: celle d'une alliance entre l'Angleterre et la France.

Cette campagne est, je crois, le résultat indirect de plusieurs correspondances écrites dans le «Times» par le correspondant militaire de cette feuille, le colonel Repington, lui-même un des partisans les plus déterminés de l'entente anglaise avec la France et la Russie. Ces correspondances avaient trait à la situation militaire de l'Angleterre dans la Méditerranée, fort affaiblie depuis l'éloignement de l'escadre spéciale que l'Angleterre y a maintenue pendant longtemps, et, dans l'opinion d'un groupe assez nombreux, insuffisamment garantie par la substitution de la flotte française à la flotte anglaise tant que les relations entre les deux pays auront pour base une entente et non pas une alliance.

La présence à Malte de M. Asquith, Premier Ministre, accompagné de M. Churchill, Premier Lord de l'Amirauté [3], leur rencontre avec Lord Kitchener et une visite projetée à Bizerte sont venus donner encore plus de matière à cette discussion.

Quelque privé que soit ce voyage, il ne saurait, je crois, y avoir de doute que l'attention de ces hommes d'État ne soit, au cours de leurs pérégrinations, portée sur la situation faite à l'Angleterre.

En outre, ces tout derniers temps, de certains doutes se sont même manifestés dans le public au sujet des intentions ultérieures de l'Italie sur plusieurs îles occupées par elle, notamment celle de Rhodes.

Je voudrais ne signaler qu'en passant que cette question des îles grecques

---

[1] Речь идет о львовском инциденте в ноябре 1911 г. (см. т. XIX, № 198).

[2] Опубл. Siebert, II, S. 381, N 621.

[3] См. № 55.

appartenant à la Turquie et occupées par l'Italie, attire l'attention du Gouvernement britannique.

Sir Arthur Nicolson ne m'en a parlé que brièvement et à titre personnel, mais la question qui se pose à son esprit est celle de la restitution de ces îles à la Turquie lors de la paix. Il prévoit là des difficultés.

M. Cambon, dans un entretien tout privé que j'ai eu avec lui, s'est avancé un peu plus loin dans cé même sujet. Selon l'Ambassadeur de France, il se prépare là des complications: une restitution pure et simple, telle que la logique l'indiquerait, créerait tout d'abord, selon lui, des inquiétudes et de l'agitation en Grèce, la Turquie ayant jusqu'ici toujours perdu les terres chrétiennes une fois qu'elles ont été occupées par une Puissance chrétienne, — un argument que la Grèce peut faire valoir, et qui, peut-être, trouverait de l'écho dans les cercles grécophiles existant un peu dans tout pays.

Dans l'opinion de M. Cambon une restitution pure et simple ne serait réellement pas sans danger. Plusieurs de ces îles jouissaient jadis de privilèges plus ou moins reconnus, privilèges que le parti Jeune Turc, depuis qu'il est au pouvoir, tend de plus en plus à restreindre.

Ces îles, en partie du moins, ont reçu les garnisons italiennes comme des libérateurs; le rétablissement du pouvoir turc inconditionnel pourrait donc amener des troubles, voire des vengeances de la part des Turcs, et dès lors une question sérieuse internationale pourrait surgir.

Votre Excellence voudra bien excuser cette longue diversion du sujet immédiat de cette lettre, mais elle s'y rattache indirectement.

Hier, en visite chez Sir Arthur Nicolson, je fis allusion aux propos de presse concernant l'alliance anglo-française et je lui dis tout franchement que je ne pourrais passer ce sujet sous silence dans ma correspondance avec vous et que je lui saurais gré de m'éclairer.

Sir Arthur me répondit que pas un mot n'avait été échangé à ce sujet entre les deux Gouvernements,que ni le Gouvernement français ni le Gouvernement anglais n'avait pris à ce sujet aucune sorte d'initiative et qu'il ne croyait pas qu'il en serait actuellement question, une pareille action étant pour le moins inopportune en ce moment-ci, qui n'est pas un moment calme, mais, à cause de la guerre actuelle, plutôt une époque de crise, de sorte que cette action ne manquerait pas de produire en Allemagne une impression de provocation fort regrettable.

Sir Arthur me donna cette dernière réflexion comme son opinion toute personnelle. Il avait d'autant plus de raison de lui donner ce caractère, que je ne crois pas me tromper en lui prêtant des opinions assez décidées en cette matière d'alliance. Trop entendu pour n'avancer autrement qu'avec la plus grande circonspection et prudence, il me semble pourtant être partisan au fond du coeur non pas seulement d'une alliance anglo-française, mais d'une Triple Alliance nouvelle, destinée à servir de contrepoids à la Triplice existante, dans l'idée qu'une pareille constellation constituerait une garantie de paix plus sûre que toute autre.

Je saurais gré à Votre Excellence de ne traiter que tout confidentiellement la supposition que j'avance sur les opinions de Sir Arthur Nicolson, rien dans ses paroles ne me permettant d'affirmer quoi que ce soit à ce sujet.

D'ailleurs son influence, quelque sérieuse qu'elle soit, ne va pas aussi loin.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Господин министр,

За последнее время я имел честь препроводить вашему высокопревосходительству несколько газетных статей по вопросу, чрезвычайно важному самому по себе, но который, как я имел основание думать, был поднят одной только прессой: это вопрос о союзе между Англией и Францией.

Эта кампания, я думаю, является косвенным результатом нескольких корреспонденций в «Times» военного корреспондента этой газеты, полковника Репингтона, одного из самых горячих сторонников соглашения Англии с Францией и Россией. Эти корреспонденции касаются военного положения Англии в Средиземном море, значительно ослабленного после ухода особой эскадры, — которую Англия держала там в течение продолжительного времени, — и, по мнению довольно многочисленной группы, недостаточно гарантированного заменой английского флота французским, пока отношения между этими странами базируются на согласии, а не на союзе.

Пребывание на Мальте премьер-министра г. Асквита в сопровождении первого лорда адмиралтейства г. Черчилля, их встреча с лордом Китченером и предполагаемое посещение Бизерты дали еще новый материал для этой дискуссии.

Какой бы частный характер ни носило это путешествие, я думаю нельзя сомневаться в том, что внимание этих государственных деятелей будет привлечено во время их разъездов на создавшееся для Англии положение.

Кроме того, в самое последнее время общественное мнение высказывает даже некоторые сомнения по поводу намерений Италии в будущем относительно нескольких занятых ею островов, в частности Родоса.

Я хотел бы только отметить мимоходом, что этот вопрос о греческих островах, принадлежащих Турции и оккупированных Италией, привлекает внимание английского правительства.

Сэр Артур Никольсон в беседе со мной коснулся этого лишь кратко и в частном порядке, но то, что его занимает, это вопрос о возвращении Турции этих островов при заключении мира. Он предвидит затруднения по этому поводу.

В совершенно частной беседе со мной г. Камбон пошел несколько дальше в этом вопросе. По мнению французского посла, здесь предстоят осложнения: простое и безоговорочное возвращение [островов], как того требует логика, вызвало бы, по его мнению, прежде всего беспокойство и волнения в Греции, так как до сих пор христианские территории, однажды занятые какой-либо христианской державой, всегда оказывались потерянными для Турции; Греция может воспользоваться этим аргументом, который, возможно, встретит отклик в грекофильских кругах, имеющихся понемногу в каждой стране.

По мнению г. Камбона простое и безоговорочное возвращение действительно не безопасно. Многие из этих островов пользовались раньше более или менее признанными привилегиями, которые младотурецкая партия, со времени своего прихода к власти, стремится все более и более ограничить.

Эти острова, по крайней мере некоторые из них, встретили итальянские гарнизоны как освободителей; безоговорочное восстановление турецкой власти могло бы, следовательно, вызвать беспорядки и даже мщение со стороны турок, и тогда мог бы возникнуть вопрос серьезного международного значения.

Прошу ваше высокопревосходительство извинить за длинное отступление от основной темы этого письма, но оно имеет к ней косвенное отношение.

Вчера, будучи у сэра Артура Никольсона, я завел речь о газетных статьях относительно англо-французского союза и сказал ему совершенно откровенно, что в своей переписке с вами я не могу обойти молчанием эту тему и был бы признателен ему за освещение этого вопроса.

Сэр Артур ответил мне, что оба правительства не обменялись ни словом по этому вопросу, что ни французское, ни английское правительство не проявили в этом отношении никакой инициативы, и он не думает, чтобы этот вопрос мог быть поднят в настоящее время, так как подобный акт был бы по меньшей мере несвоевременным в настоящий момент, который нельзя считать спокойным, а скорее кризисным в связи с происходящей войной; ввиду этого такой акт не преминул бы произвести в Германии весьма нежелательное впечатление вызова.

Сэр Артур высказал мне это последнее соображение как свое совершенно личное мнение. Придавая ему такой характер, он был тем более прав, что я думаю, что не ошибаюсь, считая, что он держится весьма решительных взглядов по вопросу о союзе. Слишком умный, чтобы не быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным в своих высказываниях, мне кажется, что в глубине души он сторонник не только англо-французского союза, но и нового тройственного союза, предназначенного служить противовесом уже существующему Тройственному союзу, исходя из мысли, что такая группировка держав создаст более твердую гарантию мира, чем всякая другая.

Я был бы признателен вашему высокопревосходительству, если бы вы считали мое предположение относительно точки зрения сэра Артура Никольсона совершенно доверительным, поскольку ничто в его словах не позволяет мне утверждать что-либо положительное по этому вопросу.

К тому же его влияние, как бы серьезно оно ни было, не простирается так далеко.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 113. Военный агент в Германии в главное управление генерального штаба.

Рапорт № 175. 31/18 мая 1912 г.

[Секретно.

Как известно, в Берлин приезжал новый австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд [1].

Приехав утром 24/11 мая, граф Берхтольд покинул Берлин 26/13 мая.

Подробности пребывания его в Берлине известны из газет. Обращает на себя внимание, что на приемах у рейхсканцлера Бетмана и министра иностранных дел Кидерлена всякий раз присутствовал начальник генерального штаба Мольтке; к рейхсканцлеру был также приглашен начальник морского генерального штаба адмирал Heeringen, брат военного министра.

В печати опровергались слухи о том, будто главной темой переговоров была столь неприятная для Германии итало-турецкая война и стремление найти, наконец, способ к прекращению ее. Однако в общество начинают проникать сведения, подтверждающие эти предположения. Положение на Балканах признается внушающим серьезные опасения; говорят, что месяца через два или три следует ожидать там серьезных событий.

Мне пришлось на этих днях говорить с здешним турецким военным агентом. Он отрицает всякую возможность соглашения с Италией. Турция, по его словам, бесповоротно решила итти до крайних пределов, хотя все сознают серьезность положения. «Мы готовы уйти в Азию, но не под давлением дипломатических нот, а лишь после крестового похода, который, может быть, в самом недалеком будущем будет объявлен против нас».

Из дальнейшего разговора можно было заключить, что в Турции имеются сторонники идеи мира с Италией при том условии, что потеря Триполи будет компенсирована приобретением в пределах Персии. Такое разрешение вопроса находится главным образом в руках России.

В случае раздела Европейской Турции наиболее трудным признается положение Германии, которая к тому же может оказаться единственной из заинтересованных держав, на долю которой не выпадет сколько-нибудь эквивалентной по сравнению с остальными выгоды.

Уже временно законченный марокканский и современный триполиский вопросы вызывают в общественном мнении Германии плохо скрываемое негодование, выражающееся в общем в следующих рассуждениях: Германия имеет лучшую и самую сильную армию и второй в мире по силе флот, которые требуют от населения громадных жертв; между тем ей приходится быть лишь свидетельницей того, как соседние более слабые державы безнаказанно расширяют свои владения.

Поэтому раздел Турции, без приобретения Германией самых существенных выгод, могущих хотя бы возместить ей убытки от потери затраченных ею в Турции громадных капиталов, естественно вызовет здесь самый серьезный протест и может заставить Германию искать компенсаций с оружием в руках.

Генерального штаба полковник Базаров.

№ 114. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 35. 31/18 мая 1912 г.

Les députés crétois.

Le Ministre des Affaires étrangères est venu nous informer que son collègue de la Justice, ayant, pour éviter les troubles qui pourraient se produire demain, proposé au Conseil des Ministres d'admettre les députés crétois sous le prétexte que c'était une séance de pure formalité et d'ajourner ensuite la Chambre

[1] Ср. № 59.

jusqu'en octobre, le Président du Conseil avait insisté pour que sa parole d'empêcher les députés crétois d'entrer fût tenue quelles que dûssent être les mesures nécessaires pour aboutir à ce résultat. Le Conseil s'étant rangé à l'opinion de Vénizélos, le Ministre de la Justice a donné sa démission. M. Coromilas [1] redoute qu'il n'y ait là pour les députés crétois et leurs partisans un encouragement à agitation et craint une effusion de sang qui entraînerait la chute du ministère [2].

S.verbéew.

Перевод.

Критские депутаты.

Министр иностранных дел уведомил нас, что его коллега министр юстиции, во избежание беспорядков, которые могли бы произойти завтра, предложил совету министров допустить критских депутатов на заседание под предлогом, что оно чисто формальное, а затем распустить палату до октября, но председатель совета настаивал на том, чтобы его обещание не допустить критских депутатов было выполнено, какие бы меры ни оказались для этого необходимыми. Ввиду того, что совет [министров] поддержал мнение Венизелоса, министр юстиций подал в отставку. Г. Коромилас опасается, как бы это не послужило для критских депутатов и их сторонников поощрением к агитации, и боится кровопролития, которое повлекло бы за собой отставку кабинета.

Свербеев.

№ 115. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 1037 [3]. 1 июня/19 мая 1912 г.

Сообщается в Лондон, Рим и Константинополь.

Получены №№ 90 и 91 [4].

Разделяю мнение Пуанкаре о неблагоприятности условий для возбуждения вопроса о конференции и о желательности все же продолжать обмен мнений по вопросу о прекращении военных действий, обмен, мною же предложенный по получении ответа Турции на предложение посредничества [5].

Идею конференции считаю непрактичной по громоздкости ее созыва и функционирования и опасности возбуждения на ней вопросов, непосредственно к предмету настоящей войны не относящихся, — и, наконец, ввиду ограничительных условий, уже выражаемых воюющими и не оставляющих никакой почвы для практического соглашения.

Предостережение, высказанное итальянскому послу, что Италия должна бы в случае занятия Митилены сама заявить державам, что не будет действовать против Проливов, считаю полезным.

Сазонов.

---

[1] Коромилас — греч. м-р ин. дел с 18/5 мая.

[2] Тел. от 1 июня/19 мая за №№ 36 и 37 Свербеев сообщил, что открытие парламента «прошло вполне благополучно». После неудавшейся попытки проникнуть в палату, критские депутаты, находившиеся в это время в Афинах, отправили делегацию к Венизелосу, который ее принял. В своем ответе он заявил, что «по политическим соображениям данного момента» депутаты не могут быть допущены в палату и что «для облегчения их возвращения на Крит правительство решило отсрочить заседание палаты до 1 октября».

В пам. зап. от 4 июня/22 мая О'Берн сообщил Сазонову, что в связи с перенесением заседаний греч. парламента на октябрь Грей считает, что задержанные на военных судах критские депутаты могут быть освобождены. 5 июня/23 мая за № 1064 Сазонов телеграфировал Шебунину: «Ввиду отсрочки заседаний афинской палаты до октября полагаем возможным ныне же освободить арестованных депутатов». В ответной тел. от 6 июня/24 мая за № 61 Шебунин сообщил: «Депутаты отпущены на свободу».

[3] Опубл. Stieve, II, S. 131, N 308.

[4] См. № 109 и стр. 96, прим. 4.

[5] См. т. XIX, № 814.

№ 116. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

/. Телеграмма № 1038. 1 июня/19 мая 1912 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Я заявляю сегодня Турхан-паше, что распространяемые в печати и принятые, повидимому, на веру оттоманским правительством слухи о намерении России воспользоваться нынешними обстоятельствами для возбуждения вопроса о Дарданеллах лишены всякого основания и что я, напротив, далек от мысли усложнять тяжелое положение Турции каким-либо выступлением [1].

Сазонов.

№ 117. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 145. 1 июня/19 мая 1912 г.

Verstraete me communique télégramme Lvoff daté 30/17 mai, contenant nouvelles instructions du Président Conseil Ministres [2]. Ce télégramme crée pour moi difficultés parce que j'avais déjà agi en vertu des instructions contenues dans votre télégramme 983 [3] sur base d'un compromis, sans pourtant avoir admis jusqu'ici que Schroeder puisse être réduit à simple participation. Je ne crois pas pourtant qu'il sera possible conclure à conditions plus favorables au point de vue liberté émission à Londres. Foreign Office tout à fait disposé à user de son influence, mais opposition d'Addis, directeur Hongkong-Schanghaï, extrêmement énergique et base son argumentation sur principe que liberté, même relative, émission pour groupe russe entraînerait même liberté pour les autres groupes et créerait difficultés presque insurmontables. Je ne suis pas encore sûr de l'appui Foreign Office concernant emprunts provinciaux. Je crains que l'Ambassadeur de France, dans son entretien avec M. Kokovtzoff, n'ait été trop loin. M. Cambon revient mardi matin [4], peut-être aura-t-il instructions plus précises, celles du Chargé d'Affaires de France, dont il s'est acquitté hier, ne vont pas plus loin qu'une invitation pressante à Foreign Office faciliter solution en usant de son influence. Autant que je sais, communications entre groupe français et M. Addis ne vont pas plus loin que celles que nécessite compromis. D'après toutes les apparences Foreign Office ne pourra pas insister sur principe liberté émission, Addis s'y refuserait quand même. Je crois que seul le procédé émission russe à Londres est discutable. Celui de la participation est, j'espère, acquis, celui d'une émission conjointe, où Hongkong-Schanghaï et Schroeder ouvrirait chacun leurs

[1] В рапорте от 23/10 июня за № 117 Хольмсен, передавая о военных мероприятиях Турции в районе Босфора, сообщал: «Все эти передвижения, очевидно, были вызваны существовавшим недавно опасением русского вмешательства в турецкие дела, и с обычной легковерностью турки поверили пущенным слухам о нашем намерении произвести высадку. Такая поспешность в принятии распоряжений без достаточной поверки пустых слухов не делает чести правящим кругам военного министерства и резко характеризует тот страх перед Россией, который заметен здесь в Турции за последние месяцы».

[2] В тел. от 30/17 мая директор общей канцелярии м-ва фин. Львов сообщал Верстрату о состоявшейся 29/16 мая беседе Коковцова с франц. послом в Петербурге. По словам Львова, Коковцов вынес из этой беседы впечатление о наличии в переговорах по поводу кит. реорганизационного займа и участия в нем России некоторых недоразумений, которые необходимо устранить во избежание неудачи переговоров. В связи с этим Коковцов изложил главные принципы, которые необходимо положить в основу переговоров: а) участие России через посредство русских банков в операциях на основе полного равенства с другими пятью державами; б) включение в контракт или дополнительный протокол оговорки, касающейся специальных интересов России в Монголии, Манчжурии и Китайском Туркестане; в) сохранение полной свободы русских участников помещать русскую долю займа на рынках, которые покажутся им более удобными; г) равенство всех держав в отношении права реализации через свои банки провинциальных, частных и других займов независимо от Консорциума.

[3] См. № 82.

[4] 4 июня/22 мая.

guichets, extrêmement difficile à obtenir. J'attends arrivée Verstraete ici pour continuer négociations. Crois son arrivée très nécessaire. Sollicite instructions supplémentaires [1].

Benckendorff.

Перевод.

Верстрат сообщил мне телеграмму Львова от 30/17 мая, содержащую новые инструкции председателя совета министров. Эта телеграмма создает для меня затруднения, потому что я уже начал действовать согласно инструкций, содержащихся в вашей телеграмме 983, на базе компромисса, не согласившись, однако, до настоящего времени на то, что [роль] Шредера может свестись к простому участию. Я не думаю, однако, что можно будет заключить [соглашение] на условиях, более благоприятных с точки зрения свободы эмиссии в Лондоне. Foreign Office вполне готово использовать свое влияние, но противодействие со стороны Аддиса, директора Гонконг-Шанхайского банка, чрезвычайно энергично, и свои доводы он основывает на том, что даже относительная свобода эмиссии для русской группы повлечет за собой такую же свободу для других групп и создаст почти непреодолимые затруднения. Я еще не уверен в поддержке Foreign Office в вопросе о провинциальных займах. Боюсь, что французский посол в своей беседе с г. Коковцовым зашел слишком далеко. Г. Камбон возвращается во вторник утром, может быть его инструкции будут более определенны; инструкции французского поверенного в делах, выполненные им вчера, не шли дальше настойчивой просьбы к Foreign Office использовать свое влияние, чтобы облегчить разрешение вопроса. Насколько мне известно, обсуждение между французской группой и г. Аддисом не идет дальше, чем этого требует компромиссное решение. По всем признакам, Foreign Office не сможет настаивать на принципе свободы эмиссии; Аддис все равно не согласится на это. Я думаю, что только самая форма русской эмиссии в Лондоне является спорной. Вопрос об участии, я надеюсь, можно считать решенным; добиться совместной эмиссии, при которой Гонконг-Шанхайский банк и банк Шредера одновременно производили бы операции, чрезвычайно трудно. Ожидаю приезда сюда Верстрата для продолжения переговоров. Считаю приезд его весьма необходимым. Прошу дополнительных инструкций.

Бенкендорф.

№ 118. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 92 [2]. 1 июня/19 мая 1912 г.

По достоверным сведениям, Deutsche Bank, нуждающийся в средствах для работ на Багдадской железной дороге, обратился к Оттоманскому банку с требованием оплатить оставшуюся у него нереализованной часть облигаций на сумму около 60 000 000 франков и, в противном случае, отказаться как от этой части, так и от участия в будущих выпусках. Оттоманский банк, за недостатком собственных (средств), обратился к французскому правительству с ходатайством о разрешении реализовать сказанную часть при посредстве других французских банков. Правительство опасается, с одной стороны, что, в случае отказа, Франция будет совершенно исключена из багдадского предприятия, а с другой, что подобная, хотя и неофициальная, реализация будет истолкована как первый шаг к допущению германских ценностей на парижский рынок. Существует предположение обратиться за помощью к английским банкам. Вопрос этот обсуждается специально в совете министров. Буду следить за его развитием.

Извольский.

№ 119. Военный агент в Черногории генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 851. 1 июня/19 мая 1912 г.

Секретно.

Со времени возвращения моего, в конце прошлого марта, из отпуска король Николай не упускает ни одного свидания со мною, чтобы не спро-

[1] В тел. от 31/18 мая Верстрат просил Львова заверить м-ра фин., что никаких недоразумений (см. стр. 103, прим. 2) не имеется, что позиция его совершенно ясна для Консорциума и что сделанные им заявления полностью совпадают с ответом м-ра франц. послу.

[2] Опубл. Stieve, II, S. 131, N 307.

сить меня, когда же, наконец, будут отправлены из Одессы сосредоточенные там для Черногории грузы [1], о чем его величество окончательно осведомился из бесед своей и своего генерал-адъютанта, бригадира Митра Мартиновича, с его высокопревосходительством военным министром, за время пребывания своего в Петербурге. При этом в обращенных ко мне по указанному поводу вопросах король бывает иногда настолько нервно раздражителен, что высказывает даже предположения, будто Россия попросту обманывает его, не желая исполнить свое давнишнее обещание — вооружить как следует Черногорию.

Каждый раз в таких случаях я терпеливо убеждаю короля не волноваться и ссылаюсь на сообщенную мне при письме от [3 апреля] 21 марта сего года за № 291 [2] копию преподанных его высокопревосходительством начальником генерального штаба указаний, в силу которых время отправки в Одессу черногорского приемщика будет примерно установлено между [28] 15 мая и [14] 1 июня сего года. Вместе с тем я указываю на трудность и даже рискованность доставки какого бы то ни было военного груза в Черногорию во время итало-турецкой войны, так как, помимо возможности конфискации или задержания этого груза, могут иметь место и обвинения со стороны Турции, что Россия нарушает нейтралитет, вооружая в такое время Черногорию, ибо вооружения эти могут считаться Турцией направленными исключительно против нее.

Однако эти последние доводы мои король позволял себе резко называть иногда «пустыми отговорками» и с горячим убеждением всякий раз высказывал, что со стороны Турции не может встретиться в указанном отношении никаких препятствий, ибо она, даже во время войны своей с Италией, давала и продолжает давать Сербии разрешение на перевозку через ее, турецкую, территорию (из Салоник на Ниш) приобретаемого Сербией за границей оружия.

Каждый раз беседа заканчивается просьбой короля телеграфировать в Петербург, чтобы военные материалы были немедленно же отправлены из Одессы. Но я предпочитал ожидать извещения главного управления генерального штаба, назначенного на период между [28] 15 мая и [14] 1 июня.

О всем вышеизложенном я считаю долгом донести ввиду полученного мною с последним курьером ([25] 12 мая) письма вашего превосходительства от [22] 9 апреля за № 430 [3], которое сообщает мне для личного моего сведения, что, вследствие мнения министра иностранных дел о необходимости предварительных сношений с итальянским и турецким правительствами по вопросу об отправке в Черногорию нашего военного груза, его высокопревосходительство за военного министра помощник военного министра [18] 5 минувшего апреля приказал с отправлением из Одессы в Черногорию транспорта военных материалов и предметов обождать.

По этому поводу я позволяю себе высказать мое скромное мнение, что раз уже решено названный военный груз отправить в Черногорию и об этом доведено до сведения короля, то, ввиду проявляемой уже последним из-за означенного вопроса нервности, дальнейшая задержка этого груза в Одессе

[1] В докладной записке по генеральному штабу от октября 1912 г. сообщалось следующее: «Согласно статьи 1-й особого акта, приложенного к военному между Россией и Черногорией соглашению, Россия приняла на себя обязательство отпускать ежегодно, начиная с мая 1910 г., черногорскому правительству, между прочим, по 1 000 000 трехлинейных винтовочных патронов. Подлежащие отпуску Черногории по сроку 1910 и 1911 гг. патроны, в количестве 1 666 000 штук, были подготовлены к отправке в прошлом 1911 г. вместе с другими предметами вооружения и военными материалами и сосредоточены в г. Одессе для дальнейшего отправления морем в Антивари. Однако [31] 18 октября 1911 г. его высокопревосходительству военному министру угодно было приказать задержать отправку всей партии предметов, сосредоточенных в Одессе, впредь до окончания военных действий между Турцией и Италией».

[2] Указанное письмо в делах Военно-Исторического Архива не обнаружено.

[3] Содержание указанного письма Данилова изложено в публикуемом документе.

может сильно испортить отношение господаря к России вообще, а в частности к работающим здесь инструкторам, а потому я лично полагаю в высшей степени желательным, чтобы наше министерство иностранных дел предприняло теперь же необходимые, по его мнению, сношения с правительствами обеих воюющих сторон, чтобы предназначенный для Черногории военный транспорт мог прибыть сюда не позже июля месяца. Последнее необходимо, чтобы с имеющимися в Черногории примитивными средствами успеть разгрузить этот транспорт и развезти полученные с ним военные материалы по магазинам еще до наступления (в половине августа) дождливого осеннего периода (в порту сложить эти материалы негде). В противном случае пришлось бы отложить отправку названных материалов до будущей весны, что, как я упомянул выше, может вызвать со стороны господаря нежелательное отношение к России.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Генерального штаба генерал-майор Потапов.

№ 120. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 40. 1 июня/19 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как вашему высокопревосходительству известно, установленные между банкирами и китайским министром финансов условия выдачи китайцам последнего аванса, сделанного Четверным консорциумом [1], не представляются особенно суровыми, так как в основание их легли контрпредложения самих китайцев и они могут даже считаться за минимум необходимого надзора и контроля [2].

Тем не менее из-за этих неизбежных уступок, сделанных требованиям банкиров, правительство подверглось в палате представителей самым яростным нападкам, и проникнутые национализмом депутаты лишь в силу необходимости покорились уже совершившемуся факту и дали свое согласие на заключенную кабинетом министров с Консорциумом сделку.

Проявившееся в палате враждебное отношение к иностранному займу нашло широкий отклик по всей стране. За последнее время как президентом республики, так и советом министров и палатой представителей получены со всех концов Китая многочисленные телеграммы, протестующие против заключения займа у иностранцев и обвиняющие правительство в недостатке патриотизма и неумелом ведении финансовых переговоров. Очень резкая телеграмма в этом смысле была получена от нанкинского наместника Хуан-Сина, заявившего, что иностранный контроль будет гибелен для Китая, и предложившего прибегнуть к патриотизму народа, объявив подписку на внутренний заем. Известный Сун Ят-сен равным образом высказался в Кантоне против внешнего займа, и агитация в этом направлении сильно распространяется по всему Югу.

Хотя идея о патриотическом внутреннем займе и завоевала себе весьма быстро очень много сторонников среди националистически настроенных общественных кругов и органов печати, тем не менее невозможно рассчитывать, даже вполне допуская во многих случаях искренность этого порыва, чтобы подобная подписка увенчалась действительным успехом и предоставила в распоряжение правительства достаточные средства хотя бы для уплаты войскам просроченного содержания и для других текущих нужд.

Другой рекомендуемый с разных сторон способ пополнения государственного казначейства путем выпуска бумажных денег с принудительным курсом равным образом не обещает успеха, а вместе с тем является крайне опасным для финансов Китая.

[1] См. стр. 86, прим. 3.
[2] См. № 4 и стр. 3, прим. 2.

Как бы то ни было, однако, правительству несомненно придется в будущем считаться с явно выраженным парламентом и всей страной, под влиянием пробуждения национального чувства, враждебным отношением ко всякому иностранному финансовому вмешательству и контролю, что грозит привести в вопросе о предполагаемом крупном займе у Консорциума к непреодолимым затруднениям.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 121. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 2 июня/20 мая 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Je crois devoir attirer l'attention spéciale de Votre Excellence sur l'article de fond ci-joint, paru ce matin dans «l'Observer», et sur une correspondance de St.-Pétersbourg du même journal, assez importante [2].

Ces deux pièces méritent d'être considérées, parce que, mieux que tout ce que j'ai eu sous les yeux jusqu'ici, elles reflètent les points de vue qui occupent l'opinion publique dans le sens sérieux du mot, et reproduisent l'esprit dans lequel ces questions sont abordées par la majorité. Je ne voudrais pourtant pas affirmer que cette majorité est d'ores et déjà acquise à une alliance avec la France. Les choses ne vont pas si vite en Angleterre. Il y a seulement, qu'aiguillonnée par la section du public anglais qui commence à pencher vers l'Allemagne, sous diverses impulsions fort peu déterminées et nullement patriotiques au premier chef, — cette majorité commence à éprouver quelqu'inquiétude et à trouver qu'un état de choses basé sur des ententes seulement n'est pas entièrement suffisant.

«L'Observer» fait partie d'un groupe de journaux importants, syndiqués depuis peu sous la direction d'un publiciste de talent, M. Garvin, avec lequel j'ai eu certains rapports personnels et qui en plus est, je crois, quelquefois inspiré par le ministère des Affaires étrangères. Il est dans la nature des choses qu'il donne aux indications qu'il peut recevoir de ce côté un relief plus accentué que le vrai esprit de ceux qui guident la politique anglaise.

Il n'y a pas de doutes que la nomination au poste d'Ambassadeur d'Allemagne à Londres du baron de Marschall a précipité l'agitation. Le bruit de presse fort exagéré fait autour de cette nomination a, d'ailleurs, déjà le résultat qui était à prévoir: une réaction assez sensible se manifeste et se traduit tout d'abord par les nombreuses preuves de sympathie données par le public et même le Gouvernement au comte de Metternich, l'Ambassadeur sortant.

C'est en vue de ces considérations que j'ai cru devoir appuyer dans ma correspondance télégraphique sur l'affaire Malecka et lui attribuer à ce point de vue une importance que le cas n'eut guère mérité en d'autres circonstances.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 384, N 622.

[2] Приложенная к письму Бенкендорфа передовая статья из «Observer» от 2 июня/20 мая была посвящена вопросу об англо-французском союзе и подчеркивала абсолютную его необходимость: «Единственно, что несомненно — это то, что если мы не решимся согласиться на условия франко-английского союза, мы окажемся перед весьма дорого стоющей альтернативой». «Англия и Франция должны быть безусловно уверены друг в друге, морально и практически, не только в настоящий момент, но и на такой период в будущем, о каком должны заранее заботиться все разумные нации». «В настоящий момент сердечное согласие сильнее чем когда-либо. Если снова будет поднят путем интриг или неожиданным ходом событий вопрос о том, станут ли отношения между ними [Англией и Францией] еще более тесными или наоборот, то мы не сомневаемся в том, какой путь изберут обе страны. Они будут союзницами во что бы то ни стало». Вторая статья из Петербурга под заголовком «Русская загадка» посвящена вопросу о внешней политике России.

Перевод.

Господин министр,

Считаю долгом обратить особое внимание вашего высокопревосходительства на прилагаемую при сем передовую статью, появившуюся сегодня утром в «Observer», и на корреспонденцию из Петербурга в той же газете, имеющую некоторое значение.

Эти две статьи заслуживают внимания потому, что они лучше, чем все, что́ мне пришлось до сих пор читать, отражают взгляды, на которые обращено внимание общественного мнения в серьезном смысле этого слова, и воспроизводят точку зрения большинства на эти вопросы. Однако я не стану утверждать, что это большинство уже теперь готово принять союз с Францией. В Англии дела так быстро не делаются. Можно только констатировать, что в связи с позицией части английского общества, которая по различным, крайне неясным и прежде всего отнюдь не патриотическим побуждениям, начинает склоняться в сторону Германии, это большинство начинает испытывать тревогу, считая, что положение, основанное только на «согласии», недостаточно надежно.

«Observer» принадлежит к группе крупных газет, недавно объединенных под руководством талантливого публициста г. Гарвина, с которым я имел кое-какие личные отношения и который к тому же, мне кажется, получает иногда указания из министерства иностранных дел. В порядке вещей, что он придает более решительную форму, чем это отвечает истинному настроению руководителей английской политикой, тем указаниям, которые он получает с этой стороны.

Нет сомнения, что назначение барона Маршалла на пост германского посла в Лондоне содействовало возбуждению общественного мнения. Впрочем, сильно преувеличенная шумиха, поднятая прессой по поводу этого назначения, уже возымела то действие, которое можно было предвидеть: наступила довольно заметная реакция, сказавшаяся прежде всего в многочисленных проявлениях симпатии со стороны общества и даже правительства по отношению к отъезжающему послу, графу Меттерниху.

В силу именно этих соображений я счел долгом настаивать в своих телеграммах на деле Малецкой и приписывать ему с этой точки зрения значение, которое оно не имело бы при иных обстоятельствах.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 122. Дипломатический агент в Каире министру иностранных дел.

Депеша № 19. 2 июня/20 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посетившие остров Мальту английские министры Асквит и Черчилль встретились там с лордом Китченером, нарочно прибывшим для этого свидания из Египта [1]. При этой встрече имелось, повидимому, в виду рассмотреть некоторые вопросы относительно изменившегося, вследствие итало-турецкой войны, положения в Средиземном море.

Сколько можно судить по слухам и по отрывочным газетным сведениям, главным образом предстояло решить, может ли Англия, при настоящих обстоятельствах, уменьшить количество своих судов в Средиземном море и следует ли увеличить численность английских сил в долине Нила.

По газетным сведениям, лорд Китченер решительно высказался против уменьшения количества британских судов в Средиземном море и даже просил о присылке особого броненосца для постоянного пребывания у берегов Египта.

Неизвестно еще, рассматривался ли министрами вопрос о присылке новых английских войск в Египет и какое решение было принято. Здешние газеты утверждают, что, так как ввиду событий в Средиземном море положение острова Мальты совершенно изменилось, Великобритания пришлет сюда до 30 000 войск, чтобы перенести свой операционный базис за Средиземное море ближе к Суэцкому каналу, имея в виду защиту своих интересов не только в Египте и Судане, но также в Южной Африке, в Индии и даже в Австралии.

Вопрос об увеличении контингента британских сил в Египте служит за последнее время предметом частых обсуждений в лондонской печати. Статьи английских газет подробно и горячо обсуждаются в Египте и вызывают здесь напряженное и несколько тревожное, ввиду грядущих событий, настроение.

Лорд Китченер на-днях ожидается уже обратно в Каир.

Примите и пр. Алексей Смирнов.

[1] См. № 55.

№ 123. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Донесение № 231. 2 июня/20 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тотчас по получении письма государя императора на имя короля шведского, препровожденного мне при письме вашего высокопревосходительства от 28/15 сего мая [1], я передал его министру иностранных дел для вручения по высокому назначению.

Вчера, по поручению короля, граф Эренсверд сказал мне, что письмо его величества было ответное на то, которое король написал несколько времени тому назад государю императору и в котором он напоминал милостивые слова его величества, сказанные в 1909 г. в Тульгарне о желательности снова встретиться в ближайшем будущем [2]. В своем письме король предлагает государю императору прибыть этим летом совместно с королевой в русские воды, по окончании здесь олимпийских игр. Его величество соизволил на вышеизложенное и предложил королю и королеве встретиться в «одном из русских портов», как сказал мне граф Эренсверд, приблизительно 25 июля нового стиля. К этому министр прибавил, что с обеих сторон высказано было пожелание, чтобы свидание носило чисто семейный характер, без участия официальных лиц [3].

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 124. Министр иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

Телеграмма № 1049. 3 июня/21 мая 1912 г.

Львовское дело.

Ваша телеграмма № 41 получена [4].

Благоволите разъяснить дружественным образом графу Берхтольду, что немедленное обнародование нашей переписки было единственным средством побудить членов Государственной думы не настаивать на своем запросе [5] и несколько успокоить здесь общее возбуждение, начинавшее принимать такие размеры, что это могло вредно отразиться на наших взаимных отношениях. Предупреждая об этом здешнего австро-венгерского поверенного в делах, я просил его уведомить Берхтольда о предстоявшем напечатании

[1] В письме от 28/15 мая Сазонов просил Савинского передать письмо Николая II королю Густаву через шведского м-ра ин. дел. Сазонов указывал, что это письмо является ответом на письмо короля Густава, переданное Николаю II через Сазонова шведским посланником в Петербурге.

[2] Николай II был в Швеции в июне 1909 г.

[3] В письме от 10 июня/28 мая Савинский передавал, со слов англ. посланника, что письмо короля Густава Николаю II было написано «по просьбе тех здешних политических кругов, которые отнеслись с порицанием к печатным выступлениям гг. Свен Хедина и Фальбека против России» (см. т. XIX, №№ 463, 854). Англ. посланник добавил, что «на одном обеде в честь короля он слышал, как король будто бы сказал, что при личном разговоре ему было бы легко объяснить государю императору, что Свен Хедин — частное лицо, что ни он, король, ни его правительство не разделяют его взглядов и не сочувствуют образу его мыслей». На письме имеется помета Николая II, датированная — Царское Село, 18/5 июня 1912 г.: «Встреча будет на море по окончании Олимп[ийских] игр».

[4] Тел. от 1 июня/19 мая за № 41 Н. Гирс передавал Сазонову свою беседу с находившимся в Вене австро-венг. послом в Петербурге Турном. «Он сообщил мне доверительно, — телеграфировал Гирс, — что министр иностранных дел очень огорчен и удивлен несогласным с традициями опубликованием у нас в газетах его частных писем ко мне без предварительного его согласия, на получение которого не было дано времени поверенному в делах в Петербурге. Вследствие сего министр иностранных дел считает нужным впредь быть осторожнее и будет избегать говорить со мной об этом деликатном вопросе». «Я просил Турна, — заканчивал Гирс, — до его отъезда осведомиться о ходе следствия во Львове, так как всякое замедление в этом вопросе отразится неблагоприятно на наших отношениях с Австрией».

[5] См. стр. 97, прим. 2.

переписки и о причинах, его вызывавших. К тому же у нас было принципиальное согласие графа Эренталя на такое напечатание в подобном же случае минувшей осенью. Два дня тому назад Силаши передал мне по поручению графа Берхтольда, что последний считает отныне львовский инцидент исчерпанным. Я ответил, что не могу стать на эту точку зрения и что мы будем ожидать выполнения австрийским правительством данного нам обещания строго расследовать дело и наказать виновных.

Сазонов.

№ 125. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 523. 3 июня/21 мая 1912 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Письмом от [29] 16 с. мая № 543 [1] ваше высокопревосходительство изволили запрашивать моего заключения относительно того, следует ли нам настаивать на включении в контракт между финансовыми группами, берущими на себя реализацию китайского реорганизационного займа, оговорки о наших специальных правах в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае, или же мы можем оставить этот вопрос открытым в надежде оградить сказанные наши интересы дипломатическими настояниями перед державами.

В ответ считаю долгом уведомить, что я также предвижу большие затруднения к включению вышеупомянутой оговорки в контракт между финансовыми группами. Я полагаю, однако, что из этого затруднения мы можем выйти менее для нас неудобным путем, чем оставление открытым вопроса о специальных правах наших в северных областях Китая. Мне казалось бы возможным добиться с этой целью занесения нашей соответствующей оговорки в протокол совещания заинтересованных банкиров. Как я вижу из разговора вашего высокопревосходительства с французским послом, любезно сообщенного мне вами при записке от [1 июня] 19 с. мая, № 583, г. Луи обещал нам для такого решения поддержку французского правительства [2]. С другой стороны, японский посол уведомил меня, что токийский кабинет также предписал своему представителю на лондонском совещании банкиров требовать включения в протокол этого совещания аналогичной оговорки касательно японских специальных интересов [3]. Эту японскую оговорку предположено редактировать следующим образом: «Le groupe financier

[1] В письме от 29/16 мая за № 543 Коковцов писал: «По мнению Верстрата, со стороны представителей финансовых групп не встретится препятствий к включению в подлежащий заключению между означенными группами контракт оговорки о том, чтобы выручка от реализации реорганизационного займа не была обращаема на местные нужды отдельных областей Китая, особенно Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана. Однако пока, повидимому, еще не последовало со стороны иностранных банкиров формального согласия на включение означенной оговорки, ввиду чего нельзя быть вполне уверенным в том, что эта оговорка будет принята, тем более что между русской и другими финансовыми группами остаются еще не устраненными разногласия по ряду вопросов». Коковцов запрашивал мнение Сазонова.

[2] При записке от 1 июня/19 мая за № 583 была препровождена тел. Львова от 30/17 мая (см. стр. 103, прим. 2). Относительно поддержки франц. прав-ва, о которой упоминает Сазонов, в ней ничего не сказано.

[3] В пам. зап. япон. пос-ва в Петербурге от 24/11 мая сообщалось о предложении, сделанном на лондонской конференции япон. группой относительно включения в контракт Консорциума оговорки о специальных правах и интересах Японии в Манчжурии и Монголии. Представители групп четырех держав, — сообщалось далее в записке, — ответили, что включат эту оговорку, если кит. прав-во сделает правительствам шести держав в письменной форме заявление о том, что оно не имеет против этого возражений. При этом Консорциум банкиров отказывался взять на себя переговоры с кит. прав-вом по этому вопросу. Представитель япон. группы запросил инструкций япон. прав-ва, которое ответило, что считает неуместным вступать по этому поводу в переговоры с кит. прав-вом, и предложило включить в протокол совещания приводимое в публикуемом документе заявление.

du Japon participera aux emprunts du Consortium sous cette condition qu'aucune atteinte ne sera portée aux droits et intérêts spéciaux que le Japon possède dans la Mandchourie du Sud et dans la partie Est de la Mongolie Intérieure avoisinant à la Mandchourie du Sud par le fait desdits emprunts» [1].

При сем считаю долгом препроводить в копии последнюю полученную мною по делу китайского займа телеграмму посла нашего в Лондоне от [1 июня] 19 с. мая, № 145 [2]. Я полагаю, что при настоящем положении вещей присутствие г. Верстрата в Лондоне особенно необходимо, чтобы дать возможность графу Бенкендорфу настаивать перед английским правительством, со всеми необходимыми данными в руках, на решении вопроса о русском участии в китайском займе на желательных для нас условиях.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 126. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 383. 3 июня/21 мая 1912 г.

Копия в Белград.

Затяжной конфликт, вследствие назначения Дожича митрополитом Призренским [3], вызвал на троицын день беспорядки в Приштине [4] и новый протест перед патриархией большинства сербских общин. Сербский посланник вновь обратился к патриарху с заявлением о необходимости удовлетворить желание сербского правительства. Я поддержал посланника, повторив патриарху настоятельные советы императорского правительства безотлагательно принять меры к скорейшему умиротворению рашко-призренских сербов в смысле предложений сербского правительства.

Гирс.

№ 127. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Депеша № 8. 3 июня/21 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Подробное и всестороннее ознакомление с положением дел в Македонии, порученное оттоманским правительством специальной реформенной комис-

[1] «Японская финансовая группа будет участвовать в займах Консорциума при том условии, что этими займами не будет нанесено никакого ущерба специальным правам и интересам, которые Япония имеет в Южной Манчжурии и в восточной части Внутренней Монголии, прилегающей к Южной Манчжурии».

[2] См. № 117.

[3] См. т. XIX, №№ 295 и 323.

[4] В донесении от 4 июня/22 мая за № 131 (копия в К-поль за № 130) консул в Митровице Лобачев сообщал в первый департамент м-ва ин. дел, что 29/16 мая он выезжал в Приштину «для негласного расследования прискорбного случая, самым неприятным образом поразившего православное население вверенного моему наблюдению округа». «В день св. троицы, — писал Лобачев, — в приштинской сербской церкви на великом выходе протоиерей Иосиф Спасич вместо обыкновенного упоминания патриарха провозгласил впервые имя Гавриила Дожича, «рашко-призренского митрополита». Тотчас на амвон выскочил член общинской управы торговец Мана Филиппович и крикнул на всю церковь: «долой Дожича»; в ответ противная сторона крикнула: «живио Дожич», и в ту же минуту среди церкви началась свалка и общая потасовка, во время которой пущены были в ход палки; торговец Мана был избит больше других. Священство не пострадало лишь потому, что укрылось в алтарь. Драка длилась около получаса; бывший в церкви полицейский Косто Роман (серб) выскочил на двор и стал стрелять, сзывая полицию; появление последней испугало драчунов, и безобразия прекратились, хотя полиция внутрь церкви не входила; на другой день в той же церкви одна сербка из партии Дожича ударила священника Апостола Поповича при раздаче просфор. Во время драки в церкви присутствовало сербское консульство в полном составе. Несколько дней спустя мутесариф приштинский позвал к себе протоиерея Иосифа и запретил ему поминать Дожича».

«Ознакомившись со всеми этими подробностями на месте, — заканчивал Лобачев, — я вынес глубокое убеждение в том, что скандал этот был подготовлен как с ведома обеих партий, так и сербского консульства в Приштине, и новое повторение его весьма возможно, по крайней мере об этом открыто мне говорили сами члены общины».

сии, руководимой министром внутренних дел Хаджи Адиль-беем, повидимому, выяснило правительственной партии тот печальный факт, что в проведении реформ в разных отраслях гражданского управления этой области за последние годы не только не было сделано шага вперед, но и не удалось сохранить то, что уже было достигнуто до 1908 г. при содействии гражданских агентов и иностранных инструкторов.

Неспособность и неподготовленность турецкой администрации и политических деятелей к роли реформаторов едва ли подлежит более сомнению даже и для поклонников младотурецкого режима, и мысль о необходимости снова прибегнуть в деле реформ к опыту и знаниям иностранцев начинает мало-помалу здесь зарождаться.

Как вашему высокопревосходительству уже небезызвестно из представленного в министерство в копии донесения консула нашего в Монастыре от [17] 4 сего мая за № 129 [1], желательность привлечения на турецкую службу в Македонии европейских инструкторов уже открыто высказывается некоторыми тамошними младотурецкими деятелями и офицерами. То же мнение выражал, как передавали коллежскому советнику Петряеву [2], и министр внутренних дел в своих беседах с иностранными членами реформенной комиссии, не скрывавший, однако, сомнения найти по этому вопросу поддержку в своих сотоварищах по кабинету.

Этот хотя еще и слабый поворот общественного мнения в пользу призыва к содействию иностранцев нашел уже отклик и в константинопольской турецкой печати. Газеты «Танин», «Сабах» и «Хакк» посвятили статьи обсуждению этого вопроса, высказываясь осторожно, но скорее в благоприятном смысле.

Конечно, было бы слишком рано придавать чрезмерное значение новому настроению некоторых членов правительственной партии и общественных кругов, но я все же считаю долгом отметить это явление и не премину внимательно следить за его развитием.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 128. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

-/. Депеша № 9. 3 июня/21 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей от [31] 18 сего мая за № 375, имею честь препроводить при сем для сведения вашего высокопревосходительства копию идентичной нотисы по поводу котурского инцидента, врученной драгоманами российского и великобританского посольств [1 июня] 19 сего мая г. Куюмджиану, заменявшему в этот день отсутствовавшего министра иностранных дел [3].

Как вы изволите усмотреть, заключительная часть нашего протеста составлена в выражениях, несколько отличающихся от указаний, преподанных мне в телеграмме от [29] 16 мая за № 1012 [4]. Считаю долгом объяснить, что в составленной мною первоначальной редакции названного документа указывалось на несоответствие турецких действий «aux assurances pacifiques

[1] Указанное донесение в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] Петряев — росс. консул в Битоли (Монастыре).

[3] Тел. от 31/18 мая за № 375 М. Гирс передавал Сазонову, что 1 июня/19 мая будет вручена турец. прав-ву росс. и англ. пос-вами тождественная нотиса о Котуре. В этой нотисе, врученной 1 июня/19 мая за № 640, указывалось на нападение турец. войск на перс. деревни Котурской провинции и обращалось «самое серьезное внимание оттоманского императорского правительства на тот факт, что статья 60-я Берлинского трактата устанавливает передачу города Котур Персии и что действие, направленное против бесспорно персидских владений, не соответствует этому постановлению».

[4] См. № 94.

données à plus d'une reprise par le Gouvernement ottoman»[1]. Мой британский коллега, ознакомившись с проектом нотисы, заявил мне, однако, что он затрудняется мотивировать протест турецкими миролюбивыми заверениями, которые не были ему никогда высказаны.

Считая, ввиду слухов, изложенных в телеграмме моей от [2 июня] 20 сего мая за № 380[2], существенно важным скорейшее предъявление совместного протеста, я принужден был принять редакцию, основанную на противоречии турецких действий лишь самой статье 60-й Берлинского трактата.

Что касается вообще котурского инцидента, то, вполне признавая необходимость протеста против перехода турецкими солдатами границы, я позволяю себе думать, что в данном случае идет речь об обычном пограничном столкновении, а отнюдь не о намерении турок произвести и закрепить за собою новый захват, так как Котур доныне не включался ими в зону их притязаний. Донесение вице-консула в Хое от [7 мая] 24 апреля с. г. за № 709[3], являясь доказательством предумышленности турецкого нападения на Симко, в то же время подтверждает, что основной целью турок являлась карательная экспедиция против стойкого курдского вождя, имеющего с турками личные счеты.

Не касаясь важности для нас так или иначе поддержать Симко, ввиду соображений, изложенных в означенном донесении коллежского ассесора Чиркова, я позволю себе лишь подчеркнуть крайнюю желательность для нас удерживать названного курда от всяких выступлений, могущих усложнить положение как раз в том единственном пункте границы, относительно прав на который нет сомнений. Как бы храбр и энергичен ни был Симко, борьба его с турецкими силами была бы эфемерной, если бы турок не отделяла от Котура ясная статья 60-я Берлинского трактата. Ввиду этого я полагал бы, что нам следует сосредоточить наше внимание на истинно спорных пунктах границы, где доказательство персидских прав, вероятно, не обойдется без нашего участия[4].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 129. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

-/. Письмо[5]. 3 июня/21 мая 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Происходивший с глазу на глаз последний разговор мой с Ассим-беем на дипломатическом приеме [27] 14 сего мая имел характер вполне интимной беседы, чем я воспользовался для того, чтобы вкратце подвести итоги существующих русско-турецких отношений, некоторую натянутость коих я объяснил главным образом неразрешенностью вопросов железнодорожного и персидского.

На вопрос моего собеседника, каким образом могло бы быть достигнуто разряжение атмосферы, сгустившейся вокруг персидской границы, я выразил убеждение, что чувство недоверия, замечаемое в России по отношению к Турции, вызвано турецким движением вперед и что на этой именно почве туркам и надлежало бы озаботиться устранением дурного впечатления; доказательство своего желания мирно разрешить пограничный вопрос они могли бы дать путем обратного отозвания турецких отрядов.

[1] «мирным заверениям, дававшимся неоднократно оттоманским правительством».

[2] Тел. от 2 июня/20 мая за № 380 М. Гирс сообщал: «Вчера в газетах также появилось известие о посылке из Вана в Котур войсковой части с двумя пушками».

[3] Указанное донесение Чиркова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] На полях рукой Клемма помета: «Сообщить миссии в Тегеран и консульствам в Хое и Тавризе и посольству в Лондоне. Литографий рассылать не надо».

[5] На полях помета рукой Клемма: «Сообщить Поклевскому и Бенкендорфу. Литографий рассылать не надо».

Ассим-бей осведомился, подразумеваю ли я в данном случае отступление турецких отрядов в «спорную зону», показав таким образом ясно, что даже, по его мнению, турки выдвинулись за пределы тех местностей, принадлежность коих могла бы еще вызвать сомнение. Я поспешил, однако, разъяснить, что имею в виду восстановление status quo до 1905 г., когда турки, воспользовавшись войной в Манчжурии, внезапно нарушили фактическое владение, многие годы существовавшее на границе. Для характеристики неясности для нас турецких намерений я указал, что известные уверения Джабир-паши, будто бы турки не продвинулись за «линию Минорского», находятся в противоречии с фактами, так как в последнее время были посланы аскеры в Дильман и Балистан, где они находятся и до сих пор. Что касается до заявления о том, что пограничный вопрос есть наследие старого режима, то ярким опровержением их [1] служит занятие Сулдуза, происшедшее у всех на глазах в 1910 г.; округ этот доныне не эвакуирован турками, несмотря на обещания о том Рифаат-паши [2], данные российскому и британскому послам.

Не решаясь высказаться, не посоветовавшись со своими сотоварищами, Ассим-бей усиленно просил меня временно ничего не сообщать вашему высокопревосходительству, на что я выразил согласие, и записал названия перечисленных мной пунктов, причем я не упустил случая подчеркнуть ему особое значение Сулдуза.

Вместе с тем турецкий министр иностранных дел, как бы возобновляя вопрос, поднятый им в феврале с. г. (телеграмма вашего высокопревосходительства от [22] 9 февраля, № 99 [3]), осведомился относительно той позиции, которую мы можем занять при том или ином решении пограничного вопроса, и интересовался знать, не собираемся ли мы в случае, если турецкие отряды будут оттянуты, сами продвинуться вперед.

Я ответил, что вопрос идет лишь о прекращении *турецкого* наступательного движения, только и вызвавшего принятие нами соответственных мер, и что вообще до сих пор мы не давали повода думать, что производим наши настояния для того, чтобы самим стать на место турок.

В заключение я коснулся вопроса о приготовлениях к посылке отряда в Персидский Курдистан, по поводу которого ваше высокопревосходительство изволили телеграфировать мне [12 мая] 29 апреля за № 877 [4]. Ассим-бей подтвердил, что в Сенне послано лишь 30 аскеров и ни о каком дополнительном *отряде* речи в настоящий момент не идет. Для большей убедительности он при мне же объяснился по телефону с Махмуд-Шевкет-пашой, настоятельно прося его не увеличивать конвоя в Сенне. На случай, если бы к тому турки были вынуждены какими-нибудь особыми обстоятельствами, Ассим-бей обещал предварительно уведомить меня и во всяком случае послать не отряд, а лишь подкрепление в несколько человек.

Почитаю долгом повторить, что разговор наш носил совершенно интимный характер и что высказанные при этом Ассим-беем намерения никакого пока обязательного значения не имеют. Полагаю при всем том нелишним довести о них вполне доверительно до вашего сведения.

Примите и пр.

М. Гирс.

---

[1] Так в оригинале; следует читать: «его».

[2] Рифаат-паша был турец. м-ром ин. дел в 1909—1911 гг.

[3] Очевидно, ошибка. Тел. за № 99 по журналу исходящих тел. значится посланной 31/18 января в Вену. Возможно, имеется в виду тел. от 22/9 февр. за № 262 (см. т. XIX, № 514).

[4] Тел. от 12 мая/29 апр. за № 877 Нератов сообщал М. Гирсу: «Весьма желательно добиться от Порты определенного заверения, что турецкий отряд не будет двинут в Персидский Курдистан».

№ 130. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

4 июня/22 мая 1912 г.

При личном всеподданнейшем докладе в Ливадии [5 мая] 22 минувшего апреля, я счел долгом повергнуть на высочайшее благоволение проект секретного соглашения с японским правительством касательно разграничения сфер русского и японского влияния во Внутренней Монголии. Проект этот отличался от предположений по настоящему вопросу, представленных токийским кабинетом, главным образом в двух пунктах:

1. Мы предлагали, чтобы линией разграничения русской и японской сфер во Внутренней Монголии служила не почтовая дорога между Ургою и Калганом, а Пекинский меридиан;

2. Мы выражали желание, чтобы попутно японское правительство обязалось признавать специальные русские интересы в областях Застенного Китая, лежащих к западу от Внутренней Монголии.

По последнему вопросу мне пришлось иметь ряд устных объяснений с японским послом. Барон Мотоно указывал мне, что признание русских специальных интересов в Западном Китае не может быть связано с находящимся на обсуждении соглашением, так как Япония не может получить за это признание никакого эквивалента. По его словам, японское правительство не имеет желания вмешиваться в наши отношения с Китаем в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре. Однако признать эти области сферой русских интересов оно могло бы только в том случае, если бы параллельно сему оно могло заручиться признанием Фуцзянской провинции Внутреннего Китая сферой японских интересов. На мои слова, что императорское правительство, конечно, не встретило бы препятствий к такому признанию, так как Россия слишком мало заинтересована в Фуцзянской провинции, лежащей на материке против острова Формозы, посол ответил ссылкой на английское правительство, которому японцы обязаны сообщать, как своему союзнику, заключаемые ими соглашения; между тем Англия ревниво относится к территориальной неприкосновенности Внутреннего Китая и не может одобрить заключения ее союзницей международных актов, предусматривающих разделение Внутреннего Китая на сферы влияния.

Результатом сказанных моих объяснений с японским послом была передача им мне, с разрешения его правительства, повергаемой при сем на высочайшее благоволение памятной записки [1], в которой упоминается о специальных русских интересах в Западном Китае, и отсутствие упоминания о них в тексте соглашения объясняется лишь невозможностью параллельно упомянуть о японских специальных интересах в Фуцзянской провинции. Осмеливаюсь полагать, что это заявление японского правительства может быть признано удовлетворительным при настоящем положении вещей, ибо оно отвечает поставленной нами цели сохранить за собой свободу действий в Западном Китае на случай, если бы потребовалось принять там меры для охраны наших интересов.

Что касается линии, которая должна разграничить сферы русских и японских интересов во Внутренней Монголии, то по этому вопросу японское правительство пошло вполне навстречу нашим желаниям и согласилось признать демаркационной линией Пекинский меридиан. Таким образом, нам удалось отнести названную линию на два градуса долготы к востоку от той линии, которую вашему императорскому величеству благоугодно было признать крайним пределом уступок японцам.

Докладывая вышеизложенное, приемлю смелость повергнуть при сем на высочайшее благоволение проект секретного соглашения с Японией в том

---

[1] См. № 86.

виде, как он окончательно установлен между бароном Мотоно и мной [1], всеподданнейше испрашивая разрешения вашего императорского величества на подписание означенного секретного соглашения.

Сазонов.

Одобряю.

Ливадия, [7 июня] 25 мая 1912 г.

№ 131. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1061 [2]. 4 июня/22 мая 1912 г.

Лично.

Копия в Париж.

Ввиду предстоящей в конце июня месяца встречи государя императора с императором Вильгельмом в финляндских шхерах, я считал бы полезным, чтобы вы заблаговременно доверительно уведомили об этом Грея, присовокупив, что это событие, разумеется, не должно служить предметом заботы для Великобритании, с которой мы твердо намерены поддерживать установившиеся за последние годы сердечные отношения. Если сочтете по местным условиям нужным подготовить также общественное мнение и печать, благоволите принять зависящие меры [3].

[Сазонов.]

№ 132. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1062 [4]. 4 июня/22 мая 1912 г.

Лично.

Копия в Лондон.

Можете доверительно сообщить Пуанкаре о предстоящей в Шхерах встрече [5], присовокупив, что связывающие нас с Францией узы слишком крепки, чтобы нужно было еще указывать на отсутствие в означенном событии чего-либо могущего озаботить французское правительство или общественное мнение. В отношении подготовки последнего благоволите поручить это дело французскому правительству, чтобы наилучшим образом, по местным условиям, своевременно разъяснить через печать, что предположенное свидание не может нанести ущерба существующим взаимоотношениям нашим с Францией.

[Сазонов.]

Конечно.

Москва, [11 июня] 29 мая 1912 г.

№ 133. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо. 4 июня/22 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Спешу вкратце ознакомить ваше высокопревосходительство с результатами, достигнутыми русскими представителями консорциума Транспер-

---

[1] На приложенном к докладной записке проекте соглашения имеется помета Николая II, датированная — Ливадия, 7 июня/25 мая 1912 г.: «С[огласен]». Текст проекта совпадает с текстом соглашения, подписанного 8 июля/25 июня (см. № 276).

[2] Опубл. Stieve, II, S. 132, N 310.

[3] 25/12 июня Николай II и Вильгельм II обменялись телеграммами о том, что встреча их состоится в Балтийском Порте 4 июля (нов. ст.). Тел. Николая II опубл. Gr. Pol., Bd. 31, S. 436, N 11538.

[4] Опубл. Stieve, II, S. 133, N 311.

[5] В тел. от 2 июня/20 мая за № 94 Извольский сообщал: «Очень опасаюсь впечатления, которое произведет здесь предстоящее в Шхерах свидание, если к нему не будут заранее подготовлены умы». Извольский спрашивал, может ли он предупредить об этом свидании Пуанкаре.

сидской железной дороги гг. Звегинцевым и Бунге во время их недавнего пребывания в Лондоне [1].

По соглашению с заинтересованными английскими кругами установлено, что русский консорциум будет участвовать в «Société d'Études» на сумму в 250 000 франков, а русская, английская и французская группы банкиров — на 750 000 франков каждая. Таким образом, капитал этого общества достигнет цифры в 2 500 000 франков.

Совет «Société d'Études» будет состоять из 24 членов, по 8 от каждой группы, избранных на 6 лет. Совет же избирает 12 членов правления на 3 года, т. е. по 4 от каждой из групп.

Замещение членов совета предоставляется отдельным группам до тех пор, пока каждая группа сохранит половину причитающейся ей при основании общества доли.

Что касается распределения акций общества постройки Трансперсидской железной дороги между отдельными странами, то установлено полное равенство всех трех групп, т. е. 33$^1/_3$% общего капитала на долю каждой. Достигнуто это равенство тем способом, что русская группа, в состав коей входит, как ныне решено, Русский комитет инициаторов предприятия, не-банкиров, с участием 12% общего капитала (2% свободных акций и 10% акций «Société d'Études»), отказывается в пользу французской и английской банкирских групп от 8% своего права подписи.

К сему считаю долгом приложить копию с присланного на мое имя по поручению лорда Ревельстока письма лорда Эррингтона с тремя приложениями, извещающего меня о благоприятных результатах переговоров г. Звегинцева [2].

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 134. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 4 июня/22 мая 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je commence par le point important traité au début de votre lettre du 29/16 mai [3]. Je ne saurais ajouter rien de bien neuf pour vous. Les impressions ici concordent tout à fait avec les vôtres. Il semble démontré que Rifaat et Tittoni ont parlé à Poincaré sans instructions [4], si bien qu'ils ont été plus ou moins désavoués par leurs Gouvernements. Impériali en a-t-il fait autant en parlant d'une sorte de tribut au Sheik-ul-Islam, reste un peu douteux [5]. Tout beau parleur qu'il est, il ne m'en a rien dit. Grey semble prendre aussi la chose au sérieux. Il y est revenu hier avec moi. Nicolson se méfie; l'empressement français à se saisir de cette idée de conférence, aussi [6] légèrement ébauchée par les Ambassadeurs de Turquie et d'Italie à Paris, semble en effet indiquer qu'à Paris le projet sourit. Il sourit à Cambon, cela est sûr, mais sans insistance. Tout comme vous, on croit ici que le désir

---

[1] Тел. от 25/12 мая за № 975 Сазонов просил Бенкендорфа оказать «самое полное содействие» командируемым в Лондон по делам Трансперсидской ж. д. Звегинцеву и Бунге и добавлял: «Я всецело разделяю их убеждение в необходимости участия в «Société d'Études» с полными правами всех членов, не-банкиров, русского консорциума».

[2] Содержание письма Эррингтона, одного из членов англ. группы «Société d'Études», от 3 июня/21 мая исчерпывается публикуемым документом.

В письме от 1 июня/19 мая Foreign Office сообщило Бенкендорфу, что предполагаемое соглашение признается англ. прав-вом «вполне удовлетворительным».

[3] Указанное письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] См. № 89 и т. XIX, № 869.

[5] Ср. № 39.

[6] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «si».

de hâter la fin de la guerre est plus vif en ce moment à Rome qu'à Constantinople. Grey, comme vous, craint les complications et la lourdeur des procédés d'une conférence. Il n'en est pas moins très désireux de paix de plus en plus.

Ceci m'amène à votre télégramme concernant les paroles attribuées par Rodd à Grey [1]. Je ne trouve pas trace de tout cela. Et je crois que la rédaction finale d'Impériali probablement a dû ajouter une nuance à la nuance un peu tendencieuse que Rodd de son côté a pu y mettre. Cela lui ressemble.

Si, chose fort peu probable d'ailleurs, Marschall devait arriver ici avec quelque projet de pacification pratique, il n'y a pas de raison pour que Grey ne l'examine pas. C'est ce qu'il a pu dire, je ne sais en quelle circonstance, mais de là à un соглашение, c'est à dire à un projet élaboré par l'Allemagne et l'Angleterre et présenté ensuite en commun aux Puissances, il y a très loin. Je n'y crois en aucune façon. Grey est tout entier méfiance à l'égard de Marschall. Nicolson carrément hostile. Il se pourrait à la rigueur qu'à un moment ou l'autre Grey vous propose un plan, mais tout dans ses paroles indique qu'il vous regarde comme l'initiateur des efforts pour la paix.

En somme, pour les tentatives en faveur de la paix vos impressions coïncident avec celles de Grey. Quoiqu'il ne m'ait jamais personnellement manifesté d'inquiétudes au sujet de nos rapports avec la Turquie, je lui en ai parlé dans un sens rassurant, je lui ai même dit qu'après avoir vertement semoncé l'Ambassadeur de Turquie, vous l'aviez rassuré au sujet des soi-disants projets russes de profiter de l'occasion pour soulever des questions épineuses en profitant des embarras turcs [2]. Mais j'ai fortement appuyé sur le danger des complications du côté d'Urmiah. Ceci il le comprend parfaitement et cela le rend fort soucieux. La différence entre Grey et la France, me semble être, que Grey pencherait sans hésitations vers une solution agréable à l'Italie dans une large mesure, serait italophile, s'il n'y avait la question mahométane aux Indes et en Afghanistan; il se croit tenu à des égards pour la Turquie, et de là il n'y aura guère moyen de le faire démordre. Emir Ali aura certainement répandu et reproduit ce que je lui ai dit, c'est pourquoi je me suis étendu avec lui sur le sujet [3]. Je n'ai pas parlé de la difficulté de l'accord de 1902 entre l'Italie et la France [4], ne sachant jusqu'à quel point vous désirez attirer l'attention sur ce point difficile. Je crois bien que Louis n'est pas l'homme qu'il faut à son poste. En revanche, comme je vous le dis ailleurs, je suis étonné de la carrure d'allure de Buchanan ici. Je ne sais s'il est aussi intelligent, mais il joue le rôle d'un diplomate russe; à votre place je lui en tiendrais compte.

J'en viens à l'emprunt chinois.

Voici ce qui s'est passé. Avant l'arrivée de Verstraete, je n'avais parlé que politique pure et simple, avec quelque tirage sur les intérêts ou droits spéciaux garantis ou pas garantis par traité, et avec la seule exception, des emprunts provinciaux, qui, pourtant, je crois, s'arrangent. Le Foreign Office avait pesé de toutes ses forces sur M. Addis de la Banque Hongkong-Shanghaï,

---

[1] См. № 95.

[2] См. № 116.

[3] В письме от 3 июня/21 мая Бенкендорф сообщил о своей беседе с членом Тайного совета в Англии индусом эмир Али о русской политике в Персии и Турции. По поводу итало-турецкой войны эмир Али сказал, что захватом Триполи Италия способствовала объединению мусульман и тем самым создала затруднения государствам, связанным с мусульманским миром, т. е. Англии и России. В ответ на это Бенкендорф заявил, что Россия придерживается нейтралитета и стремится к скорейшему заключению мира; он отрицал существование принципиального антагонизма между интересами России и Турции.

[4] См. № 105.

qui tient le tout en main avec une main de fer. Et les résultats étaient obtenus, moyennant pourtant de certaines promesses à Addis que le marché de Londres resterait en ses mains. Si bien qu'on avait refusé à deux banques locales d'appuyer leurs demandes de participer à l'émission. J'avais communiqué les instructions de Verstraete et cela n'avait pas fait un pli.

Arrive Verstraete avec la combinaison de syndicat et de banque que vous connaissez. Il a été fort énergique, mais il a, je crois, été un peu trop vite, et je n'ai pas pu l'enrayer. La situation était nouvelle et pas préparée. A Paris et Pétersbourg le ministère des Affaires étrangères a en main ou se trouve en contact direct avec des Ministres des Finances, financiers, et eux en contact constant avec les banques. Ici il en est tout autrement: un Foreign Office qui n'y comprend rien et un ministère des Finances absent, en réalité il n'y en a pas, au moins au point de vue banque. J'ai fait, dès reception de votre télegramme du [25]12 mai, N 983 [1], une démarche verbale auprès de Nicolson pour une demande d'appui. Grey absent. Cela passe de bureau en buréau bureaucratiquement et n'arrive pas.

Pourtant Nicolson, tout en comprenant peu de choses au plan en lui-même, avait compris le point de vue politique, saisi aussitôt par Grey à son arrivée seulement avant-hier. Hier il me fit prier de passer chez lui et me dit: Nicolson m'a rendu compte de vos entretiens, demain je parlerai moi-même à Addis. Là-dessus je lui remis un pro-mémoria rédigé par Verstraete avec la combinaison de 5.$_3$% de notre 16-e [2] de l'emprunt à émettre à Londres par Schroeder, en lui disant, c'est là, je crois, notre minimum, et cela constitue une nouvelle concession. Je n'y étais pas autorisé directement par vous. Mais Verstraete m'avait montré un dernier télégramme de Mr. Коковцов, plutôt Lvoff, en vertu duquel j'ai cru pouvoir agir, surtout que la chose devenait urgente. Cambon est arrivé hier de Paris. Voyons ce qu'il dira. Jusqu'ici le Chargé d'Affaires français a été pressant dans le fond, c.-à.-d. la mécessité de s'accorder, mais sans détails d'exécution. L'attitude de tout accepter des Japonais ne nous a pas facilité les choses.

J'aurais donc eu, au moment où j'écris, pleine confiance dans le succès du projet actuel, n'était hier même Verstraete a eu un entretien avec Addis, lequel s'est défendu des pieds et des mains, se référant à des engagements pris par le Foreign Office avant l'arrivée de Verstraete, ceux dont je vous ai parlé plus haut, du fait Addis a refusé net. L'entretien entre Grey et lui se trouve par conséquent pas bien emmanché, et j'eus préféré que Verstraete eut remis de 48 heures son entretien avec Addis. Je n'ai pas encore soufflé mot que Schroeder pourrait avoir à se contenter d'une participation sans droit d'émission, et je ne le ferai qu'à toute dernière extrémité. Je crains un peu que les banquiers français se doutent que nous pourrions aller jusque là. Je ne sais comment ils s'en doutent, mais ils s'en doutent. Et cela est désavantageux.

Je ne puis vous cacher qu'un espoir de solution de l'affaire Malecka a inspiré une énergie spéciale à Grey. J'ai observé cela hier. Il s'en[suit] que l'entente de tout cela peut ressortir raffermie, ici, bien entendu. La rapidité de la conclusion de la difficulté entre notre syndicat transpersan et le groupe anglais de la même affaire, m'en est une autre preuve [3]. C'est l'affaire que de ma vie j'ai vu marcher le plus vite. Là pourtant il y a eu beaucoup du fait de Revelstoke, quoique sa situation personnelle devait lui rendre

---

[1] См. № 82.

[2] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «1/6». На заседании шести групп в Париже от 7 июня/25 мая Верстрат «от имени русской группы настаивал, чтобы группе разрешено было выпустить на лондонском рынке при посредстве члена группы И. Генри Шредер и К° не более $^1/_3$ русской доли в займе». (Протокол междубанковской конференции от 7 июня/25 мая.)

[3] См. № 133.

la chose d'autant plus difficile. Tout de même il y a un avantage numérique, platonique il est vrai, que nous conservons, assez pour faire dresser l'oreille des Pairs du Royaume qui n'aiment pas cela en une affaire qui regarde les Indes, sevrées [1] jusqu'ici de tout contact direct avec l'Europe par chemin de fer.

Je reçois en ce moment votre télégramme N 145 [2]. Tout cela est fait. Et je dirai un mot à Revelstoke de votre part. Il y sera fort sensible.

Si nous sortons de l'affaire Malecka, elle peut avoir l'effet tout opposé à celui qui était à redouter, malgré l'arrivée de Marschall. J'ai eu connaissance d'un entretien tout récent entre Sir Ernest Cassel, qui est devenu ici le pilier allemand, et Nicolson; celui-ci a clos l'entretien par ces paroles: «My dear Sir Ernest, I don't think there is much use de continuer cet entretien, you seem to forget that our understandings with France and Russia cannot be shaken and are the root of British Policy».

5 juin/23 mai. Je crois que nous approchons du but pour l'emprunt chinois. Hier on a fait du chemin. Mais à l'heure où j'écris, je ne connais pas encore la conversation entre Grey et Addis. Il y a nouvelle réunion à Paris vendredi [3]. Verstraete télégraphie en détails. J'espère que l'émission Schroeder à Londres avec 5% de l'emprunt sera acceptée, ainsi que les points de principe qui nous intéressent le plus. Pour les emprunts provinciaux, je doute que nous obtenions des privilèges, il faudra se contenter de l'égalité parfaite avec toutes les autres Puissances. Pourtant des menues opérations de Banque, assez importantes toutefois, seront, je pense, admises. Je crois qu'il faut céder sur ce point, comme sur celui du terme. Le terme en lui-même est de première importance. Mais 3 ans est trop peu, il faudra, je crois, aller jusqu'à 4 ou même 5.

La seule difficulté réelle restent les intérêts spéciaux. Addis dans sa formule ajoute «garantis par traité». L'Amérique paraît s'en être mêlée, ceci est gênant. Je vais aujourd'hui ou demain reprendre la chose avec toute énergie auprès de Grey. Je pense que Cambon me soutiendra fermement. J'ai bon espoir.

Grey a annoncé hier à la Chambre, en réponse à la question prévue, que Malecka avait signé un recours en grâce et qu'il ne regarde pas comme impossible que le Gouvernement impérial jugera possible d'appuyer ce recours auprès de Sa Majesté l'Empereur [4]. Le Blue Book est par conséquent remis et probablement abandonné.

---

[1] В оригинале это слово неразборчиво.

[2] Номер тел. указан Бенкендорфом ошибочно. Тел. Сазонова за № 145 датирована 6 февр./24 янв. и адресована в Берлин. Тел. Сазонова соответствующего содержания в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] 7 июня/25 мая.

[4] В письме от 3 июня/21 мая Бенкендорф, между прочим, сообщал, со слов Никольсона, о полученной тел. от О'Берна, излагающей беседу его с Щегловитовым поделу Малецкой и содержащую «разрешение министра на то, чтобы Грей подал завтра в палате надежду в выражениях, которые кажутся мне [т. е. Бенкендорфу] слишком определенными».

В тел. от 5 июня/23 мая за № 148 Бенкендорф сообщал следующее: «На запрос, сделанный вчера в палате, Грей ответил, что Малецкая подписала прошение на высочайшее имя о помиловании, что этот вопрос поступил на рассмотрение императорского правительства и что не исключена возможность, что прошение ее будет принято во внимание. Английские генеральный консул и вице-консул получили разрешение видеть Малецкую частным образом. При таких условиях и принимая во внимание, что приговор не будет приведен в исполнение раньше чем будет вынесено решение о помиловании, Грей просил парламент не требовать опубликования «Синей книги». В тел. от 11 июня/29 мая за № 216 (расшифрована в росс. м-ве ин. дел) О'Берн передал Грею сделанное ему Сазоновым сообщение, что «император приказал выслать мисс Малецкую из России». В ответной тел. от того же числа за № 505 (расшифрована в росс. м-ве ин. дел) Грей просил О'Берна выразить Сазонову «глубочайшую признательность за дружескую позицию и снисходительность, проявленную императором и его правительством в деле Малецкой».

Avant de recevoir cette lettre vous en saurez plus loin par télégraphe. Ceci seulement pour vous décrire les péripéties de ce qui se passe à Londres.

Je viens d'avoir un entretien avec Cambon, retour de Paris. La conférence est de fait abandonnée. Poincaré n'y aurait tenu que tant qu'il croyait ce projet être le désir des deux belligérants. Cambon m'a ensuite développé son idée personnelle. Tout comme il me dit l'avoir développée à Poincaré et à Iswolsky. Il croit que le moment où les belligérants pourront s'arranger entre eux ne viendra jamais. Cette guerre est ainsi faite qu'il n'y aura jamais ni de part ni d'autre épuisement suffisant. Par conséquent qu'un jour ou l'autre une conférence s'imposera. Même une médiation devrait prendre encore cette forme, avec ses avantages et ses inconvénients. Les inconvénients sont [1] le danger de l'élargissement du programme. Cambon regarde cet élargissement comme inévitable et fatal. Deux questions surgiraient dès l'abord: — 1. Le status des îles turques actuellement conquises, qui ne pourraient pas être rendues à la Turquie, sans garanties pour elles. 2. La question de la liberté [de passage] pour les marines marchandes neutres par les Dardanelles en temps de guerre. Selon Cambon le règlement de cette question ne souffre pas de retards, elle intéresse trop directement le ravitaillement en blé de toutes les Puissances. Dès lors il dépendrait de nous de poser la question des Détroits à notre façon. Nous serions sûrs de l'appui de la France, et les engagements pris par Grey lui paraissent de ce côté un gage suffisant. Reste à savoir si la question macédonienne pourrait être évitée. Il ne le croit pas. L'important selon Cambon est que les Puissances de la Triple Entente se mettent dès aujourd'hui en «conversation suivie» à ces divers sujets, pour n'être pas prises au dépourvu et ne pas être mises subitement en présence de propositions inacceptables venant d'ailleurs. Cambon insiste beaucoup sur cette dernière condition. Causer, causer, causer. Quoiqu'il en soit de cette manière de voir, dans laquelle Cambon ne voit rien de particulièrement dangereux et qui, selon lui, finalement s'imposera et [2] réunit toutes les conditions pour que la Turquie y objecte. Elle dira, non sans raison, qu'à chaque conférence elle a toujours perdu beaucoup, et jamais rien gagné.

Je suis porté à croire que Cambon parle réellement de son point de vue personnel. Je n'en suis pourtant pas tout à fait sûr. C'est pourquoi je vous transmets cet entretien et le soumets à vos réflexions. Iswolsky, je pense, en fera autant.

Mille compliments bien sincèrement affectueux

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я начинаю с того важного вопроса, о котором говорится в начале вашего письма от 29/16 мая. Я не могу прибавить ничего особенно для вас нового. Произведенное здесь впечатление вполне совпадает с вашим. Кажется несомненным, что Рифаат и Титтони говорили с Пуанкаре, не имея на то инструкций, в результате чего они были более или менее дезавуированы своими правительствами. Не поступал ли и Империали так же, говоря об [уплате] своего рода дани шейх-уль-исламу, остается несколько сомнительным. Как он ни болтлив, но мне он об этом не говорил. Грей, повидимому, также принимает это дело всерьез. Он вернулся к нему вчера [в разговоре] со мной. Никольсон настроен недоверчиво; поспешность, с которой французы ухватились за эту идею конференции, только слегка намеченную турецким и итальянским послами в Париже, указывает на то, что Парижу этот проект улыбается. Что Камбону он улыбается, но не слишком сильно, это ясно. Так же как и вы, здесь думают, что желание закончить войну в настоящее время сильнее в Риме, чем в Константинополе. Грей, как и вы, боится сложности и громоздкости конференции. Но он тем не менее все больше и больше желает мира.

Это приводит меня к вашей телеграмме относительно слов, приписываемых Роддом Грею. Я не нахожу и следов всего этого. И я думаю, что последняя редакция Империали,

[1] Так в оригинале.

[2] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «elle».

по всей вероятности, еще сгустила краски того немного тенденциозного оттенка, который Родд мог придать им со своей стороны. Это на него похоже.

Если, что, впрочем, весьма мало вероятно, Маршалл приедет сюда с каким-либо практическим проектом примирения, Грею нет никаких причин отказываться от его рассмотрения. Вот то, что он мог сказать, — не знаю при каких обстоятельствах, — но отсюда до «соглашения», т. е. до проекта, разработанного Германией и Англией и представленного затем совместно другим державам, очень далеко. Я в это никак не верю. Грей полон недоверия по отношению к Маршаллу. Никольсон явно враждебен. В крайнем случае, может быть, Грей в тот или иной момент предложит вам какой-либо план, но все в его словах указывает на то, что он считает вас инициатором в борьбе за заключение мира.

В общем, в отношении попыток в пользу мира, ваши впечатления совпадают с впечатлениями Грея. Хотя мне лично он никогда не выражал беспокойства по поводу наших отношений с Турцией, я говорил с ним в успокоительном смысле, я даже сказал ему, что, решительно пробрав турецкого посла, вы успокоили его касательно, якобы, существующих русских проектов воспользоваться случаем, чтобы поднять щекотливые вопросы, использовав турецкие затруднения. Но я усиленно подчеркнул опасность осложнений в районе Урмии. Это он прекрасно понимает, и это его сильно заботит. Мне кажется, что разница между позицией Грея и Франции заключается в том, что Грей без колебаний склонился бы на сторону благоприятного в значительной мере для Италии решения, был бы италофилом, если бы не было мусульманского вопроса в Индии и Афганистане; он считает своей обязанностью щадить Турцию, и вряд ли возможно его в этом разубедить. Эмир Али несомненно воспроизвел и распространил то, что я ему сказал, вот почему я столь много говорил в беседе с ним по этому вопросу. Я не говорил о затруднении, связанном с соглашением между Италией и Францией от 1902 г., не зная, в какой мере вы желали бы привлечь внимание на этот трудный вопрос. Мне кажется, что Луи не соответствует занимаемому им посту. Зато, как я вам говорил в другом письме, я удивлен размахом действий Бьюкенена здесь. Не знаю, так ли он умен, но он играет роль русского дипломата; на вашем месте я засчитал бы ему это в заслугу.

Перехожу к китайскому займу.

Вот что произошло. До приезда Верстрата я говорил лишь о политике, с некоторым уклоном в сторону специальных интересов и прав, гарантированных и не гарантированных договорами, — за исключением только провинциальных займов, которые, впрочем, по моему мнению, устраиваются. Foreign Office оказывал всяческое давление на г. Аддиса из Гонконг-Шанхайского банка, который держит все в руках и держит железной рукой. Были достигнуты результаты, впрочем, путем известных обещаний Аддису, что лондонский рынок останется в его руках. Настолько, что двум местным банкам было отказано в поддержке их просьбы об участии в эмиссии. Я сообщил инструкции Верстрата, и все шло прекрасно.

Приезжает Верстрат с комбинацией синдиката и банка, которая вам известна. Он действовал чрезвычайно энергично, но, мне кажется, слишком поспешно, и я не смог его удержать. Положение оказалось новым и неподготовленным. В Петербурге и Париже министерство иностранных дел держит в руках или находится в непосредственном контакте с министрами финансов и финансистами, а таковые находятся в постоянном контакте с банками. Здесь совсем иначе: Foreign Office, который ничего не понимает в этих делах, и отсутствие министерства финансов — в действительности такового не существует, по крайней мере, с банковской точки зрения. Сразу же по получении вашей телеграммы № 983 от 25/12 мая я сделал устный демарш перед Никольсоном с просьбой о поддержке. Грей в отсутствии. Дело бюрократически переходит из департамента в департамент и не получает решения.

А ведь Никольсон понял политическую точку зрения, хотя он и не мог разобраться в самом плане, тотчас понятом Греем по его приезде только третьего дня. Вчера он попросил меня зайти к нему и сказал мне: «Никольсон доложил мне о ваших разговорах, завтра я сам поговорю с Аддисом». После этого я передал ему составленную Верстратом памятную записку, излагающую комбинацию касательно 5.3% с нашей шестой части займа, подлежащей эмиссии в Лондоне Шредером, сказав ему, что это, мне кажется, является нашим минимумом и что это новая уступка. Я не был на это непосредственно уполномочен вами. Но Верстрат показал мне последнюю телеграмму г. Коковцова, вернее Львова, вследствие которой я счел возможным действовать, тем более, что дело становилось срочным. Камбон прибыл вчера из Парижа. Посмотрим, что он скажет. До сих пор французский поверенный в делах был весьма настойчив в отношении основного, т. е. необходимости сговориться, не уточняя выполнение. Политика японцев на все соглашаться не облегчила для нас дела.

Итак, в момент, когда я вам пишу, я имел бы полную уверенность в успехе теперешнего проекта, если бы не то, что вчера Верстрат имел беседу с Аддисом, который упирался руками и ногами, ссылаясь на обещания, данные Foreign Office до приезда Верстрата, о которых я писал вам выше; в действительности Аддис категорически отказал. Вследствие этого, разговору его с Греем положено плохое начало, и я пред-

почел бы, чтобы Верстрат отложил свой разговор с Аддисом на 48 часов. Я еще ни слова не говорил о том, что Шредеру, быть может, придется удовольствоваться участием без права эмиссии, и я заговорю об этом лишь в самом крайнем случае. Я немножко опасаюсь, что французские банкиры подозревают, что мы можем пойти на это. Не знаю, каким путем, но они подозревают. И это неблагоприятно [для нас].

Не могу скрыть от вас, что надежда на разрешение дела Малецкой внушила Грею особую энергию. Я заметил это вчера. Из этого вытекает, что Согласие может выйти из всего этого укрепленным, — здесь, само собой разумеется. Быстрота, с которой было улажено затруднение между нашим трансперсидским синдикатом и английской группой того же предприятия, является для меня новым доказательством этого. Это дело шло самым быстрым темпом, который я когда-либо видел. В этом большая заслуга Ревельстока, хотя его личное положение должно было сделать это для него особенно затруднительным. Все-таки мы сохраняем некоторое численное преимущество, правда, платоническое, но достаточное, чтобы встревожить пэров королевства, которым это не нравится в деле, касающемся Индии, лишенной до сих пор всякого непосредственного контакта с Европой по железной дороге.

Только что получил вашу телеграмму № 145. Все это уже исполнено. Я передам несколько любезных слов от вашего лица Ревельстоку. Это будет ему приятно.

Если мы развяжемся с делом Малецкой, оно сможет иметь, несмотря на приезд Маршалла, последствия, совсем обратные тем, которых можно было опасаться. Я узнал о совсем недавнем разговоре между сэром Эрнестом Касселем, который сделался здесь столпом германского влияния, и Никольсоном. Последний закончил разговор следующими словами: «Дорогой сэр Эрнест, мне кажется бесполезно продолжать этот разговор. Вы, повидимому, забываете, что наши соглашения с Францией и Россией не могут быть нарушены, и они являются основой английской политики».

5 июня/23 мая. Мне кажется, что мы приближаемся к цели в отношении китайского займа. Вчера дело подвинулось вперед. Но сейчас, когда я вам пишу, я еще не знаю результата разговора между Греем и Аддисом. Будет новое совещание в Париже в пятницу. Верстрат телеграфирует подробно. Я надеюсь, что эмиссия Шредера в Лондоне 5% займа будет принята, так же как и наиболее интересующие нас принципиальные вопросы. Касательно провинциальных займов, сомневаюсь, чтобы мы добились преимуществ, придется удовольствоваться полным равенством с другими державами. Однако мелкие банковские операции, все же достаточно значительные, будут, я думаю, допускаться. Мне кажется, что по этому вопросу придется уступить, так же как и по вопросу о сроке. Срок сам по себе имеет первостепенную важность. Но 3 года — это слишком мало, придется, мне кажется, согласиться на 4 или даже 5.

Единственным реальным затруднением остаются специальные интересы. Аддис в своей формуле добавляет: «гарантированные договором». Повидимому, здесь вмешалась Америка, это создает затруднения. Сегодня или завтра я вновь со всей энергией поговорю об этом с Греем. Я думаю, что Камбон твердо поддержит меня. Я надеюсь на успех.

Грей заявил вчера в палате, в ответ на заранее предвиденный запрос, что Малецкая подписала прошение о помиловании и что он считает вполне вероятным, что императорское правительство сочтет возможным поддержать это прошение перед его величеством императором. Следовательно, Синяя книга отложена и, по всей вероятности, ее не будет.

До получения этого письма вы уже все узнаете по телеграфу. Я пишу это лишь для того, чтобы описать вам все перипетии того, что происходит в Лондоне.

Я только что имел разговор с Камбоном, вернувшимся из Парижа. Мысль о конференции фактически оставлена. Пуанкаре поддерживал ее лишь пока считал, что она отвечает пожеланиям обеих воюющих сторон. Затем Камбон развил передо мной свою личную точку зрения, так же как он ее развил, по его словам, перед Пуанкаре и Извольским. Он думает, что момент, когда воюющие стороны смогут сговориться между собой, не наступит никогда. Эта война носит такой характер, что ни с той, ни с другой стороны никогда не наступит достаточного истощения. Следовательно, рано или поздно, конференция станет необходимой. Даже медиация должна будет также принять эту форму, со всеми ее преимуществами и недостатками. Недостатком ее является опасность расширения программы. Камбон считает это расширение неизбежным и фатальным. С самого начала возникнут два вопроса: 1. Положение ныне завоеванных турецких островов, которые не могут быть возвращены Турции без гарантий для них. 2. Вопрос о свободном проходе через Дарданеллы нейтральных торговых флотов во время войны. По мнению Камбона, улажение этого вопроса не терпит промедления, он слишком непосредственно связан с вопросом о снабжении хлебом всех держав. Следовательно, от нас будет зависеть поставить вопрос о Проливах в той форме, которая нам желательна. Мы можем быть уверены в поддержке Франции, а обязательства, взятые на себя Греем, кажутся ему достаточной гарантией с этой стороны. Остается выяснить, возможно ли будет избежать македонского вопроса. Он этого не думает. Существенно важным, по мнению Камбона, является, чтобы державы Тройственного согласия уже сейчас вступили в «последовательные переговоры» по всем этим вопросам, чтобы не быть застигнутыми врасплох и не оказаться неожиданно лицом к лицу с неприемлемыми

предложениями, исходящими от другой стороны. Камбон особенно настаивает на этом последнем. Говорить, говорить, говорить. Какова бы ни была эта точка зрения, в которой Камбон не видит ничего особенно опасного и которая, по его мнению, окажется неизбежной, она заключает в себе все условия для того, чтобы Турция возражала против нее. Она скажет, и не без основания, что при каждой конференции она много теряла и никогда ничего не выигрывала.

Мне сдается, что Камбон действительно говорит от своего собственного лица. Но все-таки я в этом не совсем уверен. Вот почему я сообщаю вам этот разговор и повергаю его на ваше рассмотрение. Я думаю, что Извольский поступит так же.

Тысяча искренне сердечных приветствий

Бенкендорф.

№ 135. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

/. Письмо. 4 июня/22 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству, министр иностранных дел еще до появления в печати сведений о, будто бы, происходящих между кабинетами переговорах о созыве конференции, сказал мне, что его запросили о взгляде королевского правительства на вопрос о международной конференции для решения всех дел, возникших в связи с теперешней войной [1]. Через несколько дней маркиз ди Сан-Джулиано снова вернулся к той же теме и сообщил мне, что на Алжесирасской конференции Италия открыто поддерживала притязания Франции на Марокко, взамен каковой поддержки Италия выговорила себе столь же сочувственное отношение Франции в вопросе о Триполитании. Когда же королевское правительство выразило правительству Республики удивление по поводу его нынешнего безразличного отношения к интересам Италии, то французское правительство, будто бы, ответило, что Италия оказала поддержку Франции на конференции и потому только на другой конференции Франция могла бы оказать ту же услугу Италии. Такова, по мнению маркиза ди Сан-Джулиано, причина возникновения во Франции мысли о международной конференции. Мысль эта была сначала пущена в прессу, чтобы выяснить отношение к ней держав. Сам министр иностранных дел относится к ней скорее отрицательно, не видя никаких реальных выгод для Италии принять в ней участие, и пошел бы на конференцию только по предварительном и полном соглашении с Россией по всем пунктам, которые надлежало бы обсудить в конференции. Министр считает, кроме того, что вопрос о конференции выдвинут Францией, чтобы каким-нибудь образом притти к соглашению с Италией по вопросу об островах Эгейского моря, которыми ныне овладела Италия, но которые Франция не желала бы оставить в ее руках.

По мнению князя Скалеа и г. Контарини, которые каждый в отдельности беседовали со мной по интересующим их вопросам, конференция, если бы ей суждено было собраться, напомнила бы в известной степени Берлинский конгресс, но общее положение было бы теперь другое. Тогда имелась антирусская коалиция, составленная из Англии, Германии и Австрии, и три совершенно изолированных государства: Франция, еще слабая после поражения 1870 г., Италия, еще не окрепшая после объединения, и Россия, которой навязали условия договора, долженствовавшие лишить ее главных плодов ее побед над турками. Теперь положение изменилось и осложнилось. Германия, которая в 1878 г. старалась наградить Австрию и Англию турецкими землями, теперь ревниво охраняет умирающий организм Турецкой империи; Россия, которая в 1878 г. была изолирована, теперь связана крепким союзом с Францией, которая в силу специальных экономических интересов на Ближнем Востоке заинтересована в сохранении Турции, как живого организма; Австро-Венгрия, которой Германия позво-

[1] См. № 23.

лила в 1878 г. занять две турецкие провинции, теперь удерживается этой последней от слишком активной политики на Балканах; наконец, Италия, которая в 1878 г. не имела никаких определенных намерений, завладела теперь двумя африканскими провинциями Турции и почти всеми ее островами в Эгейском море. Однородность интересов Англии и Германии в 1878 г. заменена теперь явной враждебностью; соперничество между Россией и Австрией, существовавшее в дни Берлинского конгресса, существует и теперь и, быть может, в еще более резкой форме, но с тем различием, что теперь положение России гораздо лучше и сильнее. Вообще трудно представить себе, какого рода соглашение могла бы выработать конференция при наличности столь различных и взаимно исключающих друг друга интересов.

Таковы в общих чертах взгляды Консульты на вопрос о конференции.

Французский посол г. Баррер смотрит на дело совершенно иначе. В его представлении конференция не должна была бы собраться после окончания войны, но до заключения мира, так как она явилась бы средством умиротворить воюющих. По его мнению, цель эта вполне достижима, так как Италии и Турции будет предложено явиться на конференцию, на которой вопрос о политическом положении Триполи не будет затронут. Таким образом будет устранено главное препятствие для начала переговоров, а затем не трудно будет побудить воюющих заключить перемирие. Условиями заключения мира г. Баррер считает со стороны Турции обязательство увести из Триполи остатки своих отрядов, а со стороны Италии — возвращение Турции островов Эгейского моря. На этом пункте г. Баррер настаивает с особенной силой, считая его жизненным вопросом для Франции.

Таковы, значит, мнения Италии, державы наиболее заинтересованной в прекращении войны, и Франции, предлагающей конференцию, как единственное, по ее мнению, средство достигнуть прекращения войны.

Австрийский посол г. Мерей, с которым я имел случай говорить по тому же вопросу, считает конференцию несбыточной мечтой и средством, не достигающим цели. Не имея инструкций на этот счет от своего правительства, он считает тем не менее, что отношение венского кабинета к проекту конференции будет, вероятно, отрицательное. Более осторожно беседовал со мною на этот счет германский посол г. Ягов. Но общий смысл его слов был тот же: что он не имеет указаний, как отнесется берлинский кабинет к вопросу о конференции, но лично мало сочувствует этой мысли. Таковы отзывы здешних представителей держав, связанных с Италией союзом, но на самом деле стоящих в открытой оппозиции всему, что предпринимает Италия.

Из телеграммы вашего высокопревосходительства за № 1037 [1] я не мог не вывести заключения, что вопрос о конференции следует признать потерпевшим неудачу; тем не менее я счел долгом резюмировать все слышанное мною здесь по этому поводу на тот случай, если бы в будущем снова поднялся вопрос о конференции.

Доводя о вышеизложенном до вашего сведения, пользуюсь случаем и пр.

Н. Поггенполь.

№ 136. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

-/. Письмо [2]. 4 июня/22 мая 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вполне поглощенное заботами настоящей минуты, итальянское правительство не может столь живо интересоваться албанским вопросом, как бы

[1] См. № 115.

[2] Частично опубл. Siebert, II, S. 386, N 624, начиная со слов: «Г. Контарини, с которым...»

оно того желало, вполне сознавая, что в случае необходимости активного вмешательства оно не было бы в состоянии проявить необходимой инициативы. Тем не менее в Консульте со мной не раз говорили об албанском вопросе и при этом не скрывали опасений, как бы Австрия не пожелала воспользоваться нынешним затруднительным положением королевства в целях вмешательства в албанские дела.

Подозрительность, с которой в Италии следят за действиями Австрии, делает министра иностранных дел и лиц, с коими мне всего чаще приходится беседовать, более откровенными, чем в другое время. Не раз приходилось мне слышать, что обязательства Италии в качестве члена Тройственного союза не только не обеспечивают королевство от всевозможных притязаний и придирок Австрии, но ставят его в необходимость зорко следить за деятельностью союзницы.

Так же недоверчиво относятся в Консульте к соблюдению венским кабинетом постановлений секретного договора по албанскому вопросу. Особенную тревогу в Консульте вызвало известие о поездке черногорского короля в Вену [1]. Двуличие короля Николая и положение, принятое им в прошлом году в албанском вопросе, заставляют опасаться маркиза ди Сан-Джулиано, что путешествие короля не будет простым актом вежливости, но послужит к еще большему развитию смуты на Балканах. Мне передавали в Консульте, что король черногорский открыто заявил итальянскому представителю в Цетинье, что едет в Вену с ведома и разрешения России, с которой он, будто бы, предварительно снесся по этому поводу.

Министр иностранных дел не верит этому и считает, что все вышеизложенное выдумано королем, который желает заручиться поддержкой Австрии в видах достижения давно желаемого им присоединения части Албании к своим владениям.

В Консульте, повидимому, убеждены, что секретное соглашение с Австрией нисколько не гарантирует Италию от всевозможных случайностей, тем более что секретный договор имеет чисто ограничительное значение, т. е. при известных условиях — неудобный для Австрии характер.

Г. Контарини, с которым я часто беседовал в Консульте по этому вопросу, сказав, что он лишен возможности прочитать мне подлинный текст соглашения, указал мне тем не менее в общих чертах на характер этого до сих пор никому не сообщенного и нам вполне неизвестного дипломатического акта. Смысл его таков:

1) Взаимное признание обоюдных интересов Австрии и Италии в Албании.

2) Взаимное обязательство поддерживать существующий status quo в Албании.

3) Взаимное обязательство воспротивиться завоевательным планам какой бы то ни было другой державы, и

4) Взаимное обязательство, в случае ликвидации Турецкой империи, не противиться образованию автономного албанского княжества.

Вот все, что мне пока удалось узнать по вопросу об албанском соглашении.

Примите и пр.

Н. Поггенполь.

№ 137. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 30. 4 июня/22 мая 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству известно из моих предшествующих донесений, с какой осторожностью здесь велась переписка по сербо-бол-

[1] См. № 8.

гарскому соглашению и насколько строгие меры приняты были сербским правительством к тому, чтобы сохранить дело это в совершенной тайне. Как я имел честь сообщать, далеко не все члены кабинета были посвящены в происходившие с Болгарией переговоры, и все совещания по этому предмету происходили под личным председательством короля Петра, в самом ограниченном кругу наиболее доверенных лиц. Все телеграммы составлялись лично председателем совета министров, а шифровка их была возложена на директора канцелярии министерства иностранных дел. Подробные инструкции сербскому посланнику отвозились в Софию специальным курьером *в черновиках*, писанных рукой Милововича; доставлялись они обратно вместе с сообщениями болгарского правительства лично Спалайковичем, приезд которого в Белград, под предлогом семейных дел, никогда не возбуждал никаких подозрений.

Из постоянного обмена взглядов с моими коллегами по вопросам балканской политики я неоднократно убеждался, что никто из них не только не имел представления о происходившем в Софии, но и не верил в осуществимость самого невинного сближения между болгарами и сербами, о котором порой толковали в европейской печати.

При указанных условиях, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы какая-либо нескромность последовала с сербской стороны. Между тем на-днях, как ваше высокопревосходительство изволили осведомиться из агентских телеграмм, в парижской газете «Matin» появилось переданное «из Белграда» по телеграфу известие о состоявшемся между обоими государствами соглашении, краткое очертание коего почти соответствовало действительности.

В сербских и болгарских общественных кругах телеграмма «Matin» вызвала большую сенсацию и повергла в крайнее недоумение правительственных деятелей Софии и Белграда. Но, повидимому, особенно потрясающее впечатление открытие французской газеты произвело на короля Фердинанда, который в первую минуту склонен был усмотреть во всем этом коварное намерение сербского правительства во что бы то ни стало помешать проектированному свиданию его величества с императором Франц-Иосифом [1].

Поистине, подобная мысль могла возникнуть только в уме болезненно настроенного короля, как известно, не питающего доверия даже к своим советникам и приближенным. Можно ли в самом деле допустить, чтобы сербы, в течение многих лет добивавшиеся заключения союза с Болгарией, в видах ограждения себя от натиска со стороны Австро-Венгрии, решились, достигнув желанной цели, заблаговременно открыть противнику все свои стратегические планы? Конечно, такое предположение не выдерживает ни малейшей критики.

Сербское правительство, однако, как наиболее заинтересованное в данном случае, не замедлило принять меры к выяснению обстоятельств этого дела, и произведенным им осторожно, под рукой, дознанием обнаружено следующее:

Разоблачительную телеграмму в газету «Matin» послал ее здешний корреспондент, сербский адвокат Милан Джорджиевич, сын слишком хорошо известного императорскому министерству политического деятеля времен королей Милана и Александра — Владана Джорджиевича.

---

[1] Тел. от 13 мая/30 апр. за № 48 Неклюдов, со слов Гешова, сообщал Савонову, что «официальное посещение царем Фердинандом венского двора окончательно решено». По словам Гешова, Фердинанд хотел бы после Вены посетить Берлин, но это посещение еще окончательно не установлено. Тел. от 25/12 мая за № 53 Неклюдов сообщал: «официальное посещение королем Фердинандом берлинского двора состоится седьмого и восьмого июня нового стиля».

Молодой адвокат, повидимому, сознался, что оглашенное в парижской газете известие получено было им от здешнего французского посланника, в свою очередь будто бы осведомившегося о состоявшемся сербо-болгарском соглашении из переписки г. Пуанкаре с представителем Республики в Софии г. Панафье.

Не встречая за последние дни г. Деко [1], часто отлучающегося из Белграда, я, конечно, не могу судить, насколько рассказ Милана Джорджиевича заслуживает доверия. Но мне доподлинно известно, что как французский, так и английский посланники в Софии в достаточной степени знакомы с ходом сербо-болгарских переговоров. Уже ранее я имел случай отмечать в своих донесениях слишком широкую осведомленность сэра Генри Бакс-Айронсайда [2], который в беседах с сербским посланником в Софии разоблачал большие тайны; но, повидимому, английский представитель в Болгарии пользуется необычайным доверием местных правительственных сфер.

Во всяком случае из всего изложенного явствует, что коренной источник разоблачения находится в иностранных руках.

Но как бы то ни было, г. Миловановичем приняты были тотчас же меры к категорическому опровержению путем печати пущенного газетой «Matin» сенсационного известия. Прекрасным дополнением к сему явились, на этот раз как нельзя более кстати, резкие нападки болгарских оппозиционных газет на сербов, соглашение с коими, по их мнению, не даст никаких выгод Болгарии. Сербская печать по сему поводу подняла на-смех Милановича и успокоилась. Толки о соглашении с Болгарией быстро прекратились [3].

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 138. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

№ Депеша № 41. 4 июня/22 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из донесений моих от [11 мая] 28 апреля и [1 июня] 19 мая с. г. за №№ 30 [4] и 40 [5] вашему высокопревосходительству уже известна трудная дилемма, в коей находится китайское правительство, до крайности нуждающееся в деньгах, а вместе с тем встречающее в палате представителей и во всей стране ожесточенное противодействие допущению всякого иностранного финансового контроля, без коего заключение столь необходимого внешнего займа является невозможным.

Я не решаюсь предсказывать, какой будет выход из нынешнего затруднительного положения, но мне кажется, что в этом отношении решающее

---

[1] Деко — французский посланник в Белграде.

[2] Ср. т. XIX, № 708.

[3] Позднее в весьма доверительной деп. от 2 июля/19 июня за № 35 Гартвиг писал по поводу разоблачений франц. печати следующее: «Самые категорические опровержения слуха со стороны обоих заинтересованных правительств и, главным образом, страстная ожесточенная полемика, возникшая между болгарскими и сербскими газетами по вопросу о «дележе» Македонии, видимо, заставили европейские политические круги усомниться в существовании возвещенного соглашения. Одни считают разоблачения французской печати апокрифическими, другие видят в них лишь пробный шар». Далее Гартвиг писал о своей беседе с прибывшим в Белград корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» Березовским-Ольгинским, в которой последний заявил, что «он только что оставил Софию, где имеет большие и давнишние связи в политических кругах, знает также хорошо сербов и пришел к непоколебимому убеждению, что никакого ни соглашения, ни сближения между сербами и болгарами быть не может». «Само собой разумеется, — заканчивал Гартвиг, — что я и не подумал возражать моему проницательному собеседнику-журналисту, который, весьма кстати, и в русской печати будет доказывать неосуществимость сербо-болгарского соглашения».

[4] См. т. XIX, № 887.

[5] См. № 120.

влияние будет иметь, насколько теперешнее правительство сумеет укрепиться и упрочить свой авторитет в стране. Если оно будет достаточно сильно, чтобы заставить парламент и оппозиционные центры на Юге преклониться перед его решением, то можно предполагать, что, заключив у Консорциума заем на возможно менее стеснительных условиях, оно настоит на его одобрении народным представительством. До сих пор, однако, положение правительства, хотя, повидимому, и несколько улучшающееся, нельзя еще считать достаточно прочным и обеспеченным, чтобы оно решилось на подобный уверенный образ действий. Это обстоятельство является одной из причин, по которым большинство моих сотоварищей начинает сомневаться, как я имел честь донести о том в секретной телеграмме моей от [27] 14 сего мая за № 472, чтобы предположенный большой китайский реорганизационный заем вообще состоялся [1].

Хотя как сам Юань Ши-кай, так и весь совет министров бесспорно желают заключения внешнего займа, они в то же самое время стараются по возможности играть на несомненно существующем в стране сильном движении против всякого иностранного контроля и, ссылаясь на таковое, добиться от банкиров и их правительств согласия на менее стеснительные для Китая условия займа. Такая политика является, однако, сопряженной с большими опасностями, так как, с одной стороны, возникший патриотический порыв способен принять столь широкие размеры, что правительству не под силу будет с ним справиться, а с другой, легко может случиться, что под влиянием постоянного выставления иностранных кредиторов врагами Китая, желающими наложить на него свое иго и являющимися источником всех народных бедствий, возникшее движение примет характер направленного против иностранцев и в таком случае вынудит державы к вмешательству для защиты своих подданных.

Ближайшее будущее в Китае является таким образом попрежнему совершенно неопределенным и тревожным.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 139. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1080. 6 июня/24 мая 1912 г.

Urgent.

N 149 reçu [2].

Tout en approuvant votre formule, croyons utile de faire une tentative en vue d'obtenir en outre l'insertion dans le protocole qui serait signé par tous les représentants d'une déclaration dans le sens suivant:

«Le groupe financier russe participera aux emprunts du Consortium à condition qu'aucune atteinte ne soit portée aux droits et intérêts spéciaux que la Russie possède dans la Mandchourie du Nord, en Mongolie et dans l'Ouest Chinois par le fait desdits emprunts».

[1] В тел. от 27/14 мая за № 472 (см. также стр. 71, прим. 2) В. Крупенский сообщал, что большинство его коллег «начинает склоняться к тому мнению, что ввиду непреодолимых трудностей, связанных с заключением предполагаемого большого реорганизационного займа, последний в конце концов вовсе не состоится, а дело ограничится выдачей китайцам еще нескольких более или менее значительных авансов Консорциумом и заключением ими небольших сравнительно займов у других финансовых групп».

[2] В тел. от 5 июня/23 мая за № 149 Бенкендорф, сообщая, что «редакция формулы о гарантии наших интересов в Китае встретила затруднения с различных сторон», запрашивал, не согласится ли м-во на следующую редакцию формулы: «Ввиду того, что главной целью реорганизационного займа является удовлетворение общих нужд китайского государства, в программу вышеназванного займа не могут быть включены какие-либо предприятия или специальные операции иначе, как с единодушного согласия участвующих групп». Содержание этой тел. Сазонов передал Извольскому 6 июня/24 мая за № 1081.

Le Japon se propose de faire une réserve analogue quant à ses intérêts spéciaux dans la Mandchourie du Sud et la partie Est de la Mongolie Intérieure [1].

Si notre tentative rencontrait des difficultés menaçant de rompre l'affaire,— pourrions nous contenter de votre formule [2].

Iswolsky prévenu [3].

Sazonow.

Перевод.

Срочно.

№ 149 получен.

Одобряя вашу формулу, считаем полезным сделать попытку добиться сверх того включения в протокол, который будет подписан всеми представителями, декларации в следующем смысле:

«Российская финансовая группа будет участвовать в займах Консорциума при том условии, что этими займами не будет нанесено никакого ущерба особым правам и интересам, которые Россия имеет в Северной Манчжурии, Монголии и в Западном Китае».

Япония намеревается сделать аналогичную оговорку касательно своих особых интересов в Южной Манчжурии и восточной части Внутренней Монголии.

Если наша попытка встретит затруднения, угрожающие расторжением дела, мы могли бы удовлетвориться вашей формулой.

Извольский предупрежден.

Сазонов.

№ 140. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 35 [4]. 6 июня/24 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тревожное положение дел в Марокко, отмеченное в предыдущей моей экспедиции [5], привело к вспышке скорее, нежели того здесь ожидали. В позапрошлую пятницу [6] генеральный резидент генерал Лиоте торжественно вступил в Фец и был принят султаном, а уже через два дня город подвергся нападению со стороны мятежных берберских племен. Атака, начатая в воскресенье вечером, затихла ночью, но возобновилась с новой силой под утро, причем части нападавших удалось проникнуть в ограду города. Только после жаркого уличного боя французский гарнизон шаг за шагом вытеснил неприятеля, после чего, под руководством генералов Муанье и Брюлара, французы перешли в наступление и прогнали берберов от Феца, нанеся им значительные потери. Сами они имели за этот день 40 человек убитых (в том числе двух офицеров) и до 80 раненых.

[1] См. стр. 110, прим. 3.

[2] В тел. от 5 июня/23 мая за № 96 (опубл. М., стр. 561) Извольский сообщал: «Камбон телеграфирует из Лондона, что переговоры Верстрата встречают серьезные затруднения, так как английское министерство иностранных дел признает нашу оговорку касательно Застенного Китая лишь по отношению прав, обеспеченных нам трактатами, и отказывается произвести давление на Гонконг-Банк в пользу Шредера. Пуанкаре подтвердил мне, что Камбону предписано оказывать нам самую деятельную поддержку. Кроме того, он энергически высказался перед здешним английским послом в пользу наших требований».

[3] На полях документа имеется надпись: «Communiqué à l'Ambassadeur à Paris» («Сообщено послу в Париже»).

[4] Опубл. М., стр. 206.

[5] В деп. от 23/10 мая за № 33 (опубл. М., стр. 200) Извольский, сообщая об отъезде в Марокко ген. Лиоте, писал, что «положение дел в Марокко представляется еще в достаточной степени неопределенным». Далее Извольский указывал, что, несмотря на подавление мятежа в Феце (см. т. XIX, № 892) и последовавшие казни участников мятежа, «окрестные племена находятся в состоянии явного брожения, и за последние дни здешние газеты неоднократно печатали телеграфные известия о готовящемся нападении на Фец. На алжиро-марокканской границе французские войска также имели на-днях несколько стычек с мятежниками».

[6] 24/11 мая.

Во вторник мятежники, пользуясь невозможностью для малочисленного французского гарнизона продолжать преследование на далеком расстоянии от города, собрались с силами и вновь атаковали Фец с севера и с востока. От 5 до 10 часов утра положение французов было довольно серьезным ввиду того, что берберам вновь удалось ворваться в восточную часть города. Однако полковник Гуро окружил кордоном занятый неприятелем квартал, а затем и выбил его оттуда. Тем временем к Фецу подошли подкрепления, и полковник Гуро предпринял, в свою очередь, энергичное наступление, принудив мятежников бежать к северу в горы и нанеся им жестокий урон своей артиллерией. Во время преследования французы сожгли лагерь берберов и захватили значительное число лошадей и запасов.

После этого колонна Гуро возвратилась в Фец, потеряв около 40 человек убитыми и ранеными. Со 2 июня нового стиля вокруг Феца господствует спокойствие.

Независимо от описанных событий, французы имели за последнее время несколько серьезных дел в восточной части Марокко, на алжирской границе, где французские войска под начальством генерала Аликс быстро одержали решительный успех, перейдя на левый берег реки Мулуйи и рассеяв неприятеля.

Согласно телеграмме, полученной от генерала Лиоте в здешнем министерстве иностранных дел, в настоящую минуту непосредственная опасность может считаться устраненной, но общее положение дел все же заслуживает, по мнению генерала, серьезного внимания. В ответной телеграмме на имя генерального резидента г. Пуанкаре заверил его в полном к нему доверии правительства Республики и поручил передать войскам благодарность за службу. Одновременно совет министров решил отправить в Марокко подкрепления в составе трех батальонов, двух эскадронов и двух батарей горной артиллерии. Благодаря этой мере, общее число французских войск в султанате будет в непродолжительном времени доведено до 47 тысяч человек.

Последние события не могли, конечно, не произвести угнетающего впечатления на султана Мулай-Гафида, который и без того, со времени подписания трактата с Францией о протекторате [1], серьезно помышляет об отречении от престола. Однако, благодаря быстрому подавлению мятежа и личному воздействию генерала Лиоте, султан, повидимому, за последние дни несколько успокоился и отложил пока осуществление своего намерения, которое, при настоящих обстоятельствах, несомненно создало бы немало забот французскому правительству [2].

Примите и пр.

Извольский.

№ 141. Посол в Париже министру иностранных дел.

Ф. Письмо [3]. 6 июня/24 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Поднятый английской печатью вопрос о преобразовании сердечного согласия между Францией и Англией в формальный союз, весьма натурально,

[1] Трактат об установлении франц. протектората над Марокко был подписан 30/17 марта в Феце (см. т. XIX, № 741). Деп. от 4 июля/21 июня за № 42 (опубл. М., стр. 219) Извольский сообщал о принятии 28/15 июня франц. палатой депутатов большинством 443 против 85 трактата об установлении протектората над Марокко. В дебатах против принятия этого трактата выступил Жорес.

[2] Позднее, деп. от 14/1 августа за № 52 (опубл. М., стр. 246), Севастопуло сообщал об отречении султана Мулай-Гафида, состоявшемся в результате происходивших в Рабате переговоров между султаном и генеральным резидентом Лиоте «относительно условий отречения его и личности преемника».

Мулай-Гафид отрекся от престола 12 авг./30 июля. 13 авг./31 июля султаном был провозглашен Мулай-Юссеф, младший брат Мулай-Гафида.

[3] Опубл. М., стр. 206.

возбудил здесь, как в правительственных кругах, так и в печати, живейший интерес [1].

В разговоре со мной г. Пуанкаре выразил по этому предмету вполне определенное мнение: по его убеждению, ни Франция, ни Англия не имеют серьезного повода желать изменения настоящего положения.

События последнего времени доказали, что при нынешнем состоянии Европы общность интересов между Францией и Англией и основанное на них соглашение настолько сильны и неоспоримы, что они в достаточной степени обеспечивают совместные действия этих двух держав в случае наступления каких-либо серьезных осложнений. Подписание того или другого формального акта, даже если предположить, что оно было бы возможно при наличности как английского, так и французского государственного строя, отнюдь не усилило бы этой гарантии. Ибо и в случае существования подобного акта останется в полной силе недавнее публичное заявление г. Асквита, что в решительную минуту великобританское правительство примет лишь то решение, которое будет внушено ему волей английской нации. Что касается до поставленного одновременно на очередь печатью вопроса об изменении английской военной организации и введении в Англии воинской повинности, г. Пуанкаре считает, что Франция поступила бы весьма легкомысленно, даже самым осторожным образом затронув этот вопрос, являющийся чисто национальной, английской задачей.

Что касается до французской печати, то главнейшие ее органы проявили в настоящем щекотливом вопросе большой такт и в большинстве случаев стали на ту точку зрения, что вопрос о союзах Англии и о ее военной организации подлежит, прежде всего, обсуждению самих англичан и что французские газеты должны воздерживаться от какого-либо давления в пользу того или другого его разрешения.

Примите и пр.

Извольский.

№ 142. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 6 июня/24 мая 1912 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении вашего письма от [2 мая] 19 апреля с. г. за № 243 [2] я не преминул сообщить г. Пуанкаре, в форме прилагаемой при сем памятной записки на французском языке, сущность ваших соображений и предположений касательно возможности вторичного занятия Австро-Венгрией Новобазарского санджака [3].

Г. Пуанкаре принял мое сообщение с живейшим интересом и благодарностью и поспешил высказать мне, что, по первому впечатлению, высказанные соображения и предположения кажутся ему вполне правильными, но что он не преминет, по тщательном изучении моей записки, дать мне более точный и подробный ответ.

Ныне имею честь представить вам в копии только что полученную мной ответную записку г. Пуанкаре [4], в которой выражается полное согласие с усвоенным нами взглядом на рассматриваемый вопрос; но, кроме того, г. Пуанкаре высказывает в ней, что, по его мнению, бдительность представителей России и Франции должна проявляться не только в Вене, но и по

---

[1] См. № 121.

[2] См. т. XIX, № 850.

[3] Пам. записка Извольского Пуанкаре, датированная 7 мая/24 апр., полностью передавала содержание письма Сазонова за № 243.

[4] См. приложение к публикуемому документу.

отношению к балканским государствам, интриги и беспокойные выступления коих могли бы вызвать движение Австро-Венгрии в Санджак. Поэтому и обращение к совместному обсуждению дела Европой должно произойти как только status quo на Балканском полуострове подвергнется угрозе со стороны одного из славянских государств, ибо подобное обращение будет слишком запоздалым, если оно явится лишь как ответ на последующее выступление венского кабинета.

Доводя о вышеизложенном до вашего сведения, позволяю себе покорнейше просить вас уведомить меня, соответствует ли высказанный г. Пуанкаре взгляд видам императорского правительства. Со своей стороны, воздерживаясь от обсуждения этого взгляда по существу, замечу лишь, что во всяком случае в предпоследней фразе записки г. Пуанкаре следовало бы выражение «un des Etats slaves» [1] заменить выражением «un des États balkaniques» [2], ибо status quo может подвергнуться угрозе не только со стороны Болгарии, Сербии или Черногории, но и Греции.

Примите и пр.

Извольский.

Приложение.

Памятная записка французского министерства иностранных дел российскому послу в Париже Извольскому [3].

5 июня/23 мая 1912 г.

Le Président du Conseil, Ministre des Affaires étrangères, a pris connaissance, avec un intérêt particulier, de la note que Son Excellence l'Ambassadeur de Russie a bien voulu lui remettre le 7 mai dernier [4], relativement à une réoccupation éventuelle du Sandjak de Novi-Bazar par l'Autriche-Hongrie.

M. Poincaré acquiesce pleinement aux vues et propositions énoncées dans ce document. Il estime toutefois que la vigilance des agents français et russes ne doit pas seulement s'exercer à Vienne; il n'est pas moins nécessaire qu'elle s'applique à dépister les intrigues des États balkaniques, dont l'activité turbulente risque d'entraîner, par contre-coup, une action de l'Autriche-Hongrie dans le Sandjak. L'appel à l'Europe devrait se produire aussitôt que le status quo de la Péninsule serait menacé par le fait d'un des États slaves; ce serait trop tard de n'en appeler à l'Europe que pour répondre à une action subséquente du Cabinet de Vienne.

Перевод.

Председатель совета, министр иностранных дел, с особым интересом ознакомился с содержанием ноты, которую его превосходительство российский посол вручил ему 7 мая текущего года касательно возможной реоккупации Австро-Венгрией Новобазарского санджака.

Г. Пуанкаре полностью присоединяется к взглядам и предложениям, изложенным в этом документе. Он полагает, однако, что бдительность представителей Франции и России должна проявляться не только в Вене; не менее необходимо стараться выявить интриги балканских государств, беспокойная деятельность которых угрожает вызвать ответное выступление Австро-Венгрии в Санджаке. Обращение к Европе должно иметь место как только status quo на полуострове будет поставлен под угрозу одним из славянских государств; было бы слишком поздно обращаться к Европе лишь в ответ на последовавшие за этим действия венского кабинета.

---

[1] «одним из славянских государств».
[2] «одним из балканских государств».
[3] Маш. копия.
[4] См. стр. 132, прим. 3.

№ 143. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 6 июня/24 мая 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении весьма доверительного письма вашего от 30/17 мая с. г. [2] я не преминул вызвать г. Пуанкаре на беседу об отношениях между Францией и Италией. Изложив ему заключающиеся в этом письме мысли, я постарался, в осторожной форме, осведомиться, насколько справедливы дошедшие до вас из Рима слухи,что ныне истекает срок, на который было заключено франко-итальянское соглашение 1902 г., и что между Францией и Италией возникают некоторые затруднения относительно его возобновления. При этом, указав ему на опасность, с точки зрения интересов, общих державам Тройственного согласия, охлаждения между Францией и Италией и возвращения последней к более тесному сближению со своими союзниками, я дал ему понять, что мы готовы приложить все наши старания к улажению разногласий между Парижем и Римом.

Г. Пуанкаре начал с того, что самым положительным образом заверил меня, что в соглашении 1902 г. не предусмотрено никакого срока [3]. Если текст этого соглашения не был нам сообщен, сказал он, то это лишь потому, что Франция не может этого сделать без согласия Италии. Но сущность его нам известна: сущность эта заключается в размежевании французских и итальянских интересов в Средиземном море; по природе своей подобное размежевание не допускает установления какого-либо срока; затем, практическим результатом соглашения является отказ от сосредоточения как французских, так и итальянских войск на франко-итальянской границе. Если бы Италия, под влиянием тех или иных событий, внесла какое-либо изменение в это положение, то это явилось бы с ее стороны недружелюбным актом по отношению к Франции; но, к счастью, о подобном изменении в настоящее время нет и не может быть речи.

Переходя к общему характеру настоящих отношений между Францией и Италией, г. Пуанкаре весьма настойчиво выразил мысль, что правительства обеих стран отнюдь не поддаются тем или иным течениям общественного мнения и что последние события вовсе не ослабили дружеских между ними связей. По его словам, г. Баррер в самое последнее время получил от итальянского правительства положительные заверения в этом смысле. Со своей стороны и французское правительство продолжает питать к Италии прежние дружеские чувства и если обязанности, налагаемые на Францию нейтралитетом, не всегда позволяют ей проявлять эти чувства, — как только державы соберутся вокруг зеленого стола, Франция не преминет оказать Италии самую деятельную поддержку. «Впрочем,—присовокупил г. Пуанкаре, — я имею основание думать, что Италия вполне уверена в расположении к ней Франции и что как раз в настоящую минуту итальянское правительство смотрит на Россию и на Францию, как на лучших своих друзей, ожидая главным образом от них, а не от своих союзниц, помощи и поддержки».

Что касается вопроса о формальном выходе Италии из состава Тройственного союза, то г. Пуанкаре вполне согласен с нами, что нет никакого повода добиваться подобного результата, способного лишь вызвать опасные

---

[1] Опубл. L. N., I, p. 265. На полях помета: «Сообщить в Рим. Ш[иллинг]».
[2] См. № 105.
[3] Соответствующий пункт франко-итальянского соглашения от 1 ноября/19 окт. 1902 г. читается: «Так как предыдущие заявления находятся в соответствии с действующими ныне международными обязательствами Италии, то королевское правительство понимает эти заявления в том смысле, что они будут в полной силе до того момента, пока оно не заявит правительству Республики о том, что в тех обязательствах последовало изменение».

пертурбации. Лучше всего сохранить нынешнее положение, при котором Италия является парализующим элементом в Тройственном союзе. Вместе с тем, однако, Франция не должна забывать, что Италия все-таки является членом противоположной политической комбинации; поэтому французское правительство должно прежде всего заботиться о том, чтобы Италия не приобрела в Средиземном море преобладающего положения. При настоящем соотношении флотов достаточно одной мобилизации французских морских сил, чтобы остановить со стороны Италии всякую враждебную попытку. «Вы можете быть уверены, — сказал с особой силой г. Пуанкаре, — что Франция и впредь твердо намерена сохранить то же превосходство в Средиземном море над Италией».

Вышеизложенные заявления г. Пуанкаре не вполне соответствуют сведениям, сообщаемым вам нашим поверенным в делах в Риме [1]. Тем не менее я не имею основания сомневаться в искренности г. Пуанкаре, который, хотя и проявляет иногда излишнюю резкость и прямолинейность, никогда не подавал мне повода подозревать его в недостатке правдивости. Кроме того, мне кажется, что за последнее время отношения как между обоими правительствами, так и лично между гг. Пуанкаре и Титтони значительно улучшились [2]. В частности,мне известно от самого г. Титтони, что в вопросе о снабжении турок деньгами [3] г. Пуанкаре сделал все от него зависящее, чтобы удержать парижские банки от оказания, хотя бы и в неофициальной форме, дальнейшей помощи турецкому правительству.

Примите и пр.

Извольский.

№ 144. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [4]. 6 июня/24 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграмм моих [5] вам подробно известно о взгляде г. Пуанкаре на вопрос о конференции: хотя он и не признает себя автором этого проекта, несомненно, что он относится к нему сочувственно и был бы не прочь провести его под своим флагом; главным образом он настаивает на том соображении, что, если в пользу его своевременно не выступят державы Тройственного согласия, за эту мысль может внезапно ухватиться император Вильгельм и тогда конференция, которая в конце концов, вероятно, окажется неизбежной, соберется под эгидой Германии и в Берлине. Он не

---

[1] См. №43. В письме от 4 июня/22 мая (опубл. Siebert, II, S. 385, N 623) Поггенполь сообщал, со слов Сан-Джулиано и Баррера, что Титтони имел «исчерпывающее объяснение с г. Пуанкаре, которое кончилось к обоюдному их полному удовлетворению». «Я приветствовал это событие, — добавлял Поггенполь, — и выразил надежду, что теперь прекратятся всякие трения и недоразумения между обоими государствами, что столь же в их, как и в наших интересах. В Консульте отнеслись к этому вопросу, как к итальянской победе, и итальянское правительство склонно думать теперь, что между обеими латинскими державами прекратились всякие поводы к недоразумениям. Более дальновидный и спокойный французский посол смотрит на дело несколько иначе и не особенно доверяет объяснениям Титтони с Пуанкаре. Признавая важность состоявшегося объяснения, он, однако, смотрит на все с реальной точки врения и сказал мне, что только тогда будет вполне спокоен, когда соглашение 1902 г. будет возобновлено без всяких оговорок». По мнению Баррера, «одним из препятствий к возобновлению прежних доверчивых отношений между Францией и Италией является личность г. Титтони, теперешнего итальянского посла в Париже, скомпрометировавшего себя мелкими политическими интригами».

[2] У Stieve (II, S. 137, N 316) последующая часть письма опущена.

[3] См. № 43.

[4] Опубл. L. N., I, p. 270, в сокращенном виде: содержание первых двух абзацев и последнего изложено кратко.

[5] См. № 109 и стр. 96, прим. 4.

отрицает, что конференция представляет серьезную опасность возбуждения различных побочных вопросов; поэтому ему представляется,прежде всего, необходимым строго ограничить сферу ее компетенции и представить на ее обсуждение лишь первоначальный спор между Италией и Турцией о Триполи и Киренаике. На мой вопрос, каким образом избежать, например, вопроса об обеспечении христианского населения островов против турецких репрессалий, при возвращении их под турецкое владычество, он ответил, что этот вопрос вполне возможно разрешить вне конференции, путем непосредственных переговоров между воюющими сторонами.

Продолжая высказываться в пользу конференции, г. Пуанкаре признает, что в настоящую минуту вряд ли возможно с надеждой на успех выступить с формальным предложением о ее созыве. По имеющимся у него сведениям, в Риме не высказываются ни за, ни против этого проекта и признают, что по ходу дальнейших событий он может осуществиться; в Константинополе к нему относятся более отрицательно, ибо там главным образом опасаются расширения ее деятельности; поэтому оттоманское правительство согласится на конференцию лишь в том случае, если заранее будет предрешен как ее предмет, так и приемлемый для него способ разрешения конфликта. При этом, как доносит Бомпар, турки требуют оставления Киренаики под полным владычеством Турции и лишь для Триполи допускают возможность какой-либо комбинации в смысле учреждения гражданского протектората Италии, но с сохранением верховных прав султана, то-есть нечто вроде положения Египта.

Не настаивая, ввиду вышеизложенного, на немедленном приступе к осуществлению проекта конференции, г. Пуанкаре думает, что Россия, Франция и Англия должны продолжать между собой его обсуждение и быть готовыми при первом благоприятном случае принять в этом деле инициативу.

Как я вам телеграфировал, Жорж Луи сообщил сюда, что вы по существу весьма мало склонны к мысли о конференции. Это несомненно несколько неприятно поразило г. Пуанкаре. Поэтому, получив вашу телеграмму за № 1037 [1], я употребил все старания, чтобы подробно разъяснить ваше отношение к этому вопросу; при этом я особенно подчеркнул ваше опасение, что на конференции могут быть подняты посторонние вопросы, и осведомил его о заявлении, сделанном вами Турхан-паше, что Россия отнюдь не намерена воспользоваться нынешними обстоятельствами для возбуждения вопроса о Дарданеллах [2].

По поводу этого последнего вопроса считаю долгом упомянуть о мыслях, высказанных мне приезжавшим сюда на несколько дней французским послом в Лондоне. Г. Поль Камбон думает, что, несмотря на все усилия ограничить сферу ее компетенции, конференция, если она соберется, неминуемо будет принуждена заняться общим положением вещей на Балканском полуострове. В таком случае, по его мнению, Франция и Англия не только не должны стараться избежать обсуждения вопроса о Проливах, но, напротив того, в собственном своем интересе, должны поставить этот вопрос на очередь и разрешить его в пользу России. Мнение свое г. Камбон основывает на том соображении, что лишь этим путем возможно будет восстановить в Средиземном море равновесие сил, которое, в результате войны, может оказаться нарушенным в пользу Италии, а следовательно, и в пользу Тройственного союза. Мысли эти г. П. Камбон изложил и г. Пуанкаре, который не вполне их разделяет, считая, что конференция должна тщательно избегать всяких посторонних вопросов; при этом, однако, г. Пуанкаре высказал мне, что с более общей точки зрения он вполне признает, что, ввиду слагающейся в Средиземном море новой конъюнктуры,

[1] См. № 115.
[2] См. № 116.

для Франции и Англии весьма желательно открыть русским морским силам выход из Черного моря и что он готов, как только к этому представится удобный случай, энергически содействовать разрешению этого вопроса в благоприятном для нас смысле.

Вам уже известно, что г. Пуанкаре относится с нескрываемой тревогой к развитию итальянских операций в Эгейском море [1]. Несмотря на заявление, сделанное ему г. Титтони, что Италия отнюдь не помышляет об окончательном завладении занятыми ею островами, он опасается, что если война затянется, общественное мнение не позволит итальянскому правительству возвратить эти острова Турции. Возможность занятия итальянцами Митилены, Лемноса и Хиоса также очень его тревожит. По полученным им сведениям, против занятия этих островов энергически высказываются Германия и Австрия, и это несколько его успокаивает. Он опасается кроме того, что дальнейшее движение итальянцев на север может опять побудить турок закрыть Дарданеллы, и поэтому он высказал Титтони, что, в случае подобного движения, Италия должна, по собственному почину, заявить, что она не намерена атаковать Проливы.

Резюмируя все вышеизложенное, я прихожу к заключению, что здесь все более и более опасаются, что нынешние события примут затяжной характер и что г. Пуанкаре видит в созыве конференции единственное средство выйти из настоящего тупика. Малый успех первых его попыток в этом направлении вряд ли отвратит его от этой мысли и, принимая во внимание настойчивость и прямолинейность его характера, надо предвидеть, что он вернется к ней при первом удобном случае.

Примите и пр.

И з в о л ь с к и й.

№ 145. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 6 июня/24 мая 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Искренне благодарю вас за дружеское письмо ваше от 28/15 мая [2].

Откровенность и твердость вашего объяснения с Ж. Луи, мне кажется, ставит на время точку всему делу. Но все последствия этого тягостного инцидента, очевидно, еще не исчерпаны. Лично мне здесь несомненно придется считаться с личной враждой ко мне как самого Ж. Луи, так и его родственников и друзей, которые при весьма невысоком их нравственном и общественном уровне способны на всякие репрессалии. Как образчик подобных репрессалий прилагаю при сем заметку, появившуюся на-днях на четвертой странице газеты «Temps» и проливающую некоторый свет на закулисную роль г. Ж. Луи. Даже здешняя мелкая печать, столь неразборчивая на средства, уразумела смешную и недостойную сторону этого выступления и замолчала эту неправдоподобную историю с потерянным письмом [3].

Относительно Титтони вы ошибочно приписываете мне особенную с ним

[1] См. № 66.

[2] Указанное письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] В газетной заметке, озаглавленной «Письмо, потерянное госпожей Луи», сообщалось, что некая г-жа Паскаль случайно обнаружила в такси письмо без конверта, написанное г-жей Луи одному из министров Франции, в котором она настойчиво просила его вмешаться, чтобы предотвратить осуществление интриг, сплетенных вокруг ее мужа. Письмо содержало также намеки на личные затруднения жены предшественника Ж. Луи в общении с высшими официальными кругами Петербурга, что будто бы и послужило причиной отказа со стороны г-жи Луи последовать за мужем в Россию. Кроме того, — указывалось в заметке, — в письме высказывались суждения о существующих отношениях между Францией и Россией и отмечалось определенное настроение, господствовавшее среди части высшей аристократии Петербурга по отношению к отдельным представителям Франции.

интимность [1]; я, действительно, довольно часто с ним вижусь, но не я к нему хожу, а он ко мне, и во всяком случае вы можете быть уверены, что я отнюдь не поддаюсь его влиянию. Не забудьте кроме того, что это единственный посол, с которым я мог здесь обмениваться мыслями, ибо ни с Шеном, ни с гр. Сеченом у меня, очевидно, не может быть вполне откровенных отношений, а Берти либо в отсутствии, либо отмалчивается. Возвращаемая при сем телеграмма доказывает, что и Титтони неправильно передает то, что ему говорят, и я, конечно, впредь буду с ним гораздо осторожнее [2].

Известие о предстоящем свидании в Шхерах, как и следовало ожидать, очень взволновало Пуанкаре. Он с полной откровенностью высказал мне, что само французское правительство вполне уверено в крепости союзнических чувств и отношений России, [но] как французское общественное мнение, так и французская печать несомненно будут крайне встревожены этим событием [3]. При нынешнем столь сложном международном положении и после нескольких попыток приписать нам склонность отделиться от Франции и сблизиться с Германией «le public français ne comprendra pas cette entrevue autrement qu'un symptôme de l'affaiblissement de l'alliance» [4].

На мое замечание, что от него будет зависеть правильно разъяснить печати значение свидания, он ответил, что в этом отношении он вряд ли может рассчитывать на успех своего воздействия. Если некоторые правительственные и серьезные органы и поддадутся его внушениям, то не надо забывать существования многочисленных газет, отчасти оппозиционного свойства, отчасти же живущих сенсационными известиями. Со своей стороны я должен указать еще на многочисленные органы, находящиеся на жаловании у немцев, австрийцев и турок. Все эти газеты и газетки, в отдельности не имеющие большого значения, своим дружным выступлением производят большое впечатление. Нет сомнения, что все они, по разным побуждениям, будут стараться бросить подозрение на нашу верность союзу. Между тем вы знаете, что за полным отсутствием денежных средств и соответствующей организации я абсолютно лишен возможности бороться с подобной кампанией, о чем я неоднократно предупреждал и вас и В. Н. Коковцова. Конечно, я надеюсь, что и на этот раз мне, может быть, удастся направить такие газеты, как «Temps», «Journal des Débats» и «Matin»; но и за это я не могу вполне ручаться и не могу не предвидеть новой вспышки недоверия к нашей политике.

---

[1] В тел. от 30/17 мая за № 254, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел. (опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 75, N 55), Жорж Луи передал Пуанкаре содержание своей беседы с «одним из главных министров», который сказал, что «эта прискорбная история — целиком дело Извольского». Отмечая близость Извольского с Титтони, министр признавал неразумным «желать более тесного сближения с Италией, чем с Францией». Ж. Луи заканчивал свою телеграмму следующими словами: «Настойчивое подчеркивание моим собеседником близости г. Извольского с г. Титтони знаменательно. Уже в то время, когда сообщения парижских газет заставляли думать, что французское правительство будет просить о замене российского посла в Париже, одна русская газета, осведомленная о настроениях влиятельных членов императорского правительства, указывала на чрезмерную близость Извольского с г. Титтони, как на причину его возможного отозвания».

[2] Приложение отсутствует. Возможно, имеется в виду тел. Поггенполя от 18/5 мая за № 60 следующего содержания: «Только что был вызван к министру иностранных дел, который сказал мне, что он крайне озабочен полученными от Титтони сведениями. По словам последнего, гофмейстером Извольским... [пропуск в оригинале] в Париже, имеющие целью отозвание из Петербурга г. Луи, который в таком случае заменил бы, вероятно, в Риме г. Баррера. Министр иностранных дел просил меня узнать у вас, были ли сделаны императорским послом в Париже приписываемые ему шаги».

[3] Об этом же Извольский сообщил тел. от 5 июня/23 мая за № 95 (опубл. Stieve, II, S. 133, N 312).

[4] «французское общественное мнение будет расценивать это свидание не иначе, как признак ослабления союза».

По ходу моей беседы с Пуанкаре я натурально приложил все старания к тому, чтобы по возможности успокоить его волнение и разъяснить ему истинный смысл предстоящего свидания. Я рассказал ему в разговорной форме и на основании моих личных воспоминаний, при какой обстановке устраиваются и происходят подобные свидания, свидетельствующие лишь о дружественности личных отношений между монархами, но не оставляющие следов в политическом отношении. Так, например, при последнем своем приезде в Шхеры[1] император Вильгельм старательно подчеркивал семейный характер своего визита и ни разу не коснулся вопросов внешней политики ни со мной, ни с П. А. Столыпиным. Точно так же и с государем императором он лишь один раз заговорил о политическом предмете, а именно о занимающем с давних пор его воображение панисламизме. Не могу, однако, скрыть от вас, что вряд ли мне удалось рассеять опасения г.Пуанкаре; по его мнению, единственным средством ослабить впечатление, которое неминуемо произведет известие о предстоящем свидании, — это одновременное и вполне точное указание времени, когда состоится собственный его визит в Петербург. До сих пор сведения, сообщенные печати об этом визите, имели несколько неопределенный характер. Необходимо поставить публику в известность о точном времени прибытия г. Пуанкаре в Петербург и о том, какой ему там готовится прием. Сегодня утром в газете «Matin» появилась короткая заметка о том, что г. Пуанкаре решил ускорить свою поездку в Россию. Заметка эта, очевидно, исходила от министерства иностранных дел и имеет, так сказать, профилактический характер. Предстоящая поездка г. Пуанкаре выдвигает также вопрос, каким образом проехать через Германию без остановки в Берлине. Предвидя возможное приглашение со стороны императора Вильгельма или германского правительства и во избежание этой случайности, г. Пуанкаре намерен совершить путешествие на французском военном судне, причем, дабы не придавать этому путешествию слишком торжественного характера, он, может быть, посетит попутно те или другие скандинавские берега.

Ввиду всего вышеизложенного, я усерднейше просил бы вас как можно скорее установить как время, так и все подробности визита г. Пуанкаре. При этом необходимо принять во внимание его прибытие на французском военном судне, которому также желательно оказать подобающий прием. Обо всем этом следовало бы осведомить публику или одновременно или даже раньше, но никак не позднее появления известия о свидании в Шхерах. Не откажите ответить мне по телеграфу и дать мне точное указание, когда именно и в какой форме можно будет обо всем этом сообщить газетам.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

P. S. Обдумывая средство по возможности ослабить впечатление, которое неминуемо получится от свидания в Шхерах, мне представляется, что этого можно было бы отчасти достичь, если бы на нем не присутствовали ни с той, ни с другой стороны ни министры иностранных дел, ни какие-либо другие министры. Прецеденты такого рода имеются. В 1905 г. в Бьерке был один только морской министр. При последнем визите в Шхерах, насколько мне помнится, первоначально мое присутствие не предполагалось; но император Вильгельм выразил желание познакомиться с П. А. Столыпиным, а потому государь император пригласил и меня. Присутствие министра двора, конечно, политического значения не имеет. Высказываю вам эту мысль совершенно личным и доверительным образом.

Ut in litteris

Извольский.

[1] Это свидание происходило 17/4—18/5 июня 1909 г.

№ 146. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 6 июня/24 мая 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Здесь только что провел несколько дней болгарский министр финансов г. Тодоров, приезжавший для переговоров с французским правительством и французскими банками о предстоящем болгарском займе. Согласно смыслу полученных мной инструкций, я не преминул оказать г. Тодорову деятельную поддержку, и он уехал вполне довольный достигнутым результатом [2]. Тогда как при предыдущей попытке Болгарии заключить на парижской бирже заем французское правительство поставило свое согласие на него в зависимость от предоставления кредиторам специальных гарантий, ныне гг. Пуанкаре и Клотц оставили банкам в этом вопросе полную свободу. Г. Тодорову, повидимому, удалось разрешить этот щекотливый вопрос вполне удовлетворительным образом; далее решено, что заем будет выпущен в начале октября, но что до того банки выдадут болгарскому правительству необходимые ему авансы. Выпускная цена будет определена в сентябре [3].

Накануне своего отъезда из Парижа г. Тодоров посетил меня, чтобы высказать мне горячую признательность за оказанную ему поддержку; при этом он, по собственному почину, затронул положение дел на Ближнем Востоке и высказал мне следующие соображения, поразившие меня своей важностью и откровенностью.

По убеждению г. Тодорова, разделяемому, по его словам, и остальными членами болгарского правительства, Болгария совершенно не заинтересована в скорейшем окончании итальянско-турецкой войны. Происходящая ныне борьба в конце концов должна непременно ослабить обе эти державы, принадлежащие к группе, принципиально враждебной славянству и славянским государствам Балканского полуострова. Болгарские политические деятели всех партий проникнуты убеждением, что подобная конъюнктура может в течение долгого времени не повториться и что Болгария сделает непоправимую ошибку, если она не попытается так или иначе ею воспользоваться для разрешения своих исторических задач. С этой точки зрения болгарское правительство может отнестись лишь самым отрицательным образом к мысли о немедленном созыве конференции с целью положить конец итальянско-турецкой войне в нынешней ее стадии. По его мнению, конференция будет необходима, но лишь после того, как события получат дальнейшее развитие и поставят на очередь такие вопросы, окончательное разрешение коих будет зависеть от Европы. Подобное отношение Болгарии к итальянско-турецкой войне и к вопросу о конференции, по убеждению г. Тодорова, не должно внушать России никакой тревоги. Правительство г. Гешова достаточно сильно и благоразумно, чтобы сохранить выжидательное положение до наступления вполне благоприятного момента. Ближайшей его задачей должно быть установление общего плана действий с другими балканскими государствами; соглашение с Сербией является

---

[1] Опубл. L. N., I, p. 267.

[2] См. т. XIX, ч. II, стр. 521, прим. 3.

[3] В деп. от 20/7 июня за № 17 Неклюдов, сообщая Сазонову, что переговоры между Тодоровым и группой Banque de Paris et de Pays-Bas о займе в 180 000 000 фр. «привели покамест к успешному результату», между прочим, писал: «Заем, однако, еще не заключен, так как парижские финансисты заявили, что они решительно не в силах осуществить эту финансовую операцию в чересчур краткое время, оставшееся до летних каникул и двухмесячного прекращения всякой живой биржевой деятельности». «Пока же, — заканчивал Неклюдов, — болгарское правительство получает от вышеупомянутой группы авансом в счет займа 25 000 000 франков из 5% сроком на 6 месяцев, но с допущением отсрочки уплаты еще на полгода, если бы заем до того не состоялся».

первым удачным шагом в этом направлении; ныне следует употребить все старания, чтобы убедить Румынию не препятствовать движению Болгарии на юг, и г. Тодоров думает, что это вполне достижимо ценой исправления границы у Силистрии. Наконец, в настоящую минуту ведутся переговоры с греческим правительством, которые также, вероятно, установят общность целей между Болгарией и Грецией. Болгарское правительство имеет твердое намерение не делать никаких попыток к вовлечению России в активные действия против ее воли, но со своей стороны Россия должна предоставить ей свободу смотря по ходу событий и при наступлении благоприятных условий принимать те или другие решения, причем не должна быть исключена возможность совместных действий Болгарии с Италией, которая, будто бы, уже делала ей в этом смысле некоторые намеки. Болгария, признающая, что сферу русских интересов составляют Константинополь и Проливы, вполне допускает мысль, что мы останемся в стороне от событий, покуда не будут затронуты эти интересы, и это даже представит для нее ту выгоду, что воздержание России удержит от вмешательства и Австрию, а ликвидация общего положения будет произведена всей Европой, вероятнее всего путем конгресса или конференции, на которой мы будем поддержаны не только Францией и Англией, но и Италией.

Вышеизложенное со всей возможной точностью передает длинную речь г. Тодорова; выслушав его со вниманием, я заявил ему, что, воздерживаясь от выражения какого-либо мнения по существу высказанных им мыслей, я все-таки не могу не указать ему на серьезные опасности, сопряженные с выполнением его плана, в особенности со стороны Австрии, которая, даже в случае нашей пассивности, вряд ли воздержится от активного выступления; на мой вопрос, как относится к упомянутому плану король Фердинанд, г. Тодоров сказал мне, что за последнее время его величество проявляет полное понимание истинных исторических задач Болгарии и действует в совершенной солидарности со своим народом и правительством. Доказательством этого настроения служит его согласие на заключенное между Болгарией и Сербией соглашение. С другой стороны, при наступлении критического момента весьма естественно, что он примет всякую протянутую ему руку помощи, и это нам необходимо иметь в виду.

Мысли, изложенные мне г. Тодоровым, мне кажется, заслуживают тем более внимания, что, как мне известно, он является одним из самых деятельных и влиятельных членов кабинета г. Гешова; как видно из письма вашего к А. В. Неклюдову от [23] 10 мая [1], г. Данев также начал с того, что заявил вам о необходимости использовать настоящие затруднения Турции. Не знаю, зашел ли он так же далеко, как г. Тодоров, на пути откровенности. Из частного, но хорошо осведомленного источника я узнаю, что он очень жалуется на полученный от вас холодный душ и что во время своего пребывания в Петербурге он старался пробудить сочувствие к болгарским вожделениям среди общественных и газетных кругов. Как бы то ни было, я думаю, что признания г. Тодорова сделаны мне не случайно, а с целью подготовить нас к более деятельной политике со стороны Болгарии. Из Парижа г. Тодоров отправился, по вызову г. Гешова, в Вену, а оттуда, весьма вероятно, что он поедет в Москву в качестве представителя болгарского правительства на открытие памятника императору Александру III. Я энергично рекомендовал ему воспользоваться своим пребыванием в России, чтобы увидеться с вами и с той же откровенностью повторить вам все сказанное мне.

В заключение и не принимая на себя высказать какое-либо мнение по существу затронутых г. Тодоровым вопросов, считаю долгом обратить ваше внимание на следующее соображение: если, действительно, болгарское

[1] См. № 64.

правительство имеет решимость так или иначе использовать нынешние события на ближневосточном театре, нельзя не опасаться, что в случае преждевременного, с точки зрения его замыслов, созвания конференции оно искусственным образом вызовет какой-либо инцидент, дабы заставить конференцию расширить круг своей деятельности. Обсуждая с г. Пуанкаре вопрос о конференции, я не преминул указать ему на эту опасность, отнюдь, разумеется, не посвящая его в сущность изложенных мне г. Тодоровым мыслей.

Примите и пр. Извольский.

№ 147. Морской агент в Германии в морской генеральный штаб.

Рапорт № 415 [1]. 6 июня/24 мая 1912 г.

Секретно.

Новые военные законопроекты [2], как и следовало ожидать, прошли удивительно быстро и без всяких сокращений. По своему существу они не могли, конечно, обсуждаться подробно в пленуме рейхстага; все наиболее интересные прения прошли в закрытых заседаниях комиссии, тем не менее общие прения заслуживают внимания, так как являются характерными для суждения о настроении различных политических партий в отношении военной мощи Германии и дают понятие о том, как такие проекты здесь рассматриваются.

Мне кажется, что большую роль в таком гладком и быстром прохождении законопроектов через рейхстаг сыграло желание показать заинтересованным иностранным государствам, что Германия, несмотря на быстрый рост социал-демократии, продолжает оставаться националистичной, в особенности после политических событий летом прошлого года. Кроме того, помогло правительству еще и то, что главное внимание и интерес рейхстага сосредоточились на финансовой стороне законопроекта, на вопросе, чем покрыть новые расходы, и чисто военные стороны отошли поэтому на второй план. Принимая во внимание психологию вообще всяких выборных учреждений, эта сторона интересна потому, что показывает, насколько выгодно вносить военные проекты одновременно с их финансовой стороной; этим достигается отвлечение внимания на эту последнюю, как наиболее понятную и важную для депутатов и их избирателей.

Что касается политической стороны обоснования военных проектов, то тут невольно напрашивается мысль, явившаяся у меня еще до их внесения в рейхстаг и подкрепленная последними событиями, а именно, что мы, кажется, даром отдали Англии тот новый германский корпус, который нам сформировали на нашей границе.

Мысль эта была вызвана у меня следующими соображениями: осенью прошлого года, когда впервые появились слухи о новых военных усилениях Германии, разговор шел главным образом об усилении на море и о мерах против французского шовинизма; говорилось о необходимости увеличить число больших крейсеров, о которых в проекте потом ничего не значилось. Общее впечатление тогда было таково, что усиление необходимо против Англии и отчасти на сухопутной границе против Франции. Затем, несколько позднее, начали появляться слухи о возможности сформирования нового корпуса на нашей границе. Здесь наступал, повидимому, в то время период колебаний и нерешительности — что уделить флоту и что — армии. Как раз с этим периодом совпадает время, когда нас начали усиленно пугать англичане возможностью осложнений и предлагать нам быть начеку, о чем я тогда и доносил письмами на имя начальника штаба [3]. Имея

[1] Маш. копия.
[2] См. № 76.
[3] См. т. XIX, № 462.

в виду, что на долю Франции Германией тогда было уже окончательно решено уделить часть новых военных приготовлений, можно объяснить, почему Англия пугала главным образом нас, а не французов. Англичанам было важно, чтобы Германия решила и на нашу долю уделить что-нибудь, ибо этим отвлекались средства от ассигнований на их долю, т. е. на германский флот, и потому они начали нас запугивать в тот момент, когда в самой Германии шла борьба между необходимостью одновременного усиления как армии, так и флота, и не было известно, на что уделить больше.

Запугивание ли англичан или что другое, но факт тот, что у нас на западной границе как раз в это время были приняты кое-какие меры предосторожности (по моим сведениям), что было совершенно достаточным, чтобы здешнее военное министерство нашло в них еще один аргумент для обоснования необходимости новых усилений армии, результатом чего явилось то, что в новых военных проектах львиная доля пошла на сухопутье, флот же ограничился гораздо меньшим, чем предполагал.

В результате — остались довольными именно те, кто больше всего имели шансов бояться и против которых весь удар раньше и предназначался, — т. е. англичане, удар же изменил первоначальное направление.

Мне кажется, что за этот лишний корпус на нашей границе и вообще за всякое прибавление к сухопутным здешним силам Англия заплатила бы и, вероятно, дала бы хорошую цену, ибо момент был очень для этого подходящий, спросить же с Англии тоже всегда найдется что.

В своих тогдашних письмах начальнику штаба я эти соображения очень кратко высказал как возможные и тогда же докладывал о них здешнему нашему послу. Повторяю их теперь еще раз более подробно, ввиду того, что такое же положение может повториться еще раз, вероятность же этих соображений теперь увеличилась, видя то нескрываемое удовольствие англичан (по крайней мере здешних), с которым они приняли размеры новой морской новеллы; я думаю, они ждали большего.

Англия всегда хорошо платила за услуги, оказываемые ее политике (вольные или невольные) на континенте. Судя по ходу событий, недалеко до времени, когда нам придется увидеть аналогичное положение, и тогда было бы досадным сделать ей вновь подарок столь бескорыстно.

Капитан 2-го ранга Беренс.

№ 148. Посол в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 21. 6 июня/24 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

С минувшей субботы и до понедельника здесь пребывал король болгарский [1], приехавший с королевой Элеонорой и двумя своими сыновьями, чтобы сделать официальный визит императору Франц-Иосифу. Среди лиц, сопровождавших болгарскую королевскую семью, находился министр иностранных дел, председатель совета министров, г. Гешов.

В числе торжеств, которыми отмечено было прибытие их королевских величеств и высочеств, главным явился парадный обед в Шенбрунне, за которым оба монарха обменялись в высшей степени прочувствованными и дружественными заздравными речами [2].

---

[1] Король Фердинанд был в Вене с 1 июня/19 мая до 3 июня/21 мая.

[2] В рапорте от 6 июня/24 мая за № 121 Занкевич, передавая содержание речей Франц-Иосифа и Фердинанда, писал: «Обращает на себя внимание, что император в своей речи подчеркнул желательность именно мирного развития Болгарии, составляющей на Балканах «элемент порядка и спокойствия». В ответной речи король не обмолвился, однако, ни одним словом о руководящих принципах внешней политики Болгарии, словно желая сохранить за собой полную свободу действий».

Посещение Вены королем Фердинандом в двух отношениях выходило из ряда обычных официальных приездов коронованных особ в столицы чужих государств.

С одной стороны, этому посещению придавала особое значение серьезность того момента, который переживают ныне Балканы, ввиду итало-турецкой войны, особенно же последних действий итальянского флота в Архипелаге. Вот почему миролюбивый характер шенбруннских тостов приобретает, конечно, исключительную важность.

Кроме того, посещению болгарской королевской четой австрийского императорского двора суждено было получить особый оттенок семейственной и придворной замкнутости в том отношении, что из программы празднеств исключены были приемы всех аккредитованных здесь представителей иностранных держав, хотя и под благовидным предлогом недостатка времени.

Этот оттенок усилен был тем обстоятельством, что король и королева несколько раз проводили время с эрцгерцогом Франц-Фердинандом и герцогиней Гогенбергской, проживающими временно в Гофбурге, вследствие происходящего теперь ремонта в Бельведере. У наследника престола состоялся завтрак в честь августейших гостей. Обе четы совместно посетили также представление в театре.

В таковых интимных встречах ваше высокопревосходительство изволите, может быть, усмотреть едва ли не наиболее выдающуюся сторону состоявшегося ныне приезда болгарского короля, так как его величество, согласно общему воззрению, находился до сих пор в отношениях некоторой натянутости и холодности с эрцгерцогом Франц-Фердинандом. Королю доставило особую радость то обстоятельство, что император Франц-Иосиф зачислил старшего его сына, болгарского наследника королевича Бориса, ротмистром в списки 2-го гусарского полка.

Здешние газеты не только уделили весьма сочувственные отзывы посещению Вены королем Фердинандом и его семьей, но отметили также не без удовлетворения те выражения симпатии, которые высказаны были по этому поводу на столбцах софийских органов печати.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 149. Посол в Вене министру иностранных дел.

№ Письмо. 6 июня/24 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Новый французский посол г. Дюмен вручил три дня тому назад свои верительные грамоты императору Франц-Иосифу. Мой французский коллега был глубоко тронут любезным приемом, оказанным ему престарелым монархом, который в своем разговоре с ним энергично настаивал на необходимости сближения между обеими державами для поддержания европейского мира. Он заявил Дюмену, что итальянское завладение островами Эгейского моря встревожило его очень, так как оно осложнило значительно положение и вызвало чрезмерное возбуждение в балканских государствах. К счастью, удалось убедить Италию отказаться от овладения островом Митиленой, и в этом отношении воздействие Австрии было солидарно с Германией. Все державы должны были бы сделать от них зависящее, чтобы не допустить войне разгореться на Балканах.

Французский посол произвел на всех здесь отличное впечатление своей деловитостью, тактом и изысканной любезностью.

Он сказал мне с видимым удовольствием, что, несмотря на настойчивость, выказанную графом Сеченом перед французским правительством,

чтобы допустить Австрию принять участие в китайском займе [1], граф Берхтольд совсем не затронул этого вопроса в политическом разговоре с ним.

Насчет пребывания короля болгарского приходится очень мало прибавить к моему донесению об оказанном ему, королеве и королевичам приеме [2]. Должен, однако, подчеркнуть знаменательный факт присутствия самого императора Франц-Иосифа на станции и примирение короля с эрцгерцогом Франц-Фердинандом, с которым Фердинанд был в самых натянутых отношениях. Как король Фердинанд, так и эрцгерцог Франц-Фердинанд упорно избегали до этого времени друг друга и не скрывали взаимную антипатию. Чем ближе эрцгерцог подходит к моменту, когда ему придется сесть на габсбургский престол, тем более он желает подчинить свои личные симпатии интересам государства. Личные и всем известные чувства антипатии эрцгерцога Франц-Фердинанда к королю Фердинанду, как и к Италии, судя по участию, принятому им в приеме, не будут играть решающей роли в определении политики Австро-Венгрии.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 150. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 6 июня/24 мая 1912 г.

Personnelle et secrète.

Monsieur le Ministre,

Veuillez me permettre de vous soumettre quelques idées personnelles au sujet de la révoltante attitude des autorités polonaises en Galicie.

Je crois avoir impressionné le comte Berchtold par les arguments puisés dans la lettre de Votre Excellence du 30/17 mai [3], et auxquels j'ai ajouté celui que l'agitation électorale imminente utilisera ce fâcheux incident, — ce qui ne pourra qu'envenimer nos relations, si la question n'était pas réglée avant de façon à nous donner satisfaction complète.

Après m'avoir exposé son point de vue, que j'ai transmis dans mon télégramme secret N 44 [4], et m'avoir confié que de grandes sommes d'argent étaient envoyées aux Polonais pour maintenir l'agitation et les démonstrations hostiles à la Russie, cet argent ne venant pas de chez nous, mais d'Angleterre et de France, le comte Berchtold m'a promis de réfléchir sérieusement à la solution la plus efficace. L'animosité activée par l'argent en Galicie est telle, que le Ministre de l'Intérieur ne peut pas agir avec précipitation.

Nous sommes là en face d'un problème très difficile à résoudre et qui ne paraît soluble aisément qu'aux organes de notre presse et à l'opinion publique, légitimement indignées, parce qu'elles ne portent aucune responsabilité des graves conséquences qui pourraient s'en suivre.

La presse autrichienne, qui est maintenue pour le moment seulement, ne tardera pas à chercher quelques prétextes pour commencer une campagne

[1] См. стр. 25, прим.

[2] См. № 148.

[3] См. № 107.

[4] В упомянутой тел. от 5 июня/23 мая Н. Гирс сообщал: «Видел Берхтольда, которому изложил нашу точку зрения и сказал, что мы ожидаем действительно строгого следствия, надеясь, что виновный в сожжении портрета государя императора будет обнаружен и понесет заслуженную кару. Министр, выслушав меня внимательно, ответил, что такое сложное следствие, которое правительство желает вести самым добросовестным образом, не может производиться столь быстро, как оно этого желало бы; приходится допрашивать очень большое число лиц, но во всяком случае оно подвигается вперед и вы будете немедленно уведомлены о результате». По поводу опубликования его писем (см. № 111) Берхтольд заявил, что данное в свое время Эренталем разрешение на опубликование не относится к теперешней переписке, так как та переписка носила исключительно официальный характер. «Министр надеется, что в будущем таковое нарушение международных традиций не повторится».

contre la Russie. Je crains bien que le prétexte pourrait être l'affirmation du «Temps», qui déclare que malgré tous les démentis leur correspondant bien informé en général affirme qu'une alliance offensive et défensive a été signée il y a un mois environ entre la Serbie et Bulgarie. Naturellement on déclarera que c'est la Russie qui a été instigatrice de cette alliance dirigée aussi bien contre l'Autriche que la Turquie.

Si une solution venait à tarder et que Votre Excellence le juge nécessaire pour impressionner davantage Berchtold, je pourrais éviter toute conversation politique, je pourrais espacer mes visites au Ball-Platz les mercredis pour bien marquer le mécontentement, d'autre part nous causerions bien plus assidûment avec le Cabinet de Berlin.

Ma famille se rendant dans deux semaines en Bohème, à Marienbad, pour cinq semaines, — je ferai la navette, ne venant à Vienne que pour les cas urgents. Si la situation reste la même, je solliciterai, en tous cas, un congé pour me rendre auprès des miens à Berchtesgaden, en Bavière, le[14] 1 août.

Berchtesgaden n'étant qu'à 7 heures de distance de Vienne, je pourrai me rendre sans retard à mon poste dès que Votre Excellence le jugerait nécessaire et si Elle considérait que le congé ne peut m'être accordé au mois d'août, vu les circonstances politiques.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод.

Личное и секретное.

Г. министр,

Благоволите разрешить мне высказать некоторые мои личные мысли по поводу возмутительного поведения польских властей в Галиции.

Мне кажется, что на графа Берхтольда произвели впечатление аргументы, почерпнутые мной из письма вашего высокопревосходительства от 30/17 мая, к которым я добавил еще, что предстоящая вскоре предвыборная агитация использует этот досадный инцидент, и это, в свою очередь, только обострит наши отношения, если вопрос не будет урегулирован заранее таким образом, чтобы дать нам полное удовлетворение.

После того, как граф Берхтольд изложил точку врения, переданную мной секретной телеграммой № 44, и доверил мне, что поляки получают большие деньги для поддержки агитации и устройства враждебных России демонстраций, — причем деньги идут не от нас, а из Англии и Франции, — он обещал мне серьезно подумать о наиболее эффективном разрешении вопроса. Поддерживаемые деньгами враждебные чувства в Галиции настолько сильны, что министр внутренних дел не может действовать опрометчиво.

Мы стоим перед очень трудной задачей, которая представляется легко разрешимой только для вполне законно возмущенных органов нашей печати и для общественного мнения, так как они не несут никакой ответственности за могущие произойти серьезные последствия.

Австрийская пресса, которую сдерживают только в настоящий момент, не замедлит найти какой-нибудь предлог, чтобы начать кампанию против России. Опасаюсь, что предлогом может послужить заявление газеты «Temps», что, несмотря на все опровержения, ее корреспондент, обычно хорошо осведомленный, утверждает, что между Сербией и Болгарией, приблизительно месяц тому назад, подписан наступательный и оборонительный союз. Естественно будут говорить, что Россия была зачинщиком этого союза, одинаково направленного как против Турции, так и против Австрии.

Если разрешение вопроса запоздает и ваше высокопревосходительство сочтете это нужным для того, чтобы произвести более сильное впечатление на Берхтольда, я мог бы избегать всяких политических разговоров и реже посещать среды на Ball-Platz'е, чтобы резче подчеркнуть наше недовольство, а с другой стороны, мы гораздо усерднее начали бы беседовать с берлинским кабинетом.

Через две недели моя семья уезжает на пять недель в Богемию, в Мариенбад; я буду ездить туда, а в Вену приезжать только в неотложных случаях. Если положение останется неизменным, я во всяком случае попрошу отпуск, чтобы поехать [14] 1 августа к своим в Берхтесгаден, в Баварию.

Так как Берхтесгаден находится всего на расстоянии 7 часов пути от Вены, я смогу незамедлительно вернуться на свой пост, как только ваше высокопревосходительство найдет это нужным, или если вы сочтете, что, ввиду политических обстоятельств, нельзя разрешить мне отпуск в августе.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 151. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 97 [1]. 7 июня/25 мая 1912 г.

В разговоре с Пуанкаре я высказал ему, что свидание в Шхерах будет без сомнения и попрежнему носить не политический, а совершенно частный и семейный характер, что до некоторой степени его успокоило. Ныне Жорж Луи телеграфирует, что император Вильгельм будет сопровожден канцлером, а государь император — вами. Это в высшей степени встревожило Пуанкаре, который убежден, что при такой обстановке и ввиду напряженного международного положения свиданию будет всюду приписано чрезвычайное политическое значение. Он опасается также, что император Вильгельм воспользуется случаем, чтобы выступить с каким-либо предложением и взять таким образом в свои руки дело примирения между Италией и Турцией. Он телеграфирует поэтому Луи, что он должен заручиться от нас положительным уверением, что при свидании не будут вестись, помимо Франции, никакие переговоры по ближневосточным или иным вопросам, с каковой целью Луи должен испросить высочайшую аудиенцию. Это тем более необходимо, по его мнению, что с начала настоящих осложнений Франция, со своей стороны, действовала в самом близком соприкосновении с нами и что по вашей инициативе с.-петербургский и парижский кабинеты приступили к обсуждению различных случайностей, могущих возникнуть в связи с вышесказанными осложнениями [2]. Далее, чтобы предотвратить всякую попытку императора Вильгельма взять инициативу, Пуанкаре считает необходимым ныне же установить между Россией, Францией и Англией все подробности будущих совместных действий с целью восстановления мира; например, заранее условиться, что если состоится конференция, программа ее будет строго ограничена вопросом о Триполи и Киренаике. Оглашение подобного уговора трех держав может до известной степени успокоить общественное мнение здесь и в Англии. Мысль эту Пуанкаре намерен сообщить и лондонскому кабинету.

Извольский.

№ 152. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

·/. Депеша № 29. 7 июня/25 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посещение Берлина австро-венгерским министром иностранных дел графом Берхтольдом [3] носило исключительно характер акта вежливости по отношению к монарху и руководителям внешней политики союзной державы.

Слова, сказанные графом Берхтольдом при первом выступлении его перед делегациями относительно тесных уз, связывающих Австро-Венгрию с Германией и Тройственным союзом [4], уже сами по себе обеспечивали ему самый сердечный прием в германской столице. Император Вильгельм обошелся с ним весьма милостиво и пожаловал ему орден Черного Орла.

---

[1] Царск. экз. Опубл. Stieve, II, S. 144, N 320.

[2] См. т. XIX, приложение к № 596.

[3] См. № 113.

[4] В своей речи перед делегациями 30/17 апреля Берхтольд сказал следующее по поводу Тройственного союза: «Мы вступили в Тройственный союз — крепко сплоченную, в течение ряда лет испытанную основу европейской системы — и мы хотим остаться верными ему, верными его точному смыслу, верными его духу, верными его великой идее мира, которой Тройственный союз, по замыслу его высоких основателей, призван служить. Внутри Тройственного союза наши отношения с Германией стоят под знаком самого тесного согласия». Это согласие, по словам Берхтольда, освящено непоколебимой дружбой двух монархов. См. также т. XIX, № 842.

*

Появившиеся в германских и австрийских официозных органах сообщения по поводу происшедшего между графом Берхтольдом и германскими министрами обмена мыслей свидетельствуют о полной согласованности высказанных с обеих сторон взглядов на настоящее сложное политическое положение. Германское сообщение вместе с тем категорически отрицает заключение или даже обсуждение каких-либо новых соглашений или сделок по каким бы то ни было вопросам.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 153. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 31. 7 июня/25 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Одним из признаков того нервного настроения, которое господствует в Германии в настоящую минуту по отношению к Франции, является горячая полемика, возгоревшаяся между немецкой и французской печатью по поводу посещения Парижа нидерландской королевой [1].

Общественное мнение Германии усмотрело во многих произнесенных по случаю этого свидания речах, а также в комментариях к ним французской печати новый вызов по адресу Германии, которая обвиняется в стремлении не только экономически заполонить Голландию, но просто присоединить ее к составу Германской империи [2].

Немецкая печать горячо восстает против этого обвинения, доказывая полное уважение, которое Германия всегда оказывала голландскому нейтралитету, и к праву Голландии принимать какие угодно меры для его защиты. Доказательством чего приводится возникший в прошлом году вопрос о вооружениях Флиссингена, в котором Франция оспаривала у Голландии право укреплять устья Шельды, между тем как Германия отстаивала ее право распоряжаться по своему усмотрению на любом пункте своей территории [3].

Полемика эта, в которой приняли участие официозные органы обоих правительств, служит показателем того тревожного настроения, которое поддерживается в дипломатических канцеляриях Европы отчасти благодаря затяжке итало-турецкой войны.

В этом отношении энергическое выступление держав с целью прекращения войны, хотя бы для этого потребовалось оказать материальное давление на обоих воюющих, становится, по мнению трезвых и беспристрастных государственных людей Германии, настоятельной необходимостью.

Примите и пр.

Шебеко.

---

[1] Королева Вильгельмина приехала в Париж 1 июня/19 мая.

[2] В деп. от 6 июня/24 мая за № 38 Извольский описывал прием, оказанный в Париже королеве Вильгельмине, приводя следующие произнесенные ею слова: «Я горжусь тем, что в моих жилах течет французская кровь и что имя моего рода связано с Францией». Извольский указывал, что слова эти, «как бы намеренно подчеркнутые ее величеством, весьма польстили здешнему общественному мнению». Далее Извольский писал: «Несмотря на то, что посещение королевой Вильгельминой Франции являлось прежде всего актом вежливости, вся печать испещрена предположениями и намеками, что визит нидерландской королевы все же не лишен некоторого более широкого значения. При этом часть прессы указывает прямо, что визит королевы вызван необходимостью для Голландии искать теперь, ввиду продолжающихся со стороны Германии по ее адресу угроз, более тесного сближения с Францией».

[3] Ср. № 339.

№ 154. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 7 июня/25 мая 1912 г

М. г. Сергей Дмитриевич,

Появившаяся на-днях в официозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» статья касательно итало-турецкой войны вызвала среди иностранных представителей в Берлине полное недоумение. Как вашему высокопревосходительству известно, в ней высказывалась мысль о допустимости какого-либо посредничества со стороны держав, не иначе как в случае выражения обеими воюющими сторонами подобного пожелания, да притом только в том случае, если одна из них ходом военных операций была бы вынуждена сбавить значительную часть своих первоначальных требований. Всякая другая попытка со стороны держав являлась бы, по мнению «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», нарушением нейтралитета [1].

Эти мысли настолько противоречили всем предыдущим заявлениям германского статс-секретаря по иностранным делам, что я счел долгом при первом свидании с г. Кидерленом обратить на это его внимание.

Г. Кидерлен стал самым категорическим образом отрицать всякую причастность к вышеупомянутой статье «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», напечатанной, по его словам, без его ведома. Он тут же подтвердил неоднократно высказанное им мнение о желательности в настоящую минуту, более чем когда-либо, поддерживать обмен мнений между державами по вопросу итало-турецкой войны без различия политических группировок. При этом инициатива всякого выступления по этому вопросу должна была бы, по его мнению, быть предоставлена России.

Все поведение Германии во время итало-турецкой войны отличалось большой скрытностью и неоткровенностью. Это отчасти объясняется трудностью поставленной ею себе задачи, с одной стороны, не допустить чрезмерного ослабления Турции и потери приобретенного ею в Константинополе исключительного положения; с другой стороны, удержать Италию в лоне Тройственного союза. Последнее заставляет Германию относиться столь подозрительно ко всяким проявлениям нашей дружбы с Италией и приветствовать, с еле скрываемой радостью, признаки наступившего, повидимому, охлаждения между Италией и Францией.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 155. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 7 июня/25 мая 1912 г. [3]

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопрос о возможности превращения дружественного соглашения между Англией и Францией в союз живо интересует и немало беспокоит политические круги Германии. Хотя немецкая печать громко заявляет, что вопрос этот для Германии лишен интереса, так как события последнего лета доказали, что в случае столкновения Германии с Францией Англия все равно станет на сторону последней, будь ли она связана с ней союзом или соглашением, тем не менее та страстность, с которой этот вопрос обсуждается, и то место, которое ему уделяется на страницах всех органов германской печати, служит лучшим доказательством противного. Тут играет роль не

[1] Статья, напечатанная в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» 2 июня/20 мая, была послана Шебеко в м-во ин. дел при деп. от 3 июня/21 мая за № 28. Ее содержание в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 387, N 625.

[3] Оригинал ошибочно датирован 7 мая/25 мая.

столько самый факт заключения союза между Англией и Францией, сколько то обстоятельство, что в нем немцы усматривают окончательный отказ Англии от возможности сближения с Германией, которого, в сущности, последняя страстно желает. Теперь стало для всех совершенно ясно, что последнее соглашение Германии с Францией относительно Марокко не только не послужило к сближению между этими двумя государствами, но, напротив того, породило как с одной, так и с другой стороны Вогезов такое политическое настроение, такое возбуждение, которое может во всякую минуту повести к самым нежелательным для сохранения европейского мира последствиям.

Эльзас-лотарингский вопрос, который в течение целого ряда лет казалось утих, за последнее время опять значительно обострился, и местными властями принимается там, по приказу из Берлина, ряд мер, весьма стеснительных для населения и возбуждающих большое негодование во Франции [1].

Выступление шовинистических газет, вроде «La France Militaire», обвиняющих Германию во всевозможных коварствах, вызвало со стороны официозной «Kölnische Zeitung» отповедь в духе того, что если Франция желает опять скрестить оружие с Германией, то последняя на это готова, чему служит доказательством столь быстрое принятие народными представителями законопроекта об усилении военных сил империи [2].

Подобные отношения к соседней стране естественно заставляют Германию с большой тревогой следить за всяким шагом другой недружелюбно расположенной к ней державы, а именно Англии. Так, совещания гг. Черчилля и Асквита с лордом Китченером на Мальте [3] толкуются здесь как подготовительные шаги к заключению союза с Францией, причем последней должна быть поручена охрана интересов союза в Средиземном море.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 156. Консул в Урге министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 945. 7 июня/25 мая 1912 г.

Сегодня состоялось в присутствии Да-Ламы, министров и чиновников консульства свидание мое с хутухтой, носившее вполне дружественный характер. Подчеркнув в своем обращении к Богдо неизменно доброжелательное отношение к нему и Халхе нашего правительства, засвидетельствованное открыто в речи нашего министра [4], и указав, что все наши советы направлены на пользу Халхе, я обратил внимание хутухты на целый ряд мер, принятых его правительством за последнее время вопреки нашим советам и даже без нашего ведома. Далее я высказал Богдо, что помощь России Халхе обусловливается принятием наших советов и дружествен-

[1] Ср. № 75.
[2] См. № 147.
[3] См. №№ 55 и 122.
[4] 26/13 апр. 1912 г. Сазонов произнес в Госуд. думе речь о внешней политике росс. прав-ва (см. т. XIX, ч. II, стр. 261, прим. 2). Относительно Монголии он заявил, что «наши интересы требуют лишь, чтобы в пограничной с нами Монголии не утвердилось сильное в военном отношении государство». «Каковы бы ни были колебания китайской политики за последние годы, — сказал далее Сазонов, — китайцы не могут не сознавать, что хорошие отношения с Россией нужны и для них. Вот почему мне кажется, что мы должны и впредь итти тем же путем, который мы наметили при самом возникновении настоящего кризиса в Халхе, т. е. настаивать на том, что соглашение между Китаем и Халхой не должно осуществиться без нашего участия, а тем временем не отказывать Халхе в поддержке и помощи к созданию начатков автономного управления, т. е. прежде всего финансов и какой-либо вооруженной силы, способной поддерживать порядок в стране».

ным отношением к нашим торговым и другим интересам; упомянув затем о вредном влиянии на дела привлеченных на службу чуждых Халхе элементов, я передал хутухте желание нашего правительства видеть в центре управления близких народу халхаских князей, на что Богдо тут же высказал свое одобрение [1]. Наконец, Богдо выразил согласие на непосредственные сношения со мной по важным делам. По всем поставленным мной вопросам хутухта обещал дать вскоре ответ для передачи нашему правительству [2]. Донесено.

Л ю б а.

№ 157. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 98 [3]. 8 июня/26 мая 1912 г.

Китайский заем.

Телеграммы №№ 1080 и 1081 получены [4].

На вчерашнем собрании Консорциума Верстрат встретил сильное сопротивление со стороны германцев. После длинных прений была принята следующая формула: «Так как главная цель реорганизационного займа есть удовлетворение общих нужд и потребностей Китая, участники его не дадут своего одобрения употреблению его на какие-либо специальные предметы, не отвечающие главной цели займа, кроме того случая, если на то последует единодушное согласие участников». В вопросе о нашем праве выпуска в Лондоне [5] Аддис остался непримиримым. Наконец, германцы, поддержанные американцами и отчасти англичанами и несмотря на содействие, оказанное Верстрату французами [6], наотрез отказались от включения в протокол нашей и японской оговорок об особых правах и интересах в Застенном Китае, возражая, что эти оговорки имеют политический характер и не приличествуют чисто финансовому акту. Германцы присовокупили, что сказанные оговорки могут лишь усилить недоверие Китая к Консорциуму. Верстрат заявил, что по обоим оставшимся открытыми вопросам — об особых правах и интересах и о лондонском рынке — он испросит инструкций своего правительства, и выехал сегодня в Петербург.

И з в о л ь с к и й.

---

[1] В тел. от 17/4 мая за № 446 В. Крупенский передал в м-во тел. Люба, в которой последний сообщал, что «между министрами и князьями серьезные раздоры», власть захватил Да-Лама и несколько харачинских чиновников, которыми по отношению к России «усвоена за последнее время двуличная и недружественная политика».

В тел. от 3 июня/21 мая за № 1054 Сазонов сообщал, что он не возражает против того, «чтобы при свидании с хутухтой Люба сделал ему внушение о желательности заменить Да-Ламу князем, пользующимся нашим доверием. Необходимо, однако, чтобы Люба действовал при этом с осторожностью, чтобы не обострить этого вопроса до размеров, могущих отозваться на отношениях к хутухте».

[2] Тел. от 8 июня/26 мая за № 953 Люба сообщил: «Прибывшие ко мне Да-Лама и министры передали мне от имени хутухты, что, согласно нашему желанию, первым министром будет назначен халхинский князь; преемником Да-Лама молва называет хана Сайн-Ноина». Далее Люба указывал, что «от вооружения Барги монгольское правительство готово отказаться».

[3] Опубл. М., стр. 561.

[4] См. № 139 и стр. 129, прим. 2.

[5] См. стр. 121, прим. 2.

[6] В письме на имя Коковцова от 11 июня/29 мая Верстрат, между прочим, писал: «Г. Пуанкаре занял в этом вопросе самую лойяльную, самую определенную позицию и категорически заявил, что французское правительство не желает отделяться от России. Крупные французские банки, со своей стороны, понимают, до какой степени необходимо присоединение России и Японии. Это,—говорят они,— два жандарма реорганизационного займа на Дальнем Востоке. Le Crédit Lyonnais уже официально заявил, что он выйдет из состава французской группы, если не будет достигнуто соглашение с Россией. Société Générale, без сомнения, поступит так же».

№ 158. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 99 [1]. 8 июня/26 мая 1912 г.

Продолжение моей вчерашней телеграммы № 97 [2].

Во исполнение высказанной мне вчера мысли, Пуанкаре поручил по телеграфу послам в С.-Петербурге и Лондоне предложить принять следующую формулу: «Правительства России, Франции и Англии с удовольствием констатируют общность своего взгляда на условия, при которых они будут в состоянии при наступлении благоприятного времени кооперировать наиболее действительным образом с целью восстановления мира между Италией и Турцией. Они думают, что дружественное вмешательство держав будет иметь шансы на успех лишь в том случае, если предмет этого вмешательства будет строго ограничен точным предметом спора, из-за которого возник конфликт; державы должны поэтому прежде, нежели приступить к какому-либо обсуждению, подписать общее обязательство бескорыстия. Правительства России, Франции и Англии ныне же обязуются приложить общие свои усилия к тому, чтобы склонить к принятию их точки зрения остальные державы, заинтересованные в делах Востока». По мысли Пуанкаре, если бы император Вильгельм сделал попытку выступить с каким-либо предложением, ему следует ответить предъявлением этой формулы от имени трех держав. Позволю себе самым серьезным образом указать на желательность, при настоящих обстоятельствах, безусловно присоединиться к предложению Пуанкаре, тем более что, насколько я могу судить, она вполне соответствует вашим собственным видам, о которых Пуанкаре осведомлен из последних сообщений Луи.

Извольский.

№ 159. Король сербский Николаю II.

Письмо [3]. Белград, 8 июня/26 мая 1912 г.

Monsieur mon Frère,

Connaissant les sentiments de vénération dont je suis pénétré envers l'Auguste personne du feu Empereur Alexandre III, Votre Majesté ne pouvait douter de mon vif désir de me faire représenter à l'inauguration du monument consacré à la mémoire impérissable du père bien-aimé de Votre Majesté. Je prie Votre Majesté de vouloir bien accueillir avec bienveillance M. Nicolas Pachitch, Président du Conseil d'Etat, que j'ai mis à la tête de ma mission, et d'accorder créance entière à toutes les communications qu'il aura l'honneur de lui adresser à cette circonstance solennelle. Continuant l'oeuvre de son Auguste père Votre Majesté n'a cessé de témoigner le plus vif intérêt à l'idée slave, et c'est grâce à elle et à la direction qu'elle a su imprimer aux efforts de sa diplomatie que l'accord serbo-bulgare venait d'être conclu tout dernièrement. J'ai autorisé M. Pachitch de soumettre à Votre Majesté une copie de ce document, espérant qu'elle voudra bien en prendre connaissance. La part que Votre Majesté s'est plu a prendre dans la conception de cette entente entre deux pays limitrophes de même race, me donne l'espoir que sa sollicitude qui lui reste acquise pour l'avenir assurera le succès de la grande oeuvre si heureusement commencée. C'est dans ces sentiments que je profite de cette occasion favorable pour renouveler à Votre Majesté les voeux que je forme

[1] Маш. копия.

[2] См. № 151.

[3] Публикуемое письмо было передано Николаю II Пашичем во время его пребывания в России. (Пашич приезжал в Москву на открытие памятника Александру III, состоявшееся 12 июня/30 мая; из Москвы он выехал в Петербург, где пробыл до 28/15 июня.)

pour votre bonheur et pour la gloire de la Russie ainsi que l'expression de ma haute estime et de ma constante amitié, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon Frère,

de Votre Majesté Impériale le bon Frère

Pierre[1].

Перевод.

Государь, брат мой,

Зная чувства глубокого почтения, которые я питаю к августейшей особе покойного императора Александра III, ваше величество не могло сомневаться в моем горячем желании быть представленным на открытии памятника, посвященного незабвенной памяти горячо любимого родителя вашего величества. Я прошу ваше величество благосклонно принять г. Николу Пашича, председателя державного совета, которого я поставил во главе посылаемой мной миссии, и оказать полное доверие всем сообщениям, которые он будет иметь честь вам сделать при этом высокоторжественном случае. Продолжая дело своего августейшего родителя, ваше величество не перестает выказывать живейший интерес к славянскому делу и только благодаря вашему величеству и направлению, которое вы придали стараниям вашей дипломатии, недавно было заключено сербо-болгарское соглашение. Я поручил г. Пашичу представить вашему величеству копию с этого документа, надеясь, что вы соблаговолите с ним ознакомиться. Участие, которое вашему величеству угодно было принять в создании этого соглашения между двумя пограничными единоплеменными странами, дает мне надежду, что ваше попечение, остающееся за ним и в будущем, обеспечит успех так счастливо начатого великого дела. Пребывая в этих чувствах, пользуюсь этим благоприятным случаем, чтобы вновь принести вашему величеству свои пожелания счастья вам и славы России, а также и выражения моего глубокого уважения и неизменной дружбы, в коей пребываю,

государь, брат мой,

вашего императорского величества добрый брат

Петр.

№ 160. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма [2]. Москва [3], 9 июня/27 мая 1912 г.

Ваша телеграмма № 97 получена [4].

Предложение Пуанкаре об установлении между нами, Парижем и Лондоном общности действий с целью прекращения итало-турецкой войны вполне отвечает нашим желаниям. Я не переставал указывать на необходимость нам сговориться по этому предмету, как и по всем важнейшим вопросам международной политики, в отношении которых мы неизменно стремимся поддерживать единомыслие с Францией. Благоволите передать Пуанкаре, что, радуясь его присоединению к нашей точке зрения, я готов вступить с ним в предлагаемый обмен мнений.

[1] В архиве б. м-ва ин. дел имеется недатированный проект ответного письма Николая II королю сербскому, в котором Николай II, сообщая о получении копий «некоторых весьма секретных документов», писал: «Ввиду того, что в согласии между христианскими балканскими государствами я всегда видел действенное и миролюбивое средство для того, чтобы создать гарантии на будущее, я могу только поздравить Сербию с заключением соглашения с Болгарией». Письмо было отправлено Сазоновым Гартвигу для передачи королю Петру при письме от 27/14 июня за № 403. В письме от 16/3 июля Гартвиг писал Нератову: «Пакет с кабинетным письмом государя на имя короля Петра, где так откровенно говорилось о сербо-болгарском соглашении, которое мы храним в большой тайне, доставлено было мне венским посольством, по отъезде курьера, *прямо по почте*. Между тем известно, что в Австрии все письма, особливо на имя дипломатических агентов, аккуратно вскрываются. Удивительно ли будет, если австрийцы осведомятся о соглашении из столь достоверного источника, как кабинетное письмо государя. Вина, конечно, большая падает на посольство, но, быть может, часть ее падает и на чиновника 1-го департамента, не сделавшего на конверте надпись: «в. секретно». Для наглядности, прилагаю у сего оба конверта на ваше усмотрение. Я в ужас прихожу при мысли, что царское письмо могло быть совсем эскамотировано австрийцами с уплатой 50 фр. за пропавшее заказное письмо. А затем будут обвинять сербов в нескромности».

[2] Номер отсутствует. Опубл. Stieve, II, S. 146, N 322.

[3] 8 июня/26 мая Сазонов выехал в Москву на открытие памятника Александру III.

[4] См. № 151.

Что касается выражаемых им опасений относительно предстоящего свидания в Шхерах, то я решительно отказываюсь понять проявляемую французами нервность, которая была бы объяснима только, если бы в наших взаимных отношениях произошли перемены, могущие подорвать прочность нашего союза.

Со своей стороны мы не подали никакого повода к таким опасениям и считаем выказываемую нам французами подозрительность совершенно необоснованной и даже опасной.

Сазонов.

№ 161. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 395. 9 июня/27 мая 1912 г.

Ссылаюсь на ваше письмо № 353 [1].

Выражая глубокую признательность вашему высокопревосходительству за решение воздействовать в Париже в целях ослабления преобладающе экономического направления деятельности французского посольства в Константинополе, считаю долгом донести, что влияние нашего давления здесь еще не сказывается. Вчера Бомпар доверил мне, что техническая сторона строительства значительно подвинулась вперед, и что соглашение по определению стоимости работ уже достигнуто. При таких условиях даже временная приостановка наших переговоров может невыгодно повлиять на наше положение. Полагал бы неотложным, обеспечив себе поддержку французского правительства, не уклоняться дольше от предварительных, приготовительных бесед с оттоманскими министрами, дабы не дать им повода предполагать в нас несуществующих замыслов. Ввиду нескрываемого здесь желания покончить скорее с вопросами железнодорожным и персидским пограничным, в котором, по глубокому убеждению турок, мы являемся руководителями персов, нам, казалось бы, невыгодно возбуждать в турках сомнение насчет искренности наших намерений способствовать с нашей стороны разряжению столь напряженного положения. Тем не менее, ввиду определенности ваших заключений, буду неуклонно руководствоваться ими до получения указаний по предмету желательной нам замедленной постепенности постройки.

Гирс.

№ 162. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Письмо. 9 июня/27 мая 1912 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера я посетил князя Кацура и имел с ним продолжительную беседу об его путешествии в Европу. Князь высказал мне, что он еще в прошлом году собирался посетить европейские страны, но был задержан различными обстоятельствами. Настоящее лето кажется ему наиболее подходящим для исполнения его давнишнего желания побывать в странах, которые он не видал более 25 лет. Прежде чем решиться на предстоящую поездку, он сообщил свой план маршалу Ямагата и премьер-министру Сайондзи и, получив их одобрение, посоветовался со старейшинами (генро): маршалом Ояма, маркизом Иноуе и маркизом Мацуката. Все эти лица вполне сочувствуют его намерению ехать неофициально, повидаться с государственными людьми Европы и обменяться с ними взглядами. План его путешествия таков: он выезжает 6 июля нов. ст. из Токио на Чанчунь, куда должен прибыть 13 нов. ст., и оттуда предполагает, не останавливаясь в Харбине, прямо проследовать в Петербург, где думает пробыть десять дней.

[1] См. стр. 60, прим. 1.

Из Петербурга отправится в Стокгольм и затем в Христианию, а оттуда через Копенгаген в Швейцарию, где проведет в горах около месяца. Из Швейцарии заедет на неделю в Париж и на несколько дней в Лондон и затем, обратным путем в Берлин, откуда предполагает сделать кратковременную поездку в Вену. Из Берлина обратным путем, через Москву, намерен вернуться сибирским путем в Японию. В дороге его будут сопровождать барон Гото, адъютант, майор генерального штаба, хорошо говорящий по-английски, Хата, секретарь для французского языка инженер Накамура, секретарь для немецкого языка, бывший уже в России с бароном Гото, Суги, переводчик русского языка, служащий в Харбине агентом Южно-Манчжурской железной дороги, Натсуаки и, быть может, член нижней палаты Ивасита, хорошо знающий банковское дело. В Петербурге князь Кацура надеется иметь счастье быть принятым в частной аудиенции государем императором и видеться с вашим высокопревосходительством и с председателем совета министров.

Говоря о цели своего путешествия, князь Кацура сперва ограничился довольно неопределенными намеками на ту роль, которую он сыграл в деле сближения России и Японии; на его глубокое и искреннее убеждение, что сближение это должно все более и более крепнуть; что мир на Дальнем Востоке зависит от согласной политики обеих держав и что он будет весьма счастлив, если его пребывание в Петербурге, хотя и не имеющее официального характера, принесет пользу упрочению дружбы между Россией и Японией. Приведенный моими вопросами к выражению более конкретных мыслей, князь Кацура коснулся китайских дел и высказал как личное свое мнение, что в Китае ныне сосредоточился весь фокус восточно-азиатской политики; что китайские смуты грозят всякими неожиданностями и осложнениями; что пекинская республика пока существует только «на бумаге»; что временное правительство в Пекине лишено средств, единства и авторитета; что при таких серьезных обстоятельствах полезно бы обоим государствам поближе сговориться, так как и Россия и Япония ближайшие соседи Северного Китая и тесно с ним связаны естественным развитием их политических и экономических интересов. Другие страны, например Америка, ищут создать себе в Китае «права», тогда как Россия и Япония имеют уже там не только *права*, но *интересы*, и защита таковых лежит на ответственности их правительств. В заключение князь Кацура сообщил мне доверительно, что он лично докладывал японскому императору о своей поездке и получил на нее разрешение его величества.

Вышеизложенное дает основания думать, что Кацура предпринимает свое путешествие с какой-либо определенной политической задачей или, по крайней мере, с поручением исследовать почву для дальнейшего направления японской политики.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 163. Директор Русско-Азиатского банка министру финансов Коковцову.

Телеграмма [1]. Вержболово, 9 июня/27 мая 1912 г.

Dans seconde réunion Consortium, tenue samedi [2] matin avant mon départ, représentant japonais fit savoir qu'il était autorisé à approuver et signer acte syndical tel qu'il avait été élaboré la veille sous seule mais nécessaire condition que ses réserves concernant droits et intérêts spéciaux Japon dans Mandchourie Méridionale et partie Est adjacente Mongolie seraient mentionnées dans procès-verbal. J'ai déclaré que je me joignais au représentant japonais

[1] Номер отсутствует.
[2] 8 июня/26 мая.

et demandais de nouveau mention réserves russes pour Mandchourie du Nord Mongolie et Ouest Chinois, mais cette nouvelle tentative n'a donné aucun bon résultat. Consortium a bien décidé d'inscrire au procès-verbal nos déclarations, mais en ajoutant que les 4 groupes français, anglais, américain et allemand, vu leur incompétence en matière politique, ne pouvaient pas accepter lesdites déclarations [1]. J'ai rejeté bien entendu pareil procès-verbal et le représentant japonais a suivi mon exemple. Le Consortium a ensuite décidé de se réunir de nouveau à Paris samedi prochain[2] et d'attendre jusqu'à cette date avant de prendre, en dehors de la Russie et du Japon si l'entente ne se fait pas, les mesures financières que la situation de la Chine rend de plus en plus urgentes. Je crois que s'il en arrivait ainsi, la situation du groupe français serait bien difficile, car Crédit Lyonnais a officiellement déclaré qu'il se retirera du Consortium si Russie n'adhère pas, et je ne doute guère qu'autres banques, notamment Société Générale, agiront pareillement [3]. Je confirme à Votre Excellence que j'arriverai demain et me tiendrai à ses ordres pour lui donner sur le projet d'accord que je rapporte toutes les explications nécessaires en vue de la décision définitive.

Verstraete.

Перевод.

На втором заседании Консорциума, имевшем место в субботу утром перед моим отъездом, японский представитель сообщил, что ему разрешено выразить согласие и подписать синдикальный акт в том виде, в каком он был выработан накануне, при единственном, но обязательном условии, что оговорки касательно специальных прав и интересов Японии в Южной Манчжурии и в восточной, граничащей с ней, части Монголии, будут включены в протокол. Я заявил, что присоединяюсь к представителю Японии и снова потребовал упоминания русских оговорок касательно Северной Манчжурии, Монголии и Западного Китая, но эта новая попытка не дала никаких хороших результатов. Правда, Консорциум решил внести в протокол наши заявления, но только добавив, что 4 группы — французская, английская, американская и германская,— ввиду своей некомпетентности в политических вопросах, не могут принять указанных заявлений. Понятно, я отказался от подобного протокола и японский представитель последовал моему примеру. Консорциум затем решил снова собраться в Париже в будущую субботу и подождать до этого времени принимать без участия России и Японии,— в том случае, если согласие не будет достигнуто,— финансовые меры, которые положение в Китае делает все более и более необходимыми. Я думаю, что если так случится, то французская группа окажется в чрезвычайно затруднительном положении, так как Crédit Lyonnais официально заявил, что выйдет из Консорциума, если Россия к нему не присоединится, и я не сомневаюсь, что другие банки, в частности Société Générale, поступят так же. Подтверждаю вашему высокопревос-

[1] Меморандум, врученный группами банкиров русской и японской группам на совещании 8 июня/26 мая, гласил: «Русская группа заявила, что она принимает участие в займе при условии, что ничто, связанное с проектируемым займом, не должно служить во вред особым правам и интересам России в пределах Северной Манчжурии, Монголии и Западного Китая. Японский банк заявил, что он принимает участие в займе при условии, что ничто, связанное с проектируемым займом, не должно служить во вред особым правам и интересам Японии в пределах Южной Манчжурии и восточной части Внутренней Монголии, соприкасающейся с Южной Манчжурией. Английская, германская, французская и американская группы заявили, что они не могут принять или войти в обсуждение указанных заявлений на том основании, что они не считают себя компетентными в обсуждении политических вопросов».

[2] 15/2 июня. В тел. от 10 июня/28 мая за № 100 (опубл. М., стр. 561) Извольский сообщал: «15 июня н. ст. здесь должно состояться окончательное собрание Консорциума. Если к этому времени не получится согласия России и Японии, германская, американская и английская группы будут действовать самостоятельно. Французская группа спрашивает инструкций своего правительства. Пуанкаре убедительно просит принять известную вам уже формулу [см. № 157]. Что касается декларации, против включения которой в протокол восстают вышесказанные три группы, Пуанкаре думает, что для нас выгодно было бы предъявить ее дипломатическим путем. Пуанкаре поручает Луи предъявить это соображение В. Н. Коковцову и обратить его внимание на опасности, сопряженные с распадением Консорциума».

[3] См. стр. 151, прим. 6.

ходительству, что я прибуду завтра и буду находиться в вашем распоряжении для дачи необходимых объяснений по проекту соглашения, который везу с собой, с целью принятия окончательного решения.

Верстрат.

№ 164. Министр иностранных дел товарищу министра иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма [1]. Москва, 10 июня/28 мая 1912 г.

Китайский заем.

Я телеграфирую Извольскому и Малевскому:

Верстрат уведомил министра финансов о решительном отказе Консорциума допустить выпуск английскими участниками (нашего) синдиката своей доли китайского займа на лондонском рынке. Ввиду сего мы, по соглашению с министром финансов, решили не настаивать на удовлетворении ходатайства Шредера. Одновременно Верстрат сообщил новую формулу, выработанную Консорциумом с целью удовлетворить нашему требованию об обеспечении наших специальных интересов [2], но мы считаем эту формулу неприемлемой, так как она слишком растяжима и недостаточно ограждает наши интересы в Манчжурии, Монголии и Западном Китае. Благоволите высказать министру иностранных дел, что мы надеемся на поддержку французского и японского правительств, чтобы побудить Консорциум принять формулу, более соответствующую нашим пожеланиям.

Можете сообщить вышесказанное Мотоно [3].

Сазонов.

№ 165. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 158 [4]. 10 июня/28 мая 1912 г.

Reçu télégramme du 9 juin/27 mai [5].

N 1.

En ai communiqué contenu à Grey. J'avais appris que Cambon était chargé de lui faire une communication de même nature. J'ai dit à Grey que M. Poincaré proposait que l'Angleterre, la Russie et la France s'entendent sur un mode d'action en commun pour mettre un terme à la guerre. Grey m'a répondu que s'il s'agissait de s'aboucher pour étudier ensemble la question, il y était tout disposé, mais qu'il pensait qu'une action pour mettre un terme à la guerre devait être entreprise par les cinq Puissances, une action à trois entraînant l'inconvénient de deux groupes de Puissances: celles de la Triple Entente et les deux de la Triple Alliance, ce qui entraînerait des inconvénients et pourrait même renforcer les liens de l'Italie avec l'Allemagne et l'Autriche [6].

Benckendorff.

---

[1] Номер отсутствует. Опубл. М., стр. 562.

[2] См. № 157.

[3] Соответствующее сообщение было сделано росс. м-вом ин. дел япон. пос-ву в Петербурге пам. запиской от 11 июня/29 мая.

[4] Опубл. Siebert, II, S. 389, N 627.

[5] В тел. из Москвы от 9 июня/27 мая (без номера) (опубл. Siebert, II, S. 389, N 626) Сазонов сообщил Бенкендорфу: «Пуанкаре предлагает, чтобы Россия, Франция и Англия сговорились для установления общего образа действий с целью прекращения итало-турецкой войны. Я ответил, что отношусь сочувственно к этой мысли».

[6] Тел. от 10 июня/28 мая за № 159 (№ 2) (опубл. Siebert, II, S. 390, N 628) Бенкендорф сообщил о своей беседе с Никольсоном по вопросу, затронутому в публикуемом документе. Последний высказался в том же смысле, как и Грей. «Он думает, — передавал Бенкендорф, — что было бы важно, чтобы в случае предложения со стороны Германии российское и английское правительства ответили, что, прежде чем принять решение, они обсудят вопрос между собой и с Францией. Я спросил его, почему он думает, что будет германское предложение. Он ответил, что ему это представляется возможным».

Перевод.

Получена телеграмма от 9 июня/27 мая.
№ 1.
Сообщил ее содержание Грею. Я узнал, что Камбону было поручено сделать ему сообщение такого же рода. Я сказал Грею, что г. Пуанкаре предлагает, чтобы Англия, Россия и Франция пришли к соглашению относительно совместного образа действий с целью положить конец войне. Грей ответил мне, что, если дело идет о переговорах для совместного изучения вопроса, он всецело присоединяется к этому, но он полагает, что выступление с целью положить конец войне должно быть предпринято пятью державами, так как выступление втроем влечет за собой то неудобство, что разделит державы на две группы: державы Тройственного согласия и две державы Тройственного союза, а это повлекло бы затруднения и могло бы даже усилить связи Италии с Германией и Австрией.

Бенкендорф.

№ 166. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 11. 10 июня/28 мая 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В депеше моей от [13 мая] 30 минувшего апреля за № 6, я уже имел честь сообщать вашему высокопревосходительству о попытке председателя турецкой делегации склонить персидских членов пограничной комиссии к заключению немедленного соглашения, или вернее компромисса относительно всего протяжения границы [1]. В настоящее время обнаруживается, что проекту этому турки придают более определенную форму и употребляют все усилия к его проведению.

Вновь посетивший меня персидский посол передал мне, что перед началом последнего заседания Ассим-бей открыто обратился к нему с предложением поделить пополам ту зону, которая находится между линией персидских притязаний и линией Дервиш-паши. О предложении такого исхода оказался осведомленным даже мой французский коллега, и наконец сам Ассим-бей на обеде заговорил со мной о своем проекте.

Намечающиеся подробности нынешней предварительной стадии переговоров о соглашении изложены в прилагаемой у сего докладной записке второго секретаря вверенного мне посольства коллежского ассесора Минорского [2], который приходит к выводу о предпочтительности для персов в настоящее время отстаивать свое старое толкование III статьи Эрзерумского трактата.

Я считаю, однако, долгом привести свои соображения, расходящиеся с этим взглядом, как ввиду общих политических условий, так и практической выполнимости того или иного решения пограничного вопроса.

Мне прежде всего представляется, что скорейшее разрешение спора о границе само по себе внесет громадное успокоение в натянутые ныне отношения наши с Турцией и что настоящий момент — до заключения мира с Италией — следует необходимо использовать для возможно выгодной ликвидации затяжного источника всяких осложнений.

Для Турции нет никаких сомнений, что за спиной Персии в пограничном вопросе стоим мы и что, затягивая решение спора, мы преследуем какие-то неизвестные цели, что́ все время держит Турцию в тревоге.

Я считаю, что передача дела в Гаагский трибунал грозила бы нам опасностью в том смысле, что мы не могли бы предвидеть результатов, к которым могло бы притти международное судилище и которые могли бы оказаться гораздо более для нас невыгодными, чем компромисс, тем более что для последнего могут быть установлены известные рамки.

---

[1] Содержание деп. М. Гирса от 13 мая/30 апр. за № 6 в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Приложение не воспроизводится.

В этом направлении необходимо, конечно, предварительно рассмотрения турецкого предложения, заставить турок точно определить, какую из трех описанных г. Минорским линий Дервиш-паши они собираются положить в основу зоны компромисса и настаивать на избрании линии Б, приведенной в согласие с идентичной картой, документальное значение которой в наших интересах всячески отстаивать.

Деление зоны пополам, конечно, невозможно представить в виде геометрического деления зоны на всем протяжении проходящей посредине ее чертой. Я не вижу, однако, затруднений к тому, чтобы деление это совершалось путем обмена соответственных областей, причем персам должна быть заранее указана та установленная нашим военным министром зона, которую мы признаем как бы запретной и в которой не можем допустить никакого изменения status quo до 1905 г. Зона эта была определена в принципиальном письме военного министра от [13 мая] 30 апреля 1910 г., № 3053 [1].

При таких условиях я открыто становлюсь на сторону соглашения и не вижу никаких оснований к внесению в дело дальнейшей проволочки путем продолжения обсуждения статей Эрзерумского договора, обсуждения, от коего Порта, по словам Ассим-бея, категорически откажется, коль скоро Персия не признает силу объяснительной ноты держав-посредниц.

Как бы то ни было, на определенно поставленный мне персидским послом вопрос относительно того, какой ответ следует дать туркам, я позволил себе посоветовать ему не прерывать переговоров и требовать от турок ясной формулировки предела их домогательств. Я объяснил Ихтишам-эс-Солтане, что для более определенного ответа мне необходим достаточный срок, дабы я мог выяснить все подробности вопроса.

Само собой разумеется, что, ввиду принципиальной важности вопроса и серьезных последствий, которые может иметь тот или иной ответ на турецкие предложения, я воздержусь от окончательного совета персидскому представителю, прежде чем получу указания вашего высокопревосходительства, возможно скорым сообщением которых я был бы особенно обязан, ввиду вышеобъясненной нежелательности затягивать вопрос.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 167. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 160 [2]. 11 июня/29 мая 1912 г.

Cambon vient de me donner confidentiellement certains détails sur son entrevue d'hier avec Grey au sujet de la proposition de Poincaré. Il y avait dans ce qu'il a été chargé de dire des détails dont Grey ne m'a pas parlé [3]. Entre autre allusion était faite à ce qui correspond à un protocole de désintéressement. Grey a fait des objections à ce point en disant que la Russie était la Puissance la plus intéressée, qu'il était infiniment improbable qu'aucune des Puissances songe à des accroissements territoriaux, mais qu'on ne pouvait demander à la Russie de se lier d'avance les mains pour soulever

[1] В письме от 13 мая/30 апр. 1910 г. за № 3053 Сухомлинов высказывал мнение, что «с военной точки зрения всякое усиление единственного возможного противника нашего на Кавказском фронте — Турции—за счет слабой Персии крайне нежелательно». Далее Сухомлинов проводил разделение турецко-персидской спорной воны на три участка — северный, средний и южный — и указывал, что самым важным для росс. прав-ва являлся северный участок с Котурским районом.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 391, N 629.

[3] См. № 165.

telle question qu'il lui conviendrait de soulever, d'abord la fermeture des Détroits en temps de guerre et même celle des Détroits en elle-même, à l'égard de laquelle le Cabinet de Londres avait pris des engagements vis-à-vis de la Russie en 1908 auxquels il se considérait lié [1]. La deuxième objection de Grey est la même qu'il m'a faite. Cambon me dit que personnellement il partageait l'opinion de Grey sur l'un et l'autre point et la ferait valoir auprès de Poincaré. Il me dit que la réaction en faveur de l'Italie en Angleterre était manifeste, qu'elle se dessinait en France et qu'il était de première importance d'éviter les conséquences, non pas des pourparlers très désirables, mais d'une action en faveur de l'Italie des trois Puissances de l'Entente seulement, qui pourrait entraîner un resserrement de la Triple Alliance et surtout son extension à la médiation — une question d'un intérêt spécial non seulement pour la France et l'Angleterre, mais, il le pensait du moins, pour la Russie aussi, dont il serait désirable d'étendre l'influence sur les questions de médiation. Personnellement Cambon pense que la France et l'Italie devraient s'entendre sur cette question, ce qui deviendrait impossible au cas d'extension à cette médiation de la Triple Alliance. J'ai répondu à Cambon qu'il venait de formuler second motif de ménagement pour les intérêts italiens, qui avait guidé votre politique jusqu'ici. Il me répondit qu'il fallait y persévérer avec grande prudence, que le moment lui paraissait venu.

Benckendorff.

Перевод.

Камбон только что доверительно сообщил мне некоторые подробности своей вчерашней беседы с Греем по поводу предложения Пуанкаре. В том, что̀ ему поручено было сказать, были подробности, о которых Грей не говорил со мной. Между прочим, разговор коснулся и того, что̀ соответствует протоколу о бескорыстии. Грей возражал по этому пункту, говоря, что Россия самая заинтересованная держава, что совершенно невероятно, чтобы какая-либо держава имела в виду территориальные приобретения, но что нельзя требовать от России, чтобы она заранее связала себе руки обещанием не поднимать того или иного вопроса, который она сочла бы нужным поднять, прежде всего вопроса о закрытии Проливов во время войны и даже вопроса о Проливах самого по себе, касательно которого лондонский кабинет взял на себя в 1908 г. обязательства по отношению к России, которыми он считает себя связанным. Второе возражение Грея то, которое он высказал и мне. Камбон сказал мне, что он лично разделяет мнение Грея и по первому и по второму пункту и будет его отстаивать перед Пуанкаре. Он сказал мне, что симпатии Англии явно начали склоняться в пользу Италии, что такая же тенденция намечается и во Франции и что крайне необходимо избежать последствий этого,— не переговоров, весьма желательных, но выступления в пользу Италии одних только трех держав Согласия, что̀ могло бы повести к большему укреплению Тройственного союза и особенно к распространению его на посредничество; этот вопрос имеет особенное значение не только для Франции и Англии, но также, по крайней мере по его мнению, и для России, влияние которой на вопросы, связанные с посредничеством, желательно было бы усилить. Лично Камбон думает, что Франция и Италия должны бы договориться по этому вопросу, а это стало бы невозможно, если бы влияние Тройственного союза распространилось на посредничество. Я ответил Камбону, что он тем самым сформулировал второй мотив, заставляющий щадить интересы Италии, которым до настоящего времени руководствовалась ваша политика. Он мне ответил, что следует продолжать так действовать с большой осторожностью, что, по его мнению, момент для этого наступил.

Бенкендорф.

---

[1] Имеется в виду меморандум Грея (опубл. М., стр. 530), переданный им Извольскому 14/1 окт. 1908 г. во время пребывания последнего в Лондоне, по поводу предложения росс. прав-ва созвать международную конференцию для пересмотра вопроса о Проливах. В этом меморандуме англ. прав-во заявляло: «Правительство его величества соглашается, что открытие Проливов целесообразно и справедливо, и принципиально оно не воспротивится ему, если сделанное предложение состоится в том смысле, что Проливы должны быть открыты на условиях полного равноправия для всех без исключения».

№ 168. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 495. 11 июня/29 мая 1912 г.

Копия Тавриз.
Шахсевены.
Ваша телеграмма № 1071 получена.
Ссылаюсь на № 294 Преображенского [1].
Беляев также считает положение Сераба серьезным и тревожным и занятие нами этого города очень желательным [2]. Так как обстоятельства уже привели нас к серьезным столкновениям с шахсевенами и нам едва ли удастся избежать таковых в ближайшем будущем, то я нахожу весьма полезным занятие нами Сераба одним батальоном при 2 орудиях из состава тавризского отряда. Эту военную часть, по моему мнению, следовало бы подчинить генералу Фидарову, коему принадлежит общее руководство всеми действиями против шахсевен.

Поклевский.

№ 169. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

Москва, 12 июня/30 мая 1912 г.

Ввиду некоторой тревоги, обнаруживаемой во Франции по случаю предстоящего свидания вашего императорского величества с императором германским, наш посол в Париже полагал бы весьма желательным несколько успокоить французское общественное мнение скорейшим оповещением о точном сроке приезда в Россию французского министра иностранных дел, а также, по возможности, о готовящихся ему здесь чествованиях [3].

Приемлю смелость испрашивать на этот счет высочайших указаний вашего императорского величества, считая долгом присовокупить, что, по имеющимся сведениям, г. Пуанкаре предполагает прибыть в С.-Петербург, вероятно, морским путем, на французском военном судне.

Сазонов.

[10 августа] 28 июля.
Москва, [13 июня] 31 мая 1912 г.

№ 170. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 161. 12 июня/30 мая 1912 г.

En réponse à question quels sont privilèges spéciaux de Russie et Japon en Mongolie et Mandchourie et si ces privilèges réclamés ont été communiqués

---

[1] Тел. от 4 июня/22 мая за № 294 Преображенский извещал Сазонова и Поклевского о том, что «шахсевены уже находятся в нескольких верстах от Сераба». «Принять мер пока Шоджа-эд-Доуле не в состоянии за неимением патронов. Между тем занятие Сераба разбойниками закроет важный торговый путь Астара — Тавриз. Во избежание этого ходатайствую о разрешении послать в Сераб хотя бы небольшую воинскую часть, каковую возможно было бы выделить из тавризского или ардебильского отрядов».

Ссылаясь на эту тел., пом. зав. отделом Среднего Востока м-ва ин. дел Персиани 6 июня/24 мая в тел. за № 1071 запрашивал Поклевского, считает ли он возможным «осуществление предполагаемого Преображенским командирования воинской части в Сераб».

[2] Тел. от 6 июня/24 мая за № 633 секретарь ген. консульства в Тавризе Д. Беляев сообщил из Ардебиля Поклевскому (копия в м-во, Тавриз, Тифлис и Решт) текст тел. ген. Фидарова Николаю II о бое, происшедшем между шахсевенами и его отрядом. По мнению Беляева, опыт боя показал, что «шахсевены объединились и действуют против нас большими массами и крайне настойчиво», в связи с чем необходимо усилить отряд ген. Фидарова.

[3] См. № 145.

au Gouvernement anglais, Grey a répondu hier au Parlement: «Information concerning the special interests claimed by the Russian and Japanese Governments respectively in Mongolia and Mandchuria will be found in certain treaties, conventions and agreements between the Governments of Russia and Japan. In reply to the second part of the question I would refer the honourable member to article I of the convention between Russia and Japan signed July 20, 1907, which was communicated to His Majesty's Government. We recognize that Russia and Japan have special interests in Mongolia and Mandchuria on condition that they are not contrary to the principle of the «open door» for British commerce» [1].

Benckendorff.

Перевод.

В ответ на запрос, каковы особые привилегии России и Японии в Монголии и Манчжурии и осведомлено ли об этих требуемых привилегиях английское правительство, Грей ответил вчера в парламенте: «Сведения об особых интересах, на которые претендуют как российское, так и японское правительства в Монголии и Манчжурии, можно найти в некоторых договорах, конвенциях и соглашениях между правительствами России и Японии. По второй части запроса я позволю себе отослать достопочтенного члена парламента к статье I конвенции между Россией и Японией, подписанной 20 июля 1907 г., которая была сообщена правительству его величества. Мы признаем, что Россия и Япония имеют особые интересы в Монголии и Манчжурии, при условии, что таковые не противоречат принципу «открытых дверей» для британской торговли».

Бенкендорф.

№ 171. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 163. 12 июня/30 мая 1912 г.

Cambon a bien voulu me lire confidentiellement le télégramme qu'il a reçu de Poincaré au sujet de l'emprunt chinois. En voici la substance: Dans la réunion de vendredi dernier [2] il a été reconnu que le groupe russe était un groupe international, comprenant sept banques étrangères et une seule banque russe. Appuyé des représentants américain et allemand, Addis a soutenu que faculté d'émission dans pays associés par des maisons ne faisant pas partie du Consortium serait la négation du contrat. Il se déclare disposé à laisser en fait à Schroeder tous les avantages d'émission du tiers, mais ne veut pas céder sur le principe. Sur les réserves russe et japonaise les financiers ont déclaré que les Gouvernements seuls avaient qualité pour se prononcer. D'accord avec Verstraete, Simon a proposé d'assurer en fait intérêts russe et japonais en stipulant la nécessité d'un assentiment unanime pour affectation des fonds. Cette proposition a été acceptée. Seconde réunion aura lieu le 15 juin pour régler définitivement adhésion russe et japonaise. Poincaré à prescrit à l'Ambassadeur de France à Londres d'insister auprès Grey sur utilité d'accord pour maintenir action collective des Puissances en Chine, état troublé du pays exige cet accord. Adoption de formule Verstraete ou de toute autre donnant satisfaction au désir de la Russie et du Japon d'exclure les régions qui les intéressent de la sphère d'action du Consortium est essentielle pour éviter une rupture, dont conséquences pourraient être graves au point de vue de politique générale poursuivie par Russie, France et Angleterre. Cambon devait attirer la plus sérieuse attention de Grey sur question en disant que Poincaré

[1] Тел. от 24/11 июня за № 1190 Сазонов, отмечая, что ссылка Грея на соглашение 1907 г. могла иметь в виду только секретный договор, доверительно сообщенный в свое время англ. прав-ву япон. послом, просил Бенкендорфа указать Грею, что «мы оцениваем благожелательный нам характер его сообщения, но все же думаем, что следует заручаться в таких случаях предварительным согласием заинтересованных держав».

[2] 7 июня/25 мая (см. № 157).

lui serait reconnaissant d'aller aussi loin qu'il jugera possible dans sens de désir de la Russie et du Japon. Aucune politique d'avenir ne peut être poursuivie en Chine contre ces deux Puissances. Louis a été chargé de faire connaître à Kokovtzow et Sazonow les désirs de la France à Londres et d'insister auprès d'eux pour qu'ils se contentent d'une formule permettant à la Russie préalablement opposer son veto aux entreprises dans régions qui l'intéressent [1].

Benckendorff.

Перевод.

Камбон был так любезен, что доверительно прочел мне телеграмму, полученную им от Пуанкаре по вопросу о китайском займе. Сущность ее сводится к следующему: На совещании в прошлую пятницу было признано, что русская группа — группа международная, в состав которой входят семь иностранных и один только русский банк. Аддис, поддержанный американским и германским представителями, высказался в том смысле, что признать за банкирскими домами, не входящими в состав Консорциума, право на эмиссию в странах, объединенных Консорциумом, было бы отрицанием самого контракта. Он заявил, что он готов предоставить Шредеру все выгоды эмиссии третьей доли, но он не хочет уступить в отношении принципа. Что касается предложенных русской и японской группами оговорок, то финансисты заявили, что право высказаться по этому вопросу принадлежит одним лишь правительствам. В согласии с Верстратом, Симон предложил реально обеспечить русские и японские интересы, поставив условием, чтобы назначение фондов определялось единогласным решением. Это предложение было принято. Второе совещание назначено на 15 июня, с тем чтобы окончательно урегулировать вопрос о присоединении русской и японской групп. Пуанкаре дал французскому послу в Лондоне предписание настаивать перед Греем на пользе соглашения в целях сохранения совместных действий держав в Китае, как того требует тревожное положение в стране. Принятие формулы Верстрата или какой-либо другой формулы, удовлетворяющей желание России и Японии исключить из сферы действий Консорциума те области, в которых они заинтересованы, безусловно необходимо для того, чтобы избежать разрыва переговоров, что могло бы иметь серьезные последствия с точки зрения общей политики, проводимой Россией, Францией и Англией. Камбону было поручено обратить самое серьезное внимание Грея на этот вопрос и сказать, что Пуанкаре был бы ему признателен, если бы он пошел навстречу желаниям России и Японии, насколько он только сочтет возможным. Никакая политика не может быть успешно проводима в Китае против желания этих двух держав. Луи поручено уведомить Коковцова и Сазонова о пожеланиях, высказанных Францией в Лондоне, и настойчиво просить их удовлетвориться формулой, позволяющей России предварительно налагать свое veto на предприятия в областях, в которых она имеет интересы.

Бенкендорф.

№ 172. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 165 [2]. 12 июня/30 мая 1912 г.

Suite à mon télégramme N 160 [3].

Grey a repris aujourd'hui avec moi le sujet de la proposition Poincaré. Il m'a dit qu'aucune des cinq Puissances n'était responsable pour les débuts de cette guerre et que toutes avaient un intérêt sinon égal, du moins analogue, à la voir cesser. Il en conclut qu'une action en faveur de la paix à cinq est toute indiquée et présente en outre selon lui le plus de chances d'aboutir. Il pense qu'un groupement ayant cette action en vue devra toujours créer des difficultés qui entraveraient le but. Par contre, il est tout à fait en faveur de pourparlers préliminaires et confidentiels entre la Russie, l'Angleterre et la France, pour que ces trois Puissances soient prêtes pour toute éventualité.

[1] В тел. от 14/1 июня за № 103 (опубл. М., стр. 563) Извольский сообщал: «Консорциум телеграфирует Верстрату, что Япония дала окончательное свое согласие, что недостает лишь согласия России и что во вторник [17/4 июня] необходимо принять окончательное решение. Пуанкаре готов оказать нам всяческое содействие, но все еще надеется на успех данного Жоржу Луи поручения» (см. стр. 156, прим. 2).

[2] Опубл. Siebert, II, S. 392, N 630.

[3] См. № 167.

Il croit à la possibilité qu'Allemagne fasse des propositions séparées à l'une ou l'autre [1], et il pense qu'il faudrait d'abord s'entendre pour lui répondre avant de s'engager à rien que [2] toutes les Puissances doivent être consultées. Grey considère comme les occasions qui se prêteraient le plus à une initiative allemande l'entrevue projetée de notre Auguste Maître avec l'Empereur Guillaume, ou bien l'arrivée ici de Marschall. Pour sa part Grey est prêt à parler à Marschall comme il venait de le suggérer. Il aimerait connaître votre point de vue. Il a ajouté que, bien entendu, ce plan n'empêcherait en aucune façon la Russie, l'Angleterre et la France de se consulter plus spécialement et confidentiellement au sujet de toute proposition qui émanerait d'ailleurs. Il m'a dit qu'il revenait sur ce sujet parce que la proposition que Cambon avait été chargé de lui faire entrait dans certains détails contre lesquels il avait élevé des objections et qu'il ne se rendait pas compte clairement si le mode d'action en commun dont je lui avait parlé signifiait action commune de trois Puissances ou de cinq. Grey opine pour les cinq, ce qui selon lui prévient les inconvénients de groupement. Vous voudrez bien observer que les paroles que Rodd avait adressées à Impériali [3] perd[ent] toute valeur.

Benckendorff.

Перевод.

Продолжение моей телеграммы № 160.

Сегодня Грей возобновил со мной беседу по поводу предложения Пуанкаре. Он сказал, что ни одна из пяти держав не ответственна за начало этой войны и что все они заинтересованы если не в равной, то в аналогичной степени в ее прекращении. Отсюда он заключает, что совместные действия впятером в пользу мира вполне своевременны и кроме того, по его мнению, они имеют больше всего шансов на успех. Он считает, что любая группировка держав для такого выступления всегда будет связана с затруднениями, которые помешают достижению цели. С другой стороны, он всецело приветствует предварительные конфиденциальные переговоры между Россией, Англией и Францией, чтобы эти три державы были готовы ко всяким случайностям. Он считает возможным, что Германия сделает сепаратные предложения той или другой державе, и думает, что нужно сначала сговориться дать ей ответ, что прежде чем решиться на что-либо, должны быть запрошены все державы. Грей считает, что самым подходящим случаем для германской инициативы может послужить предстоящее свидание нашего августейшего повелителя с императором Вильгельмом или же приезд Маршалла сюда. Что касается самого Грея, он готов говорить с Маршаллом в том смысле, в котором он только что высказался. Он хотел бы знать вашу точку зрения. Он добавил, что, само собой разумеется, этот план ни в какой мере не помешает России, Англии и Франции совещаться более подробно и доверительно по поводу всякого предложения, исходящего от другой стороны. Он мне сказал, что возвращается к этому вопросу потому, что предложение, которое Камбон был уполномочен ему сделать, содержало некоторые подробности, против которых он возражал, и что он не вполне отдает себе отчет, подразумевались ли под совместными действиями, о которых я ему говорил, действия трех держав или пяти. Грей высказывается в пользу пяти, что, по его мнению, устранит неудобства группировок. Вы изволите заметить, что слова, сказанные Роддом Империали, теряют всякое значение.

Бенкендорф.

№ 173. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 104. 12 июня/30 мая 1912 г.

№ 1.

Китайский заем.

Получил телеграмму от [11 июня] 29 мая [4].

Поручение, изложенное в этой телеграмме, исполнил. Министр иностранных дел сказал мне, что предписал уже японскому послу в Лондоне откло-

[1] См. № 108.

[2] Так в оригинале; повидимому, слово: «que» в этой фразе должно стоять перед словом: «avant».

[3] См. № 95.

[4] Указанная тел. Сазонова датирована 10 июня/28 мая (см. № 164).

нить предложенную Консорциумом новую формулу и настаивать на включении в протокол прежней японской оговорки о специальных правах в Южной Манчжурии и Восточной Монголии. В этом смысле даны указания и барону Мотоно для сообщения вам. Что касается до проекта контрдекларации банкиров, то, не встречая в принципе возражений против ее включения в протокол, Япония потребовала изменения ее редакции, как изложено в телеграмме моей № 2, по-английски [1].

Малевский.

№ 174. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1123 [2]. Москва, 13 июня/31 мая 1912 г.

Сообщена в Лондон [3].

Ваша телеграмма № 99 получена [4].

До разговора с французским послом по возвращении в С.-Петербург считаю полезным высказать вам некоторые соображения по поводу предложения, которое имеет передать мне Луи. Находим сообщенную вами формулу Пуанкаре приемлемой за исключением слов: «Державы должны прежде ... подписать общее обязательство бескорыстия». Это было бы едва ли практично и могло бы только быть истолковано Германией и Австрией как знак обидного недоверия к ним. Вообще, считая необходимым, чтобы Россия, Франция и Англия действовали вполне единодушно, мы тем не менее полагаем, что в вопросе о вмешательстве для прекращения итало-турецкой войны [5] трем названным державам не следует подчеркивать свое обособление от двух других европейских держав, без содействия коих все равно не обойтись [6].

Сазонов.

№ 175. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 167. 13 июня/31 мая 1912 г.

Personnel.

N 2 [7].

Laissez-moi attirer votre attention, au sujet de nos droits et intérêts spéciaux, sur l'important argument, en apparence secondaire, mais qu'en réalité je crois très réel, des difficultés qu'une rédaction précise ferait surgir de la part du Gouvernement chinois. L'opposition à Pékin contre contrôle

[1] В тел. от 12 июня/30 мая за № 105 (2) Малевский сообщал: «В тексте декларации банкиров слова: «они не могут принять или войти в обсуждение» и т. д. (см. стр. 156, прим. 1) изменены следующим образом: «они не имеют возможности выразить свое мнение о» и т. д.

[2] Опубл. L. N., I, p. 271, где отмечено, что она отправлена из Петербурга.

[3] На полях имеется помета: «Сообщена в Лондон [15]2 июня».

[4] См. № 158.

[5] У Stieve (II, S. 147, N 325) слова: «в вопросе о вмешательстве для прекращения итало-турецкой войны» опущены.

[6] Ответной тел. от 17/4 июня за № 174 (опубл. Siebert, II, S. 398, N 633) Бенкендорф сообщал: «Вы могли усмотреть, что ваша точка зрения совпадает с мнением Грея. Так как Маршалл приедет во вторник или среду [18/5 или 19/6 июня], я прошу указать мне, одобряете ли и принимаете ли вы следующий ответ, который Грей предполагает дать в случае предложения со стороны Германии: «Прежде чем принять решение, следует запросить остальные державы, дабы согласовать действия пяти держав относительно выступления». Об ответе Извольского см. № 179.

[7] В тел. от 13 июня/31 мая за № 166 (№ 1) Бенкендорф передавал, со слов Камбона, что в беседе между Греем и Камбоном последний поддерживал русскую точку зрения. Относительно совместной эмиссии Гонконг — Шредер Грей ответил Камбону, что этот проект был снят в результате требований американских, германских и японских делегатов. Что же касается специальных прав и интересов России, Грей выразил надежду, что росс. прав-во удовлетворится формулой Верстрата, которая дает, по мнению Грея, достаточные гарантии и в то же время приемлема для финансовых групп.

effectif est, me dit-on, déjà très vive; un article comme nous l'exigeons, entamant la question de sphère d'influence, peut aboutir à résistance chinoise décisive. J'avoue ne pas très bien comprendre attitude japonaise. Je ne voudrais pas pousser trop loin mes doutes, mais appui que délégués japonais ont donné aux nôtres a jusqu'ici été très relatif. Ceci vous sera confirmé par Verstraete. Nous avons, me paraît-il, intérêt au premier chef au rétablissement d'un Gouvernement suffisamment fort en Chine, ce qui n'est pas possible sans argent. A ce point de vue il y a solidarité entre nous et les Puissances, la continuation du désordre devant fatalement entraîner pour nous mesures énergiques, très loin d'être sans inconvénients. Japon se considère-t-il intéressé au même degré au rétablissement de l'ordre en Chine? Pour ma part je n'en suis pas sûr, et l'appui japonais qui nous est promis pour une formule qui peut faire échouer le projet d'emprunt n'est pas pour calmer mes doutes. Kato, très réservé, s'est depuis le début montré sceptique au sujet du succès de l'emprunt. Pourtant il m'a dit ce matin qu'il avait regretté l'attitude de son Gouvernement sur ce point depuis le début.

Benckendorff.

Перевод.

Личная.

№ 2.

По вопросу о наших специальных правах и интересах позвольте мне обратить ваше внимание на веский довод, который хотя и кажется второстепенным, но, по моему мнению, в действительности весьма реален, а именно, что точная редакция может вызвать затруднения со стороны китайского правительства. Как я слышал, установление действительного контроля уже встречает в Пекине энергичное сопротивление; статья в той формулировке, которую требуем мы, поднимая вопрос о сферах влияния, может привести к решительному сопротивлению китайского правительства. Признаюсь, что я не вполне понимаю позицию Японии. Я не хотел бы заходить слишком далеко в своих сомнениях, но до сих пор японские делегаты оказывали нашим лишь очень относительную поддержку. Это вам подтвердит Верстрат. Мне кажется, что прежде всего мы заинтересованы в восстановлении в Китае достаточно сильного правительства, что без денег сделать невозможно. В этом отношении мы солидарны с державами, так как продолжающиеся беспорядки неизбежно должны вызвать с нашей стороны энергичные меры, отнюдь не лишенные затруднений. Считает ли себя Япония в такой же мере заинтересованной в восстановлении порядка в Китае? Что касается меня, то я в этом не уверен, и японская поддержка, обещанная нам для формулы, из-за которой проект займа может рухнуть, не может рассеять мои сомнения. Като, крайне сдержанный, с самого начала относился скептически к возможности успеха займа. Однако он сказал мне сегодня утром, что он с самого начала сожалеет, что его правительство заняло такую позицию в этом вопросе.

Бенкендорф.

№ 176. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 13 июня/31 мая 1912 г.

Получил телеграмму [11 июня] 29 мая [2].

Сегодня при свидании министр иностранных дел заговорил со мной про известную вам статью «Нового времени» и с большим волнением высказал

---

[1] Номер отсутствует.

[2] В «Новом времени» от 9 июня/27 мая, № 13004, в отчете о заседании бюджетной комиссии Гос. думы сообщалось следующее: «Исключительное внимание комиссии сосредоточилось на выступлении министра иностранных дел. Гофмейстер Сазонов в своей речи особенно подчеркнул значение для балтийской обороны, в случае возможных осложнений, выступления Швеции и для характеристики создаваемого в Швеции враждебного отношения к России напомнил об известной брошюре Свен Хедина». (См. т. XIX, № 463.)

В тел. от 10 июня/28 мая (без номера) Савинский сообщал, что упомянутая статья, по всей вероятности, вызовет запрос со стороны шведского прав-ва, и просил срочных указаний насчет ответа, который он должен дать. На следующий день тел. без

то тягостное впечатление, которое она произвела на него и правительство после его категорических заявлений в риксдаге о намерении Швеции соблюдать самый строгий нейтралитет [1] и после его формальных миролюбивых заверений мне, а Брандстрема [2] — вашему высокопревосходительству. Отвечая министру, я сначала указал на все то, что в последнее время могло и должно было настроить наше общественное мнение против Швеции: брошюра Хедина, ее повторные издания, доходящие до миллиона экземпляров, перевод ее на немецкий, явившаяся ее результатом национальная подписка на броненосец, наконец, нежелание шведского правительства принять меры против агитации Хедина, которые допускаются шведским законом. На это министр возразил, осуждая самым положительным образом выступление Хедина. Он не видит возможности для судебного преследования за неимением состава преступления, про повышенное настроение шведского общественного мнения — промолчал, а про возбуждение русского общественного мнения сказал, что он его понимает, но был бы весьма огорчен, если бы у императорского правительства и вашего высокопревосходительства после заверений шведского правительства осталась хотя бы тень сомнения насчет отсутствия у Швеции агрессивных замыслов против России и насчет возможности для Швеции примкнуть к враждебной России стороне, будь то к Германии одной, или будь то к Тройственному союзу вообще. После этих слов я сказал откровенно министру, что сам был озадачен статьей «Нового времени» и по телеграфу запросил ваше высокопревосходительство, а теперь счастлив, что могу ему заявить, на основании вашей ответной телеграммы, что «Новое время» «произвольно приписало вам слова о Швеции». На это министр сказал, что он страшно рад слышать мое заявление, которое его успокаивает и которому он придает решающее значение, тем более что он понимает, что ввиду секретного характера заседания бюджетной комиссии опровержения с вашей стороны невозможны. Я не знаю, в чем будет состоять прение в пленарном заседании Государственной думы, но позволяю себе усердно просить ваше высокопревосходительство приказать сохранить тайну за прениями, происходящими в комиссии, и настоять, чтобы в публичном заседании не были повторены слова, приписанные вам «Новым временем».

Савинский.

№ 177. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 13 июня/31 мая 1912 г.
Частное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

На этих днях г. Картер, управлявший здешним американским посольством в прошлом году и ведший переговоры по делу Честера [3], прибыл совершенно неожиданно в Константинополь. Г. Картер был моим коллегой в Бухаресте [4], но с тех пор обиженный тем, что его перевели в Южную Америку, вышел в отставку и временно поступил на службу к Моргану.

Зная, насколько Картер деятелен и энергичен, я не сомневался в том, что он приехал по делу, а не для своего удовольствия. Ввиду дружественных наших отношений он не мог не посетить меня. В последовавшей беседе между

номера из Москвы Сазонов сообщил Савинскому следующее: «Можете указать, что, ввиду секретного характера закрытого заседания думской комиссии, все сообщаемое в печати о таком заседании не имеет авторитета, а потому я не могу считать себя ответственным за произвольно приписываемые мне слова».

[1] См. № 37.

[2] Брандстрем — шведский посланник в Петербурге.

[3] См. т. XVIII, ч. I, стр. 102, прим. 2.

[4] Картер был посланником в Бухаресте с 1909 по 1911 г.

нами он пытался сперва придать своему приезду совершенно личный и частный характер, но затем высказал, что цель его поездки состоит в выяснении, насколько нынешнее политическое положение в Турции создаст благоприятную почву для дальнейшего движения честеровских проектов, переданных еще в прошлом году в парламент.

По его словам, он вынес впечатление, что стоящие ныне у власти министры очень расположены к американскому предприятию. При этом мой бывший сотоварищ заявил мне, что Честер *желает* построить *всю* магистраль Средиземное море — Диарбекир — Ван в восьмилетний срок и что мой предместник высказал будто бы ему, что Россия вполне сочувствует деятельности Соединенных Штатов, не преследующих никаких политических целей в Малой Азии. Я счел преждевременным входить в какие-либо объяснения с Картером, пробывшим здесь всего пять дней. Не могу, однако, не заметить, что все, что́ было им мне передано, вполне соответствует вожделениям нынешних турецких правителей и в особенности весьма влиятельного министра путей сообщения Джавид-бея.

Пишу вам об этом в частном письме, желая обратить ваше внимание на грозящее нам новое затруднение в без того уже сложном вопросе о малоазиатских железных дорогах.

Я ходатайствовал пред вами о предварительных объяснениях с Парижем и крайне вам благодарен за проведение этой меры в совете министров [1]. Но в моих понятиях эти предварительные объяснения не должны были бы иметь затяжной характер, так как время дорого и нам необходимо не упустить случая воспользоваться здешними обстоятельствами и настроением для скорейшего ликвидирования этого вопроса. Между тем со времени заседания совета министров прошел почти целый месяц, а дело все же не двигается. Не скрою от вас глубокого моего убеждения, что ни при каких обстоятельствах и ни при чьем содействии нам не удастся окончательно воспретить туркам строить железные дороги к нашей и к персидской границам. Вопрос состоит только в отдалении сроков постройки и в установлении известной постепенности в сооружении линий. Я лично считал бы большим успехом, если бы удалось нам выговорить таким образом двадцати- или двадцатипятилетний срок до доведения турками их линий до нашей границы. Но для достижения такого результата нам нужно работать быстро и пользоваться нынешними затруднениями Порты. По заключении мира ее финансовый кредит без сомнения возрастет и охотников ссужать ей деньги и строить ей дороги найдется много. Отстранять их мы не будем в состоянии. В особенности же трудно нам будет удержать американцев. При этих условиях не могу не просить вас о скорейшем снабжении меня необходимыми инструкциями, чтобы возобновить переговоры и вести их в совершенно определенных рамках. О всяких моих действиях буду самым точным образом доносить вам и, конечно, не буду связывать себя обязательствами без предварительного их одобрения вами.

Считаю равным образом более чем желательным воспользоваться нынешними обстоятельствами для решения вопроса о турецко-персидском разграничении, этого заколдованного вопроса, близившегося два раза к решению в течение прошлого века — в 50-х и в 76 годах, и оба раза прерванного нашими войнами с Турцией. Как я писал вам с последним курьером [2], я считаю последнее турецкое предложение вполне приемлемым, если граница Дервиш-паши есть именно та, которую он указывал в 1876 г. Она, по словам Минорского, совпадает с восточной линией спорной зоны нашей идентичной карты, следовательно делить — и то, конечно, не геометрической линией — пришлось бы только эту спорную зону. Но предварительно,

[1] См. № 63.
[2] См. № 166

конечно, следует вполне определенно выяснить, о какой границе Дервиш-паши говорят турки. Я побудил Минорского вполне свободно высказать свое мнение в отдельной записке, чтобы дать вам полное освещение вопроса, но он не убедил меня, что присоединение к Персии нескольких деревень, присоединение притом очень гадательное, так как я никогда не решусь утверждать, что Гаагский трибунал обязательно признает персидским то, что̀ наш и английский комиссары признавали спорным, важнее, чем скорейшее ликвидирование вопроса, вносящего раздражение в наши сношения с Портой. *Если* речь идет о границе Дервиш-паши 1876 г., то весь западный берег Урмии с Сулдуз восточнее этой границы. Я глубоко убежден, что нам следует торопиться решением обоих вопросов, затронутых мной в этом письме, тем более что таковое решение даст нам возможность действовать более умиротворяющим образом и на Балканском полуострове, где настроение умов все же довольно тревожно.

Прошу вас, Сергей Дмитриевич, верить глубокому моему к вам уважению и преданности.

М. Гирс.

№ 178. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 170 [1]. 14/1 июня 1912 г.

Nicolson m'a prié de vous demander tout confidentiellement jusqu'à quel degré le Gouvernement impérial attache de la valeur à obtenir un cinquième de l'affaire de la section du Golfe Persique du chemin de fer de Bagdad. Il m'a dit adresser la même question à Cambon. Il me dit que jusqu'ici les pourparlers entre l'Angleterre et la Turquie sur cette question ont eu la base de parts égales pour les cinq Puissances, l'Allemagne ayant mis à la cession de ses droits à la Turquie la seule réserve d'une part égale à celle de toute autre Puissance qui interviendrait. Nicolson me dit qu'en réalité au début l'Angleterre avait demandé une part plus grande, mais que cette tentative avait tout à fait échoué, et si Turquie faisait aujourd'hui opposition complète à cinq parts égales, que par contre il y avait chance d'aboutir à un partage où l'Angleterre obtiendrait 50%, si la Russie et la France ne jugeaient pas absolument nécessaire pour leurs intérêts de coopérer à l'affaire ou n'y tenaient pas particulièrement [2].

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон просил меня запросить вас совершенно доверительно, в какой мере императорское правительство придает значение получению пятой доли в деле участка Багдадской железной дороги в районе Персидского залива. Он сказал мне, что обращается с таким же вопросом к Камбону. Он сказал мне, что до сих пор переговоры между Англией и Турцией по этому вопросу имели своей основой равные доли для пяти держав ввиду того, что Германия уступила свои права Турции под единственным условием предоставить ей равную долю со всякой другой державой, которая примет участие в этом деле. Никольсон сказал мне, что в действительности Англия сперва потребовала бо́льшую долю, но что эта попытка была совершенно безуспешной, и если Турция теперь решительно возражает против пяти равных частей, то, с другой стороны, есть шансы притти к такому распределению, когда Англия получит 50%, если Россия и Франция не сочтут безусловно необходимым в своих интересах участвовать в этом предприятии или не придают этому особого значения.

Бенкендорф.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 393, N 631.

[2] Публикуемая тел. была передана Сазоновым в Париж 17/4 июня за № 1133.

№ 179. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 102 [1]. 14/1 июня 1912 г.

Получил ваши телеграммы из Москвы от [9 июня] 27 [2] и [13 июня] 31 мая [3].

Во избежание каких-либо недоразумений считаю долгом разъяснить, что Пуанкаре не выражал мне никаких сомнений в прочности взаимных отношений между Россией и Францией, в незыблемости коих он вполне уверен, а лишь опасение того впечатления, которое предстоящее свидание произведет на общественное мнение Франции, а также попыток с германской стороны истолковать его в свою пользу. Главным же образом он боится какого-либо неожиданного (выступления) императора Вильгельма в триполитанском вопросе с целью взять дело восстановления мира в свои руки. Наилучшим средством предотвратить эту опасность он считает установление предварительного соглашения по этому вопросу между Россией, Францией и Англией. При этом он придает чрезвычайное значение тому, чтобы заранее устранить всякую возможность расширения программы будущих действий держав. Поэтому ваше возражение против указанных в вашей телеграмме от [13 июня] 31 мая слов может произвести здесь весьма неблагоприятное впечатление. В случае если вы считаете эти слова неприемлемыми, не найдете ли вы возможным предложить другую их редакцию, с сохранением основной мысли Пуанкаре, с которой, судя по сообщениям Луи, вы в принципе согласны [4]. Ваше мнение, что не следует подчеркивать обособления трех держав от двух других, мне кажется, вполне соответствует взгляду Пуанкаре. Взгляд этот весьма ясно выражается в сегодняшней инспирированной статье газеты «Temps», на которую обращаю особенное ваше внимание.

Извольский.

№ 180. Посол в Вене министру иностранных дел.

/. Депеша № 23. 14/1 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из препровожденного с последним очередным курьером донесения генерального консула нашего в Будапеште вашему высокопревосходительству известно, при каких необычайных обстоятельствах были проведены в венгерском парламенте новые военные законы [5]. Известие об их проведении поразило всех в Вене своей неожиданностью; но не менее впечатления произвело здесь последовавшее весьма скоро после события в венгерском парламенте неожиданное выступление австрийского правительства пред австрийским парламентом.

Выступление это выразилось в форме словесного заявления министра внутренних дел Австрии, барона Хайнольда, временно заменяющего больного министра-президента графа Штюргка, обращенное к созванным им в парламенте руководителям и главным представителям всех партий и фракций.

---

[1] Опубл. L. N., I, p. 271.

[2] См. № 160.

[3] См. № 174.

[4] У Stieve (II, S. 147, N 326) слова: «с которой, судя по сообщениям Луи, вы в принципе согласны» опущены.

[5] Имеются в виду чрезвычайно резкие выступления оппозиции в венгерском парламенте 4 июня/22 мая против главы парламентского большинства Тиссы, о чем Приклонский сообщил 5 июня/23 мая деп. за № 27.

«Международный престиж монархии, — сказал торжественно министр,— наша способность исполнять обязанности союзника, обеспечение неизменно нами проводимой политики почетного мира требуют срочного проведения военной реформы. Того же требуют и военные интересы и само население»... Сославшись на устранение главного препятствия к осуществлению реформы вследствие принятия Венгрией соответствующих законопроектов, министр далее заявил, что теперь остается исполнить свой долг Австрии и, в частности, палате, выбранной всеобщей подачей голосов, в деле, которым определится ряд важных для империи обстоятельств на несколько лет вперед. Дело это почитается правительством весьма важным, «безусловной государственной необходимостью», а потому он просил депутатов оставить в стороне на время партийные счеты, как «несоответствующие торжественности минуты», и назначил срок 17 июня (по нов. стилю) для слушания военных законопроектов во втором чтении и 25 июня для третьего чтения и окончательного их принятия, дабы еще своевременно поспеть с проведением временного бюджета, обсуждение коего должно быть отложено до конца дебатов по военным законам. В заключение барон Хайнольд просил сообщить ему не позже как через два дня о том, как относится к его заявлению каждая из партий парламента.

Речь министра произвела на депутатов сильное впечатление. Ей было придано значение ультиматума, неисполнение коего могло бы повести к применению § 14 конституции или роспуску палаты. На самом деле такое необычайное по своей силе выступление правительства не соответствовало какой-либо острой необходимости внутреннего порядка: сочувствие большинства австрийского парламента военным законопроектам уже давно считалось вполне обеспеченным, оставалось лишь ускорить осуществление реформ, а также, быть может, и повысить настроение в Австрии, чтобы оно более соответствовало более приподнятому настроению в Венгрии, вызванному крутым образом действия правительства и графа Тиссы.

Как бы то ни было, но выступление барона Хайнольда возымело свое действие: большинство партий уже успело заверить его в сочувствии военным реформам и обещало соблюсти указанные им сроки. Оппозицию правительству составляют итальянцы, русины и отчасти чехи. Из них русины уже приступили к обструкции в комиссиях в надежде сторговать себе что-нибудь, либо в университетском вопросе, либо в деле распределения мандатов в галицком сейме. Но несмотря на то, что для проведения реформ в австрийском парламенте требуется не простое большинство голосов, а большинство $^2/_3$ оных, так как законы предрешают некоторые вопросы на несколько лет вперед, никто не сомневается в том, что они благополучно пройдут, притом в поставленный правительством срок и во всяком случае до 1 июля нов. стиля.

Как бы для нас проведение военной реформы в Австро-Венгрии ни было неблагоприятно, для правильной оценки влияния, которое оно может оказать на внешнюю политику соседней нам монархии, не следует упускать из виду, что согласно отзывам компетентных лиц, в том числе нашего военного агента, последствия реформ дадут себя знать не ранее как года через четыре. Таким образом вступление их в силу на первое время может дать австро-венгерскому правительству лишь чувство удовлетворения по поводу исполненной наконец, несмотря на все трудности и препятствия, необходимой реформы, обеспечивающей боеспособность армии в будущем, но отнюдь не дающей ему в руки сейчас же какой-либо новый боевой материал, могущий оправдать вступление правительства ныне же — или в очень близком будущем — на путь активных политических предприятий.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 181. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 520. 14/1 июня 1912 г.

Китайский заем.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 518 [1].

Повидимому, банки Четверного консорциума под рукой осведомили китайцев, что затруднения в переговорах банков в Европе происходят вследствие наших и японских требований относительно Манчжурии, Монголии и Западного Китая, и постарались выставить себя в роли защитника целости Китая от наших покушений. Этим объясняется упоминание Тан Шао-и на последнем совещании совета министров о суммах, нужных, якобы, для упомянутых провинций. Таким образом, здесь уже начинаются интриги в предвидении возможности разрыва между нами и Консорциумом. Китайцы со своей стороны готовы играть в этом случае на соперничестве двух групп, признаком чего может служить письмо, посланное Таном третьего дня банкам, в котором он спрашивает, согласны ли группы авансировать китайцам до конца месяца 21 миллион лан, и говорит, что, в случае отказа, китайское правительство будет считать себя свободным обратиться к другим капиталистам. Опасаясь, что в случае разрыва с нами Консорциум немедленно постарается ценой каких-либо уступок совершенно связать китайцев с собой и лишить их возможности обратиться к нам, Гойер телеграфировал Верстрату, прося разрешения, в случае получения известия о разрыве, тотчас выдать китайцам 3 миллиона лан с тем, чтобы они порвали с Консорциумом и решением палаты представителей объявили недействительным письмо 10 марта [2] и все остальные обязательства, связывавшие их с четырьмя банками. Я пока отсоветовал Гойеру до получения известий об исходе парижской конференции, даже под рукой, приступать к каким-либо объяснениям с китайцами в этом смысле. Прошу указаний, какой политики намерены мы держаться в случае, если переговоры в Париже приведут завтра к окончательному разрыву с Консорциумом, и следует ли мне тогда поддержать предположенное Гойером выступление.

Крупенский.

№ 182. Вербальная нота японского посла в Петербурге министру иностранных дел.

15/2 июня 1912 г.

Le Gouvernement impérial a été informé des décisions qui ont été prises à la conférence des groupes financiers des six Puissances, tenue dernièrement à Londres, concernant l'emprunt chinois de réorganisation.

Les dispositions de l'article 6 du projet de contrat du Consortium des six Puissances [3] paraissent au Gouvernement impérial tout à fait inacceptables. Il est donc d'avis de demander la suppression pure et simple de cet article.

Quant à la réserve tendant à garantir les droits et intérêts spéciaux du Japon et de la Russie dans leurs sphères d'influence respectives en Mandchourie

[1] В тел. от 13 июня/31 мая за № 518 В. Крупенский сообщал: «Четверной консорциум предоставил в распоряжение китайского правительства дальнейший аванс в 3 000 000 лан на одинаковых с последним авансом условиях. Из достоверного источника Гойер узнал, что при переговорах с банками Тан Шао-и упоминал о более крупных суммах, которые понадобятся китайцам на будущей неделе, а обещаны в конце месяца. Из них, по его словам, два миллиона нужны для Монголии. Банками на это не было выражено согласия, повидимому до окончательного выяснения вопроса о нашем участии в займе».

[2] Повидимому, имеется в виду письмо Юань Ши-кая представителям Консорциума от 9 марта/25 февр. 1912 г., в котором последний выразил согласие на предложенные банкирами условия выдачи кит. прав-ву аванса в счет будущего реорганизационного займа.

[3] Текст ст. 6 проекта контракта совпадает с текстом формулы, принятой на заседании Консорциума 7 июня/25 мая (см. № 157).

et en Mongolie, le Gouvernement impérial estime que la déclaration proposée par les groupes financiers anglais, allemand, français et américain n'est pas non plus acceptable [1]. D'autre part, le Gouvernement japonais est d'avis qu'il ne serait pas opportun d'insister à ce qu'une acceptation formelle par les groupes financiers desdites Puissances sur cette question soit consignée dans le protocole.

En conséquence, le Gouvernement impérial désirerait faire modifier la déclaration des groupes financiers anglais, allemand, français et américain dans le sens suivant:

«They were not in a position to express their views upon the ground that they were not competent to deal with [a] political question» [2].

Le Gouvernement impérial estime qu'en agissant ainsi, les droits et intérêts spéciaux du Japon et de la Russie seront suffisamment sauvegardés, les déclarations nécessaires sur ce sujet ayant déjà été adressées aux Puissances intéressées.

Le Gouvernement impérial du Japon désirerait instamment que le Gouvernement impérial de Russie veuille bien donner son assentiment à la manière de procéder du Gouvernement japonais et veuille bien également agir, le cas échéant, auprès des groupes financiers français dans ce sens.

Перевод.

Императорское правительство было осведомлено о решениях, принятых недавно на имевшей место в Лондоне конференции финансовых групп шести держав по поводу китайского реорганизационного займа.

Постановления статьи 6 проекта контракта Консорциума шести держав представляются императорскому правительству совершенно неприемлемыми. Поэтому оно намерено просить, чтобы эта статья была полностью изъята.

Что же касается оговорки, имеющей целью оградить специальные права и интересы Японии и России в сферах их влияния в Манчжурии и Монголии, то императорское правительство считает, что декларация, предложенная английской, германской, французской и американской группами, является также неприемлемой. С другой стороны, японское правительство считает, что было бы неуместно настаивать на том, чтобы формальное согласие финансовых групп указанных держав по этому вопросу было зафиксировано в протоколе.

Вследствие этого императорское правительство желало бы, чтобы декларация английской, германской, французской и американской групп была изменена в следующем смысле:

«Они не могут высказать свою точку зрения ввиду того, что они не компетентны в обсуждении политических вопросов».

Императорское правительство полагает, что такой образ действий в достаточной мере оградит специальные права и интересы Японии и России, поскольку необходимые заявления по этому вопросу уже были сделаны заинтересованным державам.

Императорское правительство Японии настоятельно желало бы, чтобы императорское правительство России одобрило образ действий японского правительства и равным образом предприняло бы, в случае необходимости, шаги в этом смысле перед французскими финансовыми группами.

№ 183. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 568. 16/3 июня 1912 г.

Секретно. Спешно.

М. г. Владимир Николаевич,

Из ряда телеграмм наших послов в Лондоне, Париже и Токио, равно как из сообщений представителя Русско-Азиатского банка, ваше высокопре-

---

[1] См. стр. 156, прим. 1.

[2] В тел. от 14/1 июня за № 171 Бенкендорф сообщал, со слов япон. посла в Лондоне, что Аддис, по соглашению с другими группами, принял это японское предложение и что статья 6 о необходимости единогласного решения будет изъята из контракта по требованию Японии.

восходительство осведомлены о положении вопроса с китайским реорганизационным займом.

Большинство затруднений чисто финансового характера можно считать устраненными, но, к сожалению, основной политический вопрос об ограждении наших специальных интересов в Застенном Китае остался открытым и может даже отразиться на нашем дальнейшем отношении к участию в Консорциуме. Из препровождаемых при сем телеграмм гофмейстера Извольского и графа Бенкендорфа [1] вы усмотрите, что японское правительство, которое стремится к тем же целям, что и мы, в смысле обеспечения своих интересов в Южной Манчжурии и Юго-Восточной Монголии, по невыясненным еще причинам готово удовлетвориться той постановкой, которую мы отвергли, а именно соглашается, чтобы оговорка в протоколе о специальных ее интересах в указанных областях сопровождалась заявлением Четверной группы, что последняя не компетентна высказаться по этому политическому вопросу [2]. Таким образом, ввиду бессилия в этом деле лондонского кабинета, мы можем рассчитывать на поддержку только французского правительства, которому, однако, придется принимать в соображение пожелания банков, не склонных отказаться от участия в выгодной финансовой операции.

Прежде, однако, чем отказаться от мысли защитить свои интересы путем соответственного редактирования контракта или связанных с ним протоколов и перейти к обсуждению тех средств, которыми они могли бы быть ограждены вне этих актов, я считал бы полезным сделать еще попытку в том же направлении и воспользоваться для этого мыслью, высказанной г. Верстратом, а именно настаивать на том, чтобы в контракте обусловлена была необходимость для Консорциума принимать единогласно или по предварительному соглашению всякие решения, касающиеся выдачи сумм в счет займа. Хотя формула эта, как весьма стеснительная для участников, но вполне для нас приемлемая, способна вызвать возражения, она, быть может, приведет к какому-нибудь компромиссу, ибо не заключает никакого политического элемента и ставит всех участвующих в равные условия.

Если бы ваше высокопревосходительство одобрили это соображение, я покорнейше просил бы вас снабдить соответственными инструкциями г. Верстрата, а со своей стороны, по получении вашего отзыва, преподал бы надлежащие указания послам в Париже и Лондоне.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 184. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 48. 16/3 июня 1912 г.

Я имел вчера случай вести продолжительные беседы с итальянским и турецким послами. Панса высказал, между прочим, мне, что прибытие в Лондон Маршалла, являющегося несомненно в настоящую минуту наиболее осведомленным в турецких делах лицом, может способствовать делу мира, так как ему более, чем кому-либо другому, известны настоящее настроение умов в Константинополе и способы воздействия на Порту, дабы побудить ее приступить к мирным переговорам. Он заявил, что Италия не намерена атаковать Дарданелл, желая по мере возможности не нарушать интересов нейтральных держав. Турецкий посол особенно настаивал на оборонительной роли Порты, причем заявил, что правительство его, дабы не вызывать

[1] Повидимому, речь идет о телеграммах Бенкендорфа и Извольского за №№ 171 и 103 (см. стр. 173, прим. 2, и стр. 163, прим. 1).

[2] Далее зачеркнуто: «При этом даже, по настоянию самих японцев, из текста контракта исключена будет статья 6, служащая до известной степени гарантией для России и Японии, что их права и интересы будут отчасти охранены».

нареканий со стороны держав, заинтересованных в свободном плавании через Проливы, решило не закрывать Дарданелл иначе, как в случае действительной неминуемой опасности, если же Италия заявит державам официально о решении своем не атаковать Дарданелл, то и Порта со своей стороны обязалась бы не закрывать Проливов. Перевоз 25 000-ного отряда из Триполи в Родос, повидимому, сильно беспокоит Порту, хотя турки, по словам турецкого посла, рады были бы сражению с итальянцами в открытом поле вне района действия орудий итальянского флота. Оно несомненно окончилось бы полным поражением итальянцев, что вызвало бы падение кабинета и могло бы содействовать прекращению войны. В заключение турецкий посол довольно откровенно высказал мысль о том, что Италия не решилась бы на столь агрессивный образ действия, если бы не сочувствие и поддержка, оказываемая ей со стороны России.

Шебеко.

№ 185. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 32. 16/3 июня 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Болгарский министр народного просвещения Бобчев, которого я хорошо знаю свыше 30 лет, в недавнюю бытность свою в Белграде весьма откровенно беседовал со мной о настоящем положении дел на Балканах и о сербо-болгарских отношениях в связи с создавшимися ныне новыми условиями, благодаря заключению между обоими государствами секретной конвенции.

Так как взгляды и соображения одного из деятельных членов болгарского правительства представляют немалый интерес, то я почитаю долгом в настоящем донесении изложить в кратких чертах все, что мне довелось услышать от г. Бобчева, успевшего пред тем повидаться с гг. Пашичем и Милованoвичем.

Прежде всего Бобчев поведал мне новость, слышанную мной уже ранее в Нише от Данева [1], а именно, что в настроении короля Фердинанда сказалась существенная перемена по отношению к Сербии. Впрочем, добавил мой собеседник, перемена эта произошла под решительным давлением правительства, ребром поставившего вопрос о том: желает ли король в делах внешней политики опираться на Австрию, — что̀ равносильно было бы выражению недоверия руссофильским партиям в Болгарии, разрыву с Сербией и открытому приступлению к Тройственному союзу; либо его величество предполагает откровенно следовать указаниям России, что̀ обязывало бы его отказаться раз навсегда от заигрывания с Веной, заключить союз с Сербией и вступить на путь чисто славянской политики. После некоторых колебаний царь избрал вторую комбинацию и уполномочил министров довершить возможно скорее дело соглашения с Сербией. Подписав ныне этот акт и особливо секретную военную конвенцию, король Фердинанд, по словам Бобчева, окончательно отрезал путь к каким-либо подобным сделкам с Австро-Венгрией.

Но..., — сказал смеясь министр, — нельзя, однако, не считаться с одним обстоятельством, а именно с воспринятыми королем еще в юные годы чувствами какого-то благоговения и преданности к императору Франц-Иосифу, которые и впредь будут служить для него основанием не прерывать изысканно дружеских отношений с Веной. Настоящее посещение Гофбурга всей королевской семьей [2] имеет ту же подкладку, и было бы досадно, если бы оно вызвало какие-либо подозрения в Сербии.

---

[1] О пребывании Данева в Нише см. т. XIX, № 857.

[2] См. № 148.

На этот счет я совершенно успокоил Бобчева, сказав, что сербы уже привыкли к периодическим поездкам короля Фердинанда в Вену и что на сей раз, после только что состоявшихся соглашений, с их стороны было бы более чем наивно придавать затаенное политическое значение свиданию двух монархов.

Перейдя затем к общим балканским делам, Бобчев следующим образом определил руководящие начала, которым намерено следовать софийское правительство.

Усматривая на горизонте скопление грозных туч, Болгария сделает все возможное, чтобы сохранить мир. Никаких активных выступлений, каковые могли бы ныне только скомпрометировать ее положение. По заключении союза с Сербией она более чем когда-либо сознает лежащую на ней ответственность. Несмотря на учащающиеся случаи столкновений на турецкой границе, Болгария всячески стремится к улажению недоразумений мирным путем. Она, вопреки распространяемым слухам, отнюдь не намерена использовать затруднительное положение Турции. Армия ее не доведена еще до боевой готовности, а между тем турки в Адрианопольском вилайете сосредоточили весьма значительные силы. Отношения с Румынией далеко не выяснены, но пока не представляется, кажется, сомнений, что держава эта присоединится к враждебному лагерю. Противовесом может послужить Греция, с которой в настоящее время Болгария — не без надежды на успех— ведет секретные переговоры о союзе в целях единства действий в будущем [1].

Следуя таким образом миролюбивой политике, Болгария может, однако, во всякую минуту неожиданным оборотом событий быть поставлена в необходимость взяться за оружие для ограждения своих интересов. На этот случай в Софии ожидают указаний императорского правительства, которыми снабжен не возвратившийся еще из России председатель Народного собрания Данев [2].

Г. Бобчев с удовольствием осведомился в Белграде, что задачи, преследуемые в настоящее время Сербией на Балканском полуострове, в главных чертах согласуются с политической программой болгарского правительства.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 186. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 404. 16/3 июня 1912 г.

Дожич.

Сербский посланник осведомил меня, что патриарх на последнем заседании синода объявил, что он лично настаивал перед министрами о выдаче Дожичу берата и получил от них, будто бы, утвердительный ответ. Черногорский представитель, вопреки моим советам, заявил Порте, что отказ в берате Дожичу будет сочтен Черногорией враждебным ей актом, патриархии же угрожает отложением черногорцев, в случае ее отказа от Дожича. Посланник доносит своему правительству, что ввиду явной преднамеренности патриархии, отвергшей настояния Сербии и наши советы, он считает дальнейшие обращения к патриарху бесполезными. Весьма вероятно, что Порта будет стараться удовлетворить Черногорию, дабы отвлечь ее от вмешательства в албанское движение. Мы до сих пор не имели по сему делу обращения к Порте. Полагал бы желательным воздержаться от сего и впредь, как неудобного примера прибегания нами к посредничеству турок в раздорах между славянскими племенами [3].

Гирс.

[1] См. № 100.

[2] Ср. № 64.

[3] В ответной тел. от 17/4 июня за № 1137 Сазонов сообщал М. Гирсу: «Разделяю ваше мнение о нежелательности обращения к Порте по вопросу о Дожиче. Но патри-

№ 187. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

Т/. Телеграмма № 1127 [1]. 17/4 июня 1912 г.

Китайский заем.

Оговорка о специальных интересах в той форме, на которую согласилось японское правительство, кажется нам решительно недостаточной [2]. Самая сила сопротивления, оказываемая финансовыми группами всяким нашим попыткам оградить русские интересы, причем мы готовы доброжелательно отнестись и к интересам других участников, заставляет подозревать об их склонности отнестись поощрительно к расходованию Китаем денег на цели, для нас нежелательные. По сведениям из Пекина, китайцы, учитывая, вероятно, это обстоятельство, уже заявили желание получить в счет займа два миллиона лан на нужды Монголии [3].

Интересы России в Застенном Китае настолько для нее жизненны, что, участвуя в Консорциуме или стоя вне его, мы все равно принуждены будем всячески их отстаивать, для чего располагаем разнообразными средствами. Прежде всего можно указать на такие, которые бесспорно принадлежат нам по соглашениям с Китаем. По декларации о займе 1895 г. Китай обязался в случае предоставления какой-либо державе прав или преимуществ, касающихся наблюдения за его доходами или управления ими, распространить эти права и на Россию. Совершенно очевидно, что предусматриваемый Консорциумом контроль за расходованием займа вполне подходит под это постановление. Затем, как известно, авансы выдаются под обеспечение соляной монополии и последняя должна будет служить одной из основных гарантий всего займа. Россия, на долю которой приходится треть обеспечиваемого тем же источником вознаграждения за боксерское восстание, является державой, наиболее заинтересованной в этом вопросе, и должна иметь главный голос в его решении.

Наконец, так как мы опротестовали ст. 16 контракта Четверного консорциума [4], то в случае недостижения соглашения мы будем свободны оказывать денежную поддержку Китаю по нашему усмотрению. Само собой разумеется, что если Китай задумает обратить получаемые от Консорциума деньги на предприятия, явно нам угрожающие, то мы вынуждены будем действовать, считаясь исключительно с нашими собственными интересами.

Между тем, участвуя в Консорциуме, если из деятельности его заранее будет исключена поддержка агрессивным стремлениям Китая, мы, конечно, со вниманием будем относиться к пожеланиям других участников как из соображений финансовой выгоды, так и по естественной необходимости вносить известный дух компромисса в решения коллегиального учреждения.

Благоволите безотлагательно развить эти соображения перед министром иностранных дел и просить его энергичной поддержки нашей точки зрения, ибо соглашение полезно не только для России, но и для других заинтересованных держав и самого Китая. Верстрат будет снабжен надлежащими указаниями относительно желательной для нас формулировки, но мы не настаиваем на данной редакции и готовы приветствовать всякое решение, достаточно нас ограждающее [5].

Сазонов.

архии следует неотступно доказывать необходимость найти выход из вредного для православия положения, наглядно иллюстрируемого содержанием донесения Лобачева № 130» (см. стр. 111, прим. 4).

[1] Опубл. М., стр. 563, где номер отсутствует.

[2] Ср. №№ 182 и 183.

[3] См. № 181 и прим. 1 к нему.

[4] См. т. XVIII, № 186.

[5] В тел. от 17/4 июня за № 106 (опубл. М., стр. 563) Извольский сообщил, что по получении публикуемой тел. он тотчас же ознакомил с ее содержанием Пуанкаре,

№ 188. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1130 [1]. 17/4 июня 1912 г.

Телеграмма № 493 получена [2].

Замещение должности начальника тегеранской полиции французом представляется нам, на основании установленного общего принципа, едва ли допустимым. Нежелателен в этой роли и швед, ввиду уже значительного числа в Персии инструкторов этой национальности. Принимая во внимание, что Тегеран находится в нашей сфере влияния и что на персидской службе находится несколько англичан, как например Нью, Лекофр и Гейкок, мы полагали бы желательным попытаться провести на означенную должность русского подданного. Мы могли бы, в таком случае, рекомендовать бывшего пограничного комиссара в Гумбад-и-Кабузе полковника Маргания, обладающего большим административным опытом и пользовавшегося небывалым престижем и влиянием среди туркмен и персов в Астрабадском районе.

Благоволите телеграфировать, насколько изложенное наше пожелание представляется вам осуществимым [3].

Сазонов.

№ 189. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1131 [4]. 17/4 июня 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Бенкендорфа № 170 [5].

Вопрос о нашем участии в южном участке Багдадской дороги имеет для нас мало значения, хотя оно и дало бы нам возможность быть более точно осведомленными в положении дел на этом участке дороги. В свое время мы заявили о своей готовности взять на себя пятую часть главным образом для поддержания принципа общности наших действий с Англией и Францией в этом деле и с намерением использовать наш голос к выгоде обеих этих держав. Ныне мы были бы готовы отказаться от своих притя-

---

который подтвердил, что России будет оказана на собрании Консорциума «самая энергическая поддержка». Ответ Бенкендорфа см. № 195.

[1] Лит. копия.

[2] В тел. от 11 июня/29 мая за № 493 Поклевский сообщал Сазонову, что, ввиду смерти Ефрема (см. стр. 89, прим. 4), перс. прав-во предполагает назначить начальником тегеранской полиции иностранца и что регент конфиденциально просил его и Тоунлея узнать мнение их прав-в по этому вопросу. Поклевский добавлял следующее: «Мы с Тоунлеем находим, что такой иностранец должен обладать особенной опытностью для борьбы с политическими революционными организациями, и нам кажется, что с такой обязанностью лучше мог бы справиться француз, если, конечно, оба правительства не имеют в виду какого-либо специального кандидата для этой должности».

[3] В ответной тел. от 23/10 июня (без номера) Поклевский высказывал уверенность, что перс. кабинет не решится доверить должность начальника тегеранской полиции русскому подданному, так как занимающее эту должность лицо получит «не только огромную власть в городе, но и возможность постоянного давления на персидское правительство». Далее он сообщал, что «регент был очень испуган», когда Тоунлей, в частном разговоре с ним, высказал лично от себя мысль, что «самым подходящим кандидатом для этой должности был бы русский полицейский чиновник со служебным опытом на Кавказе, вроде бакинского градоначальника Мартынова». Регент «не скрыл, что провести подобную кандидатуру было бы едва ли возможно». По словам перс. м-ра внутр. дел, — указывал Поклевский, — «персидское правительство склоняется к приглашению для реорганизации тегеранской полиции трех голландцев». Тел. от 24/11 июня за № 1188 Сазонов, в ответ на эту тел. Поклевского, сообщал: «Вследствие высказанного в ней соображения не встречаем препятствий к приглашению голландцев для заведывания тегеранской полицией».

[4] Опубл. М., стр. 210.

[5] См. № 178.

заний, но хотели бы предварительно знать взгляд французского правительства на этот счет. Благоволите выяснить таковой и о последующем телеграфировать [1].

Сазонов.

№ 190. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 107 [2]. 17/4 июня 1912 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы № 99 [3] и № 102 [4].

Лондонский кабинет уже принял предложенную Пуанкаре формулу с некоторыми лишь незначительными изменениями [5]. Пуанкаре согласен со смыслом этих изменений и предлагает следующую окончательную редакцию: «Les Gouvernements de la France, de la Russie et de la Grande-Bretagne ayant les mêmes vues sur les conditions dans lesquelles ils pourront en temps opportun coopérer avec efficacité au rétablissement de la paix entre l'Italie et la Turquie, estiment qu'une intervention amicale des Puissances n'aurait chance de succès que si l'objet en est strictement limité aux termes précis du litige qui a motivé le conflit. Les Puissances médiatrices devraient donc avant toute délibération souscrire un pacte général de désintéressement. Les trois Gouvernements s'accordent en outre à reconnaître que pour arriver à leurs fins pacifiques il est essentiel que les cinq Puissances se concertent avant toute démarche» [6]. Пуанкаре телеграфировал эту формулу в Петербург и Лондон и не сомневается в согласии на нее лондонского кабинета.

Извольский.

---

[1] Тел. от 20/7 июня за № 113 (опубл. М., стр. 210) Извольский сообщал: «Пуанкаре получил такой же конфиденциальный запрос из Лондона, но еще не отвечал на него, так как в настоящую минуту в Берлине ведутся между Deutsche Bank и франц. участниками багдадского предприятия переговоры» (см. № 118). «От исхода этих переговоров, — указывал Извольский, — будет зависеть, останутся ли французы в сказанном предприятии, чего лично Пуанкаре весьма желает, а это в свою очередь определит отношение французского правительства к вопросу о южном участке».

В ответной тел. от 24/11 июня за № 1189 Сазонов сообщал: «До получения ответа Пуанкаре воздержимся от принятия решения. Не можем, однако, уяснить себе связь между поднятым англичанами вопросом и переговорами французов с Deutsche Bank, ввиду отказа общества Багдадской дороги в пользу турецкой компании от участка Багдад — Басра».

Тел. от 26/13 июня за № 122 (опубл. М., стр. 219) Извольский сообщил, со слов Пуанкаре, что связь между этими вопросами — «чисто финансового свойства». «Если немцы будут настаивать на реализации части займа, оставшейся в портфеле Оттоманского банка, последний обратится, вероятно, за помощью к английским банкам, а это может повести к соглашению с ними по отношению к последнему участку».

[2] Опубл. М., стр. 209.

[3] См. № 158.

[4] См. № 179.

[5] 17/4 июня Сазонов телеграфировал Извольскому за № 1129 (опубл. Stieve, II, S. 152, N 333, где она помечена № 1139), что Жорж Луи сделал ему сообщение, изложенное в тел. Извольского № 99, и что он ответил в смысле своей тел. № 1123 (см. № 174), добавив, что он разделяет взгляд Грея, переданный ему Бенкендорфом (см. № 172).

[6] «Правительства Франции, России и Великобритании, одинаково понимая условия, при которых они смогут своевременно и успешно содействовать восстановлению мира между Италией и Турцией, полагают, что дружественное вмешательство держав может иметь шансы на успех только при условии строгого ограничения его пределами спора, вызвавшего конфликт. Поэтому державы-посредницы, прежде чем приступить к обсуждению вопроса, должны подписать общее обязательство о бескорыстии. Кроме того, три правительства согласны в том, что для достижения их миролюбивых целей существенно необходимо, чтобы все пять держав пришли к соглашению до того, как предпримут какое-либо выступление».

№ 191. Посол в Риме [1] министру иностранных дел.

/. Письмо [2]. 17/4 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Приехав сегодня утром в Рим и вступив в управление высочайше вверенным мне посольством, я был принят сегодня же итальянским министром иностранных дел маркизом ди Сан-Джулиано, которому я вручил перевод с моей верительной грамоты и с отзывной грамоты генерал-адъютанта князя Долгорукого. При этом я просил министра исходатайствовать для меня аудиенцию у короля Виктор-Эммануила; его величество, как предполагает министр, примет меня на этих днях, и я вручу ему верительную мою грамоту и отзывную грамоту моего предшественника [3].

Мой первый разговор с маркизом ди Сан-Джулиано носил характер совершенно дружественный, соответствующий давнишним нашим отношениям. Политических вопросов, истекающих из взаимоотношений России и Италии, он как будто избегал касаться. Министр ограничился выражением благодарности королевского правительства за столь дружественное отношение к нему России, которое было оценено везде и всеми в Италии, и выразил уверенность, что и впредь оно не изменится [4]. Со своей стороны я воздержался от всякой инициативы относительно вопросов, обсуждавшихся в Ракониджи и на которые в здешнем министерстве иностранных дел неоднократно наводили разговор в беседах с камергером Поггенполем, о котором, кстати сказать, маркиз ди Сан-Джулиано отозвался с большой похвалой. Если, как я только что сказал, я воздержался от всякой попытки вызвать министра на откровенность, то это не только потому, что при первой встрече мне это казалось не совсем удобным, но главное потому, что я считал более уместным предоставить эту инициативу итальянскому министру.

Но об отношениях Италии и Франции у нас была речь: я сказал маркизу ди Сан-Джулиано, что императорское правительство с удовольствием отметит наступившее, судя по газетам, в последнее время улучшение в этих отношениях. На это министр мне ответил длинной речью, в которой, признавая несомненность этого улучшения и радуясь ему, он, однако, сказал, что в этом направлении еще остается кое-что сделать. При этом он мне изложил исторически все перипетии франко-итальянских отношений последних лет. Секретное соглашение 1902 г.,—сказал министр,—было истолковано Италией в самом широком и дружелюбном смысле относительно Франции. Италия даже навлекла на себя гнев Германии в Алжесирасе, Франция же, по мнению министра, хотя и соблюдала условия сказанного соглашения, но толковала его далеко не столь благожелательно, как Ита-

---

[1] В мае 1912 г. росс. посланник в Христиании А. Крупенский был назначен послом в Рим. Тел. от 17/4 июня (без номера) Крупенский сообщил о вступлении в управление посольством.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 394, N 632.

[3] Тел. от 20/7 июня, без номера (опубл. Siebert, II, S. 401, N 636) А. Крупенский сообщил о вручении им верительных грамот королю. Король «выразил радость, что отношения между Россией и Италией столь прекрасны, и печаль, что сердечность отношений, которая существовала между Италией и Францией, сильно пострадала от неблагожелательности французского общественного мнения»; правда, он признал, что «в этом отношении есть большое улучшение».

[4] В письме от 2 июля/19 июня (опубл. Siebert, II, S. 408, N 645, где оно ошибочно датировано 11 июля/28 июня) А. Крупенский писал следующее по поводу приема, оказанного ему в Риме: «Хотя мне и говорят, что радуются моему возвращению в Италию, но я прекрасно понимаю, что все эти демонстрации объясняются дружелюбной политикой России в турецко-итальянском конфликте. Впечатлительная Италия искренне и восторженно благодарна нам и ожидает от нас еще разных благ. Так, например, здешнее общественное мнение полагает, что с моим назначением послом в Рим должна совпасть новая инициатива России в пользу мира в виде давления на Турцию. От нас и даже от меня лично ждут невозможного, и оказанный мне прием меня пугает потому, что разочарование должно последовать после столь неумеренных надежд»

лия. Консула Республики гораздо строже придерживались капитуляций, чем консула других стран; она могла бы сделать гораздо больше, чтобы воспрепятствовать контрабандному ввозу оружия [1], хотя и тут министр признавал затруднения, с которыми Франции приходилось бороться. В инциденте с осмотром судов «Manouba» и «Carthage» Италия была чрезвычайно неприятно поражена, и французская пресса задела за живое ее национальное чувство. Нет сомнений, что с итальянской стороны, продолжал министр, все эти инциденты сильно преувеличивались, точно так же как и общественное мнение преувеличивает влияние Франции на Россию, которая, как здесь полагают, выказала бы еще более дружелюбное отношение к Италии, если бы не влияние на нее ее союзницы. На этом я остановил министра и сказал ему, что тут нет преувеличения, а есть только досужий и ничем не оправдываемый вымысел. Но министра мое возражение как будто не убедило, так как он еще раз мне повторил: «il y a peut-être eu quelque chose, mais en tout cas cela a été exagéré» [2]. Считаю долгом привлечь на это внимание вашего высокопревосходительства на тот случай, если бы вы нашли нужным опровергнуть также и от себя в ваших беседах с итальянским поверенным в делах это мнение. Но все это, закончил министр, дело прошлого; теперь как французское, так и итальянское правительства усердно стараются восстановить дружественные отношения, существовавшие до войны, тем более что как в Париже, так и в Риме отдают себе вполне отчет, насколько интересы как Франции, так и Италии связаны с поддержанием наилучших отношений между двумя государствами. Римский кабинет не упустил бы никакого случая, чтобы подчеркнуть и доказать свое расположение к Франции, но политические констелляции и главным образом война с Турцией, которая, как министр опасается, продлится еще долго, не представляют для Италии такого случая, но этот последний может легко представиться для Франции.

Воспользовавшись тем, что министр заговорил о войне, я привлек его внимание на значительные убытки, политические и материальные, причиняемые России от закрытия Дарданелл. К этому вопросу, сказал я, как императорское правительство, так и общественное мнение России относятся чрезвычайно чутко, и если бы Дарданеллы были закрыты еще раз, то я не знаю, на кого возложили бы ответственность за это в России. На это министр мне ответил, что он твердо надеется, что Дарданеллы останутся открытыми. Впрочем, прибавил он, у нас имеется записка специалистов по минному делу, из которой явствует, что на полное минное заграждение Проливов не требуется более 40 минут и что нескольких часов достаточно для удаления поставленных мин. Если же Дарданеллы были так долго закрыты, то это может только объясниться отчасти турецкой небрежностью, отчасти же желанием турок возбудить неудовольствие против Италии. Я возразил министру, что об этих технических деталях я суждения не имею, но только могу повторить, что для нашей торговли свобода Проливов является жизненным вопросом.

На этом окончился разговор нашего первого свидания. Я не упоминаю о любезностях, сказанных маркизом ди Сан-Джулиано лично по моему адресу, так как они значения не имеют и объясняются моим десятилетним пребыванием в пталианской столице до моего назначения в Норвегию [3]. Министр также с большой теплотой расспрашивал меня о вашем здоровьи, и все подробности, касающиеся вас, его живо интересовали.

---

[1] Ср. № 43.

[2] «может быть, что-нибудь и было, но во всяком случае это было преувеличено».

[3] В феврале 1896 г. А. Крупенский был назначен советником посольства в Риме. Он занимал эту должность до декабря 1905 г., когда был назначен посланником в Христианию.

Вот, милостивый государь, хотя пространное, но вместе с тем и беглое изложение моего часового разговора с итальянским министром иностранных дел. Приехав сюда, как выше сказано, только сегодня, я никого кроме маркиза ди Сан-Джулиано не успел еще видеть; с делами мог ознакомиться только самым поверхностным образом и более подробных донесений вам не могу написать, хотя и отправляется завтра в С.-Петербург очередной курьер. Но камергер Поггенполь приготовил донесение, которое он имеет честь адресовать вашему высокопревосходительству [1].

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

P. S. О вопросах неполитических, специально интересующих императорское представительство, как например, о некоторых консулах в Италии, о посольском доме, который я нашел в самом ужасном состоянии, недостойном Российской империи, я предоставляю себе донести императорскому министерству при ближайшей возможности.

Я только что видел германского посла, с которым у меня сохранились старые товарищеские отношения. В нашем разговоре, который касался многих местных вопросов, г. Ягов мне, между прочим, совершенно конфиденциально сообщил, что в первые же дни после объявления войны Италия могла заключить при содействии германского посла в Константинополе г. Маршалла чрезвычайно выгодный для нее мир, при условии признания совершенно формального суверенитета султана над Триполисом, но что, несмотря на все увещевания германского правительства и его, г. Ягова, в особенности, маркиз ди Сан-Джулиано, считаясь с общественным мнением, не нашел возможным с этим согласиться. Так как ни в здешнем нашем посольстве, ни мне этот инцидент не был известен, то я полагаю, что, может быть, императорское министерство ничего об этом не знало, и считаю долгом довести его до сведения вашего высокопревосходительства.

К р у п е н с к и й.

№ 192. Министр финансов директору Русско-Азиатского банка Верстрату.

Телеграмма [2]. 17/4 июня 1912 г.

Ознакомившись с вашим письмом и проектом изменения параграфа шестого [3], считаю нужным дать вам, по соглашению с министром иностранных дел, следующие разъяснения: *Первое:* предлагаемую японским правительством формулу оговорки со стороны России [и] Японии считаю приемлемой [4], так как этой формулой наша оговорка в существе дела не уничтожается, ибо представители четырех групп устраняют себя лишь от ее оценки, признавая себя некомпетентными разрешать политическую сторону дела. *Второе:* в отношении параграфа шестого наилучшим решением следует признать принятие предлагаемой вами редакции, которая вполне точно воспроизводит мою мысль. Можно предполагать, однако, что эта редакция встретит возражения других банкиров, которые могут предпочесть принять

---

[1] Повидимому, имеется в виду деп. Поггенполя от 18/5 июня за № 17 (см. 197).

[2] Номер отсутствует.

[3] Проект редакции ст. 6, предложенный Верстратом, гласит: «Относительно всего, что касается реорганизационного займа, а именно его расходования и гарантий, а также относительно всего, что касается других операций по займу и авансов, упомянутых в статье 2 (см. стр. 185, прим. 3), заключаемых с центральным правительством или с провинциальными властями или гарантированных ими, решения каждый раз должны быть приняты единогласно. Настоящая статья не распространяется на те операции, котор' е в силу особого постановления статьи 2 могут и впредь быть предприняты самостоятельно каждой группой».

[4] См. № 182.

японское предложение — вовсе исключить весь шестой параграф из контракта; но из слов барона Мотоно я заключаю, что, предлагая вычеркнуть шестой параграф из контракта, японское правительство предполагает, ссылаясь на ранее имевшиеся в виду документы [1], что до представления китайскому правительству выручки от займа или части ее Консорциум должен получить от китайского правительства определенное сведение о том, на какие потребности будут деньги обращены, причем Консорциум обязан испросить на это чрез своих представителей разрешение подлежащих правительств, согласие которых необходимо на выдачу денег Китаю. Если такое мнение барона Мотоно правильно и действительно имеется уверенность в таком ограничении, то полное исключение шестого параграфа было бы допустимо, но в том только случае, если бы в самом контракте, или в протоколе к нему, или даже в какой-нибудь Note annexe, было помещено правило, в точности воспроизводящее эту мысль. *Третье:* без такого условия исключение параграфа шестого делает нас совершенно беззащитными против решения других участников. *Четвертое:* желательно настоять на том, чтобы оговорка, предусмотренная бароном Мотоно, имела своим предметом, так же как и ваша редакция параграфа шестого, не только emprunt de réorganisation [2], но и отдельные операции, совершаемые с правительством Китая, его провинциями или с его гарантией. *Пятое:* благоволите все это изъяснить нашему послу Извольскому и просите его содействия. *Шестое:* если мы не получим удовлетворения в отношении параграфа шестого или замены его особой декларацией, предусмотренной выше, то нам придется устраниться от Консорциума. Поэтому постарайтесь выяснить окончательно, можем ли мы действительно рассчитывать на то, что при нашем удалении из Консорциума в состав его не войдут известные вам крупные французские банки.

Коковцов.

№ 193. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1142 [3]. 18/5 июня 1912 г.

Сообщается послу в Париже.

Ваша телеграмма № 174 получена [4].

Вполне разделяя взгляды Грея, переданные в вашей телеграмме № 165 [5], я готов, в случае если ожидания германского выступления оправдаются, присоединиться к предлагаемому заявлению о необходимости посоветоваться с остальными державами до принятия какого-либо решения, дабы согласовать действия пяти великих держав в отношении итало-турецкого примирения.

Сазонов.

№ 194. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 1146 [6]. 18/5 июня 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Получил ваши телеграммы №№ 107 [7] и 108 [8].

Французский посол сообщил мне предлагаемую Пуанкаре новую формулу.

---

[1] Ср. стр. 86, прим. 3.

[2] «реорганизационный заем».

[3] Опубл. Stieve, II, S. 153, N 336.

[4] См. стр. 165, прим. 6.

[5] См. № 172.

[6] Опубл. L. N., I, p. 273.

[7] См. № 190.

[8] В тел. от 18/5 июня за № 108 (опубл. Stieve, II, S. 152, N 334) Извольский сообщал, что Пуанкаре получил согласие лондонского кабинета на последнюю редакцию предложенной им формулы.

Я ответил, что попрежнему не могу согласиться на слова, касающиеся «подписания акта о бескорыстии». Россия уже на деле доказала отсутствие у нее намерения воспользоваться настоящей войной для достижения своекорыстных целей; подписание же международного акта в этом смысле будет несомненно истолковано как русским общественным мнением, так и в славянских государствах как отречение на будущее время от вековой политики России на Балканах. К тому же я не уясняю себе, почему, по мнению французского министра иностранных дел, предлагаемое выступление трех держав должно облегчить преследуемую задачу прекращения войны. Мне кажется, напротив, что оно может легко внести разлад среди держав, разбив их на две обособленные группы, тогда как важно именно привести все пять великих держав к совместной работе в вопросе о примирении Италии с Турцией [1], что в основе было уже достигнуто. Поэтому я продолжаю находить, что России, Франции и Англии было бы достаточно уговориться, в случае каких-либо предложений, откуда бы они ни исходили, касательно вмешательства держав в означенный вопрос, ответить указанием на необходимость предварительного совещания с остальными до принятия какого-либо решения, как это сказано в сегодняшней моей телеграмме Бенкендорфу за № 1142 [2]. Вместе с тем я сказал Жоржу Луи, что, искренне желая сделать все возможное для удовлетворения французского правительства, я готов внимательно отнестись ко всякой формуле, которая оказалась бы для нас приемлемой.

Сазонов.

№ 195. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 175. 18/5 июня 1912 г.

Reçu télégramme N 1127 [3].

Reçu ce télégramme aujourd'hui à Windsor trop tard pour voir Grey avant séance aujourd'hui à Paris. Ne prévois aucune autre objection de sa part que celle que formule proposée donnait à la Russie un droit de veto qui, ayant l'avantage de n'avoir pas besoin d'être motivé, constituerait une garantie aussi pratique que toute autre. D'ailleurs, d'après mes observations, si Hongkong-Schanghaï a déployé énergie extrême à défendre ses intérêts de banque, motifs politiques n'ont pas joué de rôle. Emission commune avec Schroeder a été seule réelle difficulté que j'ai toujours prévue insurmontable. Cette difficulté écartée plus tôt, Addis serait tombé entièrement sous influence Grey, à laquelle il a échappé à cause de cette exigence, et groupes plus intransigeants seraient restés isolés. D'autre part Gouvernement chinois fait efforts manifestes pour recouvrir liberté d'action emprunt. Déjà Chine fait difficultés pour retard séance de samedi à aujourd'hui [4]. Plus il y a retard, plus objections chinoises s'accentuent, une formule mentionnant géographiquement nos intérêts spéciaux devant devenir entre ses mains argument puissant. Kato répète décision de son Gouvernement en ce sens. Il est vrai qu'en cas de rupture des négociations groupes, nous conservons notre liberté d'action. Mais les autres groupes aussi. C'est précisément ce que veut la Chine et me paraît affecter nos intérêts encore plus sensiblement que ceux des autres groupes et conduire à un état de choses que les Gouvernements européens redoutent au premier chef et qui nous met en situation particulièrement délicate depuis adhésion japonaise à formule acceptée. Je crois que c'est se méprendre sur la situation

[1] У Stieve (II, S. 153, N 337) последующая часть тел. опущена.
[2] См. № 193.
[3] См. № 187.
[4] Тел. от 13 июня/31 мая за № 101 Извольский сообщал, что «заседание Консорциума, назначенное на субботу [15/2 июня], отложено до вторника».

que d'attribuer attitude Hongkong-Schanghaï à autre chose qu'à intérêts de banque qui ont été difficiles à concilier avec intérêts du groupe russe, et d'attribuer attitude de cette banque à une tendance d'encourager la Chine dans politique contraire aux intérêts russes. Crois devoir signaler qu'ici on considère que chaque nouveau retard augmentera très sensiblement difficultés du côté de la Chine.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 1127.

Получил эту телеграмму сегодня в Виндзоре слишком поздно, чтобы иметь возможность увидеть Грея до сегодняшнего совещания в Париже. Не предвижу с его стороны иных возражений кроме того, что предложенная формула предоставляет России право налагать veto, которое, имея то преимущество, что не нуждается в мотивировке, является на практике такой же гарантией, как и всякая другая. Впрочем, по моим наблюдениям, если Гонконг-Шанхайский банк защищал крайне энергично свои банковские интересы, то соображения политического характера здесь не играли никакой роли. Совместная эмиссия с банком Шредера была единственным реальным препятствием, которое я всегда считал непреодолимым. Если бы это препятствие было устранено раньше, Аддис целиком подпал бы под влияние Грея, которого он избежал из-за этого требования, и более непримиримые группы остались бы изолированными. С другой стороны, китайское правительство делает явные усилия, чтобы вернуть себе свободу действий в отношении займов. Китай уже чинит затруднения в связи с отсрочкой заседания с субботы на сегодня. Чем больше задержка, тем больше усиливаются китайские возражения, и формула, в которой были бы географически определены наши специальные интересы, сделалась бы в руках китайцев мощным аргументом. Като повторяет решение своего правительства в этом смысле. Правда, в случае разрыва переговоров с группами, мы сохраняем свободу действий. Но и другие группы тоже. Это как раз то, к чему стремится китайское правительство, что, по-моему, задевает наши интересы еще сильнее, чем интересы других групп, и ведет к такому положению вещей, которого европейские правительства опасаются больше всего и которое ставит нас в особенно щекотливое положение после согласия Японии на принятую формулу. Я думаю: считать, что позиция Гонконг-Шанхайского банка объясняется какими-либо другими соображениями, кроме его банковских интересов, трудно совместимых с интересами русской группы, и объяснять позицию этого банка тенденцией поощрять Китай к политике, противной интересам России — значит неправильно оценивать положение. Полагаю нужным отметить, что здесь считают, что каждая новая отсрочка в значительной мере увеличит затруднения, чинимые Китаем.

Бенкендорф.

№ 196. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 109 [1]. 18/5 июня 1912 г.
Срочная.

Китайский заем.

Сегодня, на утреннем заседании, германцы, американцы и англичане наотрез отказались принять принцип единогласия [2]. Сейчас Консорциум, после длинных прений, во время которых французы энергично поддержали Верстрата, согласился включить в протокол следующую формулу: «In view of the extraordinary conditions now prevailing in China, the six groups agree that before concluding any business under article 2 [3] of the agreement, the groups will obtain from the Chinese Government exact information as to

[1] Опубл. М., стр. 564.

[2] См. стр. 182, прим. 3.

[3] В ст. 2 синдикального акта говорится: «До того, как будет выпущен реорганизационный заем, или до того, как большинство сторон решит отказаться от выпуска такового или до истечения пятилетнего срока со дня заключения настоящего соглашения, какой бы оборот ни приняло дело, — каждая из договаривающихся сторон будет предлагать другим сторонам одинаковое участие в любой заемной или авансовой операции, в которую она может вступить после подписания сего договора с китайским правитель-

the nature of the objects for which the loan funds or advances are intended, and will communicate such information forthwith to each of the six groups, so that they may be able to consult their respective Governments before any loan or advance is concluded, each of the six groups undertaking that it will not entertain business to which its Government may object [1]». Кроме того в протокол включено следующее заявление: «Notwithstanding the provisions of clause 2 of the agreement, it is confidently hoped that any business done in China will be unanimously approved by the six groups and each group records its desire and will endeavour to bring about this result» [2]. Верстрат принял обе эти формулы ad referendum и срочно телеграфирует В. Н. Коковцову, прося ответа не позже завтрашнего утра, ввиду отъезда американцев.

Извольский.

№ 197. Советник посольства в Риме [3] министру иностранных дел.

*/. Депеша № 17. 18/5 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В газете «Stampa» появилась некоторое время тому назад инспирированная статья, которая, под видом интервью с «высокопоставленным лицом», проводила мысли, которые интересно было отметить в связи с происходящими в Италии событиями.

Основными темами статьи были вопросы о войне и о состоянии итальянского денежного рынка. Относительно первого вопроса проводилась мысль, что на африканском театре военных действий наступило, вследствие летнего зноя, вынужденное спокойствие, которым главнокомандующий генерал Канева хотел воспользоваться для укрепления уже занятых позиций, но отнюдь не для наступательных действий. В Эгейском же море, по мнению того же высокопоставленного лица, не предвиделось в ближайшем будущем никаких военных действий, так как Италия вынуждена была считаться с интересами нейтральных держав и угрозой со стороны Порты вновь закрыть Проливы. Что же касается экономического состояния королевства, то в означенной статье проводился взгляд, что Италия предвидела затяжной характер войны с Турцией и имеет достаточное количество свободной наличности для продолжения борьбы.

Приведенная выше статья газеты «Stampa» преследовала двоякую цель: с одной стороны, она должна была расположить общественное мнение, жаждущее решительных действий для скорейшего окончания войны, в пользу

ством или с одной из провинций, входящих в состав Китая, или с китайскими правительственными учреждениями или с компаниями, коим предоставлена гарантия китайского или провинциального правительств, причем подразумевается, что настоящее постановление не распространяется: 1) на текущие банковские дела, а равно мелкие финансовые операции, входящие в сферу этих дел, и 2) на займы и авансы компаниям, имеющим гарантию китайского или провинциальных правительств, если только подобные займы и авансы не влекут за собою публичного выпуска, в течение срока сего соглашения, бонов или других ценностей».

[1] «Ввиду исключительных условий, создавшихся в настоящее время в Китае, шесть групп пришли к соглашению, что прежде заключения какой-либо сделки согласно статьи 2 договора, группы должны получить от китайского правительства подробные сведения о целях, на которые предназначены заем или авансы, и немедленно сообщить их каждой из шести групп, с целью дать последним возможность запросить заключения своих правительств, прежде чем тот или иной заем или аванс будет заключен, причем каждая из шести групп обязуется не допускать какой-либо сделки, против которой может возражать ее правительство».

[2] «Несмотря на условия статьи 2 договора, выражается твердая надежда, что всякая сделка, совершенная в Китае, будет одобрена единогласно всеми шестью группами и каждая из групп заявляет о своем желании достигнуть указанного результата и будет этого добиваться».

[3] См. стр. 182, прим. 1.

терпеливого выжидания событий; а с другой — имелось в виду успокоить общественное мнение, начинающее прислушиваться к нападкам социалистических газет на правительство за безрассудно начатую войну, долженствующую довести Италию до банкротства.

По этому поводу следует отметить, что в настоящую минуту общественное мнение Италии настроено, несомненно, в пользу правительства и продолжения войны. Но, вместе с тем, внимательно присматриваясь к тому, что происходит в стране, нельзя не заметить признаков сильного утомления войной. Правительство хорошо сознает это, и для поддержания престижа ему необходимо от времени до времени показать себя сильным и дееспособным. Вот почему, несмотря на авторитетные заверения, что в Триполи наступило время вынужденного спокойствия, правительство поспешило одобрить намерение главнокомандующего предпринять решительные действия против турецко-арабских отрядов, собравшихся в значительном количестве в Занзурском оазисе, верстах в 60—70 к юго-западу от гор. Триполи.

Действия итальянских войск увенчались полным успехом; остатки разбитых турецко-арабских отрядов бежали в беспорядке в пустыню, а Занзурский оазис ныне занят итальянцами и вскоре будет соединен рельсовым путем с Триполи.

Если таким образом генерал Канева достиг своей цели — уничтожить один из последних оплотов неприятеля в Триполитании, то и правительство в такой же мере достигло и своей цели. Нравственное действие этой победы на общественное мнение оказалось тем более сильным, что последнее стало свыкаться с мыслью о невозможности до осени решительных действий в Африке. Таким образом занзурская победа дала правительству возможность успокоиться на некоторое время и, опираясь на поддержку общественного мнения, выжидать событий, в скрытой надежде, что тем или другим путем удастся найти выход из теперешнего положения.

Но, конечно, мало вероятия, чтобы в ближайшем будущем произошли какие-либо существенные перемены во взаимном положении воюющих, и потому, логически рассуждая, следует предположить, что по прошествии некоторого времени снова настанет момент, когда правительство почувствует необходимость перейти от выжидательной политики к активным действиям. Если к тому времени не окажется противника в Триполитании, Италия, вероятно, вынуждена будет искать его в Эгейском море или на берегах Малой Азии.

Начатая без определенного плана война ведется так же и теперь. Военные действия итальянцев имеют скорее характер отдельных предприятий, чем проведения строго обдуманных мер. Это чувствуют все, и таковое сознание в значительной степени способствует проявлению того чувства усталости, о котором, сами того не подозревая, говорят итальянские министры и общественные деятели, уверяющие, что «война не утомила Италию».

Кроме того, несомненно также, что в финансовом отношении Италия напрягает все свои платежные средства. Выпуск значительного количества новых кредитных билетов, равносильный многомиллионному внутреннему займу, и предпринимаемые с разных сторон стоящими в близких отношениях к правительству частными банками весьма осторожные шаги в видах выяснения вопроса о возможности негласного получения денег во Франции являются верными симптомами начинающихся денежных затруднений. Вопрос о том, как отнесутся французские банки к таковым шагам итальянских банков, главным образом Credito Italiano, имеет не только существенное значение в данную минуту, но может повлиять на ориентировку итальянской политики в будущем, так как в случае неуспеха этого дела те же банки естественно постараются найти необходимое количество золота на германском и австрийском рынках, каковые, будучи в полной зависимости от соот-

ветственных правительств, несомненно обставят свою помощь особыми условиями.

Все это вместе взятое представляет картину, весьма мало отвечающую той, которая в общих чертах набросана была в газете «Stampa», и заставляет невольно призадуматься над тем, каково будет положение итальянского правительства, если к осени тем или другим путем не удастся сломить пассивного сопротивления Порты.

Тем временем правительство, пренебрегая финансовыми затруднениями, старается всеми зависящими от него средствами закрепить за Италией обладание Триполитанией. Одной из таковых мер является внесение на обсуждение парламента проекта министерства колоний [1]. До сих пор ведомство, управлявшее колониями, Эритреей и Бенадиром, составляло часть министерства иностранных дел. Ныне, вследствие все увеличивающегося количества дел, связанных с занятием Триполитании, и необходимости организовать управление новой колонией, правительство решилось изъять колониальное управление из ведения министерства иностранных дел и сделать из него отдельное министерство, компетенция коего распространялась бы на Эритрею, Бенадир и Ливию, т. е. на площадь, в шесть раз превосходящую площадь самой Италии.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства, прошу принять и пр.

Н. Поггенполь.

№ 198. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Письмо [2]: 18/5 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Маркиз ди Сан-Джулиано только что навестил меня. В нашем разговоре, который длился почти час, я сказал министру, между прочим, что я слышал, что он имел намерение продолжать с императорским правительством обмен мнений в духе принятых в Раккониджи обязательств. Министр мне ответил, что ввиду установившихся между Россией и Италией прекрасных отношений он всегда готов приступить к обмену мнений, но мысль об этом ему не приходила [3]. Но, — повторил министр, — я всегда буду рад беседовать с вами. Со своей стороны, я прекратил наш разговор об этом предмете, хотя и прибавил, что если он, министр, желал бы сделать нам какое бы то ни было сообщение, то он не мог бы найти лучшего органа для этого, как своего поверенного в делах в С.-Петербурге маркиза Торретта, пользующегося как его доверием, так и доверием вашего высокопревосходительства.

Относительно Тройственного союза, возобновление которого маркиз ди Сан-Джулиано считает весьма вероятным, я сказал министру, что мы считаем присутствие Италии в советах [4] Тройственного союза серьезной гарантией мира, но только и исключительно под тем условием, чтобы обязательства Италии не были направлены против нас, как это, вероятно, было прежде. Министр мне ответил, что он никогда не слышал, чтобы Италия заключала когда бы то ни было и с кем бы то ни было соглашения, враждебного России, и что он дает мне свое честное слово, что во всяком случае теперь ни в договоре Тройственного союза, ни в особом соглашении между Австрией и Италией нет решительно ничего, направленного против

---

[1] Законопроект об образовании министерства колоний был принят итал. палатой депутатов 21/8 июня.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 398, N 634.

[3] Ср. № 36.

[4] Так в оригинале.

нас, и эти акты касаются исключительно поддержки status quo. Он их не может мне показать, так как кабинеты взаимно обязались сохранять их в секрете, о чем он лично сожалеет, так как опубликование этих актов послужило бы успокоению умов и делу мира.

Политический наш разговор на этом кончился, но, прощаясь со мной, маркиз ди Сан-Джулиано спросил меня, прочел ли я последний номер «Tribuna». На мой отрицательный ответ он меня не только просил прочесть появившиеся в ней две статьи о моем назначении сюда и о русско-итальянских отношениях вообще, но и привлечь на них ваше внимание [1].

Имею, вследствие этого, честь препроводить вашему высокопревосходительству эти статьи в газетной вырезке [2].

Первая статья — редакционная и не имеет существенного значения. Она написана как привет новому русскому послу.

Вторая же продиктована самим маркизом ди Сан-Джулиано и не лишена симптоматического интереса, так как в ней в прочувственных выражениях высказывается благодарность Италии относительно России. Ваше высокопревосходительство заметите, что в этой второй статье выражено между прочим мнение, о котором я упоминал в первом моем письме к вам [3], что Россия дала бы Италии еще больше доказательств своей дружбы, если бы она слушалась «исключительно своих собственных симпатий» [4].

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

№ 199. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Депеша № 29. 18/5 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В венской печати появилось известие о вероятном свидании царя Фердинанда с королем Карлом. Хотя такое свидание возможно, все же оно кажется мне мало вероятным. Действительно, между обоими монархами соседних королевств не существует особенной дружбы, и король Карл относится всегда крайне подозрительно к начинаниям беспокойного своего царственного соседа. Здешняя болгарская миссия не предполагает, что это свидание могло бы состояться в ближайшем времени, и, во всяком случае, по ее заявлениям, о каких-либо подготовлениях к нему нет до сих пор и речи. С другой стороны, в болгаро-румынских отношениях не произошло за последнее время заметного улучшения.

Правда, недавно малоизвестный румынский депутат Манолеску побывал в Софии, и в интервью, помещенном в газете «Утро», указал на желательность и возможность улучшения болгаро-румынских отношений. Это было подхвачено «Болгарским курьером», который поместил письмо из Софии, в коем возбуждалась мысль об образовании румыно-болгарского комитета, имеющего целью улучшить отношения между двумя придунайскими государствами сначала на экономической почве, а затем и на политической. Румынская газета «La Roumanie», являющаяся органом консервативно-демократической партии, во главе которой стоит самый

[1] Последующая часть у Siebert'a опущена.

[2] Приложения не воспроизводятся.

[3] См. № 191.

[4] В деп. от 2 июля/19 июня за № 21 А. Крупенский сообщал, что эта фраза статьи в газете «Tribuna» вызвала комментарии на страницах газеты «Stampa» в статье, появившейся 18/5 июня. Автор усматривал в этой фразе, писал Крупенский, «намек на затруднения, которые встречает инициатива России со стороны другой державы, надо думать, со стороны Франции. В этом отношении целый ряд событий красноречиво указывает на существование переговоров, направленных против Италии; достаточно будет вспомнить желание англо-французской дипломатии произвести давление на Италию и предложение России произвести таковое давление не на Италию, а на Порту».

крупный государственный деятель нынешней Румынии Таке Ионеску, откликнулась на-днях на это предложение и изъявила согласие на принятие на себя ведения записи лиц, желающих поступить в названный комитет. Но далее этого дело не пошло.

В настоящее время вряд ли, однако, комитет этот будет иметь здесь успех, в особенности, во время пребывания у власти консерваторов. О мысли его образования не знали даже некоторые серьезные политические деятели, с которыми я говорил на-днях на эту тему. В разговоре же со мной и. д. председателя совета министров сказал мне, что хотя болгаро-румынские отношения вполне добрососедские, тем не менее пока вряд ли им суждено стать более близкими. «В особенности в настоящее время такая близость была бы опасна, так как немедленно была бы истолкована в Европе, как готовность наша итти на какую-то авантюру, а мы стремимся к спокойствию». Эта фраза г. Розетти, заменяющего г. Майореску, находящегося в отпуску, несомненно выражает действительное настроение нынешнего кабинета: в ней сказывается желание показать Европе, каким умеряющим фактором является Румыния в балканской политике, а также отсутствие у нынешнего румынского правительства всяких замыслов к более активной политике.

Одно довольно серьезное обстоятельство указывает на то, что попрежнему в Румынии относятся с недоверием к Болгарии.

В этом году большие румынские маневры будут происходить в Добрудже, то-есть именно в том месте, где, по всем вероятиям, должны произойти первые столкновения в случае румыно-болгарской войны. В программу этих маневров будет включено, как передавал мне наш военный агент, сооружение через Дунай понтонного моста, материалы для коего недавно приобретены здешним военным ведомством. С военной точки зрения в особенности эта часть программы маневров направлена против Болгарии, и, повидимому, это обстоятельство серьезно озаботило болгарское военное ведомство, поручившее здешнему своему военному агенту внимательно следить за подготовкой румынской армии в этом отношении [1].

Примите и пр.

А. Лысаковский.

№ 200. Генеральный консул в Канее министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 66. 18/5 июня 1912 г.

Вчера и сегодня собиралось в городском саду большое революционное собрание, которое отменило установленный в марте порядок управления островом [2] и постановило:

1. Управление страной поручается до 15 октября сего года революционному административному комитету из 5 членов: Хаджи-Михали, Михелидаки, Кундурос, Линбритис, Сфакианакис. Первые трое известны вашему высокопревосходительству; четвертый — генерал-майор греческой службы, говорят, родом с Крита; пятый — очень почтенный критянин, но больной и почти слепой, уже давно совершенно отказавшийся от политической деятельности. Он и теперь отказывается, и между ним и остальными идет обмен телеграмм.

2. Комитету поручается своевременно послать депутатов в Афины.

3. Революционное собрание вновь откроется 10 октября, если обстоятельства не потребуют этого раньше.

---

[1] Тел. от 14/1 июля за № 49 Лысаковский сообщал: «Узнаю из доверительного источника, что, несмотря на официальные опровержения, посещение Румынии царем болгарским в действительности состоится. Его величество прибудет в Синайю, вероятно, в конце лета».

[2] См. т. XIX, № 664.

4. Члены комитета приносят обычную присягу королю греческому.
5. Решения комитета действительны при наличии трех членов.

Вследствие последнего пункта и так как первые три члена комитета находятся здесь, приняли назначение и уже принесли присягу, нет препятствия им начать действовать.

Но дряхлость и слабость первого названного, при неуверенности относительно четвертого и пятого, заставляют сомневаться в прочности этой комбинации, созданной из личных видов Кундуросом, которому она обеспечивает полный произвол и беспрепятственное хозяйничанье.

Поэтому и ввиду поставленной на первое место задачи послать депутатов в Грецию наперекор решению держав-покровительниц, если мы не получим противоположных инструкций, мы полагаем в сношениях наших и с этим правительством придерживаться тех же начал, которыми руководились все последнее время, т. е. в эпоху революционных народных собраний.

Коллеги телеграфируют в этом же смысле [1].

Шебунин.

№ 201. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1154 [2]. 19/6 июня 1912 г.

Китайский заем.

Сообщается послам в Лондоне и Токио и посланнику в Пекине [3].

Получил вашу телеграмму № 109 [4].

Министр финансов по соглашению со мной уведомил Верстрата о принятии нами выработанных на вчерашнем совещании формул, на которые мы соглашаемся, имея в виду, что мы всегда сохраняем возможность выйти из состава Консорциума, в случае если его финансовая политика окажется несоответственной нашим интересам.

Сазонов.

№ 202. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 19/6 июня 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Vous voyez d'où je vous écris [5]. Ces invitations, dont je tiens à ne pas interrompre la tradition, viennent parfois fort mal à propos. Cette fois-ci entre autres. Je me vois obligé de vous écrire au courant de la plume. J'ai le principal suffisamment en tête, pour qu'il n'y ait pas trop d'inconvénient et de difficulté à vous tenir au courant et à vous donner mes dernières impressions, vérifiées ici, ce qui n'est pas inutile.

---

[1] Тел. от 7 июля/24 июня за № 72 Шебунин сообщал о приезде из Афин ген. Линбритиса и добавлял: «Его приезд разрешил сомнения и позволяет считать правительство окончательно сформированным». Сообщая, что он и его коллеги считают желательным «поддерживать и с настоящим кабинетом те же сношения, исключительно деловые, каковые существовали со всеми последними, называвшими себя революционными», Шебунин запрашивал инструкций м-ва ин. дел в связи с возможным протестом Турции по поводу участия в прав-ве греч. генерала. Тел. от 15/2 июля за № 73 он сообщал, что на аналогичные запросы его коллеги получили от своих прав-в утвердительный ответ. В тел. от 17/4 июля за № 1322 Нератов сообщил: «Разделяем ваш взгляд, изложенный в № 72, относительно сношений с настоящим правительством. Великобританское правительство намерено оставить без ответа протест Турции против Линбритиса. К нам такового протеста пока обращено не было».

[2] Опубл. М., стр. 565, под № 1158.

[3] Публикуемая тел. была послана Сазоновым в Пекин 20/7 июня за № 1158.

[4] См. № 196.

[5] Подлинник написан на бумаге с оттиском: «Windsor Castle».

D'abord laissez-moi vous dire que la visite de l'Empereur Guillaume[1] a si peu agité les esprits ici, que j'en ai été moi-même étonné. D'abord, je ne sais sur quelle base, on en attribue l'initiative à Berlin. Ceci aussi n'étonna personne, on y est habitué. Le Roi en est convaincu. Grey ne me l'a pas dit, mais évidemment il comprend ainsi les choses. Là-dessus est venu la proposition Poincaré, dont, comme vous, Grey a extrait le nécessaire, en éloignant l'inutile et le peu pratique [2]. Complet accord, by all means, mais pas de groupement ostensible de trois contre deux, alors que pour amener la paix on ne peut se passer des deux. A tort ou à raison Grey s'attend à une proposition allemande, tout au moins il en admet la possibilité. Cette proposition peut venir soit par Marschall, arrivé hier, soit par l'Empereur Guillaume en Finlande. Peut-être plutôt en Finlande, toujours avec l'arrière-pensée d'arrangements directs soit avec nous, soit avec eux ici. C'est à ceci qu'il s'agit de parer tout d'abord, non pas en produisant la Triple Entente, mais en s'en référant d'emblée à toutes les Puissances. La réponse serait qu'on examinera toute proposition avec l'attention voulue et indiquée, mais qu'avant réponse définitive il faudra consulter *toutes* les Puissances. S'il s'agit de nous — l'Angleterre, la France et l'Autriche. Si les choses se passaient à Londres — la Russie, la France et l'Autriche. Puis maintenir l'entente en se tenant réciproquement au courant. Je vois d'après le télégramme que Siebert m'a apporté en ce moment, adressé par vous à Iswolsky, que vous partagez cette manière de voir [3]. J'en ferai part à Grey aussitôt, Marschall étant arrivé hier. Grey, comme vous, a évincé le protocole de désintéressement développé par Poincaré, et tout de suite. Il le motive un peu différemment que vous. Ceci ne fait rien. Il prévoit qu'il ne sera pas possible d'évincer toutes les questions connexes, et qu'il ne le faut pas. Toutes ces questions, dans son esprit, se réfèrent surtout à la Méditerranée. C'est ce qui a produit le revirement en faveur de l'Italie. On craint l'extension de la Triple Alliance à la Méditerranée et d'y pousser l'Italie, de là surgissent les questions des îles grecques occupées, etc. Un autre résultat, c'est que toute opposition au règlement de la question des Détroits semble disparue, parce qu'on nous veut dans la Méditerranée, on veut pouvoir y laisser pénétrer notre flotte. C'est là des dispositions dont vous profiterez ou non, seulement ce qui vous semblera utile.

Marschall n'a pas manqué une arrivée de Pacha, moussée dans la presse. Rien ne peut lui faire plus de tort. Bien entre nous, je vous citerai des paroles augustes, prononcées hier devant moi, mais pas moi seul. «Demain l'Ambassadeur d'Allemagne sera assailli par la «Nation», «Daily Chronicle», «Daily News», etc. Ces feuilles radicales en auront leurs colonnes pleines, et cela sera télégraphié à Berlin comme l'expression de l'opinion publique anglaise». Il y avait un peu de bulldog dans cette sortie. Je ne sais, si la prophétie se réalisera. Mais elle vous donne le ton, qui est celui de Foreign Office aussi.

So far, so good, j'en viens à l'emprunt chinois. Je ne sais ce qui a été fait hier, mardi, à Paris. Je crains que les choses ne soient encore remises, ce qui me paraît dangereux.

Croyez-le moi, la situation n'est plus ce qu'elle était il y a deux ans. Addis, qui est un maître-homme, de force à tenir tête à qui que cela soit, y compris son Gouvernement, s'occupe en financier des intérêts de sa banque et nullement d'intérêts politiques, à moins qu'il ne soit mis aux prises avec cette politique.

Si j'avais pu faire prévoir à Addis que notre exigence du marché de Londres comme théâtre d'action de notre syndicat indépendant ne serait pas sine qua non, et que nous pourrions céder là-dessus, toutes ses dispositions auraient changé. C'est d'avoir mis au premier plan cette question, en grande

[1] См. № 131.
[2] См. № 190.
[3] См. № 194.

partie financière, qui a compliqué le tout. Avant l'arrivée de Verstraete, les questions politiques, en elles-mêmes trop complexes pour les faire résoudre par un acte de banques, étaient traitées diplomatiquement seulement, avec exclusion des groupes de banques, qui avaient parfaitement accepté cette situation comme leur étant avantageuse. Très malheureusement Verstraete, arrivé ici sous d'autres impressions et avec un programme qui ne répondait qu'imparfaitement à la situation telle qu'elle était, a dès la première séance parlé politique surtout, non pas au nom de sa banque, mais au nom de son Gouvernement. Ceci a changé tout le tableau, la politique, écartée avec peine, a été réintroduite. On s'est retranché derrière l'incompétence, un point de vue que Grey n'a pas, et je crois, ne pouvait pas désapprouver. Par là-dessus les exigences de politique financière de notre syndicat, ceci a rendu cette crise aiguë, elle aurait pu être détendue. Je crois que nous aurions eu grand intérêt à la détendre. En résultat, l'idée prédominante chez nous est celle de prendre des précautions contre les agissements du Consortium. Je crois qu'une formule générale, dans la nature de celle de Verstraete, qui assez vite a compris les choses, était la vraie solution, elle eut suffi, aurait laissé la voie ouverte et libre pour les négociations diplomatiques ultérieures, destinées à fixer nos intérêts spéciaux, sans le très grand inconvénient de rendre cette question assez publique et du domaine de toute la finance pour créer de grandes difficultés en Chine, question dans mon opinion bien autrement importante que celle des garanties contre le Consortium. Il y a eu là un déplacement de la question, qui, je crois, eut pu, sans aucun dommage, être évité, et qui a créé les plus grandes difficultés au Gouvernement anglais surtout. Grey me répète sur tous les tons: «Si nous ne nous arrangeons pas, il va résulter que la Chine pourra emprunter à droite et gauche, en Amérique, en Allemagne et même ici, et nous échappera complètement. Ceci est pour lui le fond de la question. La même chose arrivera si nous nous arrangeons sur des bases que la Chine n'acceptera pas. Ils ont encore du crédit et l'usure ne les effraye pas». C'est là son cauchemar. Et je doute qu'on puisse le faire sortir de cette opinion enracinée. Quant aux questions banques, il y comprend peu, n'a personne pour l'aider, parce que cela intéresse le Gouvernement anglais assez médiocrement. Il a en vue la situation en Chine, surtout et au fond uniquement. Sans Russie pas d'accord possible. Quant à nos intérêts spéciaux, je ne prévois pas de difficultés diplomatiques, pourtant il faut le temps de préciser et de négocier. C'est pourquoi il a sauté sur la formule qui donnait à la Russie le pouvoir de s'opposer à tout ce qui ne lui conviendrait pas, sans motiver, du fait de son droit au veto.

Je continue à ne pas voir clair dans la politique japonaise. Les voilà encore à avoir, à l'étonnement de Kato, accepté une combinaison dont le seul avantage est de laisser la question posée et ouverte. Mais elle l'a toujours été. Ne serait-ce qu'ils espèrent que nous n'accepterons pas et serons par là seuls responsables d'une rupture, qu'ils sont seuls à espérer pour pêcher dans l'eau trouble après s'en être lavé les mains. Je vous donne ce soupçon à toute bonne fin. Ils pourraient bien être les premiers à flustrer [1] ici et à Paris, que c'est nous qui dès le premier jour n'avons pas voulu moucher et ne nous sommes avancés que pour la forme. Quant aux conséquences ultérieures d'une rupture, j'avoue que les cheveux se dressent sur la tête, il est trop clair où cela mène. Vous voyez que je vous donne tout franchement mon opinion. Nous accumulons des précautions là où le danger n'est pas le plus pressant, où, de fait, il est infiniment moindre que le degré qu'on redoute à Pétersbourg.

Je ne vois rien de bien saillant à vous signaler encore sans papiers sous la main. Je ne veux pas revenir sur l'affaire Malecka. Sinon pour dire que l'effet ici est immense. Tout ce qu'il y a de gens sérieux et raisonnables, comprennent

[1] Так в оригинале; повидимому, немецкое слово: «flüstern».

parfaitement de quoi il en retournait, dans tous les détails, et la réconnaissance pour l'Empereur est en proportion. Le Roi, hier soir, a été à ce sujet explicite avec moi au dernier degré, et parfaitement au fait. «I know what it all meant, and how fools here behaved. But I consider that the Emperor has acted as my real friend. And I won't forget it». Je n'ai que la place pour vous envoyer mille compliments bien sincèrement cordiaux et affectueux.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Вы видите, откуда я вам пишу. Эти приглашения, традицию которых я не хотел бы нарушать, подчас приходят очень некстати. На этот раз также. Я вынужден писать вам, отдаваясь течению мыслей. Я достаточно хорошо помню основное, чтобы без особых неудобств и затруднений держать вас в курсе и сообщить вам мои последние впечатления, проверенные здесь, — что небесполезно.

Прежде всего позвольте мне сказать вам, что визит императора Вильгельма так мало взволновал здесь умы, что я сам был удивлен этим. Во-первых, я не знаю, на каком основании, но инициативу этого визита приписывают Берлину. Это также никого не удивило, к этому привыкли. Король убежден в этом. Грей не сказал мне этого, но очевидно он так понимает положение. Затем поступило предложение Пуанкаре, из которого Грей, как и вы, извлек необходимое, откинув бесполезное и мало практичное. Полное согласие, — пожалуйста, но никаких явных группировок трех против двух, так как для того, чтобы добиться мира, нельзя обойтись без этих двух. Правильно или неправильно, но Грей ожидает германского предложения, по крайней мере он допускает его возможность. Это предложение может поступить либо через Маршалла, прибывшего вчера, либо через императора Вильгельма в Финляндии. Скорее, быть может, в Финляндии, разумеется, с задней мыслью договориться непосредственно либо с нами, либо с ними здесь. Это то, что нужно прежде всего предотвратить, не выставляя на первый план Тройственное согласие, а сославшись сразу на все державы. Ответить следует, что всякое предложение будет рассмотрено с полным и соответствующим вниманием, но что до сообщения окончательного ответа надо посоветоваться со *всеми* державами. Если дело идет о нас, то с Англией, Францией и Австрией. Если же предложение будет сделано в Лондоне — с Россией, Францией и Австрией. Затем поддерживать согласие, взаимно извещая друг друга о ходе дела. Я вижу из адресованной вами Извольскому телеграммы, которую Зиберт мне только что привез, что вы разделяете эту точку зрения. Я немедленно сообщу об этом Грею, так как Маршалл прибыл вчера. Грей, как и вы, тотчас же отвел предложенный Пуанкаре протокол о бескорыстии. Он мотивирует это несколько иначе, чем вы. Это ничего не значит. Он предвидит, что не будет возможности устранить все связанные между собой вопросы и что этого не следует делать. Все эти вопросы, по его мнению, относятся главным образом к Средиземному морю. Это-то и произвело поворот в пользу Италии. Опасаются распространения Тройственного союза на Средиземном море и того, как бы не толкнуть к нему Италию, отсюда возникает вопрос об оккупированных греческих островах и другие. Другой результат — это то, что всякое противодействие урегулированию вопроса о Проливах кажется исчезло, потому что нас хотят видеть на Средиземном море, хотят дать возможность нашему флоту проникнуть туда. Вот те настроения, которые вы используете или нет, в зависимости от того, что покажется вам полезным.

Маршалл, конечно, не преминул прибыть с блеском паши, что муссировалось в газетах. Ничто не может повредить ему в большей степени. Только между нами, я вам процитирую августейшие слова, произнесенные вчера в моем присутствии, но не только при мне одном: «Завтра на германского посла накинутся «Nation», «Daily Chronicle», «Daily News» и т. д. Столбцы этих радикальных газет будут полны им, и об этом будет протелеграфировано в Берлин, как о выражении английского общественного мнения». Этот выпад имел нечто бульдожье. Я не знаю, исполнится ли предсказание, но оно показывает вам тон, который является также тоном министерства иностранных дел.

Пока довольно об этом, перехожу к китайскому займу. Я не знаю, что было сделано вчера, во вторник, в Париже. Я боюсь, что дело опять окажется отложенным, что кажется мне опасным.

Поверьте мне, положение теперь иное, чем было два года тому назад. Аддис — человек очень умный, достаточно сильный, чтобы противостоять кому бы то ни было, не исключая и своего правительства — отстаивает в качестве финансиста интересы своего банка, а вовсе не интересы политические, по крайней мере до тех пор пока не придет в столкновение с политикой.

Если бы я мог дать Аддису понять, что наше требование лондонского рынка как поля действия нашего независимого синдиката не будет требованием sine qua non,

и что мы могли бы уступить в этом, все его отношение изменилось бы. То, что на первый план был поставлен именно этот, в значительной мере финансовый, вопрос, осложнило все дело. До приезда Верстрата политические вопросы, сами по себе слишком сложные, чтобы их можно было разрешить банковскими актами, обсуждались только дипломатическим путем, без участия банковских групп, которые вполне были удовлетворены этим положением, считая его для себя выгодным. К несчастью, Верстрат, прибывший сюда под другим впечатлением и с программой, которая мало соответствовала создавшемуся положению, с первого же заседания заговорил главным образом о политике, и не от имени своего банка, а от имени своего правительства. Это изменило всю картину; политика, с трудом устраненная, была введена вновь. Стали укрываться за ссылкой на некомпетентность,—точка зрения, которую Грей не осуждал и, я полагаю, не мог осуждать. К этому присоединились требования финансовой политики нашего синдиката, что обострило этот кризис, а он мог бы быть ослаблен. Я полагаю, что нам было очень выгодно его ослабить. В сущности, преобладающей мыслью у нас является принятие мер предосторожности против образа действий Консорциума. Я полагаю, что общая формула, вроде формулы Верстрата, который довольно быстро понял положение, была бы правильным решением, ее было бы достаточно, она оставила бы открытым и свободным путь для дальнейших дипломатических переговоров, предназначенных определить наши специальные интересы, не представляя того крупного неудобства сделать этот вопрос достаточно широко известным и входящим в область общефинансовых вопросов, чтобы создать большие затруднения в Китае, — вопрос, по моему мнению, гораздо более важный, чем вопрос гарантий против Консорциума. Здесь произошла перестановка вопроса, которую, я полагаю, можно было избежать без всякого ущерба и которая создала самые серьезные затруднения — в особенности для английского правительства. Грей повторяет мне на все лады: «Если мы не договоримся, то Китай сможет заключать займы направо и налево, в Америке, в Германии и даже здесь, и совершенно ускользнет от нас. В этом для него сущность вопроса. То же произойдет, если мы договоримся на основаниях, которые Китай не примет. Они еще имеют кредит, и большие проценты их не пугают». Это его кошмар. И я сомневаюсь, чтобы можно было заставить его отказаться от этого укоренившегося мнения. Что касается вопроса о банках, он мало понимает в этом и не имеет никого, кто бы мог ему помочь, так как это довольно мало интересует английское правительство. Он имеет в виду главным образом положение в Китае, и, собственно говоря, единственно это. Без России соглашение невозможно. Что касается наших специальных интересов, я не предвижу дипломатических затруднений, однако нужно время для того, чтобы их уточнить и договориться. Вот почему он ухватился за формулу, которая давала России возможность воспротивиться всему тому, что не соответствовало бы [ее интересам], без мотивировки, пользуясь только своим правом veto.

Я попрежнему не понимаю ясно японскую политику. Вот опять они, к удивлению Като, приняли комбинацию, единственное преимущество которой в том, что она оставляет вопрос поставленным и открытым. Но так было и раньше. Не сделано ли это в надежде на то, что мы не согласимся и будем тем самым единственно ответственными за разрыв, которого они одни хотят, чтобы ловить рыбу в мутной воде, умыв предварительно руки. Я высказываю вам это подозрение на всякий случай. Возможно, что они первые будут нашептывать здесь и в Париже, что это мы с самого первого дня не хотели соглашаться и уступали только для видимости. Что касается дальнейших последствий разрыва, я признаюсь, что волосы встают на голове дыбом; слишком ясно, куда это ведет. Вы видите, что я вполне откровенно высказываю вам свое мнение. Мы нагромождаем меры предосторожности там, где опасность не является наиболее актуальной, где на деле она бесконечно слабее, чем опасаются в Петербурге.

Я больше не помню ничего выдающегося, чтобы вам еще сообщить, не имея под рукой бумаг. Я не хочу возвращаться к делу Малецкой. Разве только для того, чтобы сказать, что впечатление здесь огромное. Все серьезные, благоразумные люди прекрасно понимают в чем дело, во всех деталях, и соответственно признательны императору за его решение. Вчера вечером король говорил по этому поводу со мной до последней степени откровенно и с полным знанием дела. «Я знаю, что все это значило и как глупцы вели себя здесь. Но я считаю, что император действовал, как мой истинный друг. И я не забуду этого». У меня остается место только для того, чтобы послать вам тысячу искренне сердечных и душевных приветов.

Бенкендорф.

№ 203. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 111 [1]. 19/6 июня 1912 г.

Пуанкаре чрезвычайно взволнован вашим ответом в том виде, как его передал сюда Жорж Луи [2]. Из сообщений последнего вытекает, будто вы по

[1] Тел. бланк. Опубл. Stieve, II, S. 154, N 338.
[2] Ср. № 194.

*

существу не согласны с мыслью об ограничении предмета медиации и безусловно отбрасываете предложение Пуанкаре. В частности, Луи совершенно воздержался от передачи вашего заявления, что вы готовы внимательно отнестись ко всякой формуле, которая оказалась бы для нас приемлемой. Основываясь на ваших телеграммах, я приложил все старания к тому, чтобы устранить это новое недоразумение и разъяснить истинный смысл ваших слов. Я подробно развил Пуанкаре вашу мысль об опасности разбить державы на две группы и о необходимости привести все пять держав к совместной работе. Он совершенно согласен с этой мыслью, которой, по его мнению, вполне удовлетворяет последняя фраза его новейшей редакции [1]. Но он энергично настаивает на том, чтобы Россия, Франция и Англия предварительно уговорились между собой, и я убежден, что отказ наш от подобного уговора, при настоящих обстоятельствах, может иметь весьма серьезные последствия [2] ввиду вышеизложенного, а также ввиду уже полученного здесь формального согласия лондонского кабинета. Позволяю себе убедительно повторить мою просьбу не отбрасывать целиком формулу Пуанкаре, а предложить с вашей стороны внести в нее те или другие изменения, подобно тому, как это сделал Грей.

Лично мне кажется, что последняя редакция Пуанкаре, если из нее исключить фразу о подписании акта бескорыстия, была бы для нас приемлема. Для этого мы могли бы потребовать, чтобы факт предварительного уговора между тремя державами и его форма были бы оглашены не иначе, как с нашего согласия.

Извольский.

№ 204. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 29 [3]. 19/6 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посещение королем болгарским берлинского двора [4] обставлено было королем Фердинандом необыкновенной торжественностью; сообразуясь с этим, и прием его императором Вильгельмом носил весьма торжественный характер.

Короля сопровождали королева Элеонора и два сына — королевичи Борис и Кирилл; свита его состояла из 45 лиц.

Местная печать отнеслась весьма сочувственно к личности короля Фердинанда и приветствовала его приезд в Берлин целым рядом статей, в которых восхвалялась 25-летняя его деятельность, направленная всецело на возрождение Болгарии и возведшая ее на первое место среди балканских государств.

Не оставлено было здесь без внимания то обстоятельство, что король Фердинанд в Потсдаме, так же как и в Вене [5], в ответном тосте на речь императора Вильгельма, в которой особенно подчеркнуто было приветствие фактору мира на Балканах, коснулся этого первостепенной важности вопроса только мимоходом, как бы желая этим подчеркнуть, что он оставляет за собой и за Болгарией полную свободу действий в будущем и сообразоваться будет в случае возникновения чрезвычайных событий на Балканах исключительно с интересами болгарского народа [6].

---

[1] См. № 190.

[2] У Stieve последующая часть тел. опущена.

[3] Номер повторяется (см. № 152).

[4] Король Фердинанд приехал в Берлин 7 июня/25 мая 1912 г.

[5] См. № 148.

[6] У сего препровождаются тексты обеих речей. [Прим. оригинала.] К публикуемому документу приложена газетная вырезка, в которой передавался текст речей. Вильгельм II заявил, что в посещении Берлина Фердинандом, впервые при-

Политические круги Германии отнеслись к приезду короля довольно равнодушно. Тем не менее заметно было два течения: одно — ратующее за использование посещения в смысле сближения с Болгарией на экономической почве, дабы приобрести новый рынок для предметов германской промышленности, другое — стоящее за строгое соблюдение бисмарковской традиционной политики невмешательства в балканские дела и предоставления всякой инициативы России и Австрии с тем, чтобы при возникновении на Балканах серьезных осложнений иметь развязанные руки и действовать, исключительно сообразуясь со специальными интересами германской мировой политики.

Примите и пр. Шебеко.

№ 205. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 532. 19/6 июня 1912 г.

Торговый трактат.

Я повторил вчера министру иностранных дел заявление, сделанное мной Юань Ши-каю на основании телеграммы вашего высокопревосходительства за № 667 о желательности отложить до 1921 г. пересмотр Петербургского торгового договора[1]. Министр сказал на это, что, хотя в ответе Китая на наши октябрьские контрпредложения и произошла задержка, он все же может уверить меня, что они были очень сочувственно встречены в Пекине. Он готов теперь же предложить находящемуся в Гааге китайскому уполномоченному немедленно отправиться в Петербург для продолжения переговоров. Это ему кажется тем более желательным, что он считает необходимым поднять вопрос о применяемых к китайским рабочим в Приамурском крае паспортных правилах, обсуждение какового было будто бы обещано ему императорским министерством в связи с пересмотром торгового трактата. Вместе с тем китайское правительство намерено добиваться учреждения китайских консульств в некоторых пунктах русских областей, прилегающих к Манчжурии. Я возразил министру иностранных дел, что до признания державами китайского правительства и до завершения общей реорганизации Китая и водворения порядка во всем государстве едва ли возможно вести переговоры о пересмотре торгового трактата. В случае же согласия Китая на продление действия Петербургского трактата на новый срок, мне казалось бы возможным, чтобы затронутые министром вопросы о китайских рабочих и учреждении консульств были обсуждены совершенно независимо от этого. Лу обещал переговорить со своими коллегами и сообщить мне принятое советом министров решение. В заключение нашей беседы министр высказал пожелание, чтобы Россия, как наиболее заинтересованная и находящаяся в особых условиях по отношению к Китаю держава, приняла почин в признании нынешнего китайского правительства[2].

Крупенский.

ехавшим в качестве царя болгарского, он видит «новый залог дружественных отношений, которые уже установились между нашими домами и нашими государствами». Отметив, что он «с особенной радостью» назначил Фердинанда командиром одного из тюрингских полков, Вильгельм заявил: «в Германии следят с живейшим участием за благотворным делом, которому ваше величество посвящает все свои силы в течение почти 25-летнего царствования, благодаря чему без устали стремящийся к развитию болгарский народ сделался важным фактором в деле мира и культурного прогресса».

В ответном тосте король Фердинанд заверил, что сохранение дружеских отношений между Болгарией и Германией отвечает его «самым искренним желаниям», и закончил свою речь выражением благодарности «за столь радующие меня пожелания, чтобы мне было дано еще долго служить моей стране и делу мира».

[1] Содержание тел. м-ва ин. дел от 13 апр./31 марта за № 667 исчерпывается публикуемым документом. Ср. т. XIX, № 759.

[2] В ответной тел. от 22/9 июня за № 1176 Сазонов, ссылаясь на свою переписку с Коковцовым по этому вопросу, предписывал В. Крупенскому «не принимать мер к уско-

№ 206. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1166. 20/7 июня 1912 г.

Сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на письмо № 377 [1].

Ввиду соображений Гирса в телеграммах 395 [2] и 401 [3] считаем своевременным откровенно объясниться с французским правительством в следующем смысле: сооружение намечаемой Самсун-сивасским синдикатом железнодорожной сети в пределах и сроках, уже предложенных синдикатом Порте, составляет существенное нарушение наших не только экономических, но и стратегических интересов. Частным образом Порта осведомлена о стремлении нашем удлинить сроки постройки и отнести сколь возможно на запад конечные пункты линий. Но предъявление нами Порте формального предложения в этом смысле на основании соглашения 1900 г., во-первых, усложнило бы дальнейшие переговоры синдиката с Портой, а во-вторых, произвело бы впечатление как бы несогласованности наших и французских выступлений пред Турцией в этом деле.

Во избежание такого крайне нежелательного впечатления мы считали бы необходимым, чтобы французское правительство, имея в виду не только экономические интересы синдиката и французских финансовых сфер, но и первостепенный стратегический интерес своего союзника, от себя заявило бы Порте, что лишь в том случае готово содействовать предусмотренным финансовым сделкам для построения проектированной синдикатом сети, если Порта проявит готовность считаться с известными ей, как и французскому правительству, желаниями России, сводящимися к ограждению экономических ее интересов неприближением конечных пунктов ближе Эрзингяна и Диарбекира и рассрочкой постройки на время, достаточное для соответственного оборудования русской сети в целях экономического соревнования, примерно 16—20 лет.

Некоторые убедительные в этом направлении аргументы уже имеются в докладе синдиката турецкому министерству общественных работ, особенно же ссылка на невозможность сразу обременять турецкий кредит огромной суммой, потребной на всю эту частью бездоходную сеть, и необходимость выяснить экономические результаты магистрали ранее приступа к сооружению ветви к востоку от нее. Почва для франко-турецких объяснений таким образом подготовлена.

рению китайского ответа, а, напротив того, затягивать дело». Далее он сообщал, что указание Крупенского кит. м-ру ин. дел «на необходимость предварительного признания державами китайского правительства вполне одобряется».

Тел. от 2 июля/19 июня за № 561 Крупенский передал сделанное ему Лу Чженсяном заявление, что по вопросу о торговом договоре он говорил со своими коллегами, которые «в принципе отнеслись к этому сочувственно, но выразили согласие на оставление трактата в силе не на новое десятилетие, а на более короткий срок». Кит. м-р ин. дел выразил надежду, что в скором времени он даст окончательный ответ по этому делу.

[1] При письме от 13 июня/31 мая за № 377 Сазонов препроводил Извольскому копию своего письма М. Гирсу за № 353 (см. стр. 60, прим. 1). Обещая снабдить Извольского подробными инструкциями по вопросу о малоазиатских жел. дорогах, Сазонов в этом письме просил его в беседах с франц. м-ром ин. дел теперь же изложить «в общих чертах нашу точку зрения с тем, чтобы по возможности замедлить ход франко-турецких переговоров в Константинополе и предотвратить заключение какого-либо окончательного соглашения по железнодорожному строительству раньше, чем мы успеем сговориться с французами».

[2] См. № 161.

[3] В тел. от 11 июня/29 мая за № 401 М. Гирс сообщал, что в беседе с Ассим-беем он настаивал перед ним, «в форме личного моего дружеского совета, на предъявлении нам предложения, которое более считалось бы с нашими интересами в смысле удлинения сроков постройки железной дороги [и] отнесения более на запад конечных пунктов железной дороги». Тел. от 15/2 июня за № 1125 Сазонов известил Гирса, что он вполне одобряет его заявление Ассим-бею.

Но мы надеемся, что кроме того французское правительство примет в расчет то существенное соображение, что облегчение и ускорение концентрации турецких военных сил близ кавказской границы равносильно для нас ослаблению нашего западного фронта на два корпуса, — соображение, с коим не может не считаться и французский генеральный штаб.

Благоволите по изложенному объясниться с Пуанкаре и о последующем уведомить.

Сазонов.

№ 207. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1167. 20/7 июня 1912 г.

Получил вашу телеграмму № 111 [1].

Жорж Луи, очевидно, снова совершенно превратно передал мои слова в Париж. Ссылаюсь на мои телеграммы к вам из Москвы [2], а также №№ 1129 [3] и 1146 [4], в которых ясно сказано, что мы соглашаемся на предложение Пуанкаре об установлении общности действий России, Франции и Англии, но не хотим лишь отталкивать Германию и Австрию, без содействия которых в данном случае не обойтись. Равным образом в предложенных французским министром иностранных дел формулах мы возражали только против части, касавшейся «подписания акта бескорыстия». Относительно всего этого, согласно полученным нами из Лондона сведениям, мы находимся в полном единомыслии с английским кабинетом. Весьма прискорбно, что у Пуанкаре составилось ошибочное впечатление, будто мы отвергли его предложение целиком. Благоволите разъяснить ему это недоразумение, основываясь на моих предшествующих телеграммах, повторив, что переданная вами в телеграмме № 107 формула [5] считается нами приемлемой за исключением только упомянутой части об «акте бескорыстия». Что касается ее оглашения, то поскольку дело идет об итало-турецком примирении, я не вижу, чем такое оглашение может содействовать успешному разрешению именно этой задачи. Во всяком случае предварительно всякого оглашения я считал бы необходимым особо сговориться между нами на этот счет. Я думаю, и Луи мне в этом сам откровенно признался, что вообще все предложение Пуанкаре в сущности имеет мало общего с выставляемой целью прекращения войны, а вызвано лишь необоснованными опасениями, внушаемыми во Франции предстоящим свиданием императоров. В этом отношении нами, кажется, даны уже достаточно успокоительные заверения, а потому я полагаю совершенно излишним и даже вредным примешивать к этому посторонний вопрос посредничества с одной лишь опасностью испортить дело последнего [6].

Сазонов.

№ 208. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 114 [7]. 20/7 июня 1912 г.

Китайский заем.

Получил № 1154 [8].

Вследствие полученного Верстратом разрешения, сегодня Консорциум

---

[1] См. № 203.

[2] См. №№ 160 и 174.

[3] См. стр. 179, прим. 5.

[4] См. № 194.

[5] См. № 190.

[6] Ответной тел. от 22/9 июня за № 115 (опубл. М., стр. 218) Извольский сообщал: «Объяснился с Пуанкаре, который соглашается на исключение из формулы в последней ее редакции фразы о подписании акта бескорыстия и принимает также вашу оговорку о необходимости, предварительно всякого оглашения, специально сговориться на этот счет».

[7] Опубл. М., стр. 565.

[8] См. № 201.

окончательно принял выработанные формулы [1]. При этом во избежание всяких недоразумений в будущем Верстрат настоял на включении в протокол формального постановления о праве России и Японии выйти из состава Консорциума, если его финансовая политика будет несогласна с нашими интересами. Текст этого постановления передан Верстратом министру финансов по телеграфу [2].

Извольский.

№ 209. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 40 [3]. 20/7 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной телеграммой от 15/2 сего июня [4] я обратил внимание вашего высокопревосходительства на речь о внешней политике Франции, произнесенную председателем совета министров в палате депутатов в прошлую пятницу [5], по поводу обсуждения бюджета министерства иностранных дел.

Речь эта носит оптимистический характер, несмотря на то, что она начинается с указания на тревогу, вызываемую в Европе длительностью итало-турецкой войны.

В означенном конфликте Франция, по словам г. Пуанкаре, намерена сохранить строгий нейтралитет. По отношению к Турции ее обязывает к этому не только традиционная дружба с Оттоманской империей, но и собственный интерес: ибо Франция, как держава, господствующая над многочисленным мусульманским населением, должна избегать всего того, что могло бы ослабить ее влияние в Африке. Что касается Италии, то недавние инциденты, вызванные задержанием итальянскими крейсерами французских торговых судов, переданы ныне на рассмотрение третейского суда; возбужденное этими инцидентами недоразумение в настоящее время сглажено, «не ослабив тесных уз, существующих между обеими родственными нациями».

Сложные и затруднительные переговоры с Испанией по марокканским делам, по мнению председателя совета министров, будут благополучно завершены, благодаря выказываемой обеими сторонами доброй воле. Твердо отстаивая свою точку зрения, Франция, однако, прежде всего имеет при этом в виду необходимость сохранения дружественных отношений со своей соседкой.

Переходя к Германии, г. Пуанкаре сказал, что отношения Франции к ней лояльны и вежливы (courtoises). Он не скрыл, однако, что по некото-

[1] В этот день был подписан синдикальный акт об образовании Шестерного консорциума.

[2] Тел. от 20/7 июня Верстрат сообщил текст принятого Консорциумом постановления: «Если русская или японская группа не одобрит ту или иную цель, для которой будет предназначен аванс или заем, выдаваемый на основании соглашения, и такой аванс или заем будет выдан другими группами или какой-либо из них, и если российское правительство или японское правительство, в зависимости от того, кого касается дело, предупредит другие заинтересованные правительства, что предложенное дело противоречит интересам России или Японии,— русская группа или японская группа, в зависимости от того, кого это касается, будет иметь право отказаться от соглашения, однако отказывающаяся группа обязана будет выполнить все взятые на себя финансовые обязательства до своего ухода».

Тел. от 20/7 июня за № 1159 (опубл. М., стр. 565) Сазонов сообщил Извольскому: «Благоволите передать искреннюю благодарность французскому правительству за энергичную поддержку, оказанную нашим пожеланиям при выработке контракта на реорганизационный заем».

[3] Опубл. М., стр. 211.

[4] Содержание тел. Извольского от 15/2 июня за № 104 (опубл. Stieve, II, S. 148, N 328) исчерпывается публикуемым документом.

[5] 14/1 июня.

рым вопросам, касающимся применения трактата 4 ноября 1911 г.[1], точки зрения Германии и Франции расходятся. В обсуждение спорных вопросов Франция постарается внести точность и ясность, равные одушевляющей ее искренности (bonne foi). В крайнем и мало вероятном случае неуспеха переговоров она имела бы, согласно постановлениям самого трактата, возможность прибегнуть к арбитражу.

Наконец, обращаясь к державам Тройственного согласия, председатель совета заявил, что отношения Франции к России и Англии никогда не были лучшими, нежели в настоящее время. Все три правительства находятся в постоянном между собою общении и обмениваются с полным доверием своими взглядами на все международные вопросы. Франко-русский союз, освященный положительными соглашениями и опытом времени, находит себе применение на всех пунктах земного шара на пользу обеим странам. Союз этот не направлен против какой-либо другой державы и позволяет обоим правительствам согласовывать свои дипломатические действия для охраны собственных интересов и поддержания мира.

По поводу обсуждавшегося недавно во французской и английской печати вопроса о преобразовании существующего между обеими державами сердечного согласия в формальный союз[2], г. Пуанкаре счел необходимым подчеркнуть непричастность обоих правительств к этому обмену мнений. Не высказывая своего личного взгляда насчет предполагаемого преобразования, он указал на большие преимущества, представляемые нынешним положением вещей; оно пользуется сочувствием огромного большинства в обеих странах, оставляет двум правительствам полную свободу и позволяет им действовать сообща в различных вопросах общей политики и этим способствовать поддержанию европейского равновесия.

Свою короткую, но выразительную речь председатель совета министров закончил указанием на то, что основная сила Франции все же лежит в ней самой. «Нашей дружбы ищут лишь в соответствии с занимаемым нами мировым положением, а это положение находится в зависимости от нашей военной мощи и внутреннего между нами единения».

В заключение считаю долгом отметить, что, отвечая в том же заседании на запрос касательно роли Франции в персидских делах и, в частности, ее участия в постройке Трансиранской железной дороги, которая создаст так называемую линию Кале — Бомбей, г. Пуанкаре заявил, что названное предприятие выгодно для Франции главным образом с политической точки зрения, в видах сохранения общности интересов между Россией и Англией в персидских делах. Материально же Франция заинтересована в означенном деле лишь на ничтожном участке Кале — Жемон (Calais — Jeumont) и, очевидно, ничего не выиграет от открытия линии, которая отклонит более на восток великие мировые пути сообщения.

Примите и пр.

Извольский.

№ 210. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо[3]. **20/7 июня 1912 г.**

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вчера мне опять пришлось выдержать целую бурю и опять-таки вследствие очевидно неверной и тенденциозной передачи Жоржем Луи вашего ответа на предложение Пуанкаре[4]. Я нашел министра иностранных дел

[1] Имеется в виду франко-германский договор о Марокко и Конго (см. т. XVIII, № 804).

[2] См. № 141.

[3] Опубл. М., стр. 215.

[4] См. № 203.

чрезвычайно взволнованным. Из сообщений Луи вытекало, будто вы по существу несогласны с мыслью об ограничении предмета предстоящей медиации первоначальным спором между Италией и Турцией и что вы безусловно и целиком отвергаете предложение Пуанкаре в последней его редакции, формально уже принятой лондонским кабинетом. Это тем более поразило Пуанкаре, что, судя по предыдущим сообщениям Луи, вы были по существу вполне согласны с вышесказанной мыслью. Пуанкаре не показал мне телеграммы Луи, но из его слов я мог заключить, что: 1) передавая ваши возражения против фразы о подписании протокола о бескорыстии, он не упомянул о мотивах этих возражений и приписал вам нежелание вообще ограничить размеры предстоящей медиации, и 2) что Ж. Луи совершенно воздержался от передачи вашего заявления о готовности вашей внимательно отнестись ко всякой формуле, которая оказалась бы для нас приемлемой, вследствие чего получилось впечатление о резком и безусловном отклонении вами французского предложения. Так как я имел при себе последние полученные от вас телеграммы [1], я мог, на основании этих телеграмм, до известной степени восстановить истинный смысл вашего ответа. К сожалению, еще до свидания со мной и под первым впечатлением телеграмм Жоржа Луи он уже отправил в Петербург длинную телеграмму, на редакции коей несомненно отразилось испытанное им волнение. После длинного разговора мне, кажется, удалось до известной степени успокоить его, и он обещал мне телеграфировать Жоржу Луи в более спокойном тоне. Принимая на веру, что вы отказываетесь от предлагаемого им предварительного уговора между Францией, Россией и Англией, он сказал мне: «Jusqu'ici M. Sazonow nous assurait qu'il était fidèle au principe de cette entente et qu'il était prêt à se concerter au préalable avec la France et l'Angleterre. S'il n'en est plus ainsi, il faut nous le dire clairement, et nous arriverons à la ligne de conduite que nous aurons à tenir en vue des graves événements qui peuvent surgir. Mais si comme vous me l'affirmez, et comme j'aime à le croire, rien n'est changé dans votre politique, quel inconvénient voit-on à St.-Pétersbourg à affirmer l'entente entre les trois Puissances? L'Allemagne n'est pas notre amie, et s'il se trouve qu'elle prend l'initiative d'une action en vue du rétablissement de la paix, l'absence d'une entente préalable entre la France, la Russie et l'Angleterre affaiblira singulièrement la situation de la France, de son amie et de son alliée» [2]. В ответ на это я подробно развил ему вашу мысль, разделяемую и сэром Э. Греем, об опасности разбить Европу на две группы держав и о необходимости, наоборот, ради успеха медиации, привлечь к совместной работе все пять держав. В виде примера я указал ему, между прочим, на ход событий в 1908 г., когда именно обособление России, Франции и Англии значительно осложнило дело и привело к неуспеху проекта конференции. Пуанкаре совершенно с этим согласился и заявил мне, что он отнюдь не имеет в виду подобного обособления; по его убеждению, последняя фраза новейшей его редакции вполне удовлетворяет мысли о совместной работе всех пяти держав. Но это, с его точки зрения, вовсе не препятствует России, Франции и Англии установить между собою предварительное соглашение об общем направлении и характере предстоящей медиации. Хотя

[1] См. №№ 174 и 194.

[2] «До настоящего времени г. Сазонов заверял нас, что он верен принципу этого согласия и что он готов предварительно сговориться с Францией и Англией. Если же дело теперь обстоит иначе, нужно сказать нам об этом ясно, и мы примем линию поведения, которой нам следует придерживаться в виду могущих возникнуть серьезных событий. Но если, как вы уверяете и как я хочу верить, ничто не изменилось в вашей политике, то какое же неудобство видят в С.-Петербурге в подтверждении соглашения между тремя державами? Германия нам не друг, и если окажется, что она возьмет инициативу в действиях, имеющих в виду восстановление мира, отсутствие предварительного соглашения между Францией, Россией и Англией чрезвычайно ослабит положение Франции, ее друга и ее союзницы».

ни он, ни остальные члены правительства ни минуты не сомневались в искренности нашей политики, не надо забывать, что свидание между императорами, при настоящем столь сложном международном положении, неминуемо встревожит общественное мнение Франции. Правительство должно это иметь в виду; оно должно в каждую данную минуту быть в состоянии успокоить эту тревогу указанием на незыблемость соглашения между Россией, Францией и Англией. В Лондоне вполне разделяют эту точку зрения, и сэр Э. Грей не затруднился дать формальное свое согласие на предложенную формулу, после того как в редакцию ее были внесены некоторые изменения. Почему, если г. Сазонов согласен с Францией по существу, он не сделал того же и не предложил г. Жоржу Луи те или другие поправки в предложенной редакции?

Ввиду всего вышеизложенного я позволил себе повторить вам самым убедительным образом мою просьбу не отбрасывать целиком предложения г. Пуанкаре, а с вашей стороны предложить те или другие изменения в его редакции. Лично мне кажется, что если из новейшей редакции г. Пуанкаре исключит фразу о подписании протокола о бескорыстии, она была бы для нас вполне приемлема и безопасна. Это вполне согласуется с тем, что вы телеграфировали мне из Москвы. Если же вы на это не согласитесь, то отказ ваш будет без сомнения истолкован в том смысле, что в общем направлении нашей политики произошла перемена, а это, в свою очередь, может повести к весьма серьезным последствиям. При страстном и прямолинейном характере г. Пуанкаре следует опасаться, что он выведет из этого определенные заключения и будет искать каких-либо новых политических комбинаций. Вы знаете, что здесь существуют традиционные симпатии к Австро-Венгрии и весьма распространено совершенно, по моему убеждению, ложное мнение, будто из этой державы можно сделать противовес Германии. Если здесь укоренится убеждение, что мы слишком склоняемся в сторону Германии, Пуанкаре может поддаться мысли в свою очередь сблизиться с Австро-Венгрией, а это внесет невообразимую путаницу в международное положение. Вспомните, какую роль сыграли симпатии Франции к венскому кабинету в 1908 г. Не забудьте, что со времени Потсдамского свидания вам приписывают особенное влечение к Германии. Вы сами констатировали атмосферу недоверия и подозрительности, созданную вокруг вас стараниями Жоржа Луи и Бомпара. Я делаю все, что могу, чтобы рассеять эту атмосферу, но это не всегда мне удается. В настоящем случае я думаю, что вы могли бы даже поступиться некоторыми вашими взглядами и пойти навстречу Пуанкаре, дабы не сгущать сказанной атмосферы. Пуанкаре, несмотря на все свои дефекты, — сильный человек. Вчерашняя победа его в парламенте значительно упрочила его положение [1]. Если, не дай бог, разразится тот или другой международный кризис, весьма важно иметь его всецело на нашей стороне и использовать его энергию и решимость. Для этого необходимо считаться с его болезненным самолюбием; но рядом с этим, вы сами убеди-

[1] Деп. от 6 июня/24 мая за № 37 (опубл. М., стр. 208) Извольский сообщал, что Пуанкаре, считавшийся «одним из наиболее убежденных сторонников реформы», добился выработки франц. прав-вом нового проекта избирательного закона. Этот проект, по словам Извольского, встретил в палате депутатов сильные нападки сторонников существующей мажоритарной системы.

Тел. от 19/6 июня за № 110 Извольский сообщал: «Вчера, по случаю прений о реформе избирательного закона, по поводу коего происходят некоторые несогласия в среде республиканского большинства, Пуанкаре, поставивший вопрос о доверии, одержал блестящий успех. Результат голосования доказал, что правительство располагает не только крупным абсолютным большинством, но и большинством республиканской партии. Это в значительной степени упрочило положение кабинета Пуанкаре».

В тел. от 20/7 июня за № 112 Извольский сообщал: «Вчера в палате депутатов противники избирательной реформы сделали новое нападение на Пуанкаре, который опять поставил вопрос о доверии и получил еще более значительное большинство голосов республиканской партии».

тесь, что он обладает также и большой искренностью и прямодушием. Вчера, во время разговора со мной и в ответ на мои слова об очевидности не разногласия между ним и вами, а лишь простого недоразумения, он воскликнул: «Je voudrais être déjà au 10 août et pouvoir m'expliquer en toute franchise et confiance avec M. Sazonow» [1]. Со своей стороны, я возлагаю на ваше свидание с ним величайшие надежды.

Что касается предстоящего свидания в Шхерах, то до сих пор французская печать, благодаря мерам, принятым Пуанкаре, и собственным моим ежедневным и ежечасным усилиям, относится к нему спокойно. Но это может быстро измениться. Весьма прискорбно, что известия об этом событии получаются до сих пор здешними газетами исключительно из Германии и, натурально, исключительно в немецком освещении. Здесь перепечатываются заметки «Kölnische Zeitung», «Lokal Anzeiger» и т. д., представляющие свидание в Шхерах политическим событием первой важности. Весьма желательно, чтобы в русских газетах было дано более правильное толкование для вразумления здешних газет.

Я уже писал вам, что Пуанкаре прибудет в Петербург к указанному ему сроку на французском военном корабле [2]; к этому времени приеду в Петербург, согласно вашему разрешению, и я. До того времени я никуда из Франции не отлучусь; но если, по ходу событий, это представится возможным, я, может быть, попробую полечиться немного в Contrexeville. Это — в нескольких часах от Парижа, куда я всегда могу экстренно приехать; а к прибытию курьера и до его отправления я, конечно, буду всегда в городе. Лечение в Contrexeville для меня необходимо, ибо за последнее время я очень страдаю почками, и надо принять какие-либо меры. Заканчиваю это длинное письмо просьбой чисто личного свойства: так как я еду в Петербург не по личным делам, а для служебных целей, не разрешит ли мне министерство обычной курьерской дачи. Я изнемогаю под бременем обязательных расходов, и поездка в Петербург является для меня чувствительною брешью в моем бюджете.

Искренне преданный и готовый к услугам

Извольский.

P. S. Перечитывая письмо, замечаю, что я не упомянул об одном обстоятельстве: говоря об опасности разбить Европу на две группы держав, я, между прочим, указал ему на впечатление, которое может произвести оглашение той или другой формулы, принятой сообща Россией, Францией и Англией, и предупредил его, что мы, вероятно, потребуем сохранения этой формулы в тайне и разглашения ее не иначе, как с нашего согласия. Г. Пуанкаре против этого не возражал, и я думаю, что в случае предъявления нами этого требования он на него согласится.

Ut in litteris

Извольский.

№ 211. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [3]. 20/7 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Разговаривая со мной о недавних визитах короля Фердинанда болгарского в Вену и Берлин [4], г. Пуанкаре высказал мне беспокойство по поводу

---

[1] «Я хотел бы, чтобы теперь было уже 10 августа, чтобы я мог объясниться с полным доверием и откровенностью с г. Сазоновым».

[2] См. № 145.

[3] Опубл. L. N., I, p. 283.

[4] См. №№ 148 и 204.

цели и характера этих визитов; он сильно поражен особенными почестями, оказанными королю Фердинанду в этих двух столицах, и невольно подозревает, что почести эти свидетельствуют о каких-либо тайных обязательствах, принятых на себя его величеством по отношению к Австрии и Германии. «Вы знаете, — сказал мне г. Пуанкаре, — что французское правительство согласилось облегчить Болгарии заем на парижском рынке лишь вследствие заявления русского правительства, что Болгария, заключив тайное соглашение с Сербией, твердо решилась тяготеть к державам Тройственного согласия [1]; принимая во внимание решающее влияние, которое король Фердинанд имеет на направление болгарской политики, в особенности внешней, не думаете ли вы, что, прежде нежели ссудить Болгарию крупными денежными средствами, следовало бы выяснить истинные намерения короля Фердинанда и заручиться от него, в той или другой форме, гарантией, что он вполне солидарен с вышесказанными решениями болгарского правительства». Далее г. Пуанкаре обратил мое внимание на тот факт, что в газеты уже проник слух о подписании тайного болгарско-сербского соглашения [2]; об источнике этого слуха г. Пуанкаре ничего неизвестно. Газета «Temps» уверяет, что она получила это известие от своего корреспондента в Петербурге. В других редакциях утверждают, будто один французский корреспондент видел в Петербурге самый текст соглашения. Г. Палеолог, бывший посланником в Софии, предполагает, что сказанный слух исходит из дворца и служит каким-либо сложным комбинациям короля Фердинанда.

Как бы то ни было, здесь несомненно очень встревожены загадочным поведением короля Фердинанда и, если мы придаем значение успешному ходу дела о заключении ближайшей осенью болгарского займа, было бы весьма желательно более точным образом выяснить истинное направление болгарской политики, как оно представляется после посещения королем Фердинандом Вены и Берлина.

Примите и пр.

Извольский.

№ 212. Посол в Вене министру иностранных дел.

7/I Депеша № 24. 20/7 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вскоре вслед за посещением Вены болгарской королевской семьей, подробности коего я имел честь донести вашему высокопревосходительству с последним курьером [3], сюда прибыл, с официальным визитом к императору Франц-Иосифу, король Николай I [4]. Этот приезд явился первым со времени провозглашения Черногории королевством.

Его величеству оказан был при австрийском императорском дворе не только торжественный, но и самый радушный прием. Престарелый австро-венгерский монарх выезжал лично в субботу 8 июня [нов. ст.] рано утром на Южный вокзал для встречи высокого гостя. В честь короля состоялся ряд празднеств у императора и у эрцгерцога-наследника Франц-Фердинанда.

Наиболее же почетным и приятным явилось для черногорского короля назначение его шефом 55-го австрийского пехотного полка, который расположен в Восточной Галиции. За парадным обедом в Шенбрунне, отвечая на французский тост императора Франц-Иосифа, король Николай в необык-

[1] См. т. XIX, № 752 и прим. 2 на стр. 397.
[2] См. №№ 137 и 150.
[3] См. № 148.
[4] Король черногорский был в Вене с 8 июня/26 мая по 10 июня/28 мая 1912 г.

новенно теплых выражениях благодарил его величество за таковое назначение, заверяя, что оно тронуло самые глубокие его чувства старого воина [1].

Едва ли можно отрицать известное политическое значение состоявшегося визита, совпавшего с пребыванием в Берлине короля Фердинанда. Равно как при посещении австрийской и германской столиц болгарским королем в свите черногорского монарха находился его министр иностранных дел. Но если король Фердинанд отклонил приемы аккредитованных в Вене представителей иностранных держав, то черногорский король нашел время принять здешний дипломатический корпус. Впрочем, образ действия болгарского короля вызван был исключительным обстоятельством, а именно демонстративным отъездом из Вены нового папского нунция монсиньора Скапинелли пред самым прибытием сюда его величества. О том, как любезно король Николай принял моих коллег и какие особенные знаки внимания и расположения он выказал в продолжение данной мне лично аудиенции, ваше высокопревосходительство уже осведомлены из моих секретных телеграмм от [8 июня] 26 [2] и [9 июня] 27 минувшего мая [3].

Общественное мнение и печать отнеслись весьма сочувственно к посещению столицы королем Николаем. Наиболее замеченной явилась статья «Neue Freie Presse», подробно передающая беседу, которую имел с его величеством и с черногорским министром иностранных дел г. Греговичем один из сотрудников названного органа печати. Это был, как я достоверно мог узнать, известный в журнальном мире д-р Зигмунд Мюнц. В течение интересного и вместе с тем сдержанного разговора с газетным сотрудником со стороны короля было подчеркнуто значение солидарности России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове и желание его величества пребывать в добрых отношениях с обеими могущественными державами [4].

Примите и пр.

Н. Гирс.

---

[1] В рапорте от 20/7 июня за № 140 Занкевич, передавая в ген. штаб содержание речей Франц-Иосифа и короля Николая, писал: «Вообще, речь короля Николая имела повышенный характер и несколько странно звучала в устах славянского короля после недавней операции с Боснией и Герцеговиной, с таким успехом проведенной монархом Габсбургской империи. Визит короля черногорского снова вызвал в военных сферах оживленные толки о предстоящем сближении с Черногорией, о близком заключении с нею частного соглашения по албанским делам. Начальник генерального штаба, генерал Шемуа, справедливо считает, что подобное соглашение сильно бы облегчило действия австрийцев в Албании, в какую бы форму они ни вылились».

[2] В тел. от 8 июня/26 мая за № 47 Н. Гирс сообщил Сазонову, что король Николай принимал каждого из послов отдельно и имел с ними продолжительную беседу. Король просил Гирса передать Николаю II, что ему был оказан австро-венг. императором очень любезный прием, но что ни Франц-Иосиф, ни австро-венг. м-р ин. дел с ним о политике пока не говорили. Гирс добавлял, что, выражая свои чувства преданности Николаю II и России, «король обнял меня дважды и прибавил, что он никого из моих коллег не обнимал».

[3] В тел. от 9 июня/27 мая за № 48 Н. Гирс передавал Сазонову: «Нельзя не отметить того эффекта, которого старался добиться король [черногорский] при разговоре с послами». Так, например, итал. послу он сказал: «Я хотел бы заслужить на поле брани при совместной борьбе против Турции итальянский орден, который я ношу на груди». По словам Гирса, «даже турецкий посол остался довольным приемом».

[4] В деп. от 20/7 июня за № 23 Арсеньев сообщил об отставке черног. кабинета Томановича и о назначении премьер-министром Мартиновича, который одновременно был назначен военным м-ром и управляющим м-вом ин. дел. Указывая, что отставка Томановича никого не удивила, так как он неоднократно просил его освободить по болезни от обязанностей пред. совета м-ров, Арсеньев сообщал: «что же касается отставки министра иностранных дел Д. Греговича, то отставку эту ставят в связь с недавней поездкой его в Вену в свите короля». Относительно Мартиновича Арсеньев писал, что «в Вене он не считается persona grata, так как неоднократно высказывал, что будущность Черногории, по его мнению, является обеспеченной лишь при поддержке со стороны России».

№ 213. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 143. 20/7 июня 1912 г.
Секретно.

Итало-турецкая война.

Здешний итальянский военный агент подполковник Альбриччи, зайдя ко мне на-днях, сообщил, что он имеет основания думать, что итальянские войска в ближайшем же будущем приступят к оккупации острова Митилены и что занятие этого острова итальянцами повлечет за собой вторичное закрытие Дарданелл.

Затем разговор перешел на другие темы.

Я заметил, что подполковник Альбриччи озабочен какой-то мыслью.

Совершенно для меня неожиданно он задал мне такой вопрос: «Я слышал, что, в случае вторичного закрытия Дарданелл, Россия немедленно же вышлет Черноморский флот к Босфору для морской демонстрации против Турции; как вы думаете, правда ли это?».

Я ответил: «Видите ли, полковник, прежде всего должен вам сказать, что я не слышал ничего подобного и, кроме того, лишен всякой компетентности в этом вопросе; думаю, однако, что наше правительство, без крайней к тому необходимости, которой я в данном случае не вижу, такого шага не сделает».

Я заметил, что подполковник Альбриччи не был удовлетворен моим ответом.

После этого разговора у меня невольно явилось подозрение, что в своих действиях на море итальянцы преследуют, между прочим, и скрытую цель — вызвать вторичное закрытие Дарданелл, в надежде породить этим острый конфликт между нами и Турцией, что, вне всякого сомнения, облегчило бы трудное их положение.

Генерального штаба полковник Занкевич.

№ 214. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 16 [1]. 20/7 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Г. Гешов, вернувшись в Софию, сообщил мне, что соглашение между Болгарией и Грецией подписано [2].

Приблизительное содержание этого соглашения передано было мной в моей секретной телеграмме от [14] 1 мая № 49 [3]. При этом болгарское правительство не подвергло изменению те выражения договора, на неудобство и опасность коих я был уполномочен вашим высокопревосходительством обратить внимание г. Гешова [4]. Как я имел честь доносить вам от... [5], г. Гешов представил на наши замечания свои опровержения, не лишенные, быть может, известного смысла. Но я осведомлен, что болгарский министр иностранных дел, даже если бы и хотел, не мог бы предложить изменений в тексте, так как это задержало бы заключение соглашения: а между тем сам король Фердинанд настойчиво требовал возможно скорейшего подпи-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 399, N 635.

[2] Греко-болгарский союзный договор (опубл. Гешов, «Балканский союз», стр. 96) был подписан в Софии 29/16 мая 1912 г.

[3] См. № 1.

[4] См. стр. 1, прим. 2.

[5] Пропуск в оригинале. Повидимому, имеется в виду деп. Неклюдова от 29/16 мая за № 15 (см. № 100).

сания договора, и его мнение разделяли некоторые другие члены кабинета и все руководящие военные.

За всем тем я отнюдь не склонен думать, что договор этот может стать серьезным источником осложнений на Балканах. Застарелое недоверие, существующее между болгарами и греками, не исчезнет силой одного этого акта, и каждая сторона прежде всего будет озабочена мыслью не быть втянутой другой в опасное приключение без уверенности в обильном вознаграждении в случае удачи.

С другой стороны, греко-болгарское соглашение представляется явлением отрадным, так как не только прекращает отвратительные кровавые распри между двумя православными народностями Македонии, но даже способствует установлению между этими народностями мира и некоторого единства действий. Это все-таки огромный шаг вперед[1].

Г. Гешов познакомил меня сегодня с весьма интересным греческим сообщением. В секретной телеграмме к здешнему греческому посланнику г. Коромилас, указывая на возможность созыва международной конференции для примирения Турции с Италией, дает мысль болгарскому правительству совместно с греческим предпринять все возможное, чтобы подобная конференция занялась и судьбой христианских провинций Турции, нарочито же Спорад и Македонии, и обеспечила бы им широкую автономию. При этом Коромилас весьма основательно замечает, что предварительные шаги Болгарии и Греции в этом смысле должны быть настойчивы, но в то же время и осторожны, дабы не возбудить заранее принципиального противодействия некоторых из великих держав: нужно исподволь приготовить державы к воспринятию необходимости упорядочить положение Македонии и Архипелага. Греческий министр иностранных дел просит при этом г. Гешова заручиться по возможности участием России и заканчивает запросом, не считает ли болгарское правительство уместным, чтобы текст только что подписанного греко-болгарского соглашения был сообщен русским посланникам в Афинах и Софии.

Г. Гешов намерен запросить об этом короля Фердинанда и надеется, что его величество ничего не будет иметь против подобного сообщения.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 215. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 18. 20/7 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В русских газетах я не без удивления прочел о значительном и кровавом столкновении, произошедшем будто бы [6 июня] 24 мая на болгаро-турецкой границе близ Кюстендиля[2]. На самом деле инцидент этот прошел здесь совершенно бесследно. Ни болгарская печать, ни правительство, ни даже турецкая здесь миссия не проявили никакого беспокойства и никакой нервности. Столкновение действительно произошло, виновниками его оказались турки, вздумавшие перевести один из своих постов вперед, не заявив об этом болгарскому кордонному начальству. Произошла перестрелка, в которой, по существующему на македонской границе обыкновению, приняли самое деятельное участие местные селяки-ополченцы; но несмотря

[1] Последующая часть депеши у Siebert'a опущена.

[2] В газете «Новое время», № 13003 от 8 июня/26 мая в тел. из Софии от 7 июня/25 мая, сообщалось, что между болг. и турец. солдатами «третьего дня завязалась перестрелка по поводу того, что турки начали строить новый сторожевой пост у Кюстендильской границы»; в результате этой перестрелки было убито несколько турок. Далее сообщалось, что 7 июня/ 25 мая «опять началась более ожесточенная стрельба по всей окрестной пограничной линии».

на сильную пальбу убитых и даже серьезно раненых не оказалось, и с отступлением турок все быстро успокоилось. Отсутствие из Софии короля и главных министров, а следовательно и бесцельность спешных протестов с турецкой стороны содействовали весьма быстрому забвению всего инцидента; а здешнее общественное мнение и пресса слишком заняты были приемами в Вене и Берлине, чтобы использовать заурядное происшествие на границе.

Ввиду всего вышеизложенного я спрашиваю себя, кому именно нужны были и кем направлялись сенсационные телеграммы в нашей прессе? Во всяком случае в тесной связи с этими телеграммами — передовая статья «Нового времени» в номере от [16] 3 июня, столь бестактно подымающая македонско-болгарский вопрос [1], в то время как все интересы России требуют спокойной осмотрительности в этой щекотливой и опасной области. Вдохновителями нашего высоко-патриотического «Нового времени» являются г.г. Капчевы и Милетичи, а последние служат не бессознательными органами австро-венгерских неофициальных агитаторов.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 216. Посланник в Софии министру иностранных дел.

-/. Письмо. 20/7 июня 1912 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел честь получить секретное письмо вашего высокопревосходительства от [23] 10 мая 1912 г. № 299 [2] касательно разговоров, происходивших между вами и прибывшим в Ялту во главе особой болгарской миссии председателем Народного собрания Даневым.

Принося вашему высокопревосходительству глубокую признательность мою за это интересное сообщение, я позволю себе с особым удовольствием и с благодарностью отметить, что все то, что вы нашли необходимым внушить г. Даневу, являлось властным и драгоценным для моей здесь деятельности подтверждением тех советов и отзывов, которые не переставали преподавать за последние годы болгарам и их королю мой покойный предшественник [3] и я.

Как я имел честь неоднократно высказываться перед вашим высокопревосходительством, Болгария с возрастающим нетерпением следит за происходящими и готовящимися в Турции событиями и непрочь была бы ускорить их и даже, при благоприятных обстоятельствах, вызвать решительное столкновение [4]. Это нетерпеливое желание вполне понятно со стороны болгар, но оно отнюдь не обязывает Россию. Только тогда могли бы мы желать осуществления болгарских, сербских и греческих мечтаний, когда имели бы возможность принять в событиях решающее участие и приобрести для самой России историей и жизнью указываемые обеспечения.

Я склонен полагать, что военная конвенция между Россией и Болгарией может возыметь то полезное действие, что еще более свяжет болгар с нами и установит до известной степени зависимость болгарского выступления от нашей собственной готовности и от нашего высшего усмотрения. Но эта конвенция прежде всего полезна и даже необходима для болгар; и поэтому мы отнюдь не можем допустить, чтобы она чем бы то ни было затрагивала интересы России, даже в отдаленном будущем; вот почему, на мой взгляд, недопустимы с нашей стороны никакие притязания Болгарии на юго-восток

[1] В этой статье, озаглавленной «Македония» («Новое время» № 13011), говорилось о необходимости проведения Турцией реформ в Македонии.

[2] См. № 64.

[3] Сементовский-Курило, который был посланником в Софии с 1907 до 1911 г.

[4] См. № 100 и стр. 87, прим. 4.

от нынешней болгарской границы. Заговорив с вами об Адрианополе, г. Данев был скорее глашатаем домогательств короля Фердинанда, чем выразителем собственных своих убеждений. Дважды в разговорах со мной, перед моим отъездом в С.-Петербург [1] и перед отъездом г. Данева в Ялту, выражал его величество желание, чтобы мы признали заранее права Болгарии на Адрианополь; и дважды ответствовал я ему в самых определенных выражениях, что вопрос об Адрианополе должен быть всецело устранен из всяких переговоров наших, будь то по предмету военной конвенции или по иному какому поводу.

Точно так же дважды отсоветовал я всякое сообщение королю Николаю черногорскому касательно сербо-болгарского соглашения; но привлечение черногорского владыки к этому соглашению представляет собой также излюбленную мысль короля Фердинанда и объясняется известным сродством воззрений и политических приемов этих славянских властителей; я полагаю поэтому, что в конце концов — и невзирая на наши столь определенные советы — короля Николая посвятят отсюда в сербо-болгарское соглашение.

Касательно приглашения государя императора на освящение храма Александра Невского в Софии, и притом именно к августу сего года, я ясно и настоятельно предупредил короля Фердинанда, что всемилостивейшему монарху нашему невозможно будет прибыть в Болгарию в текущем году. Тем не менее король поручил Даневу быть ходатаем его заветного желания видеть русского царя в Болгарии именно в августе сего года, т. е. в 25-летний юбилей той эпохи, когда принц Фердинанд Кобургский, вопреки тогдашней воле России, сел на болгарский престол. Мне кажется, что отклонение нами этого приглашения лишь на краткое время омрачит и обидит короля. Подобно всем людям действительно умным, но имеющим слабость не считаться достаточно с умом и пониманием других, он в конце концов примирится с неосуществлением своего чересчур нескромного желания и будет отныне добиваться вообще посещения государем императором Болгарии, не приурочивая таковое к какому-либо особому сроку, что составляет заветную и единодушную мечту всего болгарского народа. Кстати, величественный по размерам и прекрасный по внутреннему зодчеству и отделке храм во имя св. Александра Невского не может быть вполне готов для освящения к августу сего года и очень может быть, что самое освящение будет отложено до весны 1913 г.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 217. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 20/7 июня 1912 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Г. Гешов сообщил мне совершенно доверительно следующие интересные подробности касательно путешествия короля Фердинанда в Вену и Берлин [2].

В Вене ни между обоими государями, ни между королем и эрцгерцогом Франц-Фердинандом или графом Берхтольдом, ни между обоими министрами иностранных дел не были затронуты никакие политические вопросы. Даже за завтраком у графа Берхтольда г. Гешов не имел с ним никакого сколько-нибудь интересного обмена мыслей. Австро-венгерский министр иностранных дел ограничился несколькими общими комплиментами благоразумной, миролюбивой и выдержанной политике болгарского правительства. В Вене как будто бы тщательно избегали говорить о политике.

[1] См. т. XIX, № 636.
[2] См. №№ 148 и 204.

В Берлине, напротив того, говорили про нынешнее политическое положение Турции, причем и Кидерлен-Вехтер и сам император Вильгельм выразили мнения, которых болгары совсем не ожидали от них услышать.

Говоря с Гешовым об опасности общего политического положения на Востоке и признавая затруднительное положение Болгарии, г. Кидерлен-Вехтер высказал, что Болгария все-таки должна сохранять осторожность и спокойствие. «Vous pouvez rester tranquilles [1], — добавил германский министр иностранных дел, — car vous avez sans contredit l'avenir pour vous» [2]. В том же разговоре Кидерлен-Вехтер определенно выразил, что в Германии совершенно разочаровались в младотурках: «Ils n'ont décidément pas de raison, ils se querellent entre eux et ils n'écoutent pas les conseils de prudence» [3].

В таких же выражениях и еще сильнее выразился о младотурках перед Гешовым император Вильгельм: «Il y en a parmi eux qui devraient être pendus!» [4]. Император в этом разговоре высказал свои опасения, что итальянцы могут занять Митилену и что турки на это ответят новым закрытием Дарданелл, а что подобный шаг грозил бы в настоящую минуту неисчислимыми последствиями.

В разговоре с королем Фердинандом г. Кидерлен-Вехтер вдруг и совершенно ex abrupto спросил короля: «Eh bien, il paraît que vous vous êtes entendus avec les Serbes?»... [5] Король промолчал и перевел разговор на иную тему.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 218. Поверенный в делах в Афинах [6] министру иностранных дел.

·/. Депеша № 19. 20/7 июня 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За эти последние дни пришлось убедиться, что королевское правительство далеко не так безучастно относится, как это казалось на первый взгляд, к сепаратическим стремлениям эгейских островитян. Комитеты, образовавшиеся в разных центрах, заявили путем петиций, обращенных к великим державам, о пожеланиях и надеждах, зародившихся у островитян со дня оккупации островов итальянцами. Содержание этих обращений без сомнения известно вашему высокопревосходительству [7].

Конфиденциальным путем я узнал, что все эти петиции и адреса составлены в здешнем министерстве иностранных дел. В этом учреждении организован особый редакторский отдел, где не только составляются вышеупомянутые обращения, но также деятельно готовятся инструкции для гласных и негласных правительственных агентов, проживающих на захваченных Италией островах. Агентам этим, очевидно, указывается, каким путем поддерживать брожение умов и какой тактики придерживаться.

Отмеченное в донесении моем за № 18 пошатнувшееся положение мини-

---

[1] «Вы можете оставаться спокойными».

[2] «потому что будущее, несомненно, принадлежит вам».

[3] «Они совершенно лишены здравого смысла, они ссорятся между собой и не слушаются советов благоразумия».

[4] «Среди них есть такие, которых следовало бы повесить».

[5] «Итак, оказывается, вы договорились с сербами?».

[6] В тел. от 7 июня/25 мая Свербеев сообщал, что уезжает в отпуск, сдав управление миссией С. Урусову.

[7] «Комитет Союза островов Архипелага» обратился к росс. прав-ву тел. от 4 июня/22 мая с просьбой о покровительстве и оказании поддержки требованиям населения этих островов «в связи с переменами, произошедшими в его положении, вследствие действий Италии в Эгейском море».

стра иностранных дел г. Коромиласа является, мне кажется, последствием именно его неосторожной политики в означенном вопросе. Между ним и председателем совета министров произошла, вероятно, размолвка [1].

Г. Венизелос ясно сознает, что благополучие его родины зиждется на мирном преуспеянии страны, избегая всякого вызывающего шага, способного раздражить восточного соседа. Он неуклонно придерживался этого взгляда и доказал это в трудном инциденте с критскими депутатами. Действия же г. Коромиласа идут вразрез с политикой, усвоенной председателем совета министров, и Венизелос, оставаясь у власти, вряд ли может допустить, чтобы руководитель внешней политики поверг Грецию в опасность, поддерживая в полном их объеме вожделения подвластных Турции эллинов.

По последним сведениям, г. Стрейт не пожелал занять пост министра иностранных дел, и кандидат на эту должность еще не намечен.

Примите и пр.

Князь Урусов.

№ 219. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 408 [2]. 21/8 июня 1912 г.

Копия в Белград.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 521 [3] и донесение Лобачева № 130 [4].

Я поручил вчера Серафимову [5] обратить внимание патриархии на безуспешность преподанных до сих пор императорским посольством советов по делу Дожича и на необходимость положить скорее конец смуте, вызванной его избранием. Патриарх ответил, что с самого начала противился избранию Дожича, признавая право сербов иметь в епархии митрополита-серба. Тем не менее избрание канонически вполне правильно и до совершения Дожичем проступка, либо добровольного отречения отменено быть не может, к тому же патриархия вынуждена настаивать перед Портой на выдаче Дожичу берата ввиду недопустимости вмешательства Порты во внутренние дела церкви, — вмешательства, поощряемого непрестанными обращениями сербского и черногорского представителей за помощью к оттоманскому правительству. По сведениям патриарха, Дожич лично готов был бы не настаивать долее и подать прошение об его увольнении еще до получения от Порты берата, но на него производится давление Черногорией. Ввиду этого патриарх просит повлиять на Черногорию в смысле прекращения ею выступлений в пользу Дожича в патриархии и Порте. Телеграфирую Лобачеву, чтобы он указал на лицо, которое благодаря святости жизни и предыдущей деятельности могло бы быть назначено синодом местоблюстителем в Приштине, в целях удаления оттуда Апостола Поповича и Иосифа Спасича. Полагаю лично весьма желательным и даже неотложным объясниться в Цетинье в желаемом патриархом смысле.

Гирс.

---

[1] Деп. от 18/5 июня за № 18 Урусов сообщал, что «последнее время носятся упорные слухи об уходе министра иностранных дел г. Коромиласа. Он состоит одновременно и министром финансов. Деятельность его в этих двух областях подвергается критике печати и общественного мнения. Он, по всей вероятности, будет назначен посланником в одну из европейских столиц. Заместителем ему прочат г. Стрейта, занимающего в настоящую минуту пост посланника в Вене и считающегося очень даровитым дипломатом».

[2] Маш. копия.

[3] Номер указан ошибочно. Тел. Сазонова за № 521 датирована 23/10 марта и адресована в Токио. Возможно, имеется в виду тел. Сазонова № 1137 от 17/4 июня (см. стр. 176, прим. 3).

[4] См. стр. 111, прим. 4.

[5] Серафимов — секретарь консульства в Алеппо.

№ 220. Министр иностранных дел японскому послу в Петербурге Мотоно.

Письмо № 575. 22/9 июня 1912 г.
Strictement confidentiel.

Monsieur l'Ambassadeur,

J'ai l'honneur de vous informer que je viens d'obtenir l'autorisation de Sa Majesté l'Empereur de conclure au nom du Gouvernement impérial la convention secrète entre la Russie et le Japon, dont le projet a été annexé à la note verbale de l'ambassade du Japon en date du 27/14 mai a. c. [1]

Je prie par conséquent de bien vouloir me faire connaître si Votre Excellence est également autorisé à signer l'acte en question, après quoi il ne resterait que de fixer le jour où nous pourrions nous réunir pour procéder à sa signature.

Veuillez agréer, etc.

[S a z o n o w.]

Перевод.

Строго доверительно.

Господин посол,

Имею честь вам сообщить, что я только что получил разрешение его величества императора на заключение от имени императорского правительства секретной конвенции между Россией и Японией, проект коей был приложен к вербальной ноте японского посольства от 27/14 мая с. г.

Вследствие этого прошу не отказать известить меня, имеет ли также и ваше превосходительство полномочия на подписание этого акта, после чего останется только назначить день, когда мы могли бы встретиться для его подписания.

Примите и пр.

[С а з о н о в.]

№ 221. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 1177 [2]. 22/9 июня 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Меня только что посетил французский посол, с которым мы вместе выработали следующие изменения предложенной Пуанкаре формулы [3]: первый алинеа остается без перемен; второй заменяется словами: «estiment que les Puissances médiatrices, n'ayant en vue que les intérêts généraux de l'Europe et guidées uniquement par l'intérêt supérieur de la paix, devraient se déclarer prêtes à une intervention amicale dont l'objet serait strictement limité aux termes précis du litige qui a motivé le conflit» [4]. Третий алинеа остается без перемен. Французский посол высказал мне надежду, что его правительство признает это видоизменение приемлемым.

С а з о н о в.

№ 222. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1178. 22/9 июня 1912 г.

Телеграмма № 466 получена [5].

Министр финансов считает заявления Куртена о возможности для нашего

---

[1] См. № 86 и стр. 81, прим. 1.

[2] Опубл. L. N., I, p. 284, где датирована 23/10 июня.

[3] См. № 190.

[4] «считают, что державы-посредницы, имея в виду лишь общие интересы Европы и руководясь исключительно высшими интересами мира, должны заявить о своей готовности на дружественное вмешательство, пределы которого будут строго ограничены спором, вызвавшим конфликт».

[5] В тел. от 30/17 мая за № 466 Поклевский высказывал мнение, что сумма в 200 000 томанов открытого в Учетно-ссудном банке специального счета (см. № 81) «слишком

банка выдать аванс плодом недоразумения и настаивает на том, что новая ссуда в размере 100 000 ф. ст. с нашей стороны может быть устроена лишь при посредстве иностранного банка, причем Учетно-ссудный банк должен принять на себя посредничество в этом деле [1]. Остается только обратиться к консорциуму, финансирующему общество по изучению вопроса о Трансперсидской железной дороге, в частности к Парижско-Нидерландскому банку, который раньше уже изъявил принципиальное согласие на выдачу авансов, если заключение будущего крупного займа будет обеспечено консорциуму. Переговоры в Париже будут вестись Русско-Азиатским банком, в Тегеране — Учетно-ссудным. Условия будут предложены те же, что и для нашего аванса, т. е. 7%, обеспечение остатками доходов северных таможен, погашение из займа. Роль нашего банка будет исключительно передаточная, без всякой ответственности перед консорциумом. Способ ведения переговоров и заключения сделки будет выяснен окончательно в начале будущей недели. Для ускорения хода дела необходимо теперь же подготовить почву в Тегеране. Благоволите переговорить в этом смысле с Морнаром.

Сазонов.

№ 223. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 50. 22/9 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной телеграммой от 19/6 сего июня за № 533 [2] я имел честь подробно донести вашему высокопревосходительству о разговоре, который я имел по монгольскому вопросу с новым китайским министром иностранных дел на первом же его дипломатическом приеме.

Как вашему высокопревосходительству известно из моих телеграмм и донесений, с самых первых дней моего приезда в Пекин я убедился в полном нежелании китайцев сообразоваться с нашими требованиями по монгольским делам. Хотя я и был таким образом приготовлен к отрицательному отношению со стороны Лу Чжен-сяна к заявлениям, сделанным [2 апреля] 20 минувшего марта статским советником Щекиным Юань Ши-каю [3], я все же скорее ожидал от него обычного у китайцев уклончивого ответа, рассчитанного на выигрыш времени, и был поражен той категоричностью и уверенностью, с какими министр вполне определенно стал на ту

незначительна, чтобы удовлетворить денежную потребность персидского правительства», вследствие чего выдача совместно с Англией нового аванса в 100 000 ф. ст. представляется необходимой в самом непродолжительном времени. Далее он указывал, что «Учетно-ссудный банк мог бы не только выплатить сейчас из собственных ресурсов сумму в 50 000 ф., но и предоставить персидскому правительству подобную же сумму осенью, если бы в этом оказалась еще надобность».

Тел. от того же числа за № 468 Поклевский сообщал Сазонову, что представленный ему и Тоунлею Морнаром список государственных доходов Персии на сумму в 1 800 000 томанов в год был признан ими недостаточным для обеспечения займа в 6 000 000 ф. ст. Морнару поручено «довести гарантию будущей финансовой операции до 3 000 000 томанов». Морнар, по словам Поклевского, счел возможным выполнить это требование и обещал представить дополнительный список.

Содержание этих тел. было передано Сазоновым Коковцову в письме от 5 июня/23 мая за № 696.

[1] В письме на имя Сазонова от 21/8 июня за № 612 Коковцов подтвердил высказанное им раньше (в письме от 14/1 мая за № 461) мнение о «безусловной невозможности для Учетно-ссудного банка Персии выдавать персидскому правительству из своих средств какие бы то ни было новые авансы». В связи с этим Коковцов считал, что «персидскому правительству для изыскания средств не остается другого выхода, как обращение к иностранным капиталистам».

[2] Содержание тел. Крупенского от 19/6 июня за № 533 в основном изложено в публикуемом документе.

[3] См. т. XIX, № 722.

точку зрения, что никакого ответа на наши заявления от Китая ожидаться не может, хотя китайское правительство естественно и будет иметь в виду при своих переговорах с хутухтой высказанные нами пожелания. Несмотря на всю мягкость его выражений и на свойственную Лу Чжен-сяну вежливость и любезность, сущность его ответа не оставляла никакого сомнения в том, что Китай намерен отклонить всякое наше вмешательство в монгольский вопрос, рассматриваемый им как свое внутреннее дело, подлежащее улажению по непосредственному соглашению пекинского правительства с хутухтой. Подобный решительный и открытый отказ даже в обсуждении заявленных соседней великой державой пожеланий вряд ли был бы возможен со стороны Китая в прежнее время и служит ярким доказательством того, насколько изменился при новом режиме тон китайцев по отношению к иностранцам.

Я тщетно старался убедить Лу Чжен-сяна в невозможности для нас устраниться от участия в решении вопроса, столь затрагивающего наши интересы, как монгольский, и в желательности для самого Китая, в своих собственных выгодах, скорейшего урегулирования положения Монголии, которое возможно только путем соглашения с нами. Мое указание на то, что получение нами необходимой гарантии недопущения на будущее время колонизации Монголии китайцами, восстановления там китайской администрации и ввода туда китайских войск всегда может быть облечено в форму, не обидную для китайского самолюбия, равным образом не имело успеха, и министр продолжал упорно стоять на своем. Лишь после того, как я обратил его внимание на то крайне неблагоприятное впечатление, которое его ответ неминуемо должен произвести в С.-Петербурге, Лу Чжен-сян обещался подвергнуть еще это дело обсуждению в совете министров и сообщить мне о принятом последним решении. При этом, однако, мой собеседник тут же упомянул о затруднениях, создаваемых правительству в подобных вопросах непримиримым националистическим настроением палаты представителей, и вновь повторил, что он решительно не видит, каким образом монгольский вопрос мог бы служить предметом соглашения между Китаем и Россией.

Обещанный Лу Чжен-сяном ответ, вероятно, снова затянется на продолжительное время, и вряд ли можно сомневаться в том, что он будет совершенно для нас неудовлетворительным. Нам нужно быть тем более к этому готовыми, что как состоявшееся недавно отправление китайских войск в Тибет, так и меры, принимаемые китайцами в Кобдинской области, о коих доносят наши консульства в Урге, Шара-Сумэ и Улясутае, служат несомненными признаками начала более активной и более энергичной политики пекинского правительства в смысле обратного подчинения своей власти отложившихся от него окраин. С другой стороны, страх, выказанный, согласно телеграмме коллежского ассесора Хионина от [4 июня] 22 мая с. г. за № 319 [1], улясутайским монгольским правителем при известии о крутых и энергичных мерах китайских властей в Кобдо, наглядно свидетельствует, насколько ясно монголы сознают свое собственное бессилие и как легко будет ввиду этого китайцам заставить их снова совершенно подчиниться китайскому владычеству, если только они не будут уверены в оказании им с нашей стороны немедленной и действительной помощи.

Все вышеизложенное служит, мне кажется, подтверждением неоднократно высказывавшегося уже вашему высокопревосходительству как мною, так и бывшим поверенным в делах мнения, что одними дипломатическими переговорами мы от китайцев в монгольском вопросе ничего не добьемся и что они уступят нашим требованиям лишь если они будут убеждены, что они имеют полное основание опасаться принятия нами, в случае отказа

[1] Указанная тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

с их стороны, самостоятельных и решительных мер для решения монгольского вопроса в желательном для нас смысле. Такого убеждения пекинское правительство в настоящее время несомненно не имеет [1].

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 224. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 176 [2]. 24/11 июня 1912 г.

Cambon m'ayant dit hier qu'il avait communiqué à Grey dernière formule française, ai montré à Grey modification que vous y avez apportée conformément au télégramme N 1177 [3]. Grey accepte cette modification. Dans son opinion il ne serait pas nécessaire de faire de cette formule l'objet d'un échange de notes formel. L'acceptation verbale de formule par les trois Cabinets suffirait. Grey s'est surtout nettement prononcé contre toute publication attendu que divulgation de cet arrangement préalable à trois compromettrait action désirée des cinq Puissances [4].

Benckendorff.

Перевод.

Так как Камбон сказал мне вчера, что он сообщил Грею последнюю французскую формулу, я показал Грею то изменение, которое, согласно телеграмме № 1177, вы в нее внесли. Грей принимает это изменение. По его мнению, нет необходимости делать из этой формулы предмет официального обмена нотами. Словесного принятия формулы тремя кабинетами достаточно. Грей высказался особенно решительно против всякого опубликования, так как разглашение этого предварительного соглашения втроем скомпрометировало бы желаемое выступление пяти держав.

Бенкендорф.

№ 225. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [5]. 24/11 июня 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Ayant eu l'occasion de voir M. Cambon avant-hier soir, l'Ambassadeur de France a bien voulu me remettre le texte de la formule française dont copie ci-joint [6], concernant nos pourparlers avec les Cabinets de Londres et de Paris au sujet de l'éventualité d'une médiation.

M. Cambon ajouta que d'après ses renseignements Votre Excellence avait approuvé cette formule et qu'il en avait prévenu Sir Edward Grey.

Je remerciai mon collègue de France, en ajoutant que pour ma part je n'avais pas encore reçu la nouvelle de votre approbation formelle.

---

[1] В письме от 27/14 июня за № 629 Коковцов, ссылаясь на «тревожное содержание» тел. Крупенского за № 533 (см. стр. 214, прим. 2), высказывался за необходимость «без всякого замедления выяснить наше отношение к тому обороту, который принимают монгольские дела», и просил сообщить взгляд Сазонова на этот вопрос. В ответном письме от 29/16 июня за № 608 Сазонов сообщил Коковцову, что он подготовляет соответствующее представление по вопросу о Халхе, которое «в самом ближайшем будущем» препроводит Коковцову для внесения его на разрешение правительства.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 401, N 637.

[3] См. № 221.

[4] Публикуемая тел. была передана Сазоновым Извольскому 25/12 июня за № 1198.

[5] Частично опубл. Siebert, II, S. 402, N 638 от слов: «Sir Edward, après l'avoir...» до постскриптума.

[6] Приложение не воспроизводится. Текст формулы, сообщенный Камбоном, совпадает с текстом, переданным Извольским в тел. за № 107 (см. № 190), с исключением из него фразы, касающейся «протокола о бескорыстии». Формула Камбона была передана Бенкендорфом Сазонову в тел. от 26/13 июня за № 181 (опубл. Siebert, II, S. 403, N 640).

Hier matin j'ai eu l'honneur de recevoir le télégramme de Votre Excellence sub N 1177 [1].

Je crus devoir me rendre aussitôt chez Sir Edward Grey et lui en communiquer le contenu. En comparant le texte français, remis par M. Cambon au Ministre et à moi, avec la modification suggérée dans le télégramme précité, Sir Edward et moi sommes partis du point de vue que la rédaction admise par le Cabinet impérial était celle que je joins en copie [2].

Sir Edward, après l'avoir examinée, me dit séance tenante qu'il n'y voyait pas d'objections, en ajoutant seulement que dans la phrase «estiment que les Puissances, n'ayant en vue que, etc.» il entend qu'il s'agit de cinq Puissances. Je lui dis que je comprenais le sens comme lui.

Le Ministre me dit alors que si les trois Cabinets s'entendaient sur cette formule, leur acceptation dans son opinion suffisait et qu'un échange de notes à ce sujet lui paraissait superflu.

Sir Edward ajouta qu'il lui paraissait surtout important que toute publication de l'accord intervenu entre les trois Puissances soit exclue [3]. Il dit que notre intérêt commun était que l'action éventuelle devait être l'action des cinq Puissances; que tel était le but que nous poursuivions; que dans ces conditions une divulgation intempestive de cet accord à trois opposerait dès le début un groupe de Puissances à l'autre, ce qui mènerait au résultat opposé à celui que nous visions.

Je répondis à titre d'opinion personnelle que je pensais que Votre Excellence partagerait cette manière de voir.

Je pense qu'en écartant la forme d'un échange de notes Sir Edward est surtout guidé par la même pensée des notes officielles, créant toujours en Angleterre la difficulté des blue books.

Au cours de l'entretien, Sir Edward Grey est revenu sur la clause française d'un protocole de désintéressement. Il m'a dit qu'il avait cru devoir s'y opposer; que nous avions une déclaration anglaise au sujet de la question des Détroits [4], cette formule parlant pour l'avenir, quand les circonstances seraient autres qu'elles n'étaient alors. Sir Edward ajouta que les conditions sont autres aujourd'hui; que par conséquent il n'avait pas voulu s'associer à une formule qui nous aurait lié; qu'il ne voulait pas exprimer un désir que la Russie soulève cette question; qu'il n'entendait pas nous y engager, mais qu'il ne voulait pas non plus y mettre obstacle pour le cas où nous désirions le faire.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

P. S. Cette lettre était écrite quand je reçus les télégrammes de Votre Excellence en date du 25/12 et 26/13 juin NN 1197 et 1206 [5]. Elle n'a plus par conséquent qu'un intérêt tout rétrospectif. J'ai cru observer au cours de mes entretiens avec Sir Edward Grey que le Ministre anglais ne s'est jamais bien rendu compte de la nécessité d'une formule aussi élaborée pour un accord qu'il considérait comme existant déjà. C'est le point se rapportant à l'idée française d'un protocole de désintéressement qui seul l'a préoccupé sérieusement — dans un sens purement négatif.

Ut in litteris

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Так как я имел случай повидаться с г. Камбоном третьего дня вечером, французский посол соблаговолил передать мне текст французской формулы, копию кото-

[1] См. № 221.
[2] Приложение не воспроизводится.
[3] Слова: «Le Ministre me dit... soit exclue» у Siebert'a опущены.
[4] См. № 167 и стр. 160, прим. 1.
[5] См. №№ 227 и 235.

рой прилагаю, относительно наших переговоров с лондонским и парижским кабинетами по вопросу о возможной медиации.

Г. Камбон добавил, что, по его сведениям, ваше высокопревосходительство одобрили эту формулу и что он сообщил об этом сэру Эдуарду Грею.

Я поблагодарил своего французского коллегу, добавив, что со своей стороны я еще не получил сообщения о вашем формальном согласии.

Вчера утром я имел честь получить телеграмму вашего высокопревосходительства за № 1177.

Я счел нужным немедленно отправиться к сэру Эдуарду Грею и сообщить ему ее содержание. Сравнивая французский текст, переданный г. Камбоном министру и мне, с изменениями, предложенными в вышеупомянутой телеграмме, сэр Эдуард и я исходили из той точки зрения, что одобренная императорским кабинетом редакция та, которую я в копии прилагаю.

Сэр Эдуард, рассмотрев ее, сразу же сказал мне, что не видит против нее возражений, добавив только, что фразу: «считают, что державы, имея в виду лишь и т. д.», он понимает так, что дело идет о пяти державах. Я сказал ему, что понимаю ее смысл так же, как и он.

Министр сказал мне тогда, что если три кабинета сойдутся на этой формуле, то, по его мнению, их согласия достаточно и что обмен нотами по этому поводу кажется ему излишним.

Сэр Эдуард добавил, что ему в особенности кажется важным, чтобы было исключено всякое обнародование состоявшегося между тремя державами соглашения. Он сказал, что в наших общих интересах, чтобы эвентуальное выступление было бы выступлением пяти держав, что такова цель, которую мы преследуем; что при этих условиях несвоевременное разглашение этого соглашения втроем противопоставило бы с самого начала одну группу держав другой, что́ привело бы к результату, прямо противоположному тому, которого мы добиваемся.

Я ответил, в качестве личного мнения, что я думаю, ваше высокопревосходительство разделит этот взгляд.

Я полагаю, что, отстраняя форму обмена нотами, сэр Эдуард, главным образом, руководствуется все той же мыслью об официальных нотах, всегда создающих в Англии затруднение с «синими книгами».

В течение разговора сэр Эдуард Грей вернулся к французской формуле протокола о бескорыстии. Он сказал мне, что счел нужным возражать против нее; что мы имеем английскую декларацию по вопросу о Проливах, но та формула применима в будущем, когда обстоятельства будут иные, чем были в тот момент. Сэр Эдуард добавил, что сегодня обстоятельства уже иные; вследствие этого он не хотел согласиться на формулу, которая нас связала бы; что он не хочет выражать пожелание, чтобы Россия подняла этот вопрос; что он не намерен нам это предлагать, но что он также не будет чинить нам препятствий в том случае, если бы мы пожелали это сделать.

Примите и пр.

Бенкендорф.

P. S. Это письмо было уже написано, когда я получил телеграммы вашего высокопревосходительства от 25/12 и 26/13 июня №№ 1197 и 1206. Оно имеет, следовательно, лишь ретроспективный интерес. Я заметил в течение моих разговоров с сэром Эдуардом Греем, что английский министр никогда хорошо не отдавал себе отчета в необходимости столь сложной формулы для соглашения, которое он уже считал существующим. Только пункт, касающийся французской идеи протокола о бескорыстии серьезно интересовал его, — в чисто отрицательном смысле.

Бенкендорф.

№ 226. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 24/11 июня 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Около двух недель тому назад в Константинополь прибыл из Италии новый доброволец мира Comm. Volpi, богатый промышленник из Венецианской области, имеющий крупные дела в Турции и ближайший друг Джиолитти [1]. Я не буду утомлять внимания вашего высокопревосходитель-

[1] В шифрованном письме от 27/14 июня за № 64 Неклюдов сообщал полученные им из сербского источника сведения о поездке Вольпи в К-поль. «Недавно итальянский министр иностранных дел просил сербского министра иностранных дел выдать Вольпи сербский дипломатический паспорт для поездки его по торговым делам в Константинополь и поддержать его также через сербскую миссию. Проездом через Белград

ства перечислением подробностей, предшествовавших его приезду в оттоманскую столицу, и ограничусь указанием, что это был личный почин г. Вольпи, но что таковой был встречен одинаково сочувственно как итальянским, так и турецким правительствами. Г. Вольпи посетил Махмуд-Шевкет-пашу, два раза Ассим-бея, Джахид-бея и некоторых других влиятельных здесь лиц. Он был удивлен, как он доверительно сообщил советнику посольства К. Н. Гулькевичу [1], внимательным, предупредительным приемом, оказанным ему турецкими политическими деятелями, но, пламенно желая успеха предпринятого им дела, быть может, несколько оптимистически оценил местные условия и обстановку. Махмуд-Шевкет-паша, будто бы, сказал ему: «Найдите мне сколько-нибудь возможную формулу для заключения мира, и я заставлю принять ее здесь, хотя бы мне это стоило жизни». Но результаты, которых ему до сих пор удалось добиться, едва ли соответствуют его надеждам.

Как мне сообщил посетивший меня на-днях г. Ревуаль, он наметил, совместно с г. Вольпи и по просьбе последнего, основы для выхода из нынешнего безнадежного для обеих воюющих сторон положения. Г. Ревуаль высказал г. Вольпи мнение, что с возвращением Турции занятых Италией островов должно быть установлено перемирие. Утверждение затем в Ливии режима, который сочетал бы одновременно вожделения Турции с положением, могущим удовлетворить Италию, явилось бы предметом возобновленных прямых дипломатических между Италией и Турцией сношений. Последняя должна была бы обязаться способствовать сближению туземного населения с покорителями и взамен подобной услуги всеобщему миру приобрела бы от европейских государств полную внутреннюю финансовую независимость.

Таковы вкратце основы соглашения, которое должно было бы явиться плодом взаимной усталости.

Между тем уже на другой день после отъезда г. Вольпи Ассим-бей на еженедельном своем приеме сказал мне, что положение Турции после дела близ Занзуре прекрасно и что положение Италии, напротив, весьма печально. Ввиду того что европейская печать отметила битву при Занзуре как крупную итальянскую победу [2], я счел слова Ассим-бея за обычное турецкое бахвальство и не придал им особого значения.

Однако несколько дней спустя Махмуд-Шевкет-паша, бывший столь откровенным с г. Вольпи, передал одному из моих коллег, что ныне он вполне спокоен за исход войны, благо Турции удалось, будто бы, заручиться обещанием Великобритании, что занятые Италией острова будут в свое время возвращены Турции. На вопрос своего собеседника, были ли заверения даны официально, военный министр ответил, что таковые последуют вслед за разрешением стоящих на очереди некоторых мелких вопросов.

Третьего дня К. Н. Гулькевичу удалось получить из вполне доверительного итальянского источника, осведомленность коего не подлежит малейшему сомнению, следующие сведения, которыми решаюсь поделиться с вашим высокопревосходительством для *личного* вашего сведения, почтительнейше прося вас хранить их в тайне. Г. Вольпи уехал отсюда с обещанием Порты прислать для доверительных, предварительных переговоров в Вену трех уполномоченных (2 депутатов оттоманской палаты депутатов и генерального секретаря комитета «Единение и Прогресс»), выбор коих

Вольпи не скрыл от сербского министра иностранных дел, что имеет и дипломатическое поручение к турецкому министру иностранных дел. Сербы узнали затем, что Вольпи три раза виделся с Ассимом. Последний будто бы подал мысль, что Турция могла бы собственной инициативой даровать автономию Триполису, дабы этим облегчить непосредственные переговоры о мире».

[1] В январе 1912 г. 1-й секретарь росс. пос-ва в Риме Гулькевич был назначен советником росс. пос-ва в К-поле.

[2] См. № 197.

был одобрен итальянским правительством. Эти лица должны были встретиться в австрийской столице с тремя итальянцами. Основы соглашения, которые увез г. Вольпи, столь неблагоприятны для Италии (1. автономия Ливии, 2. генерал-губернатор из кандидатов, предложенных Портой, 3. милиция из туземцев под начальством турецких и итальянских офицеров, 4. специальный флаг для Ливии, 5. вопрос о войсках, сражающихся в Ливии, остается открытым), что могут лишь свидетельствовать о твердом убеждении г. Вольпи в необходимости и выгоде установления непосредственных сношений между представителями обоих народов и что опытности г. Фузинато, намеченному главному итальянскому уполномоченному, удастся обратить на пользу Италии самые невыгодные и обидные для нее условия.

Если действительно турецкие члены проектируемой комиссии отправятся в Вену, то я не премину известить о том ваше высокопревосходительство по телеграфу.

Ввиду крайне доверительного источника, из которого почерпнуты эти сведения (г. Гарбассо) [1], я усиленно просил бы вас не пользоваться ими в объяснениях ваших с итальянским представителем при высочайшем дворе.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 227. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1197 [2]. 25/12 июня 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Посредничество.

Получил телеграмму № 118 [3].

Я сказал вчера французскому послу, что, согласно желанию Пуанкаре, я вполне готов остановиться на прежней формуле с исключением из нее лишь фразы об акте бескорыстия. Таким образом согласие на этот счет России, Англии и Франции может считаться достигнутым. Что касается дальнейшего, то мы совершенно разделяем мнение Грея, изложенное в телеграмме Бенкендорфа № 176 [4], о достаточности устных заявлений в этом случае и о безусловной нежелательности оглашения состоявшегося уговора [5]. Сазонов.

№ 228. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

№ 25530 [6]. 25/12 июня 1912 г.

As the Russian Government are no doubt aware the situation in Thibet has recently given cause for considerable anxiety. The Amban and some 1 000

[1] Гарбассо—советник итал. пос-ва, остававшийся в К-поле и после начала итало-турецкой войны.

[2] Опубл. Stieve, II, S. 167, N 353.

[3] В тел. от 24/11 июня за № 118 (опубл. М., стр. 218) Извольский, ссылаясь на получение тел. № 1177 (см. № 221), сообщал: «Пуанкаре не имеет возражений против выработанных вами совместно с Луи изменений и, если вы на них настаиваете, готов их принять; но так как он уже предложил лондонскому кабинету прежнюю формулу с исключением из нее лишь фразы об акте бескорыстия, он предпочитает остаться при этой редакции».

[4] См. № 224.

[5] В ответ на эту тел. Извольский телеграфировал 26/13 июня за № 120 (опубл. М., стр. 219), что Пуанкаре выразил ему «живейшее удовлетворение по поводу установления согласия между Россией, Францией и Англией» и что он не имеет в виду настаивать на опубликовании формулы. Тел. от 26/13 июня за № 182 (опубл. Siebert, II, S. 404, N 641) Бенкендорф сообщил, что Грей также считает достигнутым соглашение между Россией, Англией и Францией и что он очень рад, что Сазонов согласился с ним относительно нежелательности оглашения состоявшегося уговора.

[6] Маш. копия. Публикуемый меморандум был препровожден Бенкендорфом в м-во ин. дел при письме от 2 июля/19 июня в дополнение к тел. от 26/13 июня за № 179, в которой было изложено его содержание.

Chinese troops are besieged by the Thibetans in Lhassa and are reported to be in such straits for food and ammunition that their annihilation or surrender appears imminent.

Small bodies of Chinese troops in other parts of Thibet have already surrendered and have been allowed to return to China via India, and the Thibetans appear to have regained control of practically the whole country. Both the Chinese and Thibetan authorities at Lhassa have appealed to the Government of India to send an officer to Lhassa to arrange for the surrender of the Chinese troops there and for their safe conduct to India. His Majesty's Government have so far not acceeded to this request though a native policeman in the service of the Indian Government is in Thibet, but His Majesty's Government have not yet sanctioned his going to Lhassa.

The Dalai Lama proposes to leave India [1] on his return to Lhassa on the 24-th instant, and His Majesty's Government have authorized the Government of India to communicate to him the following message of advice and farewell:

«The Government of India wish the Dalai Lama a safe and prosperous journey, and hope that he has found his stay in India comfortable. Desire of the Government is to see the internal autonomy of Thibet under Chinese suzerainty maintained without Chinese interference so long as Treaty obligations are duly performed and cordial relations preserved between Thibet and India. They look to the Dalai Lama to do his best to secure the objects. The first essential is that there should be a cessation of internal discord and a restoration of order» [2].

Перевод.

Как российскому правительству несомненно известно, положение в Тибете за последнее время дает повод к серьезному беспокойству. Амбань и около 1 000 китайских солдат осаждены тибетцами в Лхассе и, по имеющимся сведениям, терпят такую нужду в продовольствии и боеприпасах, что их гибель либо сдача кажутся неизбежными.

Небольшие отряды китайских войск в других частях Тибета уже сдались и получили разрешение вернуться в Китай через Индию, и тибетцы, повидимому, вновь взяли в свои руки фактическое управление всей страной. Как китайские, так и тибетские власти в Лхассе обратились к индийскому правительству с просьбой командировать в Лхассу офицера, который провел бы переговоры о сдаче китайских войск и обеспечил их благополучное следование в Индию. Правительство его величества до сих пор не согласилось на это требование, и хотя в Тибете находится туземец-полицейский, состоящий на службе индийского правительства, однако, правительство его величества пока не разрешило ему направиться в Лхассу.

Далай-лама намеревается покинуть Индию для того, чтобы вернуться в Лхассу 24 тек. мес., и правительство его величества уполномочило правительство Индии передать ему следующее послание к руководству и в напутствие:

«Правительство Индии желает далай-ламе благополучного и успешного путешествия и выражает надежду, что он чувствовал себя в Индии хорошо. Желание правительства — видеть сохраненной внутреннюю автономию Тибета под сюзеренитетом Китая, без китайского вмешательства во внутренние дела, пока договорные обязательства должным образом выполняются и сохраняются сердечные отношения между Тибетом и Индией. Оно надеется, что далай-лама сделает все возможное для достижения этой цели. Самым существенным является прекращение внутренних неурядиц и восстановление порядка».

№ 229. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо. 25/12 июня 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Au cours de notre entretien d'hier, Sir Edward Grey revint sur l'emprunt chinois.

[1] См. т. XIX, № 544.

[2] В дёп. от 14/1 июня за № 20 Набоков между прочим писал Сазонову: «Хотя я не имею на то прямых указаний, но мне представляется очевидным, что агенты

Il m'exprima sa vive satisfaction de l'accord survenu à Paris entre les six groupes [1] et me retraça tous les inconvénients qu'aurait eu une rupture des négociations qui aurait laissé tout Gouvernement chinois libre d'emprunter telle somme qu'il aurait voulu — un état de choses qui aurait pu devenir un danger commun et qui d'un autre côté aurait augmenté très probablement l'anarchie en Chine.

Il m'a dit avoir été guidé tout au long des négociations par cette considération politique.

Sir Edward ajouta alors, que selon lui il était urgent au moment actuel de veiller à l'activité du syndicat, peut-être de modérer l'entraînement des banques.

Il croit que pour le moment toute avance nouvelle devrait avoir pour but uniquement les nécessités administratives pour le rétablissement de l'ordre. Toute avance plus considérable, pour des réformes en général et des plans de réorganisation, devrait être remise jusqu'à l'établissement en Chine d'un pouvoir central sérieux et incontesté; sans quoi les sommes seraient gaspillées et causeraient plus de dommages qu'elles ne seraient utiles; qu'en outre les avances prochaines devraient être stipulées de manière à en établir clairement le but et à en assurer le contrôle.

Je répondis à Sir Edward que je pensais que les idées qu'il venait de formuler rencontreraient l'approbation de Votre Excellence [2].

En terminant cet entretien Sir Edward rédigea séance tenante au crayon la notice ci-jointe en copie [3].

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Во время нашей вчерашней беседы сэр Эдуард Грей вернулся к [вопросу о] китайском займе.

Он выразил мне свое удовлетворение по поводу достигнутого в Париже между шестью группами соглашения и вновь обрисовал все отрицательные последствия, которые имел бы разрыв переговоров, в результате чего любое китайское правительство получило бы возможность заключать займы на ту сумму, какая ему желательна, — положение, которое могло бы стать опасным для всех и, с другой стороны, повело бы, весьма вероятно, к усилению анархии в Китае.

Он сказал мне, что во все время переговоров он руководился этими соображениями политического характера.

Сэр Эдуард добавил, что, по его мнению, в настоящее время крайне необходимо наблюдать за деятельностью синдиката, и быть может, умерять излишнее увлечение банков.

Он полагает, что в настоящий момент каждый новый аванс должен иметь целью исключительно административные нужды для восстановления порядка. Авансы более крупные, предназначенные на общие реформы и планы реорганизации, должны быть отложены до установления в Китае прочной и всеми признаваемой центральной власти; иначе деньги будут растрачены и принесут больше вреда, чем пользы; кроме того будущие авансы должны выдаваться таким образом, чтобы назначение их было точно указано и над расходованием их был установлен контроль.

здешнего правительства будут строго следить за тем, что предпримет далай-лама, и не слишком будут поощрять его движение из Гьянг-тце... в те запретные монастыри Лхассы, где им значительно труднее будет осуществлять надзор за ним».

[1] См. № 208.

[2] В тел. от 27/14 июня (без номера) Сазонов в ответ на тел. Бенкендорфа от 24/11 июня за № 177, содержание которой исчерпывается публикуемым документом, просил передать Грею, что он полностью разделяет мнение последнего по вопросу о расходовании китайского займа и считает, что «на первых порах деньги должны итти исключительно на восстановление порядка, разумея под этим упрочение нормального положения в собственно Китае, без чего всякие предприятия на окраинах поведут лишь к бо́льшей смуте».

[3] Приложенная к письму копия записки Грея гласит: «Первые авансы должны иметь целью восстановление порядка; не следует выдавать авансов, не необходимых для этой цели и не способных достигнуть ее, до тех пор пока не будет восстановлена власть центрального правительства».

Я ответил сэру Эдуарду, что, по моему мнению, высказанные им взгляды встретят одобрение вашего высокопревосходительства.

Заканчивая эту беседу, сэр Эдуард тут же набросал карандашом прилагаемую в копии записку.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 230. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

*/. Депеша № 21. 25/12 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В донесении моем от [13 июня] 31 мая с. г. за № 16 [1] я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что комитет, основавшийся в Афинах с целью отстоять права островитян Эгейского архипелага, собирался доставить здешним представителям великих держав памятную записку о привилегиях, которыми раньше пользовались эгейские островитяне. Меморандум этот был мне сегодня доставлен, и я спешу препроводить его у сего вместе с первым, более кратким подобным же документом, который был раньше доставлен в императорскую миссию [2]. О том, что означенная памятная записка была, по всей вероятности, составлена в здешнем министерстве иностранных дел, я также упоминал [3]. В настоящее время королевское правительство очутилось в довольно неловком положении вследствие разоблачений местной прессы о событиях, происшедших на днях на острове Патмосе. Как оказывается, делегаты островов Архипелага, по одному от каждого, собрались на этом острове на конференцию. Согласно принятой на ней резолюции, решено было выразить Италии благодарность за освобождение из-под турецкого ига, пожелание присоединения островов к Греции и, наконец, провозглашена была автономия островов под наименованием «Etat de l'Archipel», коему присвоен синий флаг с белым крестом. По уверению газет, на конференции присутствовал греческий вице-консул в Родосе г. Лиотис и командированный от министерства иностранных дел г. Лаврас. Совещание делегатов продолжалось два дня. Они отслужили молебен с освящением нового флага. Военные местные власти, узнав о происходившем, доложили обо всем итальянскому главнокомандующему генералу Амелио, который велел арестовать всех участников конференции, кроме двух вышепоименованных, Лиотиса и Лавраса, и отвезти их на миноносце на остров Родос. Любопытно то, что г.г. Лиотис и Лаврас не выказали в этом случае гражданского мужества и предпочли предъявить документы свои о принадлежности к греческому министерству иностранных дел, чем несомненно подвели в некоторой степени главу этого учреждения. Самим г. Лиотисом была редактирована и прочитана резолюция, провозглашавшая автономию, причем он наименовал себя «дипломатическим агентом» новой конфедерации. Однако эти опровержения мало кого могут разубедить в причастности королевского правительства к вышеизложенным событиям. Ответственность г. Коромиласа слишком затронута, чтобы не вызвать с его стороны попытки опровергнуть факт участия его эмиссаров в подстрекательстве островитян. Не далее как сегодня мне удалось доверительным образом проверить правдоподобность некоторых из вышеприведенных происшествий и полюбоваться образчиком почтовых марок новой конфедерации.

Несмотря на то, что меморандум обращен к итальянскому посланнику и что в нем островитяне уповают на Италию, от внимания вашего высокопревосходительства, может быть, не ускользнуло, что временное занятие

[1] Содержание указанного донесения в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Приложения не воспроизводятся.

[3] См. № 218.

островов итальянцами породило чувства, не вполне соответствующие трогательным выражениям приложенного у сего меморандума. Просматривая итальянские газеты, пришлось удостовериться, что Италия вовсе не желает, чтобы Греция противопоставляла свои интересы таковым же Италии. Мне поэтому кажется, что стремление многих островитян должно клониться к получению автономии под временным сюзеренитетом Турции. Судьба последней очень гадательна; учитывая будущие события,— выльются ли они в виде конференции или генеральной ликвидации — островитяне могут надеяться на полную автономию. Подпадая же под владычество Италии, они имеют повод бояться окончательного присоединения к этому королевству, что вовсе не соответствовало бы их заветным желаниям.

Примите и пр.

Князь У р у с о в.

№ 231. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 590 [1]. 26/13 июня 1912 г.

Имев возможность шаг за шагом следить за ходом переговоров о вступлении России в консорциум по выпуску китайского реорганизационного займа и принимать деятельное в них участие, ваше превосходительство хорошо знаете наши последовательные попытки как можно вернее оградить себя от возможности несоответствующего видам русской политики расходования крупных сумм, имеющих поступать в силу займа в распоряжение китайского правительства. Эти старания наши не могли не столкнуться частью с довольно ясно выраженным сопротивлением нашим намерениям одной группы держав, частью же со стремлением банков прежде всего обеспечить себе возможную свободу финансовых операций для получения денежных выгод, не считаясь с политическими соображениями. Даже дружественно расположенные к нам Франция и Англия не оказались достаточно сильными, чтобы побороть сплоченное противодействие нам банков. Что касается Японии, интересы которой в этом вопросе вполне совпадали с русскими и которая обещала действовать с нами заодно, то на самом деле быстрым отступлением от первоначально выставленных требований она немало затруднила нам успех; так например, решив пойти на уступки, она сообщила о готовности присоединиться к большинству Консорциума, не дождавшись даже заседания конференции. Такой ее образ действий объясняется, впрочем, не какими-либо политическими причинами, а всецело, повидимому, обусловлен стесненным финансовым положением и зависимостью от заграничных денежных рынков.

Как бы то ни было, совокупность указанных обстоятельств привела к тому, что единственная вполне ограждавшая нас формула — принцип принятия Консорциумом всех решений о выдаче ссуд не иначе как единогласно — не могла быть проведена на конференции. Перед правительством вследствие этого встал вопрос — согласиться ли на уступку и войти в состав Консорциума, или же остаться в стороне от других держав и самостоятельно охранять свои интересы. Взвесив все выгодные и невыгодные стороны обоих решений, мы остановились на первом из них. Действительно, даже лишенный указанной формулы текст контракта, с сопровождающим его протоколом, заключает в себе некоторые пункты, которые можно использовать для нашей цели: к таковым относятся пожелание, чтобы решения Консорциума принимались единодушно, и оговорка наша о специальных интересах России в Застенном Китае. Пункты эти, правда, не носят обязательного для других участников характера, но отрицать за ними всякое значение едва ли было бы справедливо. Самое главное, однако, что за нами обеспечена полная возможность, в случае если деятельность Консорциума примет

[1] Лит. копия. Опубл. М., стр. 566 без указания номера.

несоответствующее нашим взглядам направление, в любой момент отказаться от дальнейшего участия. Таким образом мы, оставляя за собой право всегда занять то положение, в котором находились бы, если бы не примкнули теперь к Консорциуму, можем попытаться охранить свои права в Китае путем сотрудничества с названной финансовой организацией. Рассчитывать же, что наше уклонение от совместной деятельности с пятью державами повело бы к распадению всего предприятия, нам не было оснований, ибо переговоры Верстрата выяснили, что французские банки за нами по этому пути не последуют. Нельзя также терять из виду, что полное одиночество наше, после присоединения японцев к Консорциуму, создавало бы нам значительные затруднения при отстаивании русских интересов перед Китаем, который, конечно, учел бы свое благоприятное положение. С другой стороны, в очень многих вопросах общего значения весьма полезно поддерживать солидарность с державами, и расшатывать этот принцип было бы для нас самих невыгодно. Но само собой разумеется, необходимо предвидеть и такое положение, когда деятельность Консорциума может нас вынудить к разрыву с ним. На этот случай мы располагаем, как я сообщил вам в телеграмме от [17] 4 июня с. г. № 1127 [1], различными средствами воздействия и, в зависимости от важности наших попранных интересов, можем итти и дальше этого.

Вполне, однако, понятно, что такой оборот дела сам по себе для нас весьма нежелателен, таит в себе зародыш непредвиденных осложнений и одинаково невыгоден как для нас, так и для держав. В общих интересах, следовательно, предупредить его наступление, и в этом отношении мы прежде всего рассчитываем на дружеское нам французское правительство. Одним из главных побуждений оставаться в Консорциуме, несмотря на указанные выше пробелы финансового соглашения, было основанное на общем духе наших отношений к Франции и на специальных заверениях ее правительства убеждение, что в среде Консорциума во всех вопросах, имеющих для нас жизненное значение, голос ее представителей будет на нашей стороне и что она будет также оказывать зависящее от нее влияние на лондонский кабинет. В известном вам письме моем от [6 апреля] 24 марта на имя г. Луи [2] закреплены заявления французского правительства, которые обеспечивают нам ее поддержку: Франция признала наличность наших специальных интересов в Северной Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане и высказалась против снабжения Китая средствами для организации военных сил в размерах, способных угрожать России или Франции.

Мы отдаем себе отчет в тех затруднениях, которые союзное правительство может при этом встретить со стороны французских банков, но едва ли реальные интересы последних действительно способны пострадать от правительственного контроля за назначением расходов. Нужда Китая в деньгах на различные потребности, удовлетворение которых не угрожает ничьим интересам, настолько велика, что, конечно, без остатка может поглотить всю шестисотмиллионную сумму займа, так что банки никакого ущерба понести не могут. Но, конечно, надо ожидать, что китайское правительство, по собственной ли инициативе, или следуя чужим внушениям, будет выступать с требованиями об отпуске денег для целей, которые не будут пользоваться нашим сочувствием. Предполагая, что на нашей стороне, кроме Франции, будет Англия, а также Япония, интересы которой в этом вопросе аналогичны нашим, мы располагали бы в Консорциуме таким внушительным большинством, которое вполне обеспечивало бы желательное направление в расходовании займа, ибо названная группа сумела бы предупредить установление такого порядка, при котором отклоненные ею ассигнования выпускались бы

[1] См. № 187.
[2] См. т. XIX, ч. II, стр. 379, прим. 6.

за счет доли, принадлежащей остальным участникам, и Китай, таким образом, свободно проводил бы свои планы, опираясь то на ту, то на другую группу.

Очевидно, что, пользуясь поддержкой Франции, мы в свою очередь с полной готовностью пойдем навстречу пожеланиям в этом вопросе нашей союзницы. Взаимное содействие желательно распространить и на связанные с займом вопросы, как-то: установление контроля, гарантии и т. п. Для обеспечения согласованности действия следовало бы установить как неизменное правило, чтобы державы Тройственного соглашения, предварительно принятия решения, вступали между собой в обмен мнений, например через своих представителей в Пекине; последние при разногласиях между собой или в случаях возникновения важных вопросов испрашивали бы указаний своих правительств. Россия сохраняет за собой при этом право в делах, в которых она заинтересована наравне с Японией, действовать также по соглашению с этим государством.

Передавая вышеизложенное вашему превосходительству, покорнейше прошу вас поделиться развитыми мною соображениями, намечающими в общих чертах нашу дальнейшую программу деятельности в вопросе реорганизационного займа, с французским министром иностранных дел и уведомить, как отнесется он к вашему сообщению [1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 232. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 591 [2]. 26/13 июня 1912 г.

Считаю долгом препроводить при сем к вашему сиятельству копию письма моего на имя российского посла в Париже от [26] 13 сего июня за № 590 [3], заключающего некоторые соображения о способах обеспечения наших интересов в Шестерном консорциуме по выпуску реорганизационного займа.

Я просил бы вас воспользоваться теми из приведенных в письме доводов, которые могли бы склонить лондонский кабинет к более деятельной поддержке наших интересов в Консорциуме для сообщения их английскому министру иностранных дел. Хотя великобританское правительство проявляло менее решительную готовность оказывать нам содействие, чем французское, и даже на заявления наши о наличности специальных прав и интересов России в Застенном Китае неизменно подчеркивало свое понимание этих прав и интересов лишь как вытекающих из договоров наших с Китаем, однако из всего хода объяснений ваших с англичанами, предшествовавших выработке контракта о займе, можно заключить, что благожелательная поддержка Англии в Консорциуме нам обещана; в особенности это вытекает из содержания памятной записки лондонского кабинета от [27]14 марта [4], где указывается, что России в Консорциуме легче будет препятствовать обращению сумм от займа на предприятия, вредящие ее специальным интересам в областях к северу от Великой Стены. Что великобританское правительство пошло в последнее время еще дальше в признании наших особенных прав в Северном Китае, видно из недавнего ответа сэра Э. Грея на запрос в палате общин, о чем вы сообщили телеграммой [12 июня] 30 мая

[1] В тел. от 8 июля/25 июня за № 125 (опубл. М., стр. 568) Извольский сообщил, что он передал содержание этого письма Пуанкаре в форме памятной записки от 3 июля/20 июня (опубл. Doc. Dipl. 3-me série, t. III, N 164, p. 202), на которую Пуанкаре ответил пам. запиской (см. № 269).

[2] Лит. копия. Опубл. М., стр. 562.

[3] См. № 231.

[4] Принятой нами к сведению моим письмом [6 апреля] 24 марта на имя английского посла. [Прим. оригинала.] (См. т. XIX, ч. II, стр. 380, прим. 3.)

№ 161 [1]. Но помимо того, по общему духу наших взаимоотношений с Англией мы вправе рассчитывать на ее содействие в вопросах, представляющих для нас важное политическое значение, поскольку они не идут вразрез с английскими интересами, и сами готовы на тех же основаниях действовать по отношению к Англии. В деле же финансирования Китая едва ли можно ожидать какого-либо непримиримого столкновения между обоюдными притязаниями.

Вы найдете, может быть, полезным, усмотрев из письма моего гофмейстеру Извольскому наше намерение оказать на лондонский кабинет влияние в желательном нам направлении через посредство французского правительства, привлечь к объяснениям и вашего французского сотоварища.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 233. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 421. 26/13 июня 1912 г.

По заслуживающим доверие сведениям, во вчерашнем заседании комитета «Единение и Прогресс» были доложены телеграммы, полученные от посланных в Албанию членов комитета. Движение, повидимому, разрастается, приобретая общеполитический оттенок. Албанские офицеры в Солуни и Монастыре, к коим присоединились некоторые турецкие офицеры, нотабли в Дьякове и Ипеке, предъявляют требование об удалении от власти кабинета, роспуске неправильно выбранного парламента, отставке правительства и прочее. Албанский национальный вопрос как бы отступил в их требованиях с первого плана. Правительство озабочено политическим характером движения, подозревая происки оппозиционных партий, тем более, что среди офицеров константинопольского гарнизона проявляются признаки сочувствия албанским товарищам [2]. Вчера же вечером отбыли в Монастырь генеральный секретарь комитета Эйюб с 5 офицерами. Ввиду сходства наступающих событий с теми, которые в 1908 г. зародились в Монастыре, поручаю консулам строго следить за происходящим и доносить посольству [3].

[Гирс.

№ 234. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1205. 27/14 июня 1912 г.

Сообщается в Константинополь и Тегеран.

Ссылаюсь на сообщенную вам в литографии телеграмму мою Свечину от [14] 1 апреля за № 674 [4].

Ввиду уклонения персидских делегатов от признания русско-английской

---

[1] См. № 170.

[2] В тел. от 28/15 июня за № 427 М. Гирс сообщил, что «политическое положение обсстряется. Недовольство комитетом растет, и лишь война с Италией служит некоторым тормозом к более резкому выступлению военных кругов».

[3] Донесением от 1 июля/18 июня за № 221 консул в Ускюбе Калмыков сообщал М. Гирсу (копия в м-во ин. дел), что по словам одного из видных албанцев, стоящая во главе движения партия Гассан-бея отказывается на данное время от идеи алб. автономии и «борется за конституцию, то есть восстановление политической свободы, нарушенной младотурками». «Таким образом, — писал Калмыков, — албанская революция принимает характер турецкой революции».

[4] В тел. от 14/1 апр. за № 674 Сазонов сообщал поверенному в делах в Константинополе Свечину (копия в Тегеран), что англ. прав-во считает весьма важным, чтобы в переговорах о турецко-персидском разграничении перс. делегаты не руководствовались русско-англ. объяснительной нотой (см. стр. 228, прим. 1), «а настаивали лишь на точном обозначении турками их домогательств в округе Мохаммеры». Сазонов просил Свечина сговориться с англ. послом относительно соответствующих шагов по этому поводу, указывая при этом, что «отказ персов от упомянутой ноты в сущности для русских интересов невыгоден, так как это впоследствии может служить поводом

объяснительной ноты 1850 г. [1] по поводу границы у Мохаммеры, турки предлагают перенести этот вопрос на решение Гаагского трибунала, причем, если б последний высказался в пользу персидской точки зрения, они намерены отказаться от Эрзерумского договора, как подписанного ими лишь при условии принятия персами означенной ноты [2]. Между тем упомянутый договор является единственной базой, на которой персы могут успешно отстаивать свои права при дальнейших переговорах. Считаем поэтому безусловно необходимым не давать туркам повода устранить этот договор, что возможно лишь при условии признания персами, хотя бы и условно, объяснительной ноты. Персы предлагают пойти на это под условиями, что турки согласятся предоставить державам-посредницам установить смысл означенной ноты, которая допускает толкования, и что турки признают силу и за другими заявлениями России и Англии, главным образом за идентичной картой. Персы рассчитывают при этом на то, что толкование объяснительной ноты будет сделано в смысле тех разъяснений, которые сделаны были в свое время в Тегеране великобританской миссией, в частности в ноте английского посланника Шиля.

Считаем такой выход из создавшегося положения единственно возможным и полагали бы поэтому одобрить предположение персидских делегатов. Сносимся об этом с О'Берном [3].

Благоволите со своей стороны переговорить в этом смысле с Греем.

Сазонов.

№ 235. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1206. 27/14 июня 1912 г.

Ваша телеграмма № 180 получена [4].

По желанию Пуанкаре вторая формула была окончательно оставлена, и мы согласились остановиться на первой с исключением из нее слов, касавшихся акта бескорыстия. Найдете текст этой формулы в телеграмме Извольского за № 107 [5], пересылаемой вам в литографиях сегодняшним курьером.

Сазонов.

№ 236. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 405. 27/14 июня 1912 г.

М. г. Александр Петрович,

В дополнение к письму моему от [13 июня] 31 минувшего мая за № 377 [6] и к секретным телеграммам от [20] 7 и [24] 11 июня

туркам отвергать указания держав-посредниц в вопросах о направлении границы в северной ее части».

[1] Повидимому, имеется в виду русско-англ. нота, врученная Порте 9 марта/26 февр. 1848 г. (ср. № 292), резюмировавшая результаты переговоров с перс. прав-вом по поводу толкования отдельных статей Эрзерумского договора от 20/8 мая 1847 г. Согласно этой ноты перс. прав-во признавало, что, передавая Персии порт и город Мохаммеру, турец. прав-во не уступает ей в этом районе никакой другой территории; перс. прав-во отказывалось также от притязаний на территории, расположенные на правом берегу Шат-эль-Араба, а также на принадлежащие Турции земли, лежащие на левом берегу этой реки.

[2] Об этом Сазонов был извещен М. Гирсом тел. от 24/11 июня за № 410, в которой Гирс, между прочим, высказывал следующее мнение: «Будучи лично мало заинтересованы на юге, мы, однако, непосредственно затронуты в решении общего принципиального вопроса о трактате и посредничестве».

[3] В этом смысле О'Берну была вручена пам. записка от 27/14 июня.

[4] В тел. от 26/13 июня за № 180 (опубл. Siebert, II, S. 403, N 639) Бенкендорф во избежание недоразумения в переговорах с Греем просил сообщить ему текст формулы, одобренной Сазоновым.

[5] См. № 190.

[6] См. стр. 198, прим. 1.

за №№ 1166[1] и 1195[2] считаю долгом препроводить при сем к вашему превосходительству копию с особого журнала совета министров от [23] 10 мая с. г. по вопросу о сооружении Турцией железных дорог в Малой Азии[3].

Вы усмотрите из оного, что советом были признаны: недостаточность соглашения 1900 г. для ограждения наших интересов ввиду легкости обойти его сущность, не нарушая формы; нежелание Турции связать каким бы то ни было образом относительно нас свою свободу действий в вопросе о постройке железных дорог к нашей кавказской границе, так как эти железные дороги имеют для Турции существенное стратегическое значение, и, наконец, невозможность для нас мирными путями противиться осуществлению Турцией своих планов в этом направлении.

Ввиду сего ближайшей целью, к коей признано было необходимым направить наши усилия, является возможное замедление осуществления уже предложенной Порте Самсун-сивасским синдикатом сети и — буде удастся — полное исключение из нее наиболее нежелательных нам линий Эрзингян — Эрзерум и Пекеридж — Трапезунд.

Прямое обращение с этими домогательствами к Порте, без сомнения, затруднило бы дальнейшие переговоры с нею синдиката и тем усилило бы опасность обращения Турции к каким-либо другим контрагентам, а главное представило бы туркам картину несогласованности действий русского и французского представительств в Турции по одному и тому же вопросу, чего в особенности необходимо избежать по общеполитическим соображениям. При этих условиях возникла мысль о непосредственных при вашем участии объяснениях с французским правительством по вопросу о железнодорожном строительстве Турции в Малой Азии по направлению к нашей кавказской границе.

Несомненно, что этим строительством затрагиваются не только наши экономические, но и стратегические интересы и даже преимущественно последние.

Аргументы экономического свойства, как-то: трудность сразу обременить кредит Турции огромной суммой, потребной на сооружение сети, и желательность сперва выяснить степень доходности основной линии ранее постройки разветвлений уже изложены в докладе синдиката турецкому министерству общественных работ, и почва для соответственных объяснений французского правительства с Портой достаточно подготовлена.

Но едва ли не большее значение следует, как нам кажется, признать за соображениями стратегическими, в силу коих облегчение турецкой концентрации близ наших границ должно вызвать соответственное напряжение с нашей стороны, которое неминуемо отразилось бы ослаблением на западном фронте.

Эта категория соображений, по сведениям из посольства в Константинополе, всегда обходилась, и вероятно не без умысла, г. Бомпаром, вследствие чего мы придавали бы особую цену, чтобы было запрошено компетентное мнение французского генерального штаба. Если прибавить к этому то невыгодное впечатление, которое получится от проявления перед Портой малейшего антагонизма между обоими союзниками по столь существенному вопросу, то мы не желали бы сомневаться в полной готовности Франции серьезно взвесить изложенные соображения и оказать свое содействие к некоторому обеспечению наших стратегических интересов путем возмож-

[1] См. № 206.

[2] В тел. от 24/11 июня за № 1195 (опубл. Stieve, II, S. 166, N 350) Сазонов сообщал: «Полагал бы небесполезным указать французам, что мы имеем данные не слишком опасаться германских домогательств в вопросе постройки стратегических дорог к нашей границе [см. стр. 230, прим. 1]; американцы же, обыкновенно ищущие отдаленных концессий лишь в видах выгодной переуступки их, едва ли рискнут потребной на малоазиатскую сеть огромной суммой».

[3] См. № 63.

ного замедления постройки намеченных линий и исключения нам нежелательных.

Считаю нелишним повторить, что опасения, упомянутые в вашей телеграмме № 116 [1], мне кажутся преувеличенными.

Не говоря уже о трудности вне Франции найти тот полумиллиард с лишком, который требуется для намеченной сети, мы имеем со стороны Германии довольно веские ручательства не предпринимать в тех краях направленных против нас действий; американцы же преимущественно домогаются промышленных, а не чисто железнодорожных предприятий, вследствие чего им едва ли будет выгодно ориентировать целую сеть на север к Самсуну [2].

[Сазонов.]

№ 237. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 787 [3]. 27/14 июня 1912 г.

Из поступающих в вверенное мне министерство и незамедлительно сообщаемых вашему высокопревосходительству сведений видно, что объединившиеся в целях борьбы с нами шахсевенские племена намерены, в случае неудачи, двинуться на юг, разграбить Сераб [4] и затем направиться в районы турецкой оккупации. Сопоставляя эти данные с имеющимися слухами о тайной поддержке, оказываемой шахсевенам турками, приходится признать, что положение дел в Ардебильской провинции и в Восточном Азербайджане является весьма тревожным и требует с нашей стороны спешного принятия более активных мер к водворению порядка в этих местностях, так как каждый день промедления будет лишь делать положение все более и более сложным.

Ввиду изложенного я считал бы необходимым экстренное усиление ардебильского отряда с доведением его до размеров, кои позволили бы занять достаточно сильными отрядами Сераб, Агар и, быть может, некоторые другие пункты.

В случае, если ваше высокопревосходительство изволите разделить изложенные соображения, обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой не отказать войти в соответствующие сношения с заместителем наместника его императорского величества на Кавказе [5].

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 238. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 183. 27/14 июня 1912 г.

Reçu télégramme N 1190 [6].

Comme vous j'ai été frappé de la citation de Grey et avais fait part de première impression à Nicolson auquel ma remarque a été visiblement

---

[1] В тел. от 23/10 июня за № 116 (опубл. М., стр. 218) Извольский сообщал, что он передал Пуанкаре содержание тел. за № 1166 (см. № 206) и что последний выразил «серьезное опасение, что настояния перед Портой в указанном вами смысле могут побудить турецкое правительство отдать дело в другие руки, например американцам или немцам, что было бы одинаково невыгодно как для России, так и для Франции».

[2] В дополнение к публикуемому письму тел. от 29/16 июня за № 1215 Сазонов сообщал Извольскому: «Благоволите иметь в виду, что желаемое объяснение с Францией нам необходимо, дабы развязать руки Гирсу при объяснениях его с Портой и дабы при этом не получилось впечатление противоположности наших и французских действий. Поэтому желательно возможно скорейшее объяснение ваше с французами, так как в Константинополе надо пользоваться обстоятельствами и не затягивать дело».

[3] Лит. копия.

[4] См. № 168.

[5] Тел. от 26/13 июня за № 5499 Шатилов сообщал Коковцову, что им «сделано распоряжение о командировании из Тавриза в Сераб одновременно с агарским отрядом двух рот, двух пулеметов и сотни казаков. Оба отряда, по установлению связи с ардебильским, поступают в распоряжение генерала Фидарова».

[6] См. стр. 162, прим. 1.

pénible et qui m'a dit qu'il reverrait le dossier. Dans les archives de l'ambassade, qui corroborent mes souvenirs, je vois depuis que l'article I auquel s'est référé Grey est celui du traité du 30/17 juillet lequel en vertu de la lettre ministérielle N 1454[1] et du télégramme du [11 août] 29 juillet[2] j'ai communiqué moi-même à Grey le même jour que pareille communication a été faite par l'Ambassadeur du Japon. Ce traité n'a pas été présenté comme secret. C'est un autre traité secret qui a été communiqué selon lettre ministérielle très confidentielle N 1464 par nous à la France et par le Japon à l'Angleterre [3]. Je n'en ai pas le texte et ne connais pas l'article I. Mais je ne vois pas qu'on puisse imputer à Grey de s'y être référé, l'article I du premier traité lui suffisant pour son argument [4].

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 1190.

Как и вы, я был поражен ссылкой Грея и поделился первым впечатлением с Никольсоном, которому мое замечание было явно неприятно и который сказал, что он пересмотрит досье. Из документов посольского архива, подтверждающих мои воспоминания, я после этого установил, что статья I, на которую сослался Грей, это статья договора от 30/17 июля, каковой, в силу министерского письма за № 1454 и телеграммы от [11 августа] 29 июля, я сам сообщил Грею в тот же день, когда подобное сообщение было сделано японским послом. Этот договор не был представлен как секретный. Другой секретный договор был, согласно весьма доверительного министерского письма за № 1464, сообщен нами Франции, а Японией — Англии. У меня нет текста этого договора и мне неизвестна статья I, но я не вижу возможности обвинять Грея в том, что он сослался на нее, так как для его аргумента достаточно статьи I первого договора.

Бенкендорф.

№ 239. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 50. 27/14 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Японская пресса продолжает обсуждать с большим интересом поездку князя Кацура за границу [5], и не проходит дня, чтобы та или другая газета не помещала статей по этому поводу на своих столбцах [6]. Между тем офи-

[1] Письмом от 1 авг./19 июля 1907 г. за № 1454 м-р ин. дел Извольский сообщил росс. представителям в Берлине, Вене, Париже, Лондоне, Мадриде, Риме, Константинополе, Пекине и Вашингтоне о подписании 30/17 июля конвенции с Японией «общего политического свойства» и просил известить, получил ли японский представитель текст этой конвенции. Далее он сообщал: «Затем вы получите от меня, по телеграфу же, указание дня, в который вам надлежит одновременно с японским представителем, но отдельно от него, сообщить копию с этого документа министру иностранных дел».

[2] Тел. от 11 авг./29 июля 1907 г. за № 1022 Извольский поручал росс. представителям сообщить 14/1 авг. 1907 г. соответствующим прав-вам текст русско-японской конвенции.

[3] Имеется в виду письмо Извольского Бенкендорфу от 15/2 авг. 1907 г. за № 1464.

[4] На оригинале имеется помета: «Министр объяснился по этому поводу с английским поверенным в делах, указав, что в открытой конвенции никакого упоминания о Манчжурии и Монголии не имеется, так что сэр Э. Грей ссылался очевидно на секретную. Графу Бенкендорфу г. министр решил поэтому более не поручать объясняться по этому поводу в Лондоне. С. П. Б. [2 июля] 19 июня 1912 г. Н. Юдин».

[5] См. № 162.

[6] В деп. от 14/1 июня за № 48 Малевский, сообщая об откликах япон. прессы на предполагаемую заграничную поездку Кацура, писал, что, по словам газеты «Ници-Ници», «поездка эта, хотя и не облеченная официальным характером, может иметь в действительности громадное значение во внешней политике Японии. То обстоятельство, что Кацура отправляется с бароном Гото сначала в Россию, а затем уже в Германию, Францию и Англию, указывает, что его путешествие не является обычной прогулкой и что он будет за границей не в роли обыкновенного туриста».

циальные лица, парламентские группы, общества и учреждения, наперерыв друг перед другом, приглашают князя Кацура на всевозможные банкеты с речами, тостами и фотографическими снимками. На-днях подобный банкет состоялся у министра иностранных дел, к которому были приглашены послы и посланники государств, столицы коих думает посетить князь Кацура. На завтраке этом, однако, речей произнесено не было и все ограничилось здравицами и фотографической группой в саду. Из японских высших чинов присутствовали, главным образом, военные, как-то: военный министр, начальник главного штаба, генерал Ошима и другие.

Завтра парадный завтрак в честь князя Кацура, барона Гото и их спутников дается мною в посольстве, причем приглашен также приезжающий сегодня из Кореи граф Терауци, в качестве председателя Русско-Японского общества.

Между тем бывший премьер [1] при всяком удобном случае публично отрицает официальный характер своего путешествия и старается всех непосвященных уверить, что едет в Европу исключительно для собственного удовольствия. В последнее время такие заявления слышатся особенно часто при ежедневных чествованиях отъезжающих. Говорят, что нынешнему премьеру маркизу Сайондзи очень неприятны шумные изъявления восторгов и пожеланий по адресу его политического соперника. Однако и ему пришлось последовать примеру других и дать в честь Кацура обед, которому полуофициоз «Цюо» приписал «интимный характер».

Считаю долгом препроводить вашему высокопревосходительству переводы нескольких статей из японских газет и статью «Advertiser»'а о предстоящей поездке князя Кацура и ее политическом значении [2].

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 240. Посол в Токио министру иностранных дел.

№ Письмо. 28/15 июня 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Приглашенный мною сегодня к завтраку князь Кацура приехал в посольство за целый час до назначенного времени, чтобы иметь со мной разговор о своей поездке в Петербург. Он начал с того, что вновь напомнил мне, что его путешествие не имеет официального характера и определенной политической цели. Он давно собирался посетить Европу, чтобы личными впечатлениями освежить давнишние воспоминания об европейских столицах, где он был 28 лет тому назад. Но при всем частном значении его поездки, его политическая роль в Японии дает ему основание рассчитывать, что ему удастся обменяться мнениями с государственными людьми Запада. Он продолжает пользоваться доверием своего государя и дважды стоял во главе

---

[1] Кацура был премьером в 1901—1906 гг. и в 1908—1911 гг.

[2] При документе приложены выписки из газет: «Ници-Ници», «Асахи», «Цюгай-Сиогио», «Иомиури» и статья из «The Japan Advertiser» от 20/7 июня.

В газете «Цюгай-Сиогио» от 19/6 июня между прочим указывалось: «Сближение Японии с Россией доставляет японцам громадную пользу как в отношении внешней политики, так и отчасти в отношении финансов. В интересах Японии продолжать поддерживать с Россией самые лучшие дружеские отношения. Мы надеемся, что японская дипломатия будет в этом направлении продолжать свою работу». Статья из газеты «Иомиури» от 21/8 июня заканчивалась словами: «Чтобы по возможности увеличить вывоз французского капитала в Японию, ей необходимо более близкое сближение с Россией. Чтобы крепче пожать руку французам, японцам необходимо надеть русские перчатки». Содержание статьи «Ници-Ници» от 27/14 июня совпадает с изложенной на стр. 231 в прим. 6. То же отмечалось в статье «The Japan Advertiser». Статья в газете «Асахи» касалась вопросов внутренней политики Японии.

японского правительства, притом в самое тяжелое для Японии время. И нынешняя его поездка предпринимается не без ведома императора, первого министра и министра иностранных дел. В Петербурге он надеется иметь счастье быть принятым государем императором и рассчитывает побеседовать с вами и статс-секретарем Коковцовым о дальневосточных делах. Он ставит себе в заслугу, что за его управление кабинетом состоялось политическое соглашение между Россией и Японией на почве ограждения взаимных интересов в Китае. Китайские дела ныне приняли такой серьезный оборот, что обоим соседним с Китаем государствам приходится крепко подумать, как оградить свои интересы. И Россия и Япония заинтересованы в Китае территориально, тогда как другие державы имеют там только экономические выгоды. С этой точки зрения необходимо, по его мнению, чтобы обе державы выработали по соглашению друг с другом определенный план действий и согласились последовательно его проводить. Но если по отношению к обоюдным территориальным интересам в Китае желательно тесное соглашение только между Россией и Японией, то по отношению к китайским делам вообще он, Кацура, считает полезным участие *обеих* держав в группе тех четырех, которые ныне выступили с планом финансирования китайского правительства. В этой группе Англия является союзной державой Японии, а Франция — России и одновременно Россия связана дружественными соглашениями с Англией, а Япония с Францией; таким образом четыре государства — Россия, Япония, Англия и Франция — составляют сильный политический «*блок*», главной задачей коего должно быть сохранение мира на Дальнем Востоке. В этих видах он, Кацура, настаивает на участии Японии в группе сказанных держав и надеется, что эта политическая комбинация удержит поползновения других государств вмешаться в Китае в сферу чуждых им интересов. Итак, укрепление соглашения с Россией для защиты территориальных прав на Дальнем Востоке и укрепление положения Японии в группе шести государств для ограждения прочих интересов ее в Китае — должны, по его мнению, служить главной задачей современной японской политики.

Обо всех этих важных вопросах ему было бы желательно побеседовать с вами, и он надеется, что в Петербурге он встретит ту же откровенность, с которой он намерен там излагать свои мысли. Он убедительно просит меня подтвердить перед вами, что он искренний сторонник тесного соглашения между Россией и Японией для блага обоих государств и всеми зависящими от него средствами будет стремиться к достижению такого сближения.

На мой вопрос, не может ли случиться, что при обмене мнений с вами ему, для придания большей определенности его заявлениям, потребуется выступить официально, Кацура очень категорически ответил отрицанием, сказавши, что если бы вы пришли с ним к каким-либо определенным выводам, то ему предстояло бы, вернувшись в Японию, доложить японскому императору о результате своей поездки и обсудить важнейшие вопросы с ответственными лицами здешнего правительства.

Остальную часть своей беседы Кацура посвятил воспоминаниям о поездке в Петербург в 1902 г. князя Ито [1] и неудаче, его там постигшей, к великому огорчению всех друзей мира.

О содержании нашей беседы я обещал князю Кацура довести до вашего сведения.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

---

[1] Маркиз Ито, бывший япон. премьер, во время своей поездки по Европе был с 25/12 ноября по 4 дек./21 ноября 1901 г. в Петербурге.

№ 241. Японский посол в Петербурге министру иностранных дел.

Письмо. 29/16 июня 1912 г.
Strictement confidentiel.

Monsieur le Ministre,

J'ai l'honneur de vous accuser réception de votre lettre en date du 24/9 juin [1] par laquelle vous avez bien voulu m'informer que vous venez d'obtenir l'autorisation de Sa Majesté l'Empereur de conclure au nom du Gouvernement impérial de Russie la convention secrète entre le Japon et la Russie dont j'ai eu l'honneur de vous remettre le projet en date du 27/14 mai a. c. [2]

Je n'ai pas manqué de transmettre immédiatement à mon Gouvernement la teneur de votre note précitée et je viens moi-même de recevoir également l'autorisation de mon Gouvernement de signer la convention susmentionnée avec Votre Excellence.

Le Gouvernement impérial me charge en même temps d'exprimer à Votre Excellence sa plus vive satisfaction de l'accord parfait auquel nos deux Gouvernements sont arrivés dans les négociations relatives à cette convention.

Votre Excellence n'ignore pas que lors de la signature de nos conventions précédentes de 1907 et de 1910, les Gouvernements japonais et russe ont, préalablement à la signature desdites conventions, communiqué les textes des projets des conventions susmentionnées aux Gouvernements anglais et français. Le Cabinet de Tokio estime que nous devrons procéder de la même manière à cette occasion et désirerait s'entendre avec le Gouvernement russe sur le sens général de nos communications aux Gouvernements anglais et français.

A cet effet, j'ai l'honneur de transmettre ci-annexés à Votre Excellence nos projets de notes à communiquer aux dits Gouvernements. Il va sans dire que, pourvu que nos deux Gouvernements soient d'accord sur le sens général desdites communications, il n'est nullement nécessaire que les termes en soient identiques [3].

En conséquence, je vous serais très reconnaissant, Monsieur le Ministre, si vous vouliez bien me faire savoir votre avis sur ce qui précède et me communiquer également les projets de notes que le Gouvernement impérial de Russie croirait devoir communiquer aux Gouvernements français et anglais.

Je saisis cette occasion, Monsieur le Ministre, pour vous renouveler l'assurance de ma haute considération.

K. Motono.

Перевод.

Строго доверительно.

Господин министр,

Имею честь подтвердить получение вашего письма от 24/9 [1] июня, которым вы соблаговолили меня уведомить, что вы получили разрешение его величества императора заключить от имени российского императорского правительства секретную конвенцию между Японией и Россией, проект которой я имел честь вам препроводить 27/14 мая с. г.

Я не преминул немедленно передать содержание упомянутой вашей ноты моему правительству и только что сам также получил разрешение моего правительства подписать с вашим превосходительством вышеупомянутую конвенцию.

Одновременно императорское правительство поручило мне выразить вашему превосходительству свое живейшее удовлетворение по поводу полного согласия, которого достигли оба наши правительства в переговорах относительно этой конвенции.

Как вашему превосходительству известно, при подписании наших предшествующих конвенций 1907 и 1910 гг., японское и российское правительства, предварительно подписания означенных конвенций, сообщили тексты проектов упомянутых конвенций

---

[1] Так в оригинале. Повидимому, имеется в виду письмо от 22/9 июня за № 575 (см. № 220).

[2] См. № 86 и стр. 81, прим. 1.

[3] К публикуемому документу были приложены проекты идентичных нот англ. и франц. прав-вам, содержание которых совпадает с нотами, переданными Сазоновым во франц. и англ. пос-ва в Петербурге (см. № 248).

английскому и французскому правительствам. Токийский кабинет полагает, что мы должны поступить таким же образом и в данном случае, и он желал бы сговориться с российским правительством об общем характере наших сообщений английскому и французскому правительствам.

С этой целью имею честь препроводить при сем вашему превосходительству наши проекты нот для оповещения указанных правительств. Само собой разумеется, что важно только, чтобы наши правительства согласовали общий смысл указанных извещений, но нет никакой необходимости, чтобы они были идентичны в выражениях.

Вследствие этого я буду очень вам признателен, господин министр, если вы соблаговолите осведомить меня о вашем мнении по поводу вышеизложенного, а также сообщите мне проекты нот, которые российское императорское правительство сочтет нужным послать французскому и английскому правительствам.

Пользуюсь случаем, господин министр, возобновить вам уверения в моем высоком уважении.

И. Мотоно.

№ 242. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1218. 29/16 июня 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Преображенского № 333 [1].

Разделяем опасения Преображенского по поводу приезда в Тавриз Сепехдара и считаем, что последнего желательно отговорить от этого шага, могущего повлечь за собой большие осложнения [2].

Благоволите принять к тому возможные меры, а также сообщить, насколько основательны дошедшие до Исаак-хана слухи, что отношения между Сепехдаром и бахтиарами очень натянуты.

Сазонов.

№ 243. Французский посол в Петербурге Жорж Луи президенту Французской республики Пуанкаре.

-/. Телеграмма № 330 [3]. 29/16 июня 1912 г.

Mon entretien avec l'Empereur a porté principalement sur le conflit italo-turc et sur la situation dans les Balkans. Je me suis référé à l'audience que Sa Majesté m'a accordée en.... [4] dernier. Il y avait là occasion de rappeler à la mémoire de l'Empereur toutes les raisons que la Russie a fait valoir alors en faveur d'une politique prudente dans l'intérêt des deux pays alliés. Sa Majesté s'est montrée convaincue de la nécessité pour les deux Gouvernements de se garder de toute action séparée pouvant paralyser leurs efforts et d'écarter toutes les questions qui pourront compliquer le conflit actuel. D'autre part et afin de ne laisser aucun doute sur nos intentions j'ai informé l'Empereur de la «formule générale de désintéressement» qui avait soulevé de sa part une objection lorsque le projet d'accord à trois lui a été communiqué. Sa Majesté a constaté qu'il y avait là surtout une question de forme et qu'au fond les deux Gouvernements étaient d'accord et qu'on ne devait chercher dans les circonstances actuelles aucun avantage privé pouvant paralyser le rétablissement de la paix. «Je crois bien, — a dit l'Empereur, — que jamais la France ne se désintéresserait de l'Orient». L'Empereur a conclu: «Agissons toujours ensemble et ayons soin aussi de toujours nous entendre avec l'Angleterre. Mais il va de soi que pour mettre fin à la guerre actuelle, c'est à une entente à cinq qu'il faut arriver».

[1] Тел. Преображенского за № 333 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] В тел. от 23/10 июня за № 506 Поклевский сообщал, что «Сепехдар выедет в Тавриз приблизительно через неделю». Поклевский указывал, что Сепехдар «продолжает быть самым дружеским образом расположенным к Шодже и вполне понимает, что последний будет нашим следующим кандидатом в азербайджанские генерал-губернаторы, если не осуществится комбинация с посылкой в Тавриз валиагда».

[3] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 188, N 151.

[4] В Doc. Dipl. пропущенное слово читается: «septembre».

J'ai demandé à Sa Majesté si elle était bien rassurée sur les intentions des petits États balkaniques. «Oui, certainement, — m'a répondu l'Empereur, — Nous avons fait tout le nécessaire pour qu'ils se tiennent tranquilles et il n'y a rien à craindre. J'ai causé tout récemment à Moscou avec M. Daneff[1] et M. Pachitch[2]. Tous les deux m'ont garanti le maintien de la tranquillité. Mais M. Daneff a fait la réserve: «à condition, — a-t-il dit, — que les Italiens ne portent la guerre sur le terrain européen, alors il nous sera impossible de retenir nos populations et ce serait la guerre dans toute la presqu'île». L'Empereur a ajouté: «Ils s'efforceront de maintenir la paix, mais ce serait probablement peine perdue. Pour les populations balkaniques l'occasion serait trop belle. C'est le seul danger que j'entrevois».

D'autre part l'occupation d'îles de la mer Egée par l'Italie est, aux yeux de l'Empereur, un événement dont on ne peut encore mesurer toute la portée; tout de même il croit que l'ordre antérieur pourra être rétabli. La paix, — a dit l'Empereur, en terminant, — paraît encore bien loin.

Перевод.

Мой разговор с императором касался главным образом итало-турецкой войны и положения на Балканах. Я сослался на аудиенцию, которую его величество дал мне в прошлом... Это дало мне повод напомнить императору все доводы, которые Россия привела тогда в пользу осторожной политики в интересах обеих союзных стран. Его величество высказал убеждение в необходимости для обоих правительств остерегаться всяких изолированных действий, которые могли бы парализовать их усилия, а также отстранять все вопросы, которые могли бы осложнить настоящий конфликт. С другой стороны, для того, чтобы не оставить никаких сомнений относительно наших намерений, я осведомил императора относительно «общей формулы о бескорыстии», которая вызвала с его стороны возражения, когда ему был сообщен проект соглашения втроем. Его величество отметил, что здесь вопрос главным образом идет о форме, что по существу оба правительства согласны в том, что не следует стремиться извлечь из современного положения каких-либо частных выгод, которые могли бы помешать восстановлению мира. «Я уверен,— сказал император, — что Франция никогда не откажется от своих интересов на Востоке». Император сказал в заключение: «Будем действовать сообща и постараемся всегда договариваться с Англией. Но само собой разумеется, что для того, чтобы положить конец современной войне, надо добиться согласия впятером».

Я спросил его величество, вполне ли он спокоен относительно намерений мелких балканских государств. «Безусловно да, — ответил мне император. Мы сделали все, что необходимо для того, чтобы они сидели спокойно, и нечего опасаться. Я недавно беседовал в Москве с г. Даневым и г. Пашичем. Оба гарантировали мне сохранение спокойствия. Но г. Данев сделал оговорку: «при условии,—сказал он,— что итальянцы не перенесут войну на европейскую территорию, ибо тогда нам будет невозможно удержать наши народы и начнется война на всем полуострове». Император добавил: «они попытались бы сохранить мир, но, по всей вероятности, это был бы напрасный труд. Для балканских народов это был бы слишком удобный случай. Это единственная опасность, которую я предвижу».

С другой стороны, оккупация Эгейских островов Италией является в глазах императора событием, все значение которого еще невозможно предусмотреть; однако, он считает, что можно будет восстановить прежнее положение. Повидимому, — сказал император в заключение,— мы еще очень далеки от мира.

№ 244. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 436. 29/16 июня 1912 г.

Петряев телеграфирует:

Правительство вступило в переговоры с мятежниками и, повидимому, идет на уступки. На состоявшемся сегодня общем собрании военных Фетхи [3]

[1] В оригинале над словом: «Daneff» надписано карандашом: «Ludskanoff». Болг. м-р внутр. дел Людсканов приезжал в Москву во главе болг. делегации на открытие памятника Александру III, состоявшееся 12 июня/30 мая. Данев приезжал в Ливадию в начале мая н. ст. (см. т. XIX, ч. II, стр. 433, прим. 3).

[2] См. стр. 152, прим. 3.

[3] Фетхи-паша — командующий I корпусом.

и Зекки паши [1] просили офицеров во имя поддержания дисциплины выразить неодобрение бежавшим [2], послать к ним делегатов с просьбой возвратиться и в случае необходимости принудить их к этому силой, и в свою очередь обещали им рассмотреть и удовлетворить их справедливые пожелания относительно устранения незаконных действий и более точного применения конституции. Большинство офицеров соглашается выразить порицание бежавшим и убедить их возвратиться при условии дарования им прощения, но от преследования их отказывается. Что касается политических требований, то они заявили о своей солидарности с протестующими. На этих началах ожидается заключение временного соглашения [3].

Гирс.

№ 245. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 53. 29/16 июня 1912 г.

Я сейчас был у президента перед отъездом на лето. Он с живейшим интересом расспрашивал меня о здоровьи государя императора и императорской семьи и о подробностях торжественной встречи в Москве и радовался такому сильному проявлению народной преданности царю, высокая личность которого и благосклонный прием, оказанный ему, произвели на него неизгладимое впечатление [4]. Перейдя к нашим делам, Тафт в сущности подтвердил то, что я уже слышал от Нокса [5], но с еще большей откровенностью. Он хочет сделать все, что от него зависит, чтобы окончательно загладить впечатление, произведенное в России несообразной выходкой конгресса. Он мог прямо поставить свое «veto», но при враждебном настроении обеих палат против него оно могло быть отвергнуто большинством, и зульцеровская резолюция [6] сделалась бы законом, помимо президента, и тогда, после объяснений со мной, он принял единственную, находящуюся в его власти, меру. Он добавил, что при самом начале агитации за год до

---

[1] Зекки-паша — командующий VI корпусом.

[2] Тел. от 26/13 июня за № 420 М. Гирс передал в м-во текст тел. Петряева, в которой последний сообщал: «Из Дибры бежали еще сто двадцать солдат и четыре албанца—офицеры. Агитация ведется албанским национальным комитетом при поддержке части турецких офицеров».

[3] В рапорте от 7 июля/24 июня за № 132 в отдел генерал-квартирмейстра ген. штаба Хольмсен, сообщая о «происходящих крупных беспорядках в армии», указывал, что турец. прав-во «совершенно бессильно против армии, составляющей ту опору, на которой оно до сих пор основывало свою власть, и можно считать, что если младотурки не справятся с движением, то власти их положен конец. Среди правительства долго боролись два течения: одно, которое хотело применить строгие меры, другое, которое хотело вступить в переговоры для успокоения офицеров и незаметного затем восстановления порядка и прежнего влияния комитета в армии. Этим временем переговоров и временного бессилия правительства воспользовалась оппозиция для распространения движения, которое еще более распространилось особенно в Македонии, где побеги офицеров в горы продолжаются и глухое неудовольствие распространяется».

[4] Тафт, бывший тогда воен. м-ром США, приезжал в Россию в ноябре 1907 г.

[5] Тел. от 29/16 июня, также помеченной № 53, Бахметев сообщал о своей беседе с Ноксом, который «выразил опасение и сожаление, что общественное мнение в России все еще, по его сведениям, не вполне понимает, что правительство Северо-Американских С. Штатов не только не сочувствовало агитации против нас, но всячески ей противилось» (см. т. XIX, № 217). Нокс указал далее, что «до назначения Тафта кандидатом на президента неделю тому назад было преждевременно начинать какие-либо переговоры, но теперь, когда есть хорошие шансы на его окончательное избрание, он желал бы, не теряя времени, приступить к предварительному обсуждению нового трактата». Нокс обещал Бахметеву прислать «первый проект предложений, которые он намерен сделать императорскому правительству». Содержание этой тел. советник росс. м-ва ин. дел Аргиропуло сообщил м-ру торговли и промышленности письмом от 11 июля/28 июня за № 8543.

[6] См. т. XIX, ч. I, стр. 190, прим. 1.

инцидента он призывал к себе главных руководителей жидов и старался им доказать, что они только портят дело тех, которых они будто бы защищают, но его доводы не имели никакой силы, ибо эта агитация была направлена еще более против него, чем против нас. Он никогда не разделял чувств Рузвельта, роль которого, по его мнению, окончательно сыграна, и желал бы на деле доказать, насколько он понимает необходимость теснейшей дружбы с Россией. Обе эти политические исповеди, и президента и государственного секретаря, несомненно указывают то, что они искренне желают искупить грех конгресса и с радостью будут приветствовать всякие признаки того, что мы не считаем ни правительство, ни народ ответственными за невежество депутатов.

Бахметев.

№ 246. Докладная записка военного министра Сухомлинова Николаю II [1].

/. 29/16 июня 1912 г.

Всеподданнейше представляется вашему императорскому величеству записка «Новая организация германской армии в мирное время».

Генерал-от-кавалерии Сухомлинов.
Генерал-от-кавалерии Жилинский.

Приложение.

Новая организация германской армии в мирное время [2]

Окончательно принятый в минувшем мае германским рейхстагом новый военный законопроект [3], в связи с законом 1911 г., вносит значительные изменения в организацию германской армии.

Наиболее существенными данными военной реформы являются следующие:

1) Численность армии в мирное время доводится с 505 839 до 544 211 человек, т. е. увеличивается приблизительно на 40 000. При двухлетнем сроке службы это вызывает увеличение контингента новобранцев на 20 000 человек в год, а следовательно на такое же количество людей будет ежегодно увеличиваться запас обученных нижних чинов.

Если к вышеуказанной численности армии, обнимающей только рядовых, прибавить число унтер-офицеров (90 000) и однолетних вольноопределяющихся (10 000), то общая численность армии выразится суммой приблизительно в 645 000 и составляет 0,99% численности населения Германии (65 миллионов). У нас это отношение составляет 0,78%, в Австро-Венгрии — 0,88, во Франции — 1,43%.

2) Создаются два новых корпуса, отчасти путем выделения частей из других корпусов (вся пехота, часть артиллерии и конницы), отчасти путем новых формирований (почти вся артиллерия, часть конницы, вспомогательные войска). Корпуса эти создавались в военное время и при прежней организации, но ныне значительно облегчается их мобилизация и снабжение артиллерией.

3) Формируются 18 новых пехотных батальонов, из коих три идут на формирование нового, по счету 217-го полка, а остальные придаются в качестве третьих батальонов пятнадцати из 33 полков, имевших до сих пор двухбатальонный состав.

---

[1] На документе помета: «Его величество изволил читать [30] 17 июня 1912 г. Генерал-от-кавалерии Сухомлинов».

[2] Маш. копия. Заголовок оригинала.

[3] См. № 147.

4) Число пулеметных рот доводится до нормы военного времени, а именно каждый пехотный полк будет иметь свою пулеметную роту, т. е. по 2 пулемета на батальон. У нас и во Франции также приходится на батальон по 2 пулемета, в Австро-Венгрии — по 1,73.

5) Артиллерийский состав всех корпусов доводится до нормы в 144 орудия на корпус, что, при нормальном составе корпуса (24 батальона), составляет по 6 орудий на батальон. Во Франции на батальон приходится 4, у нас 3,37 и в Австро-Венгрии от 2,48 до 2,93 орудий.

Кроме того, значительно усиливаются кадры пешей артиллерии, чем облегчается выделение при мобилизации из ее состава батальонов тяжелых гаубиц, придаваемых по одному (16 гаубиц) на корпус.

6) Конно-артиллерийские отделения, состоявшие из двух шестиорудийных батарей, переформировываются в трехбатарейные, по 4 орудия в батарее; такое деление соответствует организации германских кавалерийских дивизий, состоящих в военное время из трех бригад.

7) Воздухоплавательные войска усиливаются на $3^1/_2$ батальона, в числе коих формируются специальные авиационные части (батальон в Пруссии и рота в Баварии).

8) В штаты пионерных войск включаются несуществовавшие до сих пор прожекторные взводы, примерно по расчету одного взвода на корпус.

9) Усиливаются штаты 126 батальонов пехоты и 111 батарей полевой артиллерии. Кроме того, во всех пехотных и артиллерийских полках увеличивается на одного число офицеров, положенных при штабе полка и предназначенных для занятия командных должностей в резервных формированиях.

10) Создаются должности особых ландверных инспекторов, в ведение которых переходят от строевых бригадных командиров дела по призыву новобранцев и учету запасных и которые при мобилизации могут занять высшие командные должности в резервных или ландверных формированиях.

В общем целью нового закона является, главным образом, облегчение мобилизации; для этого, с одной стороны, создаются кадры тех полевых частей, которые доныне предполагалось формировать лишь в военное время, а с другой — усиливаются штаты постоянной армии, чем облегчается выделение при мобилизации необходимых кадров для второочередных формирований.

Приложение: Таблица изменений состава германской армии в течение 1911—1915 гг. [1]

№ 247. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 522. 30/17 июня 1912 г.

Телеграфирую в Тавриз:

Получил № 333 [2].

Сепехдар выезжает завтра. Он просит передать валиагду, что он не может заставить его принять участие в управлении Азербайджаном, но что он будет во всем рассчитывать на его помощь и далее. Шоджа, повидимому, еще недостаточно понимает, что между ними существует полная общность взглядов и целей и что они оба служат не только персидскому, но и императорскому правительству. Со своей стороны могу удостоверить самое дружеское расположение Сепехдара к Шодже и одинаковое ими понимание дел не только в Азербайджане, но и в Персии вообще. Я считаю крайне при-

[1] Приложение не воспроизводится.

[2] Тел. Преображенского за № 333 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Ср. № 242.

скорбным и вредным для самого Шоджи желание его удалиться от дел, ибо это может затруднить в будущем наши к нему отношения.

Поклевский.

№ 248. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому посольствам в Петербурге.

1 июля/18 июня 1912 г. [1]
Strictement confidentiel.

La ligne de démarcation entre les sphères d'intérêts russes et japonais fixée par l'article additionnel de la convention secrète du (30) 17 juillet 1907 s'arrête au point d'intersection du fleuve Tolaho et du 122 méridien est de Greenwich, en laissant en dehors de l'arrangement en question la région qui se trouve au delà de cette ligne.

Or, cette région, comprenant la Mongolie Intérieure et avoisinant d'un côté à la Mongolie Extérieure et de l'autre à la Mandchourie, a une gravitation naturelle, politique et économique vers les sphères d'influence russe et japonaise respectives et il importait de la placer dans des conditions analogues et de prévenir par là toute cause de malentendus et de conflits d'intérêts entre les deux pays.

C'est dans cet ordre d'idées que les deux Puissances crurent utile d'entrer, il y a depuis quelque temps, dans un échange de vues entre elles dans l'espoir de pouvoir contribuer encore davantage à la consolidation de la paix en Extrême-Orient par une entente destinée à délimiter leur zone d'influence dans ladite région.

Tenant compte des résultats bienfaisants des conventions du (30)17 juillet 1907 et du (4 juillet) 21 juin 1910, les Cabinets de St.-Pétersbourg et de Tokio ont pensé qu'ils atteindraient le mieux le but qu'ils se proposaient en complétant par un nouvel accord les conventions précitées. Cet accord qui établit les sphères d'intérêts respectives sur toute l'étendue du territoire en question, est destiné à resserrer les liens de bon voisinage entre les pays contractants et à donner par là une base plus stable à la paix et à la sécurité générale.

Le Gouvernement impérial est persuadé que cette convention, dont l'unique objet est de créer de nouvelles garanties à ses relations pacifiques avec le Japon, ne contient rien qui puisse être nuisible aux intérêts de la France (de l'Angleterre). Néanmoins, vu les relations si étroites (cordiales) qui unissent la Russie et la France amie et alliée (l'Angleterre), et en se conformant au mode de procéder établi antérieurement, le Gouvernement impérial croit de son devoir de faire connaître au Gouvernement de France (Angleterre) le texte de cette convention qui va être signée incessamment [2].

[1] В оригинале дата отсутствует. На полях имеются следующие пометы:
«Передана для сведения г. м-ром японскому послу [1 июля] 18 июня 1912 г.» (Ср. № 241).
«Передана в виде aide-mémoire с текстом договора лично г. м-ром французскому поверенному в делах [2 июля] 19 июня 1912 г., а в английское посольство отправлена [3 июля] 20 июня 1912 г. за № 615».
«Текст конвенции в Париж и Лондон м-р не считает нужным послать».
«Текст секретной конвенции на этот раз не был сообщен Россией и Японией в один и тот же день и одинаковым способом французскому и английскому правительствам, так как для посылки нами текста в Париж и Лондон не было времени, в виду предстоявшего отъезда г. м-ра в отпуск (по телеграфу же передавать было признано излишним). Японское же прав-во сообщило тексты в Париж и Лондон [2 июля] 19 июня 1912 г. Юдин».

[2] Тел. от 2 июля/19 июня за № 1233 (опубл. Siebert, II, S. 406, N 643) Сазонов сообщил в Париж, Лондон и Токио: «Понедельник [8 июля] 25 июня предположено подписать секретное соглашение с Японией о сферах влияния во Внутренней Монголии. Сообщаем здешним французскому и английскому представителям текст конвенции по уговору с японским правительством, которое сделает на-днях то же сообщение в Париже и Лондоне».

Перевод.

Строго доверительно.

Демаркационная линия между сферами русских и японских интересов, установленная дополнительной статьей секретной конвенции от (30) 17 июля 1907 г., заканчивается на точке скрещения реки Толахо и 122 меридиана на восток от Гринвича, оставляя вне упомянутого соглашения область, лежащую за этой чертой.

Однако эта область, включающая Внутреннюю Монголию и граничащая, с одной стороны с Внешней Монголией, а с другой стороны с Манчжурией, естественно тяготеет, политически и экономически, к сферам русского и японского влияния и необходимо было поставить ее в аналогичные условия и тем самым предотвратить всякий повод к недоразумениям и столкновениям интересов между обеими странами.

Исходя из этих соображений, обе державы сочли полезным вступить между собой с некоторого времени в обмен мнений в надежде еще более способствовать укреплению мира на Дальнем Востоке путем соглашения, предназначенного разграничить сферы влияния в указанной области.

Принимая во внимание благодетельные результаты конвенций от (30) 17 июля 1907 г. и (4 июля) 21 июня 1910 г., с.-петербургский и токийский кабинеты решили, что они всего лучше достигнут намеченной цели, дополнив упомянутые конвенции новым соглашением. Это соглашение, которое устанавливает соответствующие сферы влияния на всем протяжении указанной территории, предназначено укрепить узы добрососедства между заключающими его странами и тем самым создать более устойчивую основу для общего мира и безопасности.

Императорское правительство убеждено, что эта конвенция, единственной целью которой является создание новых гарантий его мирных отношений с Японией, не содержит ничего, что могло бы нанести ущерб интересам Франции (Англии). Но ввиду столь тесных (сердечных) отношений, которые соединяют Россию с союзной и дружественной Францией (Англией), и придерживаясь ранее установленного образа действия, императорское правительство считает своим долгом довести до сведения правительства Франции (Англии) текст этой конвенции, которая будет подписана в ближайшем будущем.

№ 249. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1224. 1 июля/18 июня 1912 г.

Лу Чжен-сян обратился ко мне с телеграммой по поводу своего назначения [1], давая заверения в желании поддерживать дружбу между обоими государствами и выражая надежду на безотлагательное признание Россией республики.

Не касаясь последнего вопроса, я отвечаю поздравлением и уверением, что разделяю его желания дружбы [2].

[Сазонов.]

---

[1] В связи с отставкой Тан Шао-и 29/16 июня Лу Чжен-сян был назначен пред. совета м-ров. В деп. от 29/16 июня за № 53 В. Крупенский писал следующее: «Повидимому, первое время Юань Ши-кай имел мысль совершенно упразднить пост председателя совета министров, взяв в свои собственные руки исполнение обязанностей премьера, и тем в значительной мере усилить свою власть и влияние. В некоторых газетах уже появились было статьи в этом смысле, но означенный план не встретил сочувствия ни в совете министров, ни в палате представителей и дал лишь им повод заподозрить Юань Ши-кая в стремлении к неограниченной власти. Увидя это, президент поспешил опровергнуть слухи, приписывавшие ему намерение быть самому первым министром, и в циркулярной телеграмме начальникам провинций, а также в опубликованном в официальной газете сообщении заявил, что он вовсе не желает следовать примеру Наполеона, а остается верным слугой республики».

[2] Телеграммами от 4 июля/21 июня за № 567 и от 7 июля/24 июня за № 575 В. Крупенский известил Сазонова, что аналогичное сообщение было сделано Лу Чжен-сяном япон. прав-ву. Япон. прав-во поручило своему посланнику в Пекине «словесно передать министру иностранных дел от имени японского первого министра благодарность за его телеграмму и заверить его в наилучших чувствах японского правительства по отношению к Китаю. О признании китайской республики японскому посланнику предписано вовсе не упоминать».

В тел. от 13 июля/30 июня за № 600 В. Крупенский сообщил Нератову: «Лу Чжен-сян, внимание коего было, вероятно, обращено на неудобство посылки им телеграммы о своем назначении только в Петербург и Токио, обратился 7 июля н. ст.

№ 250. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Депеша № 16. 1 июля/18 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной телеграммой от [28] 15 сего июня [1] я имел честь донести вашему высокопревосходительству, что накануне оттоманский министр иностранных дел передал мне записку без даты касательно малоазиатских железных дорог, прилагаемую при сем в копии [2].

Передача ее состоялась при посещении мной Порты и являлась лишь новым шагом на пути стремления турецкого правительства выяснить возможно раньше, насколько наши требования дают ему возможность сговориться с нами. Оно несомненно имело вместе с тем в виду и определить дальнейший свой образ действий в этом вопросе, разрешения коего в возможно более благоприятном для Турции смысле оно добивается с неукоснительной настойчивостью.

Из доверительных сообщений французского моего сотоварища мне стало известно, что Порта относится с крайней подозрительностью к тому обстоятельству, что мы уклоняемся от указания ей предела наших домогательств в смысле сроков постройки, и предполагает, что мы нарочно не высказываемся определенно с целью выставить, — когда мы признаем то своевременным, — какое-либо новое требование, имеющее, быть может, весьма мало общего с железнодорожным вопросом. Ассим-бей намекал, будто бы, г. Бомпару, что мы, вероятно, подготовляемся к новому выступлению по поводу открытия Проливов.

При такой атмосфере недоверия к нам, всякое с нашей стороны побуждение турок итти самим навстречу нашим пожеланиям становится весьма затруднительным.

При этих условиях я был несколько удивлен, что Порта все же решилась передать мне записку, в коей она, хотя вновь и перечисляет все линии и сроки, сообщенные ею уже раньше в доверительных объяснениях с моим предшественником, тем не менее письменно подтверждает обязательства, связывающие ее по соглашению 1900 г.

Полагаю, что она действовала в этом случае по советам французского синдиката, успевшего уже почти окончательно сговориться с ней и нетерпеливо ожидающего получения концессии.

Я не отказался принять записки, но не преминул в настойчивой форме выразить Ассим-бею мое удивление, что, не придя еще к соглашению по вопросу, по коему ведется между нами словесно доверительный обмен мнений, он переходит к письменным заявлениям, не обнаруживающим уступчивости Порты и ее желания внять моим советам.

Стремясь изгладить у меня это впечатление, мой собеседник стал убеждать меня, что он задался исключительной целью ускорить переговоры и дать нам случай определенно противопоставить турецким предположениям нашу точку зрения.

к первым министрам всех держав с телеграммами, одинаковыми с посланной им гофмейстеру Сазонову». В своих ответах державы вопрос о признании китайской республики «обошли молчанием».

[1] Тел. от 28/15 июня за № 426 М. Гирс, сообщая о получении накануне от Ассим-бея записки по поводу малоазиатских ж. д., добавлял: «Сообщаемые мной вам почтой соображения сводятся к тому, что, быть может, возможно начать торг с Портой по поводу срока и конечного пункта в надежде, быть может, получить Эрзингян в хотя бы несколько более продолжительный срок». В остальном содержание тел. изложено в публикуемом документе.

[2] См. приложение к публикуемому документу.

«Тогда, — добавил он, придавая разговору частный характер, — между нами начнется торг, который, может быть, и приведет к соглашению».

Приступая к рассмотрению существа вопроса, изложенного в турецкой записке, я должен сперва заметить, что последняя составлена в редакции, дающей нам полную возможность продолжать разговор.

В ней говорится не *о решении* Порты строить сети, входящие в район соглашения 1900 г., а лишь об ее отношении к их постройке (les formes dans lesquelles elle envisage).

Порта упоминает в ней о ветви Сивас—Чалта—Харпут, находящейся не только вне района нашего контроля, но прямо оговоренной в 1900 г., как могущей быть сооруженной Турцией каким ей угодно способом.

К тому же оттоманское правительство вновь заявляет в этой записке о своей готовности установить, по взаимному соглашению с нами, условия дальнейшей постройки линий, принимая во внимание обоюдные интересы обеих держав и их добрососедские отношения.

Что же касается срока постройки, то вашему высокопревосходительству угодно будет усмотреть, что, ввиду начатия работ лишь весной 1913 г., линии должны быть сооружены до Эрзерума и Харпута, по предположению Порты, лишь через 10 или 11 лет.

Нам несомненно надлежит, насколько возможно, добиваться — путем непосредственных переговоров с турками — удлинения этого срока и, что более затруднительно, перенесения конечного пункта предполагаемой ныне постройки из Эрзерума в Эрзингян.

В высшей степени щекотливым представляется мне вопрос о диарбекирванской линии.

Порта несомненно знает из моих намеков и из положительных заявлений французов, что мы стремимся стеснить ее деятельность и по этому направлению, изъятому из действия соглашения 1900 г.

Повидимому, она этого опасается, не желая заслужить упрека в наложении на страну нового обязательства, не допущенного даже старым режимом Абдул-Гамида.

В видах избежания необходимости связать себя им, она и возобновила переговоры с американцами, воспользовавшись приездом сюда Картера, о коем я сообщал в доверительном моем письме к вам от [13 июня] 31 прошлого мая [1].

Мой французский сотоварищ утверждает, будто бы Картер увез с собой письменные предложения оттоманского министра финансов Джавид-бея касательно всей магистрали Средиземное море — Диарбекир—Ван.

Быть может, сведение это несколько преувеличено, но оно все же кажется мне весьма вероятным, и нам не следует пренебрегать им.

Слишком неосторожные наши настояния могут, пожалуй, лишь ускорить соглашение турок с американцами, с каковой опасностью можно было меньше считаться еще недавно — до возвращения в Константинополь в качестве представителя Честера бывшего посланника Соединенных Штатов.

Во избежание ее я и полагал бы побудить французскую компанию испросить концессию на линию Харпут—Диарбекир—Ван, обязавшись предварительно перед нами не доводить рельсового пути до Диарбекира раньше как, примерно, лет через пятнадцать.

Со слов г. Ревуаля мне известно, что французская компания уже заручилась преимущественным правом постройки пути Харпут—Диарбекир—Ван на случай, если бы переговоры с Честером были окончательно порваны. Финансовое влияние директора Оттоманского банка настолько здесь сильно, что ему нетрудно было бы устранить американцев.

О взглядах его на таковой способ обойти затруднения вашему высокопревосходительству уже известно из весьма доверительного моего письма

[1] См. № 177.

от [13 мая] 30 апреля [1] и секретной телеграммы моей от [28] 15 числа текущего июня месяца [2].

Примите и пр. М. Гирс.

Приложение.

En égard aux relations d'amitié existant entre l'Empire ottoman et l'Empire de Russie, le Gouvernement impérial ottoman tient à informer le Gouvernement impérial russe des formes dans lesquelles il envisage l'établissement d'un réseau de voies ferrées dans les parages de la mer Noire.

Ce réseau, à voie normale, à la construction duquel le Gouvernement impérial ottoman compte pourvoir lui-même, se compose des lignes suivantes:

Samsoun—Sivas—Tchalta { Erzindjan—Pekridj / Kharpout } Pekridj { Erzéroum / Trébizonde.

Non compris l'embranchement Pekridj — Trébizonde, à voie étroite, encore à l'étude, l'ensemble de ce réseau comprend 1 158 kilomètres.

Le Gouvernement impérial ottoman est en mesure de prévoir pour la construction de ces 1158 kilomètres un délai minimum de 8 à 10 années pour atteindre Erzéroum et Kharpout, délai courant à dater du commencement des travaux, qui n'entreront dans la période vraiment active que vers le printemps 1913.

Le Gouvernement impérial ottoman reste disposé à régler d'un commun accord avec le Gouvernement impérial russe, à l'expiration du délai nécessaire à l'exécution de ces lignes, les conditions dans lesquelles s'effectuerait ultérieurement le raccordement des réseaux ottomans et russes, et toutes les questions, y relatives, en tenant compte des intérêts communs des deux États et de leurs rapports de bon voisinage.

Перевод.

Из уважения к дружественным отношениям, существующим между Оттоманской и Российской империями, императорское оттоманское правительство считает нужным осведомить российское императорское правительство о том, в каких формах оно предусматривает постройку железнодорожной сети в районе Черного моря.

Эта сеть, с нормальной колеей, которую оттоманское правительство предполагает построить на свои средства, состоит из следующих линий:

Самсун—Сивас—Чалта { Эрзингян—Пекеридж / Харпут } Пекеридж { Эрзерум / Трапезунд.

Не считая узкоколейной ветки Пекеридж—Трапезунд, пока еще только изучаемой, эта сеть имеет в целом протяжение в 1158 километров.

Императорское оттоманское правительство имеет основание предвидеть для постройки этих 1158 километров минимальный срок от 8 до 10 лет для доведения [ж. д.] до Эрзерума и Харпута, считая с начала строительных работ, которые вступят в действительно активный период лишь к весне 1913 г.

Императорское оттоманское правительство попрежнему готово по истечении срока, необходимого для постройки этих линий, урегулировать, — по соглашению с российским императорским правительством и принимая во внимание общие интересы и добро-

[1] В этом письме М. Гирс сообщал, что из бесед с директором Оттоманского банка Ревуалем он вынес впечатление, что последний готов содействовать, насколько возможно, решению вопроса о малоазиатских дорогах в приемлемом для России смысле: «Отзывы его сводятся к тому, что, быть может, окажется возможным условиться с Портой о доведении дорог лишь до Эрзингяна и Харпута через 11 или 12 лет. Г. Ревуаль утверждает, что он будет добиваться получения концессии на линию Харпут—Диарбекир—Битлис—Ван, хотя дорога на Диарбекир оспаривается будто бы у него немцами.

Но при самых благоприятных условиях дорога может быть доведена им до Битлиса лишь через 16 лет. Линию же от Битлиса до Вана он совсем не собирается строить, так как представляемая им группа находит, что ей несравненно выгоднее установить пароходное движение по Ванскому озеру от Битлиса до Вана.

Столь продолжительные сроки дают нам, по мнению моего собеседника, время достроить все необходимые дороги на Кавказе».

[2] См. стр. 242, прим. 1.

соседские отношения обоих государств, — вопрос о том, на каких условиях произойдет впоследствии соединение русских и турецких железнодорожных линий, а также все связанные с этим вопросы.

№ 251. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 527. 1 июля/18 июня 1912 г.

№ 1.

Получил телеграмму № 1218 [1].

Продолжаю считать опасения Преображенского совершенно необоснованными, внушенными ему Шоджей и вытекающими из полного незнакомства со взглядами Сепехдара и здешними условиями. Как я уже докладывал, Шоджа не пользуется доверием персидского правительства и признание его теперь генерал-губернатором Азербайджана равносильно для правительства потере лица, а потому кабинет скорее подаст в отставку, чем на это решится. Управление Сепехдара Азербайджаном номинально восстановит без всякого ущерба для нас власть правительства в этой провинции и явится переходной ступенью для занятия Шоджей этой должности, если он сумеет вести себя лойяльно и не поднимет нового восстания. Если же последний изберет приезд Сепехдара предлогом для подобных действий, то он, конечно, не достоин нашей дружбы и покровительства. Подкладка последнего министерского кризиса заключалась в том, что Сепехдар, при содействии министра иностранных дел и внутренних дел и многочисленных своих сторонников, хотел встать у власти и удалить от дел бахтиар. При всем своем сочувствии этому, регент нашел комбинацию преждевременной и опасной и вновь назначил первым министром Самсам-эс-Солтане [2]. Оставаясь без дел в Тегеране, Сепехдар и его партия продолжали бы агитировать против кабинета, а это, ввиду отсутствия регента, могло бы повести к серьезным беспорядкам и осложнениям в столице. Во избежание этого министры настаивали на скорейшем отъезде его в Тавриз, и он с одобрения миссии назначил на сегодня день отъезда. Кроме того миссия за последние дни успешно вела с персидским правительством переговоры об образовании отделения казачьей бригады в Тавризе, коим было официально установлено [3] наше согласие на назначение Сепехдара в Азербайджан [4].

Поклевский.

№ 252. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1227. 2 июля /19 июня 1912 г.

Сообщается в Париж.

Телеграмма № 426 получена [5].

Разделяя высказываемые в конце ее соображения, полагаю, что действительно можно было бы на основании уже сообщенных вам в письмах №№ 353 [6] и 393 [7] данных «начать торг» с Портой по содержанию записки

---

[1] См. № 242.

[2] См. стр. 90, прим. 4.

[3] Так в оригинале. Следует читать: «обусловлено».

[4] Тел. от 1 июля/18 июня за № 527 (№ 2) Поклевский просил разрешения «не препятствовать отъезду Сепехдара».

[5] См. стр. 242, прим. 1.

[6] См. стр. 60, прим. 1.

[7] При письме от 24/11 июня за № 393 Сазонов, в дополнение к письму за № 353, препроводил М. Гирсу копию журнала совета м-ров от 23/10 мая (см. № 63) и ссылался также на сообщенную ему в копии переписку с Парижем по этому вопросу (см. № 236). Сазонов указывал, что все эти материалы помогут Гирсу «ознакомиться с теперешней постановкой вопроса и непосредственным при случае воздействием на Порту, а также на французского посла, подготовить более благоприятный для наших интересов оборот в этом деле».

Ассим-бея. Для начала можно бы выставить следующие положения: 1) Включение линий Эрзингян — Эрзерум и Пекеридж — Трапезунд в схему проектируемой сети слишком явно идет вразрез со смыслом соглашения 1900 г., поэтому мы желали бы, чтобы эти линии не были включены ныне же в договор с французскими строителями, а предоставлены дальнейшему соглашению, когда основная сеть экономически себя оправдает. 2) Так как постройка остальной сети несомненно нарушит в пользу Турции равенство экономического положения в тех краях, между тем как из-за тревожного и ненормального положения на тамошних наших границах мы сами не можем думать о каких-либо культурных предприятиях, то для соблюдения принципа «принятия во внимание коммерческих интересов» мы считали бы справедливым, чтобы сооружение сети было бы растянуто настолько, чтобы дойти до конечных на восток пунктов Эрзингян и Диарбекир не раньше 15—16 лет, в каковой промежуток времени несомненно наступит спокойствие.

Вместе с сим благоволите выяснить, насколько заявление французов о желании получить линию Харпут — Диарбекир, с возможным продлением в будущем до Вана, если бы таковое заявление было ими предъявлено, имело бы шансы быть принятым турками и стоит ли нам побудить к тому Францию [1].

Сазонов.

№ 253. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 1229. 2 июля/19 июня 1912 г.

Телеграмма № 527 получена [2].

Продолжаем опасаться, что устранение Шоджи от дел может повести к серьезным осложнениям в Азербайджане и неизбежно подорвет там наш престиж, так как Шоджа, во всем старавшийся нам угодить и оказавший нам немало услуг, считается всеми нашим ставленником. Нежелание с нашей стороны отстоять его будет истолковано как признак слабости нашей. С другой стороны, в искренности расположения к нам Сепехдара, неоднократно менявшего свои убеждения, у нас нет уверенности.

Тем не менее, ввиду высказанных вами соображений, мы готовы не настаивать на отмене уже окончательно решенного отъезда Сепехдара в Тавриз. Необходимо, однако, чтобы одновременно с появлением его там было немедленно приступлено к сформированию отделения казачьей бригады, что одно лишь может ослабить вредное для нас впечатление от устранения от дел Шоджи. Благоволите настоять на последнем. Независимо от этого имеем в виду исходатайствовать пожалование Шодже следующего ордена, как только управление Азербайджаном будет передано им Сепехдару [3].

[Сазонов.]

---

[1] В ответной тел. от 12 июля/29 июня за № 471 М. Гирс сообщил, что в беседе с ним Ассим-бей «после долгих колебаний» предложил, в качестве своего частного мнения, «избрать временным конечным пунктом промежуточный пункт между Эрзингяном и Эрзерумом и назначить 13-летний срок для доведения до него рельсового пути». Гирс ответил, что это предложение не может удовлетворить росс. прав-во и что он решился бы представить на рассмотрение последнего «лишь предложение, указывающее на Эрзингян и на Харпут как на конечные пункты и определяющее 15-летний срок». Далее Гирс сообщал: «о линии Диарбекир — Ван не было между нами речи, ибо я не считаю пока возможным коснуться ее из опасения ускорить тем соглашение турок с Честером, условия коего для них весьма выгодны».

[2] См. № 251.

[3] Тел. от 2 июля/19 июня за № 1232 Клемм, ссылаясь на мнение Поклевского о невозможности долее задерживать Сепехдара в Тегеране, поручал Преображенскому «использовать все влияние на Шоджу, чтобы побудить его воздержаться от каких-либо выступлений или интриг против генерал-губернатора».

№ 254. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

/. Телеграмма № 1234 [1]. 2 июля/19 июня 1912 г.

Сообщается в Лондон, Париж и Токио.

По сведениям английского правительства, пекинский кабинет отказался принять условия реорганизационного займа, поскольку он связан с учреждением финансовых агентов и реформой соляного налога, и просит о выдаче денежных авансов в счет займа в 10 млн. фунтов стерлингов, который имел бы быть заключен на менее тяжелых основаниях.

Английскому представителю в Пекине поручено, если его коллеги получат сходные указания, ответить китайцам, что державы не дадут банкам разрешение выпустить заем иначе как на общих условиях, изложенных в телеграмме финансовых групп от 10 мая [2]; но Англия не настаивает на непременном учреждении финансовой агентуры и желает лишь установления действительного контроля над расходами [3].

Благоволите телеграфировать ваши заключения по сему поводу, в связи с имеющимися у вас сведениями о ходе переговоров по займу в Пекине и об отношении к делу ваших коллег [4].

Сазонов.

№ 255. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 1235 [5]. 2 июля/19 июня 1912 г.

Государю императору благоугодно было на-днях удостоить приема французского посла [6]. Его величество соизволил лично заверить посла в незыблемости франко-русского союза и указать на неосновательность проявленной во Франции тревоги по поводу предстоящего свидания в Балтийском Порте [7].

Сазонов.

---

[1] Опубл. М., стр. 569.

[2] Тел. финансовых групп от 10 мая не обнаружена. Вероятно, имеется в виду тел. от 15/2 мая (см. стр. 86, прим. 3).

[3] Об этом 30/17 июня англ. пос-во в Петербурге передало Сазонову пам. записку. Об ответе на нее Сазонова см. стр. 262, прим. 1.

[4] Тел. от 4 июля/21 июня за № 124 (опубл. М., стр. 569) Извольский сообщал: «Здешний великобританский посол сообщил Пуанкаре те же сведения об отношении лондонского кабинета к новейшим домогательствам Китая. Пуанкаре ответил, что французское правительство вполне согласно с точкой зрения Англии и также настаивает на непременном установлении деятельного контроля. Кроме того, Пуанкаре высказал послу, что, по его мнению, следует прекратить выдачу авансов, ибо продолжение их может только затруднить окончательное соглашение и сделать пекинское правительство еще более несговорчивым».

[5] Опубл. Stieve, II, S. 169, N 358.

[6] Телеграммой от 26/13 июня за № 478, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел (опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, N 141, p. 173), Пуанкаре дал Ж. Луи следующую инструкцию к предстоящей аудиенции его у Николая II: «1. Дайте ему пояснения по поводу жалоб на вас со стороны г. Сазонова и г. Извольского. 2. Разъясните ему подробно нашу точку зрения в восточных делах. 3. Воспользуйтесь случаем, чтобы сказать ему, что нам стоило большого труда добиться допущения России в синдикат. 4. Испросите для меня аудиенцию на 4 августа».

[7] В телеграммах от 27/14 июня за №№ 325 и 326 (расшифрованы в росс. м-ве ин. дел) Ж. Луи передавал Пуанкаре, что по вопросам об итало-турецкой войне, положении на Балканах, дальневосточных делах, свидании Вильгельма с Николаем II, увеличении Балтийского флота и поездке Пуанкаре «его величество выразил мнение, полностью нас удовлетворяющее». «Когда аудиенция подходила к концу,—продолжал Ж. Луи, — я упомянул о касавшемся меня инциденте и спросил у его величества, правда ли, что против французского посла были выдвинуты некоторые обвинения, исходящие от ответственных лиц. «С моей стороны, — ответил император, — никаких». Ответ был такой определенный и категорический, император был так любезен в течение нашей беседы, что дальнейшие вопросы я счел излишними». (Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, N 143, p. 174). См. также № 243.

№ 256. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 18. 2 июля/19 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вскоре после моего приезда в Рим меня посетил болгарский посланник г. Ризов. Насколько мне известно, этот дипломат пользуется влиянием в своем отечестве и доверием болгарского правительства. Он произвел на меня впечатление человека умного и патриота. Все это придает его словам вес и не позволяет мне умолчать о моем разговоре с ним.

Итальянско-турецкая война породила в нем самые розовые надежды, и он думает, что для Болгарии настал момент вступить в окончательную борьбу с Турцией. По его словам, Македония волнуется и с нетерпением ожидает свержения магометанского ига. С другой стороны, Болгария никогда не была вооружена так, как теперь, и ее военные силы достигли своего апогея. Турция же ослаблена войной с Италией. Со всяким днем, по мнению г. Ризова, соотношение болгаро-турецких сил должно измениться в пользу Турции и, если, — прибавил мой собеседник, — мы теперь не нападем на Оттоманскую империю и не вырвем у нее Македонии, то осуществление нашей заветной мечты должно быть отложено надолго.

Я старался умерить энтузиазм болгарского дипломата, уверяя его, что вся Европа,—и Россия не менее других стран, — желает сохранения status quo и, в случае войны с Турцией, Болгария не будет ею поддержана. Но г. Ризова аргументы эти не убедили; он мне сказал, что болгарская армия сильна и победит турок без союзников, но если бы, паче чаяния, турки оказались победителями, то Россия, как он повторительно мне сказал, не оставит и не может оставить Болгарию без своего заступничества. Такое мнение разделяют, как уверяет г. Ризов, как софийское правительство, так и народ болгарский.

Расставаясь с г. Ризовым, я не скрыл от него, что я сочту своим долгом довести наш разговор до сведения вашего высокопревосходительства и что я не сомневаюсь, что вы подействуете успокаивающе и умеряюще на несвоевременные болгарские вожделения, которые, как мне сказал маркиз ди Сан-Джулиано, не пользуются к тому же поддержкой болгарского короля.

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

№ 257. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 19 [1]. 2 июля/19 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После того, что я в последний раз писал вашему высокопревосходительству [2], я имел случай не раз видеть как маркиза ди Сан-Джулиано, так и председателя совета министров Джиолитти. Оба министра в своих разговорах со мной подчеркнули тот несомненный подъем духа, который замечается в Италии во всех слоях населения и который не позволил бы правительству, даже если бы оно этого хотело, заключить с Турцией мир иначе, как под условием полного и безусловного, как сказал мне маркиз ди Сан-Джулиано, признания суверенитета королевского правительства над Ливией. Оба министра неоднократно выражали мне симпатии к России, которая одна хотела помочь Италии. Я воспользовался этим добрым расположением итальянских государственных людей, чтобы привлечь их внимание на тот факт, что мы бескорыстно исполнили все наши обещания, но что Италия не имела до сих пор случая оказать нам соответствующую услугу. «У нас от вас, — сказал я как г. Джиолитти, так и маркизу ди Сан-Джулиано, — секретов нет; для нас же остается тайной не только договор

[1] Опубл. Siebert, II, S. 404, N 642.
[2] См. № 198.

Тройственного союза, но и соглашения франко-итальянское 1902 г. и Италии с Австрией относительно Албании [1]. Для нас даже остается вопросом, намерена ли Италия возобновить свой договор с Францией». Оба министра — совершенно то же самое сказал мне впоследствии г. Баррер — ответили мне, что соглашение 1902 г. не требует возобновления; что оно бессрочно и может только прекратиться, как это сказано в соглашении, если бы в договоре Тройственного союза были сделаны *значительные* изменения и после того, что о таковых изменениях было бы официально сообщено французскому правительству итальянским правительством. Таким образом о возобновлении соглашения 1902 г. не может быть и речи, и Франции, как это ей хорошо известно, опасаться нечего.

Что же касается соглашения с Австрией об Албании, то г. Джиолитти сказал мне, что оно было заключено до него; что он не помнит точно текста этого акта и не знает, обязались ли Австрия и Италия держать этот акт в секрете. Если такого условия не было заключено, то мне будет сообщен текст этого соглашения, которое, впрочем, есть только «un acte de désintéressement» [2] и не преследует никаких тайных целей или скрытых мыслей. Маркиз же ди Сан-Джулиано мне прямо сказал: «Nous sommes obligés au secret et ce serait violer notre parole que de communiquer même à vous le texte de cet acte. Je regrette profondément de ne pas pouvoir le faire car ce n'est qu'un accord garantissant le status quo en Albanie et constatant notre désintéressement mutuel. Il n'y a rien de plus, et, sauf des virgules sans importance aucune, cet acte est connu par tout le monde dans sa totalité» [3]. Нам, — прибавил министр иностранных дел, — не только Албания не нужна, но если бы нам поднесли ее на блюде — мы отказались бы от этого подарка. Мы желаем присоединения только итальянцев, не вошедших еще в состав итальянского королевства, и колониальные приобретения; увеличение же государства на счет других народностей нам совершенно нежелательно [4].

Из моих разговоров с министром иностранных дел я вынес впечатление о полной его искренности, хотя он и скрыл от меня те затруднения, политические и финансовые, которые Италия встречает в своей борьбе с Турцией. Слушая министра, да и не только министра, поверхностный наблюдатель вынес бы впечатление, что все обстоит благополучно и что война не озабочивает итальянских государственных людей, несмотря на то, что они постоянно повторяют: «Cette guerre ne peut pas finir de si tôt. Elle durera dix ans si les Turcs s'obstinent à ne pas se résigner à l'inévitable» [5].

Примите и пр.

А. Крупенский.

№ 258. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо. 2 июля/19 июня 1912 г. [6]

Частное и секретное.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич,

В моем донесении о беседе моей с болгарским посланником [7] я не мог коснуться, по причине их интимного характера, некоторых совершенно

[1] См. стр. 28, прим. 3.

[2] «акт незаинтересованности».

[3] «Мы обязаны сохранять тайну, и мы нарушили бы свое слово, сообщив, хотя бы даже вам, текст этого акта. Я глубоко сожалею, что мы не можем этого сделать, так как это соглашение представляет собою лишь гарантию status quo в Албании и констатирует нашу обоюдную незаинтересованность. Оно не содержит ничего иного и, за исключением нескольких не имеющих никакого значения запятых, оно полностью всем известно».

[4] Последующая часть у Siebert'a опущена.

[5] «Эта война не может так скоро кончиться. Она продлится лет десять, если турки будут упорствовать в нежелании подчиниться неизбежному».

[6] Публикуемое письмо ошибочно датировано А. Крупенским 2 июля/19 мая.

[7] См. № 256.

конфиденциальных сообщений, сделанных мне г. Ризовым. Не считая, однако, возможным умолчать о них, довожу о них до вашего сведения путем настоящего частного письма.

Г. Ризов хотя и страстно, но умно, подробно и охотно переходил в своем разговоре от одного предмета к другому, интересующему его отечество. Он коснулся при этом секретного соглашения, заключенного под эгидой России между Сербией и Болгарией. Существование этого соглашения было, однако, разоблачено, сперва в парижской газете «Temps» [1], а потом и в венгерской прессе. Встревоженное этим, болгарское правительство искало источника этой нескромности и нашло-де, как меня заверил Ризов, что она исходит из нашей миссии в Софии. «Сведения наши абсолютно верны, — сказал мне посланник, — мы знаем, что г. Неклюдов ничего не скрывает от своей жены и вообще болтлив и что г-жа Неклюдова, — я не имею права умолчать и об этом, — увлекшись австрийским посланником графом Тарновским, делится с ним всем, что доходит до ее сведения. Названный же австрийский дипломат, хотя и пользуется этим, не стесняется жаловаться, что он никак не может отделаться от навязчивой жены русского коллеги. Вообще, — прибавил г. Ризов, — мы потеряли всякое доверие к г. Неклюдову и опасаемся его легкомыслия столько же, сколько поведения его супруги».

На мое возражение, что известие об упомянутом соглашении появилось сначала во французской, а не австрийской газете, Ризов мне заметил, что венский кабинет, для отвода подозрений, намеренно прибег к иностранной прессе.

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

P. S. Сегодняшние донесения мои были написаны, когда я прочел доставленные мне курьером письма А. П. Извольского от [7 июня] 24 мая [2] и [20] 7 июня [3]. Они меня тем более интересовали, что они вполне подтверждают все, что я вам писал как о франко-итальянских отношениях, так и о «возобновлении» соглашения 1902 г. между Италией и Францией [4]. В дополнение же сказанного о Болгарии могу только прибавить, что Ризов, который был при своем короле в Вене и Берлине, сказал поверенному в делах, несколько дней до моего приезда, что он дает ему честное слово, что король Фердинанд не связал себя никакими обещаниями относительно Австрии или Германии. См. письмо А. П. Извольского от 20/7 июня.

В моих донесениях, касающихся разговоров с маркизом Сан-Джулиано [5], я также не счел удобным упомянуть об одной подробности нашей беседы. Исправляю это упущение здесь. Говоря о нашем отношении к Тройственному союзу и о нашей надежде, что Италия не согласится подписать враждебный нам договор и, как это уверяют было прежде, обещать Австрии военную поддержку против нас, итальянский министр мне ответил, что мы в этом не только можем быть уверены, но что к такой поддержке Италия *никогда* не обязывалась. «Pouvez-vous supposer que l'Italie consente à aider militairement son ennemie séculaire. Si son Gouvernement s'y engageait il serait balayé par l'indignation publique» [6]. «Cependant, — возразил я ми-

[1] См. № 150.
[2] См. № 143.
[3] См. № 211.
[4] См. №№ 191 и 257.
[5] См. №№ 191 и 198.
[6] «Можете ли вы предположить, что Италия согласится оказать военную помощь своему вековому врагу. Если бы ее правительство взяло на себя такое обязательство, то оно было бы сметено народным возмущением».

нистру, — des informations fort positives semblent nous le faire croire» [1]. Несколько дней после этого маркиз ди Сан-Джулиано вернулся к этому вопросу и сказал мне, что как он сам, так и генеральный секретарь Боллати рылись во всех архивах и ничего подобного ни в политических ни в военных соглашениях не нашли. «Nous nous sommes même adressés aux archives vivantes de la Consulta, au commandeur Malvano, et lui aussi nie absolument que l'Italie se soit jamais engagée dans le sens que vous indiquez. Je puis vous assurer que vous vous trompez et vous aurez puisé vos informations à de mauvaises sources» [2]. В полной искренности министра я ни минуты не сомневаюсь и должен предоставить вам объяснить противоречие его заверений с нашими секретными сведениями, носящими печать d'une absolue authenticité [3].

Ut in litteris К р у п е н с к и й.

№ 259. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

/. Телеграмма № 1237. 3 июля/20 июня 1912 г.

Сообщается в Лондон и Тегеран.

Турецко-персидское разграничение.

О'Берн, принося благодарность за готовность нашу поддержать великобританское правительство в вопросе о границе у Мохаммеры [4], сообщил, что лондонский кабинет, в свою очередь, окажет нам полную дипломатическую поддержку по отношению к северной части границы. Он добавил конфиденциально, что, судя по некоторым заявлениям, сделанным в последнее время Ассим-беем Лоутеру, турки склонны теперь проявить больше сговорчивости в пограничном вопросе, в том числе и в отношении северного участка, и были бы готовы сделать нам некоторые уступки, если б они могли при этом спасти лицо. В заключение поверенный в делах просил указать ему, хотя бы приблизительно, желательную нам границу.

Независимо от этого, в доверительной памятной записке, О'Берн говорит, что британское правительство готовит письменное сообщение Порте по вопросу о границе у Мохаммеры, в котором будут изложены английские пожелания. Как только Турция примет эти пожелания, лондонский кабинет не будет противиться принятию персами «объяснительной ноты». Англичане намерены предупредить турок, что в случае их несогласия подчиниться сказанным пожеланиям, целью которых является лишь укрепление status quo, существовавшего по меньшей мере 60 лет, великобританское правительство не согласится на увеличение турецких таможенных ставок, ни на окончание известных переговоров, которые ведутся им ныне с Турцией по вопросу об английских интересах в Персидском заливе.

Поблагодарив со своей стороны за обещание поддержки, я сообщил поверенному в делах, что в отношении северной части границы мы имеем в виду отстаивать status quo 1905 г. с незначительными, в случае крайности, уступками в пользу Турции [5].

---

[1] «Однако вполне определенные сведения заставляют нас этому верить».

[2] «Мы даже обратились к живому архиву Консульты, командору Мальвано, и он также абсолютно отрицает, что Италия когда-нибудь брала на себя обязательства в указываемом вами смысле. Я могу вас уверить, что вы ошибаетесь и что вы почерпнули ваши сведения из плохого источника».

[3] «абсолютной достоверности».

[4] Имеется в виду пам. записка О'Берна от 2 июля/19 июня. В письме от того же числа, при котором была препровождена эта пам. записка, О' Берн ссылался на свой разговор с Сазоновым по поводу турецко-персидского разграничения.

[5] Имеется в виду письмо Сазонова О'Берну от 3 июля/20 июня, содержание которого в основном изложено в публикуемом документе.

На этой точке зрения нам надо будет отныне твердо стоять в переговорах с турками и персами [1].

[Сазонов.]

№ 260. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 795. 3 июля/20 июня 1912 г.

Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Николаевич,

В дополнение к лично переданной мной на заседании совета министров [29] 16 июня с. г. вашему высокопревосходительству телеграмме управляющего генеральным консульством в Тавризе от [27] 14 июня с. г. № 334 [2], в коей заключалось ходатайство азербайджанского правителя Шоджа-эд-Доуле о продаже ему 500 000 патронов и выдаче 300—400 винтовок из числа ружей, задержанных в Тавризе нашими войсками в декабре 1911 г. [3], имею честь препроводить при сем копию с только что поступившей телеграммы посланника в Тегеране от [1 июля] 18 июня с. г. № 526 [4]. Из ее содержания ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что персидское правительство считает достаточным предоставление Шодже 100 000 патронов и 100 ружей. Со своей стороны я склонялся бы к тому, чтобы выдать Шодже столько оружия и патронов, сколько он просит, вследствие того, что эти предметы нужны ему для предпринимаемой им против шахсевен экспедиции. Однако, имея в виду, что персидское правительство может не согласиться взять на себя оплату 400 000 лишних патронов, о коих просит Шоджа, я не вижу пока иного выхода из положения, как продажа персам лишь 100 000 патронов. Что же касается винтовок, то против выдачи Шодже максимального просимого им количества их препятствий с моей стороны не встречалось бы, в особенности ввиду предположения о снабжении этими винтовками отделения казачьей бригады, имеющего быть организованным в Тавризе в самом непродолжительном времени.

Копия настоящего письма вместе с сим сообщается военному министру [5].

В ожидании отзыва о последующем примите и пр.

[Сазонов.]

№ 261. Справка по вопросу о Трансперсидской ж. д. [6]

3 июля/20 июня 1912 г.

Возможно, что во время свидания в Балтийском Порте немцами будет затронут вопрос об участии немецких капиталов в деле Трансперсидской ж. д.

---

[1] В ответной тел. от 10 июля/27 июня за № 465 М. Гирс настаивал на необходимости принятия персами объяснительной ноты «ввиду опасности для нас подрыва всего Эрзерумского трактата».

[2] Содержание указанной тел. Преображенского изложено в публикуемом документе.

[3] См. т. XIX, № 264.

[4] Содержание указанной тел. Поклевского исчерпывается публикуемым документом.

[5] Ответным письмом от 8 июля/25 июня за № 3984 Коковцов извещал Сазонова о получении им тел. заместителя наместника на Кавказе Шатилова от 30/17 июня за № 5505, сообщавшей, что распоряжение об отпуске патронов и винтовок Шоджа-эд-Доуле уже сделано. «При таком положении дела, — писал далее Коковцов, — изложенные в вашем письме за № 795 предположения персидского правительства о некотором сокращении количества выдаваемых Шоджа-эд-Доуле боевых припасов не могут по запоздалости своей получить практического осуществления». Тел. от 13 июля/30 июня за № 1311 Клемм сообщил Поклевскому о письме Коковцова.

[6] Заголовок оригинала. Публикуемый документ написан рукой Клемма.

Вопрос этот подлежал бы во всяком случае предварительному обсуждению между нами и англичанами, которые на этот счет никогда еще не высказывались. Впрочем, в настоящем фазисе дела было бы вообще преждевременно говорить об участии тех или других капиталов в означенном предприятии, самое осуществление коего еще далеко не решено. Пока, как известно, дело обстоит следующим образом.

Русские инициаторы проекта ввиду невозможности выполнения его без согласия англичан вступили в соглашение с группой английских предпринимателей об образовании общества по изучению вопроса о постройке Трансперсидской ж. д. [1] Засим, имея в виду, что главные капиталы на осуществление предприятия могут быть добыты лишь во Франции, объединенный русско-английский консорциум привлек к участию в сказанном обществе некоторые французские банковые учреждения. Организованное таким образом общество имеет всесторонне рассмотреть вопрос и высказаться определенно относительно возможности осуществления предприятия и условий, на которых это может быть сделано. Правительства русское и великобританское выразили пока лишь согласие на образование общества по изучению вопроса, предоставив себе высказаться окончательно насчет самого предприятия после того, как общество представит им свои выводы и предположения, так как лишь тогда каждое из этих правительств в состоянии будет обсудить вопрос во всех подробностях с точки зрения своих экономических и иных интересов [2].

№ 262. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 3 июля/20 июня 1912 г.

Весьма доверительно.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Сдержанность и обиженный вид графа Берхтольда, вызванные будто бы вследствие галицких инцидентов и опубликования его писем [3], не показывают его государственные качества, а прикрывают скорее отсутствие его авторитета в вопросах, касающихся внутренних дел монархии. Мелочно придираться к таким предлогам, когда высшие интересы внешней политики требовали бы более солидарных действий всех держав.

Мне думается, что единственное верное обеспечение самостоятельных действий какой-либо державы на Ближнем Востоке — это поддержание соглашения между всеми державами, приняв за основание сохранение status quo на Балканах. Установив постоянный обмен мнений касательно посредничества для прекращения войны, ваше высокопревосходительство оказали большую услугу делу мира. В этом отношении конечно прискорбно, что мне до сих пор не удалось откровенно объясниться по политическим вопросам с графом Берхтольдом, но я намерен вызвать его на эту откровенную беседу до его отъезда на лечение в Карлсбад в конце июля нов. стиля.

Сильно сомневаюсь, чтобы король болгарский решился бы связать себя с Австрией по балканским вопросам; мне кажется скорей, что цель его визита в Вене была изгладить, насколько возможно, то впечатление, которое не могло не произвести подписание тайного болгарско-сербского соглашения. Допускаю скорей, что Фердинанд, со свойственной ему двуличностью, дал императору Франц-Иосифу все возможные устные заверения и способен был даже обвинить Россию во всем. Во всяком случае в Ball-Platz относятся к нему с недоверием и стараются всеми силами укрепить узы, связывающие Австро-Венгрию с Румынией, чтобы ослабить действия Болгарии и Сербии против Турции и Австрии. Весьма доверительное письмо нашего посла в

[1] Ср. № 133.
[2] См. т. XIX, № 769.
[3] См. стр. 97, прим. 2.

Париже от 6 июня/24 мая относительно пребывания в Париже болгарского министра финансов [1] заслуживает несомненно особенного внимания.

Не могу не порадоваться предстоящему свиданию государя императора с императором Вильгельмом, как и вашим беседам с германским канцлером,— основа нашей политики Тройственного соглашения останется незыблемой, но мы укрепим новое звено для сохранения европейского мира. Желательно также, чтобы давление враждебных нам племен, входящих в состав Габсбургской монархии, не поссорило бы нас окончательно с Австро-Венгрией, что могло бы вовлечь ее к самостоятельному и агрессивному действию на Ближнем Востоке.

Считаю нелишним отметить обмен телеграмм между императором Франц-Иосифом и королем румынским по случаю посещения Румынии австрийским генералом фон Ковес, начальником XII корпуса, в сопровождении значительного количества генералов и офицеров [2]. Хотя таковые посещения бывают ежегодно, но в этом году австрийская пресса придает этому событию особенное политическое значение.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 263. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1243. 4 июля/21 июня 1912 г.

Дополнение телеграммы министра № 1178 [3].

Предвидя большие затруднения и затяжку в переговорах с консорциумом Трансперсидской дороги относительно аванса, министр финансов решается предложить выдачу такового Учетно-ссудному банку, который достанет необходимую сумму у своих заграничных корреспондентов [4]. При этом статс-секретарь Коковцов ставит, однако, условием, чтобы погашение этой новой ссуды шло в первую очередь за погашением первого нашего аванса из остатков таможенных доходов; а так как впредь до полного погашения сказанного аванса эти остатки очевидно будут полностью обращаться именно на эту цель, то сверх условия о том, что из этих остатков вслед за погашением первого аванса погашается новая ссуда, надлежит потребовать еще допол-

[1] См. № 146.

[2] Австро-венг. военная депутация во главе с командиром XII корпуса ген. Ковес приезжала в Синайю 22/9 июня (рапорт Искрицкого от 25/12 июня за № 104).

[3] См. № 222.

[4] В ответ на сообщение Коковцова о том, что Учетно-ссудный банк не имеет возможности выдать Персии аванс, Сазонов указывал в письме от 24/11 июня за № 761 на крайнюю необходимость «притти безотлагательно на помощь персидскому правительству» и предлагал немедленно поручить правлению Учетно-ссудного банка «приступить к переговорам с консорциумом банков, финансирующих Société d'Études Трансперсидской ж. д., относительно принятия им на себя этой финансовой операции»; при этом Сазонов считал желательным, чтобы этой сделке был придан характер самостоятельной ссуды, а не аванса в счет будущего займа, чтобы «не связать себя ныне же окончательно перед консорциумом в вопросе о займе».

В письме от 3—2 июля/20—19 июня за № 659 Коковцов сообщал, что, по его мнению, новая ссуда только отдалит решение вопроса о крупном займе, «который один может дать Персии средства для необходимых реформ»; но он все же соглашался на выдачу ссуды, ввиду признаваемой Сазоновым «крайней необходимости» притти на помощь перс. прав-ву. Коковцов, однако, считал, что вряд ли консорциум согласится взять на себя эту операцию, если он не получит опциона на будущий заем. Поэтому Коковцов признавал единственным выходом из положения — выдачу ссуды Учетно-ссудным банком «с предоставлением последнему изыскать для этой операции средства тем способом, какой он найдет для себя наиболее удобным и выгодным». Так как результатом этого явится увеличение задолженности Учетно-ссудного банка его заграничным корреспондентам, то Коковцов считал возможным «пойти на этот выход как на совершенно крайнюю меру», приемлемую лишь в том случае, если ссуда будет обусловлена гарантиями, изложенными в публикуемом документе.

нительного условия, в силу которого на погашение этой ссуды ежемесячно должна отчисляться определенная сумма из поступающих ныне, на основании соглашения с Морнаром, в наш банк других государственных доходов в обеспечение текущего счета в 200 000 томанов. Размер ежемесячного отчисления мог бы быть определен по соглашению управляющего банком в Тегеране с Морнаром с таким расчетом, чтобы даже при отсутствии остатков таможенных поступлений новая ссуда была погашена не позднее, как в 3 года.

Независимо от этого министр финансов считает, что за нашу услугу мы должны добиться согласия шахского правительства на немедленную прокладку рельс на Джульфа-Тавризской дороге, так как ныне представляется для нас исключительная возможность добыть средства на сооружение этой железной дороги путем реализации на французском денежном рынке негарантированных нами облигаций общества Тавризской дороги [1]. Эта благоприятная конъюнктура может скоро измениться, а потому вопрос должен быть разрешен безотлагательно.

Гофмейстер Сазонов очень сочувствует этой мысли и, уезжая в Балтийский Порт до воскресенья, поручил мне просить вашего спешного заключения, каковое желательно иметь к его возвращению.

К л е м м.

№ 264. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 4 июля/21 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тотчас по получении телеграммы вашей от 20/7 июня за № 1166 [2], я не преминул сообщить ее содержание г. Пуанкаре, в форме прилагаемой при сем памятной записки [3], в которой подробно изложены наши пожелания относительно пределов и порядка осуществления предположенной сети малоазиатских ж. д. Как вам известно из телеграммы моей от 23/10 июня за № 116 [4], г. Пуанкаре выразил мне серьезнейшие опасения, что настояния перед Портой в указанном вами смысле могут побудить турецкое правительство прервать переговоры с французским консорциумом и передать все дело в другие руки, например американцам или немцам, что было бы одинаково невыгодно как для Франции, так и для России; несомненно, что Турция твердо решилась так или иначе выполнить проектированную сеть и, если она встретит затруднения со стороны французских капиталистов и французского правительства, она может найти способы обойти эти затруднения, либо обратившись за деньгами к финансистам других стран, либо проложив железнодорожные линии вне сферы соглашения 1900 г., взяв за исходный пункт этих линий Кайсарию. На обе эти опасности с настойчивостью указывают как французский посол в Константинополе, так и приезжавший недавно в Париж представитель французского консорциума г. Салландруз де Ламорне. Кроме того, г. Пуанкаре обратил мое внимание на некоторое противоречие между изложенными в моей записке пожеланиями и текстом подписанного в Константинополе гг. Чарыковым и Бомпаром протокола [5], а также с нашими предыдущими заявлениями по настоящему вопросу. Так, по отношению к линиям к востоку от Самсуна, в протоколе не сказано, что мы желаем совершенной остановки этих линий у Эрзингяна и Диарбекира, а выражено лишь, что при их постройке будут приняты во-

[1] См. № 51.

[2] См. № 206.

[3] Приложенная к письму пам. записка от 22/9 июня (опубл. Stieve, II, S. 197, N 376, где она ошибочно датирована 22/9 июля) дословно воспроизводит телеграмму Сазонова от 20/7 июня № 1166.

[4] См. стр. 230, прим. 1.

[5] См. т. XVIII, приложение к № 202.

внимание наши стратегические интересы. Далее, до сих пор во всех объяснениях между нашим посольством в Константинополе и французским консорциумом намеченный последним срок выполнения сети — десятилетний — признавался для нас приемлемым [1]. Если теперь французское правительство внезапно выступит перед Портой с вышеуказанными требованиями, результатом этого может оказаться крушение всего плана. При этом г. Пуанкаре еще раз, не без горечи, сослался на прецедент Багдадской дороги, от участия в которой Франция отказалась вследствие наших настояний и в результате оказалась фактически исключенной из предприятия, на которое мы в конце концов дали свое согласие Германии. Как бы то ни было и несмотря на эти возражения, г. Пуанкаре обещал мне самым внимательным образом рассмотреть настоящий вопрос и изыскать способ обеспечить наши экономические и стратегические интересы, не подвергая проект французского консорциума опасности полного крушения.

После вышеизложенного обмена мыслей я несколько раз возвращался к настоящему предмету в моих беседах с г. Пуанкаре, почерпая мои аргументы в ваших последующих телеграммах и в письме вашем от [27]14 июня за № 405 с приложенным к оному особым журналом совета министров от [23] 10 мая сего года [2]. Телеграммой моей от [1 июля] 18 июня за № 123 [3] я уведомил вас, что еще в конце прошлой недели г. Пуанкаре отправил французскому послу в Константинополе подробные инструкции с приложением моей памятной записки и поручил ему объясниться по ее предмету с нашим послом. В инструкциях этих, с текстом коих г. Пуанкаре весьма обязательно меня ознакомил, весьма энергически подчеркивается необходимость изыскать такую формулу, которая обеспечила бы наши стратегические интересы, на которые обращается самое серьезное внимание французского посла. Что касается вопроса о том, до какой степени следует опасаться передачи дела турецким правительством в другие руки или иного способа обойти соглашение 1900 г., то и этот вопрос г. Бомпару поручается рассмотреть совместно с г. Гирсом. Как только от г. Бомпара будет получен ответ, г. Пуанкаре сообщит мне его, и тогда можно будет обсудить дальнейшее направление настоящего вопроса [4].

По ходу моих объяснений с г. Пуанкаре, само собой возникло предположение, не представляется ли возможным обставить дело так, чтобы сами французские капиталисты были заинтересованы в том, чтобы малоазиатская сеть осуществлялась в надлежащей постепенности и в зависимости от постройки наших кавказских линий. Это могло бы быть достигнуто, если бы тот же консорциум в той или другой форме получил постройку не только турецкой, но и русской кавказской сети. В таком случае было бы нетрудно не только поставить осуществление обеих сетей в фактическую зависимость друг от друга, но и принять различные другие негласные меры к тому, чтобы в случае войны обе сети служили главным образом не турецким, а нашим стратегическим целям. Принимая во внимание, что мысль о привлечении французского консорциума к постройке наших линий на Кавказе уже рассматривалась вами и нашим военным агентом в Константинополе, я счел возможным высказать г. Пуанкаре, что лично мысль эта кажется мне весьма интересной, но что я, конечно, не могу судить о том, насколько она может

[1] См. т. XIX, ч. II, стр. 230, прим. 1.

[2] См. №№ 63 и 236.

[3] Содержание указанной тел. от 1 июля/18 июня за № 123 (опубл. М., стр. 219) исчерпывается публикуемым документом.

[4] В тел. от 4 июля/21 июня за № 1240 Нератов, сообщая Извольскому о полученных им сведениях, что один из директоров Оттоманского банка выехал в Париж, высказывал предположение, что поездка эта вызвана переговорами о турецком займе. Признавая возможной связь между этим займом и железнодорожным вопросом, Нератов указывал Извольскому, что «заключение какого-либо турецкого займа до выяснения результатов наших разговоров о железных дорогах весьма нежелательно».

быть сочтена у нас удобоисполнимой. Позволяю себе, однако, обратить на нее самое серьезное ваше внимание, ибо, если бы мы решились пойти по этому пути, мы получили бы самое действительное средство направлять деятельность французского консорциума согласно нашим видам. Вы знаете, что, хотя французское правительство и располагает в теории средством контролировать эту деятельность, на практике весьма часто не оно руководит финансистами, а, наоборот, финансисты — правительством. В настоящем случае было бы особенно полезно устроить дело так, чтобы заинтересованные банки были поставлены в прямую зависимость от нас.

Беседуя о настоящем вопросе с г. Пуанкаре, я особенно настаивал на первостепенной важности соображений стратегического характера и мне известно, что эти соображения были им представлены совету министров и генеральному штабу. Но дабы еще более подчеркнуть эту сторону дела, я воспользовался приездом сюда начальника нашего генерального штаба генерала Жилинского и просил его, по собственному почину и не ссылаясь на меня, возбудить этот вопрос при объяснениях с начальником французского генерального штаба. Генерал Жилинский, находящийся в полном курсе дела, обещал мне самым энергическим образом обратить на него внимание своего французского товарища.

Примите и пр.

Извольский.

№ 265. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 4 июля/21 июня 1912 г.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Инцидент с предложением Пуанкаре [1], слава богу, благополучно разрешился, несмотря на новые попытки, сознательные или бессознательные, со стороны Жоржа Луи его запутать. Лично для меня инцидент этот оказался благоприятным, ибо он практически доказал неспособность Жоржа Луи разбираться в том, что ему говорят. Я думаю также, что он окончательно убедил Пуанкаре в необходимости заменить его в Петербурге другим лицом.

Что касается предложения Пуанкаре по существу, мне кажется, что вы не совсем правы, не придавая ему никакого значения и видя в нем лишь средство дать личное удовлетворение его самолюбию. Дело в том, что проявленная им по поводу свидания императоров нервность отражает не столько собственные его мысли, как общее настроение здешних руководящих политических и парламентских сфер, с психологией коих нам необходимо считаться, если мы хотим продолжать основывать нашу политику на тесном единении с Францией. В этом отношении Потсдамское свидание, толком и своевременно не разъясненное ни правительству, ни французской печати и совершенно извращенное немцами, оставило по себе более глубокие следы, нежели можно было предполагать. Постоянно делаемый мне упрек, что, помешав сначала Франции участвовать в Багдадском предприятии, мы затем сговорились с Германией, оставив Францию между двумя стульями, исходит не только от Пуанкаре; я слышал их от самых различных деятелей — политических, финансовых и т. д. Я думаю, что если бы в минуту Потсдамского свидания во главе здешнего посольства был бы Нелидов [2], все эти недоразумения могли бы и не возникнуть, и что Неклюдов сам не сумел или не подумал озаботиться о том, чтобы как следует осветить это событие. Вы вспомните, какую бурю я застал здесь в печати, когда я приехал сюда в ноябре. На

[1] См. №№ 207 и 210.

[2] Нелидов — посол в Париже с 1903 г.; умер в сент. 1910 г.; Неклюдов в момент Потсдамского свидания был поверенным в делах в Париже, до приезда Извольского в ноябре 1910 г.

этот раз я надеюсь справиться с печатью, хотя это при существующих условиях нелегко. До сих пор главные газеты относятся к этому вопросу вполне хладнокровно, и есть надежда, что они сохранят этот тон до конца. Дабы достичь этой цели — я пускаю в ход все мои личные отношения в газетном мире; но мелкая и самая опасная печать совершенно ускользает от моего воздействия, и с этой стороны, при отсутствии материальных средств, всегда возможны сюрпризы.

Все эти дни Пуанкаре почти неуловим, ибо всецело занят парламентской борьбой из-за избирательного закона [1]. До сих пор он одерживает победу за победой, но это достается ему ценой крайнего напряжения сил, ибо в сущности защищаемая им идея глубоко антипатична очень значительной части собственной его партии. Усилия его несомненно указывают на поворот французского общественного мнения в сторону более консервативных идей. Но в этом кроется также и опасность для настоящего кабинета. Я думаю, однако, что Пуанкаре одержит окончательную победу и во всяком случае продержится до начала будущего года, т. е. до президентских выборов, когда, по установившемуся обычаю, кабинет подаст в отставку, причем Пуанкаре имеет все шансы на то, что он останется во главе правительства и при новом президенте. Особенную силу его кабинету придают оба министра национальной обороны — Мильеран и Делькассе, пользующиеся в стране небывалой популярностью и, по всеобщим отзывам, в высшей степени успешно работающие над поднятием боевых сил Франции. В настоящую минуту здесь находятся оба начальника наших генеральных штабов — ген. Жилинский и князь Ливен, и я нарочно отложил на несколько дней мой отъезд в Contrexeville, чтобы наладить их сношения с французами.

В заключение прибавлю несколько слов о поездке Пуанкаре в Петербург. Как вам известно, он прибудет на французском крейсере. Он очень просит вас *указать точный день, в который он должен прибыть в Петербург*. Мне кажется, что ему следовало бы прибыть не позже четверга 8 августа/26 июля, дабы иметь с вами деловое свидание накануне приема в Петергофе. Затем вы, конечно, позаботитесь о том, чтобы в Петергофе он был бы приглашен к высочайшему столу. Вообще мне кажется, что следовало бы обставить его пребывание у нас возможно торжественнее. Между прочим он заявил мне о своем желании, по окончании визита в Петербург, поехать в Москву. Весьма вероятно, что как раз в это время я съезжу к себе, в Тульскую губернию, и, в таком случае, я мог бы доехать с ним до Москвы и лично представить его тамошним властям. Не откажите по получении этого письма, уведомить меня по телеграфу, *на какой день вы находите удобным назначить приезд его в Петербург*, ибо ему необходимо заранее рассчитать время на морской переход (кружным путем через Датские проливы), дабы избежать проход через Кильский канал.

Севастопуло уже в Париже и, хотя его назначение еще не опубликовано, уже начал отправлять свою службу [2]. Я считаю его очень умным и дельным человеком и уверен в полезном его сотрудничестве. Но не скрою от вас, что предпочел бы лицо с русской фамилией и принадлежащее к нашему дворянскому кругу. Уж очень много у меня здесь инородцев. В частности Татищев [3] был бы здесь превосходным советником, и мне кажется, что аргумент о неповышении на месте к нему вряд ли применим, ибо он назначен сюда лишь несколько месяцев тому назад. Но он бесспорно моложе Севастопуло и на его назначение не претендует. Но я боялся назначения сюда Боткина из Берлина, в каковом случае Татищев ушел бы, о чем я глубоко сожалел бы.

---

[1] См. стр. 203, прим. 1.

[2] Официальное назначение Севастопуло советником росс. пос-ва в Париже состоялось 14/1 июля 1912 г.

[3] Татищев — первый секретарь росс. пос-ва в Париже.

Не можете ли вы, в противовес трем немцам и одному греку, прислать мне хотя бы одного атташе с русской дворянской фамилией?

Послезавтра еду в Contrexeville, но к следующему курьеру буду в Париже, а ровно через месяц надеюсь увидеться с вами в Петербурге.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 266. Военный агент в Австро-Венгрии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 155. 4 июля/21 июня 1912 г.

Манифестации австро-румынской дружбы.

В начале этой недели, начальник генерального штаба, генерал Шемуа, отправился, по приказанию императора, в Румынию, для представления королю Карлу.

В феврале месяце генерал Шемуа, вскоре после своего назначения на пост начальника генерального штаба, ездил с официальным визитом в Берлин, где представлялся императору Вильгельму. Шесть лет тому назад генерал Конрад ф. Гетцендорф, заняв пост начальника генерального штаба, точно так же был командирован в Берлин и в Румынию [1].

Таким образом, поездка генерала Шемуа в Румынию не представляет какого-либо из ряда выходящего явления; тем не менее она лишний раз подтверждает общность военных интересов Австро-Венгрии и Румынии — факт, который так решительно отрицается в румынских руководящих сферах.

[28] 15 июня, за несколько дней до поездки генерала Шемуа, император Франц-Иосиф принимал в отдельной аудиенции румынского министра иностранных дел, г. Майореску, остановившегося в Вене на несколько дней, проездом из Висбадена [2].

Почти одновременно с этим, в Синае был принят командир XII австрийского корпуса, явившийся с обычным визитом к королю Карлу [3]; как и в прошлые годы, командира корпуса сопровождали чины его штаба и высшие начальствующие лица корпуса.

Прием командира XII корпуса подал королю румынскому повод послать императору, составленную в самых горячих выражениях, телеграмму, в которой его величество свидетельствует о том интересе, с которым он следит «за постоянным развитием и совершенствованием славной австро-венгерской армии», с которой он «связан двойными узами».

Ответная телеграмма императора, составленная в не менее горячих выражениях, заканчивалась пожеланием «блестящей будущности славной румынской армии».

Таким образом, последние дни ознаменовались рядом манифестаций австро-румынской дружбы.

Генерального штаба полковник Занкевич.

---

[1] В рапорте от 3 июля/20 июня за № 109 Искрицкий сообщал, что австро-венгерский военный агент объяснял приезд Шемуа в Румынию «установившимся в последнее время обычаем, в силу которого каждый новый австро-венгерский начальник генерального штаба, по своем назначении на этот пост, посещает обыкновенно Берлин (что уже исполнено Шемуа), а затем, при случае, и Румынию. Такое же объяснение дали мне и некоторые румынские офицеры, с которыми я беседовал по поводу приезда Шемуа». «Не сомневаюсь лично, — писал Искрицкий, — что фельдм.-лейт. Шемуа, исполняя официальный акт вежливости, лишний раз подтверждающий нам о тесных отношениях, существующих между австро-венгерской и румынской армиями, успел переговорить с генералом Авереску по главнейшим вопросам, касающимся совместных военных действий этих армий, на основании существующей австро-румынской военной конвенции, и что именно свидание с генералом Авереску и являлось главной целью его приезда в Синаю».

[2] О пребывании Майореску в Австро-Венгрии см. № 319.

[3] См. стр. 254, прим. 2.

*

№ 267. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 66 [1]. 4 июля/21 июня 1912 г.

Продолжающееся в Монастырском гарнизоне и тлеющее в Солунском и Адрианопольском военное движение, длящееся албанское восстание и в особенности отвлечение значительных турецких сил из Адрианополя и сопредельных мест южно-болгарской границы представляют для болгар все большее искушение начать войну против Турции. Не только в оппозиционной печати, но и в среде правительственной коалиции громко раздаются голоса, требующие воспользоваться нынешним исключительным положением. К сожалению, это мнение проводит Данев, несмотря на категорические разъяснения, данные ему в Ливадии и повторенные мною здесь [2]. Гешов пока пользуется положением, чтобы истребовать у турок окончательное решение постройки Куманово-Кюстендильской линии [3] и признание светского совета экзархии. Он сообщил мне вчера, что король Фердинанд, лечащийся в Пестиане близ Пресбурга, запросил его по телеграфу, не должен ли он прибыть немедленно, прекратив лечение, на что Гешов ответил ему, прося не приезжать, чтобы не взволновать еще более умы. Однако я имею основания полагать, что и Гешов предвидит ежечасную возможность для Болгарии вступить в вооруженное столкновение с Турцией и что правительство готовится ко всяким случайностям: в военном министерстве и в войсках, по дошедшим до меня сведениям, царит усиленная деятельность, следить за коей я, к сожалению, за отсутствием военного агента, лишен возможности. Наконец, тревожным в моих глазах является внезапный отъезд три дня тому назад в Рим итальянского посланника. Не исключаю возможности, что ему сделаны были здесь ясные предложения союза, которые могли быть приняты римским кабинетом в соображение и по поводу коих и был вызван в Рим посланник. Если по его возвращении, ожидаемом дней через 10, король вернется тоже сюда ранее предположенного срока, конца июля старого стиля, то это будет для меня почти верным доказательством, что с Римом начались деятельные переговоры [4]. В австрийской миссии зорко следят за всем происходящим и идет усиленная работа. Я убежден, что в Вене знают уже о сербо-болгарском соглашении и даже с нежелательными подробностями.

Неклюдов.

№ 268. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 568. 4 июля/21 июня 1912 г.

Китайский заем.

Получил телеграмму № 1234 [5].

Сведения английского правительства должны быть основаны исключительно на совместных телеграммах банков от 24 и 28 июня нового стиля [6],

---

[1] Царск. экз.

[2] См. №№ 64 и 216.

[3] См. № 110.

[4] Тел. от 7 июля/24 июня за № 67 Неклюдов сообщал, что среди дипломатического корпуса «начали ходить упорные слухи, что турки склоняются на мир». В связи с этим он считал возможным, что поездка итальянского посланника Боздари в Рим «объясняется совершенно успокоительным образом, ибо, вероятно, он будет послом в Константинополе».

[5] См. № 254.

[6] Копии означенных тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены. В письме от 28/15 июня Гойер писал в Русско-Азиатский банк: «Вы уже знаете из моих телеграмм, что 24 июня [нов. ст.] было наше первое совещание с Сиун Си-лином и Лу Чжен-сяном; мы предъявили наши условия, основанные на инструкциях из Лондона от 15 мая [см. стр. 86, прим. 3] и 20 июня [нов. ст.], причем последние вносили некоторые изменения в первоначальную программу. Речь идет главным образом о финан-

так как английский посланник ничего в Лондон по делу займа не телеграфировал и заседаний членов по этому вопросу совсем не было. Так как, повидимому, означенные телеграммы не были сообщены, как я то предполагал, императорскому министерству, прошу указаний, продолжать ли мне держаться намеченного в моей телеграмме № 424 порядка [1], или мне следует непосредственно (сообщать) вашему высокопревосходительству о всем ходе переговоров параллельно с посылаемыми банками телеграммами. Французский, американский и японский представители получили инструкции, аналогичные с данными английскому посланнику указаниями. Германский посланник до сих пор никаких инструкций не получил. Все мы держимся того мнения, что китайское правительство не может принять поставленных условий реорганизационного займа и что таким образом дело кончится разрывом. Все мои коллеги, однако, не выражают готовности делать китайцам какие-либо уступки по существу, допуская лишь возможность не настаивать на обидном для китайцев термине «финансовой агентуры». Теперь посланники только ожидают получения мной и германским посланником одинаковых инструкций с уже имеющимися у них, чтобы установить способ сообщения китайцам точки зрения держав. Банкиры намеревались уже ответить вчера на китайские контрпредложения, согласно сообщенному из Лондона от имени всех групп решению, окончательным отказом, на чем особенно настаивала Америка, но, ввиду возражений Гойера и Одагири, сославшихся на происходящий по их телеграммам обмен мнений между правительствами и между банками, решили сообщить на словах министру финансов, снова настоятельно запросившему их об ответе, передав, что они ожидают получение дополнительных инструкций дня через два. Лично я полагаю, что с точки зрения наших интересов разрыв между китайцами и Консорциумом особенной опасности не представляет, так как реорганизация китайских финансов не может являться для нас желательной, возможные же дальнейшие беспорядки и неурядицы, связанные с неимением у китайского правительства денег, затронули бы главным образом английские и французские интересы, для нас же были бы скорее выгодны, так как отвлекли бы китайцев от более энергичных мер в сфере нашего влияния. Хотя по мнению французского поверенного в делах китайцы и имеют в виду получение денег из других источников, добытые таким образом суммы могут быть сравнительно лишь незначительными, и они вероятно в конце концов принуждены будут снова обратиться к Консорциуму [2]. С другой стороны, я не видел бы для нас необходимости непременно противиться осуществлению просимого ныне китайцами займа в десять миллионов фунтов в ноябре с выдачей до тех пор авансов в шесть миллионов лан в месяц, так как этот заем пошел бы почти целиком

совой агентуре на пятилетний срок и соляной монополии, учреждаемой по примеру китайских морских таможен в виде самостоятельного учреждения под управлением иностранцев. Наше предложение встретило категорический отказ со стороны китайцев, причем Сиун даже заявил, что никогда не осмелится предложить на рассмотрение народных представителей подобный проект, который был бы немедленно отклонен и вызвал возмущение в провинциях. Он не выдвинул никакого контрпредложения, сказав только, что при таких обстоятельствах китайское правительство будет просить лишь о выдаче ему аванса в 6 000 000 лан в течение пяти месяцев, включая июнь, и о выпуске приблизительно в октябре месяце нового займа в 10 000 000 ф. ст., из которого будут погашены все авансы в сумме 42 000 000 лан, недоимки по долгам и возмещения иностранцам».

[1] В тел. от 7 мая/24 апр. за № 424 В. Крупенский сообщал о принятом банкирами, в целях экономии, следующем порядке посылки телеграмм: представители Консорциума в Пекине посылают одну общую телеграмму в Лондон, которая оттуда передается в соответствующие столицы. Точно так же и инструкции в Пекин передаются из Лондона в одной общей телеграмме.

[2] В тел. от 4 июля/21 июня за № 569 В. Крупенский сообщал: «В случае разрыва с Консорциумом Китай может, повидимому, получить несколько миллионов у фирмы Дидерихсона, являющегося представителем Маузера, и от второстепенных австрийских, французских и бельгийских банков».

на покрытие всех авансов Консорциума, а также на уплату бельгийского займа и всех недоимок по прежним долгам. Таким образом от него не осталось бы ничего на реорганизацию финансов и все дело свелось бы к облегчению для китайского правительства возможности обернуться до ноября месяца благодаря ежемесячным авансам, причем, конечно, над расходованием последних должен был бы быть установлен возможно больший контроль. Со стороны остальных посланников просьба китайцев о десятимиллионном займе на облегченных основаниях не встречает, однако, никакого сочувствия [1].

Крупенский.

№ 269. Памятная записка французского министерства иностранных дел российскому послу в Париже Извольскому [2].

5 июля/22 июня 1912 г.

L'Ambassadeur de Russie, en rappelant les raisons de l'adhésion du Gouvernement impérial à l'emprunt de réorganisation malgré l'impossibilité d'obtenir des garanties explicites contre un emploi des fonds contraire aux intérêts russes, a bien voulu exprimer la confiance de son Gouvernement dans l'appui constant des représentants français au sein du Consortium et du Cabinet de Paris auprès de celui de Londres.

M. Iswolsky, envisageant l'éventualité et les inconvénients d'une rupture dans le cas où les intérêts de la Russie se trouveraient lésés, ajoute que, afin de l'éviter, il y aurait lieu pour les banquiers de ne consentir aux avances successives de fonds qu'après accord préalable avec leurs Gouvernements respectifs, de manière à réaliser en fait l'entente des quatre Puissances alliées ou amies, la Russie, la France, l'Angleterre et le Japon, qui procéderaient régulièrement à un échange de vues préalable par l'intermédiaire de leurs représentants à Pékin.

Le Président du Conseil a pris connaissance avec intérêt des vues du Gouvernement russe, et, se référant aux lettres du 4 janvier de M. de Selves [3] et du 31 mars de M. Louis [4], est heureux de l'assurer que le Gouvernement français continuera à lui prêter son appui dans le Consortium chinois, en agissant soit sur les banquiers français, soit auprès des Cabinets étrangers, et s'efforçant en particulier de réaliser l'accord préalable des quatre Gouvernements quant à l'affectation des produits de l'emprunt et aux questions connexes telles que les garanties et le contrôle effectifs des fonds auxquels tout emprunt est subordonné dans sa pensée [5].

---

[1] Тел. от 6 июля/23 июня за № 1255 (опубл. М., стр. 569) Нератов ответил: «Можете присоединиться к вашим коллегам для сообщения китайскому правительству намеченного финансовыми группами ответа относительно изменений условий займа». 8 июля/25 июня пам. запиской за № 626 Сазонов ответил англ. пос-ву на его пам. записку (см. стр. 247, прим. 3), что м-вом ин. дел дано указание Крупенскому сговориться с представителями держав в Пекине о совместном заявлении кит. м-ру ин. дел в смысле предложения лондонского кабинета.

[2] Лит. копия. Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 210, N 169. Публикуемая пам. записка является ответом Пуанкаре на пам. записку Извольского от 3 июля/20 июня, содержание которой изложено в публикуемом документе (ср. стр. 226, прим. 1).

[3] См. т. XIX, приложение к № 331.

[4] См. т. XIX, ч. II, стр. 360, прим. 2.

[5] Препровождая Нератову копию публикуемой пам. записки при письме от 18/5 июля, Извольский писал: «Как ваше превосходительство изволите усмотреть, в сей последней не содержится прямого согласия на предположенные совещания представителей Тройственного соглашения в Пекине. Вследствие сего при свидании с Палеологом я счел нужным вызвать его на объяснения по сему поводу и получил уверение, что правительство Республики не встретило бы препятствий к осуществлению означенного предположения».

Перевод.

Российский посол, напомнив о мотивах присоединения императорского правительства к реорганизационному займу, несмотря на невозможность получить вполне определенные гарантии против употребления фондов во вред русским интересам, благоволил выразить уверенность своего правительства в постоянной поддержке французских представителей в Консорциуме, а также парижского кабинета перед лондонским.

Г. Извольский, предусматривая возможность разрыва и связанные с ним затруднения в случае, если будут нарушены интересы России, добавил, что с целью избежать этого банкирам следует соглашаться на последовательные авансы только по предварительному соглашению со своими правительствами с тем, чтобы на деле осуществить согласие четырех союзных или дружественных держав, — России, Франции, Англии и Японии, — которые регулярно обменивались бы предварительно мнениями через посредство своих представителей в Пекине.

Председатель совета министров с интересом ознакомился со взглядами российского правительства и, ссылаясь на письма г. де Сельва от 4 января и г. Луи от 31 марта, счастлив заверить его, что французское правительство будет продолжать оказывать ему поддержку в китайском Консорциуме, предпринимая шаги как в отношении французских банкиров, так и перед иностранными кабинетами, и стараясь, в частности, осуществить предварительное соглашение четырех правительств касательно расходования сумм, полученных от займа, а также связанных с этим вопросов, как то гарантий и эффективного контроля над фондами, которым, по его мнению, должен быть подчинен всякий заем.

№ 270. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 537. 5 июля/22 июня 1912 г.

Получил телеграмму № 1187 [1].

Положение в Тегеране далеко еще нельзя считать установившимся, и присутствие нашего отряда в Казвине является могущественным фактором, содействующим мирной развязке возникающих затруднений. Министерский кризис, в связи с уходом власти из рук бахтиар, агитация в пользу создания меджлиса или, наконец, вполне возможный уход в отставку регента и выбор его заместителя могут создать либо такое положение, при разрешении которого нам будет в высшей степени полезно опираться на близость наших войск, либо даже беспорядки потребуют нашего прямого вмешательства. Ввиду вышеизложенного позволяю себе вновь ходатайствовать об оставлении казвинского отряда еще на несколько месяцев [2].

Поклевский.

---

[1] Тел. от 24/11 июня за № 1187 Сазонов сообщил Поклевскому, что в личной беседе с ним Воронцов-Дашков «очень настаивал на необходимости отозвания теперь же на Кавказ остальной части казвинского отряда» (ср. № 87). Считая возможным удовлетворить пожелания Воронцова-Дашкова «ввиду удачного для персидского правительства окончания похода против Салар-эд-Доуле» (см. стр. 90, прим. 3), Сазонов просил заключения Поклевского по этому вопросу.

[2] 15/2 августа совет министров обсудил общий вопрос об усилении войск Кавказского военного округа, а также вопрос об отозвании казвинского отряда. Приняв во внимание соображения Поклевского, изложенные в публикуемом документе, совет министров высказался за отсрочку отозвания казвинского отряда.

На этом заседании совета министров Воронцов-Дашков указал на необходимость сформирования одного или двух новых кавказских корпусов, мотивируя это тем, что «соотношение наших и турецких воинских сил на малоазиатском театре войны складывается для нас крайне невыгодно». Совет министров, согласившись с Воронцовым-Дашковым, что вопрос этот заслуживает самого серьезного внимания, признал, однако, что «высказывать теперь по этому предмету какие-либо окончательные суждения было бы затруднительно ввиду того, что вопрос об образовании в составе нашей армии новых войсковых частей требует по своей сложности тщательной предварительной разработки со стороны заинтересованных ведомств — военного и финансового, по ближайшему соглашению их с кавказским наместником». На заседании было принято решение предоставить военному министру, по соглашению с наместником на Кавказе и с министром финансов, «разработать и внести в совет министров предположения свои об образовании в Кавказском военном округе новых постоянных войсковых частей».

№ 271. Управляющий генеральным консульством в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 350. 5 июля/22 июня 1912 г.

Копия в Тегеран.

Телеграмма № 1232 получена [1].

Шоджа-эд-Доуле дал мне две подлинных телеграммы Сепехдара на его и Решид-оль-Молька имя относительно шахсевен. Здесь я сообщу краткое их содержание, переводы же представлю почтой. В этих телеграммах Сепехдар очень осторожно дает понять Шоджа-эд-Доуле и Решид-оль-Мольку, что надо принять все меры к примирению с шахсевенами, к их разоружению, чтобы не допустить русской экспедиции против них, хотя ни слова не упоминается о русских войсках. В предписаниях Сепехдара указывается на необходимость разоружения шахсевен только при посредстве персидских властей. Относительно этого говорится глухо. По многим причинам, говорит Сепехдар, ясно, лучше было бы, чтобы разоружение шахсевен и улажение всего шахсевенского вопроса произошло через Шоджа-эд-Доуле, Решид-оль-Молька и вообще представителей персидских властей. По этому поводу Шоджа-эд-Доуле высказал мне, что персы в состоянии лишь войти в соглашение с шахсевенами, что, конечно, только затянет вопрос, не устранив зла в корне. Относительно пожелания шахсевен покориться персидскому правительству Сепехдар ссылается на сведения министерства иностранных дел. Однако из телеграммы титулярного советника Беляева № 157 усматривается, что ардебильский каргузар никогда не доносил Тегерану о готовности шахсевен выразить покорность и выдать оружие [2]. Шоджа-эд-Доуле, напротив, получил недавно письмо от 12 шахсевенских беков, в котором они говорят, что будут бороться с русскими до последней капли крови. Письмо это я читал лично. Последнее обстоятельство во всяком случае находится в противоречии с телеграммой Сепехдара. В искренность его не верит Шоджа-эд-Доуле и потому еще, что с его, Сепехдара, ведома шахсевенские начальники бежали из Тегерана. Это — такой факт, который говорит сам за себя [3]. Шоджа-эд-Доуле дал мне заверение, что, устранившись от дел по прибытии в Тавриз Сепехдара, со своей стороны никаких выступлений против него делать не будет, при одном, конечно, условии, если Сепехдар не будет затрагивать его и преданных ему лиц и племен, а равно его как наследственного марагинского губернатора [4].

Преображенский.

№ 272. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 19. 6 июля/23 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как вашему высокопревосходительству должно быть известно, [11 июня] 29 минувшего мая состоялось подписание турецко-черногорской комиссией разграничительного протокола. Последний был вскоре засим утвержден черногорским королем. Турки же обнаружили некоторую мед-

[1] См. стр. 246, прим. 3.

[2] Тел. от 25/12 июня за № 157 Д. Беляев сообщил из Ардебиля о сделанном ему каргузаром заявлении, что «он о выраженной якобы шахсевенами готовности выразить покорность и выдать оружие никому не доносил и что такого факта не было».

[3] В тел. от 9 июля/26 июня за № 543 Поклевский сообщал: «Сепехдар и не думал отпускать шахсевенских беков, и утверждение Шоджи, что он поддерживает шахсевен, является наглой ложью. Вообще пора генеральному консульству начать хотя немного критически относиться к заявлениям Шоджи и перестать передавать его вздорные суждения о личности Сепехдара, которая гораздо лучше известна миссии, чем генеральному консульству и Шодже».

[4] Тел. от 8 июля/25 июня за № 354 Преображенский сообщал Сазонову о своей тел. Поклевскому, в которой передавал категорические заверения Шоджа-эд-Доуле, что он «все время принимал и будет принимать меры против недопущения беспорядка

лительность в ратификации его. Черногорскому представителю в Константинополе было предписано его правительством ускорить завершение дела, которому король Николай придает особое значение, но г. Пламенац тщетно пытался свидеться с министром иностранных дел. Ассим-бей несколько раз назначал ему свидания, но в последнюю минуту извещал его по телеграфу, что, к сожалению, лишен возможности принять его, ибо должен участвовать в заседании совета министров.

Видя безуспешность бесед своих по этому делу́ с товарищем министра, г. Пламенац обратился ко мне, ходатайствуя об оказании ему поддержки перед Портой. При последнем моем посещении министра иностранных дел Ассим-бей по собственному почину заговорил о настоящем серьезном положении дел в Албании и коснулся также турецко-черногорского вопроса. Я воспользовался таким случаем, чтобы спросить министра о причинах неутверждения Портой протокола разграничительной комиссии и дать ему совет возможно скорее покончить с этим вопросом. Ассим-бей ответил мне, что Порта отнюдь не намерена уклониться от утверждения постановлений комиссии, но опасается, что если бы это было сделано безотлагательно, то в албанскую смуту были бы внесены новые причины беспокойства. Протокол отводит в пользу Черногории участок земли, клином врезывающийся в королевство и на котором находится деревня, заселенная чрезвычайно беспокойными албанцами, не желающими переходить в черногорское подданство и угрожающими беспорядками в случае непринятия во внимание их настроения. Ввиду этого Порта вынуждена отсрочить решение щекотливого дела до наступления более спокойной поры. Вчера вечером при свидании со мной Ассим-бей снова вернулся к этому вопросу, но уже просил меня ходатайствовать перед императорским правительством об оказании давления на Черногорию, дабы король Николай не настаивал на немедленной ратификации протокола и согласился бы выжидать, чтобы нынешняя смута успела улечься. Не высказываясь по существу вопроса, я запросил Ассим-бея, обязывается ли Порта утвердить протокол, как только минует нынешнее беспокойное время. Ответ министра не показался мне, однако, достаточно категоричным. Австрийский посол доверительно сообщил мне, что министр иностранных дел обращался также и к нему с тождественной просьбой [1].

Примите и пр.

М. Гирс.

в городе и особенно по случаю приезда Сепехдара, но что поручиться, что отдельных выступлений народа против крайне непопулярного здесь Сепехдара не будет, он не может».

[1] Ответной тел. от 12 июля/29 июня за № 1303 Нератов сообщал М. Гирсу (копия в Цетинье): «Полагаем, что желательно ныне же подписать протокол с Черногорией и в таком случае будем стараться убедить ее отложить фактическое проведение границы до наступления более спокойного положения на местах».

Тел. от 12 июля/29 июня за № 868 воен. агент в Черногории Потапов сообщал в отдел ген.-квартирмейстера главного управления ген. штаба, что король Николай прочел ему ноту, с которой он обращается к великим державам, прося их принудить Турцию «немедленно покончить пограничный вопрос, утвердив представленные ей два месяца тому назад предложения работавшей в Цетинье разграничительной комиссии». «Король предупреждает, — писал Потапов, — что в случае неуспеха великих держав он предпримет сам более энергичные меры, допускаемые международным правом, а мне сообщил на словах, что в таком случае займет, по возможности без кровопролития, один из пограничных турецких пунктов, который оставит за собой впредь до урегулирования пограничного вопроса». На следующий день рапортом за № 869 Потапов сообщил в ген. штаб, что вручение упомянутой ноты державам отложено на некоторое время и, возможно, вовсе не последует, так как, с одной стороны, турец. посланник в Черногории Рустем-бей обещал снестись со своим прав-вом и дать ответ по пограничному вопросу через неделю, а, с другой стороны, Обнорский поставил короля Николая в известность о предпринятых росс. прав-вом шагах в К-поле в целях урегулирования турецко-черног. пограничного вопроса. «Тем не менее, — сообщал Потапов, — в течение всего сегодняшнего утра доверенные лица короля, настоящий и бывший военные министры,

№ 273. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1260 [1]. 7 июля/24 июня 1912 г.

Сообщается послу в Лондон.

Свидание императоров в Балтийском Порте протекло наилучшим образом [2]. При большой сердечности взаимных отношений, откровенные объяснения по политическим вопросам ясно установили отсутствие намерения внести какие-либо перемены в существующие группировки европейских держав. Относительно способа прекращения итало-турецкой войны с германской стороны также не было сделано никакого предложения. Вышеизложенное, дополняемое вполне соответствующим сущности дела официозным сообщением печати, лучше всего доказывает, как мы были правы, когда говорили французам, что обнаруженные ими опасения совершенно неосновательны. Благоволите в этом смысле высказаться Пуанкаре [3].

Сазонов.

№ 274. Министр иностранных дел министру двора Фредериксу в Балтийский Порт, яхта «Штандарт».

Телеграмма № 1262. 7 июля/24 июня 1912 г.

Шведская королевская чета предполагает прибыть на свидание с их императорскими величествами 10 июля старого стиля и отбыть затем обратно вечером 11 июля. Король поручил своему посланнику в С.-Петербурге осведомиться, угодно ли государю императору согласиться на эти

бригадиры Митар Мартинович и Янко Вукотич, обсуждали вдвоем в военном министерстве, какой именно пункт турецкой территории подлежал бы оккупации черногорцами в том случае, если бы великим державам не удалось склонить Порту к немедленному разрешению интересующего Черногорию вопроса».

[1] Опубл. Stieve, II, S. 176, N 363.

[2] Официальное сообщение об этом свидании, состоявшемся 3 июля/21 июня—5 июля/23 июня (опубл. в «Правительственном вестнике» № 140 от 7 июля/24 июня), гласило: «Свидание государя императора с императором германским носило особенно сердечный характер и явилось новым доказательством дружественных отношений, давно связывающих обоих государей. Состоявшийся по этому поводу обмен мыслей между государственными людьми, сопровождавшими их величества, дал возможность лишний раз отметить твердое намерение поддерживать вековые традиции, существующие между обеими странами. Политические объяснения, коснувшиеся всех текущих вопросов, внушили с обеих сторон убеждение, что обоюдное общение, основанное на взаимном доверии, имеет существенное значение как для интересов обеих соседних империй, так и для всеобщего мира. При этом не было речи ни о заключении какого-либо нового соглашения, ибо настоящие обстоятельства не подают к этому повода, ни об изменении соотношения европейских держав, так как польза существующих группировок с точки зрения сохранения равновесия и мира уже доказана. Таким образом свидание в Балтийском Порте может, по справедливости, быть приветствовано повсюду с удовлетворением, так как, подтверждая постоянную и прочную дружбу между Россией и Германией, оно служит вместе с тем красноречивым выражением миролюбия, которым в одинаковой степени вдохновляется политика обоих государств».

На полях проекта этого сообщения, хранящегося в Арх. Вн. Пол. в деле К. 184, имеется помета: «Первоначальный проект общего «сообщения печати», составленный гр. Пурталесом и мной, был впоследствии изменен канцлером ф. Бетман-Гольвегом. Контрпроект последнего был, в свою очередь, затем изменен С. Д. Сазоновым, который между прочим заменил предложенное канцлером выражение «entre les deux Cabinets» [«между двумя кабинетами»] выражением «entre les deux Cours» [«между двумя дворами»]. По взаимному соглашению эти оба выражения были исключены. Немало разговоров и переделок вызвала четвертая фраза, где нами вставлено было слово «équilibre» [«равновесие»] и где, главное, по нашему настоянию, было открыто заявлено о том, что в Балтийском Порте не было заключено никаких отдельных соглашений. Шиллинг».

[3] Далее зачеркнуто: «а также всем, с кем будете иметь случай беседовать по этому поводу».

числа, а также испросить высочайших указаний насчет места, где должна произойти встреча. Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не отказать доложить о вышеизложенном его величеству и о последующем почтить меня уведомлением [1].

Сазонов.

№ 275. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 78 [2]. 7 июля/24 июня 1912 г.

Здесь получены весьма тревожные сведения о внутреннем положении Турции, где растет движение против нынешнего режима, причем одна партия требует роспуска парламента и правительства с возведением на престол принца Изседдина, другая настаивает на провозглашении республики. Эти сведения, подтвержденные и из секретных источников, возбуждают особенное беспокойство в Софии. Гешов обращает на подготовляющиеся события серьезное внимание сербского правительства. Как я постоянно доносил, Сербия до последней крайности будет соблюдать status quo, придерживаясь указаний России, что еще сегодня мне подтвердил Пашич. Но здесь поневоле смущены тревожным настроением болгарского правительства, считающего знаменательным тот факт, что более 60 процентов офицеров в войсках, сосредоточенных на границе Адрианопольского вилайета, втайне являются сторонниками республиканского режима.

Гартвиг.

№ 276. Соглашение между Россией и Японией [3].

8 июля/25 июня 1912 г.

Le Gouvernement impérial de Russie et le Gouvernement impérial du Japon, désireux de préciser et de compléter les dispositions des conventions secrètes conclues entre eux le 30/17 juillet 1907 et le 4 juillet/21 juin 1910, afin d'éviter toute cause de malentendus concernant leurs intérêts spéciaux en Mandchourie et en Mongolie, ont décidé de prolonger la ligne de démarcation fixée par l'article additionnel de la convention précitée du 30/17 juillet

---

[1] В тел. от 8 июля/25 июня за № 2048 Фредерикс сообщил Сазонову, что Николай II согласен встретиться с шведским королем на рейде «Штандарт» в указанное в публикуемой тел. время. 23/10 июля в финских шхерах состоялось свидание короля Густава с Николаем II. При этом свидании также присутствовали росс. и швед. м-ры ин. дел, швед. посланник в Петербурге и росс. посланник в Швеции. В «Правительственном вестнике» № 154 от 25/12 июля было напечатано следующее сообщение: «Посещение их императорских величеств королем и королевой шведскими на рейде «Штандарт» носило, согласно выраженному монархами желанию, совершенно частный и семейный характер. Вместе с тем, сопровождавшим своих государей министрам иностранных дел представился благоприятный случай завязать личные отношения и обменяться взглядами по общим вопросам, затрагивающим Россию и Швецию. При этом было отмечено, что оба правительства, воодушевленные искренним миролюбием, твердо намерены совместными усилиями содействовать все большему укреплению дружественных отношений между обеими соседними странами. Кроме того, с той и другой стороны было установлено отсутствие всякого намерения вступать в какие-либо политические сочетания, которые могли бы нанести ущерб взаимному доверию, столь необходимому для доброго согласия русского и шведского народов. Запечатленное величайшей сердечностью и близко следуя за иными проявлениями русско-шведского сближения, только что состоявшееся свидание двух государей и их министров является новым доказательством развивающейся между обеими странами дружбы, которая не может не встретить всеобщего сочувствия».

[2] Царск. экв..

[3] Заголовок оригинала. Опубл. «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке». Москва, 1927 г., стр. 180.

1907 et de déterminer leurs sphères d'intérêts spéciaux dans la Mongolie Intérieure, et sont convenus de ce qui suit:

Article I.

Partant du point d'intersection du fleuve Tolaho et du 122-e méridien est de Greenwich, la ligne de démarcation susmentionnée suit le cours du fleuve Oulountchourh et du fleuve Moushisha jusqu'à la ligne de partage des eaux du fleuve Moushisha et du fleuve Haldaitaï, de là elle suit la ligne frontière de la province de Heiloung-chiang et de la Mongolie Intérieure pour arriver au point extrême de la frontière de la Mongolie Intérieure et de la Mongolie Extérieure.

Article II.

La Mongolie Intérieure est partagée en deux parties: l'une à l'ouest et l'autre à l'est du méridien de Pékin (116°27′ est de Greenwich).

Le Gouvernement impérial de Russie s'engage à reconnaître et à respecter les intérêts spéciaux japonais dans la partie de la Mongolie Intérieure à l'est du méridien susindiqué; et le Gouvernement impérial du Japon s'engage à reconnaître et à respecter les intérêts spéciaux russes dans la partie de la Mongolie Intérieure à l'ouest dudit méridien.

Article III.

La présente convention sera strictement confidentielle entre les deux Hautes Parties Contractantes.

En foi de quoi, les soussignés, dûment autorisés à cet effet par leurs Gouvernements respectifs, ont signé cette convention et y ont apposé leurs sceaux.

Fait à St.-Pétersbourg, le vingt cinq juin (huit juillet) mil neuf cent douze correspondant au huitième jour du septième mois de la quarante cinquième année de Meidji [1].

Sazonow. I. Motono.

Перевод.

Императорское российское правительство и императорское японское правительство, желая уточнить и дополнить положения секретных конвенций, заключенных между ними 30/17 июля 1907 г. и 4 июля/21 июня 1910 г., для того, чтобы избежать всякого повода к недоразумениям относительно их специальных интересов в Манчжурии и Монголии, решили продолжить демаркационную линию, установленную дополнительной статьей вышеупомянутой конвенции 30/17 июля 1907 г., и определить сферы своих специальных интересов во Внутренней Монголии, в результате чего пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Вышеупомянутая демаркационная линия, начинаясь от места пересечения реки Толахо и 122-го меридиана к востоку от Гринвича, следует по течению реки Улунчур и реки Мушиша до линии водораздела реки Мушиша и реки Халдайтай; оттуда она следует по линии границы провинции Хейлунцзян и Внутренней Монголии, достигая крайней точки границы Внутренней Монголии и Внешней Монголии.

Статья II.

Внутренняя Монголия разделяется на две части: одна к западу, другая к востоку от пекинского меридиана (116°27′ к востоку от Гринвича).

[1] Тел. от 22/9 июля за № 142 Малевский извещал Нератова: «Японские газеты настойчиво передают слух о состоявшемся 8 июля [нов. ст.] подписании между Россией и Японией секретного дополнительного соглашения о Монголии. Опровержение здешнего министерства иностранных дел было так мало категорично, что дает основание считать слух достоверным. Некоторые газеты придают новому соглашению значение оборонительно-наступательного союза. Источником слуха служит, повидимому, телеграмма петербургского корреспондента «Times».

Императорское российское правительство обязуется признавать и уважать специальные интересы Японии в части Внутренней Монголии, лежащей к востоку от упомянутого выше меридиана; а императорское японское правительство обязуется признавать и уважать специальные русские интересы в части Внутренней Монголии, лежащей к западу от упомянутого меридиана.

Статья III.

Настоящая конвенция будет строго доверительной между двумя высокими договаривающимися сторонами.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, получившие надлежащие полномочия от своих правительств, подписали эту конвенцию и приложили свои печати.

Заключено в С.-Петербурге двадцать пятого июня (восьмого июля) тысяча девятьсот двенадцатого года, что соответствует восьмому дню седьмого месяца сорок пятого года Мейдзи.

Сазонов. И. Мотоно.

№ 277. Докладная записка Сазонова Николаю II.

-/. 8 июля/25 июня 1912 г.

Приемлю смелость представить у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение отчет о моих объяснениях по текущим политическим вопросам с императором германским и имперским канцлером во время только что состоявшегося свидания вашего императорского величества с императором Вильгельмом на рейде Балтийского Порта.

Сазонов.

Приложение.

В моих беседах с императором германским и с имперским канцлером во время их пребывания на рейде Балтийского Порта были затронуты главные стоящие на очереди политические вопросы, причем я вынес из этих объяснений вполне благоприятные впечатления о настроении и намерениях высших руководителей политики Германии.

Подчеркнув свое искреннее желание содействовать укреплению традиционных добрых отношений между обеими соседними империями, император и канцлер настаивали на значении таких отношений как для процветания обеих стран, так и для обеспечения мира в Европе.

При этом г. фон Бетман-Гольвег самым положительным образом заявил мне, что, признавая пользу, которую принесли с точки зрения поддержания мира существующие международные сочетания, Германия нисколько не стремится внести в них какие-либо изменения в смысле отторжения какой-либо державы от той группы, к которой она примкнула в силу исторически сложившихся обстоятельств. Германия, по словам канцлера, стремится лишь к тому, чтобы узы, связывающие державы с одними государствами, не препятствовали поддержанию хороших отношений и с другими, входящими в состав иных международных групп. Но допуская, что существующие сочетания, уже испытанные на деле, вполне соответствуют требованиям настоящего времени и потому не вызывают необходимости в изменениях, — г. фон Бетман-Гольвег считает желательным избегать всего, что, подчеркивая внешним образом нынешнее распределение великих европейских держав по разным группам, могло бы быть истолковано как отказ наперед от всякой возможности перегруппировки, даже если бы в будущем новые обстоятельства потребовали пересмотра нынешних соотношений.

Император и его канцлер оба неоднократно указывали, что в настоящую минуту мир необходим Германии для закрепления счастливых результатов,

достигнутых за последние десятилетия быстрым развитием ее промышленности и общим подъемом ее экономического благосостояния.

По этому поводу я сказал канцлеру, что, не сомневаясь в миролюбии германского правительства, я желал бы знать, готово ли оно также воздействовать в этом смысле и там, где оно может, дабы не быть вовлеченным в международные столкновения вопреки своему миролюбию. В частности, я спросил своего собеседника, намерен ли берлинский кабинет использовать свое влияние в Вене в видах удержания Австрии, в случае если бы она оказалась склонной к поступательному движению на Балканский полуостров.

Г. фон Бетман-Гольвег, не колеблясь, ответил мне утвердительно и сказал, что в этом отношении он может положительно подтвердить заверения, данные мне в Потсдаме. Со своей стороны он выразил надежду, что и мы будем попрежнему умерять нетерпеливые вожделения малых славянских государств, продолжая преподавать советы благоразумия, особенно в Софии.

Относительно итало-турецкой войны, вопреки обнаруженным в Париже и Лондоне опасениям, с германской стороны нам не было сделано никаких предложений касательно способов прекращения этой войны. Ограничившись указанием на вред, причиняемый войной германской торговле, и на опасности, связанные с затяжным характером итало-турецкого столкновения, канцлер выразил мне удовольствие по поводу сделанной императорским правительством попытки примирить враждующих при содействии всех остальных европейских великих держав и сказал мне, что новый почин с нашей стороны в этом направлении встретит сочувствие Германии.

Не могу тем не менее не отметить, что из объяснений по этому вопросу я вынес впечатление, что если германское правительство, при случае, и не откажется участвовать в общем выступлении держав в видах прекращения означенной войны, в Берлине все же предпочли бы, чтобы мир был достигнут путем непосредственных переговоров между воюющими без постороннего вмешательства.

В связи с этим предметом я обратил внимание имперского канцлера на неизбежность для держав в свое время высказаться по вопросу о занятых ныне Италией островах Архипелага, предоставить которые своей судьбе по возвращении их Турции очевидно невозможно. При этом я указал, что этот вопрос имеет несомненно общеевропейское значение и что поэтому Германии на этот раз нельзя будет уклониться от совместного с другими державами его обсуждения, подобно тому, как она до сих пор уклоняется от участия в разрешении критского вопроса. Г. фон Бетман-Гольвег против этого ничего не возразил.

Мною был также затронут вопрос об англо-германских отношениях и о сделанных за последнее время с обеих сторон попытках улучшить таковые. Отозвавшись с большой похвалой о лорде Холдене, канцлер отметил, что отношения между названными государствами в настоящее время стали менее натянутыми, но сознался, что в этой области остается сделать еще многое для достижения более осязательных результатов.

По поводу китайского займа выяснилось некоторое различие в понимании этого вопроса германскими правящими кругами и нами. Различие это естественно вытекает из различия исходных точек, определяющих наше отношение к рассматриваемому предмету. Видя в Китае прежде всего обширный рынок для сбыта своих товаров, Германия очевидно заинтересована в поддержании покупной способности этого рынка и опасается возможного распадения Китая с вероятными последствиями такого оборота дела. В зависимости от этого в Берлине желают скорейшего осуществления крупного займа, который позволил бы Китаю выйти из нынешних затруднений.

Напротив, Россия, в качестве государства сопредельного, и притом с недостаточно защищенной длинной границей, как известно, не может желать усиления своего соседа, а потому могла бы спокойно отнестись к крушению предположенного китайского займа и даже к упомянутому распадению нынешнего Китая. Это было мною подробно разъяснено императору Вильгельму и г. фон Бетман-Гольвегу.

Заговорив о Китае, император Вильгельм стал было развивать мне свое мнение о желательности для России содействовать усилению Китая с тем, чтобы, освободив его этим путем от японского влияния, создать из него впоследствии оплот против возможных недружелюбных замыслов Японии против нас. Но я указал его величеству на опасность для нас итти по этому направлению, ибо ничто не обеспечивало бы нас, что возрожденный и сильный Китай обратится именно против Японии, а не наоборот вместе с последней против России [1].

Что касается Проливов, Багдадской железной дороги и Персии, то ни один из этих вопросов затронут не был. Между нами также не было заключено, ни даже подготовлено, никакого особого соглашения по какому-либо отдельному предмету.

Таким образом, укрепив наши добрые отношения с берлинским кабинетом, состоявшееся в Балтийском Порте свидание вместе с тем ничего не изменило в наших отношениях к другим державам и не могло подать ни малейшего основания к ревнивому беспокойству ни в Париже, ни в Лондоне [2].

№ 278. Министр иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

·/. Телеграмма № 1265 [3]. 8 июля/25 июня 1912 г.

Сообщается в Париж и Лондон [4].

Телеграмма № 66 получена [5].

Все вами сообщаемое будет принято нами в расчет. Благоволите продолжать следить за развитием воинственного настроения. Желательно, однако, дать понять болгарам, что по имеющимся у нас весьма доверительным сведениям не исключена возможность непосредственных переговоров о мире между Италией и Турцией [6]. Такое событие отняло бы всякую практическую почву у выступления Болгарии и сразу изменило бы не в ее пользу теперешнюю конъюнктуру: Болгария оказалась бы один на один против Турции [7].

[Сазонов.]

---

[1] В отправленном Сазоновым в тот же день циркулярном письме «императорским послам» (опубл. Stieve, II, S. 177, N 366), почти дословно совпадающем с публикуемым отчетом, отсутствует абзац: «Заговорив о Китае... против России».

[2] В письме от 19/6 июня по поводу предстоявшей поездки Вильгельма в финляндские воды, поверенный в делах в Берлине Шебеко, между прочим, писал: «Г. фон Бетман-Гольвег сообщил мне в последнем свидании о намерении своем после предстоящего высочайшего свидания государя императора с императором Вильгельмом посетить С.-Петербург, где имперский канцлер предполагает пробыть несколько дней в качестве гостя германского посла графа Пурталеса».

После свидания в Балтийском Порте Бетман-Гольвег, вместе с Сазоновым и Коковцовым, приехал в Петербург, а оттуда проехал в Москву. Бетман-Гольвег пробыл в Петербурге с 7 июля/24 июня по 10 июля/27 июня; 13 июля/30 июня он уехал из Москвы в Берлин.

[3] Опубл. Stieve, II, S. 177, N 365.

[4] В тот же день в тел. за № 1266 (опубл. Siebert, II, S. 407, N 644) Сазонов сообщил Извольскому и Бенкендорфу, что публикуемая тел. является ответом на получаемые из София сведения «о замечаемом в некоторых болгарских кругах воинственном настроении».

[5] См. № 267.

[6] Далее зачеркнуто: «в каковом направлении особенно работает Германия».

[7] Далее зачеркнуто: «а Сербия против Австрии, по слухам, деятельно вооружающейся».

№ 279. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

–/. Депеша № 20. 8 июля/25 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из моих и ряда консульских донесений императорское министерство уже осведомлено, что нынешнее брожение среди турецкой армии началось в связи с албанским восстанием, затем оба движения резко оттенились друг от друга, хотя постоянно ищут взаимной опоры [1]. Во всяком случае албанское возмущение, по значению своему, безусловно уступает самостоятельному выступлению военных. Последнее, как я уже имел честь доносить, носит скорее общеполитический характер и, в частности, направлено против партии «Единение и Прогресс» и, в особенности, нынешнего военного министра Махмуд-Шевкет-паши [2].

Недовольные оказались во всех военных округах, а в Константинополе их насчитывают, по частным сведениям, до восьмидесяти пяти процентов офицерского состава. Внешним признаком такого положения служат отчасти более откровенные речи офицеров, отчасти оставшийся почти незамеченным факт, что последние вновь стали носить револьверы, чего уже давно не делали. Лишь отсутствие во главе всего движения сколько-нибудь способного вождя мешает ему принять более угрожающие размеры. Никто из недовольных, как меня уверяли, не мечтает о возвращении к порядкам, бывшим в обычае царствования Абдул-Гамида. Напротив того, открыто заявляют, что нынешний режим ничем от старого не отличается и что всеобщие вожделения сводятся к требованию установления и действительного соблюдения конституции, а также к удалению от власти своевольных и самовольных настоящих вождей партии «Единение и Прогресс»; остальные пожелания военных относятся к трафаретным, обычно выставляемым, когда приходится объяснить свой образ действия. Например, обвинение правительства в неаккуратной выплате содержания едва ли справедливо. В царствование Абдул-Гамида никогда армия не пользовалась таким уходом и заботливостью, как ныне. Несвоевременная уплата содержания произошла в минувшем мае, но немедленно, по получении аванса от Оттоманского банка, деньги были розданы военным. Более основательным является, как говорят, укор военному министру в несправедливом чинопроизводстве, пристрастных назначениях, раздаче мест, постоянном переводе молодых офицеров из одного гарнизона в другой и т. д. Упрека в фаворитизме в отношении некоторых из своих подчиненных Махмуд-Шевкет-паша не отрицал в секретном заседании руководящего комитета «Единение и Прогресс» от 4 июля/21 июня и дал обещание, что подобные факты повторяться не будут. Остальные пожелания восставших военный министр признал не подлежащими удовлетворению. В этом заседании Махмуд-Шевкет-паша снова стоял за применение самых строгих мер против офицеров [3], но остальные министры не согласились с ним и предоставили ему полную свободу действий только в отношении высших чинов ведомства. Фетхи-паша будет заменен, как говорят, Джавид-пашой, генералом еще более суровым и энергичным, нежели сам Махмуд-Шевкет-паша. Несмотря на

---

[1] См. №№ 233, 244.

[2] Тел. от 9 июля/26 июня за № 462 М. Гирс сообщал, что движение против руководителей партии «Единение и Прогресс» «сильно поддерживается оппозиционными партиями и находит благоприятную почву в недовольстве большинства офицеров военным министром Махмуд-Шевкет-пашой. До сих пор, однако, чувство военного долга удерживает большинство недовольных офицеров от открытого выступления против правительства во время войны. Никто из недовольных военных начальников не решается еще стать во главе движения».

[3] Тел. от 2 июля/19 июня за № 443 М. Гирс сообщал Сазонову, что на состоявшемся накануне заседании палаты был принят законопроект о запрещении армии заниматься политикой. Махмуд-Шевкет-паша «угрожал применением к офицерам, «обманувшим своих солдат», законов военного времени».

это, начальник штаба посланной из Бруссы в Монастырь дивизии, и на которую Махмуд-Шевкет-паша вполне полагается, прислал, по секретным моим источникам, несколько писем оппозиционно настроенным военным, уверяя их в своем единомыслии с ними.

Махмуд-Шевкет-паша не торопится, с другой стороны, принять депутацию, которая должна была изложить пожелания офицеров. Назначенный ей неделю тому назад прием ежедневно, будто бы, откладывается под тем или иным предлогом. Повидимому, Махмуд-Шевкет-паша опасается возможного покушения на его жизнь со стороны кого-нибудь из соучастников депутации. Тем более что, как явствует из доставляемых посольству секретных сведений, по городу ходят списки приговоренных к смерти членов партии «Единение и Прогресс». Такие слухи служат предлогом обвинения партией «Е[динение] и П[рогресс]» оппозиции в создании нынешнего движения. За последнее время по сведениям, доложенным в упомянутом выше секретном заседании, оппозиция проявила оживленную деятельность. Постоянно имеют место секретные заседания оппозиции. Принц Вахдеддин руководит, будто бы, движением. Он употребляет все усилия к тому, чтобы убедить султана в том, что партия «Е[динение] и П[рогресс]» ведет страну к погибели. Не надеясь более, будто бы, на успех Монастырского движения, оппозиция готовит новое, приноравливая, будто бы, таковое к годовщине провозглашения конституции 23/10 июля. Киамиль-паша и Ферид намечены для замены стоящих ныне у власти лиц. По достижении намеченной цели новое правительство, по тем же сведениям, объявит всеобщую амнистию, роспуск палаты, полную свободу печати, отмену военных судов и т. д.

Единственным общим требованием оппозиции с нынешним правительством является запрещение армии заниматься политикой; на таковом усиленно настаивают сами восставшие военные.

Сегодня я ограничусь вышеизложенным кратким очерком нынешнего движения, которое, несомненно, весьма серьезно. По всем признакам, если Махмуд-Шевкет-паше и его единомышленникам удастся справиться с ним, то более чем вероятно, что все же придется кабинету пожертвовать Махмуд-Шевкет-пашой и, повидимому, Талаатом, что победа тем не менее будет непродолжительной и что затруднения возникнут вновь [1].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 280. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 580. 8 июля/25 июня 1912 г.

Китайский заем.

Получил телеграмму № 1255 [2].

№ 1.

Сегодня банкиры заявили министру финансов, что шесть групп не находят возможным изменить сообщенные раньше китайцам условия займа и готовы были бы лишь подвергнуть новому обсуждению вопрос о финансовой агентуре, причем могли бы быть допущены изменения в форме, но не по существу дела. В таком смысле ими будет послано завтра официальное письмо министру финансов. Последний объявил условия займа неприемлемыми для китайского правительства и сказал, что по получении завтра вышеупомянутого письма он даст телеграфные указания постоянно обра-

[1] Тел. от 10 июля/27 июня за № 466 М. Гирс сообщал Сазонову, что Махмуд-Шевкет-паша подал в отставку и управление воен. м-вом временно возложено на морского м-ра, а на следующий день тел. за № 469 Гирс передавал, что на заседании совета м-ров было решено предложить пост военного министра Назим-паше.

[2] См. стр. 262, прим. 1.

щающимся к нему с денежными требованиями провинциям, что они свободны заключать для своих нужд займы на местах. На сегодняшнем совещании шести посланников решено, что мы завтра отправимся совместно к министру иностранных дел и английский посланник сделает ему от имени всех нас словесное заявление, английский текст коего передается в телеграмме № 2 [1].

Крупенский.

№ 281. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 56. 8 июля/25 июня 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Проводы князя Кацура в Европу отличались большой торжественностью [2]. Ко времени его отъезда на станцию железной дороги в Токио собрались: министры, с премьером маркизом Сайондзи во главе, представители иностранных государств, которые будут посещены князем в течение этого лета, члены «генро», группы парламентских партий Сейюкая, Кокуминто и Цюо и множество знакомых и бывших сослуживцев Кацура по его деятельности в министерствах военном и финансов. В числе провожавших находился и здешний непризнанный китайский посланник с двумя секретарями.

Кацура казался очень довольным и радостным, особенно когда собравшаяся на дебаркадере тысячная толпа молодежи прокричала ему троекратное «банзай!». Он выехал со своей свитой в специальном поезде в Осака, где предполагает отдохнуть два дня, и затем направляется в Дальний, не заезжая в Корею. Прибытие в Чанчунь и пересадка в вагон Китайской Восточной железной дороги предполагается на 13 июля нового стиля, о чем я телеграфировал консулу нашему в Куанченцзы, а также управляющему дорогой генералу Хорвату и начальнику Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенанту Мартынову.

Одновременно с Кацура выехали: барон Гото, бывший товарищ министра финансов Вакатсуки, адъютант майор Хата, секретарь Суги, секретарь председателя Южно-Манчжурской железной дороги Татсуи и директор банка в Осака Ивасита. В дороге к ним присоединятся агент Южно-Манчжурской железной дороги в Харбине Натсуаки и вновь назначенный советником японского посольства в Петербурге Татсуке. Кроме того, часть пути Кацура будут сопровождать: полицейский капитан Ота и переводчик корейского языка Кидо. Последние два откомандированы корейским генерал-губернатором для охраны Кацура от покушений корейских революционеров. Здесь, повидимому, имеют веские основания опасаться, что ко-

[1] Указанная тел. В. Крупенского от 8 июля/25 июня за № 581 (№ 2) гласит: «Мы получили от наших правительств распоряжение уведомить вас, что они не могут одобрить выдачу их подданными каких-либо займов китайскому правительству иначе, как на общих основаниях, которые, поскольку нам известно, были уже сообщены вашему превосходительству представителями шести групп».

Согласно тел. Крупенского от 9 июля/26 июня за № 584, это сообщение было сделано шестью посланниками кит. м-ру финансов, который сказал, что «при таких условиях заем не может состояться». «На вопрос английского посланника, — сообщал Крупенский, — должны ли мы считать это окончательным ответом китайского правительства на сделанное ему нами заявление, министр ответил, что он высказал только свое собственное мнение. Общее наше впечатление то, что китайцы не желают разрывать с Консорциумом и будут стараться продолжать переговоры с банкирами».

[2] Тел. от 9 июля/26 июня за № 131 Малевский передавал Сазонову: «Маркиз Сайондзи доверительно сообщил мне при свидании, на личный мой вопрос, что князь Кацура не имеет никаких инструкций от японского правительства; но ему предоставлено доносить о своих беседах с государственными людьми Европы и в случаях надобности испрашивать указаний по телеграфу. Накануне отъезда Кацура имел частное совещание с премьером при участии министров иностранных дел и финансов».

рейцы злоумышляют против Кацура и что несколько революционеров выехало в Петербург и Москву, чтобы подготовить покушение в этих городах или в пути. Об опасениях японского правительства я поставил в известность владивостокского военного губернатора, иркутского генерал-губернатора, управляющего Китайской Восточной дорогой и генерала Мартынова, причем первому, равно как шталмейстеру Гондатти[1] и генералу Хорвату, выслан список заподозренных корейцев, бо́льшая часть которых проживает во Владивостоке и его окрестностях и в Харбине.

В день отъезда Кацура из Токио почти все большие здешние газеты посвятили ему приветственные статьи с выражением пожеланий, чтобы посещение им западных государств улучшило международное положение Японии. При этом наибольшее значение придавалось газетами пребыванию Кацура в Петербурге и Лондоне. «Ници-ници» говорит: «Первый визит Кацура будет в Россию. Последние соглашения между Японией и Россией сблизили их, и ныне действия их в Китае являются согласными. В свое время князь Ито отправлялся в Россию с политическим поручением, но его неожиданная смерть помешала осуществить намеченную программу. С тех пор отношения между Россией и Японией стали еще более тесными. Визит Кацура в Петербург должен окончательно закрепить дружественные связи между Японией и Россией, так как все вопросы, близко связывающие их, будут при этом посещении выяснены и взаимно поняты». Та же газета в другой статье пишет: «Настало время для России и Японии вступить в тесные дружественные отношения. Это особенно необходимо теперь, когда положение вещей на Дальнем Востоке приняло такой серьезный оборот: Япония и Россия как непосредственные соседи Китая должны действовать совместно, и для этого прежде всего надо устранить взаимное ошибочное понимание друг друга, которое всегда возможно после войны». «Кокумин» заявляет: «К великому вопросу Дальнего Востока, — именно к вопросу китайскому, ближайшее отношение имеют, кроме Японии, Россия, Англия и Германия. Не пренебрегая имеющимися в Китае интересами Америки и других государств, следует, однако, признать, что только названные четыре державы имеют в Китае существенные интересы. Надо надеяться, что Кацура прежде всего обменяется мнениями о китайских делах с государственными людьми этих стран и еще более упрочит близкие отношения Японии с Россией». Газета «Ямато» пишет: «В данный момент положение вещей на Дальнем Востоке чрезвычайно осложнилось китайскими событиями. Ответственность России и Японии за сохранение мира на Дальнем Востоке становится все более и более серьезной и тяжелой. Как для одной, так и для другой стороны является крайне необходимым обменяться взаимно откровенными взглядами по разным вопросам, касающимся Китая, и в этом отношении поездка Кацура в Петербург должна принести несомненно благоприятные результаты». «Ниппон», называя «смехотворной» телеграмму «Нового времени», будто Кацура едет в Петербург с официальными полномочиями заключить союз[2], прибавляет: «Несомненно, визит Кацура в Петербург упрочит дружеские связи между Японией и Россией, но трудно допустить, чтобы он имел другое какое-либо значение. Правда, в данный момент дела в Китае осложнились, но все-таки пока нет таких серьезных вопросов, которые вызывали бы необходимость для Японии заключить формальный союз с Россией. Соглашения Японии с Россией, заключенные при министерстве Кацура, в последнее время становятся все более и более прочными, но установившиеся дружеские отношения между ними, испы-

[1] Гондатти — приамурский ген.-губернатор.

[2] Повидимому, имеется в виду следующая тел. собств. корреспондента «Нового времени» из Токио: «Миссия премьера Кацура будет повторением миссии покойного маркиза Ито. Ему поручено выяснить предпочтительность англо-японского или японо-русского союза» («Новое время», 28/15 июня, № 13023).

*

танные на практике, не требуют переделки существующих уже соглашений в союз». «Хоци» пишет: «После русско-японской войны отношения между Японией и Россией изменились. Последовавший ряд соглашений между ними установил их прочную дружбу и дал Японии возможность осуществить миролюбивую политику князя Ито. Существующий между Японией и Англией союз не мешает первой заключить с Россией дружеское соглашение, без которого Японии трудно воспользоваться французским капиталом и благополучно разрешить дальневосточные вопросы».

В этом смысле высказались по поводу отъезда Кацура здешние органы печати всех оттенков. Не лишенную интереса статью о путешествии бывшего премьера поместил ежемесячный журнал «Цюо-корон» в июльской своей книжке. Статью эту прилагаю в переводе [1].

Нужно надеяться, что и наша печать сумеет отнестись с тактом к посещению России самым в настоящее время выдающимся государственным деятелем Японии.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 282. Английский поверенный в делах в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову [2].

Письмо. 10 июля/27 июня 1912 г.

Confidential.

Dear Monsieur Nératow,

I have received the following message from Sir E. Grey for Mr. Sazonow, and I should be very grateful if you could kindly convey it to His Excellency in due course.

Sir E. Grey desires to thank Mr. Sazonow for the communication which he was good enough to make to me regarding what passed at Baltic-Port, which Sir Edward considers quite satisfactory. I am to say further that the new German Ambassador in London has not made any proposals to us and we are not engaged in any separate negotiations with Germany at present, except about matters affecting the interests of our respective colonies in South Africa.

Sir Edward in conversation with Baron Marschall has shown readiness to express his views frankly about matters of general interest, such as the Turco-Italian war and the question of the China loan, hoping that in this way mutual confidence may be created that we and the Germans are not manoeuvring against each other's interests.

Sir Edward has promised to inform the German Ambassador of the result of our pending Bagdad Railway negotiations with Turkey, since if any fo-

[1] Статья эта касалась русско-японских и англо-японских отношений. По поводу англо-япон. союза говорилось следующее: «Союз этот действительно за последнее время несколько поколебался, но важное значение его для Англии далеко не потеряно, так как союз имеет целью поддержание мира на Дальнем Востоке, т. е. целость Китая и непоколебимость положения Японии и Индии. Некоторые японские газеты писали, что значение принципа «целость Китая» уже потеряло всякое значение после того, как состоялось признание интересов России и Японии в Монголии и Манчжурии. Такое мнение было выражено также и английской прессой. Но на это мы возразим, что Манчжурия и Монголия не включены в район, где должен применяться принцип «целости Китая». В таком именно духе было сделано заявление и Греем в парламенте по вопросу о признании особых интересов Японии и России в Манчжурии и Монголии.

Особое внимание также должно быть обращено на прием Кацура в Лондоне, так как по нему можно судить об отношении англичан к англо-японскому союзу. Если бы со стороны англичан японцам был предложен вопрос, какой у последних взгляд на англо-японский союз, то мы можем смело ответить, что он остается именно таким же, каким был при начале заключения этого союза. Подозрения англичан на счет Индии, Австралии или Канады ни на чем не основаны».

[2] 8 июля/25 июня Сазонов уехал в отпуск, сдав управление министерством Нератову.

reign participation is arranged in the line south of Bagdad, Germany has by agreement with Turkey a right to an equal share with that of any foreign Power.

Believe me, dear Monsieur Nératow, yours very sincerely

Hugh O'Beirne.

Перевод.

Доверительно.

Дорогой г. Нератов,

Я получил от сэра Э. Грея следующее сообщение для г. Сазонова и был бы вам очень благодарен, если бы вы любезно передали его в обычном порядке его превосходительству.

Сэр Э. Грей желает выразить г. Сазонову благодарность за любезно сделанное мне сообщение относительно того, что имело место в Балтийском Порте; сэр Эдуард считает его вполне удовлетворительным. Кроме того, я имею передать, что новый германский посол в Лондоне не сделал нам никаких предложений и мы не ведем в настоящее время никаких сепаратных переговоров с Германией, за исключением переговоров по вопросам, касающимся интересов английских и немецких колоний в Южной Африке.

В разговоре с бароном Маршаллом сэр Эдуард выразил готовность откровенно высказать свои взгляды по вопросам, представляющим общий интерес, как то: итало-турецкая война и вопрос о китайском займе, надеясь, что таким путем может быть создана взаимная уверенность в том, что ни мы, ни Германия не проводим политики, направленной против интересов друг друга.

Сэр Эдуард обещал поставить германского посла в известность о результатах ведущихся нами с Турцией переговоров о Багдадской железной дороге, ввиду того что, если будет договорено о каком-либо иностранном участии в [постройке] линии южнее Багдада, то Германия имеет, по соглашению с Турцией, право на равную с другими иностранными державами долю участия.

Прошу вас верить, дорогой г. Нератов, моей искренней преданности.

Хью О'Берн.

№ 283. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 68. 10 июля/27 июня 1912 г.

Копия в Константинополь.

№ 1265 получил вчера [1].

Но я уже в понедельник [2] основательно объяснился с Гешовым в указываемом вашей телеграммой духе. Я воспользовался для сего секретными письмами министра касательно разговоров его с Даневым [3], привел также в довод имевшиеся у меня из здешних источников сведения о вероятности скорого примирения Турции с Италией. Гешов, в свою очередь, указывал мне на приподнятое настроение Болгарии, своих коллег и Данева, и на воинственность, якобы господствующую в Белграде и в Афинах. Он уверил меня, что никогда не предпримет ничего против желания России, но что не исключена его отставка, в случае если бы подорвано было его единомыслие с товарищами. Конечно, многое будет зависеть от благоразумия и выдержки короля Фердинанда, коего Гешов собирается навестить недели через две в Карлсбаде. В заключение Гешов просил меня сообщить вам доверительно, что, по всему вероятию, болгарское правительство принуждено будет выступить перед державами с настоятельными ходатайствами об обеспечении более сносного существования болгарскому и вообще христианскому населению Македонии. Я воздерживался от всяких советов за или против, ибо полагаю, что кабинет Гешова — Данева и сам король, обви-

[1] См. № 278.
[2] 8 июля/25 июня.
[3] См. № 64.

няемые оппозицией и офицерством в трусости перед турками и в измене национальному делу в Македонии, считают себя вынужденными прибегнуть к какому-либо наглядному выступлению.

Неклюдов.

№ 284. Сообщение японского посольства в Петербурге министерству иностранных дел.

11 июля/28 июня 1912 г.

L'Ambassadeur du Japon a l'honneur, d'ordre de son Gouvernement, de porter ce qui suit à la connaissance du Gouvernement impérial de Russie:

Le Gouvernement impérial se félicite vivement de ce que les relations de parfaite entente existant entre le Japon et la Russie par suite des accords déjà intervenus entre les deux Gouvernements aient été consolidées et complétées par la nouvelle Convention qui vient d'être signée récemment à St.-Pétersbourg [1]. Il s'efforcera, d'accord avec le Gouvernement impérial de Russie, à développer de plus en plus les rapports de bon voisinage et de confiance réciproque qui existent entre les deux Gouvernements et à contribuer au maintien de la paix et de la tranquillité en Extrême-Orient, en se basant sur la lettre et l'esprit des accords susmentionnés [2].

Перевод.

Японский посол имеет честь, по распоряжению своего правительства, довести до сведения российского императорского правительства нижеследующее:

Императорское правительство искренне радуется тому, что отношения полного согласия, существующие между Японией и Россией в результате ранее заключенных обоими правительствами соглашений, ныне упрочились и дополнились новой конвенцией, только что подписанной в С.-Петербурге. Оно будет стараться, в согласии с российским императорским правительством, все более и более развивать добрососедские отношения и взаимное доверие, которые существуют между обоими правительствами, а также способствовать сохранению мира и спокойствия на Дальнем Востоке, руководствуясь текстом и духом вышеупомянутых соглашений.

№ 285. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

т. Телеграмма № 186 [3]. 11 июля/28 июня 1912 г.

Hier, à l'occasion du vote du ministère des Affaires étrangères, Grey a prononcé un discours où il a passé en revue surtout les affaires concernant l'Angleterre et la Russie. Pour la Perse il a mis en regard les critiques adressées au Gouvernement anglais et les critiques formulées en Russie contre notre politique en termes d'une remarquable lucidité. Son discours a eu un succès supérieur à ce que je m'attendais [4], ayant été reçu avec l'approbation de la politique du Cabinet par tous les partis de la Chambre. Grey a cité et exprimé son entière satisfaction et approbation des termes du communiqué officieux concernant l'entrevue des deux Empereurs [5]. Il est à remarquer que, sauf deux discours isolés — l'un radical, l'autre irlandais, — les critiques ont été plus modérées que jusqu'ici, tous les orateurs se prononçant pour le maintien de la politique actuelle de la Triple Entente. Bonar Law, au nom des con-

[1] См. № 276.

[2] В сообщении от 13 июля/30 июня за № 641 росс. м-во ин. дел указывало, что росс. прав-во разделяет взгляд япон. прав-ва на заключенное соглашение и что оно «уже поручило г. Малевскому-Малевичу сделать токийскому кабинету сообщение в том же смысле».

[3] Опубл. Siebert, II, S. 409, N 646.

[4] См. № 303.

[5] См. стр. 266, прим. 2.

servateurs, a dit que non seulement rien ne pourrait être changé dans les grandes lignes de la politique étrangère, mais que le maintien de la Triple Entente, parfaitement compatible avec les bonnes relations avec l'Allemagne, tant de l'Angleterre que de la Russie, devait être considéré comme la base de la politique anglaise [1]. Je considère cette discussion comme un grand succès pour la politique du Gouvernement.

Benckendorff.

Перевод.

Вчера при утверждении [бюджета] министерства иностранных дел Грей произнес речь, в которой он особенно долго остановился на делах, касающихся Англии и России. По поводу персидских дел он в замечательно ясных выражениях изложил критику по адресу английского правительства и критику, которой подвергалась в России наша политика. Успех его речи превысил мои ожидания, так как политика кабинета встретила одобрение всех партий в палате. Грей цитировал официозное сообщение о свидании двух императоров и выразил полное удовлетворение и одобрение выражениям, в которых оно составлено. Следует отметить, что за исключением двух речей — одного радикала и одного ирландца — критика носила более умеренный характер, чем до сих пор; все ораторы высказались за сохранение нынешней политики Тройственного согласия. Бонар Лоу от имени консерваторов сказал, что не только ничто не может быть изменено в общем направлении иностранной политики, но что сохранение Тройственного согласия — вполне совместимое с хорошими отношениями с Германией как Англии, так и России — должно рассматриваться, как основа английской политики. Я считаю, что эти дебаты свидетельствуют о большом успехе политики правительства.

Бенкендорф.

№ 286. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1302 [2]. 12 июля/29 июня 1912 г.

Из беседы вчера с Жоржем Луи я вынес впечатление, что французское правительство опасается, как бы непосредственные переговоры Турции с Италией [3], о чем получите письмо в воскресенье, и слух о коих все более подтверждается, не привели бы к единоличному посредничеству и выступлению Германии.

Можете заявить Пуанкаре, что мы не имеем никаких указаний на то, чтобы Германия стремилась к такому единоличному посредничеству. В бывших доселе с Луи разговорах упоминалось лишь о дошедшем до нас сведении, что Германия высказывалась в пользу непосредственных переговоров между Турцией и Италией.

Нератов.

№ 287. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Письмо. 12 июля/29 июня 1912 г.

Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Считаю долгом начать настоящее письмо возобновлением изложенной в строго доверительном письме моем от 24/11 июня просьбы: не отказать

[1] Тел. от 12 июля/29 июня за № 187 (опубл. Siebert, II, S. 410, N 647, где датирована 11 июля/28 июня) Бенкендорф сообщал Нератову: «Считаю нужным отметить следующие отрывки из речи Бонар Лоу, как имеющие значение для будущего: «Грей сказал, что добрые отношения с Францией и Россией должны быть исходной точкой нашей политики. Я предпочитаю сказать, что они являются краеугольным камнем в нашей иностранной политике. Грей прочел официальное сообщение, которое, по моему мнению, выражает величайшую государственную мудрость. Я прочту его вновь». В заключение он сказал: «Такова политика нашей страны, и если партия, от имени которой я говорю, вернется к власти, такова же будет политика этой партии». Со времен Согласия никогда не было сказано ничего более определенного».

[2] Опубл. Stieve, II, S. 180, N 367.

[3] См. № 226.

хранить в тайне нижеследующие сведения и, ввиду того что источником их является лицо, упомянутое в сказанном моем письме, не пользоваться ими ни в переписке с посольством нашим в Риме, ни в личных беседах вашего превосходительства с маркизом делла Торретта [1].

После отъезда из Константинополя г. Вольпи, состав предполагавшейся к отправлению в Вену оттоманской депутации постоянно изменялся, причем каждый раз намечались лица со все менее и менее видным положением; отъезд депутации откладывался почти ежедневно. Наконец, в минувшую субботу, 6 июля/23 июня, отбыл не в Вену, а в г. Лозанну председатель государственного совета (Conseil d'État) египетский принц Саид Халим-паша. Итальянцы весьма удовлетворены тем, что Саид Халим не принадлежит ни к какой политической партии. Человек он не глупый, прекрасно образованный и большой говорун. Для меня, однако, не совсем исключена возможность, что уехавший за границу «отдохнуть» редактор «Танина» Хусейн Джахид не присоединится к Саид Халиму, ввиду того что со стороны Италии в Швейцарию отбыли 4 члена: 1) депутат Гвидо Фузинато, прославивший себя искусным разрешением в гаагском международном судилище дела о казабланских дезертирах; 2) депутат Бертоллини, вожак партии и друг г. Джиолитти, в палате депутатов прозванный его «наследником». Человек широкой культуры, недюжинных способностей, безупречной нравственности, обладает крупным состоянием; 3) известный вашему превосходительству из моего письма от 24/11 июня и из телеграммы нашего посланника в Софии [2] г. Вольпи и 4) инженер Ногара, обставивший приезд г. Вольпи в Константинополь.

Отъезд Саид Халима не прошел незамеченным, и в печати промелькнуло известие о том, что Халим уехал в Европу, облеченный чрезвычайной миссией, но известие это было немедленно опровергнуто и было вместе с сим сообщено, что принц уехал за границу, по совету врачей, лечиться в Висбадене.

Первое заседание комиссии должно состояться сегодня, в пятницу, 12 июля/29 июня.

Судя по телеграфному запросу, полученному из Рима г. Гарбассо, о значении духовного знамени халифа, об эмблемах его, можно предположить, что итальянцы не уклоняются от принятия отдельного флага для Ливии, что́ является одним из четырех условий, выставленных Турцией, поименованных в упомянутом выше письме моем. Г. Гарбассо выезжает послезавтра, вызванный отсюда итальянским правительством, вследствие настойчивых требований Порты, поддержанных здешним германским посольством. От Италии в Турции останется вице-консул Лори и один канцелярский служитель.

Ассим-бей говорил мне, что гофмейстер Сазонов в пространной беседе убеждал Турхан-пашу, что нынешняя война весьма невыгодна для Турции. Я воспользовался таким поводом, чтобы обратить внимание министра на неосновательность подозрения турок в нашем к ним нерасположении. Дружеский, проникнутый лучшими чувствами разговор гофмейстера Сазонова должен был бы убедить Порту в горячем нашем желании видеть ее скорее освобожденной от тех затруднений, с которыми ей ныне приходится бороться.

Ассим-бей сослался на свое миролюбие, но подчеркнул неприемлемость сделанных Италией предложений через г. Вольпи, которого, по его словам, он принимал два раза. «Мы не можем, — сказал он, — выдать Италии ара-

---

[1] См. № 226.
[2] См. стр. 218, прим. 1.

бов, столь беззаветно отстаивающих интересы и престиж империи. Это было бы неблагородно и нечестно».

Примите и пр. М. Гирс.

№ 288. Протокол совещания начальников российского и французского генеральных штабов [1].

13 июля/30 июня 1912 г.

Par application du paragraphe 1-er de l'article 4 de la Convention militaire du 17 août 1892, Son Excellence le général Jilinsky, chef d'État-major de l'armée russe, et le général Joffre, chef d'État-major général de l'armée française, se sont réunis en conférence à Paris le 13/1 juillet 1912 [2].

Étaient en outre présents:

M. le général de Curières de Castelnau, premier sous-chef d'État-major de l'armée;

M. le colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie;

M. le colonel comte Ignatieff, Attaché militaire à l'Ambassade de Russie à Paris;

Ces deux derniers officiers en qualité de secrétaires.

Les divers points de la Convention ont été successivement examinés par les conférents et ont donné lieu aux échanges de vue ci-après.

Observation préliminaire.

Tout d'abord les conférents décident que toutes les fois qu'ils tomberont d'accord pour accepter sans changement un ou plusieurs alinéas du procès-verbal de la conférence précédente [3], le texte en sera reproduit intégralement dans le présent procès-verbal.

Une mention spéciale sera inscrite en marge des textes ainsi reproduits.

Cette manière de procéder a l'avantage de dispenser, autant que possible, de se reporter au texte du procès-verbal antérieur.

Préambule.

Les deux chefs d'État-major déclarent d'un commun accord que les mots «guerre défensive» ne sauraient être interprétés dans le sens de «guerre que l'on conduira défensivement». Ils affirment au contraire la nécessité absolue pour les armées russe et française de prendre une offensive vigoureuse et, autant que possible, simultanée, conformément au texte de l'article 3 de la Convention, aux termes duquel «les forces des deux Puissances contractantes s'engagent à fond et en toute diligence».

(Accepté sans observations par les conférents.) [4]

Article premier.

Mêmes observations que dans la conférence de 1910, ainsi conçues:

«Les deux chefs d'État-major, confirmant le point de vue des conférences antérieures, sont parfaitement d'accord sur ce point que la défaite des armées allemandes reste, quelles que soient les circonstances, le premier et le principal objectif des armées alliées».

(Accepté sans observations par les conférents.) [4]

---

[1] Опубл. М., стр. 704. Печатается с копии, написанной рукой Базили, хранящейся в архиве б. м-ва ин. дел под заголовком: «Huitième conférence. Procès-verbal de l'entretien du 13 juillet 1912 entre les chefs d'État-major des armées française et russe». («Восьмое совещание. Протокол совещания от 13 июля 1912 г. между начальниками генеральных штабов французской и русской армий».)

[2] Так в оригинале; должно быть: «13 июля/30 июня».

[3] См. т. XVIII, № 372.

[4] Слова, взятые в скобки, в оригинале проставлены на полях.

Art. 2.

Mêmes observations que dans les conférences de 1910 et 1911 ainsi conçues:

«Les conférents expriment à nouveau d'un commun accord l'avis formulé dans l'entretien du 21/8 avril 1906 (paragraphe 2 du chapitre 1-er) que la mobilisation de l'armée allemande oblige la Russie et la France à mobiliser immédiatement et simultanément toutes leurs forces à la première nouvelle de l'événement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable; mais qu'en cas de mobilisation partielle ou même générale de l'Autriche ou de l'Italie seules ce concert leur paraît indispensable».

Cette interprétation de la Convention a été approuvée par les Gouvernements russe et français en vertu de la signature que ces Gouvernements ont respectivement apposée sur le procès-verbal de la conférence d'août 1911.

Art. 3.

Partageant l'opinion de leurs prédécesseurs, les conférents d'un commun accord pensent que l'Allemagne dirigera la plus grande partie de ses forces contre la France et ne laissera qu'un minimum de troupes contre la Russie.

M. le général Joffre expose que de nouveaux arguments à l'appui de cette manière de voir sont donnés par les améliorations que les Allemands ne cessent d'apporter à leur réseau de chemins de fer de l'Ouest (voies, chantiers, quais de débarquement) et par les mesures prises récemment dans le voisinage de la frontière française, notamment dans la région de l'Eiffel.

Le chef d'État-major général français insiste sur ce point capital que les Allemands ont intérêt à opérer successivement et séparément contre la France d'abord, et ensuite contre la Russie. Le plan des alliés doit être, au contraire, de s'efforcer d'attaquer simultanément des deux côtés à la fois, en exerçant le maximum d'efforts combinés.

Dans cet ordre d'idées, en se basant sur la situation actuelle de l'Italie en guerre contre les Turcs, et sur les relations de cette Puissance avec la France et la Russie, l'État-major français a établi son plan de concentration sur les bases suivantes:

Un strict minimum de troupes, composé surtout d'unités de réserve, est laissé sur la frontière des Alpes pour en défendre pied à pied les passages. Toute la masse des forces françaises est concentrée dès le début sur la frontière allemande. Le total dépassera très sensiblement les 1 300 000 hommes prévus par l'article 3 de la Convention de 1892.

En outre, l'État-major français fait apporter aux réseaux des diverses compagnies de chemin de fer de nouvelles améliorations telles, qu'elles permettront prochainement de gagner un jour ou deux pour la concentration et de se trouver finalement d'ici un an en avance sur l'Allemagne. Onze millions de francs sont dès à présent affectés à ces travaux.

M. le général Joffre montre à l'appui de ses explications une carte sur laquelle est figuré le dispositif français de concentration.

M. le général Jilinsky se rallie pleinement à l'opinion de principe émise par le chef d'État-major général de l'armée française au sujet de la nécessité de faire concorder, dans le temps, les efforts à diriger par les gros des deux armées alliées contre l'Allemagne.

Il se rallie également à l'opinion exprimée au sujet de l'armée italienne dont l'action, dans les circonstances actuelles, ne semble pas devoir être très pressante, du moins au début des hostilités.

Au contraire, l'Autriche a beaucoup développé sa puissance militaire; elle a perfectionné ses chemins de fer dans un but évident d'offensive. La Russie ne peut s'exposer à un échec du côté de l'Autriche. L'effet moral serait désastreux. Il lui faut donc partager ses forces pour faire face à cette Puissance en même temps qu'à l'Allemagne.

D'autre part, la Suède avait paru jusqu'ici décidée à adopter une attitude expectante de manière à se trouver, au moment favorable, du côté où pencherait la balance. Il n'en est plus de même aujourd'hui. Excitée et entraînée par l'Allemagne, elle marchera probablement, en même temps que celle-ci, contre la Russie. Cette considération forcera à laisser en Finlande et autour de Saint-Pétersbourg un effectif plus considérable qu'on ne l'avait indiqué précédemment.

Enfin, la construction des chemins de fer de l'Asie Mineure permettra aux Turcs d'accélérer leur mobilisation et leur concentration. Il s'ensuivra peut-être, dans l'avenir, la nécessité de maintenir une plus grande quantité de forces de ce côté.

En tout état de cause, l'État-major russe est toujours résolu à concentrer contre l'Allemagne un groupement de forces atteignant 800 000 hommes au moins et il est décidé à faire sentir l'action offensive de ses armées aussitôt après le 15-me jour de la mobilisation.

M. le général Joffre fait observer que la défaite de l'Allemagne dissipera immédiatement toutes les craintes qui pourraient être inspirées par l'attitude de la Suède et de la Turquie.

C'est donc l'anéantissement des forces de l'Allemagne qu'il faut poursuivre à tout prix. Dans ce but, il importe de réduire au minimum les délais de mobilisation et de concentration des armées alliées. Le développement du réseau ferré constitue évidemment un des facteurs essentiels de ce résultat. A ce sujet, le général Joffre fait remarquer que les lignes ferrées utilisées par les troupes russes transportées vers la frontière occidentale de l'Empire ne sont pas toutes à double voie. La concentration des forces en est fatalement ralentie. Elle serait accélérée dans une sérieuse mesure, si, comme l'a déjà réalisé l'État-major français sur le réseau national, les lignes ou tronçons de lignes de transport à voie unique étaient aménagés à double voie et si même certaines portions étaient quadruplées.

Ces améliorations pourraient utilement s'appliquer, semble-t-il:

a) Au doublement de la ligne: Saint-Pétersbourg — Taps — Walk — Riga — Mouravievo — Kochedary.

b) Aux tronçons Briansk — Gomel; Louninetz — Jabinka de la ligne d'Orel à Varsovie par Brest-Litowsk.

c) Au quadruplement du tronçon Jabinka — Brest-Litowsk qui permettrait aux deux courants venant l'un de Moscou, l'autre d'Orel, d'aboutir à Brest-Litowsk.

d) Au quadruplement du tronçon Siedlets — Varsovie qui amènerait jusqu'à cette dernière ville les deux courants venant de Saint-Pétersbourg d'une part et de Bologoié de l'autre.

Enfin il y aurait intérêt à mettre à voie russe les lignes qui de Varsovie se dirigent respectivement sur Cracovie et Thorn.

Comme le général Joffre, le général Jilinsky attribue la plus haute importance stratégique au développement des voies ferrées. Il expose qu'en Russie les voies ferrées peuvent se diviser en deux catégories: les unes appartiennent à la Couronne; les autres sont la propriété de compagnies privées. Sur les premières des améliorations sont en cours; d'autres sont projetées; elles seront réalisées au fur et à mesure des ressources disponibles. Toutefois il ne semble pas utile de doubler la ligne de Saint-Pétersbourg — Riga—Kochedary dont la situation excentrique et le tracé voisin des frontières ennemies permettent difficilement l'utilisation. Sur les secondes (lignes privées), l'Etat ne peut exercer une action directe et immédiatement obéie. Il a fait l'acquisition des lignes à voie non normale qui vont de Varsovie vers Thorn et Cracovie dans l'intention de les transformer en voie normale. La continuité des transports sera ainsi assurée sans rompre charge depuis le cœur de l'Empire jusqu'à la frontière occidentale.

Enfin le général Jilinsky rappelle les causes d'ordre général qui interviennent pour retarder la concentration russe. Tandis qu'en France les chemins de fer sont toujours prêts, en Russie ils doivent se mobiliser en même temps que l'armée.

Le général Jilinsky expose dans ses grandes lignes le dispositif de concentration et de groupement des armées russes dirigées contre l'Allemagne.

Le général Joffre est d'accord avec le général Jilinsky sur l'utilité de porter franchement vers le Sud le centre de gravité de ces armées et de disposer le gros des forces dans des conditions lui permettant:

Soit de prendre l'offensive dans la direction générale d'Allenstein si l'ennemi s'est établi dans la Prusse Orientale ou tente d'en déboucher sur Varsovie;

Soit de manœuvrer par la rive gauche de la Vistule pour marcher sur Berlin, si l'adversaire a réalisé sa concentration dans la région Thorn—Posen ou s'il tente de partir de cette base pour se porter sur Varsovie ou Ivangorod.

Art. 4.

Les chefs d'État-major reproduisent sans changement les six premiers paragraphes des observations concernant l'article 4 dans la conférence de 1910 et qui sont ainsi conçues:

«Les conférents admettent d'un commun accord les points suivants:

1 — Les conférences entre les deux chefs d'État-major seront périodiques, et, en principe, annuelles;

2 — En outre, on se concertera toutes les fois que l'un des États-majors en exprimera le désir;

3 — Le procès-verbal de la conférence sera soumis à l'approbation du Gouvernement de chaque pays, en demandant le visa du Ministre de la Guerre ou du Président du Conseil des Ministres, de sorte que les chefs d'État-major des armées alliées puissent s'appuyer sur ce document dans la réalisation des améliorations désirables;

4 — Il sera donné une forme plus suivie et plus complète aux échanges de renseignements entre les États-majors.

En particulier, avant chaque conférence, on échangera l'indication des points que l'on se propose d'examiner».

Les voies et moyens de correspondre en temps de guerre ont été perfectionnés et complétés, suivant les vœux formulés au cours de la conférence de 1911 [1].

A l'heure actuelle, quatre postes de T. S. F. permettent de communiquer en temps de paix [2], suivant les lignes Paris—Bobrouisk, Bizerte — Sébastopol.

Des dictionnaires chiffrés pour le temps de paix et pour le temps de guerre ont été établis et déposés dans chacun des ministères de la Guerre de Russie et de France. Des consignes ont été rédigées pour fixer les heures de fonctionnement des postes, déterminer les indicatifs et signaux de reconnaissance, les codes de service et les devoirs des chefs de poste.

Les communications échangées journellement dès à présent tendent à prouver que ce système de correspondance fonctionne d'une manière régulière et satisfaisante. Cependant, pour l'améliorer encore, l'État-major russe a l'intention de laisser exclusivement à l'armée de mer la disposition du poste de Sébastopol et de créer pour l'armée de terre un poste spécial près de Nicolaïeff.

La Commission qui s'est déjà occupée des correspondances par T. S. F. devra examiner si le poste français actuel établi à Bizerte suffira pour communiquer avec les deux postes russes de Crimée ou s'il sera nécessaire de créer pour la France un nouveau poste spécial.

[1] См. т. XVIII, № 372.

[2] B Doc. Dipl. (3-me série, t. III, N 200, p.258) далее следует: «et en temps de guerre» («и в военное время»).

La transmission des dépêches par émissaires entre la France et la Russie a été récemment réorganisée à la diligence de l'État-major français. Les correspondances sont expédiées par [1] les pays scandinaves jusqu'au point où les communications chiffrées peuvent être poussées en toute sécurité. De ce point les dépêches sont transportées en Russie par des officiers émissaires dès à présent désignés.

Pour mieux assurer encore les communications entre la France et la Russie, il y aurait peut-être lieu d'étudier la possibilité d'utiliser les postes de T. S. F., déjà établis en Norvège. Cette question fera l'objet de communications ultérieures entre les Etats-majors français et russe.

Art. 5.

Mêmes observations que dans les conférences de 1910 et 1911 qui sont ainsi conçues:

«Les conférents sont d'accord que l'article 5 oblige les contractants, non seulement à ne pas faire la paix, mais encore à ne pas cesser les opérations ni conclure un armistice individuellement».

(Accepté sans observations par les conférents.)[2]

Art. 6.

L'article 6 reste abrogé.

Conformément à l'accord diplomatique du mois d'août 1899 [3] rappelé au chapitre 1-er de l'entretien du 2 juillet 1900, la Convention aura la même durée que les accords diplomatiques actuellement en vigueur et dont elle est le complément.

(Accepté sans observations par les conférents.) [2]

Art. 7.

Sans observations.

(Accepté sans observations par les conférents.) [2]

Le chef d'État-major général de l'armée russe

J. Jilinsky.

Le chef d'État-major général de l'armée française

J. Joffre.

Le Ministre de la Guerre

A. Millerand.

Перевод.

Во исполнение параграфа 1 статьи 4 военной конвенции от 17 августа 1892 г., его превосходительство генерал Жилинский, начальник генерального штаба русской армии, и генерал Жоффр, начальник генерального штаба французской армии, имели совещание в Париже 13/1 июля 1912 г. [4]

Помимо них присутствовали:

генерал де Кюрьер де Кастельно, первый помощник начальника генерального штаба армии;

полковник Маттон, военный атташе при посольстве Французской республики в России;

полковник граф Игнатьев, военный атташе при российском посольстве в Париже;

[1] В Doc. Dipl. далее следует: «télégraphe à Londres, puis de Londres dans» («телеграфно в Лондон, затем из Лондона в»).

[2] Слова, взятые в скобки, в оригинале проставлены на полях.

[3] Имеется в виду обмен нот франц. и росс. м-ров ин. дел Делькассе и Муравьева от 9 авг./28 июля 1899 г., подтвердивший дипломатическое соглашение между Францией и Россией 1891 г. и признавший, что военная конвенция 1892 г. будет оставаться в силе так же долго, как и дипломатическое соглашение.

[4] Так в оригинале, должно быть: «13 июля/30 июня».

эти два последних офицера — в качестве секретарей.

Собравшимися были последовательно обсуждены различные пункты конвенции, вызвавшие следующий обмен мнений.

Предварительные замечания.

В первую очередь участники совещания договорились, что всякий раз, когда будет достигнуто соглашение о принятии без изменения одного или нескольких абзацев протокола предыдущего заседания, текст таковых будет целиком воспроизведен в настоящем протоколе.

На полях воспроизведенных таким образом текстов будет проставляться особая о том отметка.

Такой метод имеет то преимущество, что освобождает, насколько возможно, от необходимости обращаться к тексту предыдущего протокола.

Введение.

Оба начальника генеральных штабов, в полном согласии, заявляют, что слова «оборонительная война» не могут быть понимаемы в смысле «война, которую будут вести оборонительно». Они подтверждают, наоборот, абсолютную необходимость для русской и французской армий начать решительное и, поскольку возможно, одновременное наступление в соответствии с текстом статьи 3 конвенции, согласно которой «силы обеих договаривающихся держав начинают военные действия в полном объеме и со всей быстротой».

(Принято участниками совещания без замечаний.)

Статья 1.

Те же замечания, что и на конференции 1910 г., которые гласят:

«Оба начальника генеральных штабов, подтверждая точку зрения предыдущих совещаний, вполне согласны с тем, что поражение германских армий остается, при любых обстоятельствах, первой и основной задачей союзных армий».

(Принято участниками совещания без замечаний.)

Статья 2.

Те же замечания, что и на конференциях 1910 и 1911 гг., которые гласят:

«Участники совещания снова с общего согласия выражают мнение, сформулированное на совещании 21/8 апреля 1906 г. (параграф 2-й статьи 1), что мобилизация германской армии обязывает Россию и Францию одновременно и немедленно мобилизовать все свои силы при первом известии об этом событии, и без предварительного согласования; но в случае частичной или даже общей мобилизации одной только Австрии или Италии, это согласование им кажется необходимым».

Это толкование конвенции российское и французское правительства утвердили подписями, которыми каждое из этих правительств скрепило протокол конференции от августа 1911 г.

Статья 3.

Разделяя мнение своих предшественников, участники совещания в полном согласии полагают, что Германия направит наибольшую часть своих сил против Франции и оставит только минимальную часть войск против России.

Генерал Жоффр указывает, что такая оценка положения подтверждается новыми аргументами, а именно теми улучшениями, которые немцы не перестают вводить на своей западной железнодорожной сети (пути, мастерские, погрузочные платформы), а также мерами, принятыми за последнее время поблизости от французской границы, а именно в районе Эйфеля.

Начальник французского генерального штаба настаивает на имеющем первостепенное значение пункте, что немцы заинтересованы в том, чтобы действовать поочередно и раздельно сначала против Франции, а затем против России. План союзников должен состоять, наоборот, в стремлении атаковать одновременно с двух сторон, применяя максимум комбинированных усилий.

По этим соображениям и учитывая нынешнее положение Италии, находящейся в состоянии войны с Турцией, а также отношения, в которых эта держава находится с Францией и Россией, французский генеральный штаб выработал свой план концентрации на следующих основах:

Строго необходимый минимум войск, состоящий, главным образом, из резервных частей, будет оставлен на альпийской границе, чтобы защищать пядь за пядью проходы. Вся совокупность французских сил будет сосредоточена с самого начала на германской границе. Общая [их] численность значительно превзойдет 1 300 000 человек, предусматриваемых статьей 3 конвенции 1892 г.

Кроме того, по указанию французского генерального штаба, в сети различных железнодорожных компаний вносятся улучшения, которые позволят в ближайшее

время выиграть день или два для осуществления концентрации и в конце концов в течение года опередить Германию. Для производства этих работ ассигновано уже сейчас 11 000 000 франков.

В подтверждение своих объяснений генерал Жоффр показывает карту, на которой нанесен французский план концентрации.

Генерал Жилинский всецело присоединяется к принципиальному мнению, высказанному начальником генерального штаба французской армии по вопросу о необходимости согласовать одновременность усилий, которые направят основные части обеих союзных армий против Германии.

Он присоединяется также к мнению, высказанному относительно итальянской армии, действия которой при настоящих условиях не могут быть очень энергичными, по крайней мере в начале военных операций.

Австрия, наоборот, сильно укрепила свое военное могущество; она усовершенствовала свои железные дороги, с явной целью вести наступательные операции. Россия не может рисковать неудачей в действиях против Австрии. Моральный эффект был бы роковым. Следовательно, ей нужно разделить свои силы, чтобы иметь возможность противостоять одновременно и этой державе и Германии.

С другой стороны, до сих пор казалось, что Швеция решила занимать выжидательную позицию с тем, чтобы оказаться в благоприятный момент на той стороне, куда будет склоняться чаша весов. Теперь положение изменилось. Подстрекаемая и увлекаемая Германией, она, по всей вероятности, одновременно с ней выступит против России. Это соображение вынудит оставить в Финляндии и под С.-Петербургом силы более значительные, чем предполагалось раньше.

Наконец, постройка железных дорог в Малой Азии позволит туркам ускорить мобилизацию и концентрацию своих войск. В связи с этим в будущем, быть может, явится необходимость содержать на этом фронте более значительные силы.

Во всяком случае российский генеральный штаб попрежнему полон решимости сконцентрировать против Германии военные соединения численностью по меньшей мере в 800 000 человек и дать почувствовать наступательное действие своих армий тотчас после 15-го дня мобилизации.

Генерал Жоффр отмечает, что поражение Германии немедленно рассеет все опасения, которые может внушать поведение Швеции и Турции.

Следовательно, надо во что бы то ни стало стремиться к уничтожению сил Германии. С этой целью важно сократить до минимума сроки мобилизации и концентрации союзных армий. Развитие железнодорожной сети несомненно представляет один из главных факторов для достижения этого результата. По этому поводу генерал Жоффр отмечает, что железнодорожные линии, используемые для перевозки русских войск к западной границе Империи, не все имеют двойную колею. Это роковым образом замедлит концентрацию сил. Она была бы в значительной степени ускорена, если бы, как это уже осуществлено французским генеральным штабом на своей сети, одноколейные линии или отрезки линий были бы перестроены на двухколейные, а некоторые участки имели бы даже четыре колеи.

Эти улучшения, казалось бы, могут быть с пользой применены:

а) к перестройке на двойную колею линии: С.-Петербург—Тапс—Валк — Рига — Муравьево — Кошедары;

б) к участкам Брянск — Гомель; Лунинец — Жабинка линии Орел — Варшава через Брест-Литовск;

в) к перестройке на четыре колеи участка Жабинка — Брест-Литовск, что позволило бы двум потокам, идущим один из Москвы, другой из Орла, достичь Брест-Литовска;

г) к перестройке на четыре колеи участка Седлец — Варшава, что направит на Варшаву оба потока, идущие из Петербурга, с одной стороны, и из Бологого, с другой.

Наконец, было бы желательно перешить на русскую колею линии, которые идут от Варшавы на Краков и Торн.

Так же, как и генерал Жоффр, генерал Жилинский признает чрезвычайную стратегическую важность развития железных дорог. Он заявляет, что в России железные дороги могут быть подразделены на две категории: одни из них принадлежат казне, другие являются собственностью частных компаний. На первых улучшения или уже проводятся или проектируются; они будут осуществляться по мере поступления необходимых средств. Тем не менее не представляется полезным перестройка на двойную колею линии С.-Петербург — Рига — Кошедары, так как она удалена от центра и проходит поблизости от неприятельской границы, что затрудняет ее эксплоатацию. В отношении вторых (частных линий) государство не может оказывать прямого воздействия и требовать немедленного выполнения своих указаний. Оно приобрело линии с необычной колеей, которые идут от Варшавы на Торн и Краков, с намерением перешить их на нормальную колею. Непрерывность перевозки от сердца Империи до западной границы без перегрузки будет таким образом обеспечена.

Наконец, генерал Жилинский напоминает о причинах общего характера, замедляющих русскую концентрацию. Тогда как во Франции железные дороги всегда готовы, в России они должны быть мобилизованы одновременно с армией.

Генерал Жилинский излагает в общих чертах план концентрации и группировки русских армий, выставляемых против Германии.

Генерал Жоффр согласен с генералом Жилинским относительно целесообразности смело перенести к югу центр тяжести этих армий и расположить главные силы в условиях, позволяющих им:

Либо предпринять наступление в общем направлении на Алленштейн, если враг укрепится в Восточной Пруссии или попытается двинуться оттуда на Варшаву;

Либо маневрировать на левом берегу Вислы, чтобы итти на Берлин, если противник произведет сосредоточение [своих армий] в районе Торн—Познань или если он попытается двинуться на Варшаву или Ивангород, опираясь на эту базу.

Статья 4.

Начальники генеральных штабов воспроизводят без изменения шесть первых параграфов замечаний конференции 1910 г., касающихся статьи 4, которые гласят:

«Участники совещания принимают единогласно следующие пункты:

1) Совещания между обоими начальниками генеральных штабов будут периодическими и, в принципе, ежегодными;

2) Помимо этого, совещания будут иметь место всякий раз, когда один из генеральных штабов выразит на то желание;

3) Протокол совещания будет представлен на одобрение правительства каждой из стран и на визу военного министра или председателя совета министров. Таким образом начальники генеральных штабов союзных армий смогут опираться на этот документ при осуществлении желательных улучшений;

4) Обмену сведениями между генеральными штабами будет придана более последовательная и более полная форма.

В частности, перед каждым совещанием будут взаимно сообщены друг другу подлежащие рассмотрению вопросы».

Пути и средства сношения военного времени усовершенствованы и пополнены сообразно с пожеланиями, сформулированными на совещании 1911 г.

В настоящее время четыре поста беспроволочного телеграфа позволяют сообщаться в мирное время по линиям Париж — Бобруйск, Бизерта — Севастополь.

Шифровальные словари для мирного и военного времени составлены и хранятся в военных министерствах России и Франции. Составлены инструкции, устанавливающие часы функционирования постов, позывные и опознавательные сигналы, коды и обязанности начальников постов.

Обмен сообщениями, производящийся уже теперь ежедневно, доказывает, что эта система связи функционирует регулярно и удовлетворительно. Однако, чтобы еще улучшить ее, российский генеральный штаб намеревается предоставить Севастопольский пост исключительно в распоряжение флота и создать для сухопутной армии специальный пост около Николаева.

Комиссии, которая уже раньше работала по установлению связи по беспроволочному телеграфу, надлежит выяснить, будет ли теперешний французский пост, установленный в Бизерте, в состоянии держать связь с обоими русскими крымскими постами или же будет необходимо создать во Франции новый специальный пост.

Передача депеш между Францией и Россией через эмиссаров была недавно реорганизована стараниями французского генерального штаба. Корреспонденции отправляются через скандинавские страны до пункта, откуда шифрованные сообщения могут высылаться в полной безопасности. Из этого пункта депеши перевозятся в Россию эмиссарами-офицерами, намеченными теперь же.

Чтобы еще лучше обеспечить сообщение между Францией и Россией, следовало бы, быть может, выяснить возможность использования уже установленных в Норвегии станций беспроволочного телеграфа. Этот вопрос будет предметом последующих сношений между французским и российским генеральными штабами.

Статья 5.

Те же замечания, какие были сделаны на совещании 1910—1911 гг., которые гласят:

«Участники совещания согласны в том, что статья 5 обязывает договаривающиеся стороны не только не заключать мира, но и не прекращать военных действий и не заключать перемирия сепаратно».

(Принято участниками совещания без замечаний.)

Статья 6.

Статья 6 остается упраздненной.

Согласно дипломатическому соглашению от августа 1899 г., упомянутому в 1 главе [протокола] совещания от 2 июля 1900 г., конвенция будет действительна на тот же срок, как и ныне действующие дипломатические соглашения, дополнением которых она является.

(Принято участниками совещания без замечаний.)

Статья 7.

Замечаний нет.

(Принято участниками совещания без замечаний.)

Начальник генерального штаба русской армии — Я. Жилинский.

Начальник генерального штаба французской армии — Ж. Жоффр.

Военный министр — А. Мильеран.

№ 289. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Ф. Телеграмма № 1308 [1]. 13 июля/30 июня 1912 г.

№ 188 получен [2].

Мы не могли иметь в виду исключить Германию и Америку из обмена мнений по китайскому займу. Наша мысль та, чтобы державы Тройственного соглашения, в лице их правительств, а в менее важных случаях представителей в Пекине, по возможности предварительно устанавливали общую точку зрения на подлежащие разрешению вопросы, дабы успешнее защищать в Консорциуме свои интересы.

[Нератов.]

№ 290. Поверенный в делах в Мадриде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Ф. Депеша № 9. 13 июля/30 июня 1912 г. [3]

М. г. Анатолий Анатольевич,

С отъездом их величеств на летнее пребывание в Ла Гранху, а затем в Сан-Себастьян и с закрытием кортесов здесь настало полное затишье.

Все министры понемногу разъезжаются на летние вакации, наезжая изредка в Мадрид для отправления текущих дел.

Министр иностранных дел, проводящий обыкновенно лето в Сан-Себастьяне, ввиду того что там находится двор и весь дипломатический корпус, покидает столицу на этой неделе.

Французский посол, которого я видел сегодня, сказал мне, что намерен выехать в Сан-Себастьян в конце недели, дабы, не теряя времени, продолжать переговоры по делам Марокко.

За последние дни ход переговоров значительно подвинулся вперед и, если не произойдет каких-либо непредвиденных событий, можно ожидать, что соглашение может быть подписано в весьма непродолжительном времени.

Вопросы о территориальных уступках как в северной, так и в южной зонах, вызвавшие столь долгие переговоры, разрешены ныне в удовлетворительном для обеих сторон смысле.

Принятие, наконец, Испанией французского предложения относительно разграничения долины рек Уэрги, Мулуйи и Лукуса дало возможность

[1] Лит. копия.

[2] В тел. от 12 июля/29 июня за № 188 Бенкендорф сообщал, что он передал Никольсону содержание письма Сазонова от 26/13 июня за № 591 (см. № 232). По словам Никольсона, Грей относится с одобрением к проекту обмена мнениями между тремя державами, но считает невозможным исключить Америку и Германию из переговоров, которые должны установить линию поведения шести держав в любом вопросе, касающемся китайского займа.

[3] Оригинал ошибочно датирован 14 июля/30 июня.

французскому правительству выказать более сговорчивости в вопросе о территории, окружающей порт Ифни.

Не последовало еще окончательного соглашения относительно католических миссионеров и представителя султана в испанской зоне.

Насколько мне известно, французское правительство для достижения удовлетворительного решения по первому из этих вопросов готово уступить до известной степени по второму из них.

Сегодня в министерстве иностранных дел подписано соглашение относительно железной дороги Танжер — Фец. Главнейшие условия этого соглашения следующие: постройка и эксплоатация линии будет отдана франко-испанской компании, в коей Франция участвует в 60% всего капитала, а Испания в 40%. Обоим договаривающимся правительствам предоставляется право выкупа своего участка после того, что железная дорога будет выстроена. 8% всего капитала будет предоставлено иностранным рынкам. Выбор пути, по которому пройдет железная дорога, предоставляется Франции и Испании в каждой из принадлежащих им зон.

Несколько медленно подвигаются вперед работы комиссии по административному управлению или интернационализации города Танжера [1].

Как известно вашему превосходительству, комиссия эта состоит из трех членов — представителей Англии, Франции и Испании — г. Уайта, великобританского генерального консула в Танжере, г. Гюйо, бывшего председателя франко-испанской технической комиссии, и г. Прадильи, начальника одного из отделений испанского министерства иностранных дел.

Несомненно, что задача, возложенная на эту комиссию, отличается своей сложностью и не может быть выполнена в короткое время, тем не менее, по общему здесь мнению, работы ее должны были бы подвигаться быстрее.

По этому поводу французский посол поверил мне, что в данном случае он должен был констатировать, как и при обсуждении территориальных компенсаций, особенно когда вопрос коснулся северной зоны, весьма заметную тенденцию со стороны Англии к противодействию.

В настоящем случае противодействие это легко объясняется не только серьезными экономическими интересами Англии в Танжере, но и географическим положением этого города, лежащего против английского Гибралтара.

Примите и пр.

Лермонтов.

№ 291. Поверенный в делах в Цетинье [2] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 81. 13 июля/30 июня 1912 г.

Копия в Константинополь.

Получил № 1303 [3].

Участившиеся за последнее время случаи пограничных столкновений черногорцев с турками в связи с оттягиваемым Портой утверждением работ пограничной смешанной комиссии [4] побудили меня на-днях в беседе с черногорским министром иностранных дел указать на крайнюю желательность соблюдения Черногорией особой осторожности на турецкой границе в настоящее тревожное время. Соответственный совет был дан мною в дружеской беседе и здешнему турецкому посланнику. Сегодня на основании

[1] См. т. XIX, № 751.

[2] Посланник в Цетинье Арсеньев был назначен посланником в Норвегию. Тел. от 4 июля/21 июня он сообщил, что сдал управление миссией Обнорскому.

[3] См. стр. 265, прим. 1.

[4] См. № 272.

вышеупомянутой телеграммы вашего превосходительства я указал королю на необходимость для Черногории спокойно выжидать утверждение Портой составленного комиссией протокола. На высказанное королем намерение, в случае дальнейшего промедления со стороны Порты, обратиться с меморандумом к здешним миссиям великих держав, я возразил указанием, что такое обращение едва ли бы оказалось целесообразным, причем сделал намек, что за дипломатическим содействием Черногории прежде надлежало бы обратиться к своей всегдашней покровительнице — России, правительство которой, со своей стороны, озабочено устранением возникших в данном вопросе затруднений [1].

Обнорский.

№ 292. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1313. 14/1 июля 1912 г.

Сообщается в Константинополь и Тегеран.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 465 [2].

Вместе с сим сообщаю высказанные в ней соображения О'Берну, которого прошу привлечь внимание Грея на необходимость поручить послам в Константинополе без замедления посоветовать персидским делегатам принять объяснительную ноту 1848 г.

Благоволите, со своей стороны, разъяснить Грею бесцельность дальнейшей задержки принятия персами сказанной ноты, ввиду ведущихся ныне непосредственных переговоров по вопросу о границе у Мохаммеры между Англией и Турцией, а равно опасность того, что турки откажутся от Эрзерумского трактата, который один лишь является прочной базой для поддержания прав Персии на всем остальном протяжении границы. Необходимо добавить при этом, что задержка в переговорах, вызываемая спором об объяснительной ноте, опасна также ввиду небольшого количества времени, которое остается до срока работы разграничительной комиссии, установленного Тегеранским протоколом [3].

Нератов.

№ 293. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 62. 14/1 июля 1912 г.

Английский поверенный в делах заявил формальный протест против вырабатываемого в сенате законопроекта о Панамском канале на том основании, что освобождение американских судов от сборов за проезд через канал было бы нарушением Хэй-Паунсефотского трактата [4], даже если правительство С.-А. Соединенных Штатов, как предлагало, само уплачивало бы эти сборы за свои национальные суда. Это совершенно неожиданное

[1] Деп. от 14/1 июля за № 25 Обнорский, ссылаясь на публикуемую тел., передавал Нератову, что, по его мнению, пограничные столкновения черногорцев с турками происходят «не без некоторого негласного попустительства со стороны черногорских властей», в чем также «совершенно убежден» турец. посланник в Черногории Рустем-бей. По словам Рустем-бея, — сообщал Обнорский, — турец. прав-во приняло «строгие меры к тому, чтобы пограничные турецкие войска тщательно избегали недоразумений с черногорскими сторожевыми постами, не отвечая даже на прямые вызовы со стороны последних». «Не подлежит сомнению, — заканчивал депешу Обнорский, — что турки сделают все возможное, дабы не обострять отношений с Черногорией в момент, когда албанское население вновь начинает проявлять признаки опасного брожения».

[2] См. стр. 252, прим. 1.

[3] См. т. XIX, № 263.

[4] Хэй-Паунсефотский трактат о Панамском канале был заключен между Англией и США 18/5 ноября 1901 г.

выступление Англии сильно критикуется, считаясь неоправдываемым вмешательством в дела, касающиеся только С.-А. Соединенных Штатов как строителей и хозяев канала, — хотя есть партия, находящая, что было бы пагубно вступить по такому вопросу в серьезный конфликт с Англией. Государственный секретарь передал дело в сенат, который решил безотлагательно приступить к обсуждению и проведению законопроекта, не ожидая дальнейших разъяснений со стороны английского посольства.

Бахметев.

№ 294. Памятная записка английского посольства в Петербурге министерству иностранных дел.

15/2 июля 1912 г.

L'Ambassadeur d'Angleterre est chargé d'exprimer à M. le Ministre des Affaires étrangères les remercîments de Sir E. Grey de la communication que Son Excellence a bien voulu faire à M. O'Beirne le 2 juillet/19 juin dernier [1] en lui transmettant le texte de la convention secrète russo-japonaise au sujet de la Mongolie. Sir Edward Grey partage entièrement les sentiments exprimés par Son Excellence en ce qui concerne les relations si cordiales qui unissent l'Angleterre et la Russie. Le Gouvernement de Sa Majesté britannique ne fera certainement aucune objection à tout arrangement qui ne portera préjudice ni à l'indépendance [2] de la Chine ni au régime de la porte ouverte pour le commerce et qui pourra servir les bonnes relations avec le Japon.

Перевод.

Английскому послу поручено выразить г. министру иностранных дел признательность сэра Э. Грея за сообщение, которое его превосходительство соблаговолил сделать г. О'Берну 2 июля/19 июня при передаче ему текста секретной русско-японской конвенции о Монголии. Сэр Эдуард Грей всецело разделяет выраженные его превосходительством чувства касательно столь сердечных отношений, существующих между Англией и Россией. Правительство его британского величества, конечно, не будет иметь никаких возражений против любого соглашения, которое не нанесет ущерба ни независимости Китая, ни принципу открытых дверей для торговли и которое сможет служить укреплению добрых отношений с Японией.

№ 295. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 1315 [3]. 15/2 июля 1912 г.

Жорж Луи, по поручению Пуанкаре, конфиденциально сообщил мне содержание разговора Бомпара с великим визирем. Из него явствует, что Порта готова согласиться на четыре пункта: 1) автономия африканских провинций под главенством князя-мусульманина по соглашению между воюющими [4]; 2) суверенитет Италии над двумя портами; 3) введение реформ в новой области по соглашению между итальянцами и князем и 4) присутствие итальянских войск до тех пор, пока намеченные реформы не будут осуществлены. В Риме Боллати будто бы высказал французскому представителю, что эти предложения «donnent un peu d'espoir» [5].

Спрошенный о нашем мнении, я ответил, что считал бы эти предложения для Италии неприемлемыми, но ввиду отзыва Боллати признаю возможным

[1] См. № 248 и прим. 1 к нему.

[2] На оригинале имеется помета Юдина: «не intégrité, a indépendance» («не целостность, а независимость»).

[3] Опубл. Stieve, II, S. 186, N 369. На полях чернового отпуска имеется помета: «Сообщается в Рим и Константинополь по телеграфу, в Лондон, Берлин и Вену по почте шифром».

[4] У Stieve: «nach Zustimmung der Mächte» («с согласия держав»).

[5] «подают некоторую надежду».

возникновение непосредственных переговоров, что уже само по себе надо признать благоприятным явлением.

Просил Луи поблагодарить Пуанкаре за интересное сообщение.

Нератов.

№ 296. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 845. 15/2 июля 1912 г.
Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Николаевич,

По получении секретного письма вашего высокопревосходительства от [3—2 июля] 20—19 мин. июня за № 659 [1], гофмейстер Сазонов не преминул сообщить посланнику в Тегеране условия, на которых вы полагали бы выдать персидскому правительству новый аванс в 100 000 ф. ст., причем д. с. с. Поклевскому-Козелл было указано на желательность безотлагательно разрешить вопрос об укладке рельс на пути между Джульфой и Тавризом [2].

В ответной телеграмме своей от [9 июля]26 мин. июня за № 548 [3], в копии, при сем прилагаемой, посланник настаивает на том, что остатков от таможенных доходов будет вполне достаточно для погашения ранее указанного вами трехлетнего срока как прежнего, так и нового аванса. Д. с. с. Поклевский высказывается при этом против ежемесячных отчислений из статей доходов, гарантирующих открытый персидскому правительству в нашем банке текущий счет в 200 000 томанов, так как мера эта была бы обременительна для персов и трудно выполнима на практике.

Что касается превращения Джульфа-Тавризской дороги в железнодорожный путь, то, упомянув об уже сделанных им в этом отношении шагах и необходимых для объяснений с персами сведениях, посланник отмечает неизбежную продолжительность предстоящих переговоров и трудности, сопряженные с этим вопросом вообще [4], и в заключение высказывает пожелание, чтобы выдача столь необходимой ныне главному казначею доли нового аванса в 25 000 ф. ст. не была поставлена в зависимость от окончания означенных переговоров.

Со своей стороны, считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству по этому поводу нижеследующие соображения.

Не подлежит никакому сомнению, что персидское правительство настоятельно нуждается ныне для своих текущих потребностей хотя бы в небольшой сумме в одну четверть намечаемого аванса, т. е. в 25 000 ф. ст. с нашей и английской стороны, а равно, что, даже при самом благоприятном течении вопроса о крупном займе, оно до реализации последнего будет, вероятно, нуждаться в будущем еще в нескольких подобных выдачах, общую сумму коих наш посланник в своей телеграмме от [3 мая] 20 апреля с. г. за № 372, вам в свое время сообщенной, и определил в 200 000 ф. ст. [5] Отказ с нашей стороны оказать шахскому правительству эту помощь или обставление таковой слишком обременительными условиями не только поставили бы тегеранский кабинет в безвыходное положение, затормозив все его мероприятия к улучшению порядка вещей в стране, в том числе, главным образом, формирование необходимой на то вооруженной силы, но и вынудили бы, по всей вероятности, нынешнего главного казначея, вполне преданного нам

[1] См. стр. 254, прим. 4.

[2] См. № 263.

[3] Содержание тел. Поклевского от 9 июля/26 июня за № 548 (№ 1 и № 2) в основном изложено в публикуемом документе.

[4] Трудность переговоров Поклевский объяснял, между прочим, тем фактом, что англ. синдикат возобновил переговоры о концессии на железную дорогу Мохаммера — Хоррамабад и что англичане выражают готовность построить эту линию на льготных для перс. прав-ва условиях (тел. от 9 июля/26 июня за № 548 (№ 2).

[5] См. т. XIX, ч. II, стр. 510, прим. 5.

бельгийца Морнара, уступить свое место другому лицу, которое, по примеру Шустера-Моргана, могло бы занять враждебное к нам положение. Казалось бы, поэтому, что без особой крайности нам не следовало бы уклоняться от оказания необходимой поддержки означенному правительству, которое, как посланник справедливо замечает, не выказывало до сих пор неспособности к принятию нужных нам решений.

Вполне присоединяясь к пожеланию вашего высокопревосходительства, чтобы намечаемый новый аванс наш был должным образом обеспечен, я не могу не указать на то, что, по компетентному мнению д. с. с. Поклевского-Козелл, таможенных остатков хватит с избытком на то, чтобы погасить оба аванса ранее указанного вами срока. Не изволите ли вы, ввиду этого, признать возможным поставить вопрос о ежемесячных отчислениях из других статей доходов на несколько иную почву, а именно — ограничиться согласием персидского правительства на таковое отчисление в том случае, если наступит понижение таможенных доходов и возникнет опасение, что авансы не будут погашены из этого источника в трехлетний срок?

В утвердительном случае можно было бы наметить следующую схему дальнейшего направления дела: отчисляя полностью все остатки от таможенных доходов на погашение нашего первого аванса, мы вместе с тем выдаем ныне же персидскому правительству 25 000 ф. ст. из нового аванса, сохраняя пока в тайне, как о том просил наш посланник в своей секретной телеграмме от [3 мая] 20 апреля с. г. за № 372, что нами уже предусмотрены дальнейшие выдачи на сумму в 75 000 ф. ст. При этом мы заручаемся обязательством персов, что в случае понижения таможенных доходов мы будем вправе приступить к отчислению известной части из других статей дохода, поступающих в наш банк в обеспечение упомянутого текущего счета. Вместе с тем мы продолжаем с возможной спешностью вести переговоры о Джульфа-Тавризской ж. д., снабдив для сего нашу миссию в Тегеране всеми необходимыми данными.

Что касается последнего вопроса, то я позволю себе указать на желательность так или иначе заинтересовать шахское правительство в означенном предприятии, тем более что это дало бы ему впоследствии возможность оправдать свое решение перед меджлисом. Быть может, мы могли бы предоставить ему некоторую долю акций этой железной дороги и допустить хотя бы и фиктивное его участие в администрации дела. В крайнем случае, не представилось ли бы возможным хотя бы несколько увеличить шансы персидского правительства на получение известного дохода с этой дороги. В концессиях на Энзели-Тегеранскую и Джульфа-Тавризскую шоссейные дороги имеются пункты (ст. 13 и 12), в силу коих шах должен получать половину чистого дохода с этих дорог, когда таковой на первой из них превысит 12, а на второй 15% на затраченный капитал. Быть может, цифры эти могли быть несколько понижены?

По разрешении этих принципиальных вопросов я полагал бы весьма желательным, чтобы в Тегеран безотлагательно командировано было компетентное лицо, которое могло бы помочь посланнику в ведении сложных переговоров и разъяснять ему все необходимые технические данные.

В заключение считаю долгом остановиться еще на затронутом вашим высокопревосходительством вопросе о наших сношениях с банкирами консорциума, финансирующего «Société d'Études» Трансперсидской ж. д. Таковые сношения были в свое время сделаны и, в частности, относительно аванса в 100 000 ф. ст. Парижско-Нидерландский банк в апреле с. г. изъявил согласие на принятие на себя этой операции, как вы изволите усмотреть из прилагаемой при сем копии телеграммы г. Бенака, сообщенной вверенному моему управлению министерству г. Рафаловичем. Я должен, однако, заметить, что еще раньше, а именно в начале февраля с. г., тот же банк поставил ряд вопросов по делу о крупном персидском займе, на которые мы до сего

времени не имели возможности ответить за неполучением еще из Тегерана необходимых данных. Это обстоятельство исключало, по нашему мнению, возможность вести в настоящее время переговоры об авансе, так как банки Консорциума очевидно пожелали бы предварительно быть осведомленными насчет самого займа. Копия с письма председателя правления Парижско-Нидерландского банка на имя нашего посла в Париже по указанному вопросу при сем прилагается [1].

Ныне нами получены были от посланника в Тегеране сведения об общей задолженности шахского правительства, каковые сведения вам уже были сообщены при записке от [13 июля] 30 минувшего июня за № 834 [2], и есть надежда, что в непродолжительном времени мы получим от д. с. с. Поклевского-Козелл и остальные данные по вопросу о займе, который вслед за тем и можно будет быстро двинуть вперед.

Сообщая об изложенном и покорнейше прося о последующем почтить меня уведомлением, пользуюсь и пр.

[Нератов.]

№ 297. Поверенный в делах в Берлине [3] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Письмо [4]. 15/2 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Чрез несколько дней после отъезда германского императора из Балтийского Порта управляющий здешним министерством иностранных дел при встрече со мной, говоря о протекших торжественных днях, выразился, что поскольку он может оценивать результаты события, свидание государя императора с императором Вильгельмом, имевшее место при самых благоприятных обстоятельствах, должно оказать благотворное влияние на русско-германские отношения; из получаемых здесь от имперского канцлера сообщений он, г. Циммерман, может заключить, насколько г. фон Бетман-Гольвег был доволен состоявшимся обменом мнений с русскими государственными деятелями и насколько отрадно подействовали на него те прямота и определенность, которые как председатель совета министров, так и министр иностранных дел внесли в разъяснение ему русской точки зрения на все затронутые политические вопросы. Именно благодаря проявленной и с русской и с германской стороны откровенности удалось по некоторым пунктам установить не только общность взглядов, но даже параллельность действий. Как на пример г. Циммерман указал на уже преподанные Россией и Германией по взаимному соглашению советы миролюбия в Софии [5]. При этом он добавил, что вполне заслужила подобного же совета и внушения и Черногория, властителю коей, при настоящем тяжелом кризисе, переживаемом Турцией, давно уже не сидится спокойно: последнее обращение короля Николая к Порте с требованием утвердить результаты турецко-черногорского разграничения, подкрепленное угрозой, что отказ поведет к серьезным последствиям [6], не могло не обратить внимание в С.-Петербурге и в Берлине;

---

[1] Упомянутые приложения отсутствуют.

[2] При записке от 13 июля/30 июня за № 834 Нератов препроводил Коковцову письмо Поклевского от 27/14 июня относительно задолженности перс. прав-ва, которую, как указывал в письме Поклевский, «можно считать в настоящее время равняющейся сумме около 12 500 000 томанов».

[3] Деп. от 19/6 июня за № 30 советник росс. пос-ва в Берлине Броневский сообщал, что принял дела от Шебеко и вступил в управление пос-вом. Шебеко был назначен посланником в Бухаресте.

[4] Опубл. Siebert, II, S. 411, N 649.

[5] Ср. № 283.

[6] См. стр. 265, прим. 1.

здешнее министерство иностранных дел, запросившее по этому поводу разъяснений от своего посольства в Константинополе, получило ответ, что согласно заверениям Ассим-бея турецкое правительство в настоящую именно минуту не в состоянии утвердить разграничения, о котором идет речь, не рискуя вызвать этим еще более серьезные волнения в Албании. «Надо полагать, — заключил на прощание г. Циммерман, — что как в Софии, так и в Цетинье не всегда обычное совместное выступление России и Германии возымеет должное действие и никакой необдуманный шаг маленьких балканских государств не внесет лишних осложнений в современное политическое положение».

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 298. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 22. 15/2 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Болгарский посланник посетил меня третьего дня, горько печалясь, что ему до сих пор не удается добиться, чтобы Турция, наконец, приступила к подписанию соглашения о смычке турецко-болгарских ж. д. по направлению Куманово—Кюстендиль [1]. По его словам, первое обещание, полученное Болгарией от Порты, относится к июню 1910 г., причем оно не было облечено в форму официального договора. Тогда состоялся лишь обмен писем между представителем Болгарии и турецкими министрами: военным, путей сообщения и иностранных дел. С тех пор болгары успели построить свою часть проектированного пути, турки же ограничились производством технических изысканий. Сарафов, однако, не предполагает наличности злого умысла у турок в подобном затягивании дела. Сарафов охотно верит искренности Джавид-бея, когда последний высказывает ему свое убеждение, что Общество восточных дорог пользуется установившимся между обоими государствами соглашением, чтобы получить за постройку намеченной дороги непомерно преувеличенную плату. Та же компания взяла подряд на постройку линии Ускюб — Кальканелен — Гостивар за цену в 140 000 франков за километр, тогда как она требует 230 000 за километр пути Куманово—Кюстендиль. Правда, что последний пройдет по горной местности и что один из туннелей обойдется не менее 1 900 000 франков, тогда как албанская линия намечена среди равнин.

Протяжение турецкой ветки равняется 86 километрам, и названное выше Общество обязывается построить ее в четыре года за 20 500 000 франков, причем постройке будет придан вид займа, сроком на 38 лет из $4^3/_4$% и известной доли % погашения. Концессия на эксплоатацию пути была бы дана на тот же срок. Между Турцией и Болгарией было определено, что постройка дороги должна была быть окончена в 3 года, но Сарафов полагает, что вопрос этот является второстепенным и что в нем возможны взаимные уступки.

Общество восточных дорог не ограничивается вышеизложенными требованиями, но настаивает еще на предоставлении ему гарантии правительства на валовой доход в 8 000 франков с километра ежегодно. Подобной претензии Общество не предъявляло, когда домогалось подряда албанской линии. Но и тут Сарафов не отрешился от своего примирительного настроения и пытался разъяснить Джавиду, что линия Куманово — Кюстендиль не может сулить Обществу тех выгод, на которые оно рассчитывает от линии Ускюб — Кальканелен — Гостивар. Затем он отправился к директору Общества восточ-

[1] См. № 110.

ных железных дорог в надежде, что ему удастся повлиять на него. Последний, однако, совершенно доверительно сказал ему, что не может отказаться от своего требования, ибо, по доверительным его сведениям, Порта при нынешних своих переговорах с французской компанией согласилась обеспечить ей известную годовую поверстную доходность и что, ввиду этого, он считает справедливым обеспечить себе те же льготы, которые выговорили себе французы.

Сарафов весьма дорожит скорейшим осуществлением Турцией ее обязательства, главным образом из-за соображений болгарской внутренней политики. По его уверению, кабинет Гешова подвергается ярым нападкам за благожелательность, выказываемую им Турции в нынешнюю войну, и за его нежелание воспользоваться переживаемыми Турцией затруднениями, чтобы осуществить некоторые из национальных чаяний болгарского народа. Если бы Турция приступила к постройке сказанной выше железной дороги, то обстоятельство такое послужило бы некоторым оправданием в глазах королевства миролюбивого поведения его правительства, стоящего ныне у власти. Сарафов не просил меня о поддержании его перед оттоманским правительством, но, считаясь со значением, которое имеет для наших интересов осторожное и разумное поведение правительства короля Фердинанда,— я не премину при первом же моем свидании с Ассим-беем оказать возможное содействие моему болгарскому сотоварищу.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 299. Проект франко-русской морской конвенции [1].

16/3 июля 1912 г.

Secret.

Art. 1. Les forces navales de la France et de la Russie coopéreront dans toutes les éventualités où l'alliance prévoit et stipule l'action combinée des armées de terre.

Art. 2. La coopération des forces navales sera préparée dès le temps de paix.

A cet effet, les chefs d'État-major de l'une et de l'autre Marines sont dès maintenant autorisés à correspondre directement, à échanger tous renseignements, à étudier toutes hypothèses de guerre, à concerter tous programmes stratégiques.

Art. 3. Les chefs d'État-major de l'une et l'autre Marines confèreront en personne, une fois l'an au moins; ils dresseront procès-verbal de leurs conférences.

Art. 4. Pour la durée, l'efficience et le secret, la présente convention est assimilée à la convention militaire du 17 août 1892 et aux accords subséquents.

Paris, le 16 juillet 1912.

Le chef d'État-major général de la Marine française	Le chef d'État-major général de la Marine russe
C. Aubert.	prince A. Lieven.
Le Ministre de la Marine	Le Ministre de la Marine
Delcassé.	J. Grigorovitch.

Перевод.

Секретно.

Ст. 1. Морские силы Франции и России будут действовать совместно во всех тех случаях, в которых союзом предусматриваются и обуславливаются совместные действия сухопутных войск.

Ст. 2. Совместные действия морских сил будут подготовлены еще в мирное время.

[1] Заголовок подлинника. Опубл. М., стр. 231. Проект этой конвенции был утвержден обменом письмами между Сазоновым и Пуанкаре 15/2 — 16/3 августа.

С этой целью начальники морских генеральных штабов обоих флотов отныне уполномочены вести непосредственные сношения, обмениваться всеми сведениями, изучать все возможные гипотезы войны и согласовывать между собой все стратегические планы.

Ст. 3. Начальники морских генеральных штабов обоих флотов должны лично совещаться друг с другом не менее одного раза в год и вести протоколы своих совещаний.

Ст. 4. Настоящее соглашение в отношении срока, его действия и секретности приравнивается к военному соглашению от 17 августа 1892 г. и к последующим соглашениям.

Париж, 16 июля 1912 г.

Начальник французского морского генерального штаба	Начальник российского морского генерального штаба
К. Обер.	князь А. Ливен.
Морской министр Делькассе.	Морской министр И. Григорович.

№ 300. Соглашение об обмене сведениями между русским и французским флотами [1].

16/3 июля 1912 г.

Обменом мнений, происходившим в течение июля месяца 1912 г. между вице-адмиралом светлейшим князем Ливен, начальником русского морского генерального штаба, и вице-адмиралом Обер, начальником французского морского генерального штаба, обоими совещающимися были утверждены нижеследующие принципиальные постановления:

I. Начиная с 14/1 сентября 1912 г. начальники русского и французского генеральных штабов будут обмениваться всеми сведениями относительно своих собственных флотов и регулярно каждый месяц письменно сведениями, которые обе стороны будут в состоянии узнать относительно флотов, война с которыми должна быть предусматриваема; шифрованные телеграммы могут быть употребляемы в некоторых спешных случаях.

II. Чтобы избегнуть всякой нескромности или разглашения относительно этих справок, необходимо принять нижеследующий порядок передачи:

Всякий вопрос о сведениях относительно французского флота, интересующий русский флот, будет направлен русским морским агентом в Париже начальнику французского морского генерального штаба, и, обратно, всякий вопрос о сведениях относительно русского флота, интересующий французский флот, будет направлен французским морским агентом в Петербурге начальнику русского морского генерального штаба.

Этот способ будет единственный из всех других, т. е. принципиально нельзя спрашивать непосредственно у морских агентов сведения, касающиеся их собственных флотов.

Париж, 16 июля 1912 г.

Подписали:

Начальник французского морского генерального штаба	Начальник русского морского генерального штаба
К. Обер.	князь А. Ливен.

№ 301. Обмен стратегическими взглядами между начальниками русского и французского морских генеральных штабов [2].

16/3 июля 1912 г.

Первый обмен стратегическими взглядами между начальниками русского и французского морских генеральных штабов.

Начальник русского морского генерального штаба вице-адмирал свет-

[1] Маш. копия. Заголовок оригинала. Перевод с французского, сделанный в морском ген. штабе.

[2] Маш. копия. Заголовок оригинала. Перевод с французского, сделанный в морском ген. штабе.

лейший князь Ливен, прибыв в Париж в июле 1912 г., совещался в несколько приемов с начальником французского морского генерального штаба вице-адмиралом Обер; во время этих совещаний они обменялись некоторыми взглядами по вопросам о возможной роли и обоюдном содействии во время войны двух союзных флотов.

Были допущены присутствовать при разговоре:

Капитан 1-го ранга Прат, помощник начальника морского генерального штаба французского флота.

Капитан 1-го ранга Карцов, русский морской агент в Париже.

Капитан 1-го ранга Рейн, русский морской агент в Лондоне.

Капитан 2-го ранга Ланксад, начальник 4-го отделения французского морского генерального штаба.

Лейтенант де Рокфейль, 1-го отделения французского морского генерального штаба.

Лейтенант Бергасс дю-Шти-Туар, 4-го отделения французского морского генерального штаба.

Точно установив, что последующие соображения не обязывают ни к чему правительства обеих стран, оба совещающиеся рассмотрели сперва роль двух флотов в *Средиземном море* в случае столкновения с Тройственным союзом.

Эта роль должна изменяться в зависимости от принятия той или другой из следующих гипотез:

А) Россия оставляет без перемен силы, которыми она обладает в настоящее время в районе Средиземного моря, т. е. в Черном море, и не ожидает подкреплений из Балтийского моря.

Б) Россия посылает эскадру Балтийского моря в Средиземное море.

А.

Первый случай кажется наиболее общим; он соответствует к тому же настоящему положению. В нем главенствует следующий принцип: «В случае войны с Тройственным союзом России необходимо обеспечить свободу плавания в Черном море, чтобы иметь возможность выполнить в совершенной безопасности перевозку войск и припасов, необходимых для успеха операций на суше. Потеря обладания Черным морем может иметь самые гибельные последствия на исход всей кампании».

Ввиду этого русская программа предвидит во все времена содержание в Черном море морской силы, превосходящей по меньшей мере наполовину тот флот, который Турция могла бы выставить в линию.

Пока итальянский и австрийский флоты будут вынуждены к неподвижности флотом Франции, Россия может рассчитывать вести войну при нормальных условиях.

Но положение вещей совершенно изменится, если Италия и Австрия, или одна из этих держав пройдет Дарданеллы при поблажке Турции.

Россия желала бы, чтобы Франция, ее союзница, разбила бы оба флота, и итальянский и австрийский, или задержала бы их блокадой в Средиземном море.

Начальник французского морского генерального штаба заявляет начальнику русского морского генерального штаба, что такова в действительности задача первой морской армии Франции, которая в скором времени будет усилена 3-й линейной эскадрой.

К тому же, повидимому, Италия собирается постепенно приспособить Таранто как главную базу [1]; если она в будущем там сосредоточит свои силы

[1] Маддалена теряет с каждым днем свое значение; Специя, повидимому, становится портом вооружения; Августа делается центром обучения, тогда как значительные работы по углублению, укреплению и улучшению предусматриваются или уже выполняются в Таранто. [Прим. оригинала.]

первой линии, то быстрое соединение итальянского и австрийского флотов может сделаться очень легким для наших противников.

Чтобы ответить на эту угрозу, адмирал Обер предполагает установить частое посещение Бизерты первой морской армией, дабы привыкли видеть в Ионическом море французский флаг и чтобы присутствие французского флота в этой местности во время политических осложнений не могло возбудить подозрений и быть рассматриваемо как угроза.

Это начальное стратегическое положение представляется наилучшим: оно заключает в самом себе прием запугивания Италии, если эта держава не решилась следовать за Австрией, в противном случае оно, вероятно, даст французскому флоту возможность настичь союзный флот и дать ему сражение.

В случае, если итальянский и австрийский флоты, решившись на действия в Черном море, покинут Ионическое море, должен ли французский флот следовать за ними?

Совещающиеся полагают, что это предположение не может быть рассматриваемо иначе, как при условии прямого соглашения Италии и Австрии с Турцией, без которого предприятие наших противников будет слишком рискованным.

Так как главная задача французского флота состоит в уничтожении морских сил противника, то для согласования ее с задачей удержания господства на Черном море было бы очень желательно, чтобы эти морские силы противников не могли бы достичь Дарданелл, не выдержав прежде сражения.

Тем не менее начальник французского генерального штаба считает должным упомянуть, что в случае если англо-французское соглашение возложит на французский флот другую задачу, то он увидит себя обязанным выполнить ту, которую продиктуют ему обстоятельства момента.

Было бы очень важно изучить этот вопрос совместно с британским адмиралтейством.

Случай, когда Австрия действует в согласии с Турцией против России, в то время как Италия занимает относительно Франции наступательное или просто сомнительное положение.

Положение России в Черном море может сделаться при этих условиях серьезным, с другой стороны представляется затруднительным для Франции покинуть западную часть Средиземного моря без уверенности в нейтралитете Италии. Роль французского флота будет зависеть от обстоятельств, но тот факт, что он будет находиться поблизости Бизерты, может запугать Австрию или непосредственно или давлением угрозы, направленной против ее союзника.

Во всем предыдущем была рассмотрена помощь, которую Франция в состоянии оказать России в Средиземном море; разбор обратного вопроса, т. е. помощи, которую Россия может принести Франции в том же море, не представляется для рассмотрения иначе, как в случае, когда итальянцы и австрийцы не будут иметь никаких намерений в восточной части Средиземного моря.

В этом предположении начальник русского морского генерального штаба не думает, чтобы при настоящих обстоятельствах русская эскадра Черного моря могла бы распространить свои операции на западную половину Средиземного моря.

В действительности не достаточно, по его мнению, пройти Проливы один раз, надо быть уверенным в своей линии сообщения. Так же точно предположение о действиях русского флота в Средиземном море не может быть рассматриваемо иначе, как при предположении предварительного занятия по меньшей мере одного из двух берегов Проливов.

В конечном выводе: из всех рассмотренных гипотез вытекает, что сосредоточение французских морских сил с самого начала войны в Бизерте своими последствиями запугивания, ввиду оказываемого им давления на противника, представляло бы стратегическую меру, наиболее полезную для России. Обстоятельства затем укажут, в какую сторону должны направиться действия флота Франции, имея в виду:

1) Французские интересы в западной части Средиземного моря.

2) Необходимость для России сохранить господство на Черном море.

3) Специальное положение, могущее создаться для Франции в Средиземном море, вследствие ее соглашения с Англией.

Б.

Начальник русского морского генерального штаба обращается к случаю, когда русский Балтийский флот не будет задержан на севере и когда его содействие может быть полезно в Средиземном море.

Ему, очевидно, понадобится опорный и продовольственный пункт в этом море. Сможет ли он найти в Бизерте подходящую базу для своей будущей эскадры, все корабли которой будут отапливаться мазутом и не будут употреблять уголь иначе, как в малом количестве и как случайное средство.

Начальник французского морского генерального штаба заявляет, что до сих пор министерство озабочивалось в Бизерте лишь нуждами своей морской армии, большие корабли которой, в противоположность таковым же русским, пользуются почти исключительно углем.

Здесь совершенно новый вопрос. Его исследование требует некоторых разъяснений относительно обстоятельств, которые заставят русскую Балтийскую эскадру притти действовать в Средиземном море, чтобы установить условия этой специальной организации. Одинаково необходимо знать нужды русской эскадры, чтобы из них выяснить желаемую вместимость французских резервуаров и назначить круглую цифру запасов.

К тому же начальник французского морского генерального штаба сообщает начальнику русского морского генерального штаба, что в Бизерте и Гулетте существуют довольно значительные частные предприятия для коммерческой поставки мазута.

Прежде чем окончить с предположениями о войне в Средиземном море, совещающиеся обмениваются некоторыми взглядами относительно сообщений по беспроволочному телеграфу между Бизертой и Севастополем; адмирал Обер сообщает адмиралу князю Ливен, что станция Бизерта в ближайшем будущем будет улучшена и на ее переделку отпущен кредит в 100 000 франков. Существует даже более обширный проект устроить сообщение с Джибути.

Установлено, что Севастополь будет улучшен на аналогичных основаниях.

Совещающиеся полагают, что может быть было бы полезно дополнить существующие положения об обмене сообщений между двумя странами морским сводом, предназначенным для союзных эскадр.

Операция на севере.

Вице-адмирал князь Ливен сообщает, что русский сухопутный генеральный штаб желал бы морской демонстрации на берега Швеции, чтобы отвлечь военные силы этой нации от Финляндии. В случае выполнения этого, корпуса русской армии не будут прикованы к шведской границе.

Начальник французского морского генерального штаба полагает, что эта роль невозможна для французского флота, так как, принужденный сосредоточиваться в Средиземном море, он оставляет на севере только оборонительные силы, необходимые для действия в Ла Манше.

Установив, что морские силы Англии сосредоточены в Северном море,

совещающиеся выразили пожелание, чтобы этот вопрос был предметом разговора с британским адмиралтейством на тех же основаниях, как и относительно программы действия в Средиземном море.

После некоторого обмена взглядами о переустройстве русского Балтийского флота, который в 1916 или 1917 г. должен состоять из десятка броненосцев и представить из себя морскую силу, способную предпринять наступательные действия (но только в это время), князь Ливен резюмирует взгляды в случае европейского столкновения:

Франция обеспечивает свободу действия в Средиземном море; Англия обеспечивает свободу плавания в Немецком море; Россия обеспечивает свободу плавания в Черном море, если в этом последнем она будет иметь дело только с Турцией.

Что касается Дальнего Востока, то морские силы, содержимые там Францией и Россией в местах очень удаленных друг от друга, слишком слабы, чтобы дать возможность совместным действиям обоих государств [1].

Париж, 16 июля 1912 г.

Подписали:

Начальник французского морского генерального штаба К. Обер.

Начальник русского морского генерального штаба князь Ливен.

Приложение.

Копия с собственноручной заметки г. председателя совета министров [2].

10 августа/28 июля 1912 г.

Ознакомившись с протоколом совещания, происходившего в Париже в июле месяце сего года между русским и французским начальниками морских генеральных штабов, я не имею особых возражений против мыслей и соображений, изложенных в протоколе.

Я считаю себя лишь обязанным заметить, что изложение это страдает в некоторых своих частях недостаточной определительностью и может при известных условиях подать повод к различному пониманию.

Поэтому и принимая во внимание, что вновь заключенная военно-морская конвенция предусматривает периодические регулярные обмены мыслей между обоими начальниками морских генеральных штабов, я находил бы желательным, чтобы последующие обмены мыслей имели своим предметом более точное изложение как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития.

С этой же последней целью я придавал бы особое значение тому, чтобы взгляды русского начальника морского генерального штаба были предварительно заявления их его французскому товарищу обсуждаемы министром иностранных дел и председателем совета министров.

Статс-секретарь Коковцов.

№ 302. Заведующий отделом Среднего Востока члену консорциума Трансперсидской железной дороги Хомякову.

Письмо. 16/3 июля 1912 г.

Частное.

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич,

Не зная вашего адреса и не будучи поэтому в состоянии ответить вам лично, С. Д. Сазонов прислал мне из деревни, где он сейчас немного отды-

[1] На франц. тексте этого документа имеются две пометы: 1) «Возражений против изложенных в этом документе мыслей не встречаю. Сазонов». 2) «Читал и одобряю И. Г[ригорович]». Текст публикуемого документа, а также текст соглашения об обмене сведениями русским и французским флотами (см. № 390) были представлены Григоровичем Николаю II при докладе от 13 сент./31 авг.

[2] Маш. копия. Заголовок оригинала. Опубл. М., стр. 232.

хает, ваше письмо к нему от [13 июля] 30 июня [1] и поручил мне поставить вас в известность о положении, в котором находятся возбужденные вами вопросы.

Я должен заметить прежде всего, что поджидал свидания с А. И. Звегинцевым, который как-то при встрече на улице обещал зайти ко мне и которому я собирался словесно все разъяснить. К сожалению, однако, он, повидимому, не нашел времени заглянуть в министерство.

По поводу вашего ходатайства о предоставлении «Société d'Études» материалов изысканий, произведенных в Персии Саханским, мы писали министру путей сообщения [2]. В ответ на это, т. с. Рухлов уведомил [3], что не встречает препятствий к ознакомлению представителей «Société d'Études» с означенными материалами «в помещении управления по сооружению железных дорог». Опасаюсь, что это совсем не соответствует тому, чего желало Общество, но полагаю, что путем личных переговоров с С. В. Рухловым вы, быть может, добьетесь лучшего результата.

Вопрос о постройке линии Алят—Астара еще не рассматривался в совете министров, и дать вам какой-либо ответ на этот счет мы не можем. Я могу пока лишь сообщить вам конфиденциально взгляд министерства иностранных дел на это дело. По нашему мнению, означенная линия является безусловно необходимым звеном великого транзитного пути из Европы в Индию. Но если б последний почему-либо не осуществился, то линия эта стала бы излишней, т. к. при наличности морского пути она сама по себе не имела бы ни экономического, ни стратегического значения. Сомнительно даже, чтобы она была нужна в том случае, если железная дорога в персидских пределах будет доведена только до Тегерана, т. к. грузы, следующие в Центральную Персию и из последней, наверное будут направляться преимущественно старым, историческим и более длинным путем по Волге и Каспийскому морю до и от Энзели. Мы признаем поэтому постройку Алят-Астаринской дороги необходимой лишь в том случае, если вопрос о сооружении транзитного пути через Персию на соединение с индийской сетью железных дорог будет решен в положительном смысле. При этом мы высказываемся за предоставление постройки означенной линии консорциуму Трансперсидской железной дороги.

Опасения, вызываемые в вас проектом Джульфа-Тавризской железной дороги, не имеют, по нашему мнению, основания, т. к. нет и речи о продлении этой дороги на Тегеран. Соединение Тавриза с Тегераном рельсовым путем было бы крайне опасно для нас, так как оно способствовало бы проникновению в Центральную Персию иностранных товаров via Трапезунд—Эрзерум—Тавриз и свело бы на-нет закрытие нами транзита через Кавказ. Стоило бы Турции устроить хотя бы сносную колесную дорогу в своих пределах от Трапезунда до персидской границы, чтобы привлечь на этот путь все произведения Западной Европы. Могу вас поэтому заверить, что речь идет лишь о постройке Джульфа-Тавризской дороги с веткой на Хой, которая никакого ущерба Трансперсидской дороге причинить не может и которая вместе с тем нам безусловно необходима с политической, стратегической и экономической точек зрения. Но если б консорциум Трансперсидской железной дороги тем не менее пожелал припять на себя осуществление этого дела, то с *нашей* стороны не встретилось бы к тому никаких препятствий. Не знаю только, как отнесется к этому В. Н. Коковцов, который желает

---

[1] В оригинале ошибка. Повидимому, речь идет о письме Н. А. Хомякова от 3 июля/20 июня, которое Сазонов из деревни препроводил Клемму при письме от 12 июля/29 июня. Содержание обоих писем в основном передано публикуемым документом.

[2] Имеется в виду письмо Сазонова Рухлову от 6 июня/24 мая за № 3417.

[3] Имеется в виду письмо Рухлова Сазонову от 20/7 июня за № 9258, содержание которого изложено в публикуемом документе.

предоставить это дело Обществу Джульфа-Тавризской и Энзели-Тегеранской шоссейных дорог.

В переданной вами С. Д. Сазонову памятной записке «Société d'Études» [1] затронуты еще вопросы о производстве изысканий в пределах Персии и о принципиальном согласии персидского правительства на предоставление Обществу концессии. Я полагаю, что разрешение на изыскания не трудно будет получить, и надеюсь, что к вашему приезду в Петербург на этот счет уже будет получен определенный ответ от нашего посланника в Тегеране [2]. Не могу не заметить, однако, что было бы полезно добиться через английских членов консорциума соответствующего воздействия на персидское правительство и со стороны великобританской миссии в Тегеране.

Что касается вопроса о концессии, то он представляется гораздо более сложным, т. к. персидское правительство несомненно пожелает предварительно ознакомиться более или менее детально с проектом и условиями постройки дороги. Я полагаю, что, когда дело будет в достаточной мере выяснено в Париже, «Société d'Études» должно будет командировать кого-либо в Тегеран для непосредственных переговоров с персами, при содействии нашего и английского посланников. Так поступили англичане по поводу намеченной ими постройки железной дороги от Персидского залива до Хорремабада [3].

Вот все, что я пока могу вам сказать. При свидании в Петербурге я готов дать вам дополнительные разъяснения, если бы вы таковых пожелали.

Примите и пр.

К л е м м.

№ 303. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [4]. 16/3 июля 1912 г.

Monsieur le Gérant,

Je n'ai que peu de réflexions à ajouter au compte-rendu de la séance de la Chambre des Communes que j'ai eu l'honneur de transmettre à Votre Excellence par la poste [5].

Cette séance a été pour le Cabinet et pour Sir Edward Grey en particulier un succès réel.

De certaines velléités d'opposition, Votre Excellence le sait, s'étaient un temps manifestées de divers côtés. Sans aller jusqu'à condamner dans son essence la politique actuelle du Gouvernement anglais, il se trouvait disséminées dans les divers partis de la Chambre des voix pour reprocher au Ministre d'avoir par une attitude trop intransigeante rendu impossible une détente avec l'Allemagne et que par conséquent cette politique constituait un danger pour la paix.

---

[1] Указанная пам. записка датирована 15/2 июня.

[2] В тел. от 27/14 июля за № 591 Поклевский высказывал следующее мнение по вопросу о Трансперсидской ж. д.: «Если между императорским и великобританским правительствами уже может быть достигнуто по этому вопросу соглашение, то лучше всего было бы, по моему мнению, получить от персидского правительства опцион, предусматривающий право изысканий, срок для представления просьбы о концессии, вопрос об охране изыскательных партий и издержках на нее и другие условия, которые общество «Société d'Études» пожелало бы включить. Если же это еще невозможно, то получить простое разрешение на производство изысканий будущей дороги было бы, мне кажется, еще легче».

[3] Далее зачеркнуто: «Не надо будет при этом упустить из вида, что в Персии трудно делать дела sans graisser les pattes [без подкупа] и что «власть имущих» полезно будет либо так или иначе заинтересовать в деле, либо прямо подкупить».

[4] Опубл. Siebert, II, S. 419, N 653.

[5] Ср. № 285.

Pourtant le jour du débat arrivé, rien de pareil ne s'est manifesté, les discours isolés de M. Ponsonby et d'un député irlandais n'ayant aucune valeur.

Dans son discours très modéré et même conciliant envers l'Allemagne, Sir Edward Grey a fermement maintenu la base de sa politique. Il a eu, chose rare, non seulement l'oreille mais l'approbation de toute la Chambre et M. Bonar Law, chef de l'opposition, est même venu renforcer les arguments et les conclusions du Ministre.

Je crois devoir faire observer que cette séance coïncidait presque avec la date de l'entrevue impériale du Port-Baltique dont les résultats étaient connus par les communiqués. La façon dont ils ont été jugés par les orateurs confirme mieux que tout autre symptôme que la rencontre des deux Empereurs n'a occasionné ni au sein du Gouvernement ni dans le public anglais aucune anxiété sérieuse, encore moins de méfiance.

Je ne crois pas me tromper en pensant que la nouvelle récente que la Russie disposerait sous peu d'années d'une marine puissante [1], a contribué essentiellement aux impressions anglaises sur la valeur du rapprochement de l'Angleterre avec nous.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Я могу добавить лишь несколько слов к отчету о заседании палаты общин, который я имел честь переслать вам по почте.

Это заседание было настоящим успехом для кабинета и сэра Эдуарда Грея, в частности.

Одно время, как ваше превосходительство знает, с разных сторон были проявлены оппозиционные тенденции. Не доходя до того, чтобы осудить сущность нынешней политики английского кабинета, в разных партиях палаты поднимались голоса, упрекавшие министра, что своей слишком непримиримой позицией он сделал невозможным улучшение отношений с Германией и что, следовательно, такая политика создает опасность для мира.

Однако, когда наступил день прений, не проявилось ничего подобного, ибо изолированные выступления г. Понсонби и одного ирландского депутата не имеют никакого значения.

В своей очень сдержанной и даже примирительной по отношению к Германии речи сэр Эдуард Грей твердо защищал основу своей политики. Редкий случай, — он встретил не только внимание, но и одобрение всей палаты, и вождь оппозиции, г. Бонар Лоу, даже подкрепил аргументы и выводы министра.

Я считаю нужным отметить, что это заседание почти совпало с днем свидания императоров в Балтийском Порте, результаты которого были известны по официальным сообщениям. Та оценка, которую дали им ораторы, подтверждает лучше всяких других признаков, что встреча обоих императоров не вызвала ни у членов правительства, ни в английском общественном мнении никаких серьезных опасений и, еще того меньше, недоверия.

Я думаю, что не ошибаюсь, считая, что недавнее известие о том, что Россия в ближайшем будущем будет располагать могущественным флотом, значительно повлияло на английскую точку зрения о желательности сближения Англии с нами.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 304. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 16/3 июля 1912 г.

J'ai l'honneur de placer sous les yeux de Votre Excellence le discours prononcé hier par Lord Curzon à la Chambre des Lords, ainsi que la réponse que Lord Morley et le marquis de Crewe ont donné au nom du Gouvernement [3].

[1] 19/6 июня Государственная дума приняла законопроект о новой судостроительной программе. Правительство испрашивало у законодательных учреждений 502 млн. рублей на усиленное судостроение и на устройство портов в период 1912—1917 гг.

[2] Лит. копия.

[3] Приложения отсутствуют.

Ce débat, annoncé depuis quelques semaines, a perdu une partie de son importance après la séance de la Chambre des Communes où Sir Edward Grey a formulé la politique du Cabinet en général et sur le point particulier du projet du chemin de fer Transpersan [1]. L'accueil extrêmement favorable fait par la Chambre Basse aux déclarations ministérielles a, dans une certaine mesure, mitigé l'intérêt qu'évoque le point en question.

Il n'en est pas moins vrai que le projet en général n'est accueilli par le public anglais qu'avec peu de faveur. Le ministère s'en rend compte: les discours de Lord Morley et de Lord Crewe en portent la trace et sont plus réservés que celui de Sir Edward Grey.

L'argument qui porte en Angleterre est celui que l'isolement du côté de la terre est la meilleure défense de l'Empire des Indes — comme le canal de La Manche est la défénse de la Grande-Bretagne créée par la nature. Vouloir ébranler aujourd'hui ce préjugé et ces convictions enracinées — me semble peine perdue.

Je crois que dans l'avenir ce projet se réalisera; je crois que les travaux actuels du Comité d'Études doivent continuer et seront de grande utilité; je crois qu'ils auront un résultat pratique par rapport à un certain nombre de lignes utiles à la Russie et peut-être aussi à l'Angleterre; mais je crois aussi que la jonction des deux systèmes souffrira des retards.

Il ne faudrait pas conclure de ce qui précède que l'opposition à ce projet de ligne ferrée magistrale ait quelque chose de commun avec une opposition au rapprochement anglo-russe, qui, après avoir passé par plusieurs phases, jette en ce moment des racines de plus en plus profondes.

Le colonel Repington, l'auteur des lettres auxquelles se réfère Lord Curzon, et dont je joins la seconde, est venu m'entretenir à ce sujet [2].

Il est lui-même un fervent adepte de l'entente anglo-russe et l'a défendue de son mieux à maintes occasions publiques. Son opinion est que ce projet, loin de souder les rapports nouveaux établis entre la Russie et l'Angleterre, sera l'origine de difficultés sérieuses, tout comme un tunnel sous La Manche aurait été le signal pour des divergences d'opinion publique, surtout entre ce pays-ci et la France. La raison, selon lui, est que l'Angleterre se verrait forcée de pourvoir à des défenses de ses côtes et à celle des frontières des Indes par des procédés entièrement nouveaux pour l'Angleterre et qui y seraient toujours impopulaires.

La difficulté pour la réalisation du projet qui nous intéresse est que ces deux questions, ayant un semblant d'analogie, se trouvent confondues dans l'esprit anglais, l'un des projets pouvant entraîner l'autre. Si les objections au Transpersan tombaient, celles contre le tunnel sous La Manche devraient tomber aussi.

---

[1] В своем выступлении в палате общин 10 июля/27 июня Грей заявил: «Не может быть и вопроса о том, что мы свяжем себя какими-либо гарантиями без согласия палаты. По вопросу о Трансперсидской дороге мы должны будем внести полную ясность, мы должны оставить за собой бóльшую свободу действий». И дальше: «Если трансперсидский железнодорожный план станет реальностью, нам придется, раньше чем мы дадим этому плану поддержку британского правительства, договориться с Россией по вопросу о железнодорожных ветках, которые надлежит построить, по вопросу о контроле над линиями, проходящими через английскую сферу, и по вопросу о равных правах для британской торговли. Всеми этими вопросами придется заняться любому британскому правительству, которое должно будет обсудить определенный план Трансперсидских железных дорог, и мы оставили за собой полную свободу действий по этим пунктам». (Вырезка из газеты «Times» от 11 июля, воспроизводящая эту речь Грея, была препровождена Бенкендорфом при письме от 11 июля/28 июня.)

[2] Приложение отсутствует. При письме от 15/2 июня Бенкендорф препроводил газетную вырезку из номера газеты «Times» от 15/2 июня, содержащую письмо воен. корреспондента газеты, Репингтона. В письме этом Репингтон доказывал, что проведение Трансперсидской ж. д. не соответствовало бы торговым интересам Персии и Великобритании и значительно изменило бы к худшему условия защиты Индии в случае войны.

Les raisonnements dont Lord Curzon m'a fait part à plusieurs reprises sont à peu près de même nature.

Il ne s'ensuit aucunement que tous ceux qui appartiennent à son parti soient de cette opinion. Je sais le contraire — Sir Arthur Nicolson me l'a prouvé en me disant ces jours-ci, à propos de la lettre du colonel Repington: «Ce raisonnement pèche par la base».

Mais je crains que même le parti conservateur dans son ensemble se rende compte que Lord Curzon en cette occasion s'est fait le porte-voix d'une opinion fort répandue en Angleterre.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Имею честь препроводить вашему превосходительству речь, произнесенную вчера лордом Керзоном в палате лордов, а также ответ лорда Морлея и маркиза Крю от имени правительства.

Эти прения, о которых было известно за несколько недель, утратили часть своего значения после заседания палаты общин, где сэр Эдуард Грей изложил политику кабинета в целом и по вопросу о проекте Трансперсидской ж. д., в частности. В высшей степени благосклонный прием, оказанный в нижней палате министерским декларациям, ослабил до известной степени интерес, вызываемый этим вопросом.

Однако все же верно, что проект в общем принят в Англии без особых симпатий. Министерство отдает себе в этом отчет: речи лорда Морлея и лорда Крю носят на себе следы этого и более сдержанны, чем речь сэра Эдуарда Грея.

В Англии имеет вес аргумент, что изолированность со стороны суши является лучшей защитой Индийской империи, совершенно так же, как пролив Ла Манш является для Великобритании естественной защитой. Попытка поколебать теперь этот предрассудок и эти укоренившиеся убеждения мне кажется напрасным трудом.

Я полагаю, что в будущем этот проект осуществится; я считаю, что работы, ведущиеся сейчас Comité d'Etudes, должны продолжаться и будут очень полезны; я считаю, что они будут иметь практический результат в отношении некоторых линий, полезных для России, а, возможно, также и для Англии; но я полагаю также, что соединение обеих систем произойдет еще не скоро.

Из предыдущего не следует заключать, что оппозиция этому проекту железнодорожной магистрали имеет что-либо общее с оппозицией англо-русскому сближению, которое, пройдя через много фаз, пускает в настоящее время все более и более глубокие корни.

Полковник Репингтон, автор писем, на которые ссылается лорд Керзон и из которых я прилагаю второе, был у меня, чтобы побеседовать по этому вопросу.

Он сам — горячий сторонник англо-русского согласия и во многих случаях публично защищал его по мере сил. По его мнению, этот проект, вместо того чтобы укрепить новые отношения, установившиеся между Россией и Англией, будет источником серьезных затруднений, совершенно так же, как туннель под Ла Маншем был бы поводом для разногласий в особенности между общественным мнением здесь и во Франции. Причина, по его мнению, в том, что Англия будет вынуждена прибегать для защиты своих берегов и границ Индии к методам, совершенно новым для Англии, которые будут в ней всегда непопулярны.

Затруднение для осуществления интересующего нас проекта состоит в том, что эти два вопроса, имеющие кажущуюся аналогию, смешиваются в представлении англичан, так как один из проектов может повлечь за собой другой. Если возражения против Трансперсидской ж. д. отпадут, то должны будут отпасть и возражения против туннеля под Ла Маншем.

Соображения, которыми со мной делился несколько раз лорд Керзон, примерно такого же характера.

Из этого ни в коем случае не следует, что все, кто принадлежит к его партии, разделяют это мнение. Я знаю обратное: сэр Артур Никольсон дал мне тому доказательство, сказав мне на этих днях по поводу письма полковника Репингтона: «Это рассуждение грешит в основе».

Но я опасаюсь, что сама консервативная партия в целом отдает себе отчет в том, что лорд Керзон в этом случае был выразителем мнения, широко распространенного в Англии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

*

№ 305. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 22 [1]. 16/3 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Первый секретарь французского посольства, временно заменяющий своего начальника, который проживает в горах и лишь от времени до времени наезжает в город, навестил меня по поручению своего посла и сообщил мне следующее:

Г. Барреру была доставлена из Парижа телеграмма французского посла в С.-Петербурге, в которой г. Луи передавал своему правительству свою беседу с С. Д. Сазоновым. В этой телеграмме г. Луи приводит следующим образом слова министра: «Sans qu'on me l'ait dit expressement, — сказал-де С. Д. Сазонов г. Луи, — j'ai maintenant la certitude que l'Allemagne *avec l'assentiment du Cabinet de Rome* agit auprès des deux belligérants (т. е. в Константинополе и в Риме) pour les amener à s'entendre directement et elle espère arriver ainsi seule à déterminer la conclusion de la paix» [2]. «Парижский кабинет очень, — прибавил французский секретарь, — озабочен этим известием, т. к. если бы Германии удалось убедить Турцию в необходимости подчиниться итальянским требованиям, — а на этих только условиях, думает Баррер, возможен мир, — она этим привлекла бы на свою сторону симпатии и благодарность Италии» [3].

Встретив после этого парламентского товарища министра иностранных дел, я его спросил, правда ли, что Германия взяла под свою эгиду заключение мира. Князь ди Скалеа мне ответил, что ему об этом ничего неизвестно, но что с самого начала войны Германия действительно не переставала советовать в Риме и в Константинополе заключение мира; это мне, впрочем, было также неоднократно повторено германским послом. Относительно возможности мира князь ди Скалеа мне при этом сообщил, что итальянский поверенный в делах в С.-Петербурге телеграфировал в Консульту о разговоре турецкого посла с С. Д. Сазоновым. Турхан-паша прочел-де министру записку, свидетельствующую о желании Турцией мира, но при встретившемся в записке слове «suzeraineté» Сергей Дмитриевич остановил-де своего собеседника, сказав ему, что такое требование делает мир невозможным. К этому маркиз Торретта прибавил, что министр из своих разговоров с германским канцлером [4] вынес убеждение, что Германия желает содействовать заключению мира, но что ничего положительного ему, однако, об этом не известно.

Навестив германского посла, с которым я нахожусь в давнишних дружественных отношениях, я его спросил, известно ли ему что-нибудь о шагах, предпринятых будто бы Германией в пользу мира. Г. Ягов мне ответил, что, по его сведениям, некоторые разговоры между Турцией и Италией происходят через доверенных лиц. «Aber *wir* sind nicht dabei» [5], прибавил он, — хотя, как выше сказано, — «мы и давали всегда советы в пользу мира и даже полагали возможным, чтобы Турция уступила Ливию какому-либо третьему подставному кабинету или арабскому главарю» [6]. *

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 413, N 651.

[2] «Хотя мне и не было это высказано определенно, — сказал-де С. Д. Сазонов г. Луи, — я теперь уверен, что Германия, *с согласия римского кабинета*, предпринимает перед обеими воюющими странами (т. е. в Константинополе и в Риме) шаги с целью привести их к непосредственным переговорам, и она надеется, что таким образом ей одной удастся привести к заключению мира».

[3] В оригинале заключительные кавычки отсутствуют.

[4] Ср. № 277.

[5] «Но *мы* тут не при чем».

[6] В деп. от 13 июля/30 июня за № 34 (опубл. Siebert, II, S. 410, N 648) Броневский сообщал, что в ответ на его вопрос, справедливы ли слухи о близком окончании итало-турецкой войны, Циммерман ответил, «что говорить о близости мира было бы, конечно,

Ввиду всех этих данных, которые позволяли мне предполагать, что дошедшие до меня слухи, может быть, и не лишены некоторого основания, я поехал в субботу, 13 июля/30 июня, в находящийся в двух часах автомобильной езды от Рима курорт Антиколи, где лечится маркиз ди Сан-Джулиано, который мне при своем отъезде отсюда говорил, что всегда будет рад меня там видеть. На мой вопрос министру, правда ли, что под руководительством берлинского кабинета происходят, как говорят, переговоры о мире, министр мне ответил точно так же, как и г. Ягов, — что, хотя Германия и давала всегда советы в пользу мира, но налаживающиеся теперь, совершенно частные, переговоры между итальянскими и турецкими доверенными людьми ничего общего не имеют с инициативой, приписываемой Германии. Все сводится к следующему: миланский банкир Вольпи [1], занимавший долгое время в Константинополе влиятельный финансовый пост, несколько месяцев тому назад вел в Константинополе же на собственный страх переговоры об условиях мира, оказавшиеся безрезультатными. «Вольпи, — как прибавил министр, — очень умный человек, хотя и не вселяет с нравственной стороны полного доверия». Этот финансист, выехавший с тех пор из Турции, предложил римскому кабинету возобновить теперь в Швейцарии переговоры с лицом, облеченным доверием турецкого правительства, имени которого маркиз ди Сан-Джулиано мне не назвал. Римский кабинет на это не только согласился, но поручил также и г. Фузинато принять вместе с Вольпи участие в этих разговорах с турецким доверенным лицом. Как императорскому министерству известно, г. Фузинато, депутат в итальянском парламенте, был прежде парламентским товарищем министра иностранных дел, состоит ныне членом Гаагского арбитражного суда и пользуется как в ученом, так и политическом мире большим уважением. Хотя обмен мыслей, который будет происходить на-днях в Швейцарии, и носит совершеннно неофициальный, ни для кого не обязательный, как бы пробный характер, но поручение г. Фузинато, уже отправившемуся в Швейцарию, такой деликатной миссии бесспорно придает этим разговорам немалое значение и позволяет надеяться, что мы все-таки приближаемся к миру.

Маркиз ди Сан-Джулиано просил меня держать в тайне все, что он сообщил мне как представителю дружественной Италии державы.

Примите и пр. Крупенский.

P. S. Депеша эта была уже написана, когда я получил телеграмму вашего превосходительства 15/2 июля с. г. о сообщении, сделанном вам французским послом по поручению г. Пуанкаре о разговоре г. Бомпара с великим визирем и о пунктах, на которых Порта готова согласиться заключить мир, а именно: 1) автономия африканских провинций под главенством князя-мусульманина, 2) суверенитет Италии над двумя портами, 3) введение реформ в новой области и 4) присутствие итальянских войск до осуществления намеченных реформ [2].

Мои местные впечатления и разговоры как с министром иностранных дел, так и с г. Боллати не позволяют мне сомневаться в том, что вышеприведенные пункты для Италии неприемлемы [3]. И если, что я считаю невозмож-

---

преждевременно, но что, по имеющимся сведениям, обе воюющие стороны стараются войти неофициальными путями в прямые между собой сношения». Из этой беседы Броневский вынес впечатление, что Циммерман отдает предпочтение «способу непосредственного обмена мыслей между враждующими сторонами, очевидно противополагая его услугам в том же направлении третьих держав».

[1] См. № 287.

[2] См. № 295.

[3] Об этом А. Крупенский сообщил и в тел. от 16/3 июля за № 78 (опубл. Siebert, II, S. 413, N 650).

ным, итальянское правительство согласилось бы на них, то итальянский народ и парламент не ратификовали бы таких уступок.

Я считаю более осторожным о телеграмме вашего превосходительства до поры до времени в Консульте не говорить. Весьма возможно, что Боллати, как вам было сообщено, высказал французскому правительству, что турецкие предложения «donnent un peu d'espoir» [1]. Но это мнение Боллати вероятно основано не на самих предложениях, а на том факте, что Порта, как из ее предложений явствует, не стоит более на столь непримиримой точке зрения, как прежде.

Ut in litteris Крупенский.

№ 306. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Депеша № 23 [2]. 16/3 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В беседе с министром иностранных дел, о которой я отдал отчет вашему превосходительству в донесении за № 22 [3], была также речь о франко-итальянских отношениях. Маркиз ди Сан-Джулиано с удовольствием отмечает значительное улучшение этих отношений, особенно после речи г. Пуанкаре на торжестве, происходившем в Сорбонне в честь Леонардо да Винчи [4]. «Хотя эта речь, — сказал мне министр, — и произвела в Италии некоторое впечатление, однако не настолько большое, чтобы словами можно было изгладить значение, производимое действиями. А действия или не соответствуют словам или должны оставаться негласными». Так например, маркиз ди Сан-Джулиано не может сообщить печати, ввиду их секретного характера, о тех дружественных для Италии советах, которые французский посол в Константинополе вместе с Англией и Францией [5] и, как полагает министр, и Россией, давал Порте. С другой же стороны, нельзя скрыть от итальянской публики, что турецкие офицеры постоянно переходят из Туниса в Триполи, что французский консул в Триполи относится демонстративно враждебно к Италии и что французские власти в Марокко не всегда уважают еще не отмененные капитуляции. «Tout cela ne peut pas ne pas faire du mauvais sang et ne correspond pas aux paroles magnifiques et éloquentes de M. Poincaré» [6].

Считаю долгом здесь же прибавить, что в том же смысле выражались в разговорах со мной как местные журналисты, так и многие частные лица. Я, разумеется, употребляю все усилия, чтобы сглаживать все эти шероховатости и убедить всех, с кем мне приходится беседовать на этот счет, в дружественных чувствах Франции, так как возвращение к прежним доверчивым отношениям между обоими латинскими народами мне кажется чрезвычайно желательным с точки зрения наших политических видов.

Гуляя с маркизом ди Сан-Джулиано после нашего, так сказать, официального разговора, я коснулся вопроса Спорадских островов. «Я слышал, — сказал я министру, — что итальянские военные власти распоряжаются на Родосе, как у себя дома: дают концессии итальянским подданным на освещение города, исправление путей сообщения, устройство водопроводов и, главное, обещают жителям избавление из-под турецкого владычества» [7].

---

[1] «подают некоторую надежду».
[2] Опубл. Siebert, II, S. 417, N 652.
[3] См. № 305.
[4] См. № 322.
[5] Так в оригинале.
[6] «Все это не может не портить отношений и не соответствует великолепным и красноречивым словам г. Пуанкаре».
[7] В оригинале заключительные кавычки отсутствуют.

Министр мне ответил, что генералу Амелио даны самые строгие и точные инструкции не предпринимать никаких *политических* действий и что если и допустить некоторую несдержанность в речах отдельных военных начальников, о которой, впрочем, ему ничего неизвестно, то она серьезного значения иметь не может.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 307. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 25. 16/3 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

По поводу свидания государя императора с императором германским [1] все итальянские повременные издания, без различия партийных взглядов, выражали надежду, что свидание это, важное для обоюдных интересов России и Германии, не останется без следа и для Италии. Наиболее серьезной в этом отношении показалась мне статья газеты «Corriere della Sera», связи которой с официальными сферами общеизвестны и статьи которой поэтому не лишены некоторого симптоматического значения.

«Положение, принятое Россией, — говорит «Corriere della Sera», — в вопросе итало-турецкой войны, не только поразило наших союзников по ту сторону Альп, но и повело к неожиданным последствиям, которые хотелось бы назвать «вторым кризисом во франко-русском союзе».

Первый кризис произошел два года тому назад, вскоре после Потсдамского свидания, на котором было заключено соглашение, нисколько не затрагивавшее интересов Франции, но вызвавшее тем не менее некоторого рода раздражение со стороны союзницы России.

Теперь нельзя не отметить наступления второго кризиса. Отношения между Италией и Францией корректны, но в них прежней сердечности не заметно. Произошло таковое охлаждение после известного инцидента с задержанными судами [2], а также и вследствие отношения французской прессы и отчасти и официального мира к занятию итальянцами островов в Эгейском море.

Союз с Россией теперь, как и прежде, продолжает быть основой французской политики, но отношения между союзниками изменились.

Чтобы понять эту эволюцию в настроении французского общественного мнения, необходимо иметь в виду, что если французский денежный рынок ссудил значительные суммы России, то, быть может, еще более значительные капиталы им помещены в Турции. Вот почему хорошие отношения России к Турции имеют в глазах французов значение обеспечения целости вложенного в турецкие предприятия капитала и правильного поступления доходов с него.

Нынешний конфликт между Италией и Турцией застал врасплох все европейские державы. Естественно, что в такую минуту общее внимание обратилось в сторону России, чтобы узнать, каким образом и в какой мере отразится война на ее иностранной политике.

Понятно, что равнодушным зрителем происходящей ныне войны Россия оставаться не могла. Ведь все желания и стремления России направлены историческим ходом событий и экономическим ее развитием на завладение Проливами, т. е. на обеспечение своему флоту свободного выхода в то самое Эгейское море, на многочисленных островах которого развевается теперь итальянский флаг.

---

[1] См. № 277.

[2] См. стр. 66, прим. 4.

С некоторых пор, и в особенности с уходом г. Чарыкова [1], вопросом о Проливах как будто перестали заниматься в С.-Петербурге. Но если о нем меньше говорят и почти больше не пишут, то это еще не значит, что он сошел с политической программы России. И лучшим доказательством справедливости такого взгляда служит поспешность, с которой в России занимаются возрождением флота, и огромные суммы денег, ассигнованные на постройку черноморских дредноутов. Сравнительно недавно одно русское должностное лицо (адмирал Скрыдлов) открыто заявило, что Россия обязана внимательно следить за турецкими вооружениями, тем более что австрийский и турецкий флоты, увеличивающиеся параллельно, являются несомненной угрозой русским интересам.

Официальная русская печать отнеслась, конечно, неодобрительно к малоосторожной речи адмирала Скрыдлова. Но факт остается фактом, и, как теперь, так и прежде, австро-русское соперничество на Балканах является главным вдохновителем русской политики на Ближнем Востоке. За исключением некоторых попыток к соглашению своих интересов, попыток, окончившихся неудачей, — Россия и Австрия всегда представляли собой две различные группировки интересов, две, силою вещей, враждебные друг другу державы.

Агрессивная политика других наций имеет целью создание колоний и рынков сбыта. Для Австрии колониальная политика есть политика проникновения на Балканы, одинаково вредная как жизненным интересам России, так и противная необходимой политической предусмотрительности Италии.

Первый намек на сближение между Россией и Италией последовал вскоре после боснийского аннексионного кризиса. Поучительно по этому поводу вспомнить, что сказал Кавур в 1861 г.: «Ни одно государство, — говорил он, — не выказало большей враждебности России на Парижском конгрессе и большего стремления навязать ей тяжелые условия мира, как Австрия, не принимавшая, однако, активного участия в военных действиях. Этому обстоятельству мы обязаны той легкостью, с которой восстановились хорошие отношения между Россией и нами». Таким образом, враждебность Австрии к России как в эпоху крымской войны, так и в 1908 г. была ближайшей причиной сближения между Италией и Россией.

Переходя от прошлого к настоящему и останавливаясь на теперешнем свидании императоров в Балтийском Порте, нельзя не отметить, до какой степени обманчивы бывают некоторые излюбленные выражения об одинаковости точек зрения, о параллельности интересов и обоюдном стремлении поддержать существующий status quo. Мы знаем, впрочем, один случай, — заявляет «Corriere della Sera», — когда фразы эти не являлись пустым набором слов, а имели действительное значение. Это было на свидании монархов в Раккониджи.

Там не было заключено дипломатического акта, способного уничтожить существующие союзы или создать новую группировку держав; там только пришли к убеждению в необходимости соглашения, т. е. закрепления известных взглядов. Союзы остаются тем, что они есть: обязательными для заключивших их сторон постановлениями, имеющими силу закона. Но соглашения или простая дружба помогают находить, при известных условиях и в определенных случаях, другие точки соприкосновения. Если балканский кризис 1908 г. застал Россию врасплох, то только потому, что она еще не была готова с оружием в руках защитить свои интересы. Теперь с каждым днем положение ее крепнет и улучшается, и нет сомнений, что в будущем империя эта, с ее громадной армией и восстановленным морским могуществом, явится настоящей распорядительницей судеб Европы. Весьма

[1] См. т. XIX, № 637 и примечания к нему.

вероятно, что со временем правдивый голос истории докажет миру, что существующие союзы и соглашения, в которых в качестве контрагента участвовала Россия, были вызваны не ею, а навязаны ей для обеспечения себе державами свободы действий. И таким образом случилось, что все или большинство великих держав имеют с Россией специальные соглашения, которые в свою очередь свидетельствуют о ней, как о могущественном факторе европейского равновесия и о ее будущей первенствующей роли мировой державы.

С 130-миллионным населением, с каждым годом улучшающимися путями сообщения, Россия, несмотря на необъятные расстояния и на разнородность населяющих ее элементов, медленно, но верно идет вперед, к эре полного преобладания, которую со временем будут называть «Русской эрой».

Таково содержание замечательной статьи «Corriere della Sera», посвященной свиданию императоров в Балтийском Порте. Не увлекаясь радужными картинами будущего, рисуемыми итальянским органом печати, достаточно отметить не только дружественный тон этой симптоматической статьи, но и вообще самый факт ее появления, чтобы притти к убеждению о значительности эволюции, происшедшей в настроении политических и общественных слоев Италии, эволюции, которая силою вещей должна будет отразиться на направлении всей внешней политики королевства.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 308. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 41. 16/3 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Против всяких ожиданий Пашичу удалось обойти затруднения и настоять как в министерских совещаниях под председательством короля, так и в собраниях старорадикального клуба на том, чтобы временный кабинет Трифковича, о котором сообщалось в донесении моем № 38 [1], сохранил власть до осени.

Лидер старорадикалов ни за что не соглашался приняться за составление нового кабинета, не обеспечив предварительно за собой необходимое большинство в скупщине. Над этим он будет работать в течение всего летнего сезона и надеется достигнуть цели на предстоящем в конце августа или начале сентября общем — «Земальском» — съезде всех членов партии в Крагуеваце, куда прибудут и радикалы-диссиденты, давшие уже обещание Пашичу вновь примкнуть к своим старым единомышленникам.

Однако при недавней встрече моей с Пашичем я не мог не задать ему вопроса: в какой мере представляется безопасным, ввиду тревожного положения дел на Ближнем Востоке, доверять государственное управление министерству, в среде коего, за исключением разве генерала Путника, нет ни одного политического деятеля, пользующегося известностью и авторитетом в стране. На это Пашич доверительно поведал мне, что он и его ближайшие друзья, предусмотрев возможные случайности, приблизительно проектировали, по соглашению с нынешними министрами, новый состав кабинета, который, при малейших осложнениях на Балканах, тотчас же вступит во власть. «Тогда, — добавил мой собеседник, — мне, по всем вероятиям, придется принять на себя и председательство в совете и порт-

[1] Деп. от 2 июля/19 июня за № 38 Гартвиг сообщал Сазонову, что в связи со смертью Милововановича, последовавшей 1 июля/18 июня, в Сербии наступил министерский кризис. Указом короля был временно составлен кабинет, в котором м-р внутренних дел Трифкович занял пост председателя совета м-ров, а временное управление м-вом ин. дел было возложено на главного секретаря этого министерства Иовановича.

фель министра иностранных дел». По этому поводу Пашич с большой грустью упомянул о покойном Миловановиче, смерть которого является для всей старорадикальной партии невознаградимой утратой. За последние тревожные дни, кажется, и все враги сошедшего в могилу деятеля постепенно приходят к сознанию, что в Сербии не скоро найдется достойный ему заместитель на поприще внешней политики.

Королевским указом 30 июля [1] заседания скупщины прерваны до будущего октября месяца; это значительно облегчит задачу нынешнего беспочвенного министерства.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 309. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

№ Депеша № 42. 16/3 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к депеше моей от [2 июля] 19 июня за № 36, по поводу ассигнования сербскому военному министерству чрезвычайного кредита в $21^1/_2$ млн. франков [2], — мне остается прибавить лишь несколько слов.

Законопроект об этих ассигнованиях окончательно утвержден был скупщиной в заседании [4 июля] 21 июня подавляющим большинством 71 голоса против 37. Как мне сообщал лидер напредняцкой партии Стоян Новакович, настоятельная необходимость, при нынешних политических условиях, поставить армию на должную высоту ясно сознавалась всеми политическими деятелями в Сербии, которым дороги интересы родины; а потому в среде оппозиционных групп, за исключением ярых противников властвующего кабинета, решено было не создавать правительству непреодолимых препятствий в деле проведения законопроекта о военном кредите, чем и объясняется благоприятный исход голосований.

Расход в $21^1/_2$ млн. фр. правительство предполагает покрыть частью из наличности государственного казначейства, затем суммами, ожидаемыми от продажи устаревших и вышедших из употребления ружей и военной амуниции, а также образовавшимся суффицитом по смете главного управления монополий.

В приведенные мною в вышеупомянутом донесении данные относительно предстоящих закупок для надобностей армии следует внести некоторые поправки: военное министерство полагает приобрести не 105, а 125 млн. патронов и не 3—4 тысячи револьверов браунинга, а 25 200; соответственно сему возрастут и расходы более чем на 2 млн. фр.

Из приобретаемых военным министерством маузеровских ружей небольшая часть предназначается для усиления пограничной стражи от

---

[1] Так в оригинале; следует читать: «30 июня».

[2] 18/5 июня в деп. за № 33 Гартвиг сообщал Сазонову, что по настоянию воен. м-ра серб. кабинет предъявил скупщине требование о дополнительном кредите в $2^1/_2$ млн. фр. на покупку «недостающих для полного укомплектования ружей принятой здесь системы маузера». Это требование было передано на рассмотрение фин. комиссии скупщины, которая после длительного обсуждения этого вопроса «не только одобрила правительственный законопроект о кредите в $2^1/_2$ млн., но, помимо сего, признала неотложным ассигнование в распоряжение военного министерства еще и суммы 19 млн. фр., потребных на производство расходов по всем снаряжениям, перечисленным в особой ведомости, представленной генералом Путником». Деп. от 2 июля/19 июня за № 36 Гартвиг сообщал Сазонову, что воен. м-во из отпускаемого ему кредита предполагает приобрести 60 тыс. ружей системы маузера, 10 тыс. карабинов, около 105 млн. патронов и 3—4 тыс. револьверов, всего на сумму 17 млн. 700 тыс. фр. Остальную часть кредита «предполагается употребить на покупку упряжи для 40 батарей, аэропланов и проч., а также на усиление обороны пограничных линий». «При таких условиях, — заканчивал Гартвиг, — в непродолжительном времени сербская армия будет доведена до полной боевой готовности».

Рашки до Байна-Башта, а также для раздачи некоторым дружески расположенным к Сербии албанским вождям приграничных селений, что, по мнению правительства, является лучшей мерой самозащиты. Получив такой подарок, албанцы воздерживаются [1] от грабежей по соседству с Сербией [2].

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 310. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 43. 16/3 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Австро-Венгрия с необычайной последовательностью приводит в исполнение очевидно заранее выработанный план вооружений по всем важным граничным линиям Сербии, которая, по откровенному признанию шовинистских партий в Вене и Пеште, должна служить главным объектом нападения, в случае каких-либо осложнений на Балканском полуострове.

Видимо, покончив с военными приготовлениями на юго-западной границе от Уваца до Зворника и на Новобазарском перешейке между Сербией и Черногорией [3], австрийские власти занялись оборудованием босно-сербской границы на север от Зворника вдоль всего левого берега Дрины. Дело началось с того, что около двух месяцев назад в местечко Брчку прибыли, под главным руководительством начальника генерального штаба, два генерала и 16 штаб-офицеров, которые разделились на партии: одна из Брчки направилась на Тузлу и Зворник, другая — на Белину и Янью. По всем этим линиям производились ими какие-то работы и постановка сигнальных столбов. В прибрежных дринских селениях происходил осмотр помещений для расквартирования войск и составлялись списки *всех владельцев баркасиков и лодок*. В средних числах июня особая комиссия из нескольких офицеров разного рода оружия, во главе с генерал-майором-от-артиллерии, произвела инспекторскую ревизию всех указанных работ.

Наконец, за самое последнее время венгерские власти озаботились вооружениями, которые имеют явно враждебно-наступательный характер против Сербии и потому не могли не вызвать здесь серьезных опасений.

На Дунае, приблизительно между сербскими селениями Дубравицей и Рамом, находится узкая, продолговатая полоса земли, называемая прибрежными жителями просто «Острово», с небольшим селом, известным под тем же наименованием. Остров принадлежит Австрии и, повидимому, ранее никогда ни в каком отношении ею не эксплоатировался.

Между тем с начала мая сербы заметили необычайное оживление на хорошо знакомом им острове и большое скопление у берегов его судов речной флотилии.

---

[1] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «воздержатся».

[2] В рапорте от 14/1 июля за № 107, сообщая о заказах, которые будут произведены из чрезвычайного кредита, Артамонов писал Данилову: «По вопросу о назначении 5 000 ружей, отпущенных в распоряжение военного министра, генерал Путник не скрыл от меня, что они предназначаются арнаутам. Последние нуждаются в оружии, и, конечно, Австрия не откажется снабдить их, упрочивая свое влияние и направляя их сообразно со своими целями. Раз это дело стоит так, то не лучше ли сербам самим дать арнаутам оружие, создавая таким путем хорошие отношения с ними и спасая от притеснений сербское население Старой Сербии, изверившееся в возможности добиться от турок улучшения своего положения. Однако, по последним сведениям из достоверного источника, сербское правительство, повидимому, не решается выполнить свое намерение, и ружья арнаутам, кажется, не будут даны».

[3] Ср. № 8.

Королевское правительство тотчас установило разведочную часть и успело собрать нижеследующие данные:

На остров [29] 16 мая прибыли 10 офицеров и 200 пионеров, а у берегов замечено было 70 лодок и 45 понтонов. Началась постройка батарей, причем от местных жителей, несмотря на произведенные ими посевы, откуплены участки земли и выплачена им оценочная стоимость. Чрез несколько дней высадилось еще 100 человек команды 29-го Темешварского полка. Раз в неделю на остров прибывал генерал с 5—6 офицерами для осмотра работ.

Затем последовательно [18] 5, [19] 6, [20] 7 и [21] 8 июня подходили к острову пароходы, высаживая пехоту и батареи. Число людей ныне насчитывается до 4 000. У берегов и вплоть до Базиаша происходили судовые маневры, учебная пальба, наводка понтонных мостов. На острове установлены рефлекторы. [20] 7 июня по направлению к сербскому селению Дубравицы подходили 5 мониторов.

Из Пожаревацa сербское правительство командировало в Дубравицу один батальон 9-го полка с боевыми патронами, под предлогом маневров, а в действительности для наблюдений.

Занятая австрийцами позиция имеет, несомненно, весьма важное стратегическое значение: она угрожает прямо сердцу Сербии — долине реки Моравы, этой богатейшей области, откуда идет прямой путь к Салоникам. Трудно себе представить более выгодную позицию и с точки зрения тактической: широкий полноводный рукав, огибающий остров с севера, находится в руках Австрии; южный сербский, с пологим берегом, настолько мелководен, что в некоторых местах проходим вброд. По переправе через него и вступлении на сербскую территорию, австрийские войска с правого фланга будут прикрыты со стороны Белграда быстрым течением Моравы.

Неудивительно, что сербское правительство крайне обеспокоено этими новыми австрийскими вооружениями, которые, будучи направлены прямо против Сербии, не могут быть объяснимы ни итало-турецкой войной, ни албанской революцией.

Венский кабинет, повидимому, проявляет склонность отрицать все вышеприведенные фактические данные.

На-днях престолонаследник приглашал меня совершить вместе с ним поездку в Дубравицу, дабы я мог лично удостовериться в том, что австровенгерские власти без всякой побудительной причины продолжают готовиться к нападению на Сербию. Уверенный, что посещение мною указанной местности вызвало бы в австрийской, да и в сербской печати превратные толки, я отклонил любезное приглашение королевича Александра, предложив его высочеству в спутники состоящего при вверенной мне миссии военного агента, впечатления которого как специалиста в данном случае будут иметь бóльшую ценность.

Престолонаследник охотно принял мое предложение и совместно с нашим военным агентом объехал весь берег южного рукава, огибающего селение Острово.

Набросив для меня прилагаемые у сего кроки острова [1], полковник Артамонов одновременно представляет в главный штаб подробное донесение по этому делу [2]. Обозначенные на карте в месте укрепления № II два траверса и в месте укрепления № IV шесть траверсов полковник Артамонов видел невооруженным глазом.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] Указанный набросок хранится в деле при публикуемом документе.

[2] О тревоге, вызванной в серб. общественных кругах упражнениями австровенг. войск совместно с речной флотилией на Дунае, Артамонов сообщил Данилову в рапорте от 11 июля/28 июня за № 106. Содержание его исчерпывается публикуемым документом.

№ 311. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 189 [1]. 16/3 июля 1912 г.

Hier durant discussion Chambre Députés budget Justice, Grand Vizir accompagné Cabinet entier est venu prononcer discours situation générale. Il commença en constatant accord parfait entre Gouvernement, Chambre dissoute et actuelle au sujet de la guerre avec Italie et nécessité de la défense du pays à outrance. Passant ensuite à la fermeture Dardanelles provoquée par leur attaque, il dit Puissances intéressées avaient fait démarches pour leur réouverture auxquelles Porte accéda volontiers car fermeture Détroit lésait son propre commerce, mais que Gouvernement avait informé Puissances qu'il refermerait Dardanelles si Italiens attaquaient îles sises proximité Détroit. Parlant ensuite occupation par Italiens îles mer Egée dans le but exercer pression sur Turquie, Saïd ajouta qu'occupation ne profitera ni à Italie ni à d'autres, car cela aurait été considéré comme atteinte portée à intégrité Empire ottoman. Démarche Porte pour que pélérins musulmans se rendant Mecque fussent pas molestés a eu appui Angleterre qui est intervenue auprès Italie. Après éloges combattants Tripolitaine et Benghazi, surtout Sheik Senoussi et Enver Bey, Grand Vizir résume conseils officieux donnés à la Porte après déclaration guerre: Khalifat maintenu Tripolitaine Benghazi, Italie payerait indemnité et traité annulerait capitulations etc. Mais Sultan étant chef religieux naturel musulmans, Khalifat n'a pas besoin reconnaissance Italie, pays ne peuvent être vendus pour de l'argent. Exemple Bosnie Herzégovine peut pas être appliqué cette circonstance, d'ailleurs Gouvernement actuel était pas à la tête affaires. Au lendemain de la guerre avec Italie bruits persistants avaient couru sur certains projets Russie concernant Détroits. Porte ayant manifesté son étonnement Cabinet Pétersbourg et l'ayant communiqué certaines autres Puissances, réponses M. Sazonow ont prouvé que c'était là une démarche personnelle et qu'opinion Empire russe était pas même sens. Aussi Ambassadeur russe Constantinople a été changé et nouveau représentant est venu qui se trouve toujours en bonnes relations avec Sublime Porte. De même Ministre Affaires étrangères Sazonow montre qu'il maintient toujours les relations de [bon] voisinage. Fait que personne sage, prévoyante et capable de maintenir pareilles relations voisinage, telle que Sazonow, se trouve dans poste important, tel que le ministère Affaires étrangères de Russie, est considéré par nous comme garantie que nos relations rouleront normalement avec cet Empire. A l'occasion des frontières orientales une grande correspondance a été échangée avec Pétersbourg et ici. A la fin il a été compris que les doutes et les soupçons, nés à Pétersbourg, ont été le résultat de malentendus et que Gouvernement russe a été persuadé que Gouvernement ottoman n'a aucun autre désir que la paix, tant que ses droits sont respectés, les bonnes relations avec la Russie continuent. Parlant ensuite différends avec Angleterre au sujet chemin de fer et autres questions Mésopotamie, Saïd espère qu'ils recevront solution qui contentera les deux parties. Question crétoise a prouvé respect des Puissances protectrices et de la Grèce à l'égard des droits Empire ottoman et attitude Vénizélos tendant à ne pas mettre Grèce en danger et maintenir bonnes relations avec Porte. Celle-ci [se] trouve aussi dans bonnes relations avec Autriche qui ne cesse, quand occasion se présente, de donner conseils pacifiques aux autres petits États balkaniques. Passant aux questions économiques et financières du pays, Saïd dit: Un grand nombre capitalistes français s'est présenté pour entreprendre lignes ferrées Anatolie. Seulement comme au temps de l'absolutisme un engagement avait été pris vis-à-vis de l'étranger relativement chemin de fer certaines zones, capitalistes français

[1] Черновой отпуск.

désirent solution de cette question. Je ne vois pas nécessité parler ici au point de vue juridique de l'engagement pris du temps de l'absolutisme afin que ces capitalistes soient complètement convaincus. Si cependant un mode d'arrangement intervient conforme à nos intérêts généraux et justes, la construction des lignes ferrées Anatolie deviendrait plus facile. Partant de ce point de vue, nous avons travaillé et nous travaillons encore à poser bases de la solution de cette question conformément aux intérêts justes et réciproques des intéressés. Parlant ensuite situation intérieure, arrangement Yemen avec imam Yahia [1], revendications des Albanais au sujet démission Cabinet, dissolution Chambre [2], Saïd attribue ces agissements à des intrigues, exprime ses regrets d'actes indisciplinés qui font penser aux janissaires, dit que accusations portées contre Gouvernement sont sans fondement, que celui-ci fait son possible pour maintenir intégrité de l'Empire. Il termine son discours demandant vote de confiance. Après courts débats et discours Ministre Affaires étrangères, dont extrait mon suivant télégramme [3], confiance au Gouvernement est votée par 194 voix contre 4.

Giers.

Перевод.

Вчера во время обсуждения в палате депутатов бюджета министерства юстиции явился великий визирь в сопровождении всего кабинета и произнес речь относительно общего положения. Он начал с того, что констатировал полную солидарность между правительством, распущенной палатой и теперешней по вопросу о войне с Италией и о необходимости защищать страну до последней возможности. Переходя затем к вопросу о закрытии Дарданелл, вызванном нападением на них, он сказал, что заинтересованные державы предприняли шаги для их открытия, на что Порта охотно согласилась, так как закрытие Проливов наносило ущерб ее собственной торговле, но правительство заявило державам, что оно опять закроет Дарданеллы, если итальянцы нападут на острова, расположенные близ Пролива. Говоря затем об оккупации итальянцами островов Эгейского моря в целях оказать давление на Турцию, Саид добавил, что оккупация не принесет пользы ни Италии, ни другим, так как это рассматривалось бы как посягательство на неприкосновенность Оттоманской империи. Шаги, предпринятые Портой, для того, чтобы мусульманские паломники, отправляющиеся в Мекку, не подвергались притеснениям, были поддержаны Англией, которая сделала представление Италии. После похвал защитникам Триполи и Бенгази, в особенности шейху Сенусси и Энвер-бею, великий визирь резюмировал сущность официозных советов, дававшихся Порте после объявления войны: в Триполи и Бенгази будет сохранен халифат султана, Италия возместит убытки, капитуляции будут упразднены договором и т. д. Но, поскольку султан является естественным религиозным главой мусульман, халифат не нуждается в признании со стороны Италии, страны не могут продаваться за деньги. Пример Боснии и Герцеговины в данном случае не применим: кроме того, настоящее правительство не стояло в то время у власти. Сейчас же после начала войны с Италией распространились упорные слухи о некоторых проектах России относительно Проливов; после того, как Порта выразила удивление петербургскому кабинету и уведомила об этом некоторые другие державы, ответы г. Сазонова показали, что это было личное выступление [российского посла] и что точка врения Российской империи не такова. Вследствие этого российский посол был отозван, приехал новый посол, который состоит все время в хороших отношениях с Высокой Портой. Также и министр иностранных дел г. Сазонов постоянно поддерживает добрососедские отношения. Тот факт, что человек такого ума и предусмотрительности, умеющий сохранять подобные добрососедские отношения, как г. Сазонов, занимает столь важный пост, — пост министра иностранных дел России, — мы считаем гарантией того, что наши

[1] См. т. XIX, ч. II, стр. 120, прим. 4.

[2] См. № 233.

[3] В тел. от 17/4 июля за № 190 М. Гирс передал краткое содержание речи Ассим-бея о взаимоотношениях Турции с Англией, Францией, Германией и Австрией и привел дословный перевод части речи, касающейся отношений с Россией: «За последнее время настойчиво говорят о существовании, якобы, некоторых опасных разногласий между Россией и Портой. Говорили даже, что мы рано или поздно должны будем начать войну с нашим северным соседом. Уверяю, что эти заявления далеки, очень далеки от истины». По поводу предпринятых росс. прав-вом шагов в целях прекращения итало-турец. войны Ассим-бей сказал, что они окончились неудачей, «ввиду невозможности установить основу для мира», и что «эти шаги, стремившиеся добиться мира, были ложно истолкованы».

отношения с этой империей будут протекать нормально. По поводу восточных границ велась большая переписка с Петербургом и здесь. В конце концов выяснилось, что сомнения и подозрения, возникшие в Петербурге, были результатом недоразумений, и российское правительство убедилось, что оттоманское правительство не желает ничего, кроме мира, пока к его правам относятся с уважением; добрые отношения с Россией продолжаются. Говоря о разногласиях с Англией по вопросу о железной дороге и по другим вопросам в Месопотамии, Саид выразил надежду, что они получат разрешение, удовлетворяющее обе стороны. Критский вопрос показал, что державы-покровительницы и Греция относятся с уважением к правам Оттоманской империи, а политика Венизелоса стремится не подвергать Грецию опасности и сохранять хорошие отношения с Портой. Эта последняя находится также в хороших отношениях с Австрией, которая не перестает давать, когда представляется случай, миролюбивые советы другим малым балканским государствам. Переходя к экономическим и финансовым вопросам страны, Саид сказал: большое число французских капиталистов добивается постройки железнодорожных линий в Анатолии. Но так как во времена абсолютизма относительно постройки железных дорог в некоторых зонах было принято обязательство перед заграницей, французские капиталисты желают разрешения этого вопроса. Я не вижу необходимости рассматривать здесь с юридической точки зрения обязательство, принятое во времена абсолютизма, для того чтобы полностью убедить этих капиталистов. Однако если представится возможность соглашения, соответствующего нашим общим и законным интересам, постройка железных дорог в Анатолии будет облегчена. Исходя из этой точки зрения, мы трудились и продолжаем трудиться над созданием почвы для разрешения этого вопроса в соответствии со справедливыми и обоюдными интересами заинтересованных сторон. Говоря далее о внутреннем положении: о соглашении в Иемене с имамом Яхия, о требованиях албанцев касательно отставки кабинета и роспуска палаты, Саид приписывает эти действия интригам, выражает сожаление по поводу актов неподчинения, которые напоминают времена янычар, заявляет, что выдвигаемые против правительства обвинения лишены основания, что последнее делает все возможное, чтобы сохранить целостность империи. Он заканчивает свою речь просьбой о вотуме доверия. После недолгих прений и речи министра иностранных дел, выдержки из которой в следующей моей телеграмме, доверие правительству вотируется 194 голосами против 4.

Гирс.

№ 312. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 55. 16/3 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имею честь препроводить у сего на благовоззрение вашего превосходительства перевод опубликованного на-днях декрета президента касательно необходимости строгого соблюдения договоров с иностранными державами и доброжелательного отношения к иностранцам [1].

Являясь по содержанию обычным для подобного рода правительственных актов набором общих фраз, декрет этот представляет интерес как показатель усилившегося положения Юань Ши-кая, так как едва ли означенный сановник в начале своей деятельности в качестве президента решился бы выступить с таким открытым заискиванием симпатий иностранцев на глазах у государственных деятелей новейшей формации, не обнаруживающих особой готовности считаться с правами иностранных держав в Китае.

Поводом к такому шагу президента является, повидимому, желание подготовить почву для будущих обращений китайского правительства к державам по поводу признания республики.

Примите и пр. В. Крупенский.

[1] Декрет Юань Ши-кая от 12 июля/29 июня заканчивался следующими словами: «Принимая во внимание все вышеизложенное, повелеваю начальникам всех провинций, а также правителям областей внушить подведомственным им военным и гражданским чинам, а также войскам и населению мысль о необходимости строго соблюдать существующие договоры с иностранными державами, не допуская ни малейших их нарушений, что могло бы вызвать потерю Китаем доверия со стороны всего мира и поставить государство на путь серьезных опасностей».

№ 313. Меморандум посольства США в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

17/4 июля 1912 г.[1]
Confidential.

The American Government believes that the Powers are in full accord in the view that a stable Central Government is the first desideratum in China and that formal recognition by the Powers, when granted, would go far to confirm the stability of the established Government.

The Provisional Government appears to be generally in possession of the administrative machinery, to be maintaining order and to be exercising its functions with the aquiescence of the people, the situation accordingly seems to resolve itself to the question whether there are any substantial reasons why recognition should longer be withheld [2].

Would the Government of Russia now be disposed to consider whether the present Chinese Government may not be regarded as so far substantially conforming to the accepted standards of International law as to merit formal recognition [3].

Перевод.

Доверительно.

По мнению американского правительства, державы единодушны в том, что [образование] прочного центрального правительства в Китае является основным пожеланием и что формальное признание державами, если таковое состоится, сильно способствовало бы упрочению образовавшегося правительства.

Временное правительство, повидимому, в общем овладело административным аппаратом, поддерживает порядок и выполняет свои функции с согласия народа; таким образом вопрос, повидимому, сводится к тому, имеются ли существенные основания для дальнейшей отсрочки признания.

Не будет ли российское правительство расположено рассмотреть теперь вопрос о том, нельзя ли считать нынешнее китайское правительство по существу настолько отвечающим общепринятым в международном праве условиям, чтобы заслужить формальное признание.

---

[1] Подлинник даты не имеет. Лит. копия датирована 17/4 июля.

[2] В тел. от 29/16 июля за № 66 Бахметев сообщал, что в этом выступлении прав-во США действовало «под давлением общественного мнения, давно уже возмущенного видимым равнодушием старшей из республик к младшей, которая будто бы только ожидает изъявления моральной поддержки Америки, чтобы окрепнуть и стать на ноги».

[3] В тел. от 27/14 июля за № 1409 (опубл. L. N., II, p. 523) Нератов, передавая в Лондон, Париж, Берлин, Токио и Пекин содержание публикуемого документа, сообщал: «Я ответил американскому послу, что должен отложить формальный ответ на его запрос, но не могу не заметить, что не вижу фактов, которые доказывали бы, что настоящее пекинское правительство сколько-нибудь прочнее теперь, чем оно было до сих пор». Нератов просил сообщить, какой ответ предполагают дать другие прав-ва.

В ответной тел. от 30/17 июля за № 134 Извольский сообщил, что на аналогичный запрос посла США Пуанкаре заявил, что «французское правительство, не имея, само собой разумеется, ничего против учреждения республики в Китае, не видит еще признаков достаточного упрочения китайского правительства; во всяком случае Франция примет решение не иначе как по предварительному соглашению с Россией и Англией».

Тел. от 31/18 июля за № 202 поверенный в делах в Лондоне Эттер сообщил, что, «не находя достаточных поводов к формальному признанию совсем неупрочившегося китайского правительства, здесь на запрос американского посла также был дан отрицательный ответ».

Тел. от 1 авг./19 июля за № 151 Малевский извещал Нератова, что «японское правительство разделяет наш взгляд на преждевременность признания китайского правительства».

В деп. от 1 авг./19 июля за № 37 Броневский сообщил, что на запрос посла США в Берлине Циммерман ответил, что «из всех доходящих до него из Китая сведений, он, к сожалению своему, может вывести лишь заключения, обратные тем, к которым приходит вашингтонский кабинет».

№ 314. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

-/. Телеграмма № 1323 [1]. 17/4 июля 1912 г.

Сообщается в Пекин.

Китайское правительство обратилось к нам через здешнего представителя с просьбой не настаивать на контроле за реорганизационным займом и не задерживать выдачу денег, без которых подвергается опасности упрочение государственного строя [2].

Очевидно, тождественные заявления сделаны и другим державам — участницам займа.

Мы полагаем, что следовало бы, придерживаясь установившегося уже порядка, дать общий ответ Китаю через посланников в Пекине, что придаст бо́льшую авторитетность их заявлениям.

По существу дела мы продолжаем думать, что в интересах как правительств, так и банков не отказываться от требования контроля за расходованием поступлений от займа, причем важно лишь, чтобы контроль фактически осуществлялся, независимо от формы его организации или от наименования.

Здешнему китайскому представителю я в разговоре заметил, что само китайское правительство получило бы в контроле опору для настойчивого и неуклонного осуществления предположенных мероприятий.

Благоволите осведомиться о взгляде правительства, при коем вы аккредитованы, на этот вопрос.

В случае согласия с нашей точкой зрения английского и французского правительств мы дадим соответственные указания в Пекин [3].

[Н е р а т о в.]

№ 315. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

-/. Телеграмма № 1325. 17/4 июля 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Великобританский посол сообщил о дошедшем до Лондона слухе, что Мохамед-Али-шах будто бы собирается опять в Персию. В связи с этим он отметил, что Сепехдар ведет себя подозрительно, будучи окружен сторонниками бывшего шаха, и высказал пожелание, чтобы обеими миссиями было произведено давление на персидское правительство в видах скорейшего удаления Сепехдара из Тегерана в Тавриз.

Я ответил на это Бьюкенену, что упомянутый слух представляется мне совершенно неправдоподобным и что, по нашим сведениям, Мохамед-Али собирается за границу для лечения. Что касается Сепехдара, то я заметил, что, изъявив согласие на его посылку в Тавриз [4], вследствие сообщенных

[1] Опубл. М., стр. 569.

[2] Имеется в виду тел. кит. прав-ва от 12 июля/29 июня, переданная кит. поверенным в делах в Петербурге росс. м-ву ин. дел 17/4 июля. Содержание телеграммы совпадает с содержанием письма кит. м-ра финансов от 9 июля/26 июня представителям Консорциума в Пекине (см. стр. 357, прим. 1).

[3] В тел. от 20/7 июля за № 196 Бенкендорф ответил, что он беседовал по данному вопросу с Никольсоном, который сказал ему, что кит. посланник в Лондоне вручил англ. прав-ву аналогичный меморандум и что англ. кабинет намеревается ответить меморандумом следующего содержания: в задержке займа виновно кит. прав-во, а не державы-участницы займа; контроль над расходованием сумм необходим; что же касается его формы, то англ. прав-во примет всякую комбинацию, дающую те же гарантии. Об ответе франц. прав-ва см. № 358.

[4] См. № 253.

вами в свое время соображений, мы тем не менее не можем отступить от нашей прежней точки зрения, что лучшим правителем Азербайджана является для нас Шоджа-эд-Доуле, а потому настаивать теперь самим на отправлении Сепехдара в Тавриз было бы для нас неудобно. В заключение я обещал послу справиться у вас о положении дел в Тегеране и запросить ваше заключение.

Благоволите переговорить с Тоунлеем и о последующем телеграфировать.

[Нератов.]

№ 316. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 191 [1]. 17/4 июля 1912 г.

Grey m'a parlé du télégramme par lequel O'Beirne a rendu compte de son entretien avec le Ministre au retour de Port-Baltique [2]. Il m'a exprimé sa vive reconnaissance, disant qu'il appréciait hautement le langage si complet de M. Sazonow. Grey m'a dit qu'il entrait tout à fait dans les vues exprimées qui exigeaient surtout de la confiance réciproque, mais qu'aucune entente n'était possible sans cette confiance, que celle qu'il apportait à la nôtre était complète et qu'il ne doutait pas qu'il en était de même à Paris. Grey me dit que jusqu'ici Marschall n'était pas sorti avec lui de généralités, qu'il n'avait abordé aucune question, sauf quelques affaires spéciales de l'Afrique du Sud. Il pense que Marschall est surtout occupé à observer et s'orienter à son nouveau poste, attitude que Grey trouve fort sage.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил со мной о телеграмме, в которой О'Берн сообщил о своей беседе с министром по возвращении его из Балтийского Порта. Он выразил мне свою живейшую признательность, говоря, что высоко ценит столь исчерпывающие высказывания г. Сазонова. Грей сказал мне, что полностью разделяет высказанные взгляды, которые в первую очередь требуют взаимного доверия, но что без такового немыслимо никакое согласие; что доверие, которое он питает к нашему согласию, является полным, и он не сомневается, что в Париже относятся так же. Грей сказал мне, что Маршалл до сих пор ограничивался общими рассуждениями, что он не затронул ни одного вопроса, кроме некоторых специальных дел, касающихся Южной Африки. Он думает, что Маршалл занят преимущественно наблюдениями и старается ориентироваться на своем новом посту — поведение, которое Грей находит весьма разумным.

Бенкендорф.

№ 317. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 17/4 июля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Si cette lettre vous trouve à Pétersbourg, vous verrez dans celle à Nératoff [3] tout ce que j'ai à dire. Je n'ajoute que le point spécial suivant, le Roi m'en ayant parlé deux fois.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 420, N 654.

[2] См. № 282.

[3] В письме от 17/4 июля на имя Нератова Бенкендорф передал содержание своей беседы с Греем. Грей говорил с большим удовлетворением относительно тел. О'Берна, передававшей его разговор с Сазоновым по возвращении последнего из Балтийского Порта. По поводу итало-турецкой войны Бенкендорф сообщал в этом письме следующее: «О мире в настоящий момент нет и речи. Относительно непосредственных переговоров ничего не слышно. Грей сказал, что ничего о них не знает». Далее Бенкендорф писал: «Грей сказал мне, что он тоже озабочен вопросом о греческих островах и об эвентуальном возврате их Турции. Он сказал мне, что, по его мнению, этот вопрос должен быть изучен державами, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Это не следует понимать как инициативу. Разговор был совершенно частный. Это его мнение».

Vous savez qu'il y a un grand désir de vous voir ici, et pour ma part je vous dirai que je trouverais cette visite extrêmement utile, je crois même nécessaire. Je crois en outre le moment bien choisi. Les choses dans l'ensemble vont bien. Baltic-Port a, grâce aux communiqués [1] et surtout à ce que vous avez dit à O'Beirne [2], loin de créer des nuages, fait excellente impression. Grey m'a dit tout à fait entrer dans vos vues. «I am all for it. Il faut de la confiance, nous en avons, et j'espère Paris aussi». Mais il y a plusieurs graves questions, soit nouvelles, soit entrant dans une nouvelle phase, pour lesquelles l'huile d'entretiens directs me paraît nécessaire. En ce sens et pour ces raisons, j'ai promis d'appuyer auprès de vous le désir maintes fois exprimé par Grey et maintenant par le Roi.

Quant à la date et à des projets fixes, mon attitude a, bien entendu, été passive.

Mais le Roi a un projet. Il voudrait vous inviter à passer 4 ou 5 jours à Balmoral. Vous y rencontreriez Grey, probablement Asquith, et moi, qui reviendrais en ce cas, bien entendu.

Le projet est pour septembre n. s. Mais entre le 16 et le 20 le Roi est absent à des manœuvres. Donc avant le 16, ou après le 20, plutôt après. Ce projet, s'il pourrait vous convenir, aurait beaucoup de bon. Le conclave est pratique et évite toutes les festivités [3] encombrantes de Londres. Le Parlement ne siège pas. Il siègera en octobre, novembre, décembre. Il est toujours gênant. Depuis octobre le Roi est à Sandringham. Ce qui est une difficulté locale. Le Roi n'y est pas chez lui. Il habite une bicoque à côté, et n'a de quoi loger ni vous ni les Ministres ni moi. Le Parlement d'ailleurs absorberait beaucoup Grey et Asquith pour une absence de plus d'un jour. Réfléchissez et voyez si la chose est possible. Je ne vois plus rien pour me retenir ici, et je compte, sauf imprévu, aller à Tamboff à la fin de la semaine prochaine. Autrement dit, mes places sont prises pour le 29/16 juillet.

Au nom du ciel, ne jetez pas en Europe un document judiciaire discutable au nom de l'Empereur. D'abord, il y a la chose en soi. Et puis cela n'est ni de la dignité de l'Empereur, qui doit rester indiscutable et en ces matières infaillible, tout aussi pas de celle de notre magistrature. Il y a là matière, tant pour la Russie que pour ailleurs, «d'une cause célèbre», dont dieu préserve [4].

Au revoir et mille considérations affectueuses et bien sincères. Je suis enchanté de ce que tout le monde dit de votre santé.

Benckendorff.

Les détails du projet Balmoral sont du Roi lui-même.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Если это письмо застанет вас в Петербурге, вы найдете в письме к Нератову все, что̀ я имею сказать. Я только добавлю следующий специальный вопрос, так как король говорил со мной о нем дважды.

Вы знаете, что здесь имеется большое желание видеть вас, и от себя скажу, что считал бы этот визит весьма полезным, думаю даже — необходимым. Кроме того, я считаю, что момент удачно выбран. Дела в общем идут хорошо.[Свидание в] Балтийском Порте, благодаря официальным сообщениям и в особенности благодаря тому, что вы сказали О'Берну, не только не омрачило отношений, но произвело превосходное впечатление. Грей сказал мне, что полностью разделяет ваши взгляды. «Я полностью стою за это. Необходимо доверие, оно у нас есть, надеюсь, в Париже также». Но имеется несколько важных вопросов, либо новых, либо вступающих в новую фазу, которые, мне кажется, требуют личных разговоров, как смазочного масла. В этом смысле и

[1] См. стр. 266, прим. 2.
[2] См. № 282.
[3] Так в оригинале.
[4] Повидимому, речь идет о деле Малецкой (см. № 134).

из этих соображений я обещал поддержать перед вами пожелание, неоднократно выраженное Греем и теперь королем.

Что касается срока и точных планов, моя позиция, разумеется, была пассивной.

Но у короля имеется проект. Он хотел бы пригласить вас провести 4 или 5 дней в Бальморале. Вы там встретитесь с Греем, вероятно с Асквитом, а также со мной, т. к., разумеется, в таком случае я вернусь [сюда].

Проект этот намечается на сентябрь нов. ст. Но между 16 и 20 король отлучится на маневры. Следовательно, до 16 или после 20, лучше после. Такой план, если он вам подойдет, имел бы много хороших сторон. Такое свидание будет целесообразно и избегнет обременительных лондонских церемоний. Парламент не заседает. Он будет заседать в октябре, ноябре и декабре. Он всегда стесняет. С октября король в Сандрингеме. Это связано с местными неудобствами. Там король не у себя дома. Он занимает в стороне небольшой домишко и не сможет поместить в нем ни вас, ни министров, ни меня. Помимо того, парламент будет отнимать слишком много времени у Грея и Асквита, чтобы они могли отлучиться больше, чем на один день. Подумайте и решите, возможна ли такая поездка. Я больше ничего не вижу, что могло бы меня здесь задерживать, и рассчитываю, если ничего непредвиденного не случится, отправиться в Тамбов в конце будущей недели. Иначе говоря, билеты мной уже взяты на 29/16 июля.

Во имя неба, не давайте Европе [на обсуждение] спорный юридический документ от имени императора. Во-первых, дело имеет значение само по себе. Затем это не соответствует достоинству императора, которое должно быть неоспоримым и в этих вопросах непогрешимым, а также и достоинству нашего судопроизводства. Здесь есть все данные для создания «громкого дела» как в России, так и в иных местах, от чего сохрани нас бог.

До свиданья, тысяча сердечнейших и искреннейших приветов. Я в восторге от того, что слышу ото всех относительно состояния вашего здоровья.

Бенкендорф.

Детали Бальморальского плана намечены самим королем.

№ 318. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Л. Письмо [1]. 17/4 июля 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел с графом Берхтольдом очень продолжительную беседу, во время которой он приложил все свои старания, чтобы выказать свои чувства, самые дружеские по отношению к России. Он начал с того, что выразил мне свое удовольствие за разговор графа Турна с нашим министром иностранных дел касательно свидания в Балтийском Порте и обмена мыслей по всем политическим вопросам с германским канцлером. С другой стороны, Бетман-Гольвег доверительным письмом счел долгом посвятить непосредственно графа Берхтольда во все затронутые и стоящие на очереди политические вопросы. И австро-венгерское правительство, по мнению графа Берхтольда, желает способствовать обеспечению мира в Европе.

Сведения о республиканском движении на Балканах, будто бы имеющиеся у Неклюдова, дошли и до него, но Берхтольд надеется, что это значительно преувеличено. Однако же министр считает, что положение как в Турции, так и в Албании чрезвычайно тревожно. Все будет зависеть от того, насколько армия останется в Турции верна султану и не перейдет на сторону албанцев. Последние донесения австрийских агентов в Албании сильно беспокоят Берхтольда; надобно было бы, по его мнению, повлиять, насколько возможно, на правительства Болгарии и Сербии, чтобы отнять у них всякое желание вмешательства; а если бы вспыхнул пожар в Балканах, державы должны бы были локализировать борьбу, держась в стороне от непосредственного вмешательства. Из этих слов я заключаю, что граф Берхтольд желал оправдать свое правительство от обвинения в поступательном движении на Балканском полуострове, о каковом опасении нашего правительства, вероятно, берлинский кабинет счел нужным доверительно

[1] Опубл. Siebert, II, S. 421, N 655.

сообщить Берхтольду. Граф Берхтольд покидает на-днях Вену, сохраняя за собой управление министерством иностранных дел во время лечения в Карлсбаде [1].

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 319. Поверенный в делах в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 36. 17/4 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На первом дипломатическом приеме по возвращении из заграничного своего отпуска [2] румынский министр иностранных дел поспешил, сам наведя на эту тему разговор, передать мне свои венские впечатления.

По словам г. Майореску, он хотел избежать всякой официальности и только отдохнуть во время своего отпуска, но последние любезности австро-венгерского правительства по адресу Румынии побудили его остановиться в Вене на обратном пути в Бухарест.

Он не знал раньше графа Берхтольда и был рад случаю с ним познакомиться, в особенности при настоящем, несколько тревожном настроении, царящем в европейской политике.

Г. Майореску нашел австро-венгерского министра крайне озабоченным возможностью дальнейших осложнений в связи с итало-турецкой войной и в особенности с восстанием в Албании. Вместе с тем, по словам моего собеседника, граф Берхтольд показался ему очень нерешительным и как бы не знавшим, какое решение принять по отношению к вопросам, стоящим ныне на очереди в ближневосточной политике. При этом г. Майореску сравнивал нынешнего руководителя австро-венгерской политики с его предшественником и высказывал сожаление, что место графа Эренталя, так хорошо знавшего и ясно понимавшего общее положение дел на Балканском полуострове, занято ныне графом Берхтольдом, не обладающим, по его мнению, в той же степени этими качествами.

Повидимому, г. Майореску, хотя и был польщен любезным приемом, оказанным ему в Вене, все же был несколько недоволен тем, что в политических разговорах своих с графом Берхтольдом последний недостаточно определенно и, вероятно, не совсем откровенно высказался перед ним о дальнейших планах австро-венгерской политики.

Между тем для таких ярых западников, каким является нынешний румынский министр иностранных дел, из Вены должны исходить руководящие начала и соображения относительно возможных событий международной политики.

---

[1] В частном письме от 18/5 июля Н. Гирс писал Савонову: «Я нашел графа Берхтольда крайне предупредительным и стремящимся проявить свои дружеские чувства к России. Свидание с императором Вильгельмом и германским имперским канцлером его заметно заботило; результаты этого свидания его успокоили. Он также опасался впечатления, которое это произведет на его государя, ввиду того что император Франц-Иосиф, — царствование которого наиболее длительно из современных нам, — чрезвычайно ревниво относится к тому, чтобы его считали самым миролюбивым из государей, и желает восстановить самые дружеские отношения с нашим августейшим повелителем.

Берхтольд крайне озабочен тем, что происходит на Балканах, его розовый оптимизм исчез, так как австро-венгерский посол в Константинополе, маркиз Паллавичини, мрачно настроен. В настоящее время, по мнению Паллавичини, все зависит от позиции турецкой армии, а 1-я и 21-я дивизии армейского корпуса выказывают слишком много симпатии албанцам. Это может стать большим искушением для вмешательства Болгарии и Сербии. Может случиться, что бессильная бороться с внутренними волнениями Турция пойдет более охотно на переговоры с Италией».

[2] См. № 199.

Г. Майореску, следуя в этом отношении примеру последних своих предшественников, давно уже решил ехать на поклон в Вену, как о том свидетельствовала собственноручная его заметка с адресами во время отпуска, оставленная им перед отъездом товарищу министра иностранных дел, и которую последний мне случайно показал. Поэтому, подвергая сомнению заявление о его решении остановиться в Вене лишь в виду визитов начальников австро-венгерского генерального штаба и двенадцатого армейского корпуса в Синайю [1], можно, однако, сказать, что г. Майореску не привез из Ball-Platz'а тех ясных указаний на дальнейшие действия австро-венгерской дипломатии, которые он, повидимому, надеялся получить.

Переходя затем к ласковому приему, оказанному ему императором Франц-Иосифом, г. Майореску сказал мне, что его величество показался ему очень состарившимся и, повидимому, уже не с таким интересом относящимся к вопросам международной политики, как бывало при прежних его аудиенциях. «Однако, — продолжал министр иностранных дел, — во всяком случае император Франц-Иосиф является серьезным фактором мира, ввиду несомненной его воли не иметь более до конца царствования серьезных осложнений в международной политике его монархии».

По сведениям, полученным мною здесь из разных источников, на г. Майореску не было, повидимому, возложено особого политического поручения. Его визит был вполне естественно вызван, с одной стороны, необходимостью остановиться в столице соседней империи, с которой Румыния находится в столь близких отношениях, а с другой — желанием лично познакомиться с руководителем австро-венгерской политики.

Примите и пр.

А. Лысаковский.

№ 320. Поверенный в делах в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

№ Депеша № 37. 17/4 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

За последнее время мною замечается здесь некоторое беспокойство по поводу последнего фазиса итало-турецкой войны, т. е. занятия итальянцами некоторых островов Эгейского моря. Основой румынской политики является, как известно вашему превосходительству, мирное развитие страны при сохранении нынешнего status quo на Ближнем Востоке, благодаря которому приблизительно уравновешены силы расположенных на нем государств. Всякое же изменение в этих силах должно отразиться на интересах королевства и заставить его требовать себе либо компенсаций, либо активно выступить против такого изменения.

Ввиду затяжного характера, принимаемого помянутой итальянской оккупацией, все более затруднительным явится решение вопроса — по окончании войны — о судьбе этих островов с греческим населением, возвращение коего под прежнее турецкое иго вряд ли явится вполне осуществимым. Присоединение же их к Греции будет истолковано как усиление этого государства и именно как такое обстоятельство, которым будет нарушено помянутое равновесие.

Искренне миролюбивое настроение нынешнего председателя румынского совета министров не подлежит сомнению,и он, как я уже имел честь доносить, еще менее других здешних государственных деятелей склонен к авантюрным начинаниям. Тем не менее в разговоре со мною на прошлом дипломатическом приеме г. Майореску, указывая на судьбу островов, сказал мне, что Румыния прямо заинтересована в этом вопросе, так как всякое

[1] См. № 266.

увеличение Греции, несомненно, вызовет соответствующие стремления к увеличению в других балканских государствах. Румыния в таком случае будет поставлена в необходимость также озаботиться о ненарушении баланса сил на Ближнем Востоке путем соответствующего ее усиления.

Конечно, помянутое выше беспокойство не вытекает прямо из возможности увеличения Греции, а из соблазна для Болгарии воспользоваться этим обстоятельством. Всякое же усиление Болгарии безусловно вызовет соответственное требование компенсации со стороны Румынии, или активное ее выступление.

Компенсации эти могли бы быть даны соседнему королевству в виде «упорядочения границы» в сухопутной части таковой между Румынией и Болгарией. На это прямо указал мне на-днях в частном разговоре г. Майореску, когда он затронул со мной этот вопрос. Министр иностранных дел добавил при этом, что из Болгарии раздаются ныне в этом смысле голоса, но что пока в Румынии этот вопрос серьезно не обсуждался и лишь в некоторых здешних газетах он был затронут, но и то лишь вследствие обсуждения его одной болгарской газетой.

Примите и пр.

А. Лысаковский.

№ 321. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 656. 18/5 июля 1912 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Посланник наш в Пекине усматривает из телеграммы Верстрата на имя Гойера от 15/2 июля с. г. (в министерстве иностранных дел еще не полученной), что русская финансовая группа, поддерживая в этом отношении пожелания французской, английской и германской, склоняется к тому, чтобы проявить известную уступчивость пред Китаем, и согласна на уменьшение суммы займа до 20 млн. ф. ст., при обеспечении его соляной монополией, реорганизованной при участии иностранных экспертов[1]. По этому поводу д. с. с. Крупенский указывает на нежелательность отступления от прежних условий и высказывает мнение, что в наших интересах — помешать осуществлению займа вообще, ибо упрочение порядка в Китае выгодно лишь Франции, Англии и Германии и не соответствует нашим видам.

Я не могу всецело присоединиться к такой крайней постановке вопроса: вступая в Консорциум, мы имели в виду обеспечить себя от обращения денег на такие цели, которые противоречат нашим интересам, но самый факт нашего финансового сотрудничества с другими группами налагает на нас известные обязательства — по крайней мере воздерживаться от явной обструкции займу. С другой стороны, если ослабление Китая для нас и желательно, то является еще большим вопросом, насколько мы должны стремиться к водворению там полной неурядицы, последствия которой трудно предвидеть и которая во всяком случае вызовет с нашей стороны необходимость в различных мерах, сопряженных с крупными расходами.

[1] Имеется в виду тел. В. Крупенского от 17/4 июля за № 614, содержание которой (как и тел. Верстрата на имя Гойера от 15/2 июля) изложено в первом абзаце публикуемого документа. Эту тел. Крупенский заканчивал следующими словами: «Мне поэтому казалось бы, что в этом вопросе нам скорее следовало бы стать на сторону японцев и американцев. Если же для нас признается неудобным действовать в духе противном желаниям французской и английской групп, то в наших интересах было бы, чтобы заем не превышал десяти миллионов фунтов, так как в таком случае от него ничего не осталось бы на упорядочение китайских финансов, как мною было объяснено в телеграмме № 568 [см. № 268]. Между тем, насколько мне известно, англичане именно ввиду этого соображения хотят довести цифру займа до 20 миллионов».

Переходя, в частности, к вопросу о размерах займа, я полагал бы, что настаивать на том, чтобы он был определен или в 60 млн. ф. ст. или в 10 млн. едва ли удобно, так как оправдать такое требование в глазах китайцев каким-нибудь логическим основанием было бы затруднительно. Иначе смотрю я на вопросы контроля и гарантий займа. Из письма вашего высокопревосходительства от [11 июля] 28 июня, № 694 [1], я вывел заключение, что, соглашаясь на цифру займа в 20 млн. и на обеспечение его соляным налогом, при условии преобразования управления этим налогом с помощью иностранных экспертов, вы не отказывались от мысли о необходимости настаивать на контроле за назначением и расходованием поступлений, так как вы изволили высказать, что нам едва ли следует настаивать пред другими группами Консорциума на смягчении условий оказания китайцам денежной помощи. В связи с этим я счел себя вправе заявить французскому и английскому правительствам по поводу нового обращения китайского правительства с просьбой не настаивать на контроле, что мы придерживаемся в этом отношении прежней нашей точки зрения [2] (копия этой телеграммы препровождена к вам при записке от [18] 5 июля, № 655).

Ввиду этого я покорнейше просил бы ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня, правильно ли поняты были г. Верстратом ваши указания в этом вопросе, или, быть может, телеграмма его была редактирована недостаточно определенно и дала д. с. с. Крупенскому повод думать, что мы готовы поступиться нашим требованием о финансовом контроле.

Примите и пр. [Нератов.]

№ 322. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 49. 18/5 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Две недели тому назад состоялось в Сорбонне многолюдное торжественное заседание в память Леонардо да Винчи.

Официальным поводом этого чествования, устроенного франко-итальянской лигой, при участии «Union latine» и общества «Giosué Carducci», послужило желание лиги обратить внимание широкой публики на обыкновенно мало кому известные воздухоплавательные изыскания гениального ученого-художника эпохи Возрождения, который, опередив в своих научных мечтаниях на несколько веков современников, явился первым предвестником аэронавтики, на поприще коей Франция достигла ныне, как известно, замечательных успехов.

Однако об этом официальном мотиве собрания большинство его участников упоминало в своих речах лишь вскользь, и чествование Леонардо да Винчи как апостола авиации получило в конце концов исключительно характер дружественной Италии манифестации.

В названном собрании, которое происходило под председательством г. Пуанкаре, принимали, между прочим, участие: г. Титтони; представитель президента Республики г. Буланже; председатели сената и палаты депутатов; военный министр и несколько депутатов и сенаторов, в числе последних гг. Рибо, Пишон и Риве.

---

[1] Указанное письмо Коковцова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. В письме от 17/4 июля за № 708 Коковцов писал Нератову, что, как он уже сообщал ему в письме от 11 июля/28 июня за № 694, по его мнению, «до изъявления Китаем согласия на условия, коими достигалось бы установление действительного контроля над расходованием ссужаемых сумм, Консорциуму не следовало бы выдавать Китаю никаких дальнейших авансов».

[2] См. № 314.

Ряд речей начался кратким приветственным словом президента лиги, депутата Бокиера. Засим в пространной и, как всегда, изящной речи председатель совета министров подробно остановился на культурной стороне настоящего чествования в Париже Леонардо да Винчи. Он детально развил ту мысль, что вся жизнь и деятельность Леонардо да Винчи и, наконец, самая смерть этого великого художника-мыслителя, последовавшая в пределах Франции во время разработки им гениального по замыслу плана соединения путем канала французской и итальянской речных систем, являются олицетворением духовного единства двух латинских наций-сестер — Франции и Италии. В заключение г. Пуанкаре высказал, что Леонардо да Винчи блестяще воплотил в себе те высокие расовые качества, которые являлись всегда общим достоянием обоих народов и которые необходимо должны были привести к существующим ныне между обоими государствами тесным и неразрывным дружеским узам.

В своей ответной речи итальянский посол г. Титтони подтвердил слова г. Пуанкаре о давнишних дружеских отношениях, существующих между Италией и Францией, заметив, однако, что хотя племенная и родственная связь, общность исторических воспоминаний и, наконец, однородность национальных привычек и вкусов действительно, начиная с XVI века, и создали между Францией и Италией многочисленные дружеские связи, живым выразителем коих был чествуемый Леонардо да Винчи, тем не менее ему кажется, что все это может оказаться недостаточно надежной базой для установления прочной дружбы между двумя нациями и что в основу таковой необходимо должно лечь взаимное доброжелательное понимание обоюдных политико-экономических государственных интересов.

Обсуждая состоявшееся в Сорбонне торжество, французская печать с удовольствием отмечает, что взаимные симпатии между французским и итальянским народами с успехом пережили недавнее испытание, созданное инцидентами с судами «Carthage» и «Manouba», и что ныне снова ничто не омрачает их отношений.

Примите и пр.

Извольский.

№ 323. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо [1]. 18/5 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Начав курс лечения в Контрексевиле, я прервал его на несколько дней, дабы увидеться с г. Пуанкаре и сообщить вам мои последние впечатления с отъезжающим сегодня курьером. К сожалению, как вам уже известно, вчера внезапно скончался двоюродный брат председателя совета министров, знаменитый математик Henri Poincaré [2]; покойный ученый был связан не только узами родства, но тесной личной дружбой с г. Raymond Poincaré, который не мог меня принять вчера и с которым мне вряд ли удастся увидеться сегодня до отправления курьера. Но я имел длинную беседу с г. Палеологом, который в курсе всех подробностей текущей политики и который сообщил мне следующие сведения:

Французское правительство испытывает полное удовлетворение по поводу результатов состоявшегося в Балтийском Порте свидания монархов. Как изданное по этому случаю совместное русско-германское сообщение [3], так и, в особенности, данные С. Д. Сазоновым и В. Н. Коковцовым французскому послу разъяснения и сведения вполне убедили французских

[1] Опубл. М., стр. 225.
[2] О смерти Анри Пуанкаре Извольский сообщил тел. от 17/4 июля за № 127.
[3] См. стр. 266, прим. 2.

министров, что сказанное свидание, увеличив гарантии поддержания общеевропейского мира, в то же время не внесло никакого изменения в существующие отношения между державами. Со своей стороны, я не преминул передать г. Палеологу сущность телеграммы С. Д. Сазонова на мое имя от [7 июля] 24 июня за № 1260 [1], а также некоторые из указаний, содержащихся в его же письме от [8 июля] 25 июня [2], выбрав главным образом те из них, которые наиболее способны утвердить здешнее правительство в оптимистическом взгляде на состоявшееся событие. В общем, мне кажется, что, благодаря своевременным разъяснениям, данным как г. Жоржу Луи, так и через мое посредство г. Пуанкаре, выказанные вначале французскими министрами нервность и недоверчивость совершенно рассеялись и что нам нет оснований опасаться повторения недоразумений, последовавших вслед за Потсдамским свиданием. На этот раз удалось также избежать неправильного освещения этого события перед французской публикой; результат этот был достигнут путем энергического личного воздействия моего на главные органы французской печати, причем со стороны г. Пуанкаре были приняты такие же и, конечно, еще более действительные меры. Успеху этих усилий в значительной степени способствовала в высшей степени удачная редакция изданного тотчас после свидания сообщения, сразу давшего надлежащий материал для газетных суждений. Немаловажную роль сыграло также пребывание в Париже, как раз в дни свидания, наших начальников военного и морского генеральных штабов, явившееся наглядным доказательством прочности русско-французских союзнических отношений.

По вопросу об итальянско-турецкой войне г. Палеолог сообщил мне следующие подробности, дополняющие и освещающие сделанное Жоржем Луи С. Д. Сазонову сообщение о разговоре Бомпара с великим визирем [3]. Озабоченный продолжительностью конфликта и желая, со своей стороны, принести посильную помощь делу восстановления мира, г. Пуанкаре поручил Бомпару, в совершенно частной и дружеской форме и отнюдь не выступая с предложением о посредничестве, обратить внимание великого визиря на опасности, угрожающие Турции от продолжения войны, и осведомиться, не может ли турецкое правительство формулировать условия, на которых оно согласилось бы заключить мир. В ответ на это великий визирь сообщил ему известные вам 4 пункта. Г. Пуанкаре тотчас же довел эти пункты до сведения г. Титтони и поручил Барреру осведомить о них римский кабинет. Г. Титтони весьма определенно выразил, что вышесказанные условия не могут быть приемлемы для Италии. Но в Риме г. Боллати высказался несколько мягче и действительно заметил, что эти предложения «laissent un peu d'espoir» [4]. О вышеизложенном г. Пуанкаре осведомил петербургский и лондонский кабинеты, но покуда не предполагает предпринять никаких дальнейших шагов. На мой вопрос, известно ли французскому правительству о каких-либо прямых переговорах между Италией и Турцией, г. Палеолог сказал мне, что на этот счет здесь не имеется никаких точных указаний, но что из общего смысла слов г. Боллати можно было заключить, что что-то в таком роде действительно происходит, но вероятно в совершенно негласной и неофициальной форме. Это привело нас к последним заявлениям вам г. Жоржа Луи, о которых вы сообщили мне телеграммой от 12 июля/29 июня за № 1302 [5]. Г. Палеолог сказал мне, что г. Пуанкаре, совершенно было успокоившийся насчет возможности единоличного почина со стороны Германии, был крайне озадачен и встревожен телеграммой,

[1] См. № 273.
[2] См. стр. 271, прим. 1.
[3] См. № 295.
[4] «оставляют некоторую надежду».
[5] См. № 286.

в которой Жорж Луи сообщил ему (от 8 июля нов. ст.) «que M. Sazonow a acquis maintenant la certitude que l'Allemagne est sûre de pouvoir seule rétablir la paix entre l'Italie et la Turquie» [1] и что германское правительство, поэтому, всячески старается внушить обеим сторонам мысль о непосредственных переговорах. В подтверждение своих слов г. Палеолог показал мне самый текст телеграммы г. Жоржа Луи, в которой действительно значилась приведенная мною в кавычках фраза. Я поспешил, на основании вашей телеграммы за № 1302, разъяснить г. Палеологу, что тут опять возникло очевидное недоразумение, которое я склонен приписать просто ошибке в расшифровании, ибо невозможно, чтобы г. Жорж Луи понял в таком смысле упоминание со стороны С. Д. Сазонова дошедшего до него сведения, что Германия высказывается в пользу непосредственных переговоров между Турцией и Италией, причем в Петербурге не имеется абсолютно никаких указаний на то, чтобы Германия стремилась к единоличному посредничеству. Мои разъяснения, видимо, успокоили г. Палеолога, который, однако, не допускает возможности ошибки в расшифровании. Остается предположить, что Жорж Луи опять сознательно или по какой-то фатальной непонятливости извратил смысл слов С. Д. Сазонова.

Примите и пр.

Извольский.

№ 324. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Письмо. 18/5 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Касательно поездки г. Пуанкаре в Петербург в разговоре моем с г. Палеологом выяснилось нижеследующее: сообразно с желанием, выраженным С. Д. Сазоновым, г. Пуанкаре прибудет в Кронштадт на крейсере «Кондэ», к вечеру 8 августа/26 июля, и на следующее утро переедет в Петербург, во французское посольство. Его будет сопровождать его начальник кабинета г. Дешнер (Daeschner). После своей аудиенции у государя императора он хотел бы остаться в Петербурге лишь самое необходимое число дней и съездить на один — много на два дня в Москву. Обратный путь г. Пуанкаре совершит на том же крейсере. Со своей стороны, позволяю себе по настоящему поводу высказать следующие соображения: по совокупности причин, неоднократно уже приведенных в моих письмах к С. Д. Сазонову, весьма желательно оказать г. Пуанкаре по возможности теплый и блестящий прием и, в особенности, позаботиться о том, чтобы в этом отношении было сделано никак не меньше, а немного больше, нежели по случаю пребывания в Петербурге г. Бетман-Гольвега [2]. Мне кажется, что за г. Пуанкаре следует послать в Кронштадт одну из казенных яхт — «Неву» или «Стрелу»; должен напомнить при этом, что, когда С. Д. Сазонов прибыл в Париж, на железнодорожной станции его встретил лично министр иностранных дел (в то время г. де Сельв). Засим я не сомневаюсь в том, что г. Пуанкаре будет приглашен к высочайшему столу; по этому случаю было бы весьма желательно включить в число приглашенных не только г. Дешнера, но и командира и несколько офицеров крейсера «Кондэ». Вообще следовало бы позаботиться, чтобы сказанному крейсеру было оказано, в той или другой форме, особенное внимание. Г. Пуанкаре, конечно, не преминет испросить аудиенцию не только у императрицы Александры Федоровны, но и у императрицы Марии Федоровны, которая также, может быть, удостоит его приглашением к своему столу. Как вам известно, г. Пуанкаре состоит чле-

[1] «что г. Сазонов убедился теперь, что Германия уверена в том, что может одна, своими силами, установить мир между Италией и Турцией».

[2] См. стр. 271, прим. 2.

ном Французской Академии, поэтому было бы весьма желательно, чтобы ему был оказан какой-нибудь знак внимания нашей Академией Наук. Полагаю также, что в честь его состоятся приемы (обеды или завтраки) не только у С. Д. Сазонова, но и у В. Н. Коковцова, ибо г. Пуанкаре не только министр иностранных дел, но и председатель совета министров; кроме того, он лично знаком с В. Н. Коковцовым, который знал его министром финансов в кабинете Саррьена [1]. Наконец, следует как можно лучше обставить его поездку в Москву. Что касается до меня, то я приеду в Петербург за несколько дней до прибытия г. Пуанкаре, около [4 августа] 22 или [5 августа] 23 июля, и, может быть, одновременно с ним выеду в Москву, откуда проеду к себе в Тульскую губернию.

Примите и пр.

Извольский.

№ 325. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [2]. 18/5 июля 1912 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как вам известно, в настоящем году обычные совещания между начальниками генеральных штабов русской и французской сухопутных армий [3] были в первый раз дополнены такими же совещаниями между начальниками обоих генеральных морских штабов. Генерал Жилинский и вице-адмирал князь Ливен прибыли сюда одновременно и почти в один и тот же срок окончили возложенное на них поручение. Со своей стороны, я, само собой разумеется, и в силу раз навсегда установленного принципа, не был причастен ни к тем, ни к другим совещаниям. Я ограничился лишь тем, что, по приезде обоих наших начальников генеральных штабов, пригласил их в посольство завтракать вместе с французскими министрами военным и морским и обоими французскими начальниками штабов; вслед за сим, согласно полученному мной от С. Д. Сазонова разрешению, я отправился в Контрексевиль. Вернувшись сюда к отправлению курьера, я генерала Жилинского уже не застал. Но вице-адмирал князь Ливен дождался моего приезда нарочно, чтобы поставить меня в курс того, что было им сделано. Тогда как совещания между генералом Жилинским и генералом Жоффр происходили в рамках, точно установленных существующей русско-французской военной конвенцией, вице-адмиралу князю Ливену и вице-адмиралу Оберу пришлось, прежде всего, определить основание для своих бесед. При этом оба адмирала пришли к заключению, что подобным основанием может быть лишь особая морская конвенция, вытекающая из военной конвенции и ее дополняющая. Текст этой конвенции, выработанный при официозном участии г. Палеолога, политического директора министерства иностранных дел, был подписан князем Ливеном и вице-адмиралом Обером 16/3 июля; по обоюдному уговору, конвенция эта должна быть подписана русским и французским морскими министрами, а затем представлена также на подписание русского и французского министров иностранных дел, подобно тому, как это было сделано по отношению к военной конвенции. Г. Делькассе приложит свою подпись к конвенции тотчас по возвращении своем с морских маневров, после чего наш морской агент во Франции, капитан 1-го ранга Карцов, лично отвезет ее в Петербург для подписания ее нашим морским министром. Все эти обрядности будут исполнены до приезда г. Пуанкаре, во время пребывания коего в Петербурге к конвенции могут быть

[1] Саррьен был председателем совета министров в 1906 г.
[2] Опубл. М., стр. 229.
[3] См. № 288.

приложены подписи С. Д. Сазонова и его. Текст конвенции, сообщенный мне князем Ливеном, имею честь приложить при сем в копии [1].

Установив таким образом основание для обмена мыслей, князь Ливен и вице-адмирал Обер имели ряд совещаний, на которых были подробно рассмотрены различные вопросы, вытекающие из предположенной кооперации между русскими и французскими морскими силами. Результаты этих совещаний изложены в особом протоколе, подписанном обоими адмиралами [2]. С объемистым документом этим я мог ознакомиться лишь самым беглым образом, но он, конечно, будет в свое время сообщен нашему министерству иностранных дел. Комментируя его содержание, князь Ливен высказал мне, что, по его убеждению, состоявшийся обмен мыслей привел к весьма для нас выгодным результатам; а именно, начальник французского морского штаба вполне уразумел необходимость, в интересах обоих союзников, облегчить нам задачу господства над Черным морем путем соответственного давления на флоты возможных наших противников, т. е. главным образом Австрии и, может быть, Германии и Италии. С этою целью Франция изъявляет готовность, еще в мирное время, перенести сосредоточение своих морских сил в Средиземном море ближе к востоку, т. е. к Бизерте. Это решение, вполне ясно выраженное в протоколе, князь Ливен считает тем бо́льшим для нас успехом, что оно не обусловлено никаким обязательством с нашей стороны. Вообще князь Ливен с большой похвалой отзывается о предупредительности, прямоте и откровенности, которые он встретил со стороны своего французского товарища.

Обо всем вышеизложенном я считаю долгом сообщить вам исключительно в порядке осведомления, ибо, повторяю еще раз, я не принимал никакого участия, ни прямого, ни косвенного, в совещаниях между начальниками генеральных морских штабов. Позволяю себе, однако, высказать личное мнение, что выработанная князем Ливеном и вице-адмиралом Обером морская конвенция действительно представляется мне как неизбежное и вполне логическое последствие и дополнение существующей с 1892 г. русско-французской военной конвенции. Если дополнение это состоялось так поздно, то это, мне кажется, зависит исключительно от того, что прежде у нас не существовало морского генерального штаба, т. е. того именно органа, на коем лежит обязанность заранее обеспечить, на случай войны, нашим морским силам наилучшие стратегические условия. Дай бог, чтобы столь удачно начатый князем Ливеном обмен мыслей с Францией послужил на благо и во славу нашего возрождающегося флота, грядущая боевая сила коего явится новым залогом выполнения предстоящих России политических задач.

Примите и пр. Извольский.

P. S. Ввиду особенно секретного характера препровождаемого при настоящем письме документа, я прилагаю его в том виде, как я собственноручно и наскоро списал его с оригинала, сообщенного мне князем Ливеном.

Ut in litteris

Извольский.

№ 326. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Письмо [3]. 18/5 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

По ходу моего разговора с г. Палеологом, я не преминул спросить его, имеет ли какое-либо фактическое основание пущенный в обращение одной

[1] См. № 299.
[2] См. № 301.
[3] Опубл. Stieve, II, S. 190, N 372, где это письмо ошибочно адресовано Сазонову.

английской газетой слух о переговорах между Францией, Англией и Италией о заключении между ними тройственного соглашения касательно Средиземного моря. Г. Палеолог самым положительным образом заявил мне, что слух этот абсолютно не верен. Поводом к нему могло, по его предположению, послужить неправильно понятое и истолкованное сведение о совершенно частном и случайном разговоре, происшедшем несколько времени тому назад между г. Камбоном и сэром Эдуардом Греем. На вопрос г. Камбона, что думает великобританское правительство о новом положении, которое может создаться в бассейне Средиземного моря в результате итальянско-турецкой войны, сэр Э. Грей ответил, что до сих пор этот вопрос им подробно не рассматривался, но что он действительно может приобрести весьма серьезное значение и что им придется, вероятно, заняться по окончании настоящей войны и когда окончательно выяснятся ее последствия. Донесение г. Камбона об этом разговоре было, в обычном порядке, сообщено другим французским послам, и по этому поводу возник обмен академических взглядов между гг. Камбоном, Баррером и Бомпаром. Со своей стороны, французское министерство иностранных дел разделяет мнение сэра Э. Грея, что в настоящее время было бы преждевременно поставить на очередь сказанный вопрос, который, однако, необходимо будет серьезно рассмотреть по окончании войны. В частности, что касается до Италии, то г. Палеолог еще раз подтвердил мне то, что я уже слышал от г. Пуанкаре, а именно, что франко-итальянское соглашение имеет бессрочный характер и что нет никакого повода к переговорам о его возобновлении или изменении[1]. Соглашение это, сказал мне г.Палеолог, весьма кратко и просто: оно заключается во взаимном заявлении о том, что «l'Italie se désintéresse de l'action française au Maroc et la France se désintéresse également de l'action italienne dans la Tripolitaine et la Cyrénaïque» [2]. Никаких других постановлений существенного свойства это соглашение не содержит; оно не оговаривает даже, что Франция и Италия должны оказывать друг другу дипломатическую поддержку для достижения обоюдных своих целей. Возбужденная сообщением английской газеты полемика французскому правительству может быть лишь неприятна, так как она вызывает раздражение в державах Тройственного союза и может послужить поводом и орудием давления с их стороны на Италию.

Примите и пр.

Извольский.

№ 327. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Письмо [3]. 18/5 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

По поводу известия, сообщенного мне в телеграммах С. Д. Сазонова от [8 июля] 25 июня за №№ 1265 и 1266 [4], я спросил у г. Палеолога, имеются ли у французского правительства какие-либо сведения о замечаемом в некоторых болгарских кругах воинственном настроении. Г. Палеолог ответил мне, что французский посланник в Софии, весьма внимательно следящий за настроением болгарских политических кругов, не отмечал в своих донесениях ничего тревожного; что сведения, сообщенные в Петербург нашим посланником и переданные сюда Жоржем Луи, настолько встревожили

[1] См. № 143.

[2] «Италия признает свою незаинтересованность во французских действиях в Марокко так же, как и Франция — в итальянских действиях в Триполитании и Киренаике».

[3] Опубл. Stieve, II, S. 193, N 374.

[4] См. № 278 и стр. 271, прим. 4.

г. Пуанкаре, что он тотчас же запросил об их основательности г. де Панафье, но получил от последнего самый успокоительный ответ. Наконец, по полученным здесь из Софии известиям, г. Неклюдов, будто бы, сам признал в разговоре со своим французским товарищем неосновательность своих опасений, весьма удививших как г. Гешова, так и самого короля Фердинанда.

Примите и пр.

Извольский.

№ 328. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 85. 18/5 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Из сегодняшней телеграммы Петербургского агентства вашему превосходительству известно о происшедшем вчера столкновении вооруженных черногорских поселян с турецким кордоном на границе в окрестностях Подгорицы. Перестрелка длилась 6 часов, с обеих сторон есть убитые и раненые. Здешний турецкий посланник предложил назначить смешанную комиссию для расследования и обещал строгое наказание виновных, если окажется, что столкновение вызвано турками. Имея основание думать, что столкновение произошло благодаря негласному попустительству черногорских властей, обусловленному нетерпеливым желанием Черногории побудить Порту к скорейшему утверждению протокола разграничительной комиссии [1], я обратил внимание черногорского министра-президента на крайнюю рискованность для Черногории всяких активных мер на границе и советовал терпеливо ждать решения Порты, которое во всяком случае не может последовать в течение ближайших дней ввиду затяжного министерского кризиса [2].

Обнорский.

№ 329. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 33 [3]. 18/5 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Донося министру иностранных дел [12 февраля] 30 января сего года о намерении персидского правительства назначить генерал-губернатором Азербайджана Сепехдара и о невозможности, по моему убеждению, добиться от тегеранского кабинета путем переговоров и без сильного давления признания Шоджа-эд-Доуле, фактически правившего в то время северо-западной Персией, я позволил себе высказаться в пользу предположенного персидским правительством назначения Сепехдара, но под условием благоприятного ответа на совместную с великобританским посланником ноту по поводу аванса и образования в Тавризе отделения казачьей бригады, численностью от 600 до 700 человек [4].

Гофмейстеру Сазонову тогда же было угодно одобрить предложенную мной комбинацию, переговоры же по поводу совместной ноты нашей

[1] См. № 272.

[2] Тел. от 19/6 июля за № 87 Обнорский передавал о своей беседе с Рустем-беем, из которой он вынес впечатление, что «турки колеблются, впредь до некоторого успокоения в Албании, утверждать протокол, уступающий Черногории турецкую область Аржаницу, которая вдается клином в черногорскую территорию на юго-восток, дабы не вызвать брожения в верном до сего времени соседнем арнаутском племени», присоединение которого к уже восставшим албанцам «может серьезно осложнить задачу успокоения».

[3] На полях публикуемого документа рукой Клемма помета: «Спешно. Копия военному министру и наместнику на Кавказе».

[4] См. т. XIX, ч. II, стр. 132, прим. 1.

несколько затянулись, и лишь по получении ответа на таковую [20] 7 марта [1], я заявил министру иностранных дел о согласии нашем на назначение Сепехдара в Азербайджан, под условием как образования означенной выше части бригады, так и дарования всеобщей амнистии всем сторонникам Шоджа-эд-Доуле. Попутно я указал министру на желательность и необходимость увеличения вдвое тегеранской казачьей бригады, не имеющей при настоящем составе возможности исполнять предъявляемые ей правительством требования о командировании казаков в разные места Северной Персии, о чем постоянно ходатайствуют почти все губернаторы. Восуг-эд-Доуле поспешил сообщить мне о согласии своего правительства на поставленные нами условия, и о дарованной шахом амнистии Шоджа-эд-Доуле был тогда же уведомлен по телеграфу самим Сепехдаром.

Тем временем несколько пошатнулось положение тогдашнего кабинета, и регент, собиравшийся уже тогда покинуть Персию, боясь кризиса, решил задержать Сепехдара в столице до своего отъезда отсюда и даже говорил мне однажды о возможности назначения в Азербайджан кого-либо другого или возвращения к старому традиционному обычаю посылки в Тавриз валиагда, о чем я своевременно имел честь донести министру иностранных дел [2].

Шоджа-эд-Доуле продолжал править Азербайджаном, Сепехдар числился генерал-губернатором этой провинции, вопрос же об отъезде последнего из Тегерана и выполнении персидским правительством принятого на себя в связи с таковым обязательства временно не возбуждался.

Когда регент покинул пределы Персии и нынешний кабинет окончательно сформировался [3], когда последний стал энергично настаивать на безотлагательном выезде из столицы Сепехдара [4], которого начали подозревать чуть ли не в организации заговора против правительства и бахтиар, я счел своевременным препроводить шахскому министру иностранных дел составленную по моему поручению генерал-майором князем Вадбольским смету расходов на содержание увеличенной до четырех с половиной тысяч офицеров и казаков персидской казачьей бригады, прося Ала-эс-Солтане приказать немедленно открыть кредит на содержание предусмотренного означенной сметой особого отдела бригады в Тавризе. Копии с нот моих от [27] 14 [июня] и [1 июля] 18 июня за №№ 26 и 28 при сем прилагаются на благоусмотрение вашего превосходительства [5].

Из представляемой при сем в переводе ответной ноты шахского министра иностранных дел от [11 июля] 28 июня за № 5906 [6] ваше превосходительство изволите усмотреть, что персидское правительство на этот раз приняло окончательное решение, без обычных в таких случаях проволочек и не обставляя свое согласие с нашим предложением какими-либо неприемлемыми условиями. Составленная князем Вадбольским для Тавриза смета принята без возражений и каких-либо сокращений. Тавризский отдел бригады, подобно самой бригаде, будет находиться в ведении военного министерства Персии и будет служить для тех же целей, для каких ныне пользуются тегеранскими казаками. Новым является лишь пожелание иметь право командировать русских офицеров и урядников с частями тавризского отдела бригады и просьба о представлении отчета о расходах означенного отдела главному казначею.

Приведенное пожелание указывает на то, что доверие персидского правительства к русским инструкторам значительно возросло за последнее время и что правительство это поняло наконец, что лишь под непосредствен-

[1] См. т. XIX, № 665.
[2] См. т. XIX, № 619.
[3] См. стр. 90, прим. 4.
[4] См. № 251.
[5] Содержание упомянутых нот в основном изложено в публикуемом документе.
[6] Содержание ноты перс. прав-ва в основном изложено в публикуемом документе.

ным руководством русских инструкторов персидские казаки и их офицеры могут вполне хорошо исполнять даваемые им поручения.

Просьба о представлении отчетности главному казначею кажется мне, равным образом, вполне приемлемой. Штаты тегеранской казачьей бригады настолько устарели и не соответствуют действительным потребностям, что на практике они совершенно не применяются; отчетность же запуталась так, что подвести ее под какие-либо принятые формы почти невозможно. При этих условиях невозможно представление этой отчетности персидскому правительству, хотя нынешнее ее положение и может вызвать совершенно недопустимые нарекания на наших офицеров.

Оклады же чинов и другие расходы тавризского отдела бригады исчислены ныне в размере действительной стоимости и сообразно со штатами, выработанными недавно шведскими офицерами для правительственной жандармерии; и расходы по содержанию вновь формируемого отдела отнесены на счет государственных доходов Азербайджана, находящихся в заведывании главного казначейства.

Мне кажется, что установление строгой отчетности в расходовании сумм на содержание пока тавризского отдела бригады, а впоследствии, по реформировании таковой, и самой тегеранской бригады, крайне желательно как с точки зрения наших инструкторов, которые должны быть вне всяких подозрений, так и для правильного функционирования организуемого в Персии с нашего одобрения и избранным нами же лицом управления главного казначейства. Шведские офицеры представляют уже г. Морнару все свои денежные отчеты, и нам остается последовать лишь их примеру, тем более что доброжелательное отношение главного казначея к казачьей бригаде можно считать обеспеченным ввиду выговоренного нами права предварительного одобрения предполагаемых к назначению на эту должность лиц.

Наконец, что касается увеличения тегеранской казачьей бригады, то я могу лишь подтвердить отсутствие у персидского правительства необходимых для этого средств, и, мне кажется, осуществление такой меры придется отложить до заключения Персией ближайшего крупного займа [1].

Об изложенном имею честь донести вашему превосходительству в дополнение к секретной телеграмме моей от [14] 1 сего июля за № 560 [2].

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 330. Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

19/6 июля 1912 г.
Urgent.

Le Ministre d'Angleterre à Téhéran a été informé avant-hier par le Ministre des Finances du grand besoin d'argent qu'a le Gouvernement persan actuellement [3]. Son Excellence pria Sir Walter Townley de porter d'urgence à la

[1] В ноте от 11 июля/28 июня за № 5906 (см. стр. 336, прим. 6) перс. прав-во не возражало против увеличения бригады в Тегеране, но ввиду финансовых затруднений предлагало отложить переговоры по этому поводу.

[2] В тел. за № 560, датированной в лит. копии 15/2 июля, Поклевский извещал о получении им ноты перс. прав-ва, о согласии его на сформирование в Тавризе отдела казачьей бригады (см. стр. 336, прим. 6).

[3] В тел. от 17/4 июля за № 564 Поклевский также сообщил, что перс. м-р финансов и Морнар указали ему «на крайне критическое положение, в котором оказалось шахское правительство, вследствие обращения нами остатков от таможенных поступлений на 1 июля — на погашение аванса». Они просили Поклевского ходатайствовать перед росс. прав-вом «либо об освобождении таможенных остатков, либо о выдаче шахскому правительству нового аванса по 25 000 ф. ст. от каждого из двух правительств на одинаковых с первым авансом условиях».

connaissance de Sir Edward Grey la question d'une avance par les Gouvernements anglais et russe. Des fonds étaient surtout nécessaires pour les troupes de Kermanshah, qui demandent à cor et à cris de rentrer à Téhéran, et pour une expédition à Luristan où il existe un tel état de désordre que les Lurs rebelles menacent de devenir une grave source de danger pour le Gouvernement persan. Salar-ed-Dowleh est d'ailleurs dans le voisinage de Kermanshah et procéderait certainement à la réoccupation de cette ville si elle était évacuée par les troupes gouvernementales [1].

Sir Edward Grey est d'avis qu'en vue de la situation actuelle en Perse le besoin d'une certaine somme d'argent est pressant. Or, le Gouvernement de Sa Majesté britannique, lors de la demande adressée par le Trésorier général intérimaire en avril dernier aux deux légations [2], prit des mesures pour tenir prête une certaine somme, et il peut dès à présent avancer £ 50 000 au Gouvernement persan.

L'Ambassadeur d'Angleterre a l'honneur, par ordre de Sir Edward Grey, de s'enquérir auprès de M. Nératow dans le but de savoir si le Gouvernement russe pourra tenir de suite une somme identique à la disposition du Ministre de Russie à Téhéran en vue d'une avance combinée et immédiate de £ 50 000 au Gouvernement persan, une somme identique devant être tenue en réserve, ainsi que l'a proposé M. Poklewski en avril dernier.

Sir Edward Grey se demande finalement, dans le cas où tout autre moyen de procéder serait impossible, si l'on pourrait accorder au Gouvernement persan un crédit de £ 25 000 à la Banque Russe à la seule condition que le taux d'intérêt fût celui de l'avance précédente.

L'Ambassadeur d'Angleterre prie Son Excellence de bien vouloir lui rendre réponse à ce sujet aussitôt que faire se pourra [3].

Перевод.

Срочно.

Английский посланник в Тегеране был осведомлен позавчера министром финансов о настоятельной нужде в деньгах, испытываемой в настоящее время персидским правительством. Его превосходительство просил сэра Вальтера Тоунлея срочно довести до сведения сэра Эдуарда Грея вопрос о предоставлении аванса английским и российским правительствами. Средства особенно необходимы для войск в Керманшахе, которые неистово требуют возвращения их в Тегеран, и для экспедиции в Луристан, где происходят такие беспорядки, что восставшие луры грозят превратиться в серьезный источник опасности для персидского правительства. К тому же Салар-эд-Доуле находится вблизи Керманшаха и наверное снова займет этот город, если оттуда будут уведены правительственные войска.

Сэр Эдуард Грей держится того мнения, что ввиду создавшегося в Персии положения срочно необходима некоторая сумма денег. Правительство его британского величества, в связи с просьбой, адресованной временно исполняющим обязанности главного казначея обеим миссиям в апреле нынешнего года, приняло меры, чтобы иметь наготове известную сумму, и может немедленно авансировать персидскому правительству 50 тыс. ф. ст.

Английский посол имеет честь, по распоряжению сэра Э. Грея, осведомиться у г. Нератова, может ли российское правительство теперь же предоставить аналогичную

[1] В «обзоре событий» в Персии с 27/14 по 3 июля/20 июня, препровожденном Поклевским в министерство при деп. от 4 июля/21 июня за № 30, сообщалось, что «Салар-эд-Доуле, по слухам, находится в Луристане, где ему удалось собрать вокруг себя какие-то силы».

[2] См. т. XIX, № 805.

[3] Письмом от 25/12 июля за № 882 Нератов сообщил Бьюкенену, что в настоящее время он ведет переписку с Коковцовым и Поклевским по вопросу о перс. займе, и до получения некоторых дополнительных сведений не может дать никакого ответа.

В пам. записке от 29/16 июля Бьюкенен, по поручению Грея, настаивал на выдаче перс. прав-ву аванса в 25 000 ф. ст. Далее он сообщал, что если росс. прав-во не может принять по этому поводу быстрого решения, то Грей готов обсудить с соответствующими английскими учреждениями вопрос, не может ли англ. прав-во внести полностью этот аванс, с тем чтобы русская часть была выплачена позднее.

Письмом от 3 авг./21 июля Бьюкенен просил Нератова осведомить его немедленно об окончательном решении Коковцова по вопросу об авансе перс. прав-ву.

сумму в распоряжение российского посланника в Тегеране с тем, чтобы совместно и немедленно выдать персидскому правительству аванс в размере 50 000 ф. ст., оставляя в резерве такую же сумму, как то предложил г. Поклевский в апреле текущего года.

Сэр Э. Грей, наконец, спрашивает себя, нельзя ли, в случае если невозможно будет прибегнуть к каким-либо другим способам, открыть персидскому правительству кредит в русском банке на сумму в 25 тысяч ф. ст. на единственном условии, что проценты по нему будут выплачиваться по той же ставке, как и при предыдущем авансе.

Английский посол просит его превосходительство соблаговолить дать ему по этому поводу ответ в возможно короткий срок.

№ 331. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

/. Телеграмма № 1347. 19/6 июля 1912 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на письмо министра иностранных дел гофмейстеру Извольскому от [26] 13 июня 1912 г., № 590 [1].

Парижский и лондонский кабинеты присоединились к нашей мысли о желательности предварительного обсуждения правительствами держав Тройственного соглашения вопросов, связанных с реорганизационным займом.

Благоволите поддерживать с вашими французским и английским коллегами постоянный обмен мнений в целях установления по возможности общей точки зрения по отдельным возникающим вопросам [2].

[Н е р а т о в.]

№ 332. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

/. Телеграмма № 1349. 19/6 июля 1912 г.

Турецко-персидское разграничение.

Сообщается в Лондон и Тегеран.

Великобританское правительство изъявило готовность по соглашению с нами посоветовать персам принять объяснительную ноту, хотя и выражает опасение, что Гаагский трибунал мог бы признать этот документ изменяющим Эрзерумский трактат во вред Персии, в особенности около Мохаммеры [3]. Грей полагает, что следовало бы убедить персов обусловить принятие ими ноты признанием Турцией границы, которая ныне на месте соблюдается в районе Мохаммеры и Хавизе. Он придает огромное значение сохранению этой границы, которая более выгодна для Персии, чем предложенная комиссарами в 1850 г. Английское сообщение на этот счет будет передано Порте на этой неделе [4].

---

[1] См. № 231.

[2] Далее зачеркнуто: «в согласии с известным вам направлением русской политики в деле финансирования Китая и принимая во внимание законные интересы двух дружественных нам держав».

Тел. от 20/7 июля за № 128 Извольский, ссылаясь на публикуемую тел., сообщал Нератову: «Передал содержание ее Палеологу, который сказал, что французский поверенный в делах в Пекине уже снабжен аналогичными инструкциями».

[3] Об этом Нератов был извещен пам. запиской англ. пос-ва в Петербурге от 18/5 июля.

[4] Тел. от 27/14 июля за № 514 (№ 1) М. Гирс сообщал: «Английским посольством мне передана копия записки, врученной в Лондоне 5 нашего июля турецкому послу, касательно status quo у Хавизе и Мохаммеры, о важности соблюдения которого Англия уже сообщала Турции. За признание его Англия обещает повлиять на Персию, чтобы последняя согласилась на предоставление Турции всей водной полосы Шат-эль-Араба вместо естественного деления вод по тальвегу. Нота отстаивает права Персии, основанные на столетнем фактическом владении, признававшемся, будто бы, местными турецкими властями».

*

Грей желает далее, чтобы выработанный вами и Марлингом, по соглашению с персидскими делегатами, проект персидской ноты о принятии Персией объяснительной ноты был предварительно сообщен русскому и великобританскому правительствам.

Отвечаю на это следующее [1]: Мы не можем отказаться от мнения, что быстрое принятие персами объяснительной ноты чрезвычайно важно и что признание турками настоящего status quo у Мохаммеры должно быть достигнуто непосредственным давлением на Турцию со стороны великобританского правительства. Весьма сомнительно, чтобы турки согласились на условие, которое англичане хотят предложить им через персов. Если же последние примут ноту без этой оговорки, то могут настоять на том, чтобы турки, в свою очередь, признали другие указания держав-посредниц, в особенности идентичную карту. Если персы примут ноту лишь после того, как Турция уступит давлению Англии в вопросе о Мохаммере, то согласие их утратит в глазах Порты всякую цену и вопрос о каких-либо уступках в пользу Персии отпадет. Независимо от сего, отказ Персии в принятии документа, подписанного представителями держав-посредниц, подрывает значение всех советов вообще, преподанных в свое время спорящим сторонам сказанными державами. Мы полагаем поэтому, что желательно не откладывать принятие Персией упомянутой ноты, но готовы поручить вам совместно с Марлингом внимательно изучить вопрос, дабы найти выход из положения, который по возможности соответствовал бы обоюдным интересам.

Благоволите в этом смысле переговорить с вашим британским коллегой и о последующем телеграфировать.

Нератов.

№ 333. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 19/6 июля 1912 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Мне удалось увидеться с Пуанкаре лишь после отъезда курьера. Он, впрочем, ничего существенного не прибавил к тому, что мне сказал Палеолог [2]. О значении и возможных последствиях министерского кризиса в Константинополе он еще не мог составить никакого определенного мнения. В разговоре с ним я затронул вопрос о малоазиатских железных дорогах. Ему известно от Бомпара о сущности переговоров Гирса с Портой по этому вопросу.

По его словам, находящийся здесь в отпуску Ревуаль убежден, что турки никогда не согласятся на наши требования, а это, в свою очередь, внушает ему серьезные опасения относительно судьбы французских концессий. И Ревуаль и Бомпар уверяют его, что американцы настойчиво предлагают Турции свои услуги для постройки всей сети и что, если переговоры с французским синдикатом будут прерваны, все дело неминуемо перейдет в американские руки. При таком настроении вряд ли можно ожидать со стороны Бомпара активной поддержки наших настояний. По поводу настоящего дела мне приходится выслушивать все ту же песню: если Россия слишком натянет струну, все дело ускользнет от французов, и это будет повторением истории с Багдадской дорогой. Франция в угоду нам отказалась от преобладающего участия в этом деле, а вслед за сим Россия сговорилась с Турцией [3] по этому вопросу, и в конце концов жертвой оказались французские капи-

[1] 19/6 июля Нератов передал англ. пос-ву в Петербурге пам. записку, содержание которой изложено в публикуемом документе.

[2] См. № 323.

[3] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «Германией».

талисты. Если принять во внимание, до какой степени здесь сильно влияние деловых сфер на правительство, то будет ясно, каких трудов мне стоит внушить французскому правительству более сочувственное отношение к нашим требованиям. По моей просьбе генерал Жилинский самым серьезным образом обратил внимание французского генерального штаба на стратегическую сторону настоящего вопроса. Не знаю, произвели ли его слова достаточное действие.

В заключение усерднейше прошу вас ускорить официальное назначение Севастопуло [1]. Дней через десять я должен уже выехать в Петербург, и мне необходимо иметь возможность аккредитовать его в качестве поверенного в делах.

Завтра еду опять на неделю в Контрексевиль, чтобы окончить курс лечения.

Настоящее письмо будет доставлено вам великим князем Николаем Михайловичем.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 334. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 80. 19/6 июля 1912 г.

Здесь получено пока неподтвержденное известие, что Турция вновь закроет Дарданеллы вследствие действий итальянских миноносцев, о которых здешнему правительству ничего не известно [2]. В Консульте мне сказали, что даже если бы, паче чаяния, итальянские миноноски и были принуждены встретить турецкие суда, которые, как распространился слух, вышли из Проливов для атаки, то смешно было бы предполагать, что несколько итальянских миноносок намеревались форсировать Проливы, закрытие которых ничем не может быть оправдано, разве желанием Турции вызвать инцидент и неудовольствие держав.

Крупенский.

№ 335. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 35. 19/6 июля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Свидание государя императора с императором Вильгельмом в Балтийском Порте вызвало, как и следовало ожидать, живейший интерес общественного мнения и комментировалось германской прессой как новое доказательство традиционной дружбы, связывающей обоих монархов.

Не останавливаясь на официозном сообщении, появившемся в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и хорошо известном вашему высокопревосходительству, я в кратких чертах коснусь отзывов главнейших здешних органов о днях [4 июля] 21 и [5 июля] 22 минувшего июня.

Все газеты правого и умеренного оттенка усматривают в свидании обоих императоров новый залог мира и доказательство того, что между обеими державами не существует противоположных интересов и что поэтому укрепление взаимного доверия должно быть приветствуемо одинаково как с русской, так и с германской точки зрения.

При этом в многочисленных статьях повременная печать с сожалением

---

[1] Ср. № 265.

[2] В ночь с 18/5 на 19/6 июля флотилия итал. миноносцев прорвалась в Дарданелльский пролив.

указывает на сильную антигерманскую агитацию, которая ведется в России некоторыми органами печати с «Новым временем» во главе, и говорит, что постоянное влияние в этом смысле на русское общественное мнение не может не затруднять сближение двух соседей. Некоторые левые органы, подчеркивая желательность и необходимость для Германии поддерживать искренние и добрососедские отношения с Россией, с некоторой тревогой указывают на строящийся в близком будущем русский боевой флот в Балтийском море и что тогда, еще более чем теперь, важно будет для Германии иметь с Россией соглашение для обеспечения тыла в случае возможных осложнений на Западе.

Не лишены интереса и те статьи, которые приветствуют свидание императоров не только с точки зрения политического, но главным образом в предвидении возможного экономического сближения между Россией и Германией. К числу газет, которые особенно сильно настаивают на возможности экономической близости обоих государств, принадлежат и «Hamburger Nachrichten». Они приводят в доказательство выдержки из письма прусского депутата, д-ра Шифферера, объехавшего в минувшем мае в составе многочисленной комиссии, командированной германским правительством в Россию, главнейшие наши крупные центры, и на которого особенно сильное впечатление произвели результаты проведенной у нас громадной реформы перехода от общинного хозяйства к хуторскому. Указывая на небывалый подъем экономических сил России, на рост благосостояния и предприимчивости населения, Шифферер настоятельно советует более интенсивно развивать интерес широких сфер Германии к нашему отечеству и сознание значения этого последнего для Германии.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 336. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 486. 19/6 июля 1912 г.

Получил телеграмму № 1315 [1].

Ассим-бей доверительно сообщил мне вчера подробности своего разговора с французским послом по вопросу о заключении мира и перечислил пункты, выставленные им: 1) Тождественный с указанным в вашей телеграмме. 2) Уступка Италии двух гаваней по ее выбору, но не прилегающих к населенным пунктам. Он говорит, что обладание такими гаванями было бы достаточно, дабы оградить Италию от посягательства какой-либо другой державы на Триполитанию и Киренаику, и с ним могло бы примириться самолюбие турок. 3) Обещание предоставления Италии в обеих провинциях исключительной монополии на производство, по мере умиротворения края, всех экономических предприятий, постройку железных дорог, шоссе, гаваней и т. д. На мой вопрос, что станется с войсками обеих воюющих сторон, Ассим уклончиво ответил, что турецких офицеров находится там мало и что они могут пригодиться будущему князю в качестве инструкторов жандармерии, которую придется ввести. Полюбопытствовав о судьбе миссии Вольпи [2], я услышал от Ассима, что итальянцы продолжают «разговаривать» с принцем Саид-Халимом, который лечится ныне в Эвиане. На мой же вопрос, снабжен ли принц соответственными полномочиями, Ассим ответил уклончиво.

Гирс.

[1] См. № 295.
[2] См. № 226.

№ 337. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 488. 19/6 июля 1912 г.

Я посетил вчера Ассим-бея, продолжающего временно управлять министерством [1]. Он сообщил мне, что кабинет надеялся, пожертвовав Махмуд-Шевкетом, удержаться у власти [2]. Но непонимание Саид-пашой положения, «бестактная» выходка против Чарыкова в речи Саида [3] убедили Ассима, что итти так далее было невозможно и он повлиял на Хуршид-пашу, чтобы последний своей отставкой привел к падению кабинета. Тевфику была послана телеграмма, взывающая к его патриотизму и составленная в таких выражениях, что Ассим не допускает возможности отказа Тевфика. К тому же ему обеспечена полная поддержка палаты депутатов и комитета «Единение и Прогресс».

Из секретных источников узнаю, что комитет счел неприемлемым лишь одно из выставленных Назим-пашой условий, а именно: предоставить ему вместе со званием военного министра [4] права главнокомандующего армией. Офицеры, добившись отставки Махмуд-Шевкета, а затем и падения кабинета, хлопочут о лишении комитета «Единение и Прогресс» правительственной власти. Назим-паша, будто бы, действует на офицеров в смысле подачи ими через Хуршид-пашу соответственного прошения султану. Одно достоверно, что к Назиму, живущему в Буюкдере, постоянно приезжают эти дни офицеры.

Гирс.

№ 338. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 64. 19/6 июля 1912 г.

Продолжение телеграммы № 62 [5].

Английский протест основан на 1-м параграфе 3-й статьи трактата, согласно которой «канал должен быть свободен и открыт для торговых и военных судов всех наций, соблюдающих правила, на условиях полной равности, чтобы не было бы делано различия в ущерб одной или другой из таковых наций, или из ее граждан или подданных по вопросам, касающимся условий повинностей торговли или вообще. Таковые условия и повинности торговли должны быть правильны и справедливы», и английское правительство считает, что освобождение американских судов от сборов нанесло бы ущерб судам других наций, а в частности английским. Мнения в сенате разделены: большинство не хочет признать за Англией права вмешиваться в «домашние» дела Северо-Американских Соединенных Штатов, истолковывая сказанную статью тем, что в ней подразумевалось равенство только между судами всех «других» наций, кроме американской, которая находится в исключительном положении собственницы канала, но более осведомленные сенаторы советуют действовать с большой осмотрительностью, так как, по их мнению, если бы дело дошло до Гаагского суда, то решение его было бы, несомненно, неблагоприятно Северо-Американским Соединенным Штатам. Повидимому, есть желание уладить дело посредством обоюдных уступок, но это будет весьма затруднительно ввиду европейского характера вышеупомянутой статьи и вырабатываемых правил навигации чрез канал. Желтая

[1] Тел. от 17/4 июля за № 480 М. Гирс сообщил Сазонову об отставке морск. м-ра Хуршид-паши, вызвавшей министерский кризис. Тел. от 17/4 июля, без номера, М. Гирс извещал, что кабинет Саид-паши вышел в отставку.

[2] См. № 279 и стр. 273, прим. 1.

[3] См. № 311.

[4] См. стр. 273, прим. 1.

[5] См. № 293.

печать усердно старается возбудить общественное мнение против Англии, призывая к аброгации трактата [1].

Бахметев.

№ 339. Посланник в Гааге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 2. 20/7 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В самый день закрытия сессии генеральных штатов на летние вакации, правительство представило в палату представителей новый законопроект, касающийся укрепления Флиссингена.

Из прилагаемого при сем печатного его анализа [2], в сопоставлении со взятым обратно первоначальным проектом [3], вызвавшим в свое время напряженное внимание и обсуждение в политических кругах и печати не только самой Голландии, но еще того более соседних стран, вы изволите усмотреть, что испрашиваемые ныне специальные кредиты простираются всего на двенадцать приблизительно миллионов флоринов, вместо прежних сорока. Действительная разница в расходе на предположенные сооружения, однако, далеко не столь значительна, так как немаловажная доля общей издержки по усилению военно-морской обороны устьев Шельды, включенной в первоначальный законопроект, будет теперь отнесена на обыкновенные бюджеты военного и морского ведомств.

Законодательное обсуждение этих вопросов предстоит в будущую осеннюю сессию генеральных штатов.

Предоставляя себе своевременно представить императорскому министерству более обстоятельную оценку означенного нового законопроекта, с точки зрения международного его значения, отмечу пока только, что из первых моих бесед с немногими из парламентских деятелей, находящимися в настоящее время года в Гааге, я вынес впечатление, что они, независимо от партийного своего отношения к проекту по соображениям внутренней политики, горячо отстаивают, в связи с имевшей место вокруг этого вопроса интернациональной полемикой, неограниченную в их мнении по трактатам 1831 года свободу Нидерландии укреплять устье Шельды [4], наравне со всеми остальными пунктами своего побережья; но вместе с тем стараются уверить, что укрепление Флиссингена имеет исключительно целью помешать той или иной иностранной державе завладеть этим важным и удобным пунктом как операционной базой в Северном море, вопреки нейтралитету Голландии, а вовсе не преследует закрытие Шельды иностранному флоту, который желал бы притти в Антверпен на защиту нарушенного кем-либо со стороны сухопутной границы нейтралитета Бельгии. Сей последний вопрос остается, по их словам, открытым и не зависит от предполагаемых флиссингенских укреплений как потому что они сами по себе не

[1] В тел. от 10 авг./28 июля за № 72 Бахметев сообщил: «Сенат вчера большинством 47 против 15 утвердил закон о правилах прохода чрез канал, освободив от сборов американские суда и оставив английский протест без всякого внимания, как будто он не существовал. Ответный шаг Англии ожидают с некоторым беспокойством».

[2] Приложение не воспроизводится.

[3] В деп. от 3 июля /20 июня за № 7 поверенный в делах в Гааге Ону писал о появившемся в «Gazette de Hollande» официозном сообщении относительно укрепления устьев Шельды. «В этом сообщении, — передавал Ону, — было сказано, что нидерландское правительство намерено взять обратно уже внесенный на обсуждение генеральных штатов законопроект об усилении обороны побережья и, в частности, об укреплении Флиссингена. При этом, однако, указывалось на то, что правительство имеет в виду вновь представить этот законопроект по внесении некоторых изменений».

[4] Имеется в виду лондонский трактат, заключенный между Россией, Англией, Австрией, Францией, Пруссией и Бельгией 15/3 ноября 1831 г. об учреждении бельгийского королевства, а также лондонский трактат от 14/2 дек. 1831 г. о срытии крепостей Бельгии.

обеспечивали бы такой цели, так и потому что, независимо от них, плавание вверх по Шельде могло бы быть скорее и легче прегражден минными заграждениями.

Не высказываясь пока по существу приведенных соображений, полагаю, однако, нелишним отметить мнение, по которому флиссингенская крепость может оказаться только первым звеном целой системы береговых укреплений Нижней Шельды.

Примите и пр.

А. Свечин.

№ 340. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 89. 20/7 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Посетивший меня черногорский министр иностранных дел передал мне просьбу короля довести до сведения императорского правительства, что, по мнению короля, для него при нынешней политической обстановке, быть может, окажется в ближайшем времени затруднительным сохранить мирный образ действий по отношению к Турции. Я ответил министру, что не премину донести о сем императорскому министерству, причем еще раз указал на крайнюю опасность для самого существования Черногории, вопреки ясно выраженным усилиям России и большинства прочих держав, направленным к поддержанию status quo на Балканах, выступать с какими-либо активными планами, могущими поставить небольшое и слабое королевство лицом к лицу со все еще сильной Турцией, которая, со своей стороны, будучи озабочена внутренними неурядицами и албанским брожением, вряд ли может подать Черногории действительно серьезный повод к вооруженному столкновению. По наведенным мной, во избежание недоразумений, под рукой справкам, вспыхнувший вновь воинственный пыл черногорского правительства обусловливается только что данным королю руководителями албанского мятежа обещанием не препятствовать присоединению к Черногории части Северной Албании, при условии активной поддержки их в борьбе с Турцией [1].

Обнорский.

№ 341. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 496. 20/7 июля 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 490 [2].

Я дал Ассим-бею лично от себя частного характера дружеский совет не играть в руку итальянцам, закрывая пролив вследствие их атаки перед Дарданеллами. Он ответил, что пролив открыт [3], но уклонился от обещания не закрывать его в случае новой столь же мало серьезной атаки [4].

Гирс.

[1] В ответной тел. от 22/9 июля за № 1370 Нератов предписывал Обнорскому: «Благоволите продолжать умеряющие представления правительству. Ваш французский коллега, вероятно, получит указания высказываться в одинаковом с вами смысле».

[2] Тел. от 19/6 июля за № 490 М. Гирс сообщал: «Совет министров обсуждает в настоящую минуту вопрос о закрытии Проливов. Большинство министров высказывается за таковое, но Саид-паша ему противится. Мой французский сотоварищ, только что говоривший с великим визирем, поддерживал его в этом направлении».

[3] Тел. от 20/7 июля за № 492 М. Гирс извещал, что «по недостаточно еще, однако, проверенным сведениям, минами не закрыт, а лишь сужен проход через пролив».

[4] Тел. от 21/8 июля за № 1358 Нератов поручил М. Гирсу «со своей стороны всячески предотвращать Порту от закрытия Проливов, так как итальянские миноноски явно не могли иметь намерения форсировать Дарданеллы».

№ 342. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

т. Депеша № 23. 20/7 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В телеграмме моей за № 488 [1] я имел честь сообщить императорскому министерству дошедшие до меня из секретного источника известия, что Назим-паша, будто бы, действует на офицеров в смысле убеждения их предъявить султану ряд требований в связи с нынешним положением в стране. По проникшим ныне в печать сведениям, султан действительно принял третьего дня вечером депутацию офицеров с Хуршид-пашой во главе. Но и тут вновь сказалось, повидимому, благотворное влияние итало-турецкой войны на внутренние события Турции. В минуту, когда обстоятельства угрожали принять опасный оборот, появление врага у Дарданелл [2] внесло в военную среду некоторое успокоение. Младшие офицеры гарнизона столицы подчинились, как мне сообщили из весьма доверительного источника, голосу долга и постановили силой воспротивиться всякому нарушению порядка в столице, а высшие отказались противодействовать последовавшему назначению Тевфик-паши великим визирем [3], хотя Киамиль-паша попрежнему продолжает быть тем государственным деятелем, которого они желали бы видеть во главе правительства.

Внешним проявлением итогов происходившего накануне между военной депутацией и кабинетом обсуждения явился обращенный к войскам манифест, прочитанный тем же Хуршид-пашой, который накануне передавал требования офицеров, вчера на селямлике присутствовавшим на церемонии войскам и разосланный вчера же всем корпусным командирам для прочтения во всех воинских частях.

Манифест этот, французский перевод с коего имею честь представить при сем в газетной вырезке [4], начинается с объявления его величеством о приглашении Тевфик-паши принять визират и о его желании, чтобы новый кабинет состоял из лиц, умудренных опытом в государственном управлении и независимых от внешних влияний. После чего манифест устанавливает факт предъявления накануне офицерами требований, противных конституции и верховным правам халифата и султаната. Выражая уверенность, что в армии не может существовать ни одного солдата, который мог бы нарушить долг присяги, султан надеется, что лица, от имени коих последовало к нему обращение, лишь временно забыли свой долг и что они являются ничтожным меньшинством, ибо действия, направленные против дисциплины, равносильны измене народу и родине, и ими только и объясняется решимость врага напасть на столицу.

Донося о вышеизложенном, я тем не менее не могу не подтвердить, что нынешнее положение дел в Турции весьма серьезное. Лишь по приезде нового великого визиря возможно будет судить, насколько Тевфик-паша

---

[1] См. № 337.

[2] См. стр. 341, прим. 2.

[3] В тел. от 20/7 июля за № 197 Бенкендорф передал Нератову, что в беседе с Греем турец. посол в Лондоне Тевфик-паша сообщил ему о подписании султаном ирадэ, назначающего его великим визирем. По словам Тевфик-паши, он обусловил свое согласие на это назначение следующими тремя пунктами: «1) роспуск палаты и новые выборы в более нормальных условиях, 2) роспуск комитета, 3) амнистия». В ответ на это Тевфик-паша получил из К-поля телеграмму, в которой содержалось приглашение приехать и обещание обсудить в К-поле поставленные им условия. По мнению Бенкендорфа, назначение Тевфик-паши, «очень популярного в Лондоне», было бы хорошо встречено англ. прав-вом.

[4] Содержание манифеста изложено в публикуемом документе.

сумеет сплотить вокруг себя лучших государственных людей, искренне готовых приложить старание к спасению своей родины[1].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 343. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 24. 20/7 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Депешей от 15/2 сего июля за № 22 [2] я имел честь довести до сведения вашего превосходительства о моей беседе с болгарским посланником по поводу смычки турецких и болгарских железных дорог на линии Куманово—Кюстендиль.

Третьего дня я воспользовался свиданием с Ассим-беем, чтобы постараться убедить его в необходимости пойти скорее навстречу требованиям болгар. Должен, однако, сознаться, что мне не пришлось уговаривать его, так как нашел его полным готовности покончить, наконец, с этим делом. Он мне сказал, что независимо от того, останется ли он министром иностранных дел или нет, но в ближайшем будущем соглашение будет подписано, что данный вопрос является для него вопросом личного самолюбия и что он связан данным болгарскому правительству словом. Как ваше превосходительство изволите помнить, Ассим-бей был ранее посланником в Софии [3]. Единственным тормозом в настоящую минуту является исключительно непомерное корыстолюбие Общества восточных железных дорог.

Болгарскому посланнику, бывшему у Ассима после меня, последний высказал еще более благожелательности. Он обещал ему, что кто бы ни стоял во главе ведомства внешних сношений, — желание болгарского правительства будет удовлетворено ранее [15] 2 августа, дня празднования восшествия короля Фердинанда на болгарский престол. По имеющимся у г. Сарафова сведениям, Общество восточных железных дорог, видя горячее желание Порты покончить с разрешением вопроса, возвысило первоначальную смету постройки указанной выше линии с 20 500 000 до 24 000 000 франков.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 344. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1359. 21/8 июля 1912 г.

По пекинским слухам китайцы намерены пригласить на службу нескольких иностранных советников, специалистов по финансовым и таможенным делам, с фиктивной властью, желая таким путем уклониться от назначения финансовых контролеров по соглашению с державами, представленными в Консорциуме [4]. Благоволите сообщить об этих слухах министру

[1] Тел. от 21/8 июля за № 502 М. Гирс сообщал: «Повидимому, Тевфик-паша отказывается от составления министерства, требуя роспуска парламента. Утверждают, что султан, будто бы, намерен назначить великим визирем председателя сената фельдмаршала Гази-Ахмед-Мухтара».

[2] См. № 298.

[3] Ассим-бей был турец. посланником в Софии в 1909—1911 гг.

[4] Тел. от 19/6 июля за № 631 В. Крупенский сообщал о том, что, по имеющимся сведениям, кит. прав-во намерено пригласить двух американцев и трех англичан в качестве иностранных советников и что задержка происходит лишь из-за неимения у китайцев необходимых денег. «Если эти назначения состоятся, — сообщал далее Крупенский, — то они несомненно будут иметь лишь показной характер, причем китайцы будут иметь в виду противопоставить их требованиям банкиров об иностранных советниках и контролерах в связи с займом».

иностранных дел, и, не выступая пока с определенными предложениями, укажите, что, по нашему мнению, не в интересах держав-участниц займа допускать со стороны китайского правительства принятие мер, направленных к ослаблению их контроля за финансами Китая [1].

Нератов.

№ 345. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 89 [2]. 21/8 июля 1912 г.

Сообщается в Софию и Гирсу.

Получил телеграмму Гирса № 494 [3].

Сербский представитель в Берлине очевидно высказывал свои собственные соображения, ибо, как видно из моих донесений, Сербия менее всего расположена к воинственным планам. Лучшим доказательством служит: король уехал в Козейлячу на лечение; Пашич, удержав переходный кабинет [4], уехал в провинцию, а затем отправляется в Мариенбад; председатель совета Трифкович в среду [5] уезжает в Германию лечиться. При всем этом должен признать, что общее беспокойство здесь не только не улеглось, но сильно возросло в соответствии с получаемыми отовсюду самыми тревожными сведениями. Из той же Англии сюда дошел слух, будто там считают революцию и резню в Турции неминуемыми. Болгарские и другие источники подкрепляют эти слухи. Австрия совсем открыто практикуется в наступательных маневрах со стороны острова против Моравы, со стороны Мачвы и Дрины. Несомненно сербы вынуждены принять некоторые меры предосторожности, чтобы не быть захваченными врасплох и хотя бы отчасти предотвратить крупные политические осложнения на Балканах [6].

Гартвиг.

№ 346. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1368. 22/9 июля 1912 г.

Телеграмма № 564 получена [7].

Министр финансов соглашается не настаивать на отчислении части доходов, гарантирующих текущий счет персидского правительства в банке, но требует согласия на таковое отчисление, если бы таможенные доходы

---

[1] В тел. от 24/11 июля за № 129 Извольский ответил, что он переговорил по содержанию публикуемой тел. с Палеологом, который также «считает приписываемый китайскому правительству план неприемлемым». Ответ Бенкендорфа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 422, N 657.

[3] Тел. от 20/7 июля за № 494 (опубл. Siebert, II, S. 422, N 656) М. Гирс известил Гартвига (копия Нератову) о сделанном ему англ. послом в К-поле Марлингом доверительном сообщении, что «Грей передает ему телеграмму из Берлина о воинственных заявлениях, сделанных сербским поверенным в делах помощнику статс-секретаря, преподавшему в ответ советы благоразумия».

[4] См. № 308.

[5] 24/11 июля.

[6] Тел. от 21/8 июля за № 1360 Нератов, ссылаясь на тел. М. Гирса за № 494 (см. прим. 3), предлагал Гартвигу выяснить, чем вызваны «воинственные заявления» серб. поверенного в делах в Берлине. «Подобное же сообщение, — отмечал Нератов, — было сделано нам здесь великобританским послом, указавшим, что его правительство озабочено выступлением Сербии». В ответной тел. от 23/10 июля за № 91 (опубл. Siebert, II, S. 423, N 658) Гартвиг сообщал, что серб. м-р ин. дел «крайне удивлен заявлениями Богичевича, решительно ничем не вызванными». Иованович подтвердил все сведения, сообщенные Гартвигом в публикуемой тел., добавив, что «и военный министр уехал за границу лечиться».

[7] См. стр. 337, прим. 3.

понизились и возникло опасение, что их нехватит на погашение авансов в трехлетний срок. От требования же концессии на укладку рельс на Тавризской дороге статс-секретарь Коковцов не считает возможным отказаться. Он готов заинтересовать в этом деле персидское правительство, обещав ему половину чистой прибыли с этой железной дороги, когда прибыль эта превысит примерно 12% на затраченный капитал [1].

Если неудобно связать это требование с мелким авансом в 25 000 ф. ст., — с чем согласен и министр финансов, — то не следует ли ныне же заявить персам, что если б явилась потребность в дальнейшей выдаче аванса, то они соответствующее ходатайство о том должны обусловить уже ныне обязательством выдать концессию на условиях, которые будут в подробностях выработаны. В таком случае выдача 25 000 ф. ст. будет произведена незамедлительно, и разработка условий концессии могла бы быть начата теперь же.

Прошу спешно вашего заключения.

Нератов.

№ 347. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1371. 22/9 июля 1912 г.

За № 2 вам передается телеграмма Обнорского № 89 [2].

Ссылаюсь на письмо ваше от [6 июня] 24 мая [3].

Полагаем, что нынешнее настроение Черногории требует совместного воздействия России и Франции вследствие соображений, изложенных в указанном письме. Со своей стороны, мы уже преподали советы умеренности и спокойствия [4]. Надеемся, что французское правительство не откажет, со своей стороны, высказаться в том же смысле в Цетинье. По имеющимся у нас сведениям, Австрия точно так же действует в Цетинье умеряюще [5].

Нератов.

№ 348. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Лондоне, Париже и Вене — Бенкендорфу, Извольскому и Н. Гирсу и поверенному в делах в Берлине Броневскому.

*/. Шифрованное письмо № 667—670 [6]. 22/9 июля 1912 г.
Секретно.

Австро-венгерский посол, по поручению своего правительства, сделал мне [20] 7 июля устное сообщение в следующем смысле.

Пожелание группы австрийских и венгерских банкирских домов принять участие в Консорциуме по выпуску китайского реорганизационного займа не получило осуществления [7].

Его правительство полагает, однако, что факт этот ни в чем не должен нарушить положения Австро-Венгрии в Китае и права ее как великой державы, обладающей там экономическими интересами, иметь голос в решении вопросов общего для всех держав значения, каковы, например, связанные с принципом «открытых дверей», возможного международного контроля над финансами Китая и т. п.

---

[1] См. № 296.
[2] См. № 340.
[3] См. № 142.
[4] См. стр. 345, прим. 1.
[5] В ответной тел. от 24/11 июля за № 130 Извольский сообщал Нератову, со слов Палеолога, что франц. представителю в Цетинье посланы аналогичные инструкции.
[6] Лит. копия. Опубл. М., стр. 570.
[7] См. № 60.

Заявление это, как носящее скорее теоретический и общий характер, не давало повода к каким-либо особым замечаниям с моей стороны.

Я счел лишь долгом в разговорной форме отметить, что если бы возник вопрос о финансовом контроле в более общем виде, вне связи с выпуском реорганизационного займа, в каковом отношении шесть держав имеют исключительные права, то вопрос этот подлежал бы, конечно, отдельному обсуждению [1].

Сообщая о вышеизложенном для вашего сведения, покорнейше прошу осведомиться, получило ли правительство, при коем вы аккредитованы, подобное же сообщение и как оно к нему отнеслось [2].

О вышеизложенном сообщается для вашего сведения [3].

Примите и пр.

Нератов.

№ 349. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 504. 22/9 июля 1912 г.

Ссылаюсь на мое донесение № 19 [4] и на телеграммы — вашу № 1303 [5] и Обнорского № 81 [6].

Посетивший меня вчера черногорский поверенный в делах сообщил мне, что Ассим-бей предложил ему, ради скорейшего окончания пограничного вопроса, ратификовать немедленно статьи протокола, относящиеся к местностям, в коих изменения черты границы не угрожают вызвать беспорядки. Утверждение же статей относительно местностей, внушающих опасения, министр иностранных дел предложил отложить до умиротворения Северной Албании. Пламенац не без основания отказался принять такие предложения. На это я, в виде личного совета, высказал Пламенацу предположение, что быть может черногорское правительство, в целях добиться безотлагательного утверждения Турцией работ комиссии, согласилось бы выдать Порте доверительное обязательство не настаивать на немедленном фактическом проведении границы на всем ее протяжении и подчинить таковое окончанию острого периода нынешней смуты в пограничной области. Пламенац присоединился к моему мнению и сообщил, что он доведет его до сведения своего правительства. Полагаю, что этот способ существенно облегчил бы нам возможность настаивать перед Турцией приступить ныне же к ратификации протокола.

Гирс.

---

[1] В пам. записке от 27/14 июля англ. пос-во в Петербурге уведомило м-во ин. дел, что англ. прав-во получило от прав-ва Австро-Венгрии пам. записку «с выражением протеста против так называемой монополии китайских займов, практикуемой финансовыми группами шести держав, и с требованием права участия в обсуждении относящихся к Китаю вопросов экономического характера». Англ. пос-во запрашивало, получило ли росс. прав-во аналогичное сообщение и какой оно предполагает дать ответ.

В пам. зап. англ. пос-ву от 28/15 июля за № 695 Нератов отмечал, что заявление австро-венг. пос-ва в Петербурге не носило характера протеста, и сообщил Бьюкенену содержание своего ответа Турну, изложенного в публикуемом документе.

[2] В тел. от 29/16 июля за № 133 Извольский известил Нератова, что на аналогичное сообщение австро-венг. посла Пуанкаре дал ответ, «вполне схожий с тем, который вы дали Турну».

В письме от 14/1 авг. поверенный в делах в Лондоне Эттер сообщил, что англ. прав-во ответило австро-венг. пос-ву в таком же смысле. Свой поздний ответ Эттер объяснял отсутствием Никольсона, уехавшего в отпуск.

[3] Повидимому, эта фраза относится к посольствам в Вене и Берлине.

[4] См. № 272.

[5] См. стр. 265, прим. 1.

[6] См. № 291.

№ 350. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 26. 22/9 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из секретного источника, заслуживающего доверия, узнаю следующие подробности приема султаном офицеров, предъявивших ему ряд требований, о которых я уже имел честь донести императорскому министерству [1].

На аудиенции Хуршид-паши, Назим-паши и сопровождавших их офицеров присутствовал еще Лутфи-бей, вполне преданный комитету первый камергер двора, предложивший султану издать манифест, обращенный к армии. Назим-паша этому тотчас же воспротивился, заявляя о неуместности привлекать священную особу халифа к партийным распрям. Хуршид-паша не решался высказать свое мнение. Спор между враждующими сторонами в присутствии его величества произвел, будто бы, столь неблагоприятное впечатление на султана, что он воззвал к чести присутствовавших и повелел им ответить откровенно, не восстановлен ли народ также и против него, прибавив, что он готов в таком случае отречься от престола. Все немедленно поспешили успокоить его величество, и Назим-паша отказался от своего противодействия изданию обращения к войску.

Как я, однако, имел честь высказать вашему превосходительству в телеграмме № 501 [2], манифест этот выдвинул династический вопрос в Турции, так как он обнаружил полное отсутствие воли у султана и его зависимость от комитета «Единение и Прогресс». Обращение к армии, по общему впечатлению, удовлетворило лишь гарнизон столицы, сократившийся ныне до одной дивизии, но крайне раздражило войска, находящиеся в провинции. Едва ли кто-либо мог бы решиться при таких условиях отрицать вероятность братоубийственной войны, тем более что, по только что полученным сведениям, партия «Единение и Прогресс», сознавая, что почва уходит из под ног ее, решила, предполагая, что великим визирем будет назначен слабохарактерный Тевфик-паша, защищаться до последней возможности. По распоряжению центрального комитета все члены спешно вооружаются револьверами. Он же разослал во все отделения и провинциальные комитеты партии циркуляр с приказанием вести усиленную пропаганду против лиц, требующих роспуска палаты и призыва к власти Киамиль-паши, не стесняясь никакими средствами для достижения сказанной цели. Другими словами, комитет объявляет войну несочувствующему партии «Единение и Прогресс» большинству армии.

Палата депутатов, отстаивая свое существование, недовольная отставкой министров, потребовала последних в заседание палаты для объяснения общего положения и причин их отставки. Саид-паша, точно не отдавая себе отчета в противузаконности такого поведения, ответил, что предстанет с кабинетом сегодня, в понедельник, в 3 часа дня.

Между тем султан, согласно желанию мятежных офицеров, призывал к себе Киамиль-пашу, но подробности беседы хранятся до сих пор в тайне. Офицеры же, по секретным сведениям, возобновили в телеграмме на имя султана свои требования, предоставляя 10-дневный срок для их исполнения.

Не только министерский, но даже династический кризис смогут разрешиться без кровопролития, но лишь в том случае, если партия «Единение и Прогресс» изменит свое решение обороняться до последней возможности. Лишь уступка с его стороны избавит V корпус от необходимости явиться, как в 1909 г., в столицу и продиктовать свою волю.

Политическое положение достигло здесь такого уже напряжения, и собы-

[1] См. № 342.

[2] Тел. от 22/9 июля за № 501 в основном изложена в публикуемом документе.

тия будут, повидимому, чередоваться настолько быстро, что о дальнейшем развитии кризиса мне возможно будет своевременно доносить вашему превосходительству лишь телеграфным путем [1].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 351. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме А. Крупенскому.

*/. Телеграмма № 1376. 23/10 июля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Обнорского № 89 [2].

Считая желательным пребывать в обмене мнений по делам балканских государств, находим полезным обратить внимание римского кабинета на воинственное настроение, начинающее преобладать в Черногории, и полагаем, что Италии следовало бы высказаться в смысле неугодности ей выступлений, способных запутать положение на Балканском полуострове. Не найдете ли подходящего случая доверительно высказаться в изложенном смысле, прибавив, что по нашим сведениям Австрия также преподала в Цетинье советы благоразумия [3].

Нератов.

№ 352. Временно управляющий министерством иностранных дел посланникам в Белграде и Софии — Гартвигу и Неклюдову и поверенному в делах в Афинах Урусову.

*/. Телеграмма № 1378 [4]. 23/10 июля 1912 г.

Благоволите при подходящем случае заявить местному правительству, что мы считаем нынешнее запутанное внутреннее положение турецкого правительства и возбуждение, вызванное новой атакой Дарданелл [5], особенно неблагоприятными моментами для каких-либо выступлений, могущих нарушить status quo и тем подвергнуть опасности сохранение мира. Посему, не придавая вашим словам характера официального выступления, предостерегите правительство от увлечений.

Нератов.

№ 353. Генеральный консул в Калькутте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 27. 23/10 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В письме от 14/1 июня с. г. я имел честь донести вашему превосходительству некоторые данные, касающиеся отношения англо-индийской печати

---

[1] 22/9 июля телеграммами за №№ 196, 197 и 198 М. Гирс сообщил, что сформирован новый кабинет под председательством Гази-Ахмед-Мухтар-паши, в котором пост м-ра ин. дел занял Норадунгиан, а воен. м-ра — Назим-паша. Киамиль-паша назначен председателем гос. совета.

[2] См. № 340.

[3] Тел. от 27/14 июля за № 81 А. Крупенский сообщил, что Сан-Джулиано обещал дать в Цетинье успокоительные советы, хотя и не думает, «чтобы воинственные намерения короля Николая были действительно серьезны».

Деп. от 28/15 июля за № 27 Обнорский сообщал Нератову, что разрешение министерского кризиса в Турции (см. прим. 1), а также «дружеские советы» России, Франции, Австро-Венгрии и Германии способствовали успокоению в черног. правящих кругах.

[4] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 14.

[5] См. стр. 341, прим. 2.

и промышленных кругов к вопросу о соединении индийской сети железных дорог с Европой посредством постройки пути через Персию [1].

В настоящее время вопрос этот служит предметом обсуждения решительно всех газет — по поводу заявлений, сделанных в лондонском парламенте сэром Эдуардом Греем [2]. Повторяя уже раз сказанное в упомянутом письме, я считаю долгом отметить, что в англо-индийской печати отсутствует та нота принципиальной предвзятой враждебности этому проекту, которая так резко звучит в статьях «Manchester Guardian» и военного корреспондента газеты «Times», полковника Репингтона [3]. Напротив того, резюмируя, поскольку это теперь возможно, отзывы о заявлениях великобританского министра иностранных дел, можно вполне определенно сказать следующее: как правительство, так и общественное мнение понимают, что миновала пора слепого и упорного противодействия самой идее постройки дороги. Чем далее, тем яснее сознается, что коммерческие и стратегические интересы Англии только выиграют от осуществления этого проекта.

Речь Грея рассеяла высказывавшиеся здесь опасения, что в этом деле лондонский кабинет не проявит достаточного внимания к голосу индийского правительства и заинтересованных кругов и поведет переговоры, не считаясь с мнением Индии. Заявление о том, что «правительство его величества сохраняет за собой полную свободу действий во всем, что касается постройки», и что «ничего окончательного (irrevocable) не сделано и не будет предпринято без предварительного сношения с индийским правительством», принято здесь с чувством живейшего удовлетворения. Выступление лорда Керзона *после* речи Грея вызывает недоумение [4]. Как ни были ясны и определенны слова министра, все же шоры, суживавшие политический горизонт Керзона во всем, что касалось иностранной политики в бытность его вице-королем, еще мешают ему видеть то... чего он не хочет видеть и понимать. Лорду Морлею пришлось повторить для его вразумления все то, что уже было сказано Греем. «Эти повторения, — замечает одна здешняя газета, — довольно надоедливы; но таков уже обычай в нашем парламенте и такова партийная тактика, что только то считается сказанным, что торжественно повторено по три раза в каждой из палат».

Большое значение в смысле воздействия на общественное мнение Индии имеет недавнее выступление в лондонской печати сэра Валентина Чироля (Sir Valentine Chirol) [5]; к голосу его, как одного из наиболее осведомленных

---

[1] В письме от 14/1 июня Набоков сообщал, что враждебные России выступления англ. прессы, и в частности «Manchester Guardian», по поводу проекта Трансперсидской ж. д. не встретили поддержки ни в печати, ни в торговых кругах Индии. Далее Набоков сообщал: «Самый факт постройки дороги из России в Индию через Персию не является пугалом, как встарь, и разговоры о том, что «Англия строит путь, по которому русская армия пройдет в Индию», признаются детским лепетом, или, вернее, старческим брюзжанием. Мысль о соединении Индии с Европой железной дорогой, которая сократит чуть ли не втрое путь отсюда в Лондон, встречена здесь всеобщим сочувствием, и правительство, повидимому, намерено продолжать нынешней зимой изыскания, уже доведенные до Гвадара. Дорогу от Карачи до Бендер-Аббаса первоначально предположено было вести по берегу моря с тем, чтобы она находилась на расстоянии «пушечного выстрела», но план этот подвергся изменению и признано более удобным проложить его приблизительно в 15 милях от берега».

[2] См. стр. 306, прим. 1.

[3] См. стр. 306, прим. 2.

[4] См. № 304.

[5] В письме в редакцию «Times» от 20/7 июня (помещенном в номере от 26/13 июня) Чироль, отмечая происшедшую за последние 6 лет полную перемену в политике России в Персии, ныне стремящейся к дружественному соглашению с Англией, предостерегал общественное мнение Англии от возобновления прежнего антагонизма. Указывая на неизбежность постройки Трансперсидской ж. д. и на ту роль, которую ей суждено было бы сыграть в смысле восстановления экономического благосостояния Персии, Чироль спрашивал, не разумнее ли было бы с точки зрения интересов Англии воспользоваться представляющимся случаем для дружественного разрешения

об Индии, талантливых и влиятельных публицистов здесь, понятно, очень прислушиваются, и его статья, на которую, несомненно, было обращено внимание вашего превосходительства, произвела здесь впечатление и, конечно, убедит многих. Имею честь представить при сем вырезку из полуофициозной газеты «Pioneer», содержащую остроумную критику возражений военного корреспондента «Times» и указание на основательность аргументации Чироля [1]. В том же тоне комментируют и другие влиятельные органы печати. Указывается на невозможность подчинять материальный прогресс соображениям чисто стратегическим, к тому же понимаемым односторонне. Постройка пути через Персию под совместным контролем Франции, Англии и России даст последней доступ к незамерзающему порту, составляющий исторически-необходимый и вполне понятный предмет ее стремлений; но именно этот «совместный контроль» является достаточной гарантией для Индии, что весьма щекотливый и трудный вопрос о проникновении России к Персидскому заливу будет разрешен мирным путем, благодаря тому, что обе империи теперь понимают, насколько их торговые и политические интересы в настоящее время тесно связаны. Что же касается Индии, то само собой разумеется, что более тесное общение с Англией принесет двоякую пользу: облегчит сближение индийских самостоятельных князей с британской короной, а также даст англо-индийскому населению возможность более свободных и частых сношений с родиной. Как я уже имел честь писать вашему превосходительству, мне кажется, что последнее соображение, если можно так выразиться, «сентиментального» характера, окажется наиболее веским в глазах здешних англичан. О том, способен ли будет прямой путь в Европу стать «доходным», облегчит ли он или затруднит для Индии оборону против «вражеского нашествия», — можно рассуждать хладнокровно. Но всякие доводы разума бледнеют перед заманчивой перспективой восьмидневного пути «на родину», вместо тоскливого трехнедельного скитания по морям. Не следует забывать, что для огромного большинства англичан, служащих в Индии, любимая тема разговора, заветная, постоянная мечта — «домой!». Даже люди, начавшие «индийскую карьеру» в ранней молодости и проведшие здесь бо́льшую часть жизни, продолжают вздыхать по Англии и стремиться туда.

Ясное доказательство того, что постройка дороги считается уже делом ближайшего будущего, я вижу в следующем: предвидя, что площадь земли, в нескольких верстах от порта Карачи, может стать пунктом соединения северо-западной сети индийских железных дорог с Трансперсидской, местное правительство предложило городскому самоуправлению Карачи выработать условия, на которых оно пожелало бы приобрести эти земли. Целью покупки было бы превращение этих, ныне пустопорожних, площадей, принадлежащих правительству, в пригород для железнодорожных служащих. Осуществление этого предприятия (т. е. покупка земли, проведение дорог и водоснабжение) обошлось бы около 300 000 рупий. Весьма вероятно, что городское самоуправление примет это предложение, так как уже теперь в самом городе и в той окраине, где *предположен конечный пункт Трансперсидской дороги*, цены на землю сильно поднялись. В том, что Карачи будет на самом деле конечным пунктом дороги, кажется, теперь вряд ли можно сомневаться. Вопрос лишь в том, какое направление она примет. Мне кажется, что индийское правительство будет стоять за путь Карачи —

вопроса. (Это письмо В. Чироля в газетной вырезке было препровождено Бенкендорфом в м-во при письме от 26/13 июня.)

[1] Автор заметки, на которую ссылается Набоков, указывал, что полковнику Репингтону каждый аргумент представляется хорошим, лишь бы опорочить проект Трансперсидской ж. д. Автор выражал, однако, сомнение в том, что «абракадабра» полковника Репингтона поможет ему одержать победу над его оппонентами, в частности над В. Чиролем.

Шарбар (или Гуаттар) по берегу моря, затем Бампур — Бам — Керман (или Иезд), минуя Робат, при условии более узкой, сравнительно с нашей, колеи.

Мне неизвестна точка зрения императорского министерства на это грандиозное предприятие, результаты которого представляются настолько обширными и разносторонними, что не поддаются сколько-нибудь точному учету. Могу лишь с уверенностью сказать, что поскольку голос Индии при обсуждении проекта постройки дороги может иметь значение — в настоящую минуту обстоятельства складываются весьма благоприятно. И не только потому, что общественное мнение, англо-индийское население и торговые круги сочувствуют проекту, но главным образом благодаря искренней и горячей поддержке, которую несомненно встретит всякое «англо-русское» начинание со стороны теперешнего вице-короля. Как ни тесны те рамки, в которых он вынужден держаться при разговорах со здешними консулами, лично я, а также мой германский коллега князь Рейс, на-днях отправившийся в Тегеран, куда он назначен посланником, не могли не вывести из частных бесед с вице-королем заключения, что лорд Гардинг глубоко сочувствует англо-русскому сближению и, в частности, полной откровенности и дружескому сотрудничеству при обсуждении и осуществлении задач, созданных для обеих империй теперешним положением вещей в Персии.

Примите и пр.

Набоков.

№ 354. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 577. 23/10 июля 1912 г.

Телеграфирую в Тавриз:

Зная дикость Шоджи и неспособность его к сколько-нибудь закономерному управлению Азербайджаном, миссия, конечно, не удивляется последнему проявлению его произвола, которое сводится к простому захвату возможно большей суммы денег в остающийся краткий срок до приезда Сепехдара [1]. Инцидент этот дает, однако, право думать, что генеральное консульство до такой степени избаловало Шоджу, что последний не находит более нужным считаться с его указаниями и собирается, повидимому, управлять Азербайджаном от своего собственного имени. Из вашей телеграммы также не видно, чтоб Ранскен был в чем-либо виновен, кроме точного выполнения получаемых им от главного казначея приказаний. Вы тоже, вероятно, упускаете из виду, что согласие Морнара на отозвание Рапскена лишь поощрило бы других генерал-губернаторов к подобным выходкам и сделало бы дело финансовой реформы в Персии невозможным, а потому бельгийцы предпочтут поголовно подать в отставку, чем отказаться от поддержки, в настоящий именно момент, их соотечественника в Тавризе [2].

[1] В тел. от 18/5 июля за № 377 Преображенский сообщал Нератову (копия Поклевскому) об отказе представителя главного казначея Морнара в Азербайджане — Ранскена — выдать 24 000 томанов на содержание армии, о задержке платежей для той же цели и невыдаче кредита для экспедиции против шахсевен. Вследствие этого Шоджа-эд-Доуле «наложил запрещение на казенный амбар и на поступление малиата, заявив Ранскену, что признает за ним лишь право финансового контроля и устраняет его за учиненные, якобы, им беспорядки в деле сбора податей от всякого активного участия в этом деле». Несмотря на попытки Преображенского повлиять на Шоджу, последний «остался при своем мнении». Преображенский высказывался за необходимость заменить Ранскена «более опытным лицом».

[2] Тел. от 23/10 июля за № 381 Преображенский известил Нератова (копия Поклевскому) о сделанном ему Ранскеном в официальной ноте предупреждении, что «если наши подданные будут уплачивать Шоджа-эд-Доуле или кому он прикажет малиат и другие казенные сборы, то платежи эти будут рассматриваться как частная

Принимая во внимание, что мы не только обязаны всячески поддерживать избранного нами главного казначея, но и прямо заинтересованы в правильном контроле над поступлением государственных доходов, которые в скором времени будут служить обеспечением новых займов и других, принимаемых персидским правительством по отношению к нам обязательств, прошу вас: оказывать полное доверие Ранскену, предложить от имени миссии Шодже немедленно снять запрещение с казенного амбара и с поступлений малиата и восстановить Ранскена в должности и во всех его правах. Вы должны объяснить Шодже, что неисполнение им этого требования даст персидскому правительству право взыскать с его имущества все незаконно захваченные им суммы, и что мы не только не найдем возможности этому противиться, но нам вообще будет трудно оказывать ему покровительство после подобных с его стороны выходок. Если вам опять не удастся настоять на своем, то, ввиду скорого приезда Сепехдара [1], принимать какие-либо более активные меры нежелательно, но вам следует резко и заметным для всех образом изменить ваше отношение к Шодже. Вам нужно также зорко следить за тем, не подготовляет ли последний каких-либо интриг ко времени прибытия Сепехдара и своевременно обо всем доносить для принятия зависящих мер. О даваемых вам ныне инструкциях одновременно сообщаю Морнару [2].

Поклевский.

№ 355. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Депеша № 58. 23/10 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от [9 июля] 26 минувшего июня за № 584 я имел честь донести вашему превосходительству о свидании, которое посланники шести держав Консорциума имели с китайскими министрами иностранных дел и финансов, дабы заявить им, согласно полученным от их правительств инструкциям, что державы не дадут своего одобрения никакому займу, который был бы устроен их подданными для китайского правительства, иначе как на общих основаниях тех условий, которые были сообщены китайским министрам представителями шести финансовых групп [3].

С тех пор вопрос о займе не подвинулся ни на шаг вперед, но как все мои коллеги, так и я продолжаем держаться того мнения, что китайцы отнюдь не желают разрыва с Консорциумом, упорно отказываются смотреть на сделанные им как посланниками, так и банкирами заявления как на окончательное и бесповоротное решение и будут стараться при первой возможности возобновить переговоры с представителями шести групп. Письмо, полученное последними 9 июля/26 июня от министра финансов, английский перевод с коего я имею честь при сем представить, служит отчасти под-

---

сделка, совершенная за собственный страх и риск». Передавая эту ноту, Ранскен заявил Преображенскому, что получил предписание «отстраниться от ведения финансовых дел в Азербайджане».

[1] См. № 315.

[2] В ответной тел. от 24/11 июля за № 382 Преображенский сообщал Поклевскому (копия Нератову), что последние действия Шоджи следует рассматривать как акт, «на который он был вынужден обстоятельствами», так как Шоджа-эд-Доуле кредитует в настоящее время всю экспедицию против шахсевен «из своих средств». В дополнение к тел. № 382 (в тел. без номера от 25/12 июля) Преображенский извещал Нератова, что, в связи с его указаниями, Шоджа-эд-Доуле «восстановляет Ранскена в его правах», но ходатайствует о том, чтобы Ранскену было предложено изыскать средства для экспедиции против шахсевен «посредством займов на базаре, или в банках, под обеспечение малиата и других казенных сборов».

[3] См. стр. 274, прим. 1.

тверждением этого взгляда [1]. Оно составлено весьма ловко и, оговаривая право Китая прибегнуть для удовлетворения своих денежных потребностей к провинциальным займам или каким-либо другим источникам, вместе с тем тщательно оставляет открытой дверь к дальнейшим переговорам в будущем с Консорциумом. В обращении министра к провинциям можно при этом усмотреть двоякую цель: с одной стороны, возложить на них самих заботу изыскать необходимые для них денежные средства, с другой же, косвенно дать им таким образом понять необходимость отказаться от их упорного сопротивления иностранному займу и связанному с последним финансовому контролю.

В настоящую минуту все внимание правительства поглощено министерским кризисом [2], и до улажения последнего вопрос о займе вряд ли снова станет на очередь. Но по замещении вакантных министерских должностей, в том числе и поста министра финансов, можно будет ожидать возобновления переговоров с китайским правительством, тем более что его стараниям достать помимо Консорциума мало-мальски значительную сумму денег, повидимому, не суждено иметь успеха.

Можно, мне кажется, быть уверенным, что как Юань Ши-кай, так и остальные лица, стоящие во главе правительства, вполне сознают необходимость для Китая внешнего займа и готовы были бы для заключения такового согласиться на установление иностранного контроля и надзора, но не решаются высказать это открыто из опасения возбудить негодование палаты представителей и китайской интеллигенции, особенно на Юге, что, при неимении у правительства достаточно прочного авторитета и сильной власти, привело бы к его падению. По имеющимся у французского поверенного в делах сведениям, даже лица, стоящие во главе агитации против иностранного займа, как, например, Хуан-Син, прекрасно отдают себе отчет в неизбежности иностранного финансового контроля и в глубине души ничего против него не имеют, но, являясь противниками Юань Ши-кая, они из соображений партийной политики продолжают свою упорную оппозицию займу, не желая позволить президенту получить в свое распоряжение крупные денежные средства, благодаря которым он мог бы укрепить свое положение, и стараются, напротив того, использовать этот вопрос с целью создать затруднения Юань Ши-каю и его правительству и выставить их в глазах народа людьми, готовыми предать Китай в руки чужеземных эксплоататоров.

Секретной телеграммой от [17] 4 сего июля за № 614 [3] я позволил себе высказать вашему превосходительству мнение, что ни широкая реорганизация китайских финансов на прочном основании, ни вообще предоставление китайскому правительству значительных денежных средств, способных укрепить его власть и авторитет в стране, не соответствуют нашим интересам. Я глубоко убежден, что как только нынешнее правительство

[1] В указанном письме кит. м-р финансов напомнил представителям шести групп в Пекине, что со времени их обещания на заседании 24 июня н. ст. представить на рассмотрение Консорциума его предложение о займе в 10 млн. фунтов прошло уже две недели, а ответ все еще не получен. С другой стороны, его просьба о выдаче аванса в несколько сот тысяч лан была отклонена. В письме указывалось, что в связи с этим центральное прав-во не имело возможности удовлетворить требования, поступавшие к нему из провинций, испытывающих острую нужду в деньгах. По этой причине, если аванс не будет выдан, центральное прав-во будет вынуждено предложить провинциям самим изыскивать для себя средства или же само центральное прав-во должно будет обратиться к другим источникам для изыскания средств на покрытие текущих расходов. «Тем не менее, — писал министр, — ввиду того, что отношения между центральным правительством и финансовыми группами носили всегда столь дружественный характер, я надеюсь, что будет все же возможно возобновить переговоры о будущем займе, когда вы получите ответ от Консорциума».

[2] См. стр. 241, прим. 1.

[3] См. стр. 327, прим. 1.

почувствует под собой более твердую почву и будет располагать необходимыми денежными средствами, оно немедленно приступит к более деятельной политике на всех окраинах Китая, причем политика эта, несомненно, будет преследовать цели, прямо противоположные нашим существенным интересам. Вследствие этого нам, по моему мнению, следует стараться, чтобы Китай возможно долее оставался в нынешнем своем беспомощном состоянии, и наилучшим средством для этого было бы такое разрешение вопроса о займе, чтобы последний либо вовсе не состоялся и китайское правительство надолго не могло выбраться из всевозможных финансовых затруднений, либо чтобы заключение возможно меньшего займа, не дающего Китаю достаточно средств для основательной реорганизации, было бы обставлено такими условиями иностранного финансового контроля и надзора, которые возбудили бы негодование в народе и принятие коих центральным правительством повело бы к беспорядкам в провинциях, а, может быть, и к восстанию на Юге Китая, что также отвлекло бы здешнее правительство от энергичных выступлений в сфере наших интересов.

Вышеизложенными соображениями я намерен руководиться при обсуждении с моими коллегами вопросов, связанных с реорганизационным займом, если только не получу от императорского министерства указаний в противном смысле. В этом отношении для нас может оказаться весьма полезным предварительное обсуждение помянутых вопросов правительствами держав Тройственного согласия, о желательности коего гофмейстер Сазонов высказался в секретных своих письмах к нашим послам в Париже и Лондоне от [26]13 минувшего июня за №№ 590 [1] и 591 [2]. Я не премину, согласно указаниям, преподанным мне вашим превосходительством в секретной вашей телеграмме от [20] 7 сего июля за № 1347 [3], поддерживать с моими французским и английским коллегами постоянный обмен взглядов в целях установления по мере возможности общей точки зрения по всем возникающим в связи с займом вопросам. Такого образа действий я старался держаться и до сих пор. К сожалению, в настоящую минуту обмен мнений со здешним великобританским посланником сильно затрудняется частыми отлучками сэра Джона Джордана, постоянно уезжающего от пекинской невыносимой жары то на берег моря, то в расположенные в горах кумирни. Германский посланник со всем составом своей миссии равным образом уехал на дачу, то же собирается вскоре сделать и американский посланник, так что более частые совещания вшестером, которых желали некоторые из моих коллег, не будут, повидимому, иметь место ранее конца лета.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 356. Консул в Битоли послу в Константинополе М. Гирсу.

Донесение № 226. 24/11 июля 1912 г.

Новый кабинет и положение в Македонии и Албании.

М. г. Михаил Николаевич,

При первых признаках революционного брожения в здешнем гарнизоне, в Монастыре и ближайших к нему провинциальных городах появились агенты оппозиционной партии «Своб[ода] и Согл[асие]», которые старались использовать его в интересах своей партии. За несколько дней до падения кабинета Саид-паши [4] ими были устроены митинги протеста в Монастыре, на которых, кроме массы граждан, присутствовали также переодетые офицеры. Ими была отправлена во дворец телеграмма, в которой от имени

[1] См. № 231.
[2] См. № 232.
[3] Указанная тел. датирована 19/6 июля (см. № 331).
[4] См. стр. 343, прим. 1.

всего населения настаивалось на удовлетворении требований, уже известных из ультиматума офицеров [1]. Подобные же телеграммы были отправлены из Эльбасана и Дибры, но в таких резких выражениях, что телеграфное бюро отказалось их принять, пока не были вышущены некоторые фразы, казавшиеся оскорбительными по отношению к верховной власти.

Известие об отставке кабинета Саид-паши и уходе из министерства деятелей комитета «Единение и Прогресс» было встречено здесь всеобщим ликованием и с чувством удовлетворения. Члены партии «Единение и Прогресс», все время пока продолжался кризис, совещались между собой и находились в постоянных телеграфных сношениях с Салониками и Константинополем. Здешний вали подал, было, прошение об отставке, но, по просьбе своих единомышленников по партии, пока остался на своем посту.

Передача власти в руки таких опытных и заслуженных лиц, как Киамиль-паша [2], Хильми [3] и Ферид [4], приветствуется здесь большинством как начало новой эры в управлении империей и, в частности, Македонией и Албанией, но рядом с этим раздаются и скептические голоса как мусульман, так и христиан, принадлежащих к разным политическим комитетам и организациям. По их мнению, успокоение возбужденных умов — лишь временное, и падение Комитета усилит в недалеком будущем внутреннюю смуту. Если принять во внимание последние события, разыгравшиеся в Македонии, то нельзя не признать значительной доли правды в этой оценке положения.

Военная лига «хыфзыль-ватан», авторитет которой чрезвычайно усилился после достигнутых успехов, не имеет намерения прекратить свое существование, и, как я узнаю доверительно, она решила выделить из своего состава особую комиссию, на обязанности которой будет лежать наблюдение за правильным применением конституции. Если это действительно осуществится, то вместо комитета «Единение и Прогресс» на политическую сцену выступит новая безответственная организация, с которой придется считаться всякому правительству. Третьего дня в здешнем военном клубе состоялось заседание членов военной лиги, на котором они решили отправить телеграмму в Константинополь с требованием роспуска теперешнего парламента и назначения новых выборов.

Остается также открытым вопрос об управлении Македонией и Албанией. Кем заменит новое министерство невежественных и неспособных чиновников, начиная от валиев и кончая уездными начальниками, доведших названные области до состояния полной анархии? Точно так же вследствие недостатка людей оно не будет в состоянии произвести какие-либо преобразования в ведомстве юстиции, которая в Македонии и Албании вытеснена более совершенными революционными судами.

Оппозиция, торжествующая теперь свою победу, совершенно не организована в провинции и, состоя из самых разнородных и внутренне несвязанных между собой элементов, не имеет и тени той партийной дисциплины, в которой нельзя было отказать комитету «Единение и Прогресс». При таких условиях она не может служить нравственной опорой новому правительству. Христианские организации в Македонии, главным образом болгарская и греческая, боровшиеся последнее время против партии «Единение и Прогресс», не ожидают никаких улучшений для Македонии от новых политических деятелей, а участие в составе кабинета Хильми-паши, который во время своего генерал-инспекторства в Македонии вел успешную борьбу против христианских революционных комитетов, не внушает им никакого доверия.

---

[1] См. №№ 342 и 350.

[2] См. стр. 352, прим. 1.

[3] Хильми-паша занял в новом кабинете пост м-ра юстиции.

[4] Ферид-паше было предложено м-во внутренних дел. 26/13 июля тел. за № 519 М. Гирс передал, что Ферид-паша отказался занять этот пост.

Таким образом, перемены в составе высшего правительства с привлечением на министерские посты авторитетных лиц едва ли окажут при настоящих условиях какое-либо благотворное действие на внутреннее положение Македонии и Албании.

Копия представлена.

Примите и пр. А. Петряев.

№ 357. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1395. 25/12 июля 1912 г.

Телеграмма № 577 получена [1].

Вполне одобряя преподанные вами Преображенскому указания и считая, что Шоджа-эд-Доуле должен подчиниться вашим требованиям, не могу не обратить вашего внимания на то, что участие персидских войск в экспедиции против шахсевен было весьма ценно для нас ввиду слабости наших отрядов и что отказ Ранскена предоставить на снаряжение этих войск необходимые средства противоречит нашим интересам и ставит Шоджу действительно в безвыходное положение. Нельзя не пожалеть о том, что Морнар еще в апреле, когда возникали между Шоджей и Ранскеном разногласия, решенные в пользу первого (ваша телеграмма № 395)[2], не озаботился заменой Ранскена другим лицом, которое сумело бы установить лучшие отношения с фактическим правителем Азербайджана. Я полагаю также, что ввиду бесспорных заслуг перед нами Шоджа-эд-Доуле надо по возможности избегать придавать новому инциденту между ним и Ранскеном слишком крупного значения, дабы мы не оказались вследствие этого одного вынужденными лишить этого преданного нам сановника нашего покровительства [3].

[Нератов.]

№ 358. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 132 [4]. 25/12 июля 1912 г.

Reçu N 1323 [5].

En ai communiqué le contenu par un aide-mémoire au Ministre des Affaires étrangères qui me fait parvenir sa réponse en un aide-mémoire dont la partie essentielle est ainsi conçue: «Le Gouvernement de la République, auprès de qui une démarche analogue a été faite par le Chargé d'Affaires de Chine,

---

[1] См. № 354.

[2] В тел. от 10 мая/27 апр. за № 395 сообщалось: «Морнар телеграфировал Ранскену об уплате пенсии. Военный бюджет утвержден».

[3] Тел. от 27/14 июля за № 592 Поклевский передал Нератову текст своей тел. в Тавриз, в которой он сообщал об утверждении Морнаром ежемесячного бюджета на содержание полиции и войск в Азербайджане, а также расхода в 15 000 томанов в месяц на экспедицию против шахсевен. В тел. Преображенскому от того же числа и за тем же номером (№ 2) Поклевский высказывал мнение, что генеральному консульству следовало бы критически отнестись «к умышленно и ловко инсценированным Шоджей манифестациям в пользу оставления его в должности».

В тел. от 29/16 июля за № 394 Преображенский передал Нератову текст своей ответной тел. Поклевскому, в которой, между прочим, сообщал, что «генеральное консульство до сих пор всегда самым положительным образом содействовало устранению всяких трений между Ранскеном и Шоджа-эд-Доуле». Сообщая далее о недоверии населения к Сепехдару, Преображенский добавлял, что Шоджа-эд-Доуле «всячески старается предотвратить закрытие базаров, бест и другого рода протесты населения».

[4] Опубл. М., стр. 570.

[5] См. № 314.

adhère sans réserves aux vues exprimées dans le mémoire de l'Ambassadeur de Russie. Ces vues répondent d'ailleurs exactement à celles que le Gouvernement britannique a déjà fait connaître et aux instructions dont il a muni son Ministre à Pékin. La réponse faite au Chargé d'Affaires de Chine s'est donc inspirée de ces idées. Une démarche collective a été déjà faite par les représentants des Puissances à Pékin le 9 juillet [1] pour insister sur la nécessité de garanties réelles et d'un contrôle effectif de l'emploi des fonds. Si la formule ou l'organisation proposées, par exemple la?... peuvent être sujettes à discussion, le fond même de la question reste entièrement, l'octroi de cette garantie et de ce contrôle étant indispensable au maintien même du crédit de la Chine comme à la sûreté des prêteurs. Le Gouvernement français ne peut que confirmer le sens et la portée de la démarche déjà faite à Pékin». Le Président du Conseil est d'avis que la discussion ne saurait être utilement entamée entre le Gouvernement chinois et les Puissances intéressées ailleurs qu'à Pékin. C'est dans ce sens que des instructions ont été adressées au Chargé d'Affaires français à Pékin.

Iswolsky.

Перевод.

Получил № 1323.

Сообщил содержание его министру иностранных дел памятной запиской; он ответил мне памятной запиской, основная часть которой гласит: «Правительство Республики, перед которым китайским поверенным в делах был предпринят аналогичный демарш, безоговорочно присоединяется к точке зрения, высказанной в памятной записке российского посла. К тому же эта точка зрения вполне соответствует взглядам, о которых сообщило английское правительство, а также тем инструкциям, которые оно преподало своему посланнику в Пекине. Ответ, данный китайскому поверенному в делах, был продиктован, следовательно, этими соображениями. Представителями держав в Пекине уже было сделано 9 июля коллективное выступление с целью настоять на необходимости реальных гарантий и действительного контроля над расходованием средств. Если предложенная формула или организация, например?... и могут быть предметом обсуждения, то сущность вопроса остается неизменной, поскольку установление этих гарантий и этого контроля необходимы как для поддержания кредита Китая, так и для обеспечения кредиторов. Французское правительство может лишь подтвердить смысл и значение выступления, сделанного в Пекине». Председатель совета [министров] полагает, что успешное обсуждение этого вопроса между китайским правительством и заинтересованными державами может иметь место только в Пекине. В этом смысле и были даны инструкции французскому поверенному в делах в Пекине.

Извольский.

№ 359. Посланник в Софии министру иностранных дел [2].

/. Письмо. 25/12 июля 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграмма моя от [4 июля] 21 июня [3], повидимому, не на шутку встревожила императорское министерство; я узнал с тех пор о разговорах ваших по поводу ее содержания с французским послом, с английским поверенным в делах и с германским канцлером. Разговоры эти имели непосредственный отзвук в Софии. Мои коллеги, французский, английский и германский, обратились ко мне за разъяснениями, и мне не стоило большого труда убедить их, что я не имею осязательных данных для обвинения нынешнего болгарского правительства в каких-либо враждебных по отношению к Турции *мерах* или выступлениях, и что, следовательно, не должно быть и речи

[1] См. № 355.

[2] В тел. от 5 авг./23 июля за № 78 Неклюдов сообщал Нератову: «Моя последняя экспедиция адресована по недоразумению на имя министра. Надеюсь, что тем не менее вы ознакомились с содержанием моего частного, весьма доверительного письма С. Д. Сазонову от [26] 13 июля» (см. № 365).

[3] См. № 267.

о формальных представлениях в пользу мира перед болгарским министром иностранных дел.

Особенное сочувствие и содействие встретил я в этом отношении со стороны г. Панафье, отлично понимающего, что всякое подобное представление, с одной стороны, могло бы лишь поколебать положение г. Гешова, который является в Софии главным оплотом политического благоразумия, а с другой, внесло бы новую тревогу в и без того уже запутанное положение.

Последующими телеграммами моими от [7 июля] 24 [1] и от [9 июля] 26 июня [2] я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству: а) иное объяснение путешествия графа Бондари и б) доверительный разговор мой с г. Гешовым.

Телеграммы эти, надеюсь, несколько смягчили впечатление, произведенное моими первоначальными предупреждениями. С тех пор благополучно совершившаяся в Константинополе замена потерявшего голову младотурецкого кабинета правительством, составленным из опытных старых министров [3], подействовала несомненно успокоительно и здесь.

Я не могу тем не менее скрыть от императорского правительства, что, по моему глубокому убеждению, общее настроение весьма тревожно и что, *при известном стечении обстоятельств*, болгары, невзирая на предупреждения с нашей стороны, могут все-таки ринуться очертя голову в роковую борьбу с Турцией.

Как вашему высокопревосходительству известно, оппозиция и значительная часть болгарского офицерства не перестают обвинять кабинет Гешова — Данева в трусливом миролюбии и даже в туркофильстве. Это еще не было бы особенно опасно. Но дело в том, что *все* болгарское общественное мнение навыкло думать и даже убеждено, что Болгария дважды упустила удобный случай сосчитаться окончательно с турками и завоевать Македонию: первый раз в августе или сентябре 1908 г., второй — в апреле 1909 г., когда Салоникский корпус шел на Константинополь для свержения Абдул-Гамида. Это убеждение разделяют, в большей или меньшей мере, партизаны и даже члены нынешнего, благоразумного в своих действиях правительства.

В этом смысле весьма интересным является сообщенное мне письмо нашего посла в Париже о разговоре его с болгарским министром финансов Тодоровым [4]. Тодоров во всяком случае человек серьезный и умный. Со мной он никогда не был до такой степени откровенен; но во всем, что он говорил А. П. Извольскому, мне слышится полная искренность. Этот разговор для меня знаменателен.

Во всей Болгарии в настоящее время господствует один общий лозунг: «нельзя пропустить *третьего случая*, лишь только таковой представится». Разница в мнениях сводится лишь к тому, как понимать подобный случай и как к нему готовиться. Кабинет Гешова — Данева до весны этого года не считал ни положение в Турции достаточно назревшим, ни общих политических сочетаний достаточно благоприятными, чтобы рассчитывать на близость рокового столкновения; но правительство вело энергично всестороннюю подготовительную работу; а попутно г. Гешов пользовался своим показным «туркофильством», чтобы выговорить у Порты кое-какие уступки (вроде Кумановской линии) [5], которые могли укрепить болгарское дело в Македонии на случай более долговременного сохранения мира. Но последние месяцы внесли ощутительную перемену во взгляды и направление болгарского правительства. С одной стороны, длящаяся война Турции с Италией и разгоревшееся албанское восстание, с другой — состояв-

[1] См. стр. 260, прим. 4.
[2] Имеется в виду тел. за № 68, датированная 10 июля/27 июня (см. № 283).
[3] См. стр. 352, прим. 1.
[4] См. № 146.
[5] См. № 110.

шиеся соглашения с Сербией и с Грецией, — соглашения, отнюдь не чуждые наступательных против Турции планов, — сильно ободряют болгарских правителей в их надеждах на победоносное столкновение с вековым угнетателем и на достижение заветных С.-Стефанских границ.

Не могу при этом не отметить, что те немногие и не особенно на мой взгляд знаменательные одобрения, которые король Фердинанд и г. Гешов столь неожиданно для них самих услышали в Потсдаме [1], необычайно возбуждающе на них подействовали.

В настоящую минуту члены правительства ежедневно спрашивают меня, получил ли я какие-нибудь интересные сообщения касательно свидания в Балтийском Порте; они в душе надеются, что Германия дала нам обещание не поддерживать Австрию и Румынию в случае активного вмешательства их в балканские дела, или даже, что мы успели убедить императора Вильгельма предоставить Турцию ее участи, в случае внутренних судорог и решительного выступления со стороны Болгарии, Сербии и Греции.

Но хотя, очевидно, я не буду поставлен в возможность дать им те сведения, о которых они мечтают, болгарские правители все-таки будут иметь в виду неукоснительное выступление при наличности известных обстоятельств, а именно: 1) в случае перенесения итальянцами войны на европейский материк Турции; 2) в случае военных междоусобиц в самой Империи и 3) в случае нового восстания христианских населений в Македонии в связи с разрастающимся восстанием албанцев.

До меня доходят с разных сторон слухи, будто сербское правительство под рукой покровительствует албанскому восстанию, поощряет своих сородичей в Старой Сербии присоединяться к албанцам и раздает и тем и другим значительные запасы ружей и снарядов [2], оставшихся в складах после перевооружения сербской армии. Я имею тоже кое-какие сведения (хотя и не из очень верных источников), что болгарское правительство, более выдержанное и осторожное, все-таки начинает снова входить в сношения с македонскими организациями и, будто бы, убеждает их только не начинать действий ранее сентября с. г.

Не могу поручиться, что все это правда; но оно на мой взгляд вполне *правдоподобно*.

Общие же мои впечатления сводятся к следующему: выступление болгар всецело зависит от оборота, который примут внутренние дела турецкой империи, даже независимо от военных действий Италии. Если к сентябрю месяцу с. г. внутреннее положение Оттоманской империи еще осложнится и ухудшится, то Болгария, даже при нынешнем кабинете, может поддаться искушению начать военные действия при восторженной поддержке Сербии, а быть может и при содействии Греции. Нам необходимо смотреть за этим в оба и, с одной стороны, не переставая убеждать болгар в несвоевременности и крайней опасности военного столкновения их с Турцией, избегать при этом всего того, что могло бы окончательно пошатнуть положение кабинета Гешова — Данева, единственного еще существующего оплота благоразумия и послушания нашим советам. В этом смысле я совершенно не сочувствовал бы всяким коллективным дипломатическим шагам в целях успокоения Болгарии. Если болгары не склонны будут поверить нам и слушаться нас, то никакое иное иностранное вмешательство на них не подействует; оно лишь уронит временно наш здесь престиж.

Если же события, как это можно надеяться, недостаточно назреют к наступающей осени, то столкновение все-таки почти неминуемо будущей весной или летом. Постепенно возрастающие в Болгарии в течение целых четырех лет волнение и напряжение не могут уже улечься, в особенности

---

[1] См. № 217.

[2] См. стр. 315, прим. 2.

при ежечасных внутренних потрясениях в Турции. Последние недели в этом отношении властно подвинули то дело, которое некоторые и у нас считают желательным, но которое чревато, быть может, роковыми последствиями для балканских государств и народов и несомненными опасностями для нашей родины...

За последнее время меня поражает необычайное *спокойствие* болгарских правительственных деятелей; из кое-каких намеков и полупризнаний, вырывающихся при моем частном обмене мыслей с гг. Гешовым, Даневым, Тодоровым, Людскановым и другими, я выношу то впечатление, что у этих лиц как будто все уже решено и нет более сомнений. С нами или без нас, *но при известных обстоятельствах* и по истечении известного времени, они несомненно пойдут вперед и напролом. И в то же время я не могу отрешиться от чувства, что болгары преувеличивают свою силу, свою готовность и относительную слабость Турции; а это, разумеется, представляет еще более опасностей в случае столкновения.

Ваше высокопревосходительство можете быть уверены, что я приложу все свои старания, дабы, согласно преподанным мне указаниям, уговаривать, разубеждать и отрезвлять болгар; тормозить и предупреждать, елико возможно, всякие необдуманные с их стороны решения. Но я считаю своим неукоснительным долгом заранее указать на сгущающуюся грозу.

Не мне судить о том, каковы должны быть решения наши в случае наступления этой грозы; можно ли будет локализовать события; выступим ли мы против тех, кто захочет помешать подобной локализации; или же ограничимся взятием таких обеспечений или заручек, которые восстановили бы для нас нарушенное иной державой равновесие? Ответ на эти вопросы зависит прежде всего от обстоятельств и политических сочетаний минуты. Но во всяком случае, на мой взгляд, нам безусловно необходимо готовиться деятельно и спешно к сосредоточению и оборудованию *не позже будущей весны* таких сил, которые наглядно показали бы другим державам, что если они двинутся для занятия всевозможных обеспечений и сфер влияния на Ближнем Востоке, то и мы возьмем себе то, что входит в область наших насущных интересов и исторических заветов.

Примите и пр.

Неклюдов.

P. S. В заключение позволяю себе обратиться к вашему высокопревосходительству с почтительнейшей и настоятельной просьбой прислать мне в самом непродолжительном времени, т. е. до возвращения сюда короля, определенные и категоричные инструкции, которые я мог бы сообщить его величеству, а равно и гг. Гешову и Даневу, и которые заключали бы в себе ясное указание на невозможность для нас помочь Болгарии *и Сербии* в случае открытия ими вне нашего соизволения военных действий. Король прибудет сюда [14] 1 августа; курьер миссии выедет из Константинополя не позже [10 августа] 28 июля.

Ut in litteris

Неклюдов.

№ 360. Поверенный в делах в Белграде [1] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 94. 25/12 июля 1912 г.

Получил № 1378 [2].

Исполнил предписание. Министр иностранных дел убедительно просил меня верить, что только открытие военных действий Австрией или одним

[1] Штрандтман заменял уехавшего в отпуск Гартвига с 25/12 июля.
[2] См. № 352.

из балканских государств может заставить Сербию выступить активно и что лишь действительно тревожное положение на Балканах вынуждает здешнее военное министерство принимать меры предосторожности.

Штрандтман.

№ 361. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 580 [1]. 25/12 июля 1912 г.

Телеграмма № 1325 получена [2].

Тоунлей подобных сведений не сообщал, и они дошли до великобританского правительства из персидских неофициальных источников. С переменой политики персидского правительства и с выездом из Тегерана лидеров демократической партии в городе стали свободно говорить о Мохамед-Али-шахе и возможности его возвращения, причем слухи причисляют к числу сторонников его — Эйн-эд-Доуле, Сепехдара и других. О существовании какого-либо заговора и о причастности к нему Сепехдара миссии не известно, но, по моему мнению, Сепехдар с прошлого лета, несомненно, сочувствует реставрации бывшего шаха, и это чувство разделяется в еще большей степени его помощником по управлению Азербайджаном — Хишмет-эд-Доуле. Ввиду этого и того обстоятельства, что оба эти лица считаются одними из самых преданных нам сторонников, было бы прискорбно, если между ними и Шоджа-эд-Доуле не установилась полная гармония в Тавризе. Персидское правительство никогда не высказывало мне никаких подозрений на Сепехдара, а, напротив, уверяло меня, что относится с полным доверием ко всяким его представлениям из Тавриза, между тем как действия Шоджа-эд-Доуле продолжают возбуждать его опасения. Как я уже докладывал, Сепехдар здесь очень торопился отъездом лишь из боязни интриг его сторонников против кабинета [3].

Поклевский.

№ 362. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 643. 25/12 июля 1912 г.

Получил № 1373 [4].

Японский посланник подтвердил мне, что по просьбе китайцев из Японии сюда будут присланы 3 офицера в качестве преподавателей в военной академии, которая будет переведена в Пекин из Баодинфу. Единственный остающийся теперь в Баодинфу из бывших там прежде при академии четырех японских инструкторов также переедет в Пекин.

Крупенский.

---

[1] Царск. экз.
[2] См. № 315.
[3] См. № 251.
[4] Тел. от 16/3 июля за № 135 Малевский сообщал Нератову: «По частным сведениям, японскому военному агенту в Пекине послана от здешнего министерства телеграмма; он должен отклонить ожидаемую просьбу китайского правительства о присылке японских инструкторов в китайскую армию». Дополнительно, тел. от 21/8 июля за № 141, Малевский сообщал: «Японский военный агент в Пекине ответил, что если отказать китайцам в посылке инструкторов, то они пригласят германских; чтобы воспрепятствовать этому, в японском военном министерстве решено согласиться на ожидаемое предложение, но послать только трех офицеров, под видом изучения языка». Последняя тел. Малевского была передана Нератовым в Пекин 23/10 июля за № 1373.

№ 363. Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

26/13 июля 1912 г.

Urgente.

L'Ambassadeur d'Angleterre a l'honneur d'informer Son Excellence M. Nératow, par ordre de Sir E. Grey, que le Gouvernement de Sa Majesté britannique approuve les termes de la communication à faire au Gouvernement persan, proposée par les Ambassadeurs d'Angleterre et de Russie à Constantinople, au sujet de la reconnaissance par la Perse de la note explicative, si toutefois la communication précitée est approuvée par le Gouvernement russe [1]. Sir E. Grey estime, toutefois, que l'Angleterre et la Russie doivent démontrer au Gouvernement persan la nécessité de les consulter au sujet des concessions qu'il réclame de la Turquie en échange de son acceptation de la note explicative. Le Gouvernement de Sa Majesté britannique n'a pas encore porté à la connaissance du Gouvernement persan la communication faite à l'Ambassadeur ottoman à Londres le 18 juillet dernier au sujet de la frontière préconisée par l'Angleterre près de Mohammerah. Deux copies de cette communication ont été transmises à M. Nératow par une note verbale de l'Ambassadeur en date du 20/7 juillet dernier [2].

Sir E. Grey désire savoir si le Gouvernement russe serait prêt à se joindre au Gouvernement de Sa Majesté britannique en engageant la Perse à faire quelques concessions à la Turquie dans le Zohab, dans le cas où le Gouvernement ottoman se rendait au point de vue britannique en ce qui concerne Mohammerah et au point de vue russe en ce qui concerne la partie nord de la frontière. Sir E. Grey se rend bien compte que de telles concessions ne seraient guère agréables à la Perse, mais il pense que c'est là le seul moyen de trouver un compromis et d'éviter un appel au Tribunal de la Haye [3].

Перевод.

Срочно.

Английское посольство имеет честь, по распоряжению сэра Э. Грея, уведомить его превосходительство г. Нератова, что правительство его британского величества одобряет предложенный английским и российским послами в Константинополе текст сообщения, имеющего быть сделанным персидскому правительству, относительно признания Персией объяснительной ноты, если только вышеназванное сообщение будет одобрено российским правительством. Сэр Э. Грей, однако, считает, что Англия и Россия должны доказать персидскому правительству необходимость запросить их совета по вопросу об уступках, которые оно потребует от Турции взамен принятия им объяснительной ноты. Правительство его британского величества еще не довело до сведения персидского правительства сообщение, сделанное оттоманскому послу в Лондоне 18 июля тек. года по вопросу о рекомендованной Англией линии границы около

---

[1] В тел. от 24/11 июля за № 508 М. Гирс передал Нератову содержание выработанного им совместно с Марлингом сообщения. Англ. и росс. посланники в Тегеране должны были от имени своих правительств рекомендовать перс. прав-ву признать объяснительную ноту, «что дало бы правительствам возможность требовать от Турции принятия идентичной карты и, быть может, и других уступок в пользу Персии».

[2] Вербальная нота англ. пос-ва в Петербурге не обнаружена. О содержании сообщения турец. послу в Лондоне см. стр. 339, прим. 4.

[3] Тел. от 27/14 июля за № 1412 Нератов, сообщая М. Гирсу (копия в Лондон и Тегеран) содержание публикуемой пам. записки, отмечал: «Принимая во внимание, что англичане таким образом, все-таки, опередили своим требованием принятие персами объяснительной ноты, чем значение этого шага со стороны Персии в сильной мере подорвано, я полагаю, что нам следует безотлагательно заявить Порте наши требования относительно восстановления status quo 1905 г.». «Прошу спешно вашего заключения, — заканчивал Нератов, — как по вопросу о Зохабе, так и относительно прочих уступок со стороны персов. Этот вопрос не должен, однако, препятствовать Поклевскому-Козелл вместе с Тоунлеем сделать ныне же персидскому правительству вышеупомянутое сообщение с указанием на необходимость условиться с обеими державами относительно уступок, которые оно намерено потребовать у турок».

Мохаммеры. Г. Нератову были переданы две копии этого сообщения при вербальной ноте посла от 20/7 июля тек. года.

Сэр Э. Грей желает знать, готово ли российское правительство присоединиться к правительству его британского величества для того, чтобы предложить Персии сделать некоторые уступки Турции в Зохабе в том случае, если турецкое правительство согласится с английской точкой зрения в отношении Мохаммеры и с русской точкой зрения в отношении северной части границы. Сэр Э. Грей прекрасно сознает, что подобные уступки не были бы особенно приятны Персии, но он думает, что это единственный путь изыскать компромисс и избежать обращения к Гаагскому трибуналу.

№ 364. Посланник в Софии министру иностранных дел [1].

/. Письмо. 26/13 июля 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В телеграмме от [9 июля] 26 июня [2] я указывал на намерение кабинета г. Гешова поднять перед державами вопрос о македонских реформах. В ответной телеграмме своей от [23] 10 июля, гофмейстер Нератов поручил мне заявить Гешову при удобном случае, «что мы считаем нынешнее запутанное внутреннее положение турецкого правительства и возбуждение, вызванное новой атакой Дарданелл, особенно неблагоприятными для каких-либо выступлений» [3].

Если дело идет здесь о *дипломатическом* выступлении болгарского правительства в пользу македонских реформ, то я не думаю, чтобы г. Гешов и его товарищи когда-либо склонны были использовать специально для этой цели наиболее затруднительные для Турции моменты. Подобные моменты дают болгарам, напротив того, искушение выступить более активными средствами, опасность, на которую я указываю в предыдущем моем письме [4].

Выступление болгарского правительства перед державами в смысле македонских реформ являлось бы скорее успокоительным симптомом вынужденного обстоятельствами отказа (временного, по крайней мере) от активных против Турции действий.

Планам возобновления болгарских ходатайств в пользу македонских реформ можно было бы, конечно, противопоставить с нашей стороны убеждения в полной бесцельности, по существу сизифовой работы, приведения в порядок европейских вилайетов Турции. Но болгарские правители, я убежден, вовсе и не думают о *существе* дела. Для них поднять снова официальным образом вопрос о македонских реформах — значило бы, во-первых, лишний раз и торжественно заявить перед Европой о своей солидарности с болгарскими населениями Македонии, а, во-вторых, прикрыть себя, насколько возможно, против слишком резких взрывов ненависти и мщения со стороны македонских организаций.

Месяца четыре тому назад, по всем доходившим сюда сведениям, македонское население было еще истомлено, инертно и не поддавалось пропаганде «комитаджиев». Но участившиеся злодейства турецких банд, оживившаяся деятельность христианских и, в особенности, столь далеко распространившееся албанское восстание снова подготовили Македонию к возможностям серьезного повстанческого движения. К тому же комитеты здесь и в Белграде действуют во-всю, поддерживая брожение не только в Македонии, но особенно здесь, среди общественного мнения, среди офицерства и т. д.

Король Фердинанд бесспорно опасается македонцев: он опасается их покушения (и не безосновательно) и их пропаганды недовольства внешней политикой короля в самой стране. Опасения короля разделялись и всеми кабинетами, стоявшими последовательно у власти. В официальных средах

[1] См. стр. 361, прим. 2.
[2] Имеется в виду тел. за № 68, которая датирована 10 июля/27 июня (см. № 283).
[3] См. № 352.
[4] См. № 359.

македонские организации представлены, как известно, г. Ризовым, ныне болгарским посланником в Риме, — заговорщиком пронырливым, способным решительно на все для достижения своих политических идеалов, но умным, энергичным и всецело преданным делу освобождения Македонии от турецкого ига. Ризова старались держать подальше от Софии, поручая ему дипломатические посты. Но с ним и издали считаются, и в настоящую минуту итало-турецкая война еще усугубила значение его деятельности; с другой стороны, Ризов — persona grata в Белграде, где в высшей степени одушевлены ныне мыслью о возможности вступления сербских и болгарских войск в Македонию.

Вообще за последнее время болгарское правительство чутко прислушивается к мнениям и к деятельности македонских организаций. По сведениям здешнего агента нашей тайной полиции (который лично не внушает мне никакого доверия, но который имеет иногда интересные сведения в области македонской агитации), македонские комитеты с месяц тому назад вошли будто бы в сношения с здешним военным министерством; последнее обещало им будто бы оружие и снаряды, но требует, чтобы восстание вспыхнуло не ранее конца сентября сего года. В этих сведениях, быть может, много преувеличенного, но они имеют долю правдоподобия. К тому же все газеты здесь толкуют с некоторого времени о возможности и даже о вероятности восстания в Македонии, и срок «конца сентября» месяца носится, так сказать, в воздухе.

Вот течения, с коими приходится здесь считаться; и вот почему я думаю, что в той или другой форме македонский вопрос будет поставлен болгарским правительством перед Европой, как поставлен он уже ныне перед самим болгарским правительством деятельностью македонских комитетов и общественным мнением Болгарии.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 365. Посланник в Софии министру иностранных дел [1].

Письмо. 26/13 июля 1912 г.

Частное.

Весьма доверительное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

А. И. Гучков посетил на прошлой неделе Софию и Белград. Официально он прибыл сюда для открытия в Софии отделения страхового общества «Россия». Но вы достаточно знаете Александра Ивановича, чтобы понимать, что настоящей целью его поездки было исследовать на месте политические настроения балканских славян, — сочувствия к вожделениям коих он и не скрывает. Находясь со мной в давнишней приязни, Гучков по моей просьбе остановился у меня, долго и откровенно со мной беседовал, и я мог вывести заключение, что он в сущности — сторонник активного выступления нашего, при известных обстоятельствах, на помощь Сербии и Болгарии и стремится к окончательному разрешению балканского вопроса путем раздела Македонии и утверждения нашего на берегах Босфора и Дарданелл. Бывший председатель Думы и думской комиссии государственной обороны понимает, что немедленное выступление наше было бы сопряжено с чрезвычайными опасностями; но в глубине души он не прочь был бы видеть осуществление своих желаний приуроченным к будущему лету, тем более, что он вынес убеждение в невозможности задерживать более долгое время назревшие на Ближнем Востоке события.

Здесь Гучков виделся с двумя сортами политических людей: в день приезда он провел вечер у своего давнишнего знакомого Ляпчева, куда

[1] См. стр. 363, прим. 2.

позваны были на именитого русского гостя выдающиеся деятели здешних македонских кругов и политические приятели Ляпчева и Малинова. Гучков рассказал мне потом, что все эти лица отнюдь не скрывали от него своих намерений всеми средствами поднять македонский вопрос и заставить короля Фердинанда и правительство солидаризировать Болгарию с македонским движением. Про снаряжение чет и про динамитные покушения в пределах Турции говорилось на этом вечере, повидимому, без всякого стеснения. Я не мог не заметить, однако, Александру Ивановичу по этому поводу, что в числе гостей Ляпчева и наиболее горячих ораторов находилось по всему вероятию два-три турецких и австрийских шпиона; такова уже обычная обстановка югославянских политических агитаций!

На другой день произошло весьма торжественное открытие отделения общества «Россия». Молебен служил преосвященный софийский Парфений. Присутствовали почти все министры с Гешовым и Даневым во главе и главные финансовые деятели; произнесены были здравицы теплые и дружественные, но не удалявшиеся от предмета торжества. Вечером, после семейного обеда у нас, в миссию были приглашены все участники утреннего торжества, и Гучков имел случай долго беседовать со здешними министрами, с управляющим народным банком и с другими финансовыми деятелями; вечер носил совершенно частный, домашний характер. На другой день Гучков уехал в Белград, вынеся из пребывания своего здесь приблизительно те же впечатления, которые я сам передал вам в моем официальном письме от вчерашнего числа [1]. Разница между моими мнениями и мнениями Гучкова впрочем существует; но она сводится главным образом к тому, что Гучков, как человек ныне не ответственный, более склоняется к неизбежности радикального решения вопроса, нежели русский посланник, который по долгу и в силу преподанных ему инструкций старается уцепиться за всякую возможность затормозить движение по опасному наклону.

Через два дня я вызван был С. Н. Свербеевым на свидание с ним в Вену [2], и на пути, в Белграде, в мой поезд сел Гучков, весьма удивленный этой неожиданной встречей. Тут же в вагоне и на другой день в Вене, за завтраком у Пети Волконского, он рассказал мне свои белградские впечатления. Оказывается, как я и предполагал ранее, что в Белграде настроение гораздо более воинственное, чем в Софии. Там открыто говорят, что пришло время вступить вместе с болгарами в Старую Сербию и Македонию, и также открыто признаются в поддержке, оказываемой Сербией албанскому движению. В Белграде уверены, на основании рассказов Пашича об обещаниях, данных ему будто бы в Петербурге [3], что Россия ни в каком случае не допустит Австрию вступить в Сербию и в Санджак; и что раз опасность нападения с тыла устранена, — можно смело готовиться к действию на македонском фронте.

В самый вечер моего проезда через Белград королевич Александр, в сопровождении Пашича, отправился в путешествие по Сербии; он будет осматривать главнейшие гарнизоны и в то же время, как передавали Гучкову, цель путешествия — поднять народный и династический дух перед грядущими событиями. Гучков признался мне, по поводу всего этого воинственного подъема, что он вынес из разговора с болгарскими министрами впечатление гораздо большей серьезности, выдержки и ума, чем из бесед с государственными людьми Сербии.

Впечатления, вынесенные Гучковым из Белграда, отнюдь меня не удивили. Я уже знал обо всем этом на основании откровенных со мной бесед моего здешнего коллеги и приятеля — Спалайковича. Этот последний

[1] См. № 359.

[2] Тел. от 21/8 июля за № 72 Неклюдов извещал Нератова, что он выезжает в Вену «для совершенно необходимого свидания по личному делу с Свербеевым» (см. № 366).

[3] О поездке Пашича в Россию см. стр. 152, прим. 3.

рассказывал мне про *обещания, данные якобы Пашичу в Царском Селе государем императором*, и про снаряжение албанцев запасными сербскими ружьями. Вернувшись из Белграда на прошлой неделе, он горячо убеждал меня не выступать перед болгарским правительством с заявлениями, что Россия не поддержит болгар в случае самовольного активного движения, а ограничиваться общими советами благоразумия, от Петербурга же не скрывать невозможности остановить роковое течение событий ввиду происходящего в Турции всеобщего развала. «Prenez l'exemple de Hartwig» [1], — повторял он мне при этом...

В день моего отъезда из Вены я был несколько удивлен появлением в моем номере моего доброго парижского приятеля Веснича [2]. Оказалось, что Веснич возвращался из Белграда, куда был вызван королем Петром и где отказался от поста министра иностранных дел. Узнав из газет, что я в Вене, он поспешил меня посетить и тут же сообщил, что считает долгом предупредить меня о крайне воинственном настроении Белграда. Веснич не принял министерства иностранных дел именно потому, что не сочувствует этому настроению. По его мнению, лишь только сербы вступят в пределы Турции, — албанцы-мусульмане примирятся с турками и в армии прекратятся всякие несогласия, а в то же время австрийские войска неукоснительно займут Санджак, а быть может войдут и в королевство. «Правда ли,что государь обещал Пашичу ни в каком случае не допустить движения австрийцев в Сербию и в Санджак?» «Не знаю», — ответил я. «Вы должны непременно останавливать болгар, которые сильно волнуются и готовятся». «Я так и делаю, но ваш же посланник Спалайкович их возбуждает, елико может». «Да, я знаю; Спалайкович так легкомыслен! Вообще я страшно обеспокоен всем, что я видел и слышал в Белграде, и боюсь за ближайшее будущее». Слова Веснича произвели на меня тем более сильное впечатление, что я знавал его всегда за горячего сербского патриота и за верного приверженца радикальной партии. Он родом из Санджака, и отец его был зарезан албанцами.

Пишу вам все это, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, несмотря на риск, что эти данные о Белграде и сербах могут показаться отголоском моей «неприязни» к Н. Г. Гартвигу. Да, я Гартвига не люблю и не уважаю, ни как человека, ни как деятеля; но,главным образом, я не могу оставаться спокойным наблюдателем таких действий, которые отражаются на делах, порученных моему непосредственному наблюдению. Что же касается Пашича, то я его хорошо знаю и не вполне разделяю нашего увлечения его особой. В 1908 году Пашич невозбранно несколько недель сряду возбуждал в Петербурге наше общественное мнение в смысле сопротивления аннексии; ничего особенно хорошего для нашего престижа из этого не вышло. В нынешнем году, обласканный нашим двором и нашим общественным мнением, он, по возвращении в Белград, действует, повидимому, совершенно наперекор тем благожелательным советам, которые вы ему несомненно преподали.

Но, с другой стороны, Пашич все-таки человек умный, одушевленный искренним патриотизмом и *осторожный*. Следовательно, если он вернулся в Белград в таком воинственном настроении, то значит он получил в Петербурге из сфер влиятельных, но *не* ответственных, известного рода одобрения и сведения, находящиеся в противоречии с теми, которые вы, В. Н. Коковцов и генерал Жилинский могли ему дать. Таковы мои подозрения.

Позвольте заключить это длиннейшее послание выражением мнения моего о тех средствах убеждения и воздействия, коими мы можем здесь в Болгарии затормозить нежелательное для нас (ибо несвоевременное) движение.

---

[1] «Берите пример с Гартвига».

[2] Веснич — серб. посланник в Париже.

Обращение наше к посторонним державам (Франции, Англии, Германии) и представления их посланников в Софии, по моему глубокому убеждению, не поведут к желаемой цели. Если болгары не послушают нас, то они никого не послушают. Представления же иностранных держав лишь поколеблют положение кабинета Гешова, который, повторяю, является здесь главным оплотом благоразумия.

Еще вреднее было бы, на мой взгляд, воздействие путем задержания в Париже нового болгарского займа. Это привело бы прямо к падению кабинета Гешова и серьезно возбудило бы болгар против России; а деньги в конце концов нашлись бы *(на известных условиях)* в Вене.

Единственное, чем мы можем действительно остановить болгар, — это откровенным признанием, что мы *не готовы* и что, поспешив выступлением, болгары и *сербы* будут действовать исключительно на свой страх, ибо Россия не властна, до известного срока, защитить их против Румынии и Австрии.

Эти доводы подействуют, разве что начнется действительный развал Оттоманской империи; тогда ничего не подействует.

Мне могут возразить, что и подобные доводы не лишены опасности, ибо они равняются обещанию содействия и защиты тогда, когда мы будем готовы. Я это вполне понимаю; но я никогда не скрывал от вас моего убеждения, что события, разыгрывающиеся в Турции, таковы, что рано или поздно мы не избудем нашего активного вмешательства в события. Чем позже, — тем конечно лучше.

Глубоко вас уважающий и искренне вам преданный

А. Неклюдов.

№ 366. Посланник в Софии министру иностранных дел [1].

Письмо. 26/13 июля 1912 г.

Личное. Совершенно доверительное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Из письма Ю. А. Нелидова и из разговора с Свербеевым, вызвавшим меня в Вену [2], я узнал о новой выдвинутой против меня интриге, сущность коей не могла не смутить министерство.

Мне передали, что вы получили сведения (из иностранных источников), будто бы тайна сербо-болгарского соглашения сделалась достоянием австрийского посланника в Софии графа Тарновского, благодаря нескромности моей жены [3]. Откуда идут эти сведения, — Свербеев мне не мог сказать: Нелидов же писал мне лишь в общих выражениях.

Прежде всего позвольте искренне поблагодарить вас за сообщение мне этого обвинения и притом через дружеское и полное такта посредство Свербеева.

Далее считаю долгом немедленно же заявить вам самым решительным образом, что в вышеприведенном обвинении нет ни слова и ни малейшего подобия правды.

Жена моя политикой не особенно интересуется и *никогда про политику не говорит*. Она отлично знает, что нужно быть особенно осторожным с австрийскими коллегами, и поэтому последний человек, при котором или которому она могла бы проговориться, — был бы австрийский посланник. Про сербо-болгарское соглашение жена знала grosso modo [4]; она, между прочим, отлично знает и понимает, что оно направлено прежде всего против Австрии; но подробностями соглашения она никогда не интересовалась, и я ей таковых никогда не сообщал. По получении письма Юрия Нелидова

[1] См. стр. 361, прим. 2.
[2] См. стр. 369, прим. 2.
[3] См. № 258.
[4] «в общих чертах».

*

я прямо обратился к жене, и она заверила меня честным словом, что *ни разу и ни с кем* в Софии не говорила про политику, а еще менее что бы то ни было и кому бы то ни было сообщала.

С Тарновскими — мужем и женою — у нас вполне хорошие *светские* отношения, но не больше. С некоторыми другими коллегами, а именно с Гиками, с Боздари, с Панафье [1], мы, например, гораздо интимнее. Я знаю, что некоторые из моих сослуживцев очень критикуют наши отношения с Тарновскими и тщательно за таковыми *следили*. Эти господа желали бы, чтобы мы были с австрийцами на демонстративно холодной ноге и еле кланялись бы, — как то происходит в Белграде; но, во-первых, Тарновский не Форгач и не Угрон [2], а весьма любезный с болгарами и — светски, по крайней мере, — порядочный человек; а, во-вторых, я сам никогда и ни за что не встану с моими австрийскими коллегами в явно натянутые и враждебные отношения; я предпочитаю угощать их обедами и играть с ними в бридж, а тем временем содействовать всеми моими силами противлению австрийским интригам на Балканах; и я думаю, что вы такому поведению сочувствуете.

Ввиду серьезности взведенного на мою жену обвинения, я не могу, однако, ограничиться одним категоричным отрицанием, а вынужден обратиться к вам с усиленной просьбой подвергнуть дело строгому и тщательному расследованию. Я также почтительнейше прошу вас сообщить мне, *откуда* идет это обвинение и *какими доводами оно подкреплено*. Подобная вещь — не шутка; и я вправе желать, чтобы на это дело было пролито как можно более света и чтобы мне дана была полная возможность оправдать мою жену и себя самого.

Меня, очевидно, очень уж хотят спихнуть с моего места, где я в коем возбуждаю зависть и где я особенно неугоден тем личностям — русским, болгарам и сербам, — которые хотели бы ускорить события и втянуть Россию — против явно выраженной воли государя и правительства — в войну.

Пробовали и пробуют отделаться от моего стеснительного здесь присутствия всячески: нельзя поссорить меня с нынешним болгарским кабинетом, — стараются поссорить с Фердинандом; нельзя донять меня глупыми сплетнями, вроде того что у нас повар плохой или что я на теннисе стал будто бы на колени перед румынским посланником (добро бы еще посланницей!), — так выдвигают тяжелую артиллерию гнусной лжи и клеветы!

Я в Софии силен главным образом вашим доверием и вашей поддержкой. Мне поэтому необходимо, чтобы в вас не могло быть и тени сомнения в моих действиях и в действиях и поведении моей жены, чтобы вы удостоверились в безусловной лживости взведенных на нас обвинений. В противном случае я предпочитаю уйти из Софии и просить у вас другого места, не имеющего такого политического значения и такой непосредственной важности в цепи осложняющихся событий.

Я вам глубоко благодарен за все, что вы для меня сделали; я дорожу в высшей степени вашим добрым мнением, не только как министра и моего начальника, но и как человека; я к вам питаю безусловное доверие и, предоставляя все дело в ваши руки, я спокоен.

Одно только меня глубоко огорчает и даже озлобляет: это что в настоящую минуту, когда все мои помыслы должны были бы быть обращены лишь на *суть* порученного мне дела, — я невольно и несмотря на все мои старания совладать с моими нервами отвлечен личными тревогами, ожиданием все-

---

[1] Гика, Боздари, Панафье — румын., итал. и франц. посланники в Софии.

[2] Форгач — австро-венг. посланник в Белграде в 1907—1911 гг.; Угрон — австро-венг. посланник в Белграде в 1911—1913 гг.

возможных нареканий, клевет, неприятностей... И это большей частью со стороны лиц, которые от меня кроме доверия, благожелательности и услуг ничего не видали!

Глубоко уважающий вас и искренне вам преданный

А. Неклюдов.

№ 367. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 95 [1]. 26/13 июля 1912 г.

Австро-Венгрия.

Министр иностранных дел просит телеграфировать вашему высокопревосходительству полученные им от своего консула в Будапеште новые, сильно его встревожившие подтверждения австрийских военных подготовлений в сторону Балканского полуострова [2]. Кроме того, о намерениях Австрии напасть на Сербию министр иностранных дел доверительно осведомлен из Константинополя и Афин. Узнаю от болгарского посланника о сделанном ему здешним австро-венгерским военным агентом, приблизительно месяц назад, заявлении, что принимаемые Австрией меры имеют целью, в случае необходимости, одновременным вторжением с разных сторон в Сербию лишить последнюю всякой возможности сопротивляться [3].

Штрандтман.

№ 368. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 511. 26/13 июля 1912 г.

Сегодня в палате депутатов президент ее прочел письмо группы офицеров, требующих его отставки и роспуска палаты. После очень бурного заседания и горячих заявлений депутатов о своей готовности жертвовать жизнью для спасения отечества и защиты своих прав, палата постановила спешно вызвать великого визиря и военного министра для объяснений. Таким образом, отношения между палатой, защищающей младотурецкий комитет, и лигой офицеров все больше принимают крайне обостренный характер, могущий привести к междоусобной резне. Почитаю долгом донести, что последствия ее могут быть крайне опасны ввиду напряженного нетерпения, с каким балканские государства следят за развитием здесь анархии для достижения своих заветных завоевательных целей. Сужу об этом не столько по получаемым здесь сведениям из Балкан, сколько по нервности, проявляемой ныне моими славянскими сотоварищами, отличавшимися доныне сравнительным спокойствием. Кризис на этой почве может разразиться во всякое время, и нам необходимо быть готовыми к нему [4].

Гирс.

---

[1] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Париж и Вену 27/14 июля за № 1414.

[2] См. № 310.

[3] Тел. от 29/16 июля за № 54 (опубл. Siebert, II, S. 424, N 659) Н. Гирс сообщал, что Берхтольд «отвергает самым энергичным образом сведения, сообщенные сербским консулом в Будапеште. Пока никаких действительно военных мер с австрийской стороны не принималось, но здесь хорошо известно нервное настроение в Белграде».

[4] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Париж 28/15 июля за № 1419.

№ 369. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 734. 26/13 июля 1912 г.
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Письмом от [18] 5 сего июля за № 656 [1] ваше превосходительство сообщили мне, что наш посланник в Пекине вывел из телеграммы г. Верстрата на имя г. фон Гойера от [15]2 июля заключение, будто входящая в состав международного консорциума русская финансовая группа готова поступиться требованием о контроле над расходованием выручки займа, который китайское правительство предполагает заключить через посредство Консорциума. Отмечая при этом, что отказ от такого требования идет вразрез со взглядами, высказывавшимися мной в переписке с вами, вы просили меня разъяснить, правильно ли были поняты г. Верстратом мои указания в данном вопросе.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему превосходительству следующее.

Как вы изволите усмотреть из препровожденных мной вам последних сообщений г. Верстрата, в частности письма его на мое имя от [18] 5 июля и приложенной к сему письму копии письма его же на имя г. Симона, русская финансовая группа продолжает стоять на точке зрения, вполне согласной с моим взглядом на настоящий вопрос, т. е. считает одним из непременных условий заключения Китаем займа, крупного ли или сравнительно небольшого, установление иностранного контроля над расходованием выручки этого займа [2].

Что же касается той телеграммы г. Верстрата от [15] 2 сего июля [3], которая явилась поводом к вышеизложенному опасению нашего посланника, то телеграммой этой г. Верстрат уведомил г. фон Гойера о том, что русская, английская, французская и германская группы признают возможным несколько отступить от поставленных первоначально Китаю условий, сократив сумму займа и изменив план реорганизации соляной монополии, имеющий служить гарантией займа, но что во всем остальном группы будут стремиться к осуществлению программы, предусмотренной в телеграмме Консорциума на имя его представителей в Пекине от 15 мая н. ст. [4], каковая телеграмма, как вашему превосходительству известно, включает в себе и предположения о контроле над расходованием как авансов, так и будущего займа.

Хотя, таким образом, указания, данные г. фон Гойеру в телеграмме г. Верстрата от [15] 2 сего июля, повидимому, были достаточно ясны, тем не менее, во избежание недоразумений, г. фон Гойеру подтверждается еще раз инструкция о необходимости добиваться контроля над расходованием китайским правительством выручки займа [5].

Примите и пр.

В. Коковцов.

---

[1] См. № 321.

[2] В письме на имя Коковцова от 18/5 июля Верстрат сообщал, что в связи с циркулярным письмом Аддиса, обращенным к представителям банков, он выразил ему согласие русской группы примкнуть к решению, к которому явно склоняется Аддис: считать заем в 20 миллионов ф. ст. самостоятельной операцией, обеспечив необходимые гарантии и контроль за расходованием средств, полученных от займа.

В письме от 17/4 июля на имя Симона, Верстрат также подтверждал, что считает установление иностранного контроля над расходованием средств от займа непременным условием его выдачи.

[3] Текст этой телеграммы при сем прилагается. [Прим. оригинала.] (См. стр. 327, прим. 1.)

[4] См. стр. 86, прим. 3.

[5] В тел. от 27/14 июля за № 654 В. Крупенский сообщал, со слов Гойера, что, согласно полученной новой тел. Верстрата, обмен мнений между группами,

№ 370. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 883. 27/14 июля 1912 г.

Le Gouvernement impérial partageant l'opinion de Sir E. Grey, exposée dans l'aide-mémoire de l'ambassade britannique en date du 26/13 juillet ct. [1], les ordres nécessaires ont été expédiés au Ministre de Russie à Téhéran de s'entendre avec son collègue britannique pour faire au Gouvernement persan la communication proposée par les représentants de Russie et de la Grande-Bretagne à Constantinople au sujet de l'acceptation par la Perse de la note explicative, en ajoutant que ledit Gouvernement devrait s'entendre préalablement avec les deux Puissances au sujet des concessions qu'il pourrait exiger à son tour de la part de la Turquie [2].

Quant à la question des concessions que la Perse, de son côté, pourrait faire à la Turquie, si le Gouvernement ottoman se rend au point de vue britannique en ce qui concerne la frontière près de Mohammerah et aux exigences russes par rapport à la partie septentrionale de la frontière en litige, le Gouvernement impérial a cru nécessaire de demander l'avis de ses représentants à Constantinople et à Téhéran avant de formuler une opinion à ce sujet. Toutefois, vu que le Gouvernement britannique a déjà fait, par l'entremise de l'Ambassadeur ottoman à Londres, une communication à la Porte à propos de la ligne de démarcation près de Mohammerah [3], le Gouvernement impérial se voit obligé à son tour d'entrer en pourparlers avec le Gouvernement ottoman pour réclamer le maintien du status quo de 1905 sur la partie de la frontière qui s'étend approximativement du mont Ararat jusqu'à Souleimanieh, tout en comptant dans cette question sur l'appui que le Cabinet de Londres a bien voulu lui promettre.

Перевод.

Ввиду того, что императорское правительство разделяет точку зрения сэра Э. Грея, изложенную в памятной записке британского посольства от 26/13 июля, было послано надлежащее распоряжение российскому посланнику в Тегеране договориться со своим британским коллегой о том, чтобы сделать персидскому правительству предложенное представителями России и Великобритании в Константинополе сообщение по поводу принятия Персией объяснительной ноты, добавив при этом, что указанное правительство должно предварительно договориться с обеими державами по вопросу об уступках, которое оно, в свою очередь, могло бы потребовать от Турции.

Что же касается вопроса об уступках, которые Персия, со своей стороны, могла бы сделать Турции, в случае если бы оттоманское правительство согласилось с британской точкой зрения по вопросу о границе у Мохаммеры и с русскими требованиями относительно северной части спорной границы, то императорское правительство, прежде чем сформулировать свое мнение по этому вопросу, сочло необходимым запросить заключение своих представителей в Константинополе и Тегеране. Однако ввиду того, что британское правительство, через посредство оттоманского посла в Лондоне, уже сделало сообщение Порте по поводу демаркационной линии у Мохаммеры, императорское правительство считает себя вынужденным в свою очередь вступить в переговоры с оттоманским правительством, чтобы потребовать сохранения status quo 1905 г. в части границы, идущей, ориентировочно, от горы Арарат до Сулеймание, рассчитывая в этом вопросе на поддержку, которую лондонский кабинет соблаговолил ему обещать.

упомянутый в тел. Верстрата от 15/2 июля, «вовсе не касался каких-либо уступок в вопросе о контроле». Далее Крупенский отмечал: «Это, однако, не меняет моего мнения о желательности с точки зрения специальных наших интересов, чтобы заем даже в малом размере был обставлен возможно более тяжелыми для китайцев условиями».

[1] См. № 363.

[2] См. стр. 366, прим. 3.

[3] См. стр. 339, прим. 4.

№ 371. Докладная записка министра иностранных дел [1] Николаю II.

/. 27/14 июля 1912 г.

Я имел вчера с находящимся проездом в С.-Петербурге князем Кацура разговор, содержание коего почитаю всеподданнейшим долгом доложить вашему императорскому величеству.

Князь Кацура начал с выражения удовольствия по поводу установившихся между императорским и японским правительствами отношений и с заверения, что японское правительство желает действовать солидарно с нами в китайских делах. На мое замечание, что Япония не всегда строго придерживается такого образа действий, как, например, недавно в вопросе о китайском займе, когда японцы пошли на уступки, явно нам неудобные и невыгодные [2], мой собеседник отозвался указанием на необходимость для японского правительства считаться с желаниями своих союзников-англичан; он явно намекал на невозможность для японцев, при их стесненном финансовом положении, идти открыто против английских банкирских сфер. Во всяком случае, по словам князя Кацура, такого рода разногласия, в сущности не имеющие серьезного значения, могли происходить лишь в отношениях с европейскими державами, по отношению же Китая они невозможны, ибо японское правительство твердо держится правила ничего не предпринимать там без ведома и согласия императорского правительства. Я ответил, что необходимость такого солидарного с Японией образа действий ясно сознается и в России; не только правительство наше держится этого взгляда, но, как князь Кацура мог убедиться за время пребывания в С.-Петербурге, этот взгляд вошел в сознание русского общественного мнения.

Вызванный мной на изложение своего взгляда на те реальные формы, в которые может вылиться солидарная политика России и Японии в Китае, князь Кацура указал мне на ход событий в этой стране, принимающий такой оборот, при котором интересы наши будут слишком затронуты, чтобы мы могли продолжать оставаться спокойными зрителями этих событий. Он предвидит возможность наступления такого момента, когда России и Японии силой вещей придется перейти к более активной политике в Манчжурии и к военному занятию каждой из них некоторых пунктов в сфере ее влияния. Он не ожидает, чтобы такая мера встретила активное сопротивление со стороны держав, но полагает, что дипломатические протесты некоторых из них, например Германии и Соединенных Штатов, вполне возможны. В виду этого России и Японии необходимо быть в этом случае вполне солидарными, опираясь на сочувствие и дипломатическую поддержку своих союзников. В сочувственном отношении английского правительства, для которого намерения Японии не составляют тайны, он уверен, как, по его мнению, и мы можем быть уверены в благосклонном отношении нашей союзницы Франции. Не отрицая последнего соображения, я высказал мысль, что оккупация русскими и японскими военными силами Манчжурии не встретит сопротивления парижского и лондонского кабинетов только при том условии, если этой мерой не будут нарушены торговые интересы этих держав и, следовательно, права их подданных в Манчжурии не потерпят умаления. Князь Кацура вполне согласился со мной. Он видит необходимость действовать в Манчжурии осмотрительно и постепенно. Принцип открытой двери в Манчжурии должен быть сохранен и при нашей и японской оккупации. Не следует также упразднять теперь же китайскую администрацию: это значило бы взять на себя тяжелую и неблагодарную задачу управлять краем. Достаточно будет обеспечить за собой возможность влиять

[1] Сазонов, находившийся в отпуску, с 25/12 по 27/14 июля был в Петербурге.
[2] См. № 182.

на выбор китайских властей для Манчжурии, чтобы не допустить назначения в русскую сферу лиц, враждебных России, и в японскую — чиновников, враждебно настроенных к Японии.

В заключение мы условились, что при посещении английского двора осенью текущего года я буду зондировать почву, чтобы узнать, как отнесся бы С.-Джемский кабинет к оккупации Манчжурии. Князь Кацура находил это весьма желательным и просил меня не скрывать от английских министров, что, говоря от имени российского правительства, я являюсь выразителем взглядов, пользующихся полным сочувствием Японии [1].

Сазонов.

№ 372. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 1416. 27/14 июля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 511 [2].

Благоволите справиться, получило ли правительство Республики столь же тревожные сведения.

Со своей стороны мы чрез наших представителей в частной форме уже преподали балканским государствам указание, что считаем переживаемые Портой внутренние затруднения особенно неблагоприятным моментом для каких-либо с их стороны выступлений [3].

Вследствие изложенного полагаем, что было бы желательно, чтобы и Франция высказалась в одинаковом смысле, и спрашиваем себя, не надлежит ли нам обоим привлечь на нынешнее положение внимание Англии, а может быть и остальных великих держав.

Нератов.

№ 373. Министр иностранных дел [4] послу в Париже Извольскому.

Письмо. 27/14 июля 1912 г.

М. г. Александр Петрович,

Во время пребывания на рейде «Штандарт» по случаю высочайшего свидания с шведской королевской четой [5], я имел счастие лично доложить его императорскому величеству весьма секретное письмо вашего высокопревосходительства на имя гофмейстера Нератова от 18/5 июля [6].

Государю императору благоугодно было изъявить удовольствие по случаю успешного завершения переговоров между начальниками нашего и французского морских генеральных штабов и всемилостивейше уполномочить меня на скрепление моей подписью выработанного в Париже соглашения.

Что касается формы, в которой должно выразиться такое скрепление морской конвенции, то считаю долгом напомнить, что, как вам известно, военная конвенция 1892 года, к которой нынешняя морская служит как бы дополнением, в свое время была подписана лишь начальниками генеральных штабов; утверждение же от имени обоих правительств она получила год спустя путем обмена нот между министром иностранных дел статс-секретарем Гирсом ([26] 14 [7] декабря 1893 г.) и французским послом при

[1] О беседе с Кацура Сазонов известил Малевского письмом от 26/13 июля за № 693, содержание которого совпадает с публикуемым документом.

[2] См. № 368.

[3] См. № 352.

[4] См. стр. 376, прим. 1.

[5] См. № 274.

[6] См. № 325.

[7] В оригинале ошибка; следует читать: «[27] 15».

высочайшем дворе графом Монтебелло (4 января/23 декабря 1894—3 г.). Впоследствии конвенция была еще раз подтверждена и притом снова обменом отдельных писем министрами иностранных дел графом Муравьевым ([8 августа] 27 июля 1899 г.) и г. Делькассе (9 августа /28 июля 1899 г.) во время пребывания последнего в С.-Петербурге.

Ввиду того, что заключенное ныне морское соглашение является естественным развитием и дополнением военной конвенции, может быть, было бы уместно применить для ее утверждения правительствами тот же способ, который был принят и в отношении упомянутой конвенции 1892 года. В таком случае во время предстоящего здесь пребывания г. Пуанкаре мы могли бы обменяться с ним соответственными письмами, подобно тому как это было сделано в 1899 году.

Однако рассматривая это не более как вопрос формы, я со своей стороны не встретил бы принципиальных препятствий к применению ныне иного способа скрепления договора, а именно к приложению подписей министров иностранных дел к самому акту соглашения, — как это предлагается в вашем письме, — если французы будут на этом настаивать.

Оставляя разрешение этого формального вопроса до приезда сюда г. Пуанкаре, не могу не отметить по существу дела, что состоявшееся соглашение встречено нами с чувством живейшего удовлетворения в надежде, что, закрепив еще более наши тесные отношения с Францией, оно послужит на пользу обеим союзным державам.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 374. Консул в Ускюбе в первый департамент министерства иностранных дел.

Донесение № 254. 27/14 июля 1912 г.

Албанское движение.

Имею честь уведомить департамент, что сего числа за № 253 мной сообщается в императорское посольство в Константинополе нижеследующее: Смутное политическое состояние Албании не улучшилось за последнее время. Албанцы не могут удовлетвориться правительством, опирающимся на парламент, двери которого остаются запертыми в силу последних выборов для вождей албанского народа. С другой стороны, младотурки продолжают все еще вести борьбу с албанцами, несмотря на то, что те за последнее время соединили свое дело с делом мусульманской оппозиции, т. е. значительного числа армии и турецкого народа.

Так [25] 12 июля первый батальон 61 полка из Гусинье доставлен обезоруженным и отправлен под конвоем в Салоники. Это уже не первый случай войск, у которых приходится отбирать оружие. Чтобы скрыть факты явной несубординации, турецкое правительство объявило перерыв военных действий. Но эта остановка носит, так сказать, односторонний характер, ибо албанцы пользуются пассивностью турок, чтобы распространять район своих действий. Кроме города Ипека албанцы всюду одерживают верх. Обширная Тетовская долина фактически перешла в руки повстанцев, которые могут отрезать Качаник с юга или атаковать Ускюб с запада. Значительнейшим лицом в этой долине является Мехмет-паша Дерала, албанец, который, как я имел честь донести по телеграфу в посольство [25] 12 июля, поехал в Приштину на албанское совещание, этот маленький парламент, который устроили себе албанские вожди, не допущенные в константинопольский. При этом он взял с собой несколько влиятельных ходжей, а также одного серба и двух болгар. Точно так же из Призрена поехал серб Костич. Албанцы желают, чтобы в приштинском совещании участвовали также представители христиан. Они хотят противопоставить младотуркам волю всего населения провинции.

Пока турки продолжают концентрировать новые силы. Прошла часть Кожанской дивизии и шесть батальонов дивизии из Димотики. В Качанике сосредоточено до 10 батальонов [1].

Сейчас вопрос сводится к тому, атакуют ли албанцы Качаник, чтобы овладеть затем Ускюбом, или ограничатся переговорами в Приштине [2]. Настроение войск неопределенно. Вполне полагаться на них нельзя. Самым действительным средством остановить рост общего недовольства был бы роспуск парламента. Насколько мне известно, собрание в Приштине начнет с этого свои требования. Затем оно будет добиваться разрешения носить оружие, признания албанского языка с латинским шрифтом, военной службы в пределах Албании и постройки дорог.

Кроме несения военной службы в пределах Албании, все эти требования не представляют ничего особо неприемлемого по мнению албанцев. Оружие они имели всегда вплоть до разоружения 1910 года. Что же касается латинского шрифта, то раз грекам и армянам разрешается иметь книги со своим шрифтом, они не видят причин, почему им нельзя иметь таковой.

В случае отказа в новых выборах в парламент и непринятия их пожеланий, албанцы хотят продолжать борьбу с младотурками вплоть до движения на Константинополь [3].

А. Калмыков.

№ 375. Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

28/15 июля 1912 г.
Urgent et personnel.

Le Gouvernement des États-Unis d'Amérique a informé le Gouvernement de Sa Majesté britannique, en ce qui concerne l'emprunt chinois, que selon lui les Gouvernements devraient, jusqu'à ce qu'il y ait quelque changement matériel dans la situation actuelle, se maintenir avec fermeté aux termes des représentations identiques en date du 9 juillet/26 juin dernier [4], et que si la Chine ne peut accepter les conditions qui s'y trouvaient rattachées, elle devrait être libre à [5] faire d'autres arrangements.

L'Ambassadeur d'Angleterre prie Son Excellence M. Nératow de bien vouloir lui faire savoir quelle réponse le Gouvernement russe compte rendre dans le cas où il aurait reçu une communication analogue de la part du Gouvernement des États-Unis d'Amérique [6].

---

[1] В рапорте от 4 авг./22 июля за № 160 Хольмсен сообщал в отдел ген. квартирмейстера главного управления ген. штаба, между прочим, следующее: «Албанцы одерживают все большие успехи; главные города Северной Албании — Приштина, Митровица, Призрен, Дьяково и Ипек — уже в их руках, и они угрожают наступлением на Ускюб. Серьезных мер против них правительство до сих пор не приняло, так что анархия только усиливается в Албании».

[2] Тел. от 29/16 июля за № 520 М. Гирс сообщал: «На мой вопрос о положении вещей в Албании, министр иностранных дел ответил, что ввиду трудности ведения в Константинополе переговоров с албанцами правительство отрядило к ним маршала Ибрагим-пашу, родом албанца, имеющего, по словам его, большое влияние на своих земляков».

[3] Тел. от 29/16 июля за № 522 М. Гирс сообщал: «Калмыков телеграфирует: По полученным нами сведениям турецкая комиссия в Приштине приняла условия албанцев: роспуск парламента и новые выборы, албанский язык и шрифт, общую амнистию, право носить оружие, немедленно построить дороги и дача обещания, что албанские солдаты не будут посылаться в Иемен. Албанцы ждут султанского ирадэ об этом».

[4] См. № 355.

[5] Так в оригинале; следует читать: «de».

[6] В пам. записке от 2 авг./20 июля за № 713 росс. м-во ин. дел уведомило Бьюкенена, что оно не получало аналогичного сообщения от прав-ва США, но в случае

Перевод.

Срочно и лично.

По вопросу о китайском займе правительство Соединенных Штатов Америки уведомило правительство его британского величества, что, по его мнению, до тех пор, пока в настоящем положении не произойдет существенных изменений, правительствам следует твердо держаться условий, поставленных в идентичных заявлениях от 9 сего июля/26 июня, и что если Китай не может принять условий, которые тогда были предложены, он должен получить свободу заключать другие соглашения.

Английский посол просит его превосходительство г. Нератова уведомить его, какой ответ предполагает дать российское правительство, если бы оно получило от правительства Соединенных Штатов Америки аналогичное сообщение.

№ 376. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Белграде Штрандтману.

/. Телеграмма № 1417. 28/15 июля 1912 г.

Копия в Париж.

Телеграмма № 95 получена [1].

Можете при случае успокоить сербов указанием, что мы внимательно следим за нынешним положением [2]. Но благоволите также высказать наше мнение, что главнейшую опасность для Сербии мы видим в соблазне для нее воспользоваться турецко-албанской смутой для какого-либо активного выступления. Такой образ действий Сербии, несомненно, послужил бы для Австрии тем непосредственным предлогом для нападения и оправдания пред Европой своего образа действий, который будет труднее отыскать, если Сербия останется в оборонительной позиции.

Поэтому надеемся, что Сербия будет хладнокровно продолжать свою нынешнюю разумную политику [3].

Нератов.

№ 377. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 28/15 июля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Hier j'ai pris congé de Grey, comptant partir lundi matin [4]. J'avais vu le Roi l'avant-veille. L'un et l'autre m'ont vivement exprimé leur satisfaction de voir le projet de votre visite aboutir [5]. Je n'avais rien de particulier à traiter, tout l'entretien avec Grey porta sur cette visite.

Grey y attache la plus grande importance. Il m'a dit qu'il comptait passer en revue avec vous toute la situation politique et de ne vous faire aucun mystère sur sa manière de voir sur aucun sujet. Balkans, Méditerranée, Détroits, si vous le désirez. Je lui ai dit: «Il y a aussi la Chine, où je ne vois aucun de nos intérêts en conflit. Mais des points qui sont restés trop dans le vague». Il en convint. Je lui dis qu'il me semblait que les choses n'allaient pas

---

получения такового, оно сочло бы необходимым запросить объяснений относительно фразы: «Китай должен получить свободу заключать другие соглашения», так как точный смысл этой фразы ему неясен. Далее в пам. записке отмечалось, что данные недавно росс., англ. и франц. представителям в Пекине инструкции «не имели столь непримиримого характера, как настоящее предложение американского правительства», так как в тех инструкциях предусматривалась возможность обсуждения формы контроля и гарантий займа.

[1] См. № 367.

[2] Далее зачеркнуто: «и даже обсуждаем его совместно с Францией».

[3] Ответной тел. от 2 авг./20 июля за № 101 Штрандтман сообщил Нератову, что его объяснения успокоили Иовановича. М-р ин. дел заверил его, что «Сербия не подаст Австрии повода к активному выступлению», хотя серьезность положения в Албании заставляет серб. прав-во опасаться осложнений.

[4] 29/16 июля.

[5] См. № 317.

toutes seules au Thibet et que, d'autre part, nous avions la question de Mongolie. Grey me répondit que pour le Thibet, tout comme pour le Midi de la Perse, un groupe voulait pousser l'Angleterre à des interventions énergiques, sous prétexte que le prestige et les intérêts anglais étaient en souffrance. Mais que le Gouvernement était décidé à ne se laisser entraîner à rien d'inconsidéré, à aucune action dont les résultats étaient incalculables; que toutes ces questions devraient faire l'objet d'une étude en commun avec vous, car, me dit-il, elles ne vont pas bien.

Grey me dit que le problème persan se complique de plus en plus. Pour la première fois, il me parla sur un ton un peu différent de l'ex-shah. Il me dit que Townley ne partageait pas tout à fait à ce sujet l'opinion catégorique de Barclay et semblait pencher vers les idées de Poklewsky. Grey me dit qu'il reste de son opinion, qu'il ne croit pas à l'efficacité de la restauration d'un aussi mauvais Gouvernement, qui n'est fait que par des moyens qui épuisent le pays, qui ne peuvent durer, et qui aura besoin de l'appui étranger. Grey croit que le sentiment musulman est contraire à l'ex-shah. Toutefois il convient qu'en Orient il faut tout prévoir, même ce cas extrême. Mais pour en arriver là il faudrait qu'en Perse même se dessine et se manifeste un mouvement réellement puissant en sa faveur sans immixtion étrangère. Et c'est pour cela, me dit Grey, qu'un second passage clandestin par la Russie serait fatal. Fatal pour la Perse, le régime à créer, l'ex-shah lui-même et toute la situation politique. Je le rassurai de mon mieux. Il me dit: Je n'en parle qu'à cause de l'extrême importance de la chose.

Laissez-moi vous dire tout de suite, que je partage entièrement l'opinion de Grey sur cette éventualité, dont j'aime à écarter mon esprit. La première fois était improbable, la seconde serait insoutenable et contraire, dans mon idée, au prestige du Gouvernement impérial. Tout d'abord l'Angleterre se croirait trompée. Il serait impossible au Gouvernement de faire avaler au pays une pilule contre laquelle il s'est si carrément prononcé jusqu'ici. Cela prendrait l'apparence d'une défaite imposée au Gouvernement anglais par la Russie, imposée, par dessus le marché, par des moyens pas avouables. Il ne faut pas perdre de vue qu'aux yeux anglais toute l'attitude anglaise en Perse n'est qu'une suite de concessions à notre politique, qu'on n'aime pas; seulement les uns, et ils sont la majorité, approuvent malgré cela la politique de Grey à cause de ses avantages indirects et généraux, tandis qu'une minorité impuissante y trouve la base de son opposition. L'impression créée par une nouvelle escapade de l'ex-shah ne se réparerait pas. Toute la confiance serait minée. Tout comme Grey, d'ailleurs, je n'aime pas, je l'avoue, la solution par Mohammed-Ali. Je doute que cela soit une solution. En tout cas. elle nous coûterait fort cher et nous mènerait beaucoup trop loin.

Quoiqu'il en soit, dans l'idée de Grey, telle que je la comprends, il faudrait d'abord un mouvement en Perse bien manifeste comme base d'un accord anglo-russe à ce sujet, et puis une rentrée publique du Souverain, les deux Puissances restant neutres et acceptant les faits accomplis. Je me hâte d'ajouter, tout cela n'est pas mûr en Angleterre. Mais déjà le Gouvernement pense un peu différemment. Vous en aurez vu un symptôme dans une réponse ministérielle toute récente à la Chambre en réponse à une question. Comme Grey m'en a parlé, il vous en parlera.

Il vous parlera aussi, et je crois à fond, des rapports avec l'Allemagne, meilleurs en réalité qu'il n'y paraît. Seulement il se rend compte que les derniers débats à la Chambre pour la flotte n'ont pas pu ne pas avoir un certain caractère d'alarme [1]. Que voulez vous, — me dit-il, — dans ce pays-ci,

[1] Имеются в виду дебаты в палате общин по поводу внесенной морским министерством дополнительной сметы на судостроение. 22/9 июля Черчилль произнес по этому поводу пространную речь, в самом начале которой он заявил, что причиной этих дополнительных ассигнований является новая германская программа судостро-

il faut dire aux gens les choses comme elles sont, sinon le résultat est pire.

Il est de fait qu'il a pris en main toute la Chambre et aussi l'opinion. Il y a bien quelques critiques, pour faire trop peu, dans l'ensemble on est plus rassuré, voyant que le Gouvernement agit. Car au fond de tout cela il y a une crainte excessive et exagérée de toute possibilité de guerre subite, dont personne en Angleterre ne veut.

Au point de vue de ce pays-ci, vous arriverez au moment le plus opportun, et, je crois, le mieux préparé, à ce sujet l'atmosphère de la Chambre est un indice qui ne peut pas tromper. Beaucoup mieux que l'automne dernier. Je suis moi-même étonné à quel degré Baltic-Port n'a pas fait un pli.

Voici à peu près tout ce que je vous en puis dire. Vous connaissez, je pense, mon adresse à Сосновка. J'y vais tout droit, heureux d'y pouvoir respirer autre chose que Londres. Nous combinerons, en temps et lieux, où nous rencontrer pour venir ici. Je vous avoue que j'aimerais quitter la campagne le plus tard possible.

Mille bonnes choses affectueuses et sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Вчера я простился с Греем, рассчитывая уехать в понедельник утром. С королем я виделся позавчера. И тот и другой выразили мне глубокое удовлетворение по поводу того, что вопрос о вашем посещении идет к благоприятному разрешению. Так как у меня не было никаких вопросов, подлежащих обсуждению, вся беседа с Греем сосредоточилась на этом посещении.

Грей придает ему величайшее значение. Он сказал мне, что он рассчитывает обсудить с вами все политическое положение в целом и не скрыть от вас своих взглядов ни по какому вопросу. Балканы, Средиземное море, Проливы — если вы пожелаете. Я сказал ему: «Есть еще Китай, где, как мне кажется, наши интересы ни в чем не противоречат друг другу; но имеются некоторые вопросы, которые сохраняют слишком неопределенный характер». Он согласился с этим. Я сказал ему, что, мне кажется, в Тибете не все идет гладко и что, с другой стороны, мы имеем вопрос о Монголии. Грей ответил мне, что в отношении Тибета, как и в отношении Южной Персии, имеется группа лиц, которая хотела побудить Англию к энергичному вмешательству под предлогом, что задеты английские престиж и интересы. Но что правительство решило не давать себя вовлечь ни в какие необдуманные действия, последствия которых не поддаются учету; что все эти вопросы должны быть предметом совместного с вами рассмотрения, так как, сказал он мне, положение по этим вопросам неудовлетворительно.

Грей сказал мне, что персидский вопрос все более и более осложняется. Впервые он говорил со мной о бывшем шахе в несколько ином тоне. Он сказал мне, что Тоунлей не вполне разделяет категорическое мнение Барклая по этому вопросу и, повидимому, склоняется к образу мыслей Поклевского. Грей сказал мне, что он остается при своем мнении, что он не верит в целесообразность реставрации столь плохого правительства, действующего только средствами, которые истощают страну и не могут долго применяться; оно будет нуждаться в иностранной поддержке. Грей думает, что мусульмане настроены против бывшего шаха. Однако он все же признает, что на Востоке можно всего ожидать, даже и такой крайности. Но, чтобы дело дошло до этого, нужно чтобы в самой Персии наметилось и выявилось без иностранного вмешательства действительно мощное движение в его пользу. Вот почему, сказал мне Грей, вторичный тайный проезд через Россию был бы роковым. Роковым для Персии, для подлежащего созданию режима, для самого экс-шаха и для всего политического положения в целом. Я успокоил его, как только мог. Он сказал мне: я говорю об этом только потому, что этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение.

Позвольте мне сразу сказать вам, что я полностью разделяю мнение Грея относительно этой возможности, мысль о которой я стараюсь отогнать от себя. В первый раз [это] было мало вероятно, во второй было бы неприемлемо и подорвало бы, по моему мнению, престиж императорского правительства. Прежде всего, Англия сочла бы себя обманутой. Правительству невозможно было бы заставить страну проглотить пилюлю, против которой она столь категорически высказывалась до сих пор. Для английского правительства это носило бы характер отступления, навязанного ему Россией, к тому же еще непозволительными средствами. Не нужно терять из вида, что в глазах англи-

---

ния. Текст этой речи, а также газетные вырезки о внесенном законопроекте и о прениях в палате («Times» от 19,23 и 24 июля) были препровождены Бенкендорфом в м-во при письмах от 19/6, 23/10 и 24/11 июля.

чан английский образ действий в Персии не что иное, как ряд уступок нашей политике, которая не пользуется симпатиями. Только одни — и их большинство — одобряют, несмотря на это, политику Грея из-за ее преимуществ косвенного и общего характера, в то время как бессильное меньшинство находит в ней основание для оппозиции. Впечатление, которое произвела бы новая авантюра бывшего шаха, было бы непоправимо. Все доверие было бы подорвано. К тому же, признаюсь, что я, подобно Грею, не одобряю решения вопроса с помощью Мохамеда-Али. Я сомневаюсь, что это могло бы быть решением [вопроса]. Во всяком случае оно нам очень дорого стоило бы и завело бы нас слишком далеко.

Что бы там ни было, по мнению Грея, как я его понимаю, прежде всего необходимо, чтобы отчетливо выявилось движение в Персии — как основа для англо-русского соглашения по этому вопросу, а затем открытое возвращение монарха, при котором обе державы останутся нейтральными и признают совершившийся факт. Спешу добавить, что все это еще не созрело в Англии. Но правительство уже несколько изменило свой образ мыслей. Вы могли усмотреть это из недавнего ответа министра на один запрос в палате. Грей будет говорить об этом с вами, поскольку он говорил об этом со мной.

Он также будет говорить с вами, и, я думаю, подробно, об отношениях с Германией, которые в действительности не так плохи, как кажется. Только он отдает себе отчет в том, что последние дебаты в палате касательно флота не могли не носить несколько тревожного характера. Что вы хотите, — сказал он мне,— в этой стране нужно говорить то, что есть на самом деле, иначе будет хуже.

Фактически он забрал в руки всю палату, а также и общественное мнение. Правда, раздается кое-какая критика, что слишком мало делается, но в общем наступает успокоение при виде того, что правительство действует. Потому что в основе всего этого кроется крайний и преувеличенный страх перед возможностью внезапной войны, которой в Англии никто не хочет.

С точки врения положения в этой стране, вы приедете в самый благоприятный момент, и, я думаю, лучше всего подготовленный; в этом отношении настроение палаты является признаком, который не может обмануть. Гораздо лучше, чем прошлой осенью. Я сам удивлен, до какой степени свидание в Балтийском Порте не оставило неприятного следа.

Вот приблизительно все, что я могу вам сказать. Вы, вероятно, знаете мой адрес в Сосновке. Я еду прямо туда и счастлив, что могу там дышать иным воздухом, чем в Лондоне. Мы договоримся, когда наступит время, о месте встречи для поездки сюда. Признаюсь вам, что мне хотелось бы покинуть деревню как можно позже.

Тысяча сердечных и искренних пожеланий.

Бенкендорф.

№ 378. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 45. 28/15 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Бывший председатель Государственной думы А. И. Гучков по пути из Константинополя и Софии [1] в Вену остановился на три дня в Белграде. За время своего пребывания здесь он имел неоднократно случай беседовать с посланником о сделанных им в Турции и Болгарии наблюдениях, и в настоящем донесении я имею честь в общих чертах изложить его впечатления по записке гофмейстера Гартвига.

По мнению А. И. Гучкова, положение в Турции самое тревожное. Он считает, что новый режим обречен на падение. Младотурки потеряли всякий кредит. Из откровенных разговоров со многими из своих прежних турецких друзей и знакомых, А. И. Гучков заключает, что все ждут катастрофы. Среди армии идет агитация не только против того или иного кабинета, но и против султана. Однако следует иметь в виду, что если бы на Турцию напала одна из христианских держав, то все турки несомненно объединились бы на защиту ислама.

Между тем в столице Болгарии, где А. И. Гучков виделся с главнейшими государственными деятелями, считают момент удачным для сведения счетов с Турцией. Болгарская армия готова, настроение воинственное. Болгары уверены, что если все балканские государства вынуждены будут выступить

[1] См. № 365.

на защиту своих интересов, то они с Турцией справятся. Болгарам говорят, что Россия не готова, но на это они возражают, что позже положение их самих и сербов может оказаться значительно худшим и тогда для России борьба будет много труднее. Общий их лозунг — теперь или никогда. Война Турции с Италией, албанское восстание и движение в армии — все это считается в Софии благоприятными условиями. Конечно, болгары говорят, что первыми они не выступят, но тем не менее события могут их заставить взяться за оружие, — например в случае перехода, вследствие внутренних раздоров в Оттоманской империи, части турецких войск через болгарскую границу. Кроме того, софийскому правительству трудно сдерживать македонцев, которые рвутся вступить со своими вековыми притеснителями в бой, не надеясь больше на улучшение своего положения.

Что же, наконец, касается Сербии, то А. И. Гучков мог убедиться, насколько она ведет себя сдержанно. Активных выступлений она не предпримет самостоятельно, но наподобие Болгарии и она может быть поставлена в необходимость с оружием в руках защищать свои интересы.

Г. Гучков виделся у посланника с Н. Пашичем, из объяснений которого он усмотрел, что положение Болгарии и Сербии сходно, но последняя гораздо спокойнее, хотя ей угрожает и Турция и Австрия.

В заключение почитают долгом отметить то радушие, с которым был принят в Белграде русский гость. В честь его состоялся [20] 7 июля банкет в присутствии министров настоящих и бывших и главнейших представителей политических партий. Императорская миссия была приглашена в полном составе.

После тостов за драгоценное здравие его императорского величества государя императора, могущественного покровителя всех славян, и за здравие его величества короля Петра, г. Гучков, в ответ на обращенное к нему председателем совета министров г. Трифковичем приветствие, в кратких и прочувствованных словах обратил внимание присутствовавших на традиционный характер отношений между Россией и Сербией, особенно подчеркнув, что традиции, сложившиеся на основании истории прошлого, предрешают историю и будущего. Легко понятно то воодушевление, с которым при настоящем тревожном политическом положении было принято заявление А. И. Гучкова.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

«Мне глубоко безразлично мнение г. Гучкова».
Яхта «Штандарт», [9 августа] 27 июля 1912 г.

№ 379. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Письмо. 28/15 июля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Навестивший меня на-днях здешний английский посланник сэр Ральф Пэджет завел разговор о турецкой смуте и между прочим рассказал мне, что в числе документов, полученных им с последним курьером, имеется копия сообщения английского посла в Вене, содержащая его беседу с австро-венгерским министром иностранных дел о политическом положении на Балканском полуострове.

Граф Берхтольд, повидимому, достаточно озабочен текущими событиями, но, обсуждая возможность вооруженного столкновения между балканскими государствами и Турцией, сказал: dans ce cas il faudrait localiser le conflit [1].

[1] «в этом случае нужно будет локализовать конфликт».

Насколько означенное заявление соответствует действительным намерениям Двуединой монархии, я отсюда не позволю себе судить, но не могу не отметить, что многие данные, сообщенные вашему превосходительству г. посланником [1] и сообщаемые мной в донесении за № 48 [2], указывают на не совсем пассивное отношение Австро-Венгрии к балканским делам.

Однако если граф Берхтольд был искренен и если об этом будут осведомлены балканские государства, то, имея в виду всю совокупность условий настоящей минуты и принятые королем Фердинандом меры международного характера, приходится заключить, что лишь с большим трудом окажется возможным предотвратить общее нападение названных государств на Турцию. В случае же неуспеха в деле сохранения мира на Балканах, избежание еще бо́льших бедствий будет зависеть исключительно от того, насколько графу Берхтольду удастся сдерживать и во время конфликта воинственные стремления некоторых, повидимому, достаточно влиятельных кругов Австрии.

Между тем многое указывает на то, что по силе и влиянию нынешний австро-венгерский министр иностранных дел не может быть сравниваем с покойным графом Эренталем.

Перед уходом сэр Ральф Пэджет очень просил меня, в случае если бы я нашел нужным довести до сведения вашего превосходительства разговор сэра Фэрфакса Картрайта с графом Берхтольдом, сделать это частным и совершенно доверительным письмом. Я, конечно, обещал исполнить эту просьбу.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 380. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 28. 28/15 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Почитаю долгом отметить сделанную на-днях королем Николаем, через посредство здешнего сербского посланника г. Гавриловича, новую попытку сговориться с сербским правительством относительно совместных действий против Турции.

О результате этой попытки я не премину поставить в известность ваше превосходительство.

Со своей стороны, однако, позволю себе повторить уже неоднократно мной высказанное сомнение, чтобы подобного рода попытки могли, при нынешних обстоятельствах, увенчаться успехом. Не говоря о разделяющем Черногорию и Сербию династическом и политическом антагонизме, сербские политические деятели, повидимому, далеко не убеждены в неизбежности распадения Турции в ближайшем будущем. При этом они не могут не дорожить своими добрыми отношениями с Оттоманской империей, весьма выгодными для сербского транзита.

Наконец, сербы не могут не сознавать, что в случае неудачного исхода их столкновения с Турцией, неизбежные тяжкие затруднения, в какие было бы поставлено их отечество, могли бы быть так или иначе использованы их далеко не дружелюбным другим соседом — Австро-Венгрией, гораздо более могущественным, чем Турция.

Соображения эти, сложившиеся у меня на основании четырехлетней службы в белградской миссии [3], я уже имел честь высказывать в своих донесениях за минувший год. Бо́льшая часть их нашла себе впоследствии

[1] См. № 310.
[2] См. № 395.
[3] Обнорский был 2-м секретарем белградской миссии с 1905 по 1909 г.

подтверждение в ответной речи покойного сербского министра-президента и министра иностранных дел Миловановича в сербской скупщине на запрос главы либералов Рибарца о возможности сербо-черногорского политического соглашения, — что я и имел честь отметить в донесении от [27] 14 марта 1911 г. за № 17 [1].

Примите и пр. Обнорский.

№ 381. Военный агент в Сербии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 119. 29/16 июля 1912 г.

Секретно.

Проездом из Константинополя и Софии останавливался в Белграде на два дня бывший председатель Государственной думы А. И. Гучков [2].

Со стороны сербских правящих кругов ему было оказано большое внимание. На вокзале его встретили председатель государственного совета Н. Пашич, председатель совета министров М. Трифкович и др. лица. В честь его [20] 7 июля правительством был дан банкет, на который была приглашена в полном составе русская миссия; на банкете присутствовали все министры, высшие сановники и представители всех политических партий.

Из своего пребывания в Турции и Болгарии, где у него имеются многочисленные знакомства, А. И. Гучков вынес самые определенные заключения.

По его словам, младотурки потеряли доверие народа, а вместе с тем и власть. Турции в самом ближайшем будущем предстоят весьма опасные внутренние междоусобицы, что в связи с итало-турецкой войной и албанским восстанием ставит ее в чрезвычайно тяжелое положение, приводит на край гибели.

Впечатления А. И. Гучкова из Болгарии были не менее определенны.

По его мнению, болгары не преминут воспользоваться тяжелым положением Турции для достижения своих исторических задач. Война в высшей степени популярна; дальнейшее откладывание ее повело бы к упадку народного духа. Такой благоприятный момент более не повторится; все согласны, все готовятся к войне. Сделан заказ патронов (ибо имеющихся 700 патр. на ружье недостаточно). Заключен заем в 180 млн. франков (главным образом в Германии), от коего, после конверсии 6% займа 1892 г. в 4,5%, остается около 100 млн. франков для открытия кампании. Ожидают лишь уборки хлебов, реализации урожая, чтобы начать действия. Таким образом балканская война, повидимому, является неизбежной, и начало ее намечается в будущем сентябре. Вряд ли помогут благожелательные советы миролюбия, преподаваемые великими державами, ибо общественное мнение страны может оказаться сильнее правительства и увлечь последнее.

С такими взглядами на положение прибыл А. И. Гучков в Белград и, надо полагать, не скрывал их от местных политических деятелей, когда спрашивал последних, что намерены делать сербы, если Болгария ввяжется в войну с Турцией?

Сербские деятели усмотрели в А. И. Гучкове наиболее яркого представителя русского общественного мнения, устами коего, казалось, неофициальная Россия выражала свои желания, сообщала то, чего не хотели или

---

[1] В указанной деп. Обнорский сообщал о начавшихся по инициативе короля Николая переговорах относительно совместных сербо-черногорских действий на «случай возникновения серьезных осложнений из-за албанского вопроса». Отмечая большие трудности в достижении этого соглашения, Обнорский указывал: «Соображения мои вполне оправдались дальнейшим ходом переговоров и получили подтверждение в произнесенной недавно в сербской скупщине речи министра иностранных дел Миловановича в ответ на интерпелляцию узнавших о переговорах с Черногорией вожаков национально-либеральной партии». Содержание речи в депеше не изложено.

[2] См. № 378.

не могли сказать ее официальные представители. Вероятно, сербы предположили, что неофициальная Россия благословляет их на войну в союзе с болгарами и, в случае надобности, поддержит их.

Так представляется это мне, ибо, посетив меня после свидания с сербскими политическими деятелями, А. И. Гучков сообщил мне в первую же минуту, что «*и здесь* решились, *и здесь* настроены воинственно», на что я, однако, выразил сомнение, так как до сих пор никакой воинственности ни в правящих кругах, ни в военных не замечалось; скорее наоборот, чувствовалось постоянное опасение нечаянного нападения со стороны Австро-Венгрии.

В тот же день вечером в миссии мне пришлось слышать оценку политического положения, сделанную А. И. Гучкову Н. Пашичем. Последний указал на тяжелое положение Сербии, соотечественники которой в Турции уничтожаются албанцами, притесняются турками. При распре между этими обоими угнетателями Сербия может оказаться вынужденной стать на сторону сильнейшего в данное время — албанцев, — чтобы обеспечить существование своих соплеменников, находящихся между молотом и наковальней. Совместные действия с болгарами облегчили бы успех. В то же время сербы боятся автономии Албании, так как в автономную Албанию могут быть насильно включены чисто сербские земли, и новая провинция эта может подпасть сначала под протекторат, а затем и под владычество Австрии, а это означало бы гибель сербского племени.

Вряд ли можно усмотреть в заявлениях Н. Пашича воинственное настроение; скорее лишь признание возможности для Сербии быть втянутой в войну.

На банкете [20] 7 июля после официальных тостов, где министр-председатель М. Трифкович подчеркнул традиционную любовь и благодарность сербского народа к России, сыны коей проливали кровь за освобождение сербов, и ее монарху, А. И. Гучков, отвечая на обращенное к нему приветствие, сказал, что «традиция благодарности сербов создала у русских традицию обязанности; традиции прошлого дают залог, что те же традиции будут и в будущем. Обновленная Россия в состоянии выполнить свои традиционные обязанности, благодаря главным образом реформам настоящего императора, личность и труды коего вызывают чувство благоговения. Теперь все славянство находится на поворотной точке; вероятно, и сербскому народу, доныне более всех страдавшему, предстоят еще тяжелые испытания впереди, но наверно он пройдет благополучно через них, ибо за ним стоит все славянство».

В общем, пребывание здесь А. И. Гучкова имело значение крупного события.

Однако, в противоположность Болгарии, ожидание важных событий не помешало в Сербии важнейшим деятелям разъехаться по курортам, местным и заграничным. Н. Пашич, бо́льшая часть министров, в том числе и военный, а также и начальники наиболее ответственных отделов военного министерства и генерального штаба, находятся в отпуску. Не замечается не только воинственного пыла, подмеченного А. И. Гучковым, но даже и усиленной деятельности в предвидении близкой войны.

Наиболее крупные деятели, коим известна сущность настоящих сербо-болгарских отношений, знают, какую роль придется играть Сербии в случае выступления Болгарии. На них приезд и взгляды А. И. Гучкова произвели немалое впечатление; неосведомленное же большинство, вызванное на некоторое время из апатии, повидимому, снова успокоилось.

Случайный состав кабинета [1] при настоящем тревожном положении на Балканах продолжал вызывать толки о необходимости перемены кабинета, во избежание производства таковой в решительную минуту.

---

[1] См. № 308 и стр. 313, прим. 1.

Наибольшая опасность сербских кабинетных кризисов представлялась в их затяжном характере (10—15 дней) из-за несогласий и раздоров среди самой правящей партии, отказов принять портфель и т. п.

Ныне глава старорадикалов Н. Пашич, по некоторым сведениям, заручился обязательством, что никто из членов партии не имеет права отказаться от предложенного ему портфеля, и таким образом сформирование кабинета из видных деятелей в кратчайший срок, если это понадобится, считается обеспеченным.

Приняв эти меры, старорадикалы заместили [20] 7 июля вакантный пост министра финансов безличным деятелем, и кабинет остается у власти до наступления чрезвычайных обстоятельств.

Относительно снабжения албанцев сербскими винтовками маузера мне удалось узнать в главном генеральном штабе, что албанцам выдана лишь незначительная партия ружей (вероятно, не более 600 шт.) [1]. Выдача же более значительной партии не состоялась, так как по существу таковая должна была бы сопровождаться вступлением в Турцию сербского авангарда, т. е. началом военных действий. Иначе снабжение албанцев оружием (особенно в случае примирения их с турками) могло бы иметь самые печальные последствия, прежде всего для сербского населения турецких провинций.

При общем внешнем спокойствии в самой Сербии, здешнее министерство иностранных дел подвержено за последнее время тревогам, вызываемым донесениями его агентов.

По донесениям из Константинополя, особенно из Афин, Австро-Венгрия тайно и спешно готовится к внезапному нападению на Сербию, в случае, если сбудется ожидаемое отречение султана от престола. Вызванные этим обстоятельством смуты побудят Австрию двинуться теперь же, пока Италия связана, для достижения своих целей — овладения Албанией и Македонией до Салоник.

По донесениям из Будапешта и Венгрии вообще, приближенные эрцгерцога Франц-Фердинанда открыто говорят о предстоящей войне с Сербией. Под предлогом маневров ведутся деятельные приготовления к войне, войска стягиваются и сосредоточиваются в нескольких пунктах в одном переходе от северной сербской границы.

Подвижной ж.-д. состав задерживается на важных узловых станциях в предвидении войсковых перевозок.

Все прочие газетные известия по тому же поводу (см. приложение [2]), по мнению министра иностранных дел г. И. Иовановича, не следует считать преувеличенными.

Около месяца тому назад, во время австрийских маневров на острове на Дунае против Дубравицы [3], местный болгарский посланник г. Тошев спросил здешнего австрийского военного агента, майора Геллинека, что означают эти приготовления, так как, повидимому, их нельзя считать за обычные маневры. Майор Геллинек ответил: «Мы готовимся, чтобы, если потребуется, задушить Сербию нападением со всех сторон, так чтобы она не могла сопротивляться». Эти слова также дошли до сведения г. Иовановича.

По поводу приведенных сведений мне неоднократно приходилось обращаться в разведывательные отделения как военного министерства, так и главного генерального штаба. Там, в противоположность министерству иностранных дел, царило полное спокойствие. Газетные сообщения или опровергались или им давалось иное толкование.

---

[1] См. стр. 315, прим. 2.
[2] Приложение не воспроизводится.
[3] См. № 310.

Так, меня положительно уверили, что вдоль северной границы Сербии у австрийцев не производилось с [14] 1 июня какого-либо усиления войск; передвижения же войск объясняются как упражнениями войск, так и приготовлениями к большим австрийским маневрам сего года в южной Венгрии.

В Боснии также, по донесениям сербского военного агента в Вене и пограничных офицеров, совершенно спокойно, никаких передвижений и усиления войск не производится.

Прокладка 2-го пути на линии Будапешт—Землин, которая потребует немало времени (уширение мостов), не может считаться мерой непосредственно угрожающей, и вряд ли особенно необходима в военном отношении австрийцам, располагающим не менее как 7-ю ж.-д. линиями, ведущими к сербскому северному фронту.

Скорее можно думать, что усиление участка Будапешт—Землин давно уже представлялось желательным в торговом отношении, ибо линия Париж — Вена — Белград — София — Константинополь, частью которой он является, имеет на значительном протяжении две колеи.

Что касается «намерений» Австрии, то о них судить трудно. Однако надо полагать, что Австрия не останется пассивной в случае нападения Болгарии и др. балканских государств на Турцию. В этом случае весьма вероятно и ее вмешательство в балканскую войну, которое проявится вторжением с двух сторон в Сербию и движением долиной Моравы, тогда как занятие Новобазарского санджака и десантная экспедиция в Албанию могут иметь лишь второстепенное значение.

Сознание этой возможности (ввиду настроения болгар) и беспокоит «случайного» министра иностранных дел, ввиду лежащей на нем серьезной ответственности. Достаточно вспомнить, что о предстоящей аннексии Боснии сербы знали еще летом 1908 г., и все же она состоялась. Слагающаяся обстановка побуждает и ныне сербов быть настороже.

Генерального штаба полковник Артамонов.

№ 382. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 519. 29/16 июля 1912 г.

Доверительно. Министр иностранных дел сообщил мне, что он продолжает разрабатывать свои предположения относительно условий заключения мира с Италией [1]. Он добавил, что итальянские уполномоченные остались будто бы в Швейцарии в ожидании дальнейших событий. Я заметил на это, что, по дошедшим до меня сведениям, настроение в здешних общественных и даже военных кругах все более склоняется к прекращению войны и что ему следовало бы поэтому иметь в виду приемлемость для Италии его проекта. Он вполне согласился с таким мнением. Как мне передавали, министр высказался почти в тождественных выражениях в беседе с новым германским послом [2].

Гирс.

[1] В тел. от 26/13 июля за № 513 М. Гирс сообщал Нератову о своем разговоре с новым турец. м-ром ин. дел Норадунгианом; последний сказал ему, что итало-турец. переговоры в Швейцарии (см. № 305) прекращены еще прежним кабинетом Саид-паши, лишившим полномочий принца Саид-Халима. М-р добавил, что он имеет свой проект по этому вопросу, который еще не вполне выработан и приемлемость которого будет зависеть от готовности обеих сторон притти к соглашению. Ведение переговоров будет поручено новому уполномоченному.

[2] Вангенгейм был назначен германским послом в К-поле в мае 1912 г.

№ 383. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 29. 29/16 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Третьего дня состоялся первый дипломатический прием у Габриэль-эффенди Норадунгиана.

Новый министр иностранных дел кабинета Гази-Мухтар-паши — консерватор по убеждению и личный друг Киамиль-паши. Он один из видных членов смешанного совета при константинопольской армянской патриархии.

То обстоятельство, что он христианин, дает повод опасаться, что он не будет пользоваться достаточным влиянием в Порте.

При всем том, по личным своим качествам, Габриэль-эффенди бесспорно выдается среди турецких государственных людей своим умом и опытностью, приобретенной им во время многолетнего пребывания своего юрисконсультом в управляемом им ныне министерстве.

В первой же нашей беседе я высказал министру, что в настоящее время лишь два вопроса серьезно омрачают взаимные наши отношения, — а именно образ действия Турции на персидской ее границе и вопрос об Анатолийских железных дорогах. В нескольких словах я ознакомил его с настоящим фазисом переговоров, происходящих между нами по их поводу.

Министр ответил мне, в общих выражениях, что он приложит старания к благоприятному разрешению этих вопросов.

Он был, по его словам, всегда сторонником соглашения с Россией по персидским делам.

Менее определенным был его отзыв касательно малоазиатских рельсовых путей, юридическое положение коих в зависимости от нашего соглашения 1900 г. ему хорошо известно, так как он был министром путей сообщения [1].

Он не преминул однако заметить, что соглашение это по происхождению своему связано, будто бы, с нашим обязательством не допускать возвращения армян из Кавказа в пределы Турции. Обмен нот по обоим этим уговорам состоялся одновременно в Константинополе [2].

Перейдя затем к внутреннему положению дел в Оттоманской империи, Габриэль-эффенди стал довольно откровенно излагать мне мрачную обстановку, при коей нынешнее правительство приходит к власти.

Оно твердо, по его утверждению, решило не сходить с законного пути в своих отношениях к парламенту. Роспуск последнего, если он состоится, возможен лишь в порядке, установленном конституцией.

Правительству удалось, будто бы, убедить недовольное офицерство в правильности этой точки зрения.

Более упорны в своем требовании о роспуске албанские деятели, и именно необходимость привести их к сознанию ее побуждает кабинет настаивать на назначении Ферид-паши министром внутренних дел, так как, будучи албанцем, он может влиять на своих сородичей.

Как вашему превосходительству уже известно, Ферид-паша не согласился, однако, войти в состав правительства [3].

---

[1] Норадунгиан был м-ром торговли и общественных работ в 1909 г. Тел. от 31/18 июля за № 526 М. Гирс просил Нератова сообщить ему, что в свое время было сказано в С.-Петербурге Норадунгиану по поводу постройки малоазиатских жел. дорог, так как в беседах с ним Норадунгиан ссылается на переговоры, которые велись им в Петербурге.

В ответной тел. от 8 авг./26 июля за № 1503 Нератов сообщал: «Из слов Извольского заключаю, что в Петербурге у него не было вовсе объяснений о малоазиатских дорогах ни с Норадунгианом, ни с Рифаатом. Лишь в Ялте в 1909 г. Извольский коснулся этого предмета с Рифаатом, сказав последнему, что мы будем придерживаться не политики обструкции, а политики соглашения».

[2] Имеется в виду обмен нот между Россией и Турцией от 31/18 марта — 14/1 апр. 1900 г.

[3] См. стр. 359, прим. 4.

Министр просил меня поделиться с ним сведениями, полученными мной из Албании, от наших консулов. Я изложил ему печальную картину полной анархии, представленную в их в высшей степени добросовестных и обстоятельных донесениях.

Мой собеседник ответил мне, что, к сожалению, эта картина вполне соответствует действительности.

При этом он выразил надежду, что известие о падении бывшего кабинета, мало еще распространенное в Албании, внесет некоторое успокоение в умы повстанцев.

На мой вопрос, насколько справедливы ходящие по городу слухи о намерении правительства предоставить албанцам широкие льготы и едва ли не некоторую автономию, Габриэль-эффенди ответил, что, будучи всего второй день у власти, кабинет не выяснил еще вполне определенно свой образ действий по отношению к Албании.

Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы высказать ему, что я вполне понимаю щекотливость положения Порты в этом деле, так как в Турции много национальностей, и они будут вполне естественно с напряженным вниманием следить за политикой, применяемой правительством к албанцам, и рассчитывать, что предоставляемые последним льготы распространятся и на них.

Мне казалось необходимым ныне же в вполне дружеской форме привлечь на это обстоятельство внимание Порты, так как здесь действительно, вследствие общего стремления скорее покончить с албанским движением, пропагандируется идея о создании какой-то полуавтономной Албании, выкроить каковую можно лишь в ущерб славянским элементам, имеющим исторически обоснованные притязания на бо́льшую часть территории, населенной албанцами.

Я не сомневаюсь, что я нисколько не удаляюсь от истины, утверждая, что многие из политических деятелей балканских земель готовы воспользоваться всякой оплошностью Порты в разрешении албанского движения для удовлетворения своих завоевательных стремлений в областях Оттоманской империи.

Таковые стремления сдерживаются не легко при обстоятельствах, подобных переживаемым ныне Турцией. Между тем, при настоящей нашей неподготовленности, они не могут быть ныне своевременными, так как мы не имеем еще уверенности в возможности направить их по пути, по коему они не столкнулись бы с, быть может, жизненными нашими интересами.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 384. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 30. 29/16 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

События чередуются за последние дни вопреки возможным предположениям. Ни удаление военного министра, ни отставка всего кабинета не умиротворили положения. Оно носит тот выжидательный оттенок, когда два противника находятся друг против друга и взаимно оценивают свои силы. Роспуск палаты депутатов остается попрежнему вожделением военной лиги, поддерживаемым албанскими влияниями, хотя, как мне вчера говорил министр иностранных дел, она согласилась не настаивать на немедленном осуществлении его. Не оставлены также надежды на то, что Киамиль-паша будет сделан великим визирем. Партия «Единение и Прогресс», ожидавшая своего разгрома, увидев, что ее противник не прибегает к решительным мерам против нее, — ни распускает палаты, ни мешает ее собраниям, —

начинает как будто бы сожалеть об уступках, поспешно сделанных в порыве растерянности. На ее стороне чиновники, поставленные ею за время нахождения у власти во всех управлениях, которых еще не успели сменить; на ее стороне часть офицеров, хотя и в незначительном числе; у нее в руках, как говорят, остатки сумм из захваченных у султана Абдул-Гамида капиталов при его низложении. Решимость ее не сдаваться окончательно, постоять за нынешний состав палаты депутатов, в котором она видит средство вернуться к делам, как бы увеличивается все более и более. Как я отмечал в донесении моем от 22/9 сего месяца за № 26 [1], в провинциальные отделы были разосланы приказания, постановлено вооружиться и быть готовыми, буде окажется нужным, к сопротивлению силой. В городе комитетом «Единение и Прогресс» распускаются слухи о полученных будто бы от офицеров из Адрианополя и других мест телеграммах с выражением намерения притти в столицу на защиту конституции. На мой запрос наш консул ответил мне, однако, что слухи эти категорически отрицаются командиром адрианопольского корпуса.

В партийной печати, в городских садах и собраниях приверженцы Комитета стараются зародить мысль, что нынешнее правительство намерено восстановить режим Абдул-Гамида.

Из агентских телеграмм вашему превосходительству уже известны подробности заседания парламента от 25/12 сего месяца, в котором председатель палаты депутатов прочел с председательской трибуны полученное им безымянное письмо с требованием отказаться от противодействия роспуску палаты и с угрозами на случай неисполнения этого требования [2]. Само собой понятно, что чтение такого письма послужило знаком к бурной, быть может заранее приготовленной манифестации. Члены палаты единогласно выразили готовность пожертвовать жизнью для защиты своих прав и конституции.

Каким путем такое положение может разрешиться, трудно определить заранее. Нельзя, однако, не признать, что оно чревато самыми угрожающими последствиями. Помимо опасности внутренней резни, могущей вновь пробудить и национальные распри, не исключена вовсе возможность и международных осложнений, так как не легко будет удержать балканские государства от искушения воспользоваться затруднениями векового их врага, в целях осуществления своих давнишних вожделений.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 385. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 29/16 июля 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от [25] 12 текущего июля я имел честь доносить вашему превосходительству, что отношения между младотурками и лигой офицеров все более принимают крайне обостренный характер, могущий привести к междоусобной резне; что, по неоспоримым данным, балканские государства следят с напряженным нетерпением за развитием здесь анархии в видах использования ее для завоевательных своих целей и что кризис на этой почве может разразиться во всякое время [3].

Я позволил себе указать при этом, что нам необходимо быть готовыми ко всяким случайностям.

---

[1] См. № 350.

[2] Ср. № 368.

[3] Повидимому, имеется в виду тел. М. Гирса за № 511, датированная 26/13 июля (см. № 368).

В настоящем моем доверительном письме почитаю своим долгом вновь вернуться к этому предмету.

Мне не приходится более ссылаться на крайне тревожные сведения, получаемые от наших представителей в балканских государствах. Они совершенно ясно определяют точку зрения, служащую оценкой печальных событий происходящих ныне в Турции.

Ободренные заключенными между ними секретными соглашениями и убежденные в превосходстве своих сил, государства эти, опасаясь упустить благоприятный случай, только и мечтают, как бы скорее ринуться в бой.

На моих глазах сведения эти стали подтверждаться здесь едва ли не ежедневно во все возрастающей нервности, проявляемой моими аккредитованными при Порте балканскими сотоварищами. У многих из них и в особенности у болгарского представителя все тот же вопрос на устах, — «когда же двинется Россия».

Вы согласитесь со мной, что таковое настроение не может не представлять крайней опасности. Единичные события на константинопольской арене не оцениваются больше по реальному их значению, а сквозь призму возбужденных воображений, ищущих предлогов для удовлетворения еле сдерживаемых национальных стремлений.

При этих условиях малейшие беспорядки в столице Турции могут иметь последствием военные осложнения на Балканах. Между тем, ввиду вновь возгоревшейся здесь борьбы политических партий, беспорядки весьма вероятны.

Может настать минута, когда напряжение умов на Балканах достигнет таких пределов, что перестанут задавать себе вопрос, двинется ли Россия, и выступят помимо ее воли.

Полагаю, что в наступлении таковой минуты сыграют решающую роль скорее случайные события, чем заранее определенные сроки, и поэтому готовиться к ней следует безотлагательно.

Тем более, что у нас, насколько мне известно, нет никаких гарантий, что вожделения болгар ограничатся созданием великой Болгарии Сан-Стефанского договора.

Лично я склонен верить, что, при малейшей надежде на успех, главный их натиск будет направлен не на юг, а в сторону столицы Оттоманской империи.

Думаю, что наша неподготовленность послужит лишь лишним стимулом к стремлению достичь этой заветной их цели, в уверенности, что мы лишены возможности их предупредить.

Совокупность этих обстоятельств, грозящих втянуть нас в столь несвоевременные для нас осложнения и посягнуть и на наши исторические идеалы, побуждает меня вновь высказать глубокое мое убеждение в крайней необходимости быть готовыми к событиям, отвратить кои, если есть к тому еще надежда, возможно лишь в том случае, если у нас и у балканских наших соплеменников укоренится сознание, что мы не будем застигнуты ими врасплох.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 386. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 594. 29/16 июля 1912 г.

Получил телеграммы №№ 1268 [1] и 1413 [2].

Должен ли я считать последнюю из вышеупомянутых телеграмм вашего превосходительства за окончательное решение императорского правитель-

[1] Тел. № 1268 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В журнале исходящих телона датирована 8 июля/25 июня; относительно содержания ее указано: «Исаак-хан».

[2] В тел. от 27/14 июля за № 1413 Нератов сообщал Поклевскому, что он посвятил Бьюкенена в намерение росс. прав-ва связать вопрос о выдаче аванса Персии с кон-

ства связывать вопрос о новом авансе с выдачей нам концессии на Джульфа-Тавризскую дорогу и в таком случае в какой форме мне следует сделать персидскому правительству соответствующее об этом заявление? Я думаю, что персидское правительство могло бы, без особенных затруднений, обещать нам вступить в переговоры об этой концессии, но я сомневаюсь, чтобы оно согласилось связывать себя обязательством ее выдать, прежде чем ее условия будут окончательно выработаны, тем более, если мы заявим наше требование в столь унизительной для здешнего правительства форме. Вообще никакой персидский кабинет не может теперь работать и сообразоваться с нашими советами без поддержки России и Англии, и министры несомненно потеряют на таковую поддержку всякую надежду и охоту оставаться у власти, если мы, удержав таможенные остатки, не ссудим их затем меньшей суммой, без весьма тяжелого для их самолюбия условия. Обещанию же дальнейших авансов, не облеченному в совсем определенную форму, кабинет едва ли придаст особенное значение, т. к. он будет ожидать новых с нашей стороны условий перед каждой денежной выдачей. Ввиду вышеизложенного я опасаюсь, что наше требование и задержка в выдаче ссуды могут вызвать весьма серьезный кризис, выход из коего будет очень затруднителен. Если же положение здесь станет тревожным, то не решится ли великобританское правительство выдать аванс без нас? О готовности англичан оказать им теперь же денежную помощь и о том, что мы их пока от этого удерживаем, персы откуда-то осведомлены. Прошу указаний.

Поклевский.

№ 387. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 662. 29/16 июля 1912 г.

Получил №№ 1409 [1] и 1410 [2].

Американский посланник сказал мне, что выступление его правительства не вызвано донесениями из Пекина и что он сам узнал о нем лишь как о совершившемся факте. Кальхун предполагает, что оно объясняется соображениями внутренней политики в связи с приближающимися президентскими выборами. Мне кажется, что оно кроме того находится в полном согласии с доброжелательным отношением, проявленным Соединенными Штатами к китайской республике с самого начала ее существования. При этом, конечно, играет роль и высказанное вашему превосходительству американским послом соображение о содействии формальным признанием китайского правительства укреплению последнего, каковое несомненно отвечает интересам как Соединенных Штатов, так и других торговых держав. Что касается нас, то это самое соображение, не лишенное доли справедливости, говорит, по моему мнению, против признания нынешнего пекинского правительства, так как упрочение его не в наших интересах. Мы могли бы при этом основываться на том бесспорном факте, что никакого значительного

цессией на Джульфа-Тавризскую ж. д. (см. № 346). Он указал при этом Бьюкенену, что «придется, вероятно, еще неоднократно удовлетворять соответствующие нужды шахского правительства и что мы поэтому считаем момент удобным для осуществления намеченного нами дела, одинаково выгодного для Персии, как и для нас». Нератов, по его словам, дал понять Бьюкенену, что, «быть может, и Англия могла бы со своей стороны выдвинуть аналогичное требование» (см. стр. 338, прим. 3).

[1] См. стр. 320, прим. 3.

[2] В тел. от 27/14 июля за № 1410 Нератов сообщил Малевскому, что япон. посол уже осведомлялся об ответе росс. прав-ва на запрос США и что он ознакомил посла с предварительным ответом, данным америк. послу. В тот же день тел. за тем же номером Нератов просил В. Крупенского телеграфировать его соображения «о своевременности признания нынешнего пекинского правительства, а равно какими местными условиями может быть объяснено настоящее выступление Соединенных Штатов».

улучшения в положении вещей в Китае за последнее время не произошло, чему доказательством служит и то, что ни одна из держав не собирается отозвать свои охранные отряды. Помимо этого срок окончания полномочий временного правительства уже приближается, и казалось бы предпочтительным не возбуждать вопроса о признании, пока не соберется новый парламент и не будут произведены выборы президента. Японский посланник на запрос из Токио высказался в смысле несвоевременности признания теперь китайского правительства, но не знает еще, был ли дан по этому делу японским правительством Соединенным Штатам окончательный ответ [1].

Крупенский.

№ 388. Памятная записка министерства иностранных дел китайскому посланнику в Петербурге Лу Цзин-женю.

№ 701. 30/17 июля 1912 г.

A la date du [17] 4 juillet courant le Chargé d'Affaires de Chine a bien voulu communiquer au ministère impérial des Affaires étrangères le texte d'un télégramme du ministère des Affaires étrangères de Pékin exposant les vues du Gouvernement chinois sur l'inopportunité de l'établissement d'un agent financier en Chine, et demandant le concours du Gouvernement impérial pour fournir au Gouvernement de Pékin les sommes dont il constate la nécessité urgente [2].

En réponse, le ministère impérial croit devoir observer que les représentants des banquiers à Pékin ont déjà exprimé leur consentement d'émettre au profit de la Chine un emprunt suffisant pour couvrir les besoins immédiats du Gouvernement chinois. Les difficultés que la réalisation de ce projet d'emprunt ont [3] rencontré ne viennent pas des banquiers, mais du Gouvernement chinois, qui, tout en refusant d'accepter les conditions posées par les banquiers, ne leur a fait aucune proposition capable de leur donner satisfaction. Des garanties de cet emprunt et un contrôle quelconque, dont les formes peuvent faire l'objet d'une discussion, sont toutefois indispensables, tant pour la sûreté des prêteurs que pour le maintien même du crédit de la Chine.

Le Gouvernement impérial est d'avis que les formes de ces garanties et de ce contrôle ne peuvent être utilement discutées entre le Gouvernement chinois et les Puissances ailleurs qu'à Pékin. Le Ministre de Russie dans cette ville est muni d'instructions à ce sujet, et c'est à lui que le Gouvernement chinois est prié de s'adresser dans toutes les questions ayant trait à l'emprunt projeté [4].

Перевод.

17/4 сего июля китайский поверенный в делах благоволил сообщить императорскому министерству иностранных дел текст телеграммы пекинского министерства

[1] Часть публикуемой тел. Крупенского от слов: «никакого значительного улучшения...» и кончая словами: «...выборы президента» была передана Нератовым в Париж и Лондон тел. от 30/17 июля за № 1432 (опубл. L. N., II, p. 524). Нератов добавлял, что по имеющимся в м-ве сведениям «японское правительство относится несочувственно к американскому предложению признать нынешнее китайское правительство». На этой тел. помета Николая II, датированная — яхта «Штандарт» 2 авг./20 июля: «К чему нам торопиться?»

[2] См. № 314.

[3] Так в оригинале; следует читать: «а».

[4] В тел. от 29/16 июля за № 1423 Нератов сообщил В. Крупенскому: «Парижский и лондонский кабинеты в общем разделяют наш взгляд на необходимость контроля за расходованием этого займа и ответили в этом смысле китайским представителям, отсылая их для обсуждения подробностей к своим посланникам в Пекине». Далее Нератов передавал Крупенскому содержание своего ответа кит. посланнику Лу Цзин-женю.

иностранных дел, излагающей взгляд китайского правительства на несвоевременность учреждения в Китае [должности] финансового агента и содержащей просьбу к императорскому правительству о предоставлении пекинскому правительству сумм, острую нужду в которых оно констатирует.

В ответ императорское правительство считает нужным указать, что представители банкиров в Пекине уже выразили согласие выпустить в пользу Китая заем, достаточный для того, чтобы удовлетворить неотложные нужды китайского правительства. Затруднения для осуществления этого проекта займа исходят не от банкиров, а от китайского правительства, которое, отказываясь принять условия, поставленные банкирами, не сделало им никакого предложения, способного их удовлетворить. Тем не менее гарантии этого займа и какой-либо контроль, форма которых может быть предметом обсуждения, являются во всяком случае необходимыми как для обеспечения кредиторов, так и для самого сохранения кредита Китая.

Императорское правительство считает, что форма этих гарантий и этого контроля могут успешно обсуждаться между китайским правительством и державами только в Пекине. Российскому посланнику в этом городе преподаны по этому вопросу инструкции, и императорское министерство просит китайское правительство обращаться именно к нему по всем вопросам, касающимся проектируемого займа.

№ 389. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1437 [1]. 30/17 июля 1912 г.

Исаак-хан частным образом и совершенно доверительно показал мне полученный им за печатью Ала-эс-Солтане циркуляр всем персидским представителям за границей, в котором, по образцу прежних националистических циркуляров враждебных нам персидских кабинетов, заключаются жалобы на действия наших консулов и военных властей и предписывается посланникам жаловаться на нас правительствам, при которых они аккредитованы. В циркуляре этом, между прочим, упоминается об изнасиловании персианки нашими казаками в Маранде и говорится, что обо всех подобных случаях будет сообщаться для доведения до сведения иностранных правительств. Исаак очень огорчен этим новым неискренним образом действий по отношению к нам со стороны тегеранского кабинета, противоречащим тому, что ему было обещано при его назначении сюда.

Сообщаю об этом для вашего сведения.

Клемм.

№ 390. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1438. 30/17 июля 1912 г.

Депеша № 33 получена [2].

Считаем получение вами согласия персидского правительства на сформирование отдела казачьей бригады в Азербайджане значительным успехом. Благоволите при случае выразить министру иностранных дел наше удовольствие по этому поводу. Считаем вопрос этот окончательно решенным, независимо от того, вступит ли Сепехдар в управление Азербайджаном, на что мы изъявили согласие, или же правительство примет по отношению к нему какое-либо другое решение под влиянием событий в Тавризе.

Нератов.

---

[1] Лит. копия.
[2] См. № 329.

№ 391. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 135 [1]. 30/17 июля 1912 г.

Получил телеграммы №№ 1416 [2] и 1419 [3].

Пуанкаре сказал мне, что он уже неоднократно высказывался в том же смысле, как и вы, перед балканскими правительствами. Сегодня им получено известие из Софии, что Гешов, соблюдавший до сих пор вполне спокойный тон, ныне весьма встревожен возможностью внутренней смуты в Турции, в случае роспуска парламента. Пуанкаре тотчас обратил на это известие, через своих послов, внимание петербургского и лондонского кабинетов. Бомпар не сообщает из Константинополя ничего определенного, но подчеркивает опасность притязаний со стороны болгар и сербов Македонии, если албанцам будут сделаны слишком большие уступки.

Извольский.

№ 392. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 26 [4]. 30/17 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Маркиз ди Сан-Джулиано, проходящий курс лечения в Асколи, прибыл в Рим, по случаю панихиды в Пантеоне по убитом, двенадцать лет тому назад, короле Умберто. Я воспользовался приездом в столицу министра, чтобы навестить его и сообщить ему о желании императорского правительства «пребывать с римским кабинетом в обмене мнений по делам балканских государств и обратить его внимание на воинственное настроение, начинающее преобладать в Черногории». Я при этом совершенно конфиденциально не скрыл от министра, что нам известно, что черногорское правительство считает, что «при нынешней политической обстановке для него, быть может, окажется, в ближайшем времени, затруднительным сохранить мир по отношению к Турции» и что мы поэтому «полагаем, что Италии следовало бы высказаться в смысле нежелательности выступлений Черногории, способных запутать положение на Балканах». Я не упустил прибавить, что, «по нашим сведениям, Австрия также преподала в Цетинье советы благоразумия» [5].

Маркиз ди Сан-Джулиано мне ответил, что он немедленно будет телеграфировать в Цетинье в указанном нами смысле [6], так как римский кабинет желает избежать всяких осложнений на Балканах [7]; впрочем, он постоянно привлекал внимание короля Николая на опасность для Черногории неосторожных выступлений.

Министр, однако, не верит в воинственный пыл черногорского короля. «Его величество, — прибавил мой собеседник, — не раз хотел пугать нас своими угрозами, но я всегда относился к ним недоверчиво [8]. Только раз, во время аннексионного кризиса, опасался я черногорского, столь понятного, отчаянья, но и тогда король Николай пришел с Австрией в непосредственное соглашение на финансовой почве»...

---

[1] Опубл. Stieve, II, S. 200, N 381.
[2] См. № 372.
[3] См. стр. 373, прим. 4.
[4] Опубл. Siebert, II, S. 424, N 660, без указания номера депеши.
[5] См. № 351.
[6] См. стр. 352, прим. 3.
[7] У Siebert'а слова: «так как... на Балканах» опущены.
[8] У Siebert'а слова: «Его величество... к ним недоверчиво» опущены.

Я возразил министру, что, как ему известно, воинственное настроение все больше распространяется не только в Черногории, но и в Болгарии и Сербии, что искушение воспользоваться теперешними затруднениями и ослаблением Турции велико и что только дружное влияние держав может предотвратить балканский пожар. Министр мне ответил, что мы можем быть уверены в содействии Италии и в ее мирных советах [1].

Относительно же нашего желания пребывать с римским кабинетом в обмене мнений министр мне сказал: «Vous pouvez assurer votre Gouvernement que je partage son désir et que j'abonde dans son sens» [2].

Примите и пр.

А. Крупенский.

№ 393. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Письмо. 30/17 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Мои последние очередные донесения исчерпали весь местный римский политический материал и сегодня мне почти ничего не остается прибавить к ним. Война, особенно последняя смелая прогулка итальянских миноносцев в Дарданеллах [3], продолжает вызывать патриотический восторг, и отвага моряков восхваляется в самых преувеличенных выражениях. Это не мешает впрочем многим признавать, что осязательных практических результатов прорвавшиеся в Проливы и вернувшиеся как бы чудом невредимыми миноносцы не достигли. Но моральные последствия, правда, единственной в своем роде, рекогносцировки, доказавшей, с одной стороны, решимость и уменье итальянских моряков, а с другой — полную боеспособность турецкого флота, очевидны. Однако все ярче выступающая трудность заставить Турцию, несмотря на превосходство итальянского оружия, подчиниться итальянскому миру заставляет Италию, — хотя она в этом и не хочет сознаться, — горячо желать окончания войны. На аккредитованных в Риме послов великих держав, особенно на посла русского, смотрят здесь, как на мироносцев, и всякий их жест объясняется в этом смысле. И если бы действительно удалось тому или другому кабинету сломать так называемое здесь турецкое упорство, то Италия этой услуги не забыла бы; такая помощь повлияла бы на тяготение Италии к Тройственному союзу или Тройственному согласию, смотря по тому, какой державой она была бы ей оказана.

Желание мира доказывают также частные переговоры, которые ведутся в Швейцарии между итальянскими и турецкими доверенными лицами [4]. Однако они пока не только не привели ни к какому результату, но в настоящую минуту, как мне сказал маркиз ди Сан-Джулиано, они даже почти что совершенно прерваны, так как перемена министерства и полная безу-

[1] В тот же день А. Крупенский писал Нератову: «Г. Ризов, болгарский посланник в Риме, сообщил конфиденциально советнику вверенного мне посольства, что ему известно из будто абсолютно достоверного источника, что итальянское правительство послало, секретным образом, из Неаполя, где г. Ризов проводит лето, 80 000 ружей в Албанию. Отправкой этих ружей и раздачей их на месте заведует-де итальянский консул в Корфу. Хотя я и отношусь весьма скептически к сообщению моего болгарского коллеги, я, однако, не считаю себя в праве не донести о нем вашему превосходительству».

[2] «Вы можете заверить ваше правительство, что я разделяю его желание и полностью с этим согласен».

[3] См. стр. 341, прим. 2.

[4] Тел. от 26/13 июля за № 68 Броневский сообщал, что, по имеющимся в Берлине сведениям, «последние действия итальянского флота у Дарданелл не вызвали прекращения предварительных неофициальных переговоров, начатых между Турцией и Италией об условиях мира».

рядица в Константинополе лишили турецких уполномоченных того малого авторитета, которым они обладали. Впрочем, от этих негласных, но уже проникших в печать переговоров римский кабинет ожидает весьма малого.

Патриотический пыл, о котором я только что говорил, выразился здесь ярко в приеме, оказанном Римом прибывшим сюда из Триполи аскерам, т. е. эритрейским солдатам. Целый батальон в 1 100 человек этих черных молодцов, принимавших участие в сражениях, был послан сюда, чтобы показаться народу и посмотреть на величие итальянской столицы. Им на улицах проходу не было; их останавливали, одаривали, целовали. Король, восторженно принятый, сделал им смотр, которому был придан возможный внешний блеск. Эти аскеры, как говорят военные, дрались великолепно; они вернутся на родину носителями итальянской идеи, и восточная их фантазия сумеет рассказать дома про виденные ими великолепия.

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

№ 394. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 47. 30/17 июля 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На следующий день после отъезда императорского посланника в отпускной была получена секретная телеграмма вашего превосходительства от [23] 10 июля за № 1378 [1], коей предписывалось указать сербскому правительству в неофициальной форме на крайнюю нежелательность нарушения в настоящее время status quo на Балканском полуострове.

В тот же день мне представился удобный случай, чтобы исполнить вышеозначенное предписание. Выслушав меня, министр иностранных дел, как я уже имел честь телеграфировать вашему превосходительству [25] 12 июля за № 94 [2], убедительно стал просить меня верить, что Сербия первой не возьмется за оружие, и что только открытие военных действий со стороны Австрии или одним из балканских государств заставит и ее выступить активно. Но во всяком случае ничто не будет и не может быть предпринято ею без ведома и согласия России. Что же касается принимаемых здешним военным ведомством некоторых мер предосторожности, то таковые вызываются настоятельной необходимостью, которая в свою очередь обусловлена турецким кризисом и связанным с ним угрожающим по отношению к Сербии положением, ныне занятым Австрией.

Министр говорил искренне; слова его заслуживают полного доверия и тем более, что вслед затем они были мне подтверждены г. Пашичем, только что вернувшимся из поездки с престолонаследником королевичем Александром в Копаоник к турецкой границе [3].

Я воспользовался своим свиданием с председателем державного совета, чтобы узнать его мнение о новейших событиях в Константинополе и о вероятном дальнейшем ходе албанских дел, с которыми он так близко и хорошо знаком.

Г. Пашич полагает, что новый турецкий кабинет, вследствие проявляемой им уступчивости, по всей вероятности добьется некоторого успокоения умов, хотя в настоящее время в Албании и Старой Сербии царит полная анархия. Успокоение это, однако, вряд ли будет продолжительным. При счастливых обстоятельствах оно может протянуть до конца года. Но так

[1] См. № 352.
[2] См. № 360.
[3] См. № 365.

как албанцы, под влиянием австрийских агентов, снова начнут требовать неугодную в Константинополе и вредную с точки зрения сербских вожделений автономию, то конфликт в будущем неминуем и к нему необходимо готовиться.

Предоставление автономии Албании, при неспособности ее народа к самоуправлению, будет грозить новым и решающим шагом Австрии на юг, шагом, который предрешит вопрос о самом существовании Сербии и о столь опасном для России обладании Салоник австро-германцами.

Таково мнение г. Пашича, который, следовательно, питает некоторую хотя и слабую надежду на возможность отсрочки серьезнейших бедствий, конечно, при условии наличности известной политической устойчивости в Константинополе.

В значительно более мрачных красках рисует общее положение здешний болгарский посланник. Он считает, что турецкий внешний и внутренний кризис в самом скором времени приведет к катастрофе. События будут сильнее людей и удержать естественный ход истории не представится возможным. Зловещий симптом подготовляющейся бури он усматривает в сравнительном спокойствии, наблюдаемом среди албанских и македонских христиан, которые, повидимому, пользуясь смутой, под руководством тайных организаций усиленно готовятся к решительным действиям.

Крайний пессимизм г. Тошева мне показался опасным и, принимая во внимание, что он соответствует, судя по болгарским газетам и другим источникам, царящему в Софии и всячески передаваемому сюда настроению, я счел необходимым уверить посланника в том, что Сербия не выступит первой, что она внимательно прислушивается к голосу России, а что последняя настоятельно желает сохранения мира.

Примите и пр. В. Штрандтман.

№ 395. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 48. 30/17 июля 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вопрос об австрийских военных приготовлениях на границах Сербии и Санджака продолжает до крайности беспокоить королевское министерство иностранных дел. Из секретной телеграммы моей от [26] 13 июля за № 95 [1], ваше превосходительство изволили осведомиться о поступивших сюда новых тревожных сведениях, усиливших существующие здесь относительно Австро-Венгрии опасения.

Прося меня телеграфировать вашему превосходительству, г. Иованович сообщил мне содержание полученного им от сербского генерального консульства в Будапеште донесения со следующими данными: приближенные к эрцгерцогу Франц-Фердинанду лица открыто говорят о походе на Балканы; работы по прокладке вторых путей на идущих в южном от Будапешта направлении железнодорожных линиях за последнее время усилены; замечается чрезвычайное скопление железнодорожного подвижного состава, предназначенного для перевозки войск на юг; на границу Сербии переведены особо опытные охранные команды-штрайфуны, коим до сих пор поручалось наблюдение лишь за боснийской границей, и для команд этих установлена новая специальная сигнализация.

Официально все принимаемые соседней монархией военные меры австро-венгерскими властями объясняются приготовлениями к осенним маневрам.

[1] См. № 367.

Верить, однако, означенному утверждению сербское министерство иностранных дел затрудняется, во-первых, потому, что оно одновременно получает предупреждения из Константинополя и в особенности из Афин, в которых сообщается о решимости Австро-Венгрии, в зависимости от оборота дел в Турции, одним сильным ударом покончить с Сербией, чтобы затем иметь свободные руки против России, которая в свою очередь неминуемо ей объявит войну и, во-вторых, — г. Иовановичу стало известно сделанное здешним австро-венгерским военным агентом заявление, что принимаемые на границах Сербии военные меры имеют целью, в случае необходимости, обеспечить австрийским войскам успех одновременного с разных сторон вторжения в королевство и тем самым лишить последнее всякой возможности сопротивляться. Объяснение это было дано приблизительно месяц тому назад майором Геллинеком здешнему болгарскому посланнику в ответ на высказанное г. Тошевым удивление по поводу серьезности некоторых австрийских военных мер по Саве и Дунаю, не соответствовавших обычным для маневров приготовлениям [1].

Знаменательным признаком теперешнего неустойчивого положения дел на Балканском полуострове г. Иованович считает полученный им через сербского посланника в Цетинье запрос короля черногорского о том, что намерено при настоящих условиях предпринять сербское правительство? [2] Министр уклонился от прямого ответа и со своей стороны поручил г. Гавриловичу осведомиться у короля Николая о его мнении по возбужденному вопросу. Но его величество остался, повидимому, недоволен полученным отзывом и не пожелал продолжать переговоров, обратив лишь внимание сербского посланника на явное по отношению к нему недоверие сербского правительства [3].

Ко всему вышесказанному почитаю долгом добавить, что, вопреки продолжающим поступать в здешнее министерство иностранных дел тревожным известиям общего свойства, ни нашим военным агентом полковником Артамоновым, ни непосредственно сербским генеральным штабом за последнее время каких-либо сведений о значительных передвижениях австро-венгерских войсковых частей в сопредельных с Сербией пограничных областях получено не было.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 396. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1442. 31/18 июля 1912 г.

Телеграмма № 594 получена [4].

Не получая от вас ответа на телеграмму [22] 9 июля, № 1368 [5], мы вправе были думать, что поставленные в ней вопросы обсуждаются вами с тегеранским кабинетом, между тем из вашей телеграммы № 594 явствует, что вами никакие шаги в этом направлении еще не сделаны.

Вместе с сим запрашиваю министра финансов [6], готов ли он удовольствоваться, согласно вашему предложению, обещанием персидского пра-

[1] См. № 381.

[2] См. № 380.

[3] Тел. от 5 авг./23 июля за № 102 Обнорский, ссылаясь на свою депешу за № 28 (см. № 380), сообщил Нератову, что серб. прав-вом «дан отрицательный ответ на возобновленную недавно королем Николаем попытку сговориться с Сербией относительно совместных действий против Турции».

[4] См. № 386.

[5] См. № 346.

[6] Имеется в виду письмо Нератова Коковцову от 31/18 июля за № 893, в основном изложенное в публикуемом документе.

вительства вступить с нами в переговоры относительно предоставления нам права укладки рельс на Джульфа-Тавризской дороге. Со своей стороны полагаю, что в таком случае надо будет связать персов обещанием начать эти переговоры, как только мы будем к тому готовы, и вести их без обычных проволочек.

Относительно возможности ныне же дать понять персидскому правительству, что мы имеем в виду дальнейшую денежную помощь им, мы желали знать ваше мнение, т. к. вы всегда указывали на желательность скрывать от персов, что мы кроме 25 000 ф. ст., о которых сейчас идет речь, имеем в виду дальнейшие авансы, в общей сложности до 100 000 ф. ст.

Прошу вас спешно телеграфировать заключение относительно возможности связать персов упомянутым обязательством и ваш ответ на последний вопрос.

Что касается испрашиваемого согласия персидского правительства на укладку рельс между Джульфой и Тавризом, то можно было бы не называть его «концессией», т. к. оно в действительности является лишь расширением уже существующей концессии. Такая постановка вопроса была бы, быть может, более удобной для тегеранского кабинета [1].

Н е р а т о в.

№ 397. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 25. 1 августа/19 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вскоре по получении телеграммы вашего превосходительства от [23]10 июля с. г. за № 1378 [2], я имел случай встретиться с министром иностранных дел на афинском вокзале. В ожидании поезда, которым должны были прибыть наследный королевич и д. с. с. Свербеев [3], я беседовал с министром и, согласно вашим предписаниям, неофициальным образом намекнул ему на желательность соблюдения крайней осторожности ввиду напряженности, вызванной событиями в Турции. Г. Коромилас на это возразил, что, несмотря на все желание избегнуть всякого повода к нарушению status quo, он боится, как бы революционное движение в Албании не вывело правительство из того выжидательного положения, которого оно искренне намеревалось придерживаться. Грабежи и разбои, происходящие за последнее время в смежной с Эпиром албанской территории, принимают характер настоящих набегов, наводящих ужас на местное население. Судьба же этой области, по крайней мере той части ее, на которую Греция претендовала еще со времени Берлинского конгресса, слишком затрагивает интересы королевства, чтобы не привлечь его напряженного внимания на разыгрывающиеся события. По отношению к Македонии министр также говорил, что правительство не может равнодушно относиться к судьбе греков, населяющих ее.

После прибытия поезда и обмена приветствий, г. Коромилас, в разговоре с С. Н. Свербеевым, затронул также вопрос и о занятых Италией островах.

---

[1] Тел. от 31/18 июля за № 267, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Бьюкенен сообщал Грею о своей беседе с Нератовым: на вопрос Бьюкенена, не удовлетворится ли росс. прав-во заверением перс. прав-ва, что оно незамедлительно вступит в переговоры о концессии на Джульфа-Тавризскую ж. д., Нератов ответил, что Коковцов настаивает на окончательном разрешении вопроса.

[2] См. № 352.

[3] Свербеев был назначен послом в Берлин 24/11 июля 1912 г., а в управление пос-вом вступил 31/18 авг. В Афины он вернулся вручить свои отзывные грамоты. Посланником в Афинах был назначен б. советник пос-ва в Париже Демидов.

По словам его, итальянцы ведут усиленную пропаганду в целях добиться присоединения их путем плебисцита. Но такого рода отчуждение вряд ли будет поощряться прочими державами. Министр развил ту мысль, что более подходящим и желательным решением этого важного вопроса было бы дарование автономии всей группе островов, соединив их в одно административное целое под управлением губернатора из христиан, назначаемого султаном с одобрения великих держав. Примером такой организации мог бы служить органический регламент, выработанный и утвержденный константинопольской конференцией 1861 г. для Ливана [1]. В заключение министр сказал, как это он уже не раз повторял мне, что он рассчитывает на справедливое заступничество России, единственной из держав, способной положить предел поистине безвыходному положению христианского населения Оттоманской империи.

Примите и пр.

Князь С. Урусов.

№ 398. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 608. 1 августа/19 июля 1912 г.

Телеграфирую в Тавриз:

Получил вашу телеграмму № 395 [2].

Было бы гораздо правильнее в интересах как личных Шоджи, так и поддержания порядка, если бы он остался у власти до приезда Сепехдара, а затем помогал бы последнему в управлении провинцией, дабы этим путем примириться с правительством. Между тем происходящие ныне в Тавризе и, повидимому, поощряемые Шоджей манифестации, указывают на то, что он хочет действовать против правительства, а это может совсем испортить его положение в будущем. Если же Шоджа все-таки решил покинуть город до приезда нового генерал-губернатора, то он должен назначить себе временного заместителя не иначе, как с согласия Сепехдара. Вам надлежит объяснить Шодже, что итти на независимость Азербайджана не у места и что генеральное консульство не согласится признать временным правителем лицо, выбор коего не будет одобрен шахским правительством [3].

Поклевский.

---

[1] В июне 1861 г. в Стамбуле представителями Англии, Австрии, Пруссии, России, Турции и Франции был выработан органический регламент Ливана, согласно которому во главе Ливана был поставлен губернатор-христианин, назначаемый турецким правительством.

[2] Тел. от 29/16 июля за № 395 Преображенский сообщал в Тегеран (копия в м-во ин. дел) о намерении Шоджа-эд-Доуле, «после приезда Сепехдара в Зенджан, покинуть Тавриз, поручив управление Азербайджаном своему помощнику».

Тел. от 31/18 июля за № 396 Преображенский, сообщая о попытках жителей Тавриза закрыть базары в знак протеста против приезда Сепехдара, указывал: «Убеждения мои на все классы населения не имеют успеха, так как все уверены, что Сепехдар с приездом своим внесет новую революцию и беспорядки». В той же тел. сообщалось о желании Шоджа-эд-Доуле покинуть Тавриз, т. к. он «сильно утомился» и не получает поддержки со стороны росс. прав-ва.

[3] В ответ на новые предписания Поклевского оказать воздействие на Шоджа-эд-Доуле (телеграммы от 1 авг./19 июля за № 609 и от 2 авг./20 июля за № 610) Преображенский тел. от 3 авг./21 июля за № 404 известил его: «Сегодня мне удалось убедить Шоджа-эд-Доуле согласиться не только остаться в Тавризе до приезда генерал-губернатора, но и принять с Сепехдаром участие в управлении Азербайджаном». Преображенский добавлял, что «сегодня вечером в присутствии представителя генерального консульства Шоджа-эд-Доуле сообщит развитым классам населения о принятом им решении».

№ 399. Памятная записка министерства иностранных дел послу США в Петербурге Гайльду.

№ 714. 2 августа/20 июля 1912 г.
Confidentiel.

Par son aide-mémoire remis au ministère impérial des Affaires étrangères le 17 juillet courant [1] l'ambassade des Etats-Unis d'Amérique a exprimé le désir de savoir si dans l'opinion du Gouvernement impérial le moment n'était pas venu pour la reconnaissance formelle par les Puissances du Gouvernement républicain chinois.

Le Gouvernement actuellement établi à Pékin n'est en fait que provisoire. Le terme pour lequel il a été élu n'est plus très éloigné, les nouvelles élections du Parlement et du Président de la République devant avoir lieu dans deux mois. D'autre part, le Gouvernement impérial n'a pu constater jusqu'ici aucun fait prouvant que l'état de choses en Chine s'est sensiblement amélioré. Aussi le Gouvernement impérial croit ne pas se tromper en affirmant qu'aucune des Puissances qui ont envoyé des troupes en Chine ne songe pour le moment à leur rappel.

Par conséquent, le Gouvernement impérial est d'avis qu'il serait plus prudent de remettre la reconnaissance formelle par les Puissances du Gouvernement républicain en Chine jusqu'à ce que ce Gouvernement ayant été définitivement constitué on aura les données suffisantes pour juger de sa stabilité [2].

Перевод.

Доверительно.

В своей памятной записке, переданной в императорское министерство иностранных дел 17 текущего июля, посольство Соединенных Штатов Америки выразило желание узнать, не считает ли императорское правительство, что наступило время для формального признания державами китайского республиканского правительства.

Образованное в настоящий момент в Пекине правительство является в сущности только временным. Срок, на который оно было избрано, не слишком далек, так как новые выборы в парламент и выборы президента республики должны произойти через два месяца. С другой стороны, императорское правительство не могло до сего времени констатировать ни одного факта, указывающего на заметное улучшение положения в Китае. Помимо этого императорское правительство полагает, что вряд ли ошибется, утверждая, что ни одна из держав, пославших свои войска в Китай, не намерена в настоящее время их отозвать.

Вследствие этого императорское правительство придерживается того мнения, что будет более предусмотрительно отложить формальное признание державами республиканского правительства в Китае до того момента, когда это правительство будет окончательно установлено, что даст достаточные основания судить о прочности его положения.

№ 400. Поверенный в делах в Париже [3] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 137. 2 августа/20 июля 1912 г.

Палеолог прочитал мне совершенно доверительно телеграмму французского поверенного в делах в Софии, который сообщает, со слов министра иностранных дел, о заключении оборонительного договора с Грецией [4]. Палеолог выразил недоумение по поводу смысла такого соглашения при

[1] См. № 313.

[2] Содержание публикуемой пам. записки было сообщено Нератовым Извольскому и Эттеру (копия В. Крупенскому) тел. от 2 авг./20 июля за № 1455 (опубл. L. N., II, p. 526) и Малевскому тел. от того же числа за № 1454.

[3] Севастопуло заменял Извольского, уехавшего в Россию в связи с поездкой Пуанкаре в Петербург.

[4] Ср. № 214.

нынешних обстоятельствах, когда трудно подозревать Турцию в агрессивных замыслах, тем более что в случае войны Греция может отвлечь лишь незначительную часть турецких сил. Считаю долгом прибавить, что ничего о сделке о Крите (?) [1] в телеграмме не упоминается.

Севастопуло.

№ 401. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 138. 2 августа/20 июля 1912 г.

По поводу разоблачений о соглашениях между балканскими государствами[2] Палеолог выразил опасение, как бы Австрия не выступила в Белграде с требованиями об объяснениях. Он тем более опасается подобного выступления, что по его сведениям известия о тревожном положении в Албании умышленно раздуваются германскими агентствами.

Севастопуло.

№ 402. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 2 августа/20 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вся германская пресса не только со вниманием, но и с плохо скрываемой нервностью следит за внутренними политическими событиями, разыгрывающимися в Турции, и за пошатнувшимся вконец положением младотурок. Одного упоминания о возможности возврата к власти Киамиль-паши было достаточно, чтобы некоторые органы заговорили о серьезной опасности для германской политики в Турции; истечение срока службы некоторых из германских офицеров, состоящих инструкторами в турецкой армии, совпавшее с теперешними событиями, было немедленно понято как поголовное удаление всех немецких инструкторов. Понадобилось несколько полуофициозных заметок умеряющего характера, чтобы возвратить газеты к более хладнокровному обсуждению турецких событий. В разговоре со мной управляющий министерством иностранных дел высказал лишь, что если правление младотурок действительно не оправдало всех надежд, возлагавшихся на эту партию с 1909 г., то виной тому, по его мнению, чрезмерное и развращающее влияние салоникского еврейства. Что касается до почти совпавшего с турецким министерским кризисом raid'а итальянских миноносцев в Дарданеллы [3], то этот акт подвергся здесь одинаково строгой критике и как политическая демонстрация и как военное действие; с военно-морской точки зрения raid признается безусловно неудачным, и итальянская реляция о нем, на составление которой понадобилось 48 часов, внушает критикам-специалистам мало доверия; как простая демонстрация, имевшая лишь в виду произвести давление на противника, — попытка прорыва не только не дала никаких положительных результатов (как, например, желательное для Италии закрытие Проливов), но скорее могла способствовать объединению боровшихся между собой турецких партий и во всяком случае облегчила нынешнему правительству занять относительно восставших албанцев примирительное положение. В частном разговоре г. Циммерман сказал мне, что на расспросы его по поводу действий итальянского флота в ночь на 18/5 июля, итальянский поверенный в делах дал сначала самые

[1] Знак вопроса в оригинале.
[2] См. №№ 137, 150 и 211.
[3] См. № 334.

туманные и противоречивые разъяснения, позволявшие предположить, что бесстрашный и рискованный частичный прорыв Дарданелл был предпринят самовольно увлекшимся командиром миноносного отряда, без приказа главного начальника флота. Как я уже имел честь уведомить ваше превосходительство секретной телеграммой от [26] 13 июля за № 68 [1], по здешним сведениям, итальянское нападение не отозвалось даже прекращением или перерывом предварительных переговоров о мире, которые ведутся в Лозанне: от г. Циммермана я узнал доверительно, что еще на днях итальянский поверенный в делах выражал сожаление, что принц Халим не имеет из Константинополя полномочий ни достаточно определенных, ни достаточно широких.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 403. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 676. 2 августа/20 июля 1912 г.

Монголия.

Телеграмма № 1434 получена [2].

Сегодня сделал Лу Чжен-сяну серьезное предупреждение относительно посылки китайских войск в Кобдо, причем, вследствие телеграммы Афанасьева № 1076 о получении в Цицикаре пулеметов и снарядов и просьбе губернатора прислать ему 10 инов в Мукден [3], повторил предупреждение о Барге [4], упомянув и об упорных слухах об экспедиции против Урги. Лу сказал, что ему ни о каких предположенных посылках войск неизвестно, но что он передаст все мной сказанное президенту. Я ему заявил, что нам положительно известно о состоявшемся уже отправлении отряда в Кобдо из Шара-Сумэ и о подготовляющейся туда экспедиции из Урумчи, а равно и военных приготовлениях в Цицикаре. На это Лу ответил, что отправление отряда из Шара-Сумэ в Кобдо должно быть рассматриваемо лишь как передвижение войск в одном и том же округе и что оно, вероятно, вызвано известиями о монгольской экспедиции на Кобдо, что же касается Урумчи и Цицикара, то он снова повторил, что не верит в подготовления в этих пунктах военных действий, но что непременно передаст президенту все то, что я ему сказал [5].

Крупенский.

№ 404. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 679. 2 августа/20 июля 1912 г.

Монголия.

При сегодняшнем разговоре о монгольских делах Лу Чжен-сян спросил моего совета, как поступить Китаю для разрешения монгольского вопроса.

[1] См. стр. 398, прим. 4.

[2] В тел. от 30/17 июля за № 1434 Нератов сообщал В. Крупенскому следующее по поводу посылки кит. войск в Кобдо: «Настоящая минута кажется нам подходящей, чтобы напомнить китайскому правительству сделанное вами предупреждение относительно русско-китайских осложнений в случае попытки китайцев силой подавить движение в интересующих нас частях Монголии» (см. т. XIX, № 722).

[3] Содержание указанной тел. Афанасьева от 31/18 июля (посланной Нератову за № 1075) изложено в публикуемом документе.

[4] См. стр. 85, прим. 3.

[5] Тел. от 30/17 июля за № 60 консул в Кобдо Кузминский сообщил Сазонову, что, «исчерпав все средства к предотвращению вооруженного столкновения» между кит. и монг. войсками и получив официальный отказ кобдинского амбаня от переговоров с халхаским правительством, он «должен был временно прекратить дальнейшие переговоры с китайскими властями по этому вопросу и выехать [25] 12 июля из города, после чего монгольские войска в тот же день окружили город».

Я ответил, что наше отношение к этому делу должно ему быть хорошо известно и напомнил ему о трех пунктах, сообщенных Юань Ши-каю Щекиным [1]. Лу сказал мне, что китайское правительство, будучи готово итти навстречу нашим пожеланиям, затрудняется, однако, обратиться к нашему посредничеству из опасения обвинений со стороны палаты представителей и прессы, и спросил, нельзя ли было бы уладить дело непосредственными переговорами с хутухтой. На указание с моей стороны, что монголы явно выразили свое нежелание согласиться на такой способ разрешения вопроса, Лу предложил, чтобы привилегии Монголии были подтверждены президентским рескриптом на имя хутухты, который был бы сообщен последнему через наше посредство. Я выразил сомнение, чтобы и такой компромисс показался монголам достаточно обеспечивающим их на будущее время, но, ввиду усиленной просьбы Лу, обещал донести об его предложении вашему превосходительству. Из всего разговора я заключаю, что китайцы стремятся поскорее покончить с монгольским вопросом, сохранив по возможности лицо, но к определенному решению еще не пришли и не оставили еще мысли о восстановлении силой своей власти в Монголии. Поэтому я продолжаю находить желательным скорейшее заключение предположенного императорским правительством особого соглашения с хутухтой и князьями, чтобы тем убедить китайцев в серьезности положения и в необходимости для них прибегнуть к нашему посредничеству. Я был бы весьма признателен вашему превосходительству за сообщение мне, имеется ли нами попрежнему в виду осуществление помянутой меры. Прошу также указаний об ответе, который я должен буду дать Лу Чжен-сяну на сделанное им предложение.

Крупенский.

№ 405. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 1468 [2]. 3 августа/21 июля 1912 г.

Сообщается в Вену и Константинополь.

По полученным нами от консулов в Митровице и Призрене, а также телеграфным агентством из Ипека сведениям черногорцы перешли с боем границу около Гусинье [3] и заняли турецкую территорию; против них посланы турецкие войска из Дьякова и Ипека.

Благоволите обратить самое серьезное внимание короля Николая на крайнюю опасность активных выступлений Черногории, особенно в настоящую минуту.

Осведомьтесь о размерах и причинах столкновения и настаивайте на полюбовном его улажении дипломатическим путем.

Французский и итальянский представители в Цетинье имеют общую инструкцию действовать в умеряющем смысле [4].

Нератов.

№ 406. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 95 [5]. 3 августа/21 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Сегодня утром вновь произошло на восточной границе близ Колашина столкновение черногорцев с турецким кордоном. Конфликт возник из-за

[1] См. т. XIX, № 253.
[2] Лит. копия.
[3] Ср. № 417.
[4] См. стр. 349, прим. 5 и стр. 352, прим. 3.
[5] Царск. экз.

окопа, возведенного турками на спорном участке. После отказа турок очистить и разрушить окоп, местные черногорские власти приказали своим (пограничным) войскам выгнать турок и разрушить окоп. Это было выполнено, причем к первоначальной небольшой группе вооруженного черногорского населения постепенно прибыло на помощь три батальона. На помощь к турецкому кордону собрались ближайшие кордоны и вооруженные арнауты. Турки были оттеснены, причем черногорцы сожгли турецкий блокгауз, построенный на турецкой территории, где и продолжали сражение в течение нескольких часов. Черногорскими войсками командовал начальник штаба Колашинской дивизии майор Матакович [1]. Усмотрев во всем ходе дела явное желание черногорских властей обострить и придать активный характер своим действиям по отношению к Турции, я сделал сегодня черногорскому министру иностранных дел самое энергичное представление и указал, что ввиду неоднократно за последнее время повторенных Черногории представителями России и других великих держав советов осторожности и благоразумия, вся ответственность за возможные дальнейшие последствия этого сознательно обостренного черногорцами конфликта всецело падет на Черногорию.

О б н о р с к и й.

№ 407. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо.

3 августа/21 июля 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В телеграммах моих за №№ 513 [2] и 519 [3] я имел честь сообщить вашему превосходительству сведения, которые я получил с турецкой стороны о ходе итало-турецких мирных переговоров. Ныне имею возможность дополнить таковые тем, что К. Н. Гулькевичу удалось узнать весьма доверительно от оставшегося в Константинополе итальянского негласного представителя. При этом, однако, считаю долгом вновь просить ваше превосходительство не отказать хранить безусловно в тайне нижеследующее, ибо г. Лори угрожало бы взыскание, и посольство лишилось бы источника представляющих интерес сведений, если бы тем или иным путем сделалось известным в Риме, что г. Лори более откровенен, нежели полагалось бы.

Когда пал кабинет Саид-паши, принц Саид-Халим отказался вести переговоры с итальянской делегацией под предлогом, что не имеет полномочий от нового министерства. Главный итальянский представитель Фузинато решительно отказался разделить правильность такой точки зрения. По его мнению, смена лиц, стоящих во главе министерства, не может оказывать влияние на переговоры представителей обеих воюющих держав, нарочито съехавшихся на свидание в третье государство. Принц Саид-Халим не признавался, что был лишен полномочий, но отказался беседовать долее с итальянцами, на которых он не произвел вообще впечатления серьезного

[1] В тот же день тел. за № 880 Потапов сообщал в отдел ген.-квартирмейстера главного управления ген. штаба: «Бывшие в последние дни мелкие пограничные столкновения с турками принимают угрожающий характер. Сегодня утром на северной границе восточнее Мойковаца черногорцы напали на окопы, возведенные турками на черногорской территории, чтобы бить работающих в долине черногорских поселян. Окопы и соседние блокгаузы сравнены с землей. Есть убитые и раненые, и бой еще продолжается. Возможно такое же нападение выведенных из себя черногорцев на турецкие блокгаузы крайней восточной границы, где турки ежедневно избивают черногорских поселян и скот». «Король сильно возмущен, — заканчивал Потапов, — у него все более и более зреет мысль о необходимости нападения на Скутари, Плаво и Гусинье».

[2] См. стр. 389, прим. 1.

[3] См. № 382.

человека. Чтобы выйти из положения, стороны согласились отправить в Константинополь за разъяснениями инженера Ногара, о котором я упоминал в строго доверительном письме от 12 июля/29 июня с. г. [1]. Последний прибыл сюда в минувший вторник [2] и немедленно был принят министром иностранных дел, с которым состоит издавна в дружеских отношениях. Габриэль-эффенди Норадунгиан сказал ему, что лично он горячо сочувствует продолжению начатых переговоров, но что совет министров должен будет высказать свое мнение по этому поводу и что, — во всяком случае, — придется назначить в состав турецкой делегации двух новых членов. При этом министр разрешил г. Ногара сноситься шифром с находящимися в Швейцарии итальянскими уполномоченными, но не с Консультой. Г. Ногара ожидает со дня на день получения ответа от оттоманского правительства, чтобы вернуться в Женеву.

По словам г. Ногара, переговоры не вышли еще из подготовительной стадии. Они касались изыскания формулы, которая позволила бы обойти молчанием декрет о распространении на Ливию верховных прав королевства Италии [3], считающийся, по выражению одного из итальянских членов, «догматом, не подлежащим обсуждению». Остальными главными условиями, выставленными итальянцами в противовес турецким, о которых я упоминал в письме от 24/11 июня с. г. [4] являются: признание автономии занятых итальянцами островов в Эгейском море и возмещение Турцией убытков, причиненных ею изгнанным из ее пределов итальянцам [5]. На последнем в Консульте будто бы настаивать не намерены, ибо, как г. Лори обмолвился, итальянское правительство согласно даже уплатить Турции денежное вознаграждение, если удастся в скором времени прийти к соглашению. Ввиду того, что средством достижения такового выдвигался Норадунгианом проект дарования арабам полной независимости, быть может, ныне возможность такового соглашения не столь отдалена.

Одновременно с высказываемым настоящим министром иностранных дел (см. мою телеграмму № 525 [6]) убеждением, что Турции следует действовать умиротворяюще на арабов, итальянцам были сделаны здесь предложения воздействовать в этом духе на туземцев законным сыном Абдэль-Кадера, — эмиром Магомет-пашой. Маркиз ди Сан-Джулиано еще не ответил на таковые, но, по уверению г. Ногара, итальянское правительство не упускало ни одного случая, чтобы заручиться благорасположением арабов, хотя до сих пор особенного успеха в таком направлении не приходится отмечать. Ввиду обнаруженного ныне оттоманским правительством желания содействовать успокоению в Ливии, я поручил г. Гулькевичу попытаться обратить через г. Лори внимание итальянского правительства на желательность, для успеха начатых переговоров, не предпринимать в Архипелаге новых выступлений. В последнее время здесь усиленно распространяется слух, что итальянцы намерены захватить и остальные еще остающиеся в руках у турок острова. К сожалению, г. Лори не решился взять на себя давать какие-либо советы Консульте.

По сведению г. Ногара, итальянское правительство обнаруживает за последнее время особенную настойчивость. Ведение переговоров Джиолитти

---

[1] См. № 287.
[2] 30/17 июля.
[3] Декрет о суверенитете Италии над Триполи и Киренаикой от 27/14 февр. 1912 г.
[4] См. № 226.
[5] См. № 74 и стр. 71, прим. 2.
[6] В тел. от 31/18 июля за № 525 М. Гирс сообщал, что турец. м-р ин. дел в беседе с Бомпаром по поводу разрабатываемого м-ром проекта примирения воюющих сказал, что «прежде всего необходимо изменить отношение Турции к арабам. Последних следовало бы постепенно успокаивать, вместо того, чтобы постоянно возбуждать против итальянцев».

взял исключительно в свои руки, посвящая в их тайну лишь ди Сан-Джулиано, так как он желает оградить их от возможной нескромности. Финансовое положение королевства, как уверяет г. Ногара, весьма удовлетворительно, хотя и не столь блестяще, как его рисуют официальные сообщения.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 408. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 611. 3 августа/21 июля 1912 г.

Получил телеграмму № 1442 [1].

Я не считал себя вправе, без специальных на то указаний, вступить в переговоры с персидским правительством о выдаче нам концессии на Джульфа-Тавризскую железную дорогу, но прежде ответа на телеграмму вашего превосходительства № 1368 [2] я хотел несколько ближе ознакомиться со взглядами на этот вопрос. Я убедился в чрезвычайной трудности получения концессии, если требование о ней будет поставлено в предположенной нами форме, и в личной склонности министра иностранных дел к начатию с нами переговоров о помянутой железной дороге. Насколько мне известно, министры обсуждали, на основании полученных от Исаак-хана сведений, вопрос об этой концессии, но ни к какому решению не пришли, а запросили по телеграфу регента. Все вышеизложенное, вместе с известным мне желанием кабинета итти навстречу нашим пожеланиям, и позволяет, хотя может быть и несколько смело, сказать, что персидское правительство могло бы без особенных затруднений обещать вступить с нами в переговоры о концессии. Если же нам действительно удастся получить подобное письменное обещание, то тогда на обязанности миссии будет лежать ускорение хода переговоров, причем частые — еще в будущем — обращения к нам персидского правительства за содействием дадут нам, мне кажется, достаточно поводов, чтобы добиваться более быстрого окончания этого дела. В случае если, при нынешних переговорах об авансе и железной дороге, мы не будем вынуждены дать персам определенные обещания относительно дальнейших денежных ссуд, то я продолжаю считать предпочтительным сохранение нами свободы действий в этом вопросе с тем, чтобы в крайнем случае руководствоваться, с одной стороны, действительной денежной потребностью персидского правительства, а с другой же — поведением кабинета.

Поклевский.

№ 409. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 749. 3 августа/21 июля 1912 г.

Срочно. Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В письмах от [23] 10 и [31] 18 сего июля за №№ 877 [3] и 893 [4] ваше превосходительство настаиваете на скорейшей выдаче Учетно-ссудным банком персидскому правительству ссуды в 25 000 ф. ст., одновременно с выдачей этому правительству такой же ссуды английским банком, а равно на выдаче в дополнение к этой ссуде еще 25 000 томанов для оплаты берата персидского

[1] См. № 396.

[2] См. № 346.

[3] Содержание указанного письма Нератова в основном изложено в публикуемом документе.

[4] См. стр. 401, прим. 6.

посланника в С.-Петербурге Исаак-хана. Вместе с тем, не считая возможным ставить настоящую ссуду, как это было предположено мной, в зависимость от получения нами ныне же концессии на сооружение Джульфа-Тавризской железной дороги, вы изволите просить моего согласия на то, чтобы наш посланник в Тегеране при выдаче ссуды ограничился истребованием от персидского правительства обещания приступить к переговорам об этой концессии, как только нами будут сообщены ему подробные условия последней.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему превосходительству, что ввиду неоднократных указаний ваших на настоятельную необходимость по политическим соображениям немедленно оказать персидскому правительству денежное воспособление, я, со своей стороны, вынужден согласиться на выдачу названному правительству из средств Учетно-ссудного банка Персии испрашиваемой ныне ссуды в 25 000 ф. ст., равно как и 25 000 томанов для оплаты берата персидского посланника в С.-Петербурге, при условии получения от этого правительства указанного выше обязательства относительно приступа к переговорам об интересующей нас железнодорожной концессии. При этом я признавал бы желательным, чтобы во избежание недоразумений при предстоящих переговорах о концессии в упомянутом обязательстве персидского правительства было определенно указано, что вопрос идет о концессии на железную дорогу Джульфа—Тавриз с ветвью к Урмийскому озеру, как это в последнее время предполагалось в переписке моей с министерством иностранных дел.

Соглашаясь на такое направление дела, считаю, однако, долгом оговорить, что я не разделяю образа мыслей нашего посланника в Тегеране, который, как видно из приложенной к вашему письму за № 893 телеграммы его от [29] 16 июля [1], находит унизительным для персидского правительства требование о том, чтобы оно теперь же обязалось выдать концессию. По моему мнению, наоборот, настоящее положение дела представляется скорее обидным для нас, так как, неизменно удовлетворяя непрестанные просьбы персидского правительства о денежной помощи, мы ничего не получаем от последнего взамен своих услуг, кроме обещаний. Ввиду этого я полагал бы, что, заручившись обещанием персидского правительства приступить к переговорам о концессии, министерство иностранных дел должно будет затем принять меры к скорейшему получению самой концессии. При этом поставляю себе долгом сообщить вашему превосходительству, что я решительно не усматриваю возможности итти на выдачу персидскому правительству каких-либо дальнейших авансов в случае, если этим последним не будет ранее выдана нам означенная концессия. Как я уже неоднократно доводил до сведения министерства иностранных дел, вверенное мне ведомство не располагает никакими ресурсами для выдачи ссуд персидскому правительству [2] и производит таковые с явным ущербом для интересов Учетно-ссудного банка и даже с прямым отступлением от его устава. Оно вынуждается к этому исключительно категорическими настояниями министерства иностранных дел, до известной степени возлагающими на финансовое ведомство ответственность за политические осложнения на персидском Востоке, и на мне лежит поэтому прямой долг предуведомить ваше превосходительство, что в будущем я буду лишен возможности итти навстречу желаниям министерства иностранных дел, если только вопрос о дальнейших выдачах Персии не будет поставлен на совершенно иную почву — оказания денежной помощи за предоставление нам таких экономических преимуществ (концессий), которые оправдывали бы труд и ответственность Учетно-ссудного банка по привлечению посторонних средств, передаваемых затем в виде ссуд персидскому правительству.

---

[1] См. № 386.
[2] См. стр. 214, прим. 1.

Что касается остальных условий предполагаемой ныне к выдаче ссуды в 25 000 ф. ст. и 25 000 томанов, то, как уже установлено по соглашению с вами, условия эти должны быть одинаковы с теми, на коих была выдана в марте сего года ссуда в 100 000 ф. ст., с тем лишь дополнением, что персидское правительство предоставляет нашему банку право, в случае понижения таможенных доходов, служащих гарантией погашения ссуды, приступить к отчислению на это погашение известной части поступающих в банк других государственных доходов.

По получении мною от вашего превосходительства уведомления о состоявшемся соглашении с персидским правительством на изложенных выше основаниях, правление Учетно-ссудного банка Персии предпишет директору банка в Тегеране выдать указанную ссуду. Затем при выдаче последней главный казначей Персии г. Морнар должен будет передать названному директору особое обязательство по этой ссуде, подобное выданному им по первому авансу.

Останавливаясь затем в частности на выдаче 25 000 томанов для оплаты берата персидского посланника в С.-Петербурге, не могу не обратить внимание на то, что ваше превосходительство в письме от [23] 10 июля за № 877 [1] высказываетесь за желательность выдачи этой суммы с удержанием ее затем при следующем платеже в счет предполагаемого общего аванса в 100 000 ф. ст.

Считаю долгом высказать по этому поводу, что, выдавая в настоящее время персам аванс, мы едва ли должны подавать им повод рассчитывать на получение от нас дальнейших авансов. Кроме того, как выше указано, вопрос о дальнейших авансах с нашей стороны ставится в зависимость от отношения персидского правительства к нашему домогательству о концессии на сооружение Джульфа-Тавризской железной дороги. При таком положении выдача означенных выше 25 000 томанов могла бы быть в настоящее время произведена лишь как новая льгота, оказываемая нами персидскому правительству, причем эта дополнительная ссуда подлежала бы погашению в возможно короткий срок на тех же основаниях, как и предполагаемые ныне к выдаче 25 000 ф. ст., без всяких новых послаблений в пользу персидского правительства [2].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 410. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1475. 4 августа/22 июля 1912 г.

Сообщается в Мешед.

Военное министерство распорядилось отозванием в Россию частей, находящихся в Хорасане [3], с оставлением там одного батальона 18-го Тур-

---

[1] См. стр. 410, прим. 3.

[2] Передавая содержание публикуемого документа Поклевскому тел. от 4 авг./22 июля за № 1474, Нератов поручал ему «безотлагательно войти в сношения с шахским правительством по настоящему делу».

В ответной тел. от 7 авг./25 июля за № 622 Поклевский сообщал о передаче им 6 авг./24 июля перс. м-ру ин. дел ноты, в которой просил последнего дать обещание вступить в переговоры о Джульфа-Тавризской ж. д. с веткой к Урмийскому озеру. «На словах я сообщил, — добавлял Поклевский, — что вслед за получением нами благоприятного ответа здешнему правительству будет выдан новый аванс в 25 000 ф. ст. на указанных вашим превосходительством условиях».

Тел. от 5 авг./23 июля за № 1477 Нератов известил Поклевского, что он сообщил Бьюкенену о данном Поклевскому разрешении вступить в окончательные переговоры с перс. прав-вом относительно выдачи аванса (см. № 330) и что «выдача такового последует тотчас по подписании соответствующего соглашения. Таким образом, от шахского правительства зависит ныне скорейшее окончание дела».

[3] Ср. № 10.

кестанского стрелкового полка при 10 пулеметах и Семиреченского казачьего полка с распределением их согласно телеграмме генерального консула в Мешеде № 86 [1].

В Асхабаде будет сформирован особый отряд, который мог бы, в случае беспорядков в Хорасане, быстро туда двинуться.

К л е м м.

№ 411. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 102. 4 августа/22 июля 1912 г.

Албания.

Ссылаюсь на мое донесение № 48 [2].

Посетивший меня сегодня министр иностранных дел сообщил, что черногорское правительство, интересуясь узнать в видах якобы согласования действий, какое положение займет сербское правительство в вопросе албанской автономии, вторично обратилось чрез сербского посланника в Цетинье с соответствующим запросом. По черногорским сведениям, идея автономии приобретает в Албании, под влиянием австрийской пропаганды, все большее число сторонников. Вероятно, во вторник [6 августа] 24 июля министерский совет обсудит запрос. Министр иностранных дел совсем доверительно поведал, что Сербия самым категорическим образом отвергает мысль об автономии и обязана, в интересах королевства и своих единоплеменников, поддерживать хорошие отношения с албанцами, готова способствовать их культурному успеху, но отнюдь не политической автономии. Глубокое недоверие к политике Черногории, возможное осведомление последней Австрии, Турции или албанцев о содержании ответа и, наконец, неизвестность точки зрения короля Николая на автономию препятствуют откровенным объяснениям сербского правительства, опасающегося быть поставленным затем в фальшивое положение и желающего избежать всяких осложнений. Предварительно принятия окончательного решения относительно ответа, министр иностранных дел просит ваше превосходительство осведомить его о мнении императорского правительства по возбужденному вопросу, а именно: надлежит ли вообще дать черногорскому правительству ответ, и если надлежит, то как его формулировать. Почитаю долгом сказать, что оставление запроса черногорского правительства без последствий нежелательно, дабы не порывать и без того слабой деловой связи между королевствами. В уклончивом ответе сербское правительство, быть может, могло бы указать на принимаемые в Албании и Старой Сербии новым оттоманским правительством меры успокоения и на питаемые сербами искренние надежды, что меры эти действительно приведут к умиротворению и обеспечат христианскому населению названных областей нормальное культурное развитие. Ходатайствую спешный ответ [3].

Ш т р а н д т м а н.

---

[1] Тел. от 9 июля/26 июня за № 86 Дабижа предлагал расположить остающиеся части хорасанского отряда следующим образом: «Первая сотня казаков должна быть растянута, как то ныне существует, по заставам по дороге Гаудан—Мешед для охраны пути и для летучей почты и связи частей; вторая сотня—в Кучане; третья и четвертая—в Мешеде. Наличие кавалерии в Кучане и Мешеде необходимо для подачи помощи в случае надобности как в самих городах, так и на прилегающих к Кучану и Мешеду дорогах Сабзевар—Турбет. Поддержкой кавалерии должны служить в Кучане рота пехоты при четырех пулеметах и в Мешеде три роты при шести пулеметах».

[2] См. № 395.

[3] В тел. от 6 авг./24 июля за № 1484 Нератов одобрил предложенный Штрандтманом ответ серб. прав-ва Черногории и сообщал: «Мы продолжаем настаивать в Цетинье на улажении столкновений с Турцией дипломатическим путем» (см. № 405).

№ 412. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 97. 4 августа/22 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму № 95 [1].

Турецкий посланник сообщил мне, что черногорцы уже несколько дней назад предупреждали его о возможности своего перехода к более активным действиям в случае новых пограничных столкновений. Он считает нынешний конфликт очень серьезным и могущим привести к разрыву дипломатических сношений между обоими государствами. Черногорский министр иностранных дел не теряет, однако, надежды на улажение дела мирным путем. Я имею основания думать, что король Николай стремится использовать турецкий кризис и попытаться присоединить к своей территории некоторую часть прилегающих турецких областей, в особенности Скутарийского вилайета.

Обнорский.

№ 413. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову и поверенным в делах в Белграде и Афинах — Штрандтману и Урусову.

·/. Телеграмма № 1480 [2]. 5 августа/23 июля 1912 г.

Сообщается в Вену, Константинополь и Цетинье.

Благоволите обратить внимание правительства, при коем вы аккредитованы, на то, что мы рассматриваем пограничные столкновения между Турцией и Черногорией, как имеющие чисто местный характер и могущие быть улаженными непосредственными дипломатическими переговорами. Таковые переговоры представляются нам тем более осуществимыми, что турки едва ли склонны увеличивать трудность своего положения новой войной, а черногорцы едва ли в состоянии развить военные действия до сколько-нибудь широких размеров.

Мы все же всемерно удерживаем Черногорию от активных выступлений, которые считаем совершенно несвоевременными как для нее, так и для других балканских государств и которые не могут встретить поддержки с нашей стороны.

Отметьте местному правительству необходимость спокойствия и сдержанности.

Нератов.

№ 414. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо. № 485. 5 августа/23 июля 1912 г.

Секретно

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [30] 17 сего июля за № 4313 [3], считаю долгом уведомить, что турецкий посол, в разго-

---

[1] См. № 406.

[2] Лит. копия.

[3] При указанном письме на имя Сазонова Коковцов препроводил копию тел. из Харькова, в которой председатель совета съездов представителей промышленности и торговли Авдаков просил Коковцова, в связи с распространившимися слухами о возможном закрытии Дарданелл, оказать содействие обеспечению беспрепятственного

воре, который я имел с ним вслед за последней атакой итальянских миноносцев на Дарданеллы [1], сообщил, что турецкое правительство не намерено в настоящее время закрывать Проливы, но что оно вынуждено будет прибегнуть к этой мере в случае каких-либо опасных в отношении Проливов действий со стороны Италии.

Я не преминул обратить самое серьезное внимание Турхан-паши на вред, наносимый торговле не только нейтральных держав, но и самой Турции прекращением прохода торговых судов и указал на необходимость сохранения свободы плавания через Проливы.

Императорский посол в Константинополе, равно как и французский его сотоварищ, преподал со своей стороны оттоманскому министру иностранных дел дружеские советы в том же смысле [2].

Ввиду всего вышеизложенного, а также отсутствия тревожных известий о ходе войны, можно, повидимому, думать, что в настоящую минуту ничто не угрожает интересам нашей торговли.

Примите и пр. [Нератов.]

№ 415. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [3]. 5 августа/23 июля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами от [2 августа] 20 с. м. за № 136 [4], 137 [5] и 138 [6] я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о сущности моего разговора с г. Палеологом по поводу разоблачений, касающихся как франко-русской морской конвенции, так и политических соглашений между различными балканскими государствами.

Сегодня на проводах г. Пуанкаре я имел вторичный разговор с г. Палеологом касательно этих вопросов.

По поводу первого из них он особенно настойчиво старался убедить меня, что разоблачение обошлось без всяких нежелательных последствий и что, как он это, впрочем, предвидел, оно таковых и не могло иметь, так как соглашение является, весьма естественно, составной частью совокупности франко-русских отношений.

Между тем я с тех пор имел случай узнать от капитана 1-го ранга Карпова, что здешнее морское ведомство недвусмысленно указывает именно на Quai d'Orsay, как на источник разглашения.

Сопоставление этого обстоятельства с указанной выше настойчивостью политического директора и с его объяснениями, что тут не было «de fuite proprement dite» [7], как донесено мной телеграммой за № 136, наводит меня на мысль, что министерство иностранных дел действительно несколько скомпрометировано этим инцидентом и что это является для начальников

прохода торговых судов через пролив. Коковцов просил Сазонова известить его, какие меры будут предприняты м-вом ин. дел по этому вопросу.

В письме от 2 авг./20 июля, № 274, на имя Сазонова зам. упр. землеустройством и земледелием Риттих передал аналогичное ходатайство Екатеринославского биржевого комитета.

[1] См. стр. 341, прим. 2.

[2] См. № 341.

[3] Опубл. М., стр. 239.

[4] В тел. от 2 авг./20 июля за № 136 (опубл. М., стр. 238) Севастопуло сообщал следующее: «Относительно разоблачения газеты «Temps» о морской конвенции Палеолог сказал мне, что это было очень неприятно министру-президенту, но что в сущности нет оснований беспокоиться о последствиях этих разоблачений. Сие последнее, как он полагает, вызовет как здесь, так и за границей лишь удивление по поводу того, что эта конвенция заключена лишь теперь».

[5] См. № 400.

[6] См. № 401.

[7] «разглашения в собственном смысле слова».

ведомства особенно неприятным, быть может, ввиду оставшегося у публики впечатления, что разоблачение Потсдамского соглашения исходило из того же учреждения [1].

Относительно балканских соглашений г. Палеолог выразил вчера свое удивление по поводу спокойствия и даже молчания, с коим разоблачения по этому поводу были встречены общественным мнением заинтересованных великих держав.

Настойчивость, с какой, по его сведениям, германские агентства распространяются об албанских событиях, он объясняет желанием Германии заставить Европу не терять из виду, что при нынешней конъюнктуре на Балканском полуострове предлог для выступления там Австрии в той или другой форме всегда готов; поэтому он и опасался разоблачений о болгаро-сербском соглашении, хотя в общем он не имеет оснований подозревать берлинское правительство в желании вызвать ныне серьезные осложнения.

Мне показалось небезынтересным довести до сведения вашего высокопревосходительства как данные мне по делу о разоблачениях морской конвенции объяснения, так и личное, быть может, мнение г. Палеолога о балканских делах, отнюдь не теряя при этом, конечно, из виду, что вы будете иметь случай составить себе по затронутым вопросам более определенное мнение при предстоящих беседах с г. Пуанкаре.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 416. Посланник в Цетинье [2] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 99. 5 августа/23 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму № 95 Обнорского [3].

Сегодня утром турецкий посланник предъявил черногорскому правительству ноту, в которой требует: 1) письменного заявления, что черногорские войска получили приказ покинуть турецкую территорию, и 2) письменного же выражения сожаления о совершенном ими нападении. В случае неполучения ответа до завтра, вторника, 8 часов вечера, посланник покинет Цетинье. Король вырабатывает ответ, который, как сообщил мне министр иностранных дел, будет носить отрицательный характер. Рассчитываю выяснить [4] сегодня.

Гирс.

№ 417. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 101. 5 августа/23 июля 1912 г.

Получил телеграмму № 1468 [5], ссылаюсь на свою телеграмму № 95 [6].

---

[1] Имеются в виду разоблачения в связи с русско-герм. переговорами по персидским делам в 1911 г. В лондонской газете «Evening Times» 6 янв. 1911 г./24 дек. 1910 г. появился полный текст проекта русско-герм. соглашения. В письме от 19/6 апреля 1911 г. за № 289 Нератов писал Извольскому: «По поводу возникшего на-днях дела о продаже секретных документов из французского министерства иностранных дел, в парижской печати, между прочим, появились указания на то, что опубликованный в свое время лондонской газетой «Evening Times» текст проекта русско-германского соглашения по персидским делам будто был сообщен редакции поименованного органа Маймоном» (чиновником франц. м-ва ин. дел).

[2] Назначенный посланником в Цетинье А. Гирс официально вступил в управление миссией 8 авг./26 июля.

[3] См. № 406.

[4] В оригинале слово: «выяснить» вписано карандашом.

[5] См. № 405.

[6] См. № 406.

Вчера утром, на основании означенной телеграммы вашего превосходительства, я обратил серьезное внимание самого короля Николая на крайнюю опасность активных выступлений в настоящую минуту. Из вышеупомянутой моей телеграммы, которая разошлась в пути с телеграммой вашего превосходительства и в коей я сообщал о размерах и причинах пограничного столкновения у Колашина, а не у Гусинье, как, вероятно, по недоразумению, упомянуто в полученных министерством консульских телеграммах, вы уже осведомились, что еще накануне, ввиду нападения черногорских войск на пограничную турецкую территорию близ Колашина, я счел себя вынужденным, на основании общих инструкций, данных мне телеграммой вашей от [22] 9 июля за № 1370 [1], сделать черногорскому министру иностранных дел энергическое представление с указанием на всю полноту ответственности, какую берет на себя черногорское правительство этим активным выступлением вопреки повторным советам благоразумия и осторожности, преподанным ей [2] за последнее время представителями России и других великих держав. Сделанная мной попытка уладить дело дипломатическим путем, причем мной была выработана формула выражения черногорским правительством сожаления по поводу размеров, принятых пограничным инцидентом и действиями черногорских войск на турецкой территории, пока не увенчалась успехом, встретив несочувствие черногорского правительства. Черногорские войска в настоящее время уже вернулись на свою территорию.

Обпорский.

№ 418. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

-/. Телеграмма № 1485. 6 августа/24 июля 1912 г.

Монголия.

№ 679 получен [3].

Предлагаемый Лу Чжен-сяном способ улажения монгольского вопроса не удовлетворяет нас, так как не создает для императорского правительства юридического титула для контроля за соблюдением дарованных Халхе вольностей. Можно даже предположить, что обращение к вам Лу Чжен-сяна имело целью лишь зондировать почву ввиду появившихся в нашей печати статей, настаивающих на заключении договора с Халхой [4]. Мы не видим поэтому в настоящем выступлении китайского министра достаточного повода, чтобы отступить от того пути, по которому мы пошли в монгольском вопросе.

Вы могли бы ответить Лу Чжен-сяну, что предполагаемый им рескрипт президента хутухте, хотя бы и сообщенный через наше посредство, конечно, не удовлетворит монголов, которые совершенно определенно желают, чтобы их положение было установлено при участии России. Несомненно, что спокойное развитие Монголии в будущем возможно лишь в том случае, если монголы

[1] См. стр. 345, прим. 1.

[2] Т. е. Черногории.

[3] См. № 404.

[4] В докл. записке Николаю II от 6 авг./24 июля Нератов, прилагая тел. В. Крупенского от 2 авг./20 июля за № 679 (см. № 404) и публикуемый документ, писал по поводу высказанного Крупенским мнения о желательности заключения особого соглашения с хутухтой и князьями, что «такого рода предположение действительно возникло в министерстве иностранных дел и ныне обсуждается с председателем совета министров и прочими заинтересованными министрами. По выяснении их взглядов, я приму смелость войти по этому поводу с всеподданнейшим докладом и испросить указаний вашего императорского величества». На этой докл. записке помета Николая II, датированная — Яхта «Штандарт», 9 авг./27 июля: «Следует поторопиться».

будут сознавать, что Россия и Китай согласились относительно их участи. Поэтому мы уже высказывали мысль, что монгольский вопрос может быть прочно решен лишь заключением соответствующего соглашения между Россией и Китаем, подобно тому, как это делается между другими великими державами.

[Нератов.]

№ 419. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1486. 6 августа/24 июля 1912 г.

Из сообщаемых вам телеграмм представителям в балканских странах вы осведомлены об усилиях, которые мы делаем для успокоения местных правительств и предотвращения активных с их стороны выступлений. В этих выступлениях, несомненно, кроется серьезнейшая опасность для общего мира. Но они могут быть вызваны стечением таких обстоятельств, которые сделают неизбежным общее движение. К числу таких обстоятельств нужно отнести характер соглашения, могущего установиться между турецким правительством и албанцами. В случае дарования последним широкой автономии и со включением в албанскую территорию округов со смешанным населением, несомненно, возникнут все сложные национальные вопросы Македонии и, может быть, единоличные выступления отдельных держав, претендующих на исключительную роль в той или другой турецкой области.

Ввиду этого, крайне важно быть своевременно осведомленным о ходе переговоров турок с албанцами и намерениях оттоманского правительства, которое должно, казалось бы, сознавать всю опасность слишком широкой постановки вопроса [1].

Благоволите телеграфировать о впечатлениях, которые вы выносите из ваших объяснений с турецкими правящими кругами по сему вопросу [2].

[Нератов.]

№ 420. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Вене Кудашеву [3].

·/. Телеграмма № 1487 [4]. 6 августа/24 июля 1912 г.

Из конфиденциального источника мы узнаем, что Берхтольд в разговоре с английским послом высказал, что в случае вооруженного столкновения на Балканах, «il faudrait localiser le conflit» [5].

---

[1] Тел. от 8 авг./26 июля за № 282 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен сообщил Грею содержание своей беседы с Нератовым о положении на Балканах. Во время этой беседы Нератов высказал следующее мнение: «Дарование Албании автономии повлечет за собой требования и для Македонии, [в силу чего] могут возникнуть серьезные осложнения». «Он считает, — сообщал далее Бьюкенен, — что державы вскоре вынуждены будут единодушно обсудить необходимость локализации могущего возникнуть конфликта. Затруднение, однако, в том, чтобы решить, когда именно начать подобное обсуждение. Я ответил, что приезд г. Пуанкаре даст г. Сазонову случай обсудить с ним положение».

[2] В тел. от 7 авг./25 июля за № 543 М. Гирс ответил, что он обратил внимание турец. м-ра ин. дел «на опасность для общего мира, кроющуюся в том или ином способе разрешения ныне турками албанского вопроса». Одновременно с этим он поручил консулам «срочно осведомлять посольство о ходе переговоров между турками и албанцами».

[3] Письмом от 2 авг./20 июля за № 1297 Кудашев сообщал, что ввиду отъезда Н. Гирса в отпуск он вступил в управление пос-вом.

[4] Царск. экз.

[5] «нужно будет локализовать конфликт» (см. № 379).

Так как турецко-черногорский конфликт грозит принять тревожный характер, было бы желательно удостовериться в действительном решении австро-венгерского правительства содействовать его локализации и не выступить со своей стороны единолично.

Быть может вам удалось бы, не придавая своим словам официального характера, навести беседу с Берхтольдом на означенную тему и о последующем телеграфировать.

[Нератов.]

№ 421. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

*/. Телеграмма № 1488 [1]. 6 августа/24 июля 1912 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 95[2] и 97 [3].

Ввиду проявляемого Черногорией стремления придать своим действиям по отношению к Турции активный характер, указывающий на заранее обдуманное намерение привести к столкновению, у нас возникает вопрос, на какие средства рассчитывает Черногория для ведения военных действий. Ввиду задержания в Одессе предназначенного ей военного груза [4], имеется также основание сомневаться в достаточности у нее боевого материала.

Благоволите осветить этот вопрос и о последующем телеграфировать.

[Нератов.]

№ 422. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 6 августа/24 июля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами от сего числа за №№ 141 и 142 я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства содержание моего разговора с г. Палеологом по поводу у сего прилагаемой статьи газеты «Echo de Paris» об обязательствах, принятых будто бы нами по отношению к Франции перед визитом германского императора в Балтийском Порте [5].

[1] Царск. экз.

[2] См. № 406.

[3] См. № 412.

[4] См. № 119.

[5] 6 авг./24 июля в «Écho de Paris» появилась заметка «о новом франко-русском соглашении, заключенном недели за две до свидания императоров в Балтийском Порте. В силу этого соглашения, Россия обязалась не вступать с Германией в обсуждение каких-либо вопросов, имеющих европейское значение, без предварительного уговора с Францией». В газете «Temps» от 7 авг./25 июля, под видом телеграммы из Лондона, было напечатано следующее опровержение: «В течение последних месяцев между Францией, Англией и Россией естественно имел место постоянный обмен мнениями по поводу различных возможных событий на Востоке, и каждый раз они констатировали полную солидарность своих точек зрения и намерений. Именно на эти интимные переговоры, очевидно, и намекает упомянутая заметка. Но именно в силу взаимного доверия, связывающего три правительства, они и могли придать существующей между ними солидарности характер, значительно отличающийся от того, который ей приписывают». Вслед за этим опровержением в газете указывалось, что «собеседования, которые имели место перед свиданием в Балтийском Порте, велись не между Россией и Францией, а между Россией, Францией и Англией, и они касались только восточных дел». Газета «Journal des Débats» 7 авг./25 июля напечатала аналогичное опровержение, указывая: «Вполне в порядке вещей, что специальные корреспонденты, посланные в Петербург по случаю приезда туда г. Пуанкаре, будут снабжать свои газеты ежедневными сенсационными сообщениями, лишь относительно отвечающими действительности».

Содержание тел. Севастопуло от 6 авг./24 июля за № 141 (опубл. М., стр. 240) изложено в публикуемом документе.

В тел. от того же числа за № 142 (опубл. М., стр. 240) Севастопуло сообщал, что газеты «Temps» и «Journal des Débats», публикуя корреспонденцию из Лондона, сопроводили ее «очень решительными» комментариями. Опасаясь «неблагоприятного впечатления, которое эти комментарии могут произвести в Берлине, в особенности учиты-

Г. Палеолог показался мне крайне огорченным и сказал, что он поспешил сообщить по беспроволочному телеграфу председателю совета как выдержку из помянутой статьи, так и текст «телеграммы из Лондона».

Так как принятая политическим директором мера являлась свершившимся фактом, то я коснулся лишь приданной опровержению формы и ограничился вопросом, почему понадобилось прибегнуть к приему «телеграммы из Лондона».

Г. Палеолог поспешил заверить меня, что избранный им способ казался ему наиболее целесообразным: по его словам, является в высшей степени желательным не давать прессе повода для слишком резких нападок на «Echo de Paris» во избежание дальнейшей полемики с этой газетой, с которой следует считаться ввиду ее распространения в военной среде.

В данном вопросе, как он заверил меня, он главным образом старался стать на точку зрения императорского правительства, и в этом отношении тоже принятое им решение представлялось ему наиболее удовлетворительным.

Как бы то ни было, тон у сего прилагаемых заметок вечерних газет «Temps» и «Journal des Débats» не оставляет сомнения относительно официозного источника «телеграммы из Лондона»; и тон этот настолько резок по адресу «Echo de Paris», что легко может последовать полемика, если только опасения г. Палеолога основательны.

Как донесено мной по телеграфу, комментарии газеты «Temps» вызваны были г. Палеологом; как он сказал мне, он снесся при этом с г. Тардье по телефону. Можно пожалеть, что они не имели личного свидания по сему случаю, так как, быть может, тогда политический директор не допустил бы совершенно ненужных и бестактных ссылок на свидание в Балтийском Порте.

Впрочем, ко времени получения настоящих строк вашим высокопревосходительством, впечатление, произведенное этим инцидентом в Германии, будет выяснено, и следует надеяться, что мои опасения в этом отношении окажутся неосновательными.

Мнимые «разоблачения» газеты «Écho de Paris» настолько далеки от истины, что трудно в них усмотреть новую fuite [1]; тем не менее является правдоподобным, что они вызваны каким-нибудь дошедшим до журналиста из осведомленных источников смутным и неправильно понятым слухом. Это обстоятельство, мне кажется, следует иметь в виду, чтобы понять щекотливость положения политического директора, ответственного за сохранение вверенных его отделу тайн [2].

Примите и пр. М. Севастопуло.

№ 423. Посол в Берлине [3] министру иностранных дел.

*/. Письмо. Вена [4], 6 августа/24 июля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Во время прощальной моей аудиенции в Татое, носившей вполне частный характер, королю Георгу благоугодно было вручить мне собственно-

вая их инспирированный характер», Севастопуло указывал: «Действительно, тогда как телеграмма говорит о «продолжающемся за последние месяцы постоянном обмене мнениями» и «интимных переговорах», сообщение «Temps» открыто ссылается на свидание в Балтийском Порте и создает впечатление, что переговоры, о которых идет речь, имели в виду это событие».

[1] «разглашение».

[2] В тел. от 7 авг./25 июля за № 143 (опубл. М., стр. 238) Севастопуло сообщал, что газета «Echo de Paris» сама внесла поправку, «говоря, что не было подписано соглашение и указывая, что вчерашнее известие, касающееся одностороннего обязательства, принятого Россией по отношению к Франции, лишено основания».

[3] См. стр. 402, прим. 3.

[4] Свербеев выехал из Афин 1 авг./19 июля и по дороге в Берлин остановился в Вене.

ручно знаки ордена Спасителя 1-й степени, а равно и в самых лестных выражениях отозваться о двухлетней моей деятельности в Афинах.

Узнав затем, что я предполагал выехать из Афин на русском пароходе в четверг, [1 августа] 19 [июля], король, назначивший свой отъезд в Aix les Bains на тот же день, пригласил меня, чрез посредство наследного королевича, сопровождать его величество на яхте «Амфитрита» в Венецию. Я, очевидно, не счел возможным отказаться от столь лестного для меня приглашения, несмотря на то, что мне крайне желательно было повидаться с послом нашим в Константинополе для выяснения настоящего политического положения в Турции.

В одной из многочисленных бесед наших его величество коснулся судьбы занимаемых ныне Италией в Эгейском море островов, греческое население коих, в случае возвращения их без серьезных гарантий Оттоманской империи, подверглось бы, без сомнения, жестокой со стороны турок расправе. С другой стороны, король и его правительство опасаются, как бы итальянская пропаганда не привела к народному плебисциту в пользу присоединения сказанных островов к Италии, а такое разрешение вопроса, очевидно, вполне противоречило бы греческим вожделениям.

Ввиду этого министр иностранных дел сказал мне, что, казалось, можно было бы, выделив острова в отдельную турецкую провинцию, даровать ей режим наподобие того, который дарован был державами Ливану [1].

В своем ответе королю, который просил меня довести все вышесказанное до сведения императорского правительства, я не скрыл, что и у нас сильно озабочены судьбой островов Эгейского моря и что вопрос этот подвергнется, без сомнения, серьезному и всестороннему обсуждению всех заинтересованных в сохранении status quo великих держав.

Не менее тревожит короля и вопрос критский, особенно ввиду тех серьезных затруднений, с которыми эллинское правительство неминуемо должно будет столкнуться нынешней осенью при открытии новой сессии греческого парламента [2]. Критские депутаты явятся снова в Афины, и Венизелосу придется проявить немало энергии, чтобы не допустить их в палату. То, что удалось в мае месяце, вряд ли может удасться вторично, тем более что, по заверению министра иностранных дел, престиж нынешнего кабинета значительно уже поколеблен [3].

Беседуя со мной на «Амфитрите», его величество заявил мне, что он нашел выход из затруднительного положения и, прося доложить об этом как государю императору, так и вашему высокопревосходительству, выразил при этом надежду, что мысль его величества будет у нас одобрена.

«В настоящую минуту, — сказал мне король, — необходимо сменить на Крите революционное правительство, которое неспособно управлять островом и не может отказаться от раз принятого им решения добиться участия критских уполномоченных в работах афинского парламента.

---

[1] См. стр. 403, прим. 1.

[2] См. стр. 102, прим. 2.

[3] В деп. от 5 июня/23 мая за № 15 посланник в Афинах Свербеев, передавая подробности открытия греч. парламента, о которых он сообщал в телеграммах за №№ 35, 36 и 37 (см. № 114 и стр. 102, прим. 2), писал: «Венизелос и Коромилас, которых я только что видел; сказали мне, и тот и другой, что в октябре месяце правительство вряд ли было бы в состоянии еще раз закрыть критским депутатам доступ в афинский парламент, тем более что отставка министра юстиции и отказ г. Руффо, большого вообще приверженца Венизелоса, от принятия звания президента палаты, — и это именно ввиду политики настоящего кабинета по отношению к Криту, — значительно поколебали и ослабили правительственное большинство. Оба министра выразили лишь надежду, что державам-покровительницам благоугодно будет, приняв в соображение вышеизложенное, найти какой-либо выход из создавшегося положения, которое долго продолжаться не может, тем более что по окончании итало-турецкой войны, при ликвидации вопроса о занятых Италией турецких островах, само собой выдвигается в ближайшую очередь разрешение и критского вопроса».

Нет также власти, которая могла бы распустить революционную палату».

Ввиду этого король надеется, что державы-покровительницы сочтут возможным согласиться на то, чтобы его величество назначил своего комиссара, которому поручено было бы распустить нынешнее революционное собрание и подготовить выборы в новую палату. По сформировании же нового законного правительства, сказанный комиссар, исполнив свою задачу, низложил бы свои полномочия и вернулся бы в Афины.

«Такого рода решение вопроса, — прибавил король, — казалось бы мне наиболее практичным и удобоисполнимым, так как державы-покровительницы признали уже за мной право назначения верховного комиссара, и право это у меня до сих пор не было отнято. На Крите назначение временного комиссара принято было бы с удовлетворением и все снова вошло бы в норму, тем более что, получив законное правительство, критяне, без всякого сомнения, отказались бы от посылки своих депутатов в Афины».

На мое возражение, что неизвестно еще, как бы отнеслись к предлагаемой его величеством мере как само критское население, так и Турция, король ответил мне, что в согласии Крита он вполне убежден, что же касается до Порты, то последняя, по его мнению, вряд ли воспротивилась бы назначению *временного комиссара*, задача которого заключалась бы лишь в водворении столь необходимого для всех заинтересованных сторон *продолжительного спокойствия*.

«Очевидно, однако же, — закончил король, — что в данном случае необходимо действовать быстро, так как до возобновления сессии эллинского парламента остается всего с небольшим два месяца» ([14] 1 октября).

Его величество возлагает всю свою надежду на императорское правительство, которое, в своем благоволении к Греции, сумело бы воздействовать и на прочие державы-покровительницы.

Представляя на благоусмотрение вашего высокопревосходительства предложение или, скорее, ходатайство короля Георга, не могу, со своей стороны, не поддержать его самым горячим образом ввиду тех несомненных осложнений, которые, по всеобщему отзыву, грозят эллинскому правительству при возобновлении парламентских работ.

Действительно, если бы Венизелосу и удалось удержать критских депутатов от входа в первое заседание афинской палаты, то ему во всяком случае не представилось бы никакой возможности охранить в течение всей сессии палату от сказанных депутатов, которым предписано будет *во что бы то ни стало исполнить* возложенное на них поручение.

В случае же падения нынешнего кабинета, в Греции могли бы, по убеждению короля и его правительства, произойти серьезные беспорядки, которые уничтожили бы всю пользу, принесенную стране более чем двухлетним управлением Венизелоса.

Если бы императорское правительство сочло возможным внять просьбе короля Георга, то следовало бы предварительно осведомиться, действительно ли назначение временного комиссара встречено было бы сочувственно критским населением и отказалось ли бы последнее в таком случае от посылки своих уполномоченных в Афины.

Что же касается до Порты, то позволяю себе высказать убеждение, что при настоящем, более чем незавидном ее положении, она оказала бы, по всей вероятности, лишь самое слабое сопротивление воле держав-покровительниц, тем более что в данном случае речь идет не о восстановлении режима верховного комиссара, а о назначении лица, облеченного лишь строго определенными временными полномочиями.

Примите и пр.

С. Свербеев.

Так как беседа, касающаяся критского вопроса, происходила на яхте «Амфитрита» и, следовательно, содержание ее не известно князю Урусову, то я просил бы ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о препровождении копии с настоящего письма в императорскую миссию в Афинах [1].

Ut in litteris

С. Свербеев.

К докладу.

Петергоф, [22] 9 августа 1912 г.

№ 424. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 104. 6 августа/24 июля 1912 г.

Копия сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 99 [2].

Ответная нота черногорского правительства турецкому посланнику вручена последнему сегодня днем. В ней сообщается, что черногорские войска уже не находятся на турецкой территории, и обращается внимание на то, что печальный инцидент является последствием предшествующих турецких нападений. Нота кончается заявлением, что вся ответственность за происшедшее падает на турецкое правительство, доселе систематически отказывавшееся утверждать заключения смешанных комиссий, которые были всегда приемлемы для обеих сторон [3].

Гирс.

№ 425. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 536 [4]. 6 августа/24 июля 1912 г.

Копия в Цетинье.

Министр иностранных дел сообщил мне, что нападение черногорцев возбуждает сильное негодование и что ему трудно сдерживать своих товарищей по кабинету, требующих решительных мер. Я высказал министру, что сведения, получаемые нами из Черногории, вполне противоречат его утверждению, будто бы переход границы совершается черногорцами, а не турками, что поэтому ему следует проверять данные, получаемые им от турецких пограничных властей. Я добавил, что, при настоящем внутреннем положении дел в Турции, Порта должна тщательно избегать возникновения на черногорской границе крупных столкновений. В ее интересах не давать возможности и последнему инциденту выйти из рамок пограничного столкновения, подлежащего улажению дипломатическим путем. Но для достижения этой цели необходимо немедленно приступить к непосредственным переговорам с Черногорией, дабы избегнуть дальнейших осложнений. Министр прочел мне телеграмму, посланную им турецкому посланнику в Цетинье. Она гласит, что Порта убеждена, что правительство короля Николая не при чем в этом столкновении, и предписывает посланнику немед-

[1] Против последнего абзаца на публикуемом письме имеется помета: «Исполнено [9 сентября] 27 августа 1912 г., № 538 исх. ж.».

[2] См. № 416.

[3] В тот же день тел. за № 107 А. Гирс сообщал, что «турецкий посланник не удовлетворился ответной нотой черногорского правительства, вследствие отсутствия в ней выражения сожаления. Он письменно уведомил черногорского министра иностранных дел, что с сегодняшнего вечера Турция не имеет представителя в Цетинье».

[4] Опубл. Siebert, II, S. 428, N 662.

ленно войти в объяснения с Черногорией касательно выяснения инцидента и принятия решительных мер для предупреждения возможного обострения его. В том же смысле высказался пред черногорским поверенным в делах, обратившимся ко мне за содействием [1].

Гирс.

№ 426. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 539. 6 августа/24 июля 1912 г.

Говоря о положении дел в Албании, принимающих будто бы более спокойный характер, министр сообщил мне о назначении маршала Ибрагим-паши главнокомандующим всеми войсками в Албании с оставлением его председателем комиссии, посланной для переговоров с албанцами [2]. Весьма возможно, что черногорское столкновение повлияло на таковое назначение. Говоря об офицерском движении, министр заверил, что константинопольский гарнизон вполне подчинился правительству.

Гирс.

№ 427. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу и посланнику в Цетинье А. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1498 [3]. 7 августа/25 июля 1912 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Вену, Берлин, Рим, Белград, Бухарест, Софию и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Обнорского № 101 [4].

Несмотря на разрыв дипломатических сношений между Турцией и Черногорией, мы не теряем надежды, что благоразумие обеих сторон побудит их достигнуть мирного улажения конфликта.

(Для Константинополя и Цетинье.) Благоволите продолжать настояния в этом смысле.

(Для прочих мест.) Мы продолжаем настояния в этом смысле в Константинополе и в Цетинье [5].

[Нератов.]

№ 428. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

*/. Телеграмма № 1499. 7 августа/25 июля 1912 г.

Сообщается генеральному консулу в Урге.

Монголия.

№ 681 получен [6].

Благоволите сделать серьезное предостережение китайскому правительству, напомнив Лу Чжен-сяну его недавнее отрицание справедливости

[1] Тел. от 7 авг./25 июля за № 82 А. Крупенский сообщал, что итал. прав-во озабочено оборотом турецко-черногорского конфликта и что в Цетинье из Рима преподаются советы умеренности. «Король Николай, — указывал далее Крупенский, — сказал итальянскому посланнику, что он, давая неблагоприятный ответ на турецкий ультиматум, сожалеет об этом, но должен-де был уступить настояниям своих министров».

[2] См. стр. 379, прим. 2.

[3] Царск. экз.

[4] См. № 417.

[5] Тел. от 9 авг./27 июля за № 206 Эттер, ссылаясь на публикуемую тел., передавал Нератову, что англ. прав-во предписало своим представителям в К-поле и Цетинье «обратить особое внимание обоих правительств на опасность, с коей был бы связан переход турок или черногорцев через границу, и указать на необходимость спокойствия всех в видах недопущения такового».

[6] В тел. от 5 авг./23 июля за № 681 В. Крупенский сообщал о выезде в скором времени в Монголию Наянту (командированного кит. прав-вом для переговоров с монго

слухов об экспедиции против Урги [1] и объяснив, что мы не можем допустить появления Наянту с отрядом войск во Внешней Монголии, так как не сомневаемся, что этим там будет создано положение, которое потребует нашего вмешательства для охраны наших интересов.

Нератов.

№ 429. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/; Телеграмма № 544. 7 августа/25 июля 1912 г.

Болгарский посланник сообщил мне, что кочанская резня [2] производит сильное и опасное впечатление в Болгарии, возбуждая без того уже воинственно настроенные умы. По его признанию, бомбы на рынках Кочан были, вероятно, брошены болгарской бандой Тодора Александрова, работающей в окрестностях Ускюба. Но от бомб пострадало всего 10 человек, между тем как во время происшедшей затем резни, учиненной будто бы регулярными войсками, полицией и мусульманами, было убито 38 болгар, 5 мусульман, 2 европейца и ранено до 180 человек, из коих 160 болгар. Порта, вследствие энергичных настояний Сарафова, назначила комиссию для расследования дела, но отказала ему назначить в состав ее сенатора Тилкова, болгарина, члена партии «Единение и Прогресс». Сарафов обратился тогда к экзарху, убедившему Хильми-пашу включить в состав комиссии члена салоникского апелляционного суда — болгарина Ляпчева. Сарафов хлопочет о включении еще второго болгарина. Не премину обратить серьезное внимание Порты на опасность положения, ввиду повторения в Кочанах еще свежей у всех в памяти иштибской резни [3], и насколько возможно поддержу в этом вопросе моего болгарского сотоварища.

Гирс.

№ 430. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Вене Кудашеву.

Письмо № 494. 8 августа/26 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. князь Николай Александрович,

Начальник генерального штаба доставил мне копию секретного рапорта нашего военного агента в Сербии от [11 июля] 28 июня с. г. за № 106 [4] об упражнениях австро-венгерских войск на Дунае, которую считаю необходимым препроводить у сего к вашему сиятельству.

В разговоре с посетившим меня вслед затем австро-венгерским послом я указал ему на имеющиеся у нас сведения о возводимых Австро-Венгрией на самой границе Сербии укреплениях и на впечатление, которое факт этот, конечно, произведет в этой маленькой стране.

Граф Турн поспешил уверить меня, что действиям Австро-Венгрии в данном случае не должен быть приписываем агрессивный характер, так

лами) и о том, что его будут сопровождать «100 солдат личной охраны, а также отряд из одного ина кавалерии и трех инов пехоты с пулеметами».

[1] См. № 403.

[2] Тел. от 2 авг./20 июля за № 529 М. Гирс передал в м-во текст тел. консула в Ускюбе Калмыкова, в которой последний сообщал: «В Кочанах брошены две бомбы. Пострадало сорок человек». В тот же день в тел. за № 536 М. Гирс передал следующую тел. Калмыкова: «Турецкие власти сегодня сообщили, что вчера бомбами в Кочанах 39 убито и более ста ранено, преимущественно христиан».

[3] См. т. XIX, ч. I, стр. 169, примечания 3 и 4.

[4] См. стр. 316, прим. 2.

как постройка укреплений является мерой обороны, которую всякое государство вправе принять на своей территории.

Я возразил на это, что центр тяжести настоящего вопроса лежит, конечно, не в действительной опасности для Сербии этих отдельных военных мероприятий великой державы, подавляющее могущество которой по отношению к ней ни в ком не может вызвать сомнения, а в том состоянии возбуждения и тревоги, которое действия эти не могут не поддерживать в маленькой соседней стране.

Повышенное и крайне нервное настроение, царящее теперь, в связи с событиями в Турции, в маленьких государствах Балканского полуострова, к удержанию которых в пределах благоразумия мы направляем все наши усилия, может, очевидно, лишь возрасти при наличности подобных угроз, не соответствующих тем мирным намерениям Австро-Венгрии, которые граф Берхтольд высказывал в беседе с гофмейстером Гирсом [1].

Покорнейше прося не отказать в возвращении приложений, по миновании в них надобности, пользуюсь и пр. [2]

[Нератов.]

№ 431. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

*/. Письмо № 744 [3]. 8 августа/26 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Василий Николаевич,

Я имел честь получить депешу от [23] 10 сего июля № 58 [4], в которой, излагая положение переговоров с китайским правительством относительно реорганизационного займа, вы высказываете общую мысль, что ни широкая реорганизация китайских финансов на прочном основании, ни предоставление китайскому правительству значительных денежных средств не могут соответствовать нашим интересам, ибо дадут названному правительству средства для направленной против нас политики на северных окраинах государства.

По существу я вполне разделяю эту вашу мысль. Опыт последних лет показал, что в своем стремлении к объединению государства и к лишению иностранцев принадлежащего им в силу договоров привилегированного положения китайское правительство думает найти в России линию наименьшего сопротивления и потому деятельность его в сказанном направлении имеет объектом прежде всего русские интересы. Нет оснований рассчитывать, что такое направление китайской политики изменится при создавшемся в Китае новом государственном порядке. Можно, скорее, опасаться,

[1] См. № 318.

[2] В депеше от 13 авг./31 июля за № 50 Штрандтман сообщал Нератову: «Отзываемый ныне из Белграда итальянский посланник г. Бароли, перед самым своим отъездом в отпуск, поведал мне, без ограничений в смысле полного сохранения секрета, сообщенные ему здешним австро-венгерским военным агентом данные касательно выработанного австрийским генеральным штабом плана на случай войны с Сербией. Майор Геллинек утверждал, что при намеченном с различных сторон наступлении австро-венгерских войск на королевство главный удар будет направлен в долину Моравы; что же касается часто высказываемых сербами опасений относительно занятия австрийцами Санджака, то по этому поводу не следует упускать из виду, что он сам по себе, с точки зрения наступательных действий, имеет для Австрии второстепенное значение и что, следовательно, возвращение его покойным графом Эренталем Турции должно быть признано актом выдающейся государственной мудрости. О вышеизложенном наш военный агент полковник Артамонов осведомил начальника сербского генерального штаба полковника Мишича, который выразил глубокую благодарность за сделанное ему сообщение, подтвердившее существовавшие на сей предмет в здешнем военном министерстве предположения».

[3] Опубл. Siebert, II, S. 429, N 663.

[4] См. № 355.

что при республике националистическое и шовинистское направление, столь льстящее чувствам народных масс, примет еще более яркую окраску.

Я должен, однако, обратить внимание вашего превосходительства на другую сторону этого вопроса, а именно, на отношение к нему держав Запада и прежде всего тех из них, с которыми мы действуем в общем солидарно в вопросах мировой политики, т. е. Англии и Франции. Несомненно, что обе эти державы, особенно первая, считают для себя выгодным не допустить распадения Китая и иметь там правительство, достаточно сильное, чтобы поддерживать порядок в стране и нести ответственность за его нарушение. Этим и объясняется их стремление снабдить Китай нужными ему деньгами и привести в порядок его финансовое хозяйство. Итти явно против этих стремлений нашей союзницы—Франции и Англии, с которой нас связывают соглашения по целому ряду вопросов первостепенной политической важности, значило бы для нас лишиться их поддержки в деле упрочения нашего преимущественного положения в Застенном Китае [1]. Между тем эта поддержка нам, может быть, весьма существенно необходима при различных фазисах развивающихся на Дальнем Востоке событий. Так как китайские окраины, как вы, очевидно, сами считаете, неизмеримо важнее для нас, чем Внутренний Китай, то общим направлением нашей политики в китайских делах, очевидно, должна быть возможная уступчивость интересам дружественных нам держав в вопросах Внутреннего Китая, взамен их поддержки в наиболее нас интересующих вопросах Окраинного Китая.

Такая уступчивость не представляется мне опасной для нас, ибо едва ли совокупные усилия держав способны привести к созданию действительно сильного китайского правительства, если в самом Китае не начнется настоящее возрождение, признаков которого пока, повидимому, нет налицо. А если бы такое возрождение началось, то Китай обошелся бы и без западной поддержки. С другой стороны, полная анархия в Китае невыгодна и для нас, ибо она отзовется на интересах нашей чайной торговли, представляющей довольно существенный для нас интерес. Да и во всяком случае нам трудно было бы обойтись в Китае без какого-либо правительства, с которым мы могли бы говорить об интересующих нас вопросах.

С точки зрения вышеизложенных соображений подходя к вопросу о китайском реорганизационном займе, я думаю, что нам нет необходимости противодействовать тому, чтобы заем этот состоялся, хотя бы и на несколько смягченных, по сравнению с первоначально заявленными, условиях, лишь бы он послужил началом установления в Китае иностранного финансового контроля, как не будет и причин печалиться, если бы этот заем расстроился. Конечно, нам было бы неудобно, чтобы китайское правительство сразу получило в свое распоряжение крупную сумму денег, которая дала бы ему возможность чувствовать под собой почву для новых активных выступлений против нас. Но об этом едва ли может быть речь. 60 млн. ф. ст., которые испрашивает у иностранных банкиров китайское правительство, несомненно, будут распределены на несколько лет и разойдутся, не создав реорганизованного по европейскому или японскому образцу Китая. Во всяком случае стремление к такому исходу должно составить нашу задачу.

Считаю долгом упомянуть, что, по имеющимся в министерстве иностранных дел сведениям, парижские банкиры, во главе с Лионским Кредитом, начинают сомневаться в возможности ссудить Китаю действительно крупные суммы. Результатом этих сомнений явилась поездка в Пекин одного из директоров Лионского Кредита г. Бонзона, с которым вы, вероятно, будете иметь случай видеться и говорить.

Примите и пр. [Н е р а т о в.]

[1] В оригинале далее зачеркнуто: «Без этой поддержки нам нельзя обойтись, ибо мы не можем в этом последнем деле рассчитывать на другие державы кроме Японии, а некоторые из них нам в этом отношении безусловно враждебны».

№ 432. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 83. 8 августа/26 июля 1912 г.

Получил телеграмму № 1498 [1].

Управляющий министерством вчера не скрыл опасений по поводу конфликта между Турцией и Черногорией. Главную опасность здесь видят в возможности, что Болгария и Сербия пойдут по стопам Черногории. Надеются на наше воздействие [2].

Броневский.

№ 433. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 61. 8 августа/26 июля 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1481 [3].

Из беседы, которую только что имел с Берхтольдом, выношу впечатление о тождественности его взглядов с нашими на желательность «локализирования» могущего вспыхнуть на Балканах конфликта. Он дословно повторил мне фразу, сказанную им английскому послу; опасность конфликта он видит, скорее, в связи с кочанской резней [4], нежели с черногорским пограничным инцидентом, который как будто улаживается. Министр попрежнему считает, что ключ вопроса в Константинополе. Неоднократно передававшееся императорским послом убеждение в отсутствии у Австро-Венгрии всяких агрессивных инициатив разделяется здесь всеми дипломатами, с которыми мне приходится говорить. Конечно при первой неудаче локализирования конфликта за воздержание Австро-Венгрии от активных выступлений поручиться нельзя.

Кудашев.

№ 434. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 83. 8 августа/26 июля 1912 г.

Сообщаю копию в Константинополь.

Получил № 1480 [5].

Происшествие на черногорской границе произвело здесь мало впечатления. Напротив того, резня в Кочане весьма сильно возбудила общественное мнение Болгарии. Гешов сегодня просил меня передать вам настоятельную просьбу болгарского правительства сделать надлежащие представления в Константинополе, чтобы добиться строгого расследования и скорого и примерного наказания виновных. По имеющимся здесь сведениям, резня

---

[1] См. № 427.

[2] Тел. от 10 авг./28 июля за № 116 А. Гирс сообщал: «Мой итальянский коллега совершенно доверительно ознакомил меня лично с сообщенным ему из Рима содержанием отзыва Циммермана, высказанного последним итальянскому поверенному в делах в Берлине. Циммерман считает положение дел на Балканах весьма угрожающим, благодаря столкновению черногорского правительства с турецким посланником в Цетинье, непрекращающимся пограничным инцидентам, готовности Болгарии и прочих балканских государств, несомненно сговаривающихся, начать военные действия против турок, лишь только тронется Черногория, на которую таким образом ляжет вся ответственность за события».

[3] Тел. Нератова за № 1481 от 5 авг./23 июля касается вопроса о Крите. Очевидно, речь идет о тел. Нератова от 6 авг./24 июля за № 1487 (см. № 420).

[4] См. № 429 и стр. 425, прим. 2.

[5] См. № 413.

в Кочане превзошла по дикости резню в Иштибе [1]; экзархийский наместник будто бы подвергнулся оскорблениям и побоям полиции; войска будто бы принимали участие в резне; убитых будто бы до 120 человек. Гешов вполне сознает, что причиной резни явилось покушение македонского террориста. Но, по уверениям Гешова, нынешнее болгарское правительство старалось до сих пор всеми силами противодействовать этим покушениям, а с другой стороны, оппозиция обвиняет это же самое правительство в трусости и неумении защищать македонских болгар от самых вопиющих насилий. «Еще одна-две таких резни, — сказал мне Гешов, — и наш кабинет будет сметен, а затем могут произойти весьма нежелательные события». Я не могу не отметить, что в словах Гешова много правды. Действительно, нынешнее болгарское правительство не поощряло македонских банд и покушений. Я также думаю, что уход Гешова—Данева будет сигналом к преждевременному и нежелательному выступлению Болгарии [2].

Неклюдов.

№ 435. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Письмо. 8 августа/26 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Здешнее правительство очень озабочено последствиями албанского восстания, о чем свидетельствуют как мысли, высказанные эллинским министром иностранных дел и изложенные в донесении моем за № 25 [3], а также статьи, появившиеся в афинской прессе. Воинственный пыл некоторых из этих статей, хотя и не представляет важного значения, служит, однако, мерилом тех пертурбаций, которые могут возникнуть при первом же удобном случае. Таковой может представиться в любой момент ввиду озлобления, вызванного среди эпиротов, македонцев, болгар и прочих соседей разбушевавшейся Албании грабежами, убийствами и захватами последней. Здешние сербский и болгарский посланники говорили мне, что они крайне обеспокоены тем оборотом, который могут принять дальнейшие события. Сербский посланник говорил, конечно, об австрийской опасности. Он старался доказать мне, что положение его государства таково, что если защиты сербам от России не будет, то им волей-неволей придется, после неравной борьбы, перейти под австрийское владычество и работать годами и десятилетиями над соединением всех сербов Двуединой монархии. Таковое присоединение сербского королевства к Австрии, удовлетворяющее ее вожделениям, представляется для интересов России в будущем настолько гибельным, что сказанный дипломат не допускает и мысли, чтобы она не сделала всего возможного для воспрепятствования ему.

Болгарский посланник, г. Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение status quo, то и болгарское правительство, — правда скрепя сердце, — не будет его нарушать. Но вчера посланник высказал мне, что события в Албании и

---

[1] См. т. XIX, ч. I, стр. 169, примечания 3 и 4.

[2] В тел. от 11 авг./29 июля за № 87 Неклюдов указывал, что он считает, что «расследование кочанского дела консулами и серьезные представления Порте со стороны держав, заинтересованных в поддержании мира, а также требование быстрого и действительного наказания виновных, возымело бы здесь хорошее действие. По моему мнению, для того чтобы предотвратить события, было бы целесообразно восстановить прерванную младотурецким режимом систему постоянного и настойчивого воздействия против беспорядков в Турции не путем реформ в Македонии, а старым, добрым способом вмешательства послов и консулов».

[3] См. № 397.

Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению status quo, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из балканских государств не может быть и речи. По всей вероятности, Турция, в попытках выйти из хаотического состояния, в котором она находится, сделает уступки албанцам как в отношении самоуправления, так и в территориальном. В том и другом случае строгое соблюдение status quo будет явно нарушено, каковое обстоятельство и развяжет руки притесненным балканским государствам.

Примите и пр. Кн. С. Урусов.

№ 436. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 109. 8 августа/26 июля 1912 г.

Получил вашу телеграмму № 1488 [1].

По наведенным справкам, никаких военных мер для осуществления активных замыслов не предпринимается, причем замечал некоторое беспокойство относительно возможности неожиданного нападения со стороны Турции. Военными запасами здесь в известной степени обеспечены. Принимая во внимание, что Порта еще вчера вечером известила черногорское правительство, через Пламенаца, о посылке ею анкетной комиссии для авторитетного расследования последнего инцидента [2] и о данном приказании приостановить движение посланных к Мойковацу войск, что на самой границе идут, по предложению турецкого парламентера, переговоры о распределении гарнизонов вдоль пограничной линии в местах расположения... я лично не могу считать дипломатический разрыв совершившимся. Турецкий посланник предполагает выехать лишь сегодня [3].

Гирс.

№ 437. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 8 августа/26 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от вчерашнего числа, № 543 [4], я имел честь донести вашему превосходительству, что мной были приняты меры к тому, чтобы вверенное мне посольство было, насколько возможно, точнее осведомлено о ходе переговоров, происходящих ныне между турецким правительством и албанцами.

Как вы изволите совершенно справедливо заметить, слишком большая уступчивость турок, доведенная до дарования Албании широкой автономии, может привести к весьма опасным последствиям [5]. Я не преминул обратить на это обстоятельство внимание Габриэль-эффенди на первом же дипломатическом его приеме по вступлении его в должность [6].

---

[1] См. № 421.

[2] См. № 406 и стр. 408, прим. 1.

[3] В тот же день тел. за № 110 А. Гирс сообщил Нератову, что турец. посланник выехал, передав управление миссией одному из секретарей. «Перед отъездом, — указывал Гирс, — он сообщил, что подал в отставку, так как Порта предложила ему остаться, и что свое требование черногорскому правительству он предъявил по собственной инициативе».

[4] См. стр. 418, прим. 2.

[5] См. № 419.

[6] См. № 383.

Министр возразил мне в то время, что об автономии нет речи и что вообще новый кабинет, призванный к власти лишь накануне дня нашего разговора, не составил себе еще определенной программы касательно Албании. Он находил необходимым предварительное выяснение посланной на места комиссией серьезности и приемлемости требований повстанцев.

С тех пор, однако, быстро чередовались события, указывающие на несомненный успех албанского движения. Успех этот не мог не вскружить голову его вождям, и, весьма вероятно, что многие из них и мечтают ныне об образовании великой Албании, поглощающей четыре вилайета. Таковое решение вопроса привело бы, несомненно, к весьма крупным осложнениям на Балканском полуострове.

Между тем я имею основание предполагать, что оно встречает некоторую поддержку со стороны Австро-Венгрии.

Вчера я случайно встретился в частном доме с маркизом Паллавичини, с коим у меня установились весьма дружественные отношения еще со времени совместного нашего пребывания в Бухаресте [1].

В отрывочной беседе, носившей вполне частный характер, он высказал мне мысль, что быть может было бы желательно, чтобы для успокоения албанцев Порта поставила во главе четырех вилайетов одного из государственных своих людей, хотя бы только со званием генерального инспектора.

Я восстал против такого предположения, заявляя, что всякий признак объединения какой-либо великой Албании с определением территориальных границ приведет неминуемо к взрыву национальных чувств на Балканском полуострове и представит в этом отношении серьезную опасность.

Наш случайный частный разговор был настолько краткий, что мне не было возможности определеннее выяснить взгляды моего сотоварища, но при первой встрече я не премину возобновить его.

Не подлежит сомнению, что создание подобного генерального инспекторства, во главе коего был бы, вероятно, поставлен албанец Ферид-паша, один из самых убежденных сторонников Тройственного союза, было бы понято балканскими государствами, как нарушение status quo, столь тщательно, будто бы, охраняемого венским кабинетом [2].

Серьезность положения, переживаемого ныне Турцией, побуждает меня ныне же поставить вас в известность о возможном еще его осложнении неправильной постановкой вопроса об Албании, постановкой, могущей быть на руку лишь силам, стремящимся к ослаблению славянской народности на Балканах.

Покорнейше прося вас не нарушать вполне доверительного и частного характера моего обмена мнений с австро-венгерским послом, пользуюсь случаем и пр.

М. Гирс.

---

[1] М. Н. Гирс был посланником в Бухаресте в 1902—1912 гг., а Паллавичини — в 1900—1906 гг.

[2] В письме от 12 авг./30 июля М. Гирс сообщил о новой беседе с Паллавичини по тому же вопросу. Возражая против назначения генерал-инспектора в Албании, Гирс указал ему, что «не в нашей роли, ни Австро-Венгрии, ни России, с трудом сдерживающих нетерпение балканских государств, давать им законный повод обвинять нас самих в нарушении status quo». Далее Гирс писал: «Мой собеседник согласился с верностью такового заключения и подтвердил, что Двуединая монархия стремится к сохранению status quo. Я нисколько не хочу утверждать, что приведенные мной доводы воздействовали на маркиза Паллавичини настолько, что он воздержится от дальнейших шагов в пользу автономии Албании. Напротив, имея полное основание полагать, что в этом вопросе он является лишь проводником традиционной политики венского кабинета, я глубоко убежден, что нам надлежит бдительно следить за дальнейшим отношением к албанским вожделениям как оттоманских властей, так и стремящихся влиять на них негласных покровителей албанцев».

№ 438. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

-/. Телеграмма № 1519. 9 августа/27 июля 1912 г.

Телеграмма № 624 получена [1].

Великобританский посол сообщил мне также о желании персидского правительства пригласить шведов для реорганизации тегеранской полиции и спросил мое мнение. Я дал понять Бьюкенену, что заполнение персидской службы лицами одной национальности представляется нам нежелательным; к тому же неудача жандармерии в деле с Соулетом, несомненно, подорвала доверие к шведам [2]. Поэтому мы предпочли бы, чтобы для службы в полиции приглашены были подданные другой державы, например Швейцарии или Дании.

Полагаю, что на этом нам следует настаивать. Что касается французов, несомненно для нас весьма удобных, то, в случае допущения их на персидскую службу, нам было бы невозможно впоследствии противиться приглашению подданных других великих держав, в том числе Германии [3].

Нератов.

№ 439. Английский посол в Петербурге Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам Грею.

Телеграмма № 284 [4]. 9 августа/27 июля 1912 г.

Secret.

Mr. Sazonow does not take quite the same view of Albanian question as Mr. Neratow [5]. He thinks that a contented Albania is less likely to fall under Austrian influence than a discontented one and culture and sentiments will tend to make an autonomous Albania gravitating more to Constantinople than to Vienna. The grant of autonomy to Albania would, he hopes, ... as a stepping forward to the begin of serious reforms in Macedonia, what he looks on as the best or even the only way of keeping Servia and Bulgaria quiet. He

---

[1] В тел. от 8 авг./26 июля за № 624 Поклевский сообщал о том, что перс. прав-во, повидимому, желает пригласить швед. чиновников для реорганизации тегеранской полиции. Поклевский просил указаний, следует ли ему высказаться против приглашения шведов, и добавлял: «Поручение этого дела французам едва ли может создать опасный для нас прецедент, так как наше право veto в вопросе приглашения иностранцев на персидскую службу дает нам возможность устранения всех нежелательных нам кандидатов».

[2] В тел. от 7 авг./25 июля за № 623 Поклевский сообщал, что «люди Соулет-эд-Доуле числом до 500 человек стали грабить караваны в дневном переходе к югу от Шираза». Посланные против них шведские жандармы «были разбиты, понеся сильные потери». 9 авг./27 июля за № 205 Эттер телеграфировал: «Вследствие беспокойного положения вещей в Южной Персии и неудачи, понесенной шведскими инструкторами близ Шираза, английское правительство выслало персидскому правительству 10 000 фунтов в счет аванса, дабы дать последнему возможность принять необходимые меры к предупреждению беспорядков и, главным образом, новых столкновений с жандармерией».

[3] Тел. от 21/8 авг. за № 1593 Нератов сообщил Поклевскому, что м-во ин. дел продолжает «считать предпочтительным, чтобы для реорганизации тегеранской полиции был приглашен швейцарец или датчанин. Со своей стороны могли бы через наших представителей оказать к тому содействие персидскому правительству». Однако «в крайнем случае» Нератов считал возможным согласиться на приглашение шведа.

В ответной тел. от 26/13 авг. за № 692 Поклевский сообщил: «По обсуждении моего совета пригласить для реорганизации тегеранской полиции швейцарцев или датчан, персидское правительство усиленно ходатайствует перед миссией о разрешении поручить эту задачу шведам». Далее Поклевский указывал, что, согласно полученной им инструкции, он дал согласие на приглашение шведов.

[4] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[5] См. стр. 418, прим. 1.

did not contemplate... autonomy for Macedonia, but I gather he would like Powers to press Porte to take work of Macedonian reforms seriously in hand.

Перевод.

Секретно.

Г. Сазонов держится несколько иной точки зрения на албанский вопрос, чем г. Нератов. Он думает, что удовлетворенная Албания имеет меньше шансов подпасть под австрийское влияние, чем неудовлетворенная: культура и духовные связи будут способствовать тяготению автономной Албании больше к Константинополю, чем к Вене. Дарование автономии Албании будет, как он надеется... шагом к началу [проведения] серьезных реформ в Македонии, в чем он видит лучшее или даже единственное средство держать в спокойствии Сербию и Болгарию. Он не имел в виду... автономии для Македонии, но я полагаю, что он желал бы, чтобы державы оказали давление на Порту с целью заставить ее серьезно заняться реформами в Македонии.

№ 440. Посол в Мадриде министру иностранных дел.

№ Депеша № 12. 9 августа/27 июля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Когда в Мадриде заговорили об установлении нового положения города Танжера, то английский посол выступил с предложением предоставить этот сложный вопрос усмотрению особого совещания представителей в Танжере, а в заключительном протоколе франко-испанских переговоров ограничиться лишь особым о том упоминанием.

В подтверждение своего мнения сэр М. де Бунзен указал на необходимость зрелого обсуждения всех статей (числом более семидесяти), выработанных г. Уайтом [1], предполагаемого будущего положения интернационализованного города Танжера, на что потребуется немало времени.

С этим предложением французский посол не счел возможным согласиться, считая, что в таком случае утратился бы предлог устранить вмешательство других держав, имеющих представителей в городе Танжере.

Подобное вмешательство, по его мнению, равносильно возбуждению вновь алжесирасских переговоров, что отнюдь не входит в намерения Республики.

За Францией признан протекторат над всем Марокко одобренным другими державами франко-германским соглашением 11 ноября 1911 г.[2] Франция имеет полное право, по своему усмотрению, уступать часть этих прав в чью угодно ей пользу, но не желает допустить вмешательства не призванных на то держав.

На-днях германский поверенный в делах (посол в отпуску) сказал мне в разговоре, что столь активное участие Англии в танжерских переговорах ему не понятно; интерес ее на северном побережье Африки, по его словам, более «географического», нежели «правового» характера, и интернационализованный Танжер уже более нельзя без натяжки считать составной частью Марокккской империи.

Ход совещаний между представителями Франции, Англии и Испании идет своим чередом в г. Сан-Себастьяне.

Обсуждаются вопросы: о цензе избирателей и кандидатов будущего муниципалитета города Танжера, о положении международного контрольного учреждения, о представительстве марокккского султана и, наконец, вопросы таможенные и финансовые.

Считаю излишним утруждать внимание вашего высокопревосходительства изложением доходящих до меня слухов о ходе переговоров, так как одни только окончательные результаты, имеющие быть представленными

[1] Уайт — первый секретарь англ. миссии в Танжере.

[2] Повидимому, имеется в виду франко-герм. соглашение от 4 ноября/22 окт. 1911 г.

на одобрение держав, подписавших Алжесирасский акт, представляют для нас некоторый интерес.

Удастся ли покончить с танжерским вопросом и уделить ему место в франко-испанском соглашении, к чему клонятся все усилия г. Жоффре, — пока неизвестно.

Примите и пр. Барон Ф. Будберг.

№ 441. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 684. 9 августа/27 июля 1912 г.

Монголия.

Получил телеграммы №№ 1485 [1] и 1499 [2].

Сделал сегодня самое серьезное предупреждение Лу Чжен-сяну по поводу военных экспедиций в Монголию и Урянхайский край, а также отправления Наянту в Улясутай в сопровождении отряда войск [3]. Лу пытался было оправдать войсковые передвижения необходимостью водворить порядок в местностях, где монголами производятся бесчинства, и противодействовать их поступательному движению вперед, но я категорически заявил, что появление китайских войск во Внешней Монголии создаст там такое положение, которое потребует нашего вмешательства, и что я прошу его обратить на это самое серьезное внимание президента. Когда затем Лу снова заговорил о способах улажения монгольского вопроса, я ответил в смысле телеграммы вашего превосходительства № 1485, указав, что вопрос этот может быть решен лишь заключением соглашения между Россией и Китаем на основании уже давно сообщенных китайскому правительству 3 пунктов [4]. Лу заметил тогда, что обязательства, налагаемые этими тремя пунктами на Китай, должны были бы в таком случае быть приняты на себя и Россией, на что я ему возразил, что, насколько мне известно, о посылке русских войск и русской администрации в Монголию, а равно и о колонизации ее русскими никогда не возникало и речи. Лу спросил меня тогда, чем может быть гарантирован Китай, что, по заключении с нами соглашения на указанных основаниях и принятии им таким образом перед нами определенных обязательств, хутухта согласится отказаться от провозглашенной им независимости и признает суверенитет Китая, и будет ли, в случае отказа с его стороны, нами тогда разрешено Китаю принудить его к этому вооруженной силой. Я, в свою очередь, спросил министра, должен ли я понимать его слова в смысле принципиального согласия китайского правительства на заключение с нами договора о Монголии на помянутых основаниях, если Китай будет иметь гарантию в том, что хутухта откажется после этого от независимости и могу ли я телеграфировать в этом смысле в Петербург. Лу тогда сказал, что он не может принять на себя решение в столь важном вопросе и должен предварительно спросить указаний президента, после чего сообщит мне решение последнего [5].

Крупенский.

---

[1] См. № 418.

[2] См. № 428.

[3] См. стр. 424, прим. 6.

[4] См. т. XIX, № 253.

[5] Тел. от 15/2 авг. за № 702 В. Крупенский передал сделанное ему одним из чиновников вай-цзяо-бу сообщение о командировании Наянту в Улясутай, «причем с ним не посылается войск, а лишь небольшой отряд для его личной охраны и для поддержания порядка». В ответ на это сообщение Крупенский заявил, что предупреждение, сделанное им кит. м-ру ин. дел, «касалось отправления в Монголию всякой вооруженной силы, какой бы характер ей ни был придаваем».

№ 442. Министр иностранных дел [1] поверенному в делах в Берлине Броневскому.

*/. Телеграмма № 1520 [2]. 10 августа/28 июля 1912 г.

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма № 80 получена [3].

На запрос германского посла я вчера ответил, что так называемая морская конвенция наша с Францией сводится лишь к принятому, вполне естественному между союзниками, решению установить непосредственные сношения между начальниками морских штабов обоих государств, как подобные сношения давно установлены между начальниками главных штабов сухопутных армий. Не вызывая сами разговора об этом, можете, если в министерстве иностранных дел снова обратятся к вам с вопросом по сему предмету, ответить в вышеуказанном смысле.

Сазонов.

№ 443. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1523. 10 августа/28 июля 1912 г.

№ 661 получен [4].

Пока не достигнута главная цель, преследуемая нами участием в китайском реорганизационном займе, т. е. установление иностранного контроля над китайскими финансами, полагаем, что нам следует воздерживаться от заключения мелких займов на местные надобности и даже противодействовать таким мелким займам, так как они, вероятно, будут расходоваться на общегосударственные надобности, не имеющие ничего общего с официально заявленными целями их заключения, и лишь дадут китайскому правительству возможность уклоняться от поставленных ему Консорциумом условий.

Мы считаем, однако, принципиально допустимыми такие мелкие займы на местные нужды в областях нашего преимущественного влияния, если, конечно, можно будет иметь полную уверенность, что эти суммы не будут истрачены на противные нашим интересам цели.

Соответственно сему, Гойеру даны указания отказать в ссудах, которые китайцы просили у Русско-Азиатского банка в Пекине и Шанхае. Гойеру разрешено также внести на обсуждение представителей банкиров в Пекине вопросы об отношении к попыткам китайцев получать деньги путем мелких займов на местные нужды и о толковании истинного смысла изъятий, установленных во 2-й статье синдикального акта.

---

[1] В связи с пребыванием Пуанкаре в России (см. стр. 447, прим. 1) Сазонов приехал из отпуска в Петербург 8 авг./26 июля; уехал из Петербурга 17/4 авг.

[2] Опубл. М., стр. 233.

[3] Тел. от 6 авг./24 июля за № 80 (опубл. М., стр. 233) Броневский сообщал: «Управляющий министерством спросил меня, справедливы ли слухи о дополнении русско-французского союза новым соглашением касательно морских сил. Отозвался незнанием. Здесь, видимо, ожидают от нас некоторых разъяснений по поводу слуха».

[4] В тел. от 29/16 июля за № 661 В. Крупенский сообщал: «Китайцы обращались к Гойеру с просьбой о ссуде двух миллионов лан пекинскому муниципалитету, какового на самом деле не существует; по получении же отказа ныне просят о ссуде в том же размере на продолжение железной дороги от Калгана до Гуй-хуа-чена. Без сомнения, с аналогичными просьбами они обращаются и к другим банкам». Крупенский просил уведомить его об отношении росс. прав-ва к таким попыткам китайцев, которые надеются «воспользоваться предоставленной синдикальным актом участникам Консорциума свободой выдавать ссуды на предусмотренные пунктом 2-м статьи 2-ой акта нужды» (см. стр. 185, прим. 3).

*

Было бы желательно, чтобы при обсуждении этих вопросов на собрании представителей банкиров русский, французский и английский представители держались солидарно. Благоволите переговорить в этом смысле с Гойером и вашими французским и английским сотоварищами в видах выработки согласованного взгляда на сказанные два вопроса.

[Нератов.]

№ 444. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1525 [1]. 10 августа/28 июля 1912 г.

Сообщается в Софию [11 августа] 29 июля за № 1527.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 544 [2].

Одобряем оказываемую вами поддержку настояниям болгарского посланника.

Гофмейстер Сазонов, со своей стороны, самым решительным образом указал Турхан-паше на необходимость улажения кочанского дела и на бесчеловечный образ действий турок, ответивших на террористический акт отдельных лиц массовым избиением неповинных жителей [3].

Нератов.

№ 445. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 106. 10 августа/28 июля 1912 г.
Весьма секретно.

Министр иностранных дел запросил меня относительно полученной вчера из Лондона агентской телеграммы, сообщающей, что корреспондент «Times» в Петербурге уведомляет, будто российские правительственные круги подтверждают существование оборонительного соглашения между Сербией и Болгарией. Я просил министра никакого значения означенному частному сообщению не придавать, продолжая попрежнему категорически отрицать существование соглашения. То же сказал болгарскому посланнику [4].

Штрандтман.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 429.

[3] В тел. от 10 авг./28 июля за № 554 М. Гирс сообщал, что на дипломатическом приеме 12 авг./30 июля им и франц. послом «будут сделаны представления Порте по кочанскому делу». В тот же день за № 555 Гирс телеграфировал, что англ. поверенный в делах присоединится к представлениям росс. и франц. послов.

Тел. от 12 авг./30 июля за № 562 М. Гирс сообщал, что в ответ на его заявления по поводу кочанского инцидента турец. м-р ин. дел сказал, что «он вполне отдает себе отчет в серьезности положения. Он не исключает возможности повторения террористических покушений. Ввиду этого местным властям даны самые решительные предписания, по возможности предупреждать их печальные последствия и, главным образом, не допускать столкновений между христианами и мусульманами. Следственной комиссии поручено произвести самое тщательное расследование. Все виновники в участии как в резне, так и в грабеже будут строго наказаны».

[4] В ответной тел. от 13 авг./31 июля за № 1540 Нератов сообщил: «Сделанные вами министру иностранных дел и болгарскому посланнику заявления одобряются. Здешнему корреспонденту «Times» не было сделано в официальных кругах никакого сообщения касательно соглашения».

№ 446. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 112. 10 августа/28 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Сегодня курьером высылаю только что полученную ноту министра иностранных дел с ходатайством черногорского правительства о безотлагательном вмешательстве нашем в дело урегулирования черногорско-турецкой границы. В удовлетворении такого ходатайства черногорское правительство усматривает единственный путь к выходу из тех затруднений, в которых оно находится, причем категорически заявляет о своем миролюбии и желании установить добрососедские отношения с Турцией. Такую же ноту получили представители в Цетинье каждой великой державы [1].

Гирс.

№ 447. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 29. 10 августа/28 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имею честь представить при сем вашему превосходительству переписку, относящуюся к отъезду из Цетинье турецкого посланника Рустем-бея [2].

Из ряда моих телеграмм и телеграмм посла нашего в Константинополе, императорское министерство было осведомлено о ходе всего этого дела [3], и мне остается прибавить лишь несколько слов для возможно полного его освещения.

Одновременно с предъявлением своей первой ультимативной ноты Рустем-бей обратился к председателю совета министров Мартиновичу с частным письмом, в котором в весьма резком тоне предупреждает последнего, что отказ черногорского правительства дать ему требуемое удовлетворение неминуемо повлечет за собой прекращение Портой сношений с черногорским поверенным в делах в Константинополе Пламенацем и высылку из пределов Турции всех черногорских подданных.

---

[1] В тот же день деп. за № 30 А. Гирс препроводил Нератову ноту, переданную черног. м-ром ин. дел ему и представителям других держав с просьбой довести до сведения прав-в «усиленное ходатайство взять безотлагательно в руки дело улажения вопроса об исправлении и окончательном установлении черногорско-турецкой границы». «Заблаговременно спрошенный королем Николаем,— указывал далее Гирс,— о целесообразности такого обращения к державам, я обратил внимание его величества на то, что шаг, на который черногорское правительство решилось, под натиском последних тягостных событий, может быть предметом тщательного обсуждения и доброжелательного к нему отношения императорского правительства лишь при непременном условии, что оно, черногорское правительство, одновременно категорически заявит как о своем желании установить правильные и дружелюбные отношения к Турции во всех спорных делах его с этой страной, так и о своем миролюбивом настроении. В дальнейшей беседе на эту тему король Николай заверил меня в своей готовности беспрекословно подчиниться решению держав даже в том случае, если бы по ходу дел оказалось, что Черногория должна поступиться частью своей территории ради выпрямления и установления границы в каком-либо спорном пункте ее». По мнению Гирса, самый факт вмешательства держав в дело улажения турецко-черногорского пограничного спора «внесет известное успокоение в стране и среди ее правителей». В заключение Гирс указывал, что «наличность при данной политической обстановке неразрешенного спора о границе с Турцией всегда может увлечь Черногорию на весьма опасный для нее самой и для мира на Балканах путь».

[2] К документу приложены копии нот Рустем-бея от 5 авг./23 июля и от 6 авг./24 июля и нота Мартиновича от 6 авг./24 июля. Содержание этих документов в основном изложено в публикуемой депеше.

[3] См. №№ 416, 424, 425 и стр. 430, прим. 3.

Образ действий или, точнее, выходка турецкого представителя немало взволновала короля, его министров, население и всех представителей иностранных держав; у последних возникло опасение, что обострения положения в связи с пограничным инцидентом в Мойковаце ищет Турция.

Велико было удивление и единодушно осуждение поведения турецкого посланника, когда выяснилось, что он затеял свое выступление за свой страх. Единственным, впрочем, иностранным представителем, склонявшимся к мысли о необходимости для черногорского правительства удовлетворить требование Рустем-бея в совместимой с сохранением своего достоинства форме, был германский посланник Экгардт, сделавший в этом направлении некоторые попытки, нигде, впрочем, успехом не увенчавшиеся.

Как бы то ни было, грозовая атмосфера, создавшаяся одно время вокруг этого дела, значительно порасчистилась, оставив, однако, глубокий след в черногорско-турецких отношениях.

За все эти дни король Николай учащенно со мной совещался о происшедшем, и я счел своим долгом настоятельно рекомендовать его величеству соблюсти величайшее хладнокровие и корректность, каковые, с выгодой для него, могут быть противопоставлены нами и прочими великими державами неосторожному и чрезвычайно рискованному по своим последствиям поведению турецкого посланника.

Порта, повидимому, сама тотчас же усвоила опасность совершенно беспримерного и по существу и по форме выступления своего представителя, и поэтому удаление последнего из Цетинье я не могу не приветствовать, как залог того, что повторение подобных инцидентов, всегда возможных при неуравновешенности Рустема, в ближайшее время иметь места не будет. От Порты же будет зависеть предупредить таковые назначением более опытного, а главное более спокойного представителя [1].

Примите и пр.

А. Гирс.

№ 448. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 689 [2]. 10 августа/28 июля 1912 г.

Китайские займы.

Ввиду слухов о различных небольших займах, заключаемых китайскими провинциальными властями по преимуществу у германских фирм, сегодня состоялось, по инициативе французского поверенного в делах, собрание представителей шести держав Консорциума. Английский посланник сообщил, что на официальное сообщение вай-цзяо-бу о согласии центрального правительства на заем, произведенный местными властями у одной английской фирмы, под залог нанкинской городской железной дороги, он ответил, что заем этот не может состояться, так как противоречит заявлению, сделанному шестью посланниками китайскому правительству [9 июля] 26 июня [3]. Этот ответ был одобрен английским правительством. Английский посланник спросил, готовы ли все его коллеги поступить таким же образом, если дело будет итти об их подданных, так как в противном случае он не мог бы продолжать сдерживать англичан от устройства займов для китайцев.

[1] 12 авг./30 июля за № 559, ссылаясь на свою тел. за № 536 (см. № 425), М. Гирс телеграфировал: «На сегодняшнем приеме министр иностранных дел напомнил мне прочитанную им мне и посланную турецкому посланнику в Цетинье телеграмму, исключавшую всякую мысль об ультиматуме. Ввиду того, что Рустем-бей действовал вопреки данным ему определенным указаниям, министр счел необходимым немедленно заменить его другим лицом».

[2] Маш. копия.

[3] См. № 355.

Германский и японский посланники, признавая правильность этого взгляда, сказали, что должны предварительно запросить инструкций своих правительств. Прошу указаний вашего превосходительства, могу ли я поступить в аналогичном случае подобно английскому посланнику.

Все пять моих коллег высказали также мнение, что, заявив китайцам, что никакой заем не может быть им сделан иначе, как на объявленных им условиях, банки Консорциума тем самым временно отказались от предоставленной им в пункте 2 синдикального акта свободы заключать отдельные сделки [1]. Зная, что такое толкование не соответствует взглядам на дело нашего банка, я высказал мнение, что право на заключение предусмотренных в пункте 2 отдельных сделок остается за банками, хотя осуществление его в настоящую минуту могло бы быть в известных случаях признано противным духу соглашения. Прошу указаний вашего превосходительства о взгляде императорского правительства на этот вопрос [2].

Крупенский.

№ 449. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 67. 10 августа/28 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В донесениях от [23] 10 и [30] 17 сего июля, за №№ 59 и 62 [3], я имел честь сообщать вашему превосходительству об упрочении положения Юань Ши-кая и все возрастающем его влиянии на решение всех дел. За последнее время здешние события продолжают развиваться в этом же самом направлении. Вся правительственная власть все более и более переходит в руки Юань Ши-кая, и вряд ли можно еще сомневаться, что он стремится к фактической диктатуре. Все министры являются лишь послушными исполнителями приказаний президента, и Лу Чжен-сян не составляет в этом отношении исключения. Я имел неоднократно случай убедиться, как мало он осведомлен об общем ходе дел, как незначительно его влияние при решении даже относящихся к непосредственному его ведению вопросов и сколь мало можно полагаться на его обещания, хотя бы самые искренние, если только он заблаговременно не заручился согласием на них президента. За последнее время совет министров стал даже собираться в помещении, занимаемом президентом, и под его личным председательством.

С другой стороны, давление, оказанное с таким успехом здешними военными и полицией на палату представителей в деле одобрения последней правительственных кандидатов в министры, оставило по себе глубокий след, и большинство депутатов продолжает находиться под его впечатлением, опасаясь принять участие в каком бы то ни было выступлении, направленном против правительства. Хотя Юань Ши-кай и выразил официально свое неодобрение по поводу вмешательства военного элемента в дела управления государством, никто не сомневается, что вмешательство это произошло с его ведома и согласия, и издающиеся на Юге органы партии

[1] См. стр. 185, прим. 3.

[2] В дополнение к публикуемому документу в тел. от 13 авг./31 июля за № 693 В. Крупенский сообщал: «Если мы заявим, что считаем принципиально допустимыми мелкие займы на местные нужды в областях нашего влияния [ср. № 443], то, несомненно, французы предоставят себе ту же свободу в южных провинциях, где они до сих пор уже помешали заключению нескольких займов французскими фирмами. То же произойдет в сферах влияния других держав и таким образом, при трудности контроля за расходованием выданных денег, Китай получит полную свободу в заключении местных займов».

[3] Содержание деп. от 23/10 июля за № 59 и деп. от 30/17 июля за № 62 в основном изложено в публикуемом документе.

Тун-мэн-гуй открыто его в этом обвиняют. Успех первого ее политического выступления, по всем вероятиям, поощрит армию к принятию и в дальнейшем деятельного участия в решении общегосударственных вопросов. Сознавая всю важность привлечения на свою сторону военного элемента, Юань Ши-кай уже давно с упорной последовательностью действует в этом направлении. При самом своем избрании в президенты ему удалось провести в военные министры вполне преданного ему генерала Дуань Ци-жуя. Несмотря на частые свои заявления о необходимости распустить бо́льшую часть находящихся под знаменами вооруженных сил, Юань применяет эту меру только по отношению к войсковым частям на Юге, на которых он положиться не может, а вместе с тем постоянно усиливает число расположенных в Пекине и преданных ему войск. Значительный шаг вперед к преследуемой им в этом отношении цели был сделан Юань Ши-каем по упразднении нанкинского наместничества, с подчинением находившихся прежде под командой Хуан-Сина войск частью непосредственно военному министру, частью же новому нанкинскому дуду Чэн Дэ-цюаню, известному своей близостью к президенту, и сын коего Чэн Ши-мо, воспитывавшийся в России, муж китаянки, известной по териокскому процессу [1], назначен советником при Юане.

Весьма большое значение для укрепления власти центрального правительства имеют также два из внесенных президентом в палату законопроектов, из коих первый предусматривает отделение во всех провинциях военной власти от гражданской, а второй касается вообще организации провинциального управления и постановляет, между прочим, что провинциальные дуду (губернаторы) не должны более избираться населением и лишь утверждаться президентом, как то большей частью практиковалось со времени революции, а будут просто назначаться президентским декретом. Оба эти законопроекта имеют целью ослабление самостоятельности местных властей и поставление их в полную зависимость от Пекина. Если они станут законом, то это позволит, наконец, центральному правительству всецело подчинить своей власти всегда пользовавшиеся доселе известной долей самостоятельности провинции. В противном случае, дальнейшее утверждение провинциальной обособленности грозило бы поставить правительство снова лицом к лицу с тем же положением, которое в конце концов привело к падению манчжурской династии. Со стороны провинций уже раздаются возражения против обоих этих законопроектов, причем протесты провинциальных законодательных собраний против второго из них были столь энергичны, что осторожный Юань Ши-кай временно взял его обратно, чтобы постараться до известной степени его смягчить и тем сделать его более приемлемым.

Все вышеизложенное показывает, с какой постепенностью и ловкостью Юань Ши-кай медленно, но верно идет к намеченной им себе цели — захвату в свои руки всей полноты власти в Китае. Как я уже имел честь доносить императорскому министерству, для обеспечения успеха его замыслов Юаню необходимы денежные средства, коими он до сих пор не располагает. Можно поэтому ожидать, что в недалеком будущем, если ему не удастся достать денег из других источников, он снова обратится к Консорциуму и возобновит переговоры о займе. Последние, однако, необходимо должны будут затянуться на некоторое время, и это обстоятельство, быть может, и явилось одним из поводов принятого недавно правительством решения отложить до января месяца предполагавшиеся было на осень выборы в будущий парламент, чтобы таким образом успеть ко времени решительной борьбы заручиться самым верным залогом успеха — материальными средствами, хотя бы для этого и пришлось отдалить срок сформирования окончательного

[1] Имеется в виду процесс в Териоках, начавшийся 6 сент./24 авг. 1911 г., по делу об убийстве женой китайца Чэн Ши-мо его друга.

правительства, а тем самым и время признания Китайской республики державами.

Я имел уже неоднократно случай высказывать вашему превосходительству мое мнение о нежелательности для нас прочного укрепления власти Юань Ши-кая. Но те же соображения, которые приводят меня к такому заключению с точки зрения специально русских интересов, естественно, действуют совершенно иначе на здешних французского, английского, германского и американского представителей, правительства коих существенно заинтересованы в скорейшем восстановлении в Китае спокойствия и порядка. Как я мог убедиться из бесед с означенными моими коллегами, они готовы в этих видах приветствовать захват Юань Ши-каем диктатуры, даже если бы последняя опиралась на военную силу и тем открыла эру милитаризма в Китае.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 450. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

№ 68. Депеша № 68. 10 августа/28 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из последних моих разговоров с китайским министром иностранных дел я имел случай убедиться, что разрешение вопроса о возмещении иностранным подданным убытков, понесенных ими в связи с революционным движением в Китае, несомненно, встретит в будущем значительные затруднения. Повидимому, китайское правительство намерено признавать свою ответственность только в случаях причинения иностранцам прямых убытков путем уничтожения или разграбления их имущества. Во всех же случаях косвенных убытков, даже если бы таковые являлись прямым последствием происходивших в Китае волнений и беспорядков, здешнее правительство намерено оспаривать право иностранных подданных на возмещение им понесенных ими потерь.

По предположенному до сих пор порядку, после установления специально назначенной с этой целью комиссией дипломатического корпуса общих правил касательно убытков, подлежащих возмещению, и утверждения этих правил посланниками, каждая миссия займется разбором претензий своих подданных, а затем все отвечающие помянутым правилам претензии будут по-одиночке обсуждаться совместно с китайцами. При таком образе действий не может быть сомнения, что во всех представляющихся мало-мальски спорными случаях китайцы станут изыскивать всевозможные возражения и от таких обычных для них препирательств нельзя будет ожидать удовлетворительного результата.

Так как большинство из заявленных русскими подданными претензий об убытках, а в том числе и все убытки Русско-Азиатского банка, относятся к разряду косвенных потерь, то нам следует ожидать со стороны китайцев нескончаемых затруднений и проволочек в удовлетворении наших требований об убытках. Ввиду этого мне представлялось бы весьма желательным, чтобы в число условий признания державами китайского правительства было включено выражение последним своего принципиального согласия на удовлетворение всех претензий об убытках иностранных подданных, которые будут отвечать требованиям общих на этот счет правил, имеющих быть установленными дипломатическим корпусом в Пекине.

Представляя вышеизложенное предположение на благоусмотрение вашего превосходительства, считаю долгом присовокупить, что помянутое мое мнение разделяется как здешним великобританским посланником,

так и французским поверенным в делах, уже представившим своему правительству подобные же соображения.

Примите и пр. В. Крупенский.

№ 451. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 40. 11 августа/29 июля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Третьего дня меня посетил Киамиль-паша, а вчера у меня был принц Саббах-эддин, племянник по матери султана Абдул-Гамида. В моих беседах с ними разговор коснулся также и вопроса о заключении мира между Италией и Турцией.

Киамиль-паша обнаружил при этом некоторую сдержанность. Он находил, что Италия слишком торопится требованием о признании ее владычества над Триполитанией. Было бы неуместным с ее стороны настаивать на отозвании оттоманских отрядов из африканских вилайетов, если одновременно не позаботились бы об отозвании оттуда и итальянских войск. Согласно выраженному им мнению, уступка Италии принадлежащих Турции земель должна была бы ограничиться частью территории, находящейся в действительности во власти у неприятеля. При полюбовном разделе северо-африканского побережья Италии могла бы быть предоставлена (бесплодная) Триполитания, а за Турцией должна была бы остаться (плодородная) Киренаика.

Вместе с тем бывший великий визирь как будто бы считал нужным смягчить решительный оттенок своих утверждений более примирительными заключениями.

Принц Саббах-эддин, посетивший меня впервые и произведший на меня впечатление умного человека, был более откровенным. Он, правда, оговорился, что лишь за самое последнее время стал интересоваться политикой, тогда как до сих пор посвящал себя исключительно вопросам общественным. Принц Саббах-эддин откровенно сознался, что не только некоторые члены нынешнего правительства, но что и вся партия соглашенцев, к которой он принадлежит, желает восстановления мирных отношений с Италией; но необходимо, чтобы и итальянцы выказали склонность считаться с таким настроением и готовность пойти ему навстречу путем известной уступчивости. Лично принц не верит в действительность прямых переговоров между воюющими. Ему кажется, что последним едва ли удастся избегнуть посредничества Европы. Он полагает, что лишь таковое сумеет положить конец войне; при этом он подчеркнул испытанное миролюбие России.

Большие надежды на успешность непосредственных сношений между Италией и Турцией возлагает Габриэль-эффенди Норадунгиан. Он рассчитывает, по возобновлении негласных переговоров, как только таковые станут налаживаться, придать им официальный характер, с назначением с каждой стороны официальных уполномоченных; на третейское разбирательство держав были бы переданы лишь те вопросы, относительно коих воюющим не удалось бы притти к соглашению.

В заключение я хотел бы указать на три обстоятельства, могущие быть отнесенными, в известной степени, к предвестникам мира: 1) наступивший здесь новый период безденежья. Говорят о дефиците в 18 миллионов турецких лир в настоящую минуту; 2) полученные военным агентом, но еще мной не проверенные, сведения о предстоящем роспуске гарнизонов в Смирне, Дарданеллах и т. д. и 3) сделанное румынским королем в прощальной аудиенции своему представителю, возвращавшемуся в Константинополь, г. Мишу

заявление, что он получил уверения в том, что итальянцы никаких военных действий в Дарданеллах более не предпримут.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 452. Начальник отдела Дальнего Востока консулу в Урге Люба.

*/. Телеграмма № 1531. 12 августа/30 июля 1912 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

№ 1360 получен [1].

Благоволите повторить хутухте и его министрам неоднократно данный нами совет не связывать Халху с Внутренней Монголией. Мы не считаем возможным выступать в защиту последней перед китайцами в той форме, как мы делаем это относительно Внешней Монголии. Поэтому отложение от Китая Внутренней Монголии легко может повести к тому, что китайцы подавят поднявшееся в ней движение вооруженной силой, на каковое их намерение уже имеются некоторые указания. В таком случае, события во Внутренней Монголии легко могут неблагоприятно отразиться на положении во Внешней Монголии, которую авторитет хутухты, повидимому, объединяет еще не вполне прочно.

Козаков.

№ 453. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1534 [2]. 12 августа/30 июля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Неклюдова № 87 [3].

Благоволите, по обмене взглядов с французским и английским коллегами, сообщить ваше заключение относительно предлагаемого Неклюдовым расследования кочанского дела консулами.

Со своей стороны считаем сомнительным участие Германии и Австро-Венгрии в расследовании. Кроме того находим, что перемена кабинета в Турции не дает, казалось бы, достаточных оснований к возвращению к прежней системе и полагаем предпочтительным настаивать на включении представителей христианских народностей Турции в состав комиссии, назначенной Портой для расследования дела.

Нератов.

№ 454. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [4]. 12 августа/30 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от [6 августа] 24 сего июля за № 80 [5] я уже имел честь довести до сведения вашего превосходительства, что на последнем очередном приеме управляющий германским департаментом иностранных дел обратился ко мне с вопросом, справедливо ли пущенное во французской прессе известие о предстоящем заключении русско-французской морской

[1] В оригинале, повидимому, ошибка. Донесение Люба от 14/1 авг. за № 1360 о торговых сношениях с Монголией в это время не могло быть получено в Петербурге.
[2] Лит. копия.
[3] См. стр. 429, прим. 2.
[4] Опубл. М., стр. 233.
[5] См. стр. 435, прим. 3.

конвенции. Позволю себе ныне дополнить это краткое телеграфное сообщение некоторыми подробностями.

Когда на поставленный мне вопрос я отозвался полным неведением и указал, между прочим, что в усилиях своих муссировать значение визита Пуанкаре в С.-Петербург французские газеты пустили и не одно это сенсационное известие, г. Циммерман сказал мне, что, само по себе, заключение нами с Францией соглашения, касающегося морских сил обоих государств, не произвело бы в Германии особого впечатления, если бы не тот факт, что оно имеет место немедленно после состоявшегося в Балтийском Порте свидания императоров. Он добавил, что сведение, появившееся в одной провинциальной немецкой газете (в Брауншвейге), будто о предстоящем новом франко-русском соглашении германское правительство было нами предуведомлено в конце июля — по новому стилю — неверно, и что германское министерство иностранных дел воздержалось от опровержения этого известия лишь по соображениям международной вежливости, дабы тем не произвести впечатления, что оно с нетерпением ожидает от нас каких-либо сообщений по означенному поводу.

Здешний представитель С.-Петербургского телеграфного агентства, часто посещающий бюро прессы при германском департаменте иностранных дел, за истекшую неделю дважды сообщил мне о замеченном им там нервном настроении по тому же поводу; и ему был поставлен вопрос о франко-русской морской конвенции; и ему было сказано, что в противность сведению брауншвейгской газеты никаких успокоительных разъяснений здесь от нас не получено; внимание его было кроме того обращено на слух, появившийся в газете «Temps» от 6 августа/24 июля, по которому одной из целей поездки Пуанкаре будет добиться согласия России вновь расположить большее количество своих войск вдоль границы с Германией. Г. Маркову было при этом добавлено, что дислокация войск является, конечно, внутренним делом каждого государства; все же, если бы сведение «Temps» оправдалось, Германии оставалось бы сделать соответствующие выводы.

К концу прошлой недели обнаруженная здесь вначале нервность, впрочем, значительно улеглась, вероятно, главным образом благодаря разъяснениям, данным гофмейстером Сазоновым графу Пурталесу и обязательно сообщенным мне секретной телеграммой от 10 августа/28 июля за № 1520 [1]; способствовала тому также статья, появившаяся в № 2056 «России» и произведшая здесь очень хорошее впечатление [2].

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 455. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 90. 12 августа/30 июля 1912 г.

Большой митинг протеста против турецкой резни в Кочанах отложен на завтра [3]. Тем не менее положение можно считать здесь более спокойным.

---

[1] См. № 442.

[2] В передовой статье газеты «Россия» от 9 авг./27 июля за № 2056, посвященной приезду Пуанкаре в Россию, между прочим, указывалось, что «уже давно прошло то время, когда союз, заключенный между Россией и Францией, считался некоторыми плохо осведомленными людьми чуть ли не угрозой европейскому миру в качестве политической комбинации, острие которой было направлено будто бы против Германии или, точнее, Тройственного союза». Европейское общественное мнение, — сообщалось далее, — уже не раз имело случай убедиться в том, что франко-русский союз «преследует исключительно мирные и культурные цели, достижение которых не является угрозой ничьим интересам на европейском материке».

[3] В тел. от 11 авг./29 июля за № 86 Неклюдов сообщал: «Из Вены приходят сюда тревожные слухи о болгарской мобилизации. Третьего дня герцог Аварна телеграфировал это графу Бозлари. Есть и другие отголоски. Покамест эти слухи абсолютно

Я сообщил сегодня Гешову о тех представлениях, которые были сделаны сегодня Порте русским и французским послами и британским представителем [1], а также о разговоре министра с Турхан-пашой [2]. Гешов очень благодарит министра и Гирса за деятельную поддержку. Порта дала Сарафову самые предупредительные обещания расследовать быстро дело и строго наказать виновных; но такие же обещания даны были Ассимом после иштибской резни и привели к самым ничтожным результатам. Никакого признака военных приготовлений здесь нет. Болгарское правительство проявляет полное спокойствие и благоразумие, но серьезно озабочено [3].

Неклюдов.

№ 456. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 91. 12 августа/30 июля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Сегодня в разговоре со мной Гешов просил меня не скрыть от императорского правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то: территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других, приближающихся в сущности к автономии, а в особенности распространение этих прав на все четыре вилайета — представилось бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов. В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на не-албанское христианское население. Болгарское правительство, наряду с Сербией и Грецией, поставлено было бы в самое безвыходное положение и принуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарскому населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам. Я ответил Гешову, что не считаю себя уполномоченным передавать подобное ходатайство, но что сочту долгом донести вам об опасениях и взглядах болгарского правительства по поводу того, что происходит ныне в Албании. Я уже давно слышал мнения крайних националистов «патриотов», что уступки турок албанцам в сущности хороши, ибо дадут основание требовать таких же уступок македонским болгарам. Не думаю, однако, что Гешов будет выразителем подобного неразумного оппортунизма, а убежден, что он действительно озабочен теми осложнениями, к коим может повести удовлетворение требований албанцев и их хозяйничанье в Македонии.

Неклюдов.

№ 457. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 563. 12 августа/30 июля 1912 г.

Албанская смута.

Ссылаюсь на доверительное письмо от [8 августа] 26 июля [4].

По словам министра иностранных дел, последние известия из Албании

неверны. Но брожение, вызванное резней в Кочанах, не улеглось. Сегодня здесь состоится большой митинг протеста».

[1] См. стр. 436, прим. 3.

[2] См. № 444.

[3] В тел. от 13 авг./31 июля за № 208 Эттер сообщал, что «английскому поверенному в делах в Константинополе предписано в самой дружественной форме посоветовать Порте насколько возможно пойти навстречу болгарским желаниям в видах мирного улажения недоразумения, вызванного кочанским инцидентом».

[4] См. № 437.

более удовлетворительного характера. Из четырнадцати выставленных албанцами требований, двенадцать касаются чисто местных нужд: проведения дорог, открытия школ, знания турецкими чиновниками местного языка, — и будут удовлетворены. Требование же предания суду членов министерства Хакки-паши и Саид-паши, обвиняемых ими во всех испытываемых ими бедствиях, правительство решительно отклоняет как подлежащее ведению исключительно новой палаты. Также не может быть исполнено требование о наделении албанцев ружьями нового образца. Правительство возвратит им лишь отобранные у них старые их ружья, но отказывается безусловно выдать оружие, уместное лишь в руках солдат. Министр думает, что албанцы не будут особенно настаивать. На мой вопрос, не находится ли требование автономии края в числе упомянутых им 14-ти пунктов, министр приказал принести ему список пожеланий албанцев и категорически заверил меня, что такового повстанцами не выдвигалось: ни автономии, ни отдельного инспектора.

Гирс.

№ 458. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 13 августа/31 июля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как поверил мне сегодня г. Палеолог, французский посол в Константинополе имел несколько дней тому назад разговор с новым турецким министром иностранных дел, причем последний высказал мысль, что никакие попытки к заключению мира не могут иметь успеха, пока не будет произведено воздействия на триполитанских арабов с целью убедить их в необходимости примириться с неизбежным фактом; с этой целью, по мнению Габриэль-эффенди Норадунгиана, необходимо было бы командировать в Триполитанию особую комиссию через Тунис, а это было бы возможно только при содействии Франции и с ее разрешения.

Г. Палеолог поспешил поставить об изложенном в известность римский кабинет, причем особенно тщательно подчеркнул, что в этом шаге не следует усматривать французского предложения, что Франция ограничивается простой передачей вышеприведенного разговора и никакого ответа на свое сообщение не ожидает.

На первый взгляд мысль о допущении турецкой миссии в Триполитанию не показалась в Риме неприемлемой; но впоследствии там, повидимому, искренность турецких намерений показалась подозрительной, и там высказано было опасение, как бы под видом вышеуказанной миссии в Триполитанию не проникли турецкие эмиссары с совсем иными намерениями.

С другой стороны, и в Константинополе, в разговоре с г. Бомпаром по поводу мысли Норадунгиана, Хильми-паша высказал свое несочувствие мысли своего коллеги об отправлении комиссии, объяснив, что, раз арабы будут таким путем доведены до сознания безнадежности борьбы и раз таковая ослабнет, то Турция лишится своего главного средства воздействия на Италию и окажется обезоруженной в переговорах о мире.

Таким образом, политический директор не возлагает больших надежд на эти переговоры, о которых он не преминул довести до сведения как императорского, так и великобританского правительств.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 459. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 27. 13 августа/31 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Посещение России президентом совета министров Французской республики [1] было встречено в Италии, как и везде в Европе, с большим интересом и вызвало целый ряд комментариев, в общем отвечающих действительному положению вещей. Путешествие г. Пуанкаре привлекло внимание не только итальянских газет, но и правительства: в последние дни я два раза встречался с князем ди Скалеа, и оба раза он выражал мне надежду, что я ему сообщу о переговорах французского министра с С. Д. Сазоновым, если об этом что-либо узнаю.

Весьма точный обзор комментариев итальянской прессы появился во французской газете «Temps». Статью эту я имею честь препроводить в газетной вырезке [2]. Чтобы не повторяться, я ограничусь замечанием, что все, что пишется в Италии об этом новом симптоме крепости франко-русского союза, в котором все здесь видят гарантию мира, носит весьма сочувственный характер и в самых серьезных газетах, как например в «Corriere della Sera» прямо сказано, что Италия не должна препятствовать осуществлению желания России свободного прохода своих военных судов чрез Дарданеллы. Эта же газета, точно так же как и «Giornale d'Italia», признает желательность сохранения на Балканах status quo, отмечая при этом, что этому сохранению может только способствовать свидание русского и французского министров.

В заключение считаю нелишним прибавить, что в Италии известие о подписании русско-французской морской конвенции, также доказывающей прочность союзнических отношений между Россией и Францией, было встречено сочувственно.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 460. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо № 1. 13 августа/31 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как всегда в это время года, все министерства в Риме пустуют. В Консульте нет в данную минуту ни одного ответственного лица. Министр отды-

---

[1] Пуанкаре прибыл в Кронштадт на крейсере «Condé» 9 авг./27 июля. На следующий день в Петербурге он имел свидание с Коковцовым, Сазоновым и другими министрами. 11 авг./29 июля Пуанкаре был принят Николаем II в Петергофе, а затем присутствовал на параде в Красном Селе. С 13 авг./31 июля по 15/2 авг. Пуанкаре был в Москве, а 16/3 авг. он вернулся в Петербург и в тот же день выехал во Францию.

[2] В указанной статье «Temps», между прочим, говорилось: «Наш корреспондент в Риме телеграфирует: Свидание в Петербурге вызывает в Италии живой интерес по двум причинам: потому, что оно может оказать влияние, во-первых, на итало-турецкий конфликт и, во-вторых, на восточный вопрос.

В Риме известно, что Франция и Россия в равной мере желают окончания войны и стоят за поддержание равновесия на Балканском полуострове; вот почему в Италии с чувством доверия ожидают результатов бесед г. Пуанкаре с царем и его министрами. Итальянская политика в Восточной Европе всегда неизбежно консервативна; поэтому всякие дипломатические или военные меры, утверждающие эту политику, встречаются итальянцами с удовлетворением. Более тесное согласие между Францией, Англией и Россией, имеющее целью избежать осложнений на Востоке, соглашение между балканскими государствами с целью воспрепятствовать увеличению какой-нибудь великой державы за их счет и даже появление русского флота в Средиземном море могут встретить лишь благожелательный отклик в итальянском общественном мнении. Эти настроения находят отражение в националистической прессе».

хает в Валломброза и в город совсем не наезжает; его парламентский помощник в постоянных разъездах, генеральный секретарь в отпуску, в котором также находятся политические секретари этих двух лиц.

Теперь, после улажения черногорско-турецкого конфликта [1], который встревожил было римский кабинет, эти общие каникулы, вероятно, продолжатся еще некоторое время, тем более что негласный обмен мнений между итальянскими и турецкими делегатами, происходивший, как вашему превосходительству известно, в Швейцарии, не так скоро возобновится. Здесь, однако, думают, что с переменой кабинета в Константинополе шансы мира несколько увеличились. Некоторые — взятые в отдельности незначительные — симптомы позволяют Консульте на это надеяться. Не говоря уже о личном составе константинопольского кабинета, который, без сомнения, менее несговорчив, чем были младотурецкие министры, здесь распространился слух, что турецкое правительство намерено отменить декрет о высылке итальянцев из турецких владений, и если это намерение осуществится, то здесь — и мне кажется не без основания — усмотрят в этом самый благоприятный для мира симптом. С другой стороны, сопротивление арабов в Триполитании, где, после взятия Зуары, все оазисы в итальянских руках, значительно уменьшилось, и некоторые из их старшин послали-де, как мне сказал князь ди Скалеа, эмиссаров в итальянский лагерь с целью узнать, правда ли, что младотурецкое правительство в Константинополе было свергнуто. В этой любознательности арабов здесь видят также успокоительный признак. Германский посол, который, как мне несколько раз приходилось убеждаться, бывает хорошо осведомлен, сказал мне, что ему было сообщено из германского посольства в Константинополе о намерении нового турецкого правительства, — если только оно удержится у власти и достаточно окрепнет, на что потребуется,однако, немало времени, и, как полагают в Константинополе, месяца 2, — приступить к мирным переговорам. Здесь предпочитают, как мне не раз приходилось слышать в Консульте, чтобы эти эвентуальные мирные переговоры происходили непосредственно между воюющими державами, хотя здесь и не исключают абсолютно возможности, в случае неудачи их, коллективного посредничества держав. Непосредственные турецко-итальянские переговоры, по мнению римского кабинета, ограничатся только спорным между Италией и Турцией вопросом, конференция же или вмешательство держав в другой форме могли бы, как здесь опасаются, повлечь за собой возбуждение и других вопросов, угрожающих status quo на Востоке. Сохранения же status quo, как мне неоднократно повторяли и маркиз ди Сан-Джулиано, и князь Скалеа, и г. Боллати, римский кабинет искренне желает, что он, впрочем, и доказал советами, данными в самое последнее время в Цетинье [2]. Я воспользовался этими заверениями, чтобы сказать князю ди Скалеа, что до меня дошли слухи, будто Италия послала ружья албанским повстанцам. Князь ди Скалеа самым положительным образом опроверг это. «Итальянское правительство не только об этом не думало, но и помешало бы этому, если бы частные лица из итальянского патриотизма желали бы таким образом увеличить внутреннюю смуту в Турецкой империи». «На нас могут всегда рассчитывать, — заверил меня г. Боллати, — когда окажется нужным воздействовать успокоительно на балканские государства». Князь ди Скалеа, которого я видел на-днях, при проезде его через Рим, сказал мне, что, хотя Италия, вместе с другими державами, также советовала в Цетинье благоразумие, но что преимущественное влияние в этом отношении и заслуга сохранения мира на Востоке принадлежат главным образом императорскому кабинету. Он прибавил, что и Австрия дала совет королю Николаю не прибегать к ору-

[1] См. № 447.
[2] См. № 392.

жию. Мой собеседник мне при этом прочел телеграмму, любопытную по редакции, итальянского посланника в Цетинье, симптоматичную относительно доверия, которое здесь питают к Австрии. Если мне память не изменяет, эта телеграмма гласит дословно: «Я должен признать, что и Австрия дала мирные советы и в этом отношении поступила совершенно лойяльно».

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

№ 461. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо № 2 [1]. 13 августа/31 июля 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В литографиях, привезенных мне со вчерашним курьером, я нашел весьма интересное письмо посла нашего в Париже от 18/5 июля, в котором он сообщает о полном отсутствии основания пущенного в обращение одной английской газетой слуха о переговорах Франции, Англии и Италии о заключении между ними тройственного соглашения касательно Средиземного моря [2]. Точно так же, как и г. Палеолог в своей беседе с А. П. Извольским, и в здешней Консульте мне было заявлено, что никаких переговоров между *тремя* названными державами не происходило. Здесь, однако, проявлено было некоторое опасение относительно происходивших будто бы переговоров между Францией и Англией о средиземноморском вопросе вообще и в частности об ограничении свободы действий Италии в Эгейском море. Г. Боллати прямо запросил об этом французского поверенного в делах. Г. Ларош ответил полным отрицанием факта подобных переговоров. Весьма вероятно, что итальянским представителям в Париже и Лондоне было также поручено осведомиться об этом у правительств, при коих они аккредитованы, так как нет никакого сомнения, что итальянское правительство не рассчитывает на бескорыстное отношение к ней Англии и Франции в вопросе о Средиземном море. Германия и Австрия, зная эти опасения Италии, как само собой разумеется, не могут не воспользоваться этим в своих целях.

Поставляя меня в известность о своей беседе с г. Боллати, французский поверенный в делах сказал мне также, что им была получена из Парижа телеграмма, в которой ему сообщалось, что германский и австро-венгерский поверенные в делах обратились к г. Палеологу, по поручению своих правительств, за разъяснениями относительно проникших в печать сведений: 1) о соглашении между державами Тройственного согласия относительно турецко-итальянской войны в частности и положения Турции вообще, и 2) о русско-французской морской конвенции.

На первый вопрос германскому и австро-венгерскому дипломатам было отвечено, что «между державами Тройственного согласия мог происходить обмен мнений по вопросам, касающимся Балканского полуострова, но что о специальном соглашении не было и речи». Что же касается русско-французской морской конвенции, то г. Палеолог ответил уклончиво в общих и самых неопределенных выражениях, что современное состояние военных и морских сил союзных государств, естественно, вызывает необходимость личного обмена мыслей между ответственными в военных и военно-морских вопросах лицами, особенно, когда им приходится встречаться.

В своем письме наш посол в Париже прибавляет, что г. Палеолог ему еще раз подтвердил, что «франко-итальянское соглашение 1902 г. имеет бессрочный характер и что нет никакого повода к переговорам об его возобно-

[1] Опубл., со стилистическими изменениями и сокращениями, Siebert, II, S. 425, № 661, где ошибочно датировано 3 авг./21 июля.

[2] См. № 326.

влении или изменении. Соглашение это, — продолжает Александр Петрович, — весьма кратко и просто; оно заключается во взаимном заявлении о том, что «l'Italie se désintéresse de l'action française au Maroc et la France se désintéresse également de l'action italienne dans la Tripolitaine et la Cyrénaïque» [1]. Никаких других постановлений существенного свойства не содержится. Оно не оговаривает даже, что Италия и Франция должны оказывать друг другу дипломатическую поддержку для достижения обоюдных своих целей».

Это сообщение нашего посла прямо подтверждает все, что мне было сказано по этому поводу здесь и о чем я уже писал императорскому министерству [2].

При этом случае не могу не заметить, что значение и объем обязательств, принятых Италией относительно Франции, как я позволяю себе думать и как мне всегда казалось, изображались в несколько преувеличенном виде, благодаря увлекающемуся своими собственными желаниями характеру французского посла в Риме, которому, однако, нельзя отказать в большом уме и успешной долголетней деятельности. Советник вверенного мне посольства мне сказал, что в императорском министерстве есть донесения из Рима, в которых говорится о письменном обязательстве Италии соблюдать нейтралитет в случае нападения Германии на Францию, и принес мне письмо Н. В. Муравьева к А. П. Извольскому от 24/11 ноября 1908 г., в котором прямо утверждается, что Италия обменом нот обязалась: «1) остаться нейтральной в случае войны между Францией и другими не названными державами, если на Францию совершено будет нападение, и 2) остаться также нейтральной, если Франция вынуждена будет объявить войну какой-либо державе в защиту своей чести и достоинства против нападения или вызова».

К существованию такого документа, в какую бы форму это обязательство ни было облечено, я отношусь, несмотря на это, с некоторым сомнением. Такое обязательство находилось бы в прямом противоречии с договором Тройственного союза и с общим характером итальянской политики вообще. Этим, однако, я нисколько не хочу отрицать, что на словах Италия не раздавала Франции самые успокоительные искренние заявления и весьма возможно, что руководители итальянской политики позволили и г. Барреру и французскому правительству рассчитывать на итальянский нейтралитет в случае невызванного нападения Германии на Францию, тем более что новое ослабление Франции было бы для Италии действительно весьма невыгодно.

Не только теперь, но и в бытность мою в Риме советником посольства, я неоднократно замечал, что, когда казалось, что Италия желает как будто сблизиться с той или другой державой, она ускользала, коль скоро шла речь о каком-либо определенном соглашении. Так например, как императорскому министерству известно, приезжая сюда, я имел некоторый повод думать, что итальянское правительство желает расширить соглашение, достигнутое в Раккониджи [3]. Однако я ничего подобного до сих пор не вижу и продолжаю только испытывать на себе платоническую, хотя и чрезвычайно предупредительную любезность как итальянских государственных людей, так и вообще лиц, с которыми я прихожу в прикосновение. Мне даже не удалось, ввиду взаимного обязательства сторон держать эти акты в секрете, прочесть подлинный текст соглашения Италии с Австрией относительно Албании и соглашения 1902 г. между Францией и Италией. Правда,

---

[1] «Италия признает свою незаинтересованность во французских действиях в Марокко так же, как и Франция—в итальянских действиях в Триполитании и Киренаике».

[2] См. № 258. Часть письма от слов: «В своем письме наш посол... императорскому министерству» у Siebert'a отсутствует.

[3] См. № 44.

что и союзное с нами французское правительство ограничилось относительно А. П. Извольского, точно так же как и маркиз ди Сан-Джулиано относительно меня, лишь сообщением общего смысла этого соглашения [1].

Примите и пр.

Крупенский.

№ 462. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо № 3 [2]. 13 августа/31 июля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Меня посетил в самую минуту пред закрытием экспедиции начальник кабинета министра иностранных дел г. Контарини, чрезвычайно умный и к России в высшей степени хорошо расположенный человек. В нашем разговоре, который, скорее, касался общих мест, я сказал Контарини, что меня поразили, по моем приезде в Италию, некоторые противоречивые взгляды на франко-итальянские отношения, которые, между прочим будь сказано, Контарини искренне желает укрепить и сделать возможно более интимными. «Так например, — сказал я, — я знал, что между вами и Францией было заключено в 1902 г. соглашение, и, по некоторым дошедшим до меня слухам, было сомнение в том, будет ли оно изменено и возобновлено, или нет». В ответ на это Контарини, — как это императорскому министерству уже известно, — мне подтвердил, что соглашение это бессрочно и возобновления не требует [3], но что, как нет дыма без огня, так и здесь поводом к этим сомнениям и слухам послужило неопределенно проявленное желание Франции несколько расширить это соглашение, но что серьезной попытки к этому не было сделано. Воспользовавшись тем, что нами был затронут вопрос об этом соглашении, я сказал, что насчет его содержания до меня доходили противоречивые версии. Одни утверждают, что в нем гарантируются только, и не более, свобода действий Франции в Марокко и Италии в Триполисе, другие полагают, что Италия обязалась не нападать на Францию. Контарини и тут подтвердил все, что я прежде писал и сегодня пишу императорскому министерству. Собеседник мой прибавил, что акт этот никоим образом не противоречит договору Тройственного союза, но что в обмененных между Францией и Италией в 1902 г. нотах имеется фраза, гласящая, что все между Италией и Францией могущие возникнуть разногласия на Средиземном море должны решаться не оружием, а дипломатическим путем. «Может быть, эта редакция, — сказал мне Контарини, — лицам, не точно выражающимся, позволяет говорить об обязательстве Италии не воевать с Францией».

Посетивший меня вслед за тем французский поверенный в делах мне сообщил, что турецкий министр иностранных дел сказал французскому послу в Константинополе, что Турция не может заключить мира, не запросив предварительно о желании арабов, но что для этого турецкое правительство готово послать в Триполитанию чрез Тунис миссию, которая осведомилась бы о пожеланиях своих арабских подданных и вместе с тем посоветовала им согласиться на мир. Это предложение, переданное в Париже и сообщенное парижским кабинетом в Рим, было здесь принято [4]. Однако ответ, данный устно итальянским поверенным в делах французскому министерству иностранных дел, и письменно г. Боллати французскому поверен-

---

[1] См. № 143.

[2] У Siebert'a (II, S. 432, N 665) публикуемый документ приведен в выдержке, начиная со слов: «Собеседник мой прибавил» до слов: «не воевать с Францией», причем слово «собеседник» заменено словом «Контарини».

[3] См. № 143.

[4] См. № 458.

*

ному в делах в Риме, не вполне тождественны. В Консульте написали г. Ларошу, что турецкая миссия в Триполисе должна иметь целью осведомиться о настроении арабов и дать им совет прекратить борьбу. Итальянское же посольство в Париже обещало французскому министерству иностранных дел согласие своего правительства на упомянутую миссию под условием, чтобы она посоветовала арабам признать итальянский суверенитет. Г. Ларош вследствие этого обратился в Консульту за разъяснениями, и он думает, что ввиду этого разногласия, более формального, чем существенного,— так как прекращение борьбы равносильно признанию итальянского суверенитета, — римский кабинет согласится несколько смягчить условия своего согласия, тем более что слишком резкое требование заставило бы Турцию отказаться от своего намерения послать миссию в Триполис. В этом мнении г. Ларош еще более утверждается, так как г. Боллати ему сказал, что итальянский поверенный в делах в Париже выразился слишком категорически.

Примите и пр. Крупенский.

№ 463. Поверенный в делах в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 43. 13 августа/31 июля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как только возникли слухи о возможном посещении Румынии руководителем австро-венгерской внешней политики, я спросил министра иностранных дел, верно ли это известие. Г. Майореску подтвердил мне, что, действительно, граф Берхтольд ожидается здесь в августе, о чем я счел долгом телеграфировать вашему превосходительству [2 августа] 20 сего июля, за № 53 [1].

Министр добавил при этом, что в бытность его в Вене [2], граф Берхтольд сказал ему, что он намерен провести часть лета в принадлежащем ему имении около Арада, недалеко от румынской границы, и заехать в Синайю. Узнав об этом, король Карл поручил будто бы г. Майореску пригласить австро-венгерского министра иностранных дел в Синайю, где он будет гостем его величества.

Граф Берхтольд должен прибыть в Синайю [24] 11 августа и пробыть здесь лишь один день. Однако, ввиду событий в Константинополе, он, может быть, отложит на некоторое время свой приезд. Вообще г. Майореску старался придавать этому визиту скорее обыденный характер. Судя по некоторым дошедшим до меня сведениям, здесь, хотя и очень довольны и польщены ответным визитом австро-венгерского министра иностранных дел, все же желают, чтобы этот визит не вызвал бы слишком много комментариев. Однако при существующем положении вещей на Ближнем Востоке и взаимных, вследствие этого, отношений Болгарии и Румынии, о коих я почитаю долгом донести депешей за № 44 [3], нельзя не считать, что посещение графом Берхтольдом Румынии будет иметь серьезное политическое значение.

Последовательные посещения сначала Берлина и затем Румынии сперва австро-венгерским начальником генерального штаба [4], а потом министром иностранных дел невольно возбуждают мысль, что Придунайская империя стремится еще более сблизиться с Румынией и найти в ней «верного сотрудника» для достижения намеченных целей на Балканах, изменив, вместе

[1] Упомянутая тел. исчерпывающе изложена в публикуемом документе.
[2] См. № 319.
[3] Имеется в виду деп. от 15/2 авг. за № 44 (см. т. XX, ч. II).
[4] См. № 266.

с тем, доселе скорее пассивный характер их взаимоотношений, — основанный на боязни нападения России, — в более активный и направленный к общей деятельности во всех делах Ближнего Востока.

Примите и пр.

А. Лысаковский.

№ 464. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 51. 13 августа/31 июля 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вторичное обращение Черногории к Сербии [1], но на сей раз в виде запроса черногорского правительства, а не от имени его величества короля Николая как в первом случае [2], с целью выяснить взгляд белградских правительственных сфер на турецкую смуту вообще и на вопрос об албанской автономии в частности, поставило сербское правительство в довольно затруднительное положение и побудило его просить о сообщении ему мнения императорского правительства по означенному делу, о чем я имел честь уведомить ваше превосходительство секретной телеграммой от [4 августа] 22 июля за № 102 [1], изложив в ней причины, лишающие сербов возможности дать Черногории откровенный и правдивый ответ.

Немедленно по получении ответной секретной телеграммы вашего превосходительства от [7 августа] 25 июля за № 1484 [3] касательно тех объяснений, которые могли бы быть даны сербским правительством Черногории по вопросу албанской автономии, я не преминул переговорить в предписанном смысле с министром иностранных дел. Г. Иованович, выслушав меня, признал первоначально допускавшуюся им мысль об оставлении запроса без последствий нецелесообразной и тем более, что уклончивым по существу дела ответом можно сохранить наружную корректность отношений.

На следующий день г. Иованович сообщил мне содержание выработанного в совете министров и переданного сербскому посланнику в Цетинье текста ответа черногорскому правительству, в который, однако, ввиду сильно обострившегося черногорско-турецкого пограничного конфликта, не могло быть включено намеченное указание на надежды сербов, что новое турецкое правительство принимаемыми им в Албании и Старой Сербии мерами добьется умиротворения и обеспечит христианскому населению названных областей нормальное культурное развитие.

Ответ начинается с заявления, что Сербия внимательно следит за событиями в Турции и особенно в Албании, где затронуты сербские жизненные интересы. Принимая это обстоятельство во внимание, сербскому населению Старой Сербии был дан совет выставить ныне свои требования наряду с албанцами, настаивая на полном уравнении прав сербов с мусульманами. Далее отмечается, что албанскую автономию следует признавать политической комбинацией, весьма одобряемой в Вене, но что сербское правительство не имеет достаточных оснований считать ее осуществимой в настоящую минуту. Если же черногорскому правительству известны касающиеся этого вопроса факты, то сербское правительство было бы очень благодарно за сообщение ему таковых. В конце высказывается необходимость возможно быстрого прекращения черногорско-турецкого конфликта.

Как ваше превосходительство изволите усмотреть, в заключительной части ответа отразились советы благоразумия, преподанные Россией Сербии, возымевшие желательное действие, несмотря на довольно сильную

[1] См. тел. Штрандтмана за № 102 (№ 411).

[2] См. №№ 380, 395 и прим. к ним.

[3] Тел. Нератова за № 1484 датирована 6 авг./24 июля (см. стр. 413, прим. 3).

кампанию здешней печати в пользу активного вмешательства в албанскую смуту; одновременно давалось Черногории косвенным образом понять, что ей не следует рассчитывать на какой-либо необдуманный шаг со стороны Сербии.

В разговоре, который я имел два дня спустя с министром иностранных дел, последний высказал мне уверенность, что вследствие принятого черногорско-турецким столкновением более благоприятного оборота, и самый острый период албанского кризиса может считаться законченным, хотя общее возбуждение в Албании и Македонии уляжется еще не так скоро. Южные албанцы, главным образом тоски, продолжают склонять своих северных братьев к идее политической автономии, но, по мнению г. Иовановича, эти попытки теперь успеха иметь не будут, так как жители северных частей Албании пока стремятся лишь к получению прав свободного культурного развития, столь недальновидно попиравшихся младотурками и которые новое турецкое правительство, повидимому, готово предоставить населению Албании. В Македонии же кочанские грустные происшествия [1] являются ярким признаком времени, и, обсуждая это событие, министр высказал, что с политической точки зрения подобные насильственные действия, когда они не сопровождаются немедленным объявлением войны, могут только принести существенный вред болгарскому влиянию в Македонии, побуждая местные и центральные турецкие власти усиливать мусульманскую иммиграцию в пограничные с Болгарией области, вытесняя оттуда коренное христианское население.

В заключение почитаю долгом довести до сведения вашего превосходительства существующее здесь и, казалось бы, нелишенное некоторого основания мнение, что проявляемая турками по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно императорскому правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 465. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 566. 13 августа/31 июля 1912 г.

Копия в Софию.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1534 [2] и на свою № 562 [3].

Французский посол и я полагаем, что при нынешних обстоятельствах турецкое правительство никак не согласится допустить расследование кочанского дела консулами, опасаясь возбудить негодование в стране и сыграть в руку комитета «Единение и Прогресс», который не преминет в таком случае обвинить правительство в отсутствии патриотизма и в возвращении Турции к временам Абдул-Гамида. На предъявление такого требования возможно было бы решиться лишь в самую крайнюю минуту, если бы война с Болгарией была неминуема. К тому же на наше состоявшееся совместно с Англией серьезное обращение к Порте [4] министр вчера уже ответил, что будет произведено самое строгое расследование дела комиссией под председательством валия, в состав коей войдут два представителя болгарской национальности,

[1] См. № 429 и стр. 425, прим. 2.
[2] См. № 453.
[3] См. стр. 436, прим. 3.
[4] См. № 455.

член салоникского апелляционного суда и член местного административного совета, что виновные будут строго наказаны и что пострадавшие получат пособия. Министр прибавил, однако, что он не может допустить вмешательства болгарского правительства в это дело, имеющее исключительно внутренний характер. Я не имел еще случая видеть великобританского поверенного в делах, но не сомневаюсь, что он нашего мнения. Германский и австро-венгерский послы относятся крайне несочувственно к болгарам в этом вопросе, если не оправдывая, то объясняя поведение турок провокаторством со стороны Болгарии, исходящим, по их предположениям, из пределов болгарского королевства.

Гирс.

№ 466. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 567. 13 августа/31 июля 1912 г.

Копия в Цетинье.

Черногорский поверенный в делах сообщил мне, французскому и австрийскому послам содержание идентичной черногорской ноты представителям великих держав в Цетинье, ходатайствующей о нашем воздействии на Порту для разрешения всего пограничного спора в самый короткий срок [1]. Посетивший меня немедленно затем Паллавичини высказал мнение, что Черногория должна запастись терпением, так как Порта не может будто бы теперь осложнять албанский вопрос. Он восстает в особенности против всякого коллективного выступления держав в этом вопросе. В безуспешности коллективных здесь выступлений убежден и Бомпар. Быть может, в их утверждениях есть доля правды, но все же полагаю, что каждому из нас в отдельности надлежит продолжить настояния перед Портой о возможно скорейшей ликвидации всех пограничных с Черногорией вопросов. Из предыдущих моих телеграмм вашему превосходительству известно, что я не перестаю усиленно высказываться в этом смысле перед Портой в дружественной форме [2]. Бомпар намерен действовать в том же духе. Паллавичини не отказывается преподать Порте такие же советы. Нынешний турецкий кабинет относится к черногорскому вопросу добросовестнее прежнего, что он и обнаружил своим отношением к поведению турецкого посланника в Цетинье. Ему необходимо, однако, усилить свой авторитет над пограничными своими войсками.

Гирс.

[1] См. № 446 и стр. 437, прим. 1.
[2] Ср. № 425.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. Июль/июнь 1912 г. [1]

Cher Сергей Дмитриевич,

Je vous remercie beaucoup de votre bonne et très intéressante lettre du 26/13 [2]. Je n'ai heureusement rien à ajouter à ce que je vous ai déjà écrit sur la tranquillité d'esprit ici concernant l'entrevue prochaine [3], si ce n'est que cette nervosité française agace même ici. Grey, très mesuré de paroles quand il s'agit des autres, évite ce sujet, mais je sais ce qu'il en pense, puis il n'aime pas les névrosés. Nicolson se gêne moins, il m'a fait part de ses impressions, jusqu'à ne pas me cacher qu'il en avait glissé deux mots à Cambon. Hier, chez Lord Rosebery après dîner, le Roi m'en a parlé, un peu à un autre point de vue. Il m'a dit ne pas comprendre pourquoi à Paris on s'imagine être sous le coup d'une nouvelle manifestation anti-française de la part de l'Allemagne. Il est vrai, m'a-t-il dit, qu'Agadyr a suivi sa [4] dernière visite à Londres.

Ces quelques mots du Roi contribuent à donner le ton du jugement anglais sur ce qui leur revient de Paris. Je crois que l'impression anglaise peut se formuler ainsi: «L'Empereur Guillaume va en Russie chercher quelque chose, qu'il n'obtiendra pas. Il repartira de mauvaise humeur».

J'ai toujours pensé comme vous au sujet de cette fameuse formule, si longtemps débattue [5]. Je vous dirai même que c'est l'opinion de Grey, de Nicolson, et même de Cambon. Grey n'a en réalité fait attention spéciale qu'au protocole de désintéressement pour le trouver absurde. Il me semble pourtant que les choses se calment et votre entrevue avec Poincaré fera le reste, j'en suis convaincu. Je ne puis admettre un instant les extrêmes qui percent dans votre lettre.

Quant à l'emprunt chinois, j'avoue que je penche beaucoup vers le point de vue politique anglais. Cet emprunt est une bonne chose, c'est un frein. Il en faut un. La liberté chinoise à ce point de vue et au point de vue de toute politique prudente ne valait rien. Vous avez vu que maintenant que les banquiers ont signé [6], Grey se réveille. Il a toujours pensé comme cela. Il n'a pas attaché aux formules de ce contrat de banque la même importance que nous, ni une base de garanties. Il est vrai, comme banquier il aime assez avoir affaire à Londres à M. Addis seul. C'est plus commode. De fait c'était comme une sorte de marché. Il lui accorde le monopole de la place de Londres au point de vue financier pour le mieux prendre en main politiquement. Il considère que son rôle commence maintenant dès qu'il s'agit de réellement

---

[1] В оригинале вместо даты написано: «Juin/Juillet».
[2] Письмо Сазонова от 26/13 июня в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[3] См. № 202.
[4] Т. е., Вильгельма II (см. т. XVIII, № 29).
[5] См. № 190.
[6] См. № 208.

fournir des fonds à la Chine. Ainsi je crois qu'il a trouvé que Verstraete, banquier, s'occupait un peu trop de questions politiques et au nom du Gouvernement. La conception est autre, et tient à la différence des relations entre les banques anglaises et le Gouvernement anglais et ces mêmes relations chez nous, et aussi à Paris. Très peu armé à Londres, Grey reprend ses armes maintenant à Pékin, avec l'appui diplomatique.

Je ne crois pas que nous ayons grande difficulté à nous arranger avec le Cabinet de Londres. La France, il est vrai, nous a d'emblée donné la reconnaissance des droits spéciaux sans réserves. Il faut dire que cela ne lui coûtait pas cher. Dans les réserves anglaises il y a beaucoup de considération du Blue Book. Je suis toujours heureux de l'intelligente, habile et très amicale intervention de Cambon. Que son Gouvernement le mette à même d'agir est parfait. Je pense que vous m'autoriserez à arranger avec lui l'exercice de ce droit. Il ne faudrait pas que l'impression de Grey soit que nous préférions le canal français à des pourparlers directs. Il n'aimerait pas cela.

Je vous envoie deux pièces anglaises [1]. L'une plus générale sur laquelle vous ferez, je pense, vos observations, l'autre encore plus immédiatement importante est un memorandum de son entretien avec moi que vous avez approuvé. Vous y verrez qu'il traite les banques très fort en maître.

Comme vous, je pense, certainement, qu'il faut s'arranger avec les Gouvernements anglais, français et en s'adjoignant le Japon constituer une majorité. Les velléités des banques devront se calmer.

Ces deux pièces anglaises peuvent, je crois, très bien servir de premier établi pour nos pourparlers. Je crois que je ferai bien de présenter ainsi la chose en parlant de votre lettre à Grey, je n'ai encore vu que Nicolson qui comprend ainsi les choses.

Il y a la question armée. Qu'il en faille une à la Chine, c'est clair, l'important est la proportion. Je vois là une solidarité. Ici on est fort inquiet des velléités de conquête chinoise du Thibet. La Mongolie sert d'équivalent, peut-être le Tonkin pour la France. Il est vrai qu'il y a une convention pour le Thibet, et aussi un traité anglo-chinois. Tout de même cela me paraît une marche à suivre.

Je crains M. Addis moins que vous. Il défendrait... [2] surtout: 1) sa position à Londres. Il eut peut-être mieux valu ne pas l'attaquer; 2) les intérêts financiers de son syndicat par rapport au nôtre. Quant à une politique spéciale il n'en a pas.

Ce qui marche moins bien, c'est progrès de la popularité en Angleterre du Transpersan. Cette publication Звегинцев si inopportune a été néfaste. Elle a mis dans les roues de Grey tous les bâtons à ramasser dans les rues de Londres. Nous aurons du fil à retordre et il faut du temps. L'opposition forte de ce vieux préjugé anglais, si tenace pour La Manche et pour les Indes, se corse et s'agite. Curzon lui donne son appui. Changé en bien des choses, sur ce point il reste dans l'opposition, et il n'est certes pas sans influence. Il y aura un débat à la Chambre des Lords le 15 juillet, je crois. Avec de la patience cela aboutira, mais nous n'emporterons pas ce point d'assaut.

Je crois comme vous que Marschall ici ne fera rien pour le moment. Pour la paix, il me l'a dit, au cours du quart d'heure que je l'ai vu. Il n'y croit pas. Il est aussi turc que jamais et nie carrément l'existence d'une affaire albanaise, même de cette question. Ici il observera et peut-être plus tard poussera une pointe dans le goût de là, sans aucun succès. On a déjà parlé à Berlin neutralité anglaise [3]. Je crois que c'est autour de cette pensée que se

---

[1] Приложения отсутствуют.
[2] Слово неразборчиво.
[3] В тексте от слов: «Ici il observera» до слов: «neutralité anglaise» пунктуация отсутствует.

concentrent pour le moment les efforts allemands à Londres. C'est toujours le même jeu. Détacher l'Angleterre de l'Entente. A ce sujet, pour qu'on nous dise ici le plus possible, je pense que vous n'hésiterez pas à leur faire part de tout ce que vous pourrez concernant Baltic-Port. La clef de la confiance est là, parce qu'on est convaincu que le jeu allemand avec nous est le même qu'avec l'Angleterre, sous d'autres formes. Il y a de cela dans les paroles du Roi, dont je vous supplie d'ailleurs de ne pas faire usage. D'ailleurs la confiance qu'on nous démontre ici le mérite.

Merci beaucoup de ce que vous me dites concernant mon congé. Je vous assure que ce n'est pas du luxe et que j'en ai réellement besoin. Je voudrais partir les tous derniers jours de juillet nouveau style. Vous savez que Grey revient fort souvent sur le regret de ne vous avoir pas vu ici. Il aimerait bien, je le sais, que vous y repensiez. L'effet, j'en suis sûr, serait excellent, surtout après Baltic-Port, et complèterait votre entrevue avec Poincaré, du succès de laquelle, je le répète, je ne puis douter.

J'ai fait un memorandum confidentiel sur votre télégramme N 1205 [1], concernant les négociations perso-turques. Nicolson m'a seulement dit que selon lui cela doit s'arranger, qu'il le faut, il a mêlé à cette question celle de notre appui pour Mohammerah. Mais je ne connais pas ce côté de la question.

Pour clore j'aimerais vous dire que je suis heureux d'apprendre que le «Новое время» a démenti un bruit, que cette feuille avait lancé et qui s'était infiniment trop répandu d'abord en Allemagne, de façon fort tendancieuse, puis à Paris, fort désagréablement—celle d'un chassé-croisé entre Iswolsky et moi [2]. Ce projet me paraît tout à fait inacceptable et pour moi tout comme impossible. Cette combinaison n'aurait, je crois, eu aucun avantage et des inconvénients de toute nature possible et imaginable.

Ce n'est qu'à la toute dernière minute que je trouve dans les lithographies la lettre d'Iswolsky du [6 juin] 24 mai, son entretien avec Todoroff [3]. Je n'ai le temps ni de réfléchir, ni de m'étendre. Ma première impression pourtant est que si la Bulgarie se lance, qu'on y flaire de l'italien, et qu'on nous voit passifs, s'attendre à ce que l'Autriche reste spectatrice est une illusion complète. Dès lors toute la grande question serait posée et, au point de vue de la paix et de nos intérêts, aussi mal posée que possible. Prise au dépourvu, l'Angleterre sera pour sûr contre toute complication ainsi jetée sur le tapis.

L'impression du traité bulgaro-serbe a été bonne, mais à la condition de notre égide pacificatrice et non sans appréhension que la Bulgarie ainsi fortifiée ne tende à échapper à notre contrôle modérateur et puissant. Le point de vue italien fait ici des progrès sensibles, mais une intrigue bulgaro-italienne indisposerait certainement et on s'attendrait à ce que nous, tout d'abord, calmions tout cela. On sera certainement contre un danger de guerre, et aussi des arrhes prises d'avance sur les résolutions futures de l'Europe. On n'aime

---

[1] См. № 234.

[2] В «Новом времени» от 28/15 июня, № 13023, была напечатана заметка: «По поводу распространяемых заграничной печатью сведений относительно перевода российского посла в Париже мы уполномочены сообщить из авторитетного источника, что российский посол в Париже, Александр Петрович Извольский, ни на какой другой пост не переводится».

В тел. от 6 июня/24 мая за № 266, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Ж. Луи сообщил Пуанкаре следующее: «Узнал из абсолютно авторитетного русского источника, что г. Извольский был очень подавлен 2 недели тому назад и считал свое положение в Париже окончательно скомпрометированным. Он теперь говорит, что снова укрепил свое положение и уверен, что останется на посту. Ваше превосходительство поймет, что было бы нежелательно оставить какие-либо сомнения на этот счет. Слишком долго терпеть г. Извольского в Париже значило бы вернуть ему то доверие, которое он утратил в С.-Петербурге, и рисковать нарушить существующее теперь течение в пользу политики, более соответствующей нашей».

[3] См. № 146.

pas l'idée d'une conférence, on craint les antithèses qui en résulterait, on en écarte la pensée, mais sans conviction bien profonde qu'on pourra y échapper. Les raisonnements Todoroff sont bien subtils. En somme il escompte notre neutralité bienveillante. Comment légitimer une attitude passive sans compromettre notre influence et la confiance que la Russie doit inspirer? Je vous livre mes premières impressions. Nicolson n'a pas aimé du tout que ce traité secret ait eu les honneurs de la presse. Il n'est pas loin de soupçonner le Roi Ferdinand. J'avoue que je n'y vois pas son intérêt.

Bien cordialement à vous et merci encore pour mon congé. Bien entendu qu'avant de revenir ici je viendrai causer avec vous.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Очень вам благодарен за ваше милое и очень интересное письмо от 26/13. К счастью, мне нечего добавить к тому, что я вам уже писал о спокойном настроении здесь по отношению к предстоящему свиданию, разве только, что эта французская нервность вызывает раздражение даже здесь. Грей, очень скупой на слова, когда дело касается других, избегает этой темы, но я знаю, что он об этом думает, к тому же он не любит неврастеников. Никольсон меньше стесняется, он поделился со мной своими впечатлениями, даже не скрыл от меня, что сказал об этом пару слов Камбону. Вчера, у лорда Розбери, после обеда, король говорил со мной об этом несколько с иной точки зрения. Он сказал мне, что не понимает, почему в Париже считают, что находятся под ударом новой анти-французской демонстрации со стороны Германии. Правда, сказал он мне, что Агадир последовал за его [1] последним визитом в Лондон».

Эти несколько слов короля показательны для тона английской оценки тех сведений, которые приходят из Парижа. Мне кажется, что впечатление в Англии можно резюмировать так: «Император Вильгельм едет в Россию добиваться чего-то, чего он не добьется. Он уедет в плохом настроении».

Я всегда был одного мнения с вами относительно этой знаменитой формулы, о которой столько спорили. Я даже вам скажу, что это мнение Грея, Никольсона и даже Камбона. Грей, собственно, обратил внимание лишь на протокол о бескорыстии, признав, что это нелепость. Мне, однако, кажется, что все понемногу успокаивается и ваше свидание с Пуанкаре завершит дело, я в этом уверен. Я ни на минуту не могу согласиться с теми крайностями, которые сквозят в вашем письме.

Что же касается китайского займа, то сознаюсь, что я сильно склоняюсь к английской политической точке зрения. Этот заем хорошее дело, это узда. Таковая необходима. Свобода Китая, с этой точки зрения и с точки зрения любой предусмотрительной политики, никуда не годится. Вы заметили, что теперь, когда банкиры подписали [договор], Грей пробуждается. Он всегда так и думал. Он не придавал формулам этого банковского договора такого же значения, как мы и [не считал его] основой для гарантий. Правда, он предпочитает иметь дело в Лондоне с одним г. Аддисом в качестве банкира. Это более удобно. Фактически это было известного рода сделкой. Он предоставляет ему монополию рынка в Лондоне с финансовой точки зрения, с тем, чтобы крепче взять его в руки с политической точки зрения. Он считает, что его роль начинается теперь, когда речь идет о том, чтобы действительно предоставить средства Китаю. Мне кажется, что он всегда считал, что Верстрат, банкир, немного слишком занимался политическими вопросами и [действовал] от имени правительства. Концепция несколько иная и происходит от разницы отношений между банками и правительством в Англии и теми же отношениями у нас и во Франции. Мало вооруженный в Лондоне, Грей теперь вновь берется за оружие в Пекине, оказывая дипломатическую поддержку.

Я не думаю, чтобы нам было затруднительно договориться с лондонским кабинетом. Франция, правда, сразу без оговорок признала наши специальные права. Надо сказать, что ей это недорого стоило. Английские оговорки в значительной степени вызваны мыслью о «Синей книге». Я всегда радуюсь умному, ловкому и дружескому вмешательству Камбона. То, что его правительство дает ему право действовать — это прекрасно. Я думаю, что вы разрешите мне договориться с ним о применении этого права. Не следует, чтобы у Грея создалось впечатление, что мы предпочитаем французское посредничество прямым переговорам. Ему это не понравилось бы.

Я посылаю вам два английских документа. Один более общий, по которому вы сделаете, я думаю, свои замечания, другой, гораздо более теперь важный — памят-

[1] См. стр. 459, прим. 4.

ная записка о его разговоре со мной, который вы одобрили. Вы усмотрите, что в нем он говорит о банках, как хозяин.

Как и вы, я, конечно, думаю, что надо договориться с английским и французским правительствами и, притянув на свою сторону Японию, создать большинство. Банки должны будут смириться.

Эти два английских документа могут, мне кажется, прекрасно послужить первой ступенью переговоров. Мне кажется, что я поступлю правильно, говоря в этом смысле о вашем письме с Греем; пока я виделся только с Никольсоном, который понимает положение именно так.

Остается вопрос об армии. Что она нужна Китаю, это ясно; значение имеют ее размеры. Я усматриваю в этом деле солидарность. Здесь очень обеспокоены попыткой Китая подчинить себе Тибет. Монголия служит эквивалентом, Тонкин, может быть, для Франции. Правда, относительно Тибета существует конвенция, а также англо-китайский договор. Все же мне это кажется образом действия, которому стоит следовать.

Я меньше опасаюсь г. Аддиса, чем вы. Он в особенности будет защищать...: 1) свою позицию в Лондоне. Пожалуй, выгоднее было не нападать на него; 2) финансовые интересы своего синдиката против нашего. Что же касается особой политической линии, у него ее нет.

Что идет хуже — это создание в Англии популярности Трансперсидской ж. д. Это столь несвоевременное выступление в печати Звегинцева оказалось злополучным. Оно вставило в колеса Грея все палки, которые можно подобрать на лондонских улицах. Нам многое придется исправить и понадобится время. Упорное противодействие, основанное на старом английском предрассудке в отношении Ла Манша и Индии, усиливается и оживает. Керзон поддерживает его. Изменив свое мнение во многом, по этому вопросу он остается в оппозиции, а он, безусловно, не лишен влияния. Кажется 15 июля будут дебаты в палате лордов. При известном терпении успех будет обеспечен, но нам не взять это приступом.

Как и вы, я считаю, что Маршалл ничего не будет здесь делать в настоящее время. В отношении мира, он мне это сказал в течение тех кратких минут, что я его видел. Он в него не верит. Он остается попрежнему турком и категорически отрицает существование албанского дела, даже вопроса о нем. Здесь он будет наблюдать и, может быть, позже сделает выпад в тамошнем стиле, но безуспешно. В Берлине уже говорили об английском нейтралитете. Мне кажется, что германские усилия в Лондоне в настоящий момент сосредоточиваются на этом вопросе. Это все та же игра. Отделить Англию от Согласия. Для того чтобы с нами были здесь возможно откровеннее по этому вопросу, я думаю, вы, не колеблясь, сообщите им все, что можно, о Балтийском Порте. В этом секрет доверия, ибо здесь уверены, что Германия ведет с нами такую же игру, как с Англией, но в иных формах. Это отчасти звучит в словах короля, которые я вас, впрочем, умоляю не использовать. Кстати, доверие, которое нам здесь выказывают, этого заслуживает.

Большое спасибо за то, что вы мне пишете о моем отпуске. Уверяю вас, что это вовсе не роскошь и что я в нем действительно нуждаюсь. Я хотел бы уехать в самые последние дни июля нового стиля. Знаете, Грей очень часто повторяет свое сожаление о том, что вы здесь не были. Он бы очень хотел, чтобы вы вновь об этом подумали. Результат, я уверен, получился бы прекрасный, в особенности после Балтийского Порта, и дополнил бы ваше свидание с Пуанкаре, в успехе которого, повторяю, я не сомневаюсь.

Я составил доверительную памятную записку по вашей телеграмме № 1205 касательно турецко-персидских переговоров. Никольсон мне только сказал, что, по его мнению, это все устроится, что это необходимо; он объединил этот вопрос с вопросом о нашей поддержке относительно Мохаммеры. Но я не знаком с этой стороной дела.

В заключение мне хочется сказать вам, что я очень рад, что «Новое время» опровергло пущенный этой газетой слух, который слишком распространился, в первую очередь в Германии, весьма тенденциозным образом, а затем в Париже, в весьма неприятной форме, об обмене постами между Извольским и мной. Этот проект мне кажется совершенно неприемлемым, а для меня просто невозможным. Эта комбинация, по моему, не представляла бы никаких выгод и все возможные затруднения, какие только можно себе представить.

Только в самую последнюю минуту я нашел в литографиях письмо Извольского от [6 июня] 24 мая о его разговоре с Тодоровым. У меня нет времени ни обдумать его, ни пространно о нем писать. Мое первое впечатление, однако, что если Болгария решится, то это пахнет Италией, а нас считают пассивными; ждать, что Австрия останется зрительницей — полный самообман. С этого момента весь этот большой вопрос окажется открытым и, с точки зрения мира и наших интересов, поставлен так плохо, как только возможно. Застигнутая врасплох Англия будет безусловно против всяких осложнений, так неожиданно возникших.

Впечатление от болгаро-сербского договора было хорошее, но при условии нашего миротворческого руководства и не без опасений, что укрепившаяся таким путем

Болгария не попытается ускользнуть от нашего умеряющего и могущественного контроля. Итальянская точка зрения делает здесь заметные успехи, но итало-болгарская интрига безусловно восстановит против себя, и будут ждать, что, в первую очередь, мы все это успокоим. Конечно, будут против опасности войны, а также против предвосхищения будущих решений Европы. Мысли о конференции не сочувствуют, опасаются противоречий, которые из нее возникли бы, отказываются от мысли о ней, но без большого убеждения, что можно будет ее избежать. Доводы Тодорова очень тонки. В общем он рассчитывает на наш благожелательный нейтралитет. Как оправдать пассивную позицию, не скомпрометировав наше влияние и доверие, которое должна внушать Россия? Я описываю вам свои первые впечатления. Никольсону совсем не понравилось, что этому секретному договору было уделено внимание в печати. Он недалек от того, чтобы подозревать царя Фердинанда. Сознаюсь, что не вижу, какая ему от этого выгода.

Сердечно ваш, и спасибо еще раз за отпуск. Понятно, что перед тем как вернуться сюда, я заеду побеседовать с вами.

Бенкендорф.

II

Морской агент в Англии начальнику морского генерального штаба Ливену.

Письмо № 399. 16/3 июля 1912 г.

В. секретно. Лично. В. доверительно.

От французского морского атташе в Лондоне я узнал, что еще с осени между правительствами Франции и Великобритании состоялись переговоры, вылившиеся затем в виде конвенции (convention), по которой La Manche и прилежащие участки были разделены на округа, внутри коих защита или оборона соответственно бралась Францией или Великобританией. В Средиземном море, по той же конвенции, La Méditerranée occidentale входила в сферу стратегического преобладания на море Франции, которая обязывалась держать в шахмате Италию и Австрию, порознь или вместе, а в случае чего и незначительные морские силы, но важные морские пункты Турции. Мальта включалась во французскую сферу и могла служить, в случае чего... [1] базой для частных операций французского флота [2]. Великобритания обязывалась содержать достаточное число крейсеров для конвоирования коммерческих своих пароходов или вообще английских товаров.

Полагаю, что французский морской атташе сказал мне правду. Если так, то морская политика Великобритании в Средиземном море вполне объяснена, т. е. за предшествующее время, когда выполнение принципа «концентрации в Home Waters» было, кстати говоря, весьма логично поставлено одной из кардинальных государственных задач Великобритании (Mr. W. Churchill, политически, и Prince Louis of Battenberg, профессионально, — главные руководители). Но то было! Ныне ряд фактов политического свойства поколебали взгляды нынешнего слабого великобританского правительства: несогласие Lord'a Kitchener'a на фактическое владение торговым путем в Индию через Суэцкий канал, угроза его уйти; протест палаты лордов и части прессы, чем пользуется оппозиция, в целях стать вновь у кормила правления; наконец, — заседание на-днях Imperial Defence Commitee, на котором после бурных прений, якобы, была принята резолюция, «чтобы правительство установило в Средиземном море не менее, чем 1 Power Standard (т. е. флот, равный флоту Франции, — так я понимаю). Недели 2 тому назад, 1-й морской лорд Admiral Bridgeman, вызвав французского морского атташе для выяснения в деталях действий в La Manche'e, сказал, что сейчас морская политика не установлена и пока

[1] Слово неразборчиво.

[2] Как известно вашей светлости, в Мальту послан un officier supérieur для ознакомления с ресурсами порта. (Прим. оригинала.)

не о чем говорить и что он вызовет французского морского атташе, если надо, после речи Mr. W. Churchill в парламенте (около 23 июня с. г.).

Обращает на себя внимание сходство главных требований английской конвенции и протокола обмена мнений о некоторых стратегических задачах на море, при коих, в присутствии вашей светлости, я имел честь присутствовать в Париже в État-Major Général de la Marine Française [1], т. е. чувствуется указка Sir E. Grey [2].

Примите и пр.

Н. Рейн.

---

[1] См. № 301.

[2] На публикуемом документе имеются две пометы: «К докладу министру. К[нязь] Л[ивен], [24] 11 июля»; «Это надо сообщить министру иностранных дел. И. Г[ригорович], [25] 12 июля».

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

Абдул-Гамид — 2, 3, 243, 272, 362, 392, 442, 454
Абд-эль-Кадер — 409
Аварна — 444
Авдаков — 414
Авереску — 259
Аддис — 8, 9, 12, 17, 103, 104, 118, 119, 120, 122, 123, 151, 162, 163, 173, 184, 185, 192, 194, 374, 459, 460, 462, 463
Айронсайд — см. Бакс-Айронсайд
Ала-эс-Солтане — 90, 336, 396
Александр, королевич сербский — 316, 369, 399
Александр, король сербский — 127
Александр III — 152, 153
Александра Федоровна — 331
Александров, Тодор — 425
Али, эмир — 118, 122
Аликс — 131
Альбриччи — 207
Амелио — 33, 223, 311
Аргиропуло — 237
Арсеньев — 8, 206, 290
Артамонов — 315, 316, 389, 401, 426
Асквит — 49, 98, 100, 108, 132, 150, 323, 324
Ассим-бей — 60, 113, 114, 158, 159, 198, 219, 242, 246, 251, 265, 280, 296, 297, 318, 342, 343, 345, 347, 350, 445
Афанасьев — 85, 406

Базаров — 73, 101
Базили — 281
Бакс-Айронсайд — 128
Барклай — 79, 381, 382
Бароли — 41, 426
Баррер — 15, 29, 35, 36, 65, 68, 82, 83, 87, 94, 96, 125, 134, 135, 138, 249, 308, 330, 334, 450
Баттенберг, Луи — 464
Бахметев — 237, 238, 292, 320, 344
Беляев — 161, 264
Бенак — 294
Бенкендорф — 12, 17, 18, 19, 20, 24, 26, 27, 30, 31, 32, 42, 43, 44, 45, 46, 78, 82, 84, 86, 95, 96, 99, 100, 104, 107, 108, 111, 113, 116, 117, 118, 120, 121, 124, 129, 157, 158, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 169, 173, 174, 177, 178, 183, 184, 185, 194, 195, 216, 217, 218, 220, 222, 223, 226, 227, 228, 231, 271, 279, 289, 291, 305, 306, 307, 321, 322, 323, 324, 346, 347, 348, 349, 354, 382, 383, 462, 464
Бергас дю-Пти-Туар — 299
Березовский-Ольгинский — 128
Беренс — 143
Бертело — 67
Берти — 138
Бертоллини — 280
Берхтольд — 7, 25, 37, 52, 53, 54, 94, 95, 97, 98, 101, 109, 110, 145, 146, 147, 148, 210, 253, 324, 325, 373, 384, 385, 418, 419, 426, 428, 452
Бетман-Гольвег — 72, 73, 74, 101, 266, 269, 270, 271, 295, 324, 331
Бисмарк — 74
Блак-бей — 2
Бобржинский — 37, 38, 52, 53
Бобчев — 175, 176
Богичевич — 348
Бояадари — 260, 362, 372, 444
Бокиер — 329
Боллати — 251, 292, 309, 310, 330, 448, 449, 451, 452
Бомпар — 67, 82, 96, 136, 154, 203, 229, 242, 255, 256, 292, 309, 330, 334, 340, 397, 409, 446, 455
Бонар Лоу — 278, 279, 305
Бонзон — 427
Борис, королевич болгарский — 144, 196
Боткин — 258
Брандстрем — 167
Бретейль — 15
Бриджеман — 464
Броневский — 295, 296, 308, 309, 320, 342, 349, 398, 406, 428, 435, 444
Брюлар — 130
Будберг — 434
Буланже — 328
Бунге — 117
Бунзен — 433
Бьюкенен — 118, 122, 321, 338, 350, 375, 379, 393, 394, 402, 412, 418, 432

Вадбольский — 336
Вакатсуки — 274
Вангенгейм — 389
Вахдеддин — 273
Венизелос — 12, 13, 43, 102, 212, 317, 319, 421, 422
Верстрат — 9, 12, 14, 17, 22, 32, 44, 46, 68, 70, 76, 77, 78, 82, 86, 103, 104, 110, 111, 118, 119, 120, 122, 123, 130, 151, 156, 157, 162, 163, 165, 166, 172, 174, 177, 182, 185, 186, 191, 193, 195, 199, 200, 225, 327, 328, 374, 375, 460, 462

[1] Цифры обозначают страницы.

Веснич — 370
Виктор-Эммануил III — 41, 180
Вильгельм II — 50, 66, 71, 72, 96, 116, 139, 147, 152, 164, 170, 192, 194, 196, 197, 211, 247, 254, 259, 269, 271, 295, 325, 341, 459, 462
Вильгельмина, королева нидерландская — 148
Волконский — 369
Вольпи — 218, 219, 220, 280, 309, 342
Вольф-Меттерних — см. Меттерних
Воронцов-Дашков — 263
Восуг-эд-Доуле — 89, 90, 336
Вукотич — 266

Габриэль-эффенди — см. Норадунгиан Габриэль-эффенди
Гаврилович — 3, 385, 401
Гази-Ахмед-Мухтар-паша — 347, 352, 390
Гайльд — 404
Гарбассо — 220, 280
Гарвин — 107, 108
Гардинг — 355
Гартвиг — 10, 11, 21, 39, 40, 41, 128, 153, 176, 267, 313, 314, 315, 316, 348, 352, 364, 370, 383
Гассан-бей — 227
Герингер — 101
Гейкок — 178
Геллинек — 41, 388, 401, 426
Георг, король греческий — 420, 422
Гетцендорф — см. Конрад фон Гетцендорф
Гешов — 87, 88, 127, 140, 141, 143, 207, 208, 210, 211, 260, 267, 277, 297, 335, 362, 363, 364, 367, 369, 371, 397, 428, 429, 445
Гика — 372
Гирс, А. — 416, 423, 424, 426, 428, 430, 437, 438
Гирс, М. — 2, 16, 22, 60, 78, 83, 84, 103, 111, 112, 113, 114, 154, 158, 159, 169, 176, 198, 212, 220, 227, 228, 230, 237, 242, 244, 245, 246, 251, 252, 256, 265, 272, 273, 281, 291, 297, 318, 319, 339, 342, 343, 345, 347, 348, 350, 352, 358, 359, 366, 373, 377, 379, 389, 390, 391, 392, 393, 409, 410, 418, 424, 425, 431, 436, 438, 443, 445, 446, 455
Гирс, Н. — 25, 37, 38, 52, 53, 54, 94, 97, 98, 109, 144, 145, 146, 171, 206, 254, 325, 349, 373, 418, 426
Гирс, Н. К. — 377
Гогенберг, герцогиня — 144
Гойер — 11, 12, 22, 23, 172, 260, 261, 327, 374, 435, 436
Голеевский — 49
Гондатти — 275
Гото — 155, 231, 232, 274
Грегович — 7, 8, 206
Грей — 12, 13, 17, 18, 19, 20, 24, 26, 30, 31, 32, 43, 44, 45, 46, 51, 84, 95, 96, 102, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 179, 183, 184, 185, 192, 193, 194, 195, 196, 202, 203, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 226, 228, 230, 231, 276, 277, 278, 279, 289, 291, 292, 304, 305, 306, 307, 322, 323, 324, 334, 338, 339, 340, 346, 348, 353, 366, 367, 375, 380, 381, 382, 383, 402, 418, 432, 459, 460, 461, 462, 463, 465
Григорович — 297, 298, 302, 465
Гулькевич — 219, 408, 409
Гуро — 131
Густав V, король шведский — 109, 267
Гучков — 368, 369, 383, 384, 386, 387
Гюйо — 290

Дабижа — 413
Да-Лама — 150, 151
Данев — 60, 61, 62, 141, 175, 176, 209, 210, 236, 260, 277, 362, 363, 364, 369, 429
Данилов — 16, 104, 105, 207, 315, 316, 386
Деко — 128
Делькассе — 258, 285, 297, 298, 332, 378
Демидов — 14, 64, 402
Дервиш-паша — 158, 159, 168, 169
Дешанель — 15
Дешнер — 331
Джабир-паша — 114
Джавид-бей — 168, 243, 296
Джавид-паша — 272
Джахид-бей — 219
Джиолитти — 33, 218, 248, 249, 280, 409
Джордан — 4, 358
Джорджиевич, Владан — 127
Джорджиевич, Милан — 127, 128
Дмитриевич — 34
Дожич — 111, 176, 212
Долгорукий — 180
Дуань Ци-жуй — 440
Дюмен — 144

Ермолов — 48
Ефрем — 22, 89, 91, 178

Жилинский — 2, 3, 238, 257, 258, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 288, 289, 332, 341, 370
Жорес — 131
Жоффр — 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 332
Жоффре — 434

Занкевич — 2, 70, 143, 206, 207, 259
Звегинцев — 117, 303, 460, 463
Зекки-паша — 237
Зиберт — 192, 194

Ибрагим-паша — 379, 424
Ивасита — 155, 274
Игнатьев — 54, 281, 285
Иджуин — 3, 23
Извольский — 6, 13, 14, 15, 17, 21, 25, 26, 28, 32, 51, 56, 61, 63, 64, 65, 67, 68, 81, 87, 92, 96, 102, 104, 116, 121, 123, 124, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 137, 138, 139, 142, 147, 148, 151, 152, 153, 156, 157, 160, 163, 165, 170, 174, 177, 178, 179, 183, 184, 186, 191, 192, 194, 196, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 213, 216, 220, 224, 226, 227, 228,

230, 231, 247, 250, 256, 257, 259, 262, 263, 266, 271, 279, 292, 320, 321, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 339, 341, 347, 348, 349, 350, 361, 362, 377, 390, 397, 404, 416, 449, 450, 451, 461, 463
Иззеддин — 267
Империали — 31, 32, 84, 95, 96, 117, 118, 121, 164
Иноуе — 154
Иованович — 313, 348, 380, 388, 400, 401, 453, 454
Ионеску — 190
Исаак-хан — 235, 393, 396, 410, 411
Искрицкий — 254, 259
Исмаил-ага Симко — см. Симко
Исса Болетинац — 16, 21, 39
Ито — 233, 275, 276
Ихтишам-эс-Солтане — 159

Каввам-эс-Солтане — 89, 90
Кавур — 312
Кайо — 48
Калмыков — 227, 379, 425
Кальхун — 4, 394
Камбон, П. — 8, 85, 86, 99, 100, 103, 104, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 130, 136, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 169, 216, 217, 218, 334, 459, 460, 462
Канева — 186, 187
Канчев — 209
Карл, король румынский — 2, 30, 189, 259, 452
Карлотти — 38
Картер — 167, 168, 243
Картрайт — 53, 385
Карцов — 299, 332, 415
Кассель — 120, 123
Кастельно — 281, 285
Като — 166, 184, 185, 193, 195
Кацура — 154, 155, 231, 232, 233, 274, 275, 276, 376, 377
Керзон — 305, 306, 307, 353, 460, 463
Киамиль-паша — 273, 346, 351, 352, 359, 390, 391, 405, 442
Кидерлен-Вехтер — 87, 101, 149, 211
Кидо — 274
Кирилл, королевич болгарский — 196
Китченер — 49, 98, 100, 108, 150, 464
Клемм — 113, 246, 252, 255, 303, 304, 335, 396, 413
Клотц — 140
Князев — 5
Ковес — 254
Козаков — 5, 443
Коковцов — 3, 9, 10, 17, 23, 24, 32, 42, 45, 46, 68, 70, 76, 77, 78, 79, 80, 84, 103, 104, 110, 119, 122, 138, 151, 155, 156, 163, 173, 183, 186, 197, 214, 216, 230, 233, 252, 254, 271, 293, 295, 302, 303, 327, 328, 329, 332, 338, 349, 370, 374, 401, 402, 412, 414, 415, 447
Кольхорн — 72
Конрад фон Гетцендорф — 259
Контарини — 28, 36, 124, 125, 126, 451
Коромилас — 102, 208, 212, 223, 402, 421
Корси — 33
Костич — 378
Косто Роман — 111
Круа, де ла — 62
Крупенский, А. — 94, 180, 181, 182, 189, 248, 249, 250, 251, 309, 310, 311, 313, 341, 352, 398, 399, 424, 447, 449, 451, 452
Крупенский, В. — 4, 5, 11, 21, 22, 23, 70, 71, 85, 91, 107, 129, 151, 172, 197, 198, 214, 216, 241, 247, 261, 262, 274, 319, 327, 328, 339, 347, 358, 365, 374, 375, 394, 395, 404, 406, 407, 417, 424, 426, 434, 435, 439, 441, 442
Крю — 48, 305, 306, 307
Кудашев, И. — 67
Кудашев, Н. — 418, 425, 428
Кузминский — 406
Кундурос — 190, 191
Куртен — 78, 213
Куюмджиан — 112

Лаврас — 223
Ламорне — 56, 57, 58, 255
Ланксад — 299
Ларош — 449, 452
Лекофр — 178
Леонардо да Винчи — 310, 328, 329
Лермонтов — 290
Ливен — 258, 297, 298, 299, 301, 302, 332, 333, 464, 465
Линбритис — 190, 191
Лиоте — 130, 131
Лиотис — 223
Лобачев — 16, 111, 177, 212
Лори — 280, 408, 409
Лоутер — 84, 251
Луи, Жорж — 6, 13, 14, 15, 21, 28, 44, 46, 64, 65, 66, 67, 68, 96, 110, 118, 122, 136, 137, 138, 147, 152, 156, 163, 165, 170, 179, 184, 195, 196, 199, 201, 202, 203, 220, 225, 235, 247, 257, 262, 263, 279, 292, 293, 308, 330, 331, 334, 461
Лутфи-бей — 351
Лу Цзин-жень — 395
Лу Чжен-сян — 197, 198, 214, 215, 241, 260, 406, 407, 417, 424, 434, 439
Лысаковский — 2, 30, 190, 326, 327, 453
Львов — 86, 103, 104, 110, 119, 122
Люба — 5, 21, 22, 151, 443
Людсканов — 236, 364
Ляпчев — 368, 369, 425

Магомет-паша — 409
Маймон — 416
Майореску — 2, 30, 190, 259, 325, 326, 327, 452
Макаров — 26
Малевский-Малевич — 24, 54, 76, 155, 157, 165, 231, 232, 233, 268, 274, 276, 278, 320, 365, 377, 394, 404
Малецкая — 26, 27, 44, 45, 46, 85, 86, 107, 108, 119, 120, 123, 193, 195, 323
Малецкий — 26
Малинов — 369
Мальвано — 251
Манолеску — 189
Маргания — 178
Мария Федоровна — 27, 331
Марков — 444

Марлинг — 340, 348, 366
Мартинович — 105, 206, 266, 437
Мартынов — 178, 274, 275
Маршалл — 18, 19, 20, 27, 44, 46, 74, 75, 95, 96, 107, 108, 118, 120, 122, 123, 164, 165, 174, 182, 192, 194, 276, 277, 322, 460, 463
Матакович — 408
Маттон — 281, 285
Махмуд-Шевкет-паша — см. Шевкет-паша.
Мацуката — 154
Меньшиков — 54
Мерей — 125
Меттерних — 18, 19, 20, 85, 86, 107, 108
Мехмет-паша Дерала — 378
Милан, король сербский — 127
Милетич — 209
Милованович — 10, 127, 128, 175, 313, 314, 386
Мильеран — 258, 285, 289
Минорский — 114, 158, 159, 168, 169
Мирко, князь черногорский — 2
Михелидаки — 190
Мишич — 426
Мишу — 442
Мольтке — 101
Монтебелло — 378
Морган — 167
Морлей — 305, 306, 307, 353
Морнар — 9, 10, 79, 214, 255, 294, 337, 355, 356, 360, 412
Мотоно — 115, 116, 157, 165, 183, 213, 234, 235, 268, 269
Мохамед-Али-шах — 79, 89, 321, 365, 381, 383
Муанье — 130
Мулай-Гафид — 131
Мулай-Юссеф — 131
Муравьев — 285, 378, 450
Мюнц — 206
Мясоедов — 29

Набоков — 221, 353, 354, 355
Назим-паша — 273, 343, 346, 351, 352
Накамура — 155
Наср-оль-Молк — 90, 91
Натсуаки — 155, 274
Наянту — 424, 425, 434
Неклюдов — 1, 60, 87, 89, 97, 127, 140, 141, 207, 208, 209, 210, 211, 218, 250, 257, 260, 271, 278, 324, 335, 352, 361, 364, 368, 369, 371, 373, 414, 429, 443, 444, 445
Неклюдова — 250
Нелидов — 35, 257, 371
Нератов — 9, 16, 23, 114, 153, 157, 191, 241, 256, 262, 265, 268, 276, 277, 278, 279, 289, 290, 291, 293, 295, 296, 304, 305, 308, 310, 311, 313, 314, 315, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 355, 356, 360, 361, 364, 365, 366, 367, 369, 373, 374, 377, 379, 380, 383, 384, 385, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 434, 436, 437, 438, 439, 441, 442, 443, 444, 445, 447, 449, 451, 452, 453, 454, 455
Николай II — 5, 27, 52, 66, 92, 109, 115, 116, 152, 153, 161, 206, 238, 247, 267, 269, 302, 376, 395, 417, 447
Николай, король черногорский — 2, 6, 8, 35, 40, 104, 126, 205, 206, 210, 265, 295, 352, 385, 386, 397, 401, 407, 413, 414, 417, 423, 424, 437, 438, 448, 453
Николай Михайлович, вел. кн. — 341
Никольский — 22, 90
Никольсон — 18, 99, 100, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 157, 169, 230, 231, 289, 307, 321, 350, 459, 460, 461, 462, 463, 464
Новакович — 314
Ногара — 280, 409, 410
Нокс — 237
Норадунгиан Габриель-эффенди — 352, 389, 390, 391, 409, 430, 442, 446
Нью — 178

Обер — 297, 298, 299, 300, 301, 302, 332, 333
О'Берн — 26, 42, 43, 45, 51, 102, 120, 228, 251, 277, 291, 292, 322, 323
Обнорский — 265, 290, 291, 335, 345, 349, 350, 352, 385, 386, 401, 407, 408, 414, 416, 417, 419, 424
Одагири — 11, 23, 261
Ону — 344
Ота — 274
Ошима — 232
Ояма — 154

Палеолог — 205, 262, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 339, 340, 348, 349, 404, 405, 415, 416, 419, 420, 446, 449
Паллавичини — 325, 431, 455
Пальмшиерна — 29
Панафье — 128, 335, 362, 372
Панса — 174
Парфений, епископ — 369
Паскаль — 137
Пашич — 152, 153, 175, 236, 267, 313, 314, 348, 369, 370, 384, 387, 388, 399, 400
Персиани — 161
Петр, король сербский — 127, 153, 370, 384
Петряев — 112, 236, 237, 360
Пишон — 64, 328
Пламенац — 265, 350, 430, 437
Поггенполь — 20, 28, 34, 35, 36, 37, 69, 71, 82, 83, 84, 87, 93, 125, 126, 135, 138, 180, 182, 188
Поклевский-Козелл — 5, 10, 22, 42, 77, 79, 80, 81, 84, 89, 90, 91, 92, 113, 161, 178, 213, 214, 235, 239, 240, 245, 246, 252, 254, 263, 264, 293, 294, 295, 304, 321, 337, 338, 339, 348, 355, 356, 360, 362, 365, 366, 381, 382, 393, 394, 396, 401, 403, 410, 412, 432
Понсонби — 305
Попович — 111, 212
Поппе — 22
Потапов — 3, 16, 106, 265, 408

Потиорек — 40
Прадильи — 290
Прат — 299
Преображенский — 55, 77, 161, 235, 239, 245, 246, 252, 264, 355, 356, 360, 403
Пресбитеро — 33
Приклонский — 170
Пуанкаре, Анри — 329
Пуанкаре Раймонд — 6, 13, 14, 15, 25, 26, 27, 32, 51, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 81, 82, 83, 86, 92, 96, 102, 116, 117, 121, 123, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 147, 151, 152, 153, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 170, 177, 179, 183, 192, 194, 195, 196, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 213, 220, 226, 228, 230, 235, 247, 255, 256, 257, 258, 262, 266, 279, 292, 293, 297, 309, 310, 320, 328, 329, 330, 331, 332, 334, 335, 340, 350, 378, 397, 404, 415, 416, 418, 419, 435, 444, 447, 459, 461, 462, 463
Пурталес — 266, 271, 444
Путник — 313, 314, 315
Пэджет — 47, 384, 385

Ранскен — 355, 356, 360
Рафалович — 294
Ревельсток — 117, 119, 120, 123
Ревуаль — 219, 243, 244, 340
Рейн — 49, 50, 299, 465
Рейс — 355
Репингтон — 98, 100, 306, 307, 353, 354
Решид-оль-Мольк — 264
Рибарец — 386
Рибо — 328
Риве — 328
Ризов — 248, 250, 368, 398
Риттих — 415
Рифаат-паша — 82, 114, 117, 121, 390
Родд — 84, 95, 96, 118, 121, 122, 164
Розбери — 459, 462
Розетти — 190
Рокфейль — 299
Рузвельт — 238
Рустем-бей — 3, 265, 291, 335, 437, 438
Руффо — 421
Рухлов — 59, 303

Саббах-эддин — 442
Савинский — 30, 54, 55, 109, 166, 167
Сазонов — 1, 4, 5, 6, 9, 10, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 51, 53, 54, 57, 58, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 70, 71, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 102, 103, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 117, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 137, 140, 143, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 157, 158, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 184, 186, 188, 189, 191, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 216, 218, 220, 221, 222, 223, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 240, 241, 242, 245, 246, 247, 248, 249, 251, 252, 253, 254, 255, 257, 262, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 280, 289, 293, 297, 302, 304, 308, 313, 314, 317, 318, 322, 323, 325, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 341, 343, 358, 361, 367, 368, 370, 371, 376, 377, 378, 380, 382, 406, 414, 415, 418, 419, 420, 432, 433, 435, 436, 444, 446, 447, 459, 462
Саид-паша — 317, 318, 319, 343, 345, 351, 358, 359, 408, 446
Саид-Халим-паша — 280, 342, 389, 406, 408
Сайн-Ноин — 151
Сайондзи — 154, 232, 274
Салар-эд-Доуле — 5, 9, 22, 89, 90, 263, 338
Салландруз де Ламорне — см. Ламорне
Сальво, ди — 41
Самсам-эс-Солтане — 90, 245
Сан-Джулиано — 28, 36, 41, 82, 83, 124, 126, 135, 180, 181, 182, 188, 189, 248, 249, 250, 251, 309, 310, 352, 397, 398, 409, 410, 448, 451
Сарафов — 296, 297, 347, 425, 445
Саррьен — 332
Саханский — 303
Свербеев — 39, 43, 102, 211, 369, 371, 402, 420, 421, 422, 423
Свечин — 227, 345
Севастопуло — 131, 258, 341, 404, 405, 415, 416, 419, 420, 446
Сельв, де — 262, 263, 331
Сементовский-Курило — 209
Сепехдар — 235, 239, 245, 246, 264, 321, 322, 335, 336, 355, 356, 360, 365, 396, 403
Серафимов — 212
Сечен — 138, 144
Силаши — 23, 24, 97, 98, 110
Симко — 55, 77, 80, 84, 113
Симон — 32, 162, 163, 374
Сиун Си-лин — 260, 261
Скалеа, ди — 28, 34, 36, 124, 308, 447, 448
Скапинелли — 206
Скрыдлов — 312
Смирнов — 108
Соулет-эд-Доуле — 432
Спалайкович — 127, 369, 370
Спасич — 111, 212
Стааф — 29
Столыпин — 56, 139
Стрейт — 212
Суги — 155, 274
Сун Ят-сен — 106
Сухомлинов — 9, 159, 238
Сфакианакис — 190

Таке Ионеску — см. Ионеску
Талаат-бей — 273
Танкосич, Войя — 16
Тан Шао-и — 172, 241
Тардье — 64, 420
Тарновский — 250, 371, 372
Татищев — 258
Татсуи — 274
Татсуке — 274

Тафт — 237
Тевфик-паша — 343, 346, 347, 351
Терауци — 232
Тилков — 425
Тисса — 170, 171
Титтони — 35, 51, 63, 66, 82, 83, 96, 117, 121, 135, 137, 138, 328, 329, 330
Тодоров — 140, 141, 142, 362, 364, 461, 462, 463, 464
Томанович — 206
Торретта — 188, 280, 308
Тоунлей — 79, 90, 91, 178, 214, 322, 337, 338, 365, 366, 381, 382
Тошев — 388, 400, 401
Трифкович — 313, 348, 384, 386, 387
Турн — 109, 324, 350, 425
Турхан-паша — 83, 84, 103, 136, 280, 308, 415, 436, 445

Уайт — 290, 433
Угрон — 41, 372
Умберто, король итальянский — 397
Урусов — 211, 212, 224, 352, 403, 414, 423, 430
Усатый — 21, 22
Уцида — 24, 75

Фальбек — 30, 54, 109
Фердинанд, король болгарский — 1, 62, 127, 141, 143, 144, 145, 175, 176, 189, 196, 197, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 250, 253, 260, 277, 297, 335, 347, 363, 367, 369, 372, 385, 462, 464
Ферид-паша — 273, 359, 390, 431
Ферман-Ферма — 90
Фетхи-паша — 236, 272
Фидаров — 161, 230
Филиппович — 111
Форгач — 372
Франц-Иосиф — 127, 143, 144, 145, 175, 205, 206, 253, 254, 259, 325, 326
Франц-Фердинанд — 144, 145, 205, 210, 388, 400
Фредерикс — 266, 267
Фузинато — 220, 280, 309, 408

Хаджи Адиль-бей — 112
Хаджи-Михали — 190
Хаджи-Мишев — 429
Хайнольд — 170, 171
Хакки-паша — 446
Хата — 155, 274
Хедин, Свен — 109, 166, 167
Хильми-паша — 359, 425, 446
Хионин — 215
Хитрово — 5
Хишмет-эд-Доуле — 365
Холден — 18, 48, 49, 270
Хольмсен — 42, 78, 103, 237, 379
Хомяков — 302, 303
Хорват — 85, 274, 275
Хуан-Син — 106, 357, 440
Ху Вэй-дэ — 85
Хуршид-паша — 343, 346, 351
Хусейн Джахид — 280

Циммерман — 295, 296, 308, 309, 320, 405, 406, 428, 444

Чарыков — 57, 58, 255, 312, 343
Черчилль — 49, 50, 98, 100, 108, 150, 381, 464, 465
Чэн Дэ-цюань — 440
Чэн Ши-мо — 440
Чирков — 55, 77, 80, 113
Чироль — 353, 354

Шатилов — 5, 80, 230, 252
Шебеко — 73, 74, 75, 148, 149, 150, 175, 197, 271, 295
Шебунин — 102, 191
Шевкет-паша — 33, 114, 219, 272, 273, 343
Шейдеман — 72
Шемуа — 206, 259
Шен — 138
Шиллинг — 28, 98, 134, 266
Шиль — 228
Шифферер — 342
Шоджа-эд-Доуле — 80, 161, 235, 239, 240, 245, 246, 252, 264, 322, 335, 336, 355, 356, 360, 365, 403
Штрандтман — 364, 365, 373, 380, 384, 385, 400, 401, 413, 414, 426, 436, 453, 454
Штюргк — 52, 53, 170
Шустер-Морган — 10, 79, 89, 294

Щегловитов — 120
Щекин — 4, 85, 214, 407
Щепс — 52, 53

Эйн-эд-Доуле — 365
Эйюб — 227
Экгардт — 438
Элеонора, королева болгарская — 143, 196
Энвер-бей — 317, 318
Эренсверд — 54, 109
Эренталь — 8, 53, 98, 110, 145, 325, 385, 426
Эррингтон — 117
Эттер — 320, 350, 404, 424, 432, 445

Юань Ши-кай — 85, 129, 172, 197, 214, 241, 319, 357, 407, 439, 440, 441
Юдин — 231, 292

Ягов — 125, 182, 308, 309
Ямагата — 154
Яхия — 318, 319

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспондентский [1]

Австро-Венгрия

Министерство ин. дел — посольство: №№ 31, 107, 124, 348, 420, 430
Посольство — министерство ин. дел: №№ 45, 58, 59, 60, 148, 149, 150, 180, 212, 262, 318, 433
Военный агент: №№ 71, 213, 266

Англия

Ноты, пам. записки: №№ 15, 30, 228, 248, 282, 294, 330, 363, 370, 375
Министерство ин. дел — посольство: №№ 21, 33, 52, 82, 95, 131, 139, 187, 193, 232, 234, 235, 289, 292, 314, 344, 348
Посольство — министерство ин. дел: №№ 22, 39, 53, 97, 108, 112, 117, 121, 133, 134, 165, 167, 170, 171, 172, 175, 178, 195, 202, 224, 225, 229, 238, 285, 303, 304, 316, 317, 377, приложение I к тому
Ген. консульство в Калькутте — министерство ин. дел: № 353
Дипломатическое агентство в Каире — см. Египет
Военный агент: №№ 54, 55
Морской агент: № 56, приложение II к тому
Перехваченная переписка: №№ 34, 439

Болгария

Министерство ин. дел — миссия: №№ 64, 278, 352, 413
Миссия — министерство ин. дел: №№ 1, 100, 110, 214, 215, 216, 217, 267, 283, 359, 364, 365, 366, 434, 455, 456

Германия

Министерство ин. дел — посольство: №№ 348, 442
Посольство — министерство ин. дел: №№ 75, 76, 77, 152, 153, 154, 155, 184, 204, 297, 335, 402, 423, 432, 454
Военный агент: № 113
Морской агент: № 147

Голландия

Миссия — министерство ин. дел: № 339

Греция

Министерство ин. дел — миссия: №№ 352, 413
Миссия — министерство ин. дел: №№ 46, 114, 218, 230, 397, 435

Египет

Дипломатическое агентство — министерство ин. дел: № 122

Испания

Посольство — министерство ин. дел: №№ 290, 440

Италия

Министерство ин. дел — посольство: №№ 89, 90, 106, 351
Посольство — министерство ин. дел: №№ 23, 36, 41, 42, 43, 44, 70, 74, 92, 93, 99, 135, 136 191, 197, 198, 256, 257, 258, 305, 306, 307, 334, 392, 393, 459, 460, 461, 462

Китай

Ноты, пам. записки: № 388
Министерство ин. дел — миссия: №№ 26, 73, 103, 249, 254, 331, 418, 428, 431, 443

[1] Цифры обозначают номера документов.

Миссия — министерство ин. дел: №№ 4, 5, 13, 28, 120, 138, 181, 205, 223, 268, 280, 312, 355, 362, 387, 403, 404, 441, 448, 449, 450
Консульство в Урге — см. Монголия

Монголия

Министерство ин. дел — консульство в Урге: № 452
Консульство в Урге — министерство ин. дел: № 156

Персия

Министерство ин. дел — миссия: №№ 6, 51, 80, 81, 87, 104, 188, 222, 242, 253, 263, 315, 346, 357, 389, 390, 396, 410, 438
Миссия — министерство ин. дел: №№ 27, 84, 85, 101, 102, 168, 247, 251, 270, 329, 354, 361, 386, 398, 408
Ген. консульство в Тавризе — министерство ин. дел: № 271
Вице-консульство в Хое — министерство ин. дел: № 62

Румыния

Миссия — министерство ин. дел: №№ 2, 38, 199, 319, 320, 463

Сербия

Петр — Николаю II: № 159
Министерство ин. дел — миссия: №№ 352, 376, 413
Миссия — министерство ин. дел: №№ 12, 24, 47, 48, 49, 137, 185, 275, 308, 309, 310, 345, 360, 367, 378, 379, 394, 395, 411, 445, 464
Военный агент: № 381

Соединенные Штаты Америки

Ноты, пам. записки: №№ 313, 399
Посольство — министерство ин. дел: №№ 245, 293, 338

Турция

Ноты, пам. записки: приложение к № 250
Министерство ин. дел — посольство: №№ 91, 94, 116, 252, 259, 332, 419, 427, 444, 453
Посольство — министерство ин. дел: №№ 83, 126, 127, 128, 129, 161, 166, 177, 186, 219, 226, 233, 244, 250, 272, 279, 287, 298, 311, 336, 337, 341, 342, 343, 349, 350, 368, 382, 383, 384, 385, 407, 425, 426, 429, 437, 451, 457, 465, 466
Генеральное консульство в Канее — министерство ин. дел: № 200
Консульство в Битоли — посольство в К-поле: № 356
Консульство в Ускюбе — министерство ин. дел: № 374
Военный агент: № 50

Франция

Ноты, пам. записки: приложение к № 142, №№ 248, 269
Министерство ин. дел — посольство: №№ 7, 21, 25, 32, 33, 88, 105, 115, 132, 160, 174, 187, 189, 194, 201, 206, 207, 221, 227, 231, 236, 255, 273, 286, 295, 314, 344, 347, 348, 372, 373
Посольство — министерство ин. дел: №№ 16, 17, 18, 35, 40, 57, 65, 66, 67, 68, 69, 98, 109, 118, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 151, 157, 158, 179, 190, 196, 203, 208, 209, 210, 211, 264, 265, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 333, 358, 391, 400, 401, 415, 422, 458
Перехваченная переписка: № 243

Черногория

Министерство ин. дел — миссия: №№ 405, 421, 427
Миссия — министерство ин. дел: №№ 8, 291, 328, 340, 380, 406, 412, 416, 417, 424, 436, 446, 447
Военный агент: №№ 3, 19, 119

Швеция

Миссия — министерство ин. дел: №№ 37, 61, 123, 176

Япония

Ноты, пам. записки: №№ 86, 182, 220, 241, 284
Посольство — министерство ин. дел: №№ 78, 162, 173, 239, 240, 281

Переписка министерства ин. дел с другими ведомствами и лицами

Председатель совета министров: №№ 10, 11, 237, 260, 301, 414
Финансов: №№ 20, 29, 72, 79, 96, 125, 183, 296, 321, 369, 409
Министр Двора: № 274
Канцелярия министерства: № 111
Директор Русско-Азиатского банка: №№ 9, 14
Член консорциума Трансперсидской ж. д.: № 302

Переписка других ведомств

Директор Русско-Азиатского банка — м-во финансов: №№ 163, 192

Докладные записки министра ин. дел Николаю II: №№ 130, 169, 277, 371
Докладная записка военного министра Николаю II: № 246
Савонов — Нератов: № 164
Особый журнал совета министров: № 63
Протокол совещания росс. и франц. ген. штабов: №№ 288, 300, 301
Договора, соглашения, конвенции: №№ 276, 299
Записки, справки: № 261

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки [1]

Австро-Венгрия

1. Австро-болгарские отношения — 64, 137, 148, 149, 185, 204, 211, 212, 217, 258, 262, 359
2. Австро-германские отношения — 59, 113, 152, 277
3. Австро-итальянские отношения — 8, 36, 42, 49, 136, 149, 257, 258, 460
4. Австро-итальянские противоречия в Албании — см. Албанский вопрос (1)
5. Австро-румынские отношения — 262, 266, 319, 469
6. Австро-русские отношения — 31, 45, 58, 59, 107, 111, 124, 150, 262, 318
7. Австро-сербские отношения — 8, 42, 48, 310, 367, 381, 395, 430
8. Австро-французские отношения — 149
9. Австро-черногорские отношения — 8, 48, 212, 347, 351, 392, 460
10. Военные приготовления на южной границе Австро-Венгрии — 8, 42, 48, 310, 367, 381, 395, 430
11. Львовский инцидент — 31, 45, 58, 59, 107, 111, 124, 150, 262
12. Новый военный закон — 180
13. Позиция Австро-Венгрии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (1)
14. Позиция Австро-Венгрии в итало-турецкой войне — см. Итало-турецкая война (10)
15. Политика Австро-Венгрии в Албании — см. Албанский вопрос (5)
16. Посещение Берхтольдом Берлина — 59, 113, 152
17. Посещение Берхтольдом Румынии — 463
18. Посещение королем Николаем Австро-Венгрии — см. Черногория (5)
19. Посещение Майореску Вены — см. Румыния (3)
20. Посещение Фердинандом Вены — 137, 148, 149, 185, 204, 211, 217, 258, 262
21. Присоединение Австро-Венгрии к Консорциуму по выпуску реорганизационного займа — см. Китай (8в)
22. Речь Берхтольда в делегациях — 152

Албанский вопрос

1. Австро-итальянские противоречия в Албании — 8, 36, 42, 49, 136, 257, 258, 460
2. Автономия Албании (вопрос о) — 394, 411, 419, 437, 439, 456, 457, 464
3. Восстание в Албании — 8, 12, 19, 24, 38, 42, 47, 71, 136, 186, 233, 244, 267, 272, 279, 297, 318, 319, 340, 356, 374, 383, 394, 397, 401, 411, 419, 426, 435, 437, 439, 457
4. Позиция Греции в албанском вопросе — 397, 435
5. Позиция Сербии в албанском вопросе — 12, 19, 24, 42, 47, 359, 365, 464
6. Политика Австро-Венгрии в Албании — 8, 42, 49, 71, 136, 394, 411, 439, 457
7. Политика Италии в Албании — 36, 38, 42, 70, 136, 460
8. Черногоро-албанские отношения — 3, 8, 12, 19, 42, 136, 340, 411

Англия

1. Англо-американские отношения (законопроект о Панамском канале) — см. США (1)
2. Англо-германские отношения — 22, 34, 53, 54, 56, 77, 121, 134, 147, 155, 172, 174, 184, 193, 202, 277, 282, 303, 316, 377, приложение I к тому
3. Англо-русские отношения — 55, 131, 134, 147, 170, 203, 238, 282, 285, 303, 304, 311, 317, 353, 377, приложение I к тому; см. также Англия (11)
4. Англо-русские отношения в Персии — см. Персия (2)
5. Англо-русские переговоры о русской доле в южном участке Багдадской ж. д. — 178, 189
6. Англо-турецкие отношения — см. Турция (15)
7. Англо-французские отношения — 54, 112, 121, 141, 155, 209, приложение II к тому
8. Англо-японские отношения — 248, 281, 294, 371
9. Внутреннее положение — 54
10. Военно-морские приготовления Англии — 54, 56

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

11. Дело Малецкой — 34, 53, 97, 121, 134, 202, 317
12. Назначение Маршалла послом в Лондон — 22, 34, 53, 77, 108, 121, 134, 172, 174, 184, 202, 282
13. Отношение Англии к заключению русско-японского соглашения — 248, 294
14. Отношение Англии к свиданию Николая II и Вильгельма II в Балтийском Порте — 131, 202, 277, 282, 285, 303, 316, 317, 377, приложение I к тому
15. Позиция Англии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (2)
16. Позиция Англии в итало-турецкой войне — см. Итало-турецкая война (11)
17. Политика Англии в Персии — см. Персия (1, 2, 10, 13, 14а)
18. Политика Англии в Тибете — см. Тибет (1)
19. Посещение Сазоновым Англии — 317, 377, приложение I к тому
20. Совещание английских министров на о. Мальта — 55, 56, 112, 122, 155

Балканский кризис

1. Позиция Австро-Венгрии в балканском кризисе — 49, 71, 307, 318, 319, 347, 351, 379, 381, 415, 420, 433, 437, 460; см. также Австро-Венгрия (10)
2. Позиция Англии в балканском кризисе — 372, 391
3. Позиция Болгарии в балканском кризисе — 49, 64, 100, 146, 185, 211, 216, 243, 256, 267, 275, 278, 283, 318, 327, 359, 364, 365, 378, 381, 385, 391, 392, 394, 435, 456
4. Позиция Германии в балканском кризисе — 277, 297, 359, 401, 402, 415, 432
5. Позиция Греции в балканском кризисе — 214, 397, 435
6. Позиция Италии в балканском кризисе — 351, 392, 460
7. Позиция России в балканском кризисе — 64, 100, 159, 215, 216, 243, 277, 278, 283, 297, 347, 351, 352, 365, 372, 376, 381, 385, 394, 405, 413, 417, 419, 427
8. Позиция Румынии в балканском кризисе — 2, 38, 185, 199, 320
9. Позиция Сербии в балканском кризисе — 49, 243, 275, 345, 359, 360, 365, 376, 378, 381, 392, 394, 395
10. Позиция Франции в балканском кризисе — 243, 347, 372, 391
11. Позиция Черногории в балканском кризисе — 8, 291, 297, 340, 347, 351, 392, 412, 416, 417, 421; см. также Черногория (14)

Болгария

1. Болгаро-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (1)
2. Болгаро-германские отношения — 204, 211, 217, 258, 359
3. Болгаро-итальянские отношения — 267, приложение I к тому
4. Болгаро-румынские отношения — 2, 64, 146, 185, 199, 320
5. Болгаро-сербские отношения — 64, 146, 159, 185, 217, 359
6. Болгаро-турецкие пограничные столкновения — 215
7. Болгаро-турецкое соглашение о смычке железных дорог — 110, 267, 298, 343
8. Болгарский заем во Франции (вопрос о) — 64, 146, 211, 365
9. Греко-болгарский союзный договор — 1, 64, 100, 146, 185, 214, 359, 400
10. Кочанский инцидент — 429, 433, 434, 444, 453, 455, 465
11. Позиция Болгарии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (3)
12. Политика России в Болгарии — 64, 216, 278, 283, 352, 365, 413
13. Посещение Гучковым Болгарии — 365, 378, 381
14. Посещение Даневым России — 64, 185, 216, 283
15. Посещение Фердинандом Вены и Берлина — 137, 148, 149, 185, 204, 211, 212, 217, 258, 262, 359
16. Разглашение сербо-болгарского союзного договора — 137, 211, 258, 366, 401, 415, 445
17. Русско-болгарская военная конвенция (вопрос о) — 64, 216

Германия

1. Военно-морские приготовления — 56, 65, 76, 147, 246
2. Германо-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (2)
3. Германо-английские отношения — см. Англия (2)
4. Германо-болгарские отношения — см. Болгария (2)
5. Германо-итальянские отношения — 74, 154
6. Германо-русские отношения — 277, 285, 297, 335; см. также Германия (18)
7. Германо-турецкие отношения — 402
8. Германо-французские отношения — 144, 145, 151, 153, 155, 179, 209, 210, 265, 323, 422, приложение I к тому
9. Германо-французские переговоры о Багдадской ж. д. — 118, 189
10. Германо-шведские отношения — 37, 61, 176, 288
11. Назначение Маршалла послом в Лондоне — см. Англия (12)
12. Отношение Германии к заключению франко-русской морской конвенции — 442, 454
13. Позиция Германии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (4)
14. Позиция Германии в итало-турецкой войне — см. Итало-турецкая война (12)

15. Политика Германии в Эльзас-Лотарингии — 75, 155
16. Посещение Берхтольдом Берлина — см. Австро-Венгрия (16)
17. Посещение Фердинандом Берлина — 204, 211, 212, 217, 258, 359
18. Свидание Николая II и Вильгельма II в Балтийском Порте — 131, 132, 145, 151, 160, 169, 172, 179, 202, 207, 210, 255, 262, 265, 273, 277, 282, 285, 297, 303, 307, 316, 317, 318, 323, 335, 359, 377, 422, 454, приложение I к тому

Голландия

1. Посещение нидерландской королевой Парижа — 153
2. Укрепление Флиссингена — 339

Греция

1. Греко-болгарский союзный договор — см. Болгария (9)
2. Греко-итальянские отношения (занятие островов) — 46, 112, 218, 230, 397, 423
3. Греко-румынские отношения — 320
4. Критский вопрос — 15, 52, 114, 200, 311, 423
5. Позиция Греции в албанском вопросе — см. Албанский вопрос (4)
6. Позиция Греции в балканском кризисе — см. Балканский кризис (5)
7. Политика России в Греции — 352, 413

Испания

1. Франко-испанские переговоры о Марокко — 209, 290, 440

Италия

1. Внутреннее положение Италии в связи с итало-турецкой войной — 197, 257, 393
2. Итало-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (3)
3. Итало-австрийские противоречия в Албании — см. Албанский вопрос (1)
4. Итало-болгарские отношения — см. Болгария (3)
5. Итало-германские отношения — см. Германия (5)
6. Итало-греческие отношения (занятие островов) — см. Греция (2)
7. Итало-русские отношения — 36, 38, 44, 67, 68, 70, 93, 106, 143, 145, 184, 191, 198, 213, 257, 258, 307, 459
8. Итало-турецкая война — см. рубрику Итало-турецкая война
9. Итало-французские отношения — 36, 43, 66, 68, 105, 106, 134, 135, 143, 144, 191, 209, 257, 258, 288, 306, 307, 322, 326, 459, 461, 462
10. Итало-черногорские отношения — 42, 351, 392, 460
11. Отношение Италии к поездке Пуанкаре в Россию — 459
12. Отношение Италии к свиданию Николая II и Вильгельма II в Балтийском Порте — 307
13. Позиция Италии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (6)
14. Политика Италии в Албании — см. Албанский вопрос (7)

Итало-турецкая война

1. Бомбардировка Италией Дарданелл в апреле 1912 г. — см. Проливы (1)
2. Внутреннее положение Италии в связи с войной — см. Италия (1)
3. Высылка итальянцев из Турции — 74
4. Закрытие Проливов (вопрос о) — см. Проливы (2)
5. Занятие Италией островов Додеканеза — 41, 43, 46, 57, 66, 112, 135, 144, 149, 184, 213, 218, 226, 230, 243, 277, 306, 307, 311, 320, 397, 407, 423
6. Конференция держав (вопрос о) — 23, 53, 66, 89, 92, 99, 109, 115, 134, 135, 144, 146, 151, 214
7. Медиация держав (вопрос о) — 39, 70, 95, 108, 154, 172, 277
8. Непосредственные переговоры между Италией и Турцией — 226, 278, 286, 287, 305, 323, 336, 382, 393, 402, 407, 451, 460
9. Обострение средиземноморского вопроса — см. Средиземноморский вопрос
10. Позиция Австро-Венгрии — 113, 149
11. Позиция Англии — 39, 41, 53, 55, 95, 108, 122, 134, 167, 202, 210
12. Позиция Германии — 95, 108, 113, 154, 191, 277, 278, 286, 305, 323, 402
13. Позиция России — 50, 67, 68, 83, 116, 191, 210, 307
14. Позиция Франции — 41, 43, 57, 66, 67, 68, 109, 134, 167, 209, 210, 286, 323
15. Положение на фронтах — 49, 197, 226, 460
16. Предложение Франции (формула Пуанкаре) — 151, 158, 160, 165, 167, 172, 174, 179, 190, 193, 194, 202, 203, 207, 210, 221, 224, 225, 227, 235, 243, 265, приложение I к тому
17. Прорыв итальянской флотилии в Дарданеллы — см. Проливы (9)
18. Распространение сферы военных действий на о. Самос (вопрос о) — 33, 53, 57, 66
19. Турецкая миссия в Триполитании (вопрос о) — 458, 462
20. Условия мира — 39, 134, 144, 226, 295, 305, 323, 336, 407

Китай

1. Возмещение убытков иностранцам в связи с китайской революцией (вопрос о) — 450
2. Займы и авансы республиканскому правительству отдельными финансовыми группами — 20, 21, 40, 448
3. Китайская революция — 249, 312, 313, 387, 399, 449
4. Назначение иностранных советников — 4, 73, 344
5. Отделение Монголии от Китая (вопрос о) — см. Монголия (1)
6. Пересмотр русско-китайского торгового договора 1881 г. (вопрос о) — 205
7. Признание державами республиканского правительства (вопрос о) — 249, 312, 313, 387, 399
8. Реорганизационный заем — 4, 9, 13, 14, 17, 21, 28, 29, 30, 32, 40, 53, 60, 72, 73, 78, 79, 82, 88, 98, 103, 117, 120, 125, 134, 138, 139, 149, 157, 163, 164, 170, 171, 173, 175, 181, 182, 183, 187, 192, 195, 196, 201, 202, 208, 229, 231, 232, 254, 268, 269, 277, 280, 289, 314, 321, 331, 344, 348, 355, 358, 369, 375, 388, 431, 443, 448, приложение I к тому
   а) Переговоры о присоединении России и Японии к Консорциуму — 9, 13, 14, 17, 21, 28, 40, 53, 72, 78, 79, 82, 88, 98, 117, 134, 139, 149, 157, 163, 164, 171, 173, 175, 182, 183, 187, 192, 195, 196, 201, 202, 208, 231
   б) Позиция держав в этих переговорах:
      Англии — 17, 98, 157, 170, 171, 196, 202, 229, 232
      Германии — 157, 196, 277
      США — 157, 196
      Франции — 17, 88, 98, 117, 157, 163, 164, 171, 231, 232, 255, 269
      Японии — 17, 173, 175, 182, 183, 192, 195, 202, 231, 268
   в) Присоединение Австро-Венгрии к Консорциуму (вопрос о) — 29, 30, 32, 60, 149, 348
   г) заключение синдикального акта — 196, 208
   д) отказ Китая принять условия займа — 254, 268, 280, 314, 355, 388
9. Русско-китайские переговоры о Монголии — см. Монголия (2)
10. Японские инструктора в китайской армии — 362

Марокко

1. Восстание в Феце — 140
2. Интернационализация города Танжера — 440
3. Франко-испанские переговоры — см. Испания (1)

Монголия

1. Отделение Монголии от Китая (вопрос о) — 5, 26, 96, 156, 223, 403, 404, 418, 428, 441, 452
2. Русско-китайские переговоры о Монголии — 96, 223, 403, 404, 418, 428, 441
3. Русско-монгольские переговоры о заключении договора — 156, 452

Персия

1. Авансы в счет займа и их обеспечение — 11, 81, 222, 263, 296, 329, 330, 346, 386, 396, 408, 409
2. Англо-русские отношения в Персии — 285, 377; см. также Персия (14а)
3. Внутреннее положение — 101, 102, 270, 329
4. Восстание Салар-эд-Доуле — 6, 10, 27, 101, 102, 330
5. Джульфа-Тавризская ж. д. — 51, 263, 296, 302, 346, 386, 396, 408, 409
6. Казачья бригада — 251, 253, 329, 390
7. Морнар — 11, 81, 84, 296, 354, 357
8. Назначение начальника тегеранской полиции и реорганизация ее (вопрос о) — 188, 438
9. Политика России в Азербайджане — 242, 247, 251, 253, 260, 271, 315, 329, 354, 357, 361, 390, 398
10. Реставрация Мохамед-Али-шаха (вопрос о) — 315, 361, 377
11. Русские войска в Персии — 10, 87, 101, 270, 389, 410
12. Русско-турецкие столкновения на турецко-персидской границе — 53, 104, 128
13. Трансперсидская ж. д. (вопрос о) — 133, 134, 209, 222, 261, 302, 304, 353, приложение I к тому
14. Турецко-персидское разграничение — 128, 129, 166, 177, 234, 259, 292, 332, 363, 370, 383, приложение I к тому
   а) Англо-русские переговоры — 234, 259, 292, 332, 363, 370
   б) Англо-турецкие переговоры — 259, 292, 332, 363, 370

15. Турецко-персидские столкновения (котурский инцидент) — 62, 80, 85, 94, 128, 129
16. Шведские инструктора — 438
17. Экспедиция против шахсевен — 168, 237, 260, 271, 357

Проливы

1. Бомбардировка Италией Дарданелл в апреле 1912 г. — 2
2. Закрытие Проливов (вопрос о) — 50, 83, 90, 109, 115, 144, 184, 191, 197, 213, 217, 311, 334, 341, 414
3. Позиция Англии в вопросе о Проливах — 134, 144, 167, 202, 213, 225
4. Позиция Болгарии в вопросе о Проливах — 385
5. Позиция Италии в вопросе о Проливах — 93, 213, 459
6. Позиция России в вопросе о Проливах — 50, 66, 93, 116, 134, 144, 167, 202, 213, 225, 307, 311, 414
7. Позиция Румынии в вопросе о Проливах — 2
8. Позиция Франции в вопросе о Проливах — 134, 144
9. Прорыв итальянской флотилии в Дарданеллы — 334, 347, 352, 393, 402, 414

Россия

1. Переговоры о присоединении России и Японии к Консорциуму — см. Китай (8а)
2. Переговоры с США о торговом договоре — см. США (2)
3. Пересмотр русско-китайского торгового договора 1881 г. (вопрос о) — см. Китай (6)
4. Позиция России в балканском кризисе — см. Балканский кризис (7)
5. Позиция России в итало-турецкой войне — см. Итало-турецкая война (13)
6. Политика России в Болгарии — см. Болгария (12)
7. Политика России в Греции — см. Греция (7)
8. Политика России в Персии — см. Персия (1, 5, 6, 9, 10, 11, 13, 17)
9. Политика России в Сербии — см. Сербия (6)
10. Политика России в Тибете — см. Тибет (2)
11. Политика России в Черногории — см. Черногория (4)
12. Русско-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (6)
13. Русско-английские отношения — см. Англия (3)
14. Русско-английские отношения в Персии — см. Персия (2)
15. Русско-английские переговоры о русской доле в южном участке Багдадской ж. д. — см. Англия (5)
16. Русско-болгарская военная конвенция (вопрос о) — см. Болгария (17)
17. Русско-германские отношения — см. Германия (6)
18. Русско-итальянские отношения — см. Италия (7)
19. Русско-китайские переговоры о Монголии — см. Монголия (2)
20. Русско-монгольские переговоры о заключении договора — см. Монголия (3)
21. Русско-турецкие отношения — см. Турция (20)
22. Русско-турецкие переговоры о железных дорогах в Малой Азии — см. Турция (9)
23. Русско-турецкие столкновения на турецко-персидской границе — см. Персия (12)
24. Русско-французская морская конвенция — см. Франция (19)
25. Русско-французские отношения — см. Франция (20)
26. Русско-французские переговоры о железных дорогах в Малой Азии — см. Франция (22)
27. Русско-французские переговоры по балканскому вопросу — см. Франция (21)
28. Русско-черногорские отношения — см. Черногория (12)
29. Русско-шведские отношения — см. Швеция (4)
30. Русско-японские отношения — см. Япония (4)
31. Русско-японские переговоры о заключении конвенции — см. Япония (5)
32. Совещание начальников российского и французского генеральных штабов — см. Франция (10)
33. Совещание начальников российского и французского морских генеральных штабов — см. Франция (11)

Румыния

1. Позиция Румынии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (8)
2. Посещение Бертольдом Румынии — см. Австро-Венгрия (17)
3. Посещение Майореску Вены — 319
4. Румыно-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (5)
5. Румыно-болгарские отношения — см. Болгария (4)
6. Румыно-греческие отношения — см. Греция (3)

Сербия

1. Внутреннее положение — 308
2. Военные приготовления — 309, 381
3. Дело Дожича — 126, 186, 219

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

4. Позиция Сербии в албанском вопросе — см. Албанский вопрос (5)
5. Позиция Сербии в балканском кризисе — см. Балканский кризис (9)
6. Политика России в Сербии — 159, 243, 352, 376, 394, 413, 435
7. Посещение Гучковым Сербии — 365, 378, 381
8. Разглашение сербо-болгарского союзного договора — см. Болгария (16)
9. Сербо-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (7)
10. Сербо-болгарские отношения — см. Болгария (5)
11. Сербо-черногорские переговоры о совместных действиях — 380, 395, 411, 464

Соединенные Штаты Америки

1. Англо-американские отношения (законопроект о Панамском канале) — 293, 338
2. Переговоры с Россией о торговом договоре — 245
3. Переговоры с Турцией о железных дорогах в Малой Азии — 177, 236, 250, 252, 333

Средиземноморский вопрос

1. Обострение Средиземноморского вопроса — 41, 43, 53, 55, 57, 66, 68, 105, 112, 122, 143, 144, 202, 326, 461, приложение II к тому

Тибет

1. Политика Англии в Тибете — 228, 377, приложение I к тому
2. Политика России в Тибете — 377

Тройственное согласие

1. Консолидация Антанты — 112, 121, 141, 155, 209, приложение II к тому; см. также Франция (10, 11, 19)

Тройственный Союз

1. Возобновление Тройственного союза (вопрос о) — 106, 143, 154, 198, 258

Турция

1. Автономия Албании (вопрос о) — см. Албанский вопрос (2)
2. Багдадская ж. д. — 118, 178, 189, 282
3. Внутреннее положение (офицерская лига, смена кабинета и пр.) — 127, 233, 244, 267, 275, 279, 311, 318, 337, 342, 350, 352, 356, 364, 368, 378, 383, 384, 385, 394, 402, 426, 456
4. Восстание в Албании — см. Албанский вопрос (3)
5. Итало-турецкая война — см. рубрику Итало-турецкая война
6. Кочанский инцидент — см. Болгария (10)
7. Критский вопрос — см. Греция (4)
8. Переговоры о турецко-черногорском разграничении — см. Черногория (2)
9. Переговоры с Россией о железных дорогах в Малой Азии — 63, 129, 161, 177, 206, 236, 250, 252, 264, 311, 333, 383
10. Переговоры с США о железных дорогах в Малой Азии — см. США (3)
11. Политика в Македонии — 127, 356, 439
12. Русско-турецкие столкновения на турецко-персидской границе — см. Персия (12)
13. Субсидия черногорскому королю — см. Черногория (8)
14. Турецкий заем во Франции (вопрос о) — 68, 143
15. Турецко-английские отношения — 311; см. также Персия (14б)
16. Турецко-болгарские пограничные столкновения — см. Болгария (6)
17. Турецко-болгарское соглашение о смычке железных дорог — см. Болгария (7)
18. Турецко-германские отношения — см. Германия (7)
19. Турецко-персидское разграничение — см. Персия (14)
20. Турецко-русские отношения — 10, 50, 53, 71, 83, 91, 93, 116, 129, 134, 144, 213, 311
21. Турецко-французские отношения — 68, 143, 209
22. Турецко-черногорские военные столкновения — см. Черногория (14)

Франция

1. Болгарский заем во Франции (вопрос о) — см. Болгария (8)
2. Внутреннее положение — 210, 265
3. Отношение Франции к свиданию Николая II с Вильгельмом II в Балтийском Порте — 132, 145, 151, 160, 169, 179, 207, 210, 255, 265, 273, 277, 323, 422, приложение I к тому
4. Отставка Жоржа Луи (вопрос о) — 7, 16, 18, 25, 35, 53, 67, 68, 69, 134, 145, 255, 265
5. Позиция Франции в балканском кризисе — см. Балканский кризис (10)
6. Позиция Франции в итало-турецкой войне — см. Итало-турецкая война (14 и 16)
7. Политика Франции в Марокко — см. рубрику Марокко
8. Посещение нидерландской королевой Парижа — см. Голландия (1)

9. Посещение Пуанкаре Петербурга — 69, 145, 169, 210, 255, 265, 324, 373, 415, 454, 459
10. Совещание начальников французского и российского генеральных штабов — 264, 265, 288, 323, 325
11. Совещание начальников французского и российского морских генеральных штабов — 265, 300, 301, 323, 325, 373, приложение II к тому
12. Турецкий заем во Франции (вопрос о) — см. Турция (14)
13. Франко-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (8)
14. Франко-английские отношения — см. Англия (7)
15. Франко-германские отношения — см. Германия (8)
16. Франко-германские переговоры о Багдадской ж. д. — см. Германия (9)
17. Франко-испанские переговоры о Марокко — см. Испания (1)
18. Франко-итальянские отношения — см. Италия (9)
19. Франко-русская морская конвенция — 299, 300, 301, 325, 373, 415, 442, 454, 459
20. Франко-русские отношения — 7, 16, 18, 25, 35, 53, 67, 68, 69, 132, 142, 144, 145, 151, 160, 169, 179, 206, 207, 209, 210, 243, 255, 264, 265, 277, 288, 299, 300, 301, 323, 324, 325, 373, 415, 422, 442, 454, 459, приложение I к тому
21. Франко-русские переговоры по балканскому вопросу — 142
22. Франко-русские переговоры о железных дорогах в Малой Азии — 63, 161, 206, 236, 250, 264, 288, 333
23. Франко-турецкие отношения — см. Турция (21)

Черногория

1. Дело Дожича — см. Сербия (3)
2. Переговоры о турецко-черногорском разграничении — 272, 291, 297, 328, 349, 446, 466
3. Позиция Черногории в балканском кризисе — см. Балканский кризис (11)
4. Политика России в Черногории — 291, 340, 347, 351, 405, 406, 413, 417
5. Посещение королем Николаем Австро-Венгрии — 8, 136, 212
6. Присоединение Черногории к сербо-болгарскому союзу (вопрос о) — 64, 216
7. Пропуск военных грузов из России (вопрос о) — 119, 421
8. Субсидия королю от турецкого прав-ва — 3
9. Черногоро-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (9)
10. Черногоро-албанские отношения — см. Албанский вопрос (8)
11. Черногоро-итальянские отношения — см. Италия (10)
12. Черногоро-русские отношения — 212; см. также Черногория (4)
13. Черногоро-сербские переговоры о совместных действиях — см. Сербия (11)
14. Черногоро-турецкие военные столкновения — 291, 328, 405, 406, 412, 413, 416, 417, 420, 424, 425, 427, 432, 433, 434, 436, 446, 447, 460, 466

Швеция

1. Нейтрализация (проект) — 37
2. Свидание Николая II с Густавом V — 123, 274, 373
3. Шведо-германские отношения — см. Германия (10)
4. Шведо-русские отношения — 37, 61, 176, 288
5. Шведские инструктора в Персии — см. Персия (16)

Япония

1. Посещение Кацура России — 162, 239, 240, 281, 371
2. Присоединение России и Японии к Четверному консорциуму (вопрос о) — см. Китай (8а)
3. Японо-английские отношения — см. Англия (8)
4. Японо-русские отношения — 5, 162, 239, 240, 281, 371
5. Японо-русские переговоры о заключении конвенции — 86, 130, 220, 241, 248, 276, 284, 294
6. Японские инструктора в китайской армии — см. Китай — (10)

Перевод Е. Желябужской. Редактор А. Могилевич.

Техред И. Д. Галактионов Корректора Н. Михайлова и Л. Лойцянская.

Сдано в набор 2/VI 1939 г. Подписано к печати 1/VIII 1939 г.
Государственное издательство политической литературы № 2064
Формат 70 × 108¹/₁₆. 31¹/₈ печ. л. Уч.-авт. л. 47,78. 134.400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 1080.
Леноблгорлит № 3623.
Тираж 15 000 экз. Цена книги 12 руб.
Бумага фабрики Вишерского бумкомбината.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
15	17 сн.	отоввание	отозвание
55	4 св.	заставляют	заставляет
69	1 сн.	признаки	признаки».
151	9 сн.	стр. 121,	стр. 119,
162	15 сн.	à prescrit	a prescrit
306	13 св.	défénse	défense
353	12 сн.	его	ее
368	1 сн.	стр. 363,	стр. 361,
375	22 сн.	которое	которые
402	3 сн.	июля	июня

Международные отношения в эпоху империализма, т. XX, ч. I. Заказ № 1080.

147

149